

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Law 23614

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

16 Мая
МАЙ.

1874.

ДѢЛО

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ. (Глава VI—XII). . . . . МАРІЯТА.
- II. ВЪ САДУ. Стихотвореніе. (Изъ Копце) . . . . . М. Н.
- III. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ. (Окончаніе. Переводъ съ англійскаго.) . . . . . ИСТИНСЪ ФЛЕМИНГА.
- IV. ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стихотвореніе . . . . . М. Н.
- V. ДВА МИРА. Романъ. (Часть вторая. Гл. I—IV). НАТАЛЬЯ ЛЪЗВОВА.
- VI. ЖИЗНЬ ГОРОДОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. . . . . А. МИХАЙЛОВА.
- VII. ЭДГАРЪ ПО. . . . . И. Ш.
- VIII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ШВЕЦІИ И НОРВЕГІИ. . . . . А. МИХАЙЛОВА.
- IX. УРГУТЬ. (Изъ походныхъ записокъ ливейца) . . . . . И. И. БЫРАЗИНА.
- X. ВЪ ОЖИДАЕИИ ЗЕМНЫХЪ ВЛАГЪ. Романъ. (Часть третья) . . . . . ГРИНВІЛЛА МОРРЕЯ.
- XI. ВЪ НОЧНОМЪ. Стихотвореніе . . . . . И. З. СУРНЕВЪ.

См. на оборотъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. ВЪКОНЪ. Его жизнь и историческое значеніе.

(Окончаніе). . . . . С. СТАВРИНА.

XIII. ЧЕРТЫ ИЗЪ ХАРАКТЕРА СТАРОЙ РУСИ . . . С. С.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей.

Н. Костомарова. Выпуски I—V. Спб. 1873—1874.

XIV. НОВЫЕ МОТИВЫ НѢМЕЦКАГО РОМАНА . . . Н. РАДЮКИНА.

XV. НОВЫЯ КНИГИ.

Васни и сказки дикихъ народовъ. Перев. съ англійскаго. Спб., 1874 г.

Тридцать лѣтъ въ Турецкихъ гаремахъ. (Thirty years in the harem).

Автографія жены великаго визиря Кипризи-Мегеметъ-паши, Мелекъ-

Ханумъ. Перев. съ англ. Спб. 1874. — Жизнь знаменитыхъ грековъ,

изложенная (!) по Плутарху Альфонсомъ Фелье. Перев. съ франц.

Съ 52 рис. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1874. — Эскъ. На поль-пути. Очерки и замѣтки. Спб. 1874.

XVI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРО-

НИКА . . . . .

Частная жизнь парижскаго общества. — Брачныя агентуры. — Изобрѣт а-

тельница новой расы. — Двѣсти невѣстъ. — Печальные результаты непро-

порціональности въ лѣтахъ супруговъ. — Специальное агентство для наблю-

денія за женами. — Комическій исходъ трагическаго замысла. — Дѣла и дѣ-

ловые люди. — Очистка парижской биржи. — Предусмотрительный кулисъ. —

Трансконтинентальная компанія. — Надуваніе въ грандіозныхъ размѣ-

рахъ. — Подогрѣваніе предпріятія. — Легкій способъ зажимать ротъ про-

тивникамъ. — Журналистъ клерикальнаго закала. — Мошенническая про-

дѣлка Буало. — Успѣхъ подписки на акціи трансконтинентальной компа-

ніи. — Въ чьихъ карманахъ очутились 22 милліона, полученные этой под-

пиской? — Промышленное общество. — Участіе бонапартистовъ. — Лопецъ и

Лопецъ, совмѣщающій въ одномъ себѣ цѣлую компанію. — Дювернуа. —

Банки-газеты. — Противорѣчія между закономъ и практикою. — Подрядъ

барона Сельера. — Швейцарь, изучающій банковое дѣло. — Компанія ла-

кеевъ. — Финалъ этого предпріятія. — Господствующій порокъ парижскаго

общества.

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обвиненіе пермскаго земства. — Логика этого обвиненія. — *Chacun pour*

soi, Dieu pour tous — общее наше правило, когда поднимется вопросъ объ

общественныхъ налогахъ. — Образованіе купцовъ на счетъ народа. — Перм-

ская ветеринарная школа. — Естественныя богатства страны и неумѣнье

съ ними справиться. — Но виновато-ли въ этомъ земство? — Съѣздъ зем-

скихъ врачей пермской губерніи. — Значеніе народнаго здоровья. — Роль

фельдшера въ земской медицинской практикѣ. — Необходимость гигиены

въ крестьянскомъ быту и полное непониманіе ея. — Больницы и школы,

игнорирующія элементарныя условія гигиены. — Полезная дѣятельность

общества врачей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1874 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1874 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія семь лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой . . . . . 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПРАВИЛА
—
ПРОГРАММЫ

ДЛЯ ПОСТУПЛЕНІЯ ВЪ ВЫСШІЯ И СРЕДНІЯ

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

ГРАЖДАНСКАГО, ВОЕННАГО, МОРСКАГО И ДУХОВНАГО ВЪДОМСТВЪ

на 1874—75 учебный г.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

Исправленное и дополненное на основаніи данныхъ, сообщенныхъ и
опубликованныхъ начальствами учебныхъ заведеній.

Цѣна 1 р. 25 к. безъ перес.; съ перес. 1 р. 50 к.

Книгопродавцамъ и выписывающимъ на цѣнѣ 10 экземпляровъ дѣлается
уступка 20%.

050

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ш.б. 986

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШКОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1874.

i-
P510V 251.4 (8, no. 5)

000

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
28 JUL 1965

6542

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 июля 1874 года

[Handwritten signature]

ВТОРАЯ ЖЕНА. *)

РОМАНЪ

МАРЛИТА.

ГЛАВА VI.

Молодая женщина стояла одна, посреди совершенно чуждой обстановки. Въ первую минуту ее охватилъ безотчетный страхъ, она побѣжала по комнатамъ и пробовала всякую дверь. Нѣтъ, онѣ не заперты и даже стеклянная дверь одной изъ залъ, ведущая въ садъ, отворилась при малѣйшемъ напорѣ руки, и ничто не мѣшало ей тайно оставить этотъ домъ... Вѣзжать? но развѣ она не добровольно вошла въ него? Развѣ не отъ нея единственно зависѣло сказать „нѣтъ“, несмотря на гнѣвные и грозные взгляды матери и просьбы братьевъ и сестеръ?.. Она безразсудно поддавалась ужасному заблужденію, а въ этомъ заблужденіи виновато ея институтское воспитаніе. Большая часть ея подругъ, аристократическаго происхожденія, не располагали собою; родители обручали ихъ по своему усмотрѣнію и почти всѣ онѣ очень скоро по выходѣ изъ института были выданы замужъ, а одна изъ нихъ, прелестная молодая женщина, вышла безъ малѣйшаго противорѣчія за старика помѣщика, искренно любя въ то-же время простого бюргера... Подъ вліяніемъ этихъ фактовъ и совѣтовъ матери и родныхъ Ліана вообразила, что бракъ просто дѣло случая. Магнусъ и Ульрика хотѣли спасти ее отъ домашняго ада; она не противилась этому, поэтому она не имѣетъ ни малѣйшаго права жаловаться на Майнау, что онъ обманулъ

*) См. № 1 „Дѣла“, гл. I—V.

«Дѣло», № 5.

ее. Да къ тому-же у нея не было никакого приданого, кромѣ намѣренія честно выподнять свои новыя обязанности. Теперь повязка спала съ ея глазъ! Она навсегда разлучена съ тѣми, кого любила, и не имѣетъ ни малѣйшей надежды на вознагражденіе за эту жертву; да, она должна оставаться холодною къ тому человѣку, съ которымъ связана на вѣки, который не можетъ дать ей любви и меньше всего желаетъ ея любви... Цѣлая долгая жизнь на чужбинѣ безъ малѣйшей надежды на взаимную симпатію!

Она посмотрѣла вверхъ и взглядъ ея остановился на волнахъ ярко-голубого атласа. Тутъ только она замѣтила, что со всѣхъ сторонъ ее окружаетъ эта блестящая матерія... Судя по горькой ироніи, съ которой Майнау говорилъ о женщинѣ, недавно еще жившей въ этихъ комнатахъ, она, вѣроятно, была капризнымъ созданіемъ, избалованнымъ ребенкомъ; на что-нибудь разсердившись, она стучала маленькими ножками, падала на полъ и билась своимъ нѣжнымъ, избалованнымъ тѣломъ, что, впрочемъ, могла дѣлать безнаказанно, такъ-какъ подъ ногами разстился толстый коверъ, усѣянный голубыми цвѣтами, и во всемъ маленькомъ, роскошномъ будуарѣ не было видно ни малѣйшаго деревяннаго ободка—вездѣ были подушки и мягкій, блестящій атласъ!.. Ліана отворила одно изъ оконъ,—покойница, должно-быть, просто захлебывалась запахомъ жасмина: весь воздухъ былъ пропитанъ его ароматомъ, который проникалъ даже сквозь занавѣси и портьеры. Но что это? ужь не вздохъ-ли разсерженной, легкомысленной, изъ кружевъ сотканной души, которая на крыльяхъ ангельской скромности вернулась на небо, пронесся подъ потолкомъ въ ту минуту, какъ вторая жена, сильнымъ движеніемъ отворяя окно, какъ-бы вступала во владѣніе этими комнатами? Ліанѣ послышался легкій, какъ дуновение, но тѣмъ не менѣе отчетливый жалобный звукъ женскаго голоса. Она остановилась, затаивъ дыханіе и прислушиваясь. Въ эту минуту вошла горничная съ докладомъ, что все готово для одѣванія.

— Что это такое? спросила Ліана. Она уже переступала порогъ другой комнаты, какъ снова явственно послышался жалобный вздохъ. На этотъ разъ было несомнѣнно, что онъ проходитъ черезъ окно.

— Тамъ на деревѣ виситъ золова арфа, сударыня, сказала горничная.

Лиана посмотрѣла въ окно и покачала головой.

— На дворѣ нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка!

— Ну, такъ этотъ звукъ доносится, можетъ быть, оттуда, гдѣ уже много лѣтъ лежитъ больная женщина, сказала горничная, показывая на виднѣвшуюся вдали проводочную рѣшотку, за которой возвышался розоватый блестящій обелискъ.—Я ничего не знаю, я сама еще всего восемь дней въ Шенвертѣ... Прислуга не виѣшивается въ эти дѣла, въ кухни мнѣ только сказали, что эту несчастную кормятъ изъ милости... Это просто ужасъ... говорятъ, что она даже не крещена... Но я не рѣшаюсь выходить за рѣшотку, я боюсь большого, коварнаго быка, а на деревьяхъ пищать обезьяны... противныя животныя... тѣфу!

Лиана молча прошла въ сосѣдную комнату и отдалась на волю ловкой болтушки. На этотъ разъ вокругъ невѣсты шуршала серебристая матерія, и когда она черезъ полчаса встрѣтилась въ голубомъ будуарѣ съ Майнау, онъ замѣтно отшатнулся. „Сущая вѣха“ умѣла носить шлейфъ изъ серебристой матеріи, „сущая вѣха“ имѣла плечи и руки такой поразительной красоты, что только полное отсутствіе кокетства и цѣломудренная серьезность могли постоянно скрывать такіа прелести подъ покровами одежды. Вѣнокъ изъ флеръ-д’оранжа покоился на высокоподнятыхъ презрѣнныхъ рыжеватыхъ волосахъ; какъ-бы покрытые золотистой росой, поражая могучей красотой, отдѣлялись они отъ блестящихъ голубыхъ стѣнъ комнаты.

— Благодарю тебя, Юліана, что ты съ такимъ тактомъ подавила свое пристрастіе къ скромнымъ костюмамъ и являешься въ моемъ домѣ въ томъ видѣ, какого требуетъ твое теперешнее положеніе, сказалъ Майнау радостно, хотя и не безъ нѣкотораго смущенія.

Она подняла темнорусыя рѣсницы; изъ-подъ нихъ пристально взглянули на него не блѣдно-голубые глаза а ля Лавальеръ, а большіе темносѣрые глаза, исполненные ума и мрачной серьезности.

— Не думайте обо мнѣ слишкомъ хорошо! сказала она хладнокровно, не употребляя еще того „ты“, которое такъ легко давалось ему.—Не изъ скромности шла я въ простомъ платьѣ къ алтарю въ Рудисдорфѣ,—называйте это гордостью, высокоуміемъ,

какъ хотите... Я очень хорошо знаю, что многія женщины, портреты которыхъ помѣщены въ рудисдорфской мраморной галлерей, носили на плечахъ и на подолѣ горностаи—я также имѣю право носить ихъ... Но потому самому я не могла надѣть этого даренаго великолѣпія—(она провела рукою по своему платью),—не могла ходить съ этимъ шлейфомъ по отцовскому дому, въ которомъ намъ въ настоящую минуту не принадлежитъ ни одинъ камень. Я думала, что этотъ звукъ долженъ будетъ разбудить всѣхъ Трахенберговъ, которые покоятся въ могилѣхъ подъ алтаремъ, а имъ именно теперь надо дать покой. Здѣсь-же, гдѣ я становлюсь представительницей вашей фамиліи, здѣсь умѣстенъ и вашъ подарокъ.

Онъ закусилъ губу. Взглядъ его, устремлявшійся то на ея спокойно двигавшіяся губы, то на ея безстрашные, неопускавшіеся внизъ глаза, выражалъ непріятное, сердитое удивленіе.

— Ну, Трахенберги могли-бы спокойно проснуться, сказалъ онъ съ насмѣшкой.—Ихъ извѣстная фамиліная гордость продолжаетъ существовать и очень энергично проявляется, а это навѣрно утѣшило-бы ихъ за тѣ глупости, которыя ты сейчасъ говорила.

Она ничего не отвѣтила и величественно переступила черезъ порогъ двери, которую онъ отворилъ съ почти ироническимъ поклономъ. Идя рядомъ съ нею, онъ былъ совершенно не тотъ легкомысленный свѣтскій человекъ, который велъ ее къ алтарю въ Рудисдорфѣ съ такой граціозной вольностью, какъ будто шелъ къ обѣденному столу,—не тотъ смѣлнй укротитель несущихся лошадей, который при встрѣчѣ въ лѣсу съ торжествомъ посмотрѣлъ вслѣдъ блѣдной княгинѣ,—въ эту минуту онъ испытывалъ ту-же борьбу, которую испытала его молодая жена; онъ, очевидно, и глубоко каялся въ томъ шагѣ, который онъ сдѣлалъ, понадѣявшись на слова графини Трахенбергъ, увѣрившей его, что изъ этого кроткаго созданья онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ... Еще есть время, еще церковь не произнесла на вѣки связующаго слова, отрицающаго всякій разводъ...

Вдругъ шелестъ длиннаго, тяжелаго шлейфа прекратился; молодая женщина не рѣшалась идти дальше; она отняла руку, лежавшую въ его рукѣ. Онъ невольно остановился и повернулъ къ ней свое задумчивое лицо. Одинъ взглядъ на ея поблѣд-

нѣвшее лицо открылъ ему, что происходило въ ней; съ выразительной, насмѣшливой улыбкой взялъ онъ отдернутую руку, крѣпко сжавъ, положилъ ее снова въ свою и пошелъ дальше, сквозь ряды одѣтой по-праздничному прислуги, стоявшей передъ массивными съ бронзовой отдѣлкой церковными дверями... Она послѣдовала за нимъ,—но не какъ жертвенный агнецъ, покорный своей судьбѣ,—нѣтъ, гордая бабушка-принцесса въ галлерей предковъ навѣрное не нашла-бы никакой погрѣшности въ величественной осанкѣ внука, въ сосредоточенно-спокойномъ выраженіи лица, которое не давало ни малѣйшаго повода предположить усиленное біеніе взволнованнаго сердца.

Какъ великолѣпна была церковь, въ которой она должна была вѣнчаться, по обряду своего мужа! Такого великолѣпія ей еще не приходилось видѣть. Весь алтарь былъ залитъ серебромъ. Тысячи свѣчъ горѣли въ канделябрахъ матоваго серебра, а вся церковь была уставлена оранжерейными растениями. Священникъ въ великолѣпной ризѣ поразилъ ее. Она испугалась его сверкающаго, глубоко-удивленнаго взгляда, брошеннаго на нее, пристально ее разсматривавшаго и проникавшаго ей въ сердце; она пугливо отшатнулась отъ него; но вскорѣ собралась съ силами, когда началась служба и священникъ сталъ говорить о вѣчной любви и самоотверженіи, о ненарушимости ея брачнаго союза. Тутъ она вполне поняла то глубокое оскорбленіе, какое наносилось ей этимъ бракомъ съ человѣкомъ, который ее не зналъ, не чувствовалъ къ ней никакого расположенія и женился на ней ради какихъ-то постороннихъ цѣлей, для удовлетворенія своего безграничнаго эгоизма. Юліана страдала сознаниемъ своего оскорбленія и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожала передъ патеромъ, жгучій взглядъ котораго не покидалъ ее, и она—сама не зная почему—схватила вдругъ вуаль и закрыла имъ шею и руки.

Наконецъ, окончился этотъ день, самый тяжелый и роковой въ ея жизни; наступила та желанная минута, когда она затворила дверь, ведущую изъ ея комнатъ въ коридоръ съ колоннами и отдѣлявшую ее отъ всѣхъ обитателей замка. Она отослала горничную, сама сняла брачный нарядъ и надѣла бѣлый капоть. Но спать она не могла; чувствуя себя одинокой на чужбинѣ и мучась болѣзненною тоскою по родинѣ, она захотѣла

посмотрѣть на какой-нибудь предметъ, привезенный съ родины. Быстро отворила она ящикъ, который по ея желанію принесли въ залу. Наверху лежала тетрадь ея сочиненій, писанныхъ ея же рукой; она невольно вскочила и пугливо посмотрѣла на масляный портретъ, висѣвшій противъ нея: это былъ онъ, этотъ красавецъ съ загадочнымъ лицомъ, выразившимъ то страсть, то убійственную холодность, то величайшую доброту, то извѣстнѣйшую насмѣшку! Ей стало страшно отъ этихъ противорѣчій. Она быстро свернула рукопись; даже портрету его она боялась вѣрять свою завѣтную тайну.

„Майнау выбѣть изъ твоей головы ученость“, сказала графиня Трахенбергъ; сегодня вечеромъ за столомъ, по поводу спора о женской учености, онъ высказалъ съ презрѣніемъ, что не знаетъ, какая женщина болѣе виновна—та-ли, которая изъ тщеславія и страсти къ удовольствіямъ забываетъ о своихъ дѣтяхъ, или тотъ синій чулокъ, который выгоняетъ изъ комнаты своихъ дѣтей, чтобы писать стихи или другія сочиненія. Чернильное пятно на рукѣ женщины для него противнѣе безобразнаго лица.

Она подошла къ письменному столу, чтобы спрятать въ него всѣ свидѣтельства ея прежней умственной дѣятельности; столъ былъ изъ розоваго дерева и чрезвычайно изящной работы. Какимъ мыслямъ предавалась тутъ „вѣтренная, легкомысленная душа“? Весь карнизъ стола представлялъ фигуры и группы, жившія почти всѣ болѣе или менѣе легкомысленный, даже соблазнительный видъ; какъ могло это согласоваться съ строгою скромностью? Ліана съ усиліемъ вытащила одинъ ящикъ—онъ былъ почти до краевъ наполненъ свертками золота; это были, очевидно, ея деньги „на булавки“. Она съ испугомъ снова задвинула ящикъ и повернула ключъ. Это открытіе и комнатный воздухъ, пропитанный испареніями жасмина, заставили ее подойти къ стеклянной двери сосѣдней комнаты.

За спущенными портьерами она не замѣчала, что на дворѣ полнолуніе. Она отшатнулась. Блестательный и чуждый ей Шенвертъ лежалъ передъ нею посреди скалистыхъ зубчатыхъ горъ, частію покрытыхъ густымъ высокимъ лѣсомъ, которая окружали его со всѣхъ сторонъ. Она вышла изъ комнаты подъ навѣсъ. Какой контрастъ между новѣйшимъ внутреннимъ расположеніемъ

комнать и этими древними могучими группами колонъ, которыя подымались въ строгой красотѣ и образовывали вверху безукоризненно круглую арку. Не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, но въ верхнихъ слояхъ воздуха, вѣроятно, было движеніе, такъ какъ изрѣдка раздавался раздражающій звукъ золотой арфы, подобный звону стекла.

Среди этой прелестной тишины раздались вдругъ поспѣшные человѣческіе шаги; молодая женщина отступила въ тѣнь простѣнка, а изъ за-сѣвернаго угла дома показался Лео. На маленькихъ босыхъ ногахъ его были туфли; зеленые бархатные панталоны, очевидно, одѣтые второпяхъ, онъ придерживалъ обѣими руками, а отороченная кружевами ночная рубашка раскрывала грудь и плечи, освѣщаемыя луннымъ свѣтомъ. Мальчикъ пугливо осмотрѣлся и бѣстро подбѣжалъ къ проволочной рѣшоткѣ. Молодая женщина догнала его, сдѣлавъ нѣсколько легкихъ, слышимыхъ шаговъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, Лео? спросила она, схвативъ его за руку.

Лео вскрикнулъ.

— Ахъ, это новая мама, пробормоталъ онъ, видимо успокоенный.— Скажешь ты объ этомъ дѣдушкѣ?

— Если ты дѣлалъ что-нибудь нехорошее, то, конечно, скажу...

— Нѣтъ, мама, увѣрялъ онъ своимъ упрямо-твердымъ голосомъ, откидывая спутанные локоны. Онъ, очевидно, всталъ съ постели.— Я только хочу снести Габріелю шоколадныя конфеты. Я не самъ взялъ ихъ,—право, нѣтъ, мама! Г. Ридигеръ положилъ мнѣ ихъ за столомъ на тарелку. а я всегда берегу ихъ для Габріеля. Но если оставить ихъ до утра въ карманѣ, то больше ихъ и не увидишь—г-жа Бергеръ большая охотница до нихъ. Она цѣлый день жуетъ, она таскаетъ ихъ у меня, противное созданіе!

— Но гдѣ-же г-жа Бергеръ? спросила Ліана.

Воспитательница была представлена ей послѣ вѣнчанья и произвела на нее благопріятное впечатлѣніе.

— Она играетъ въ фанты въ классной комнатѣ, а меня туда не пускаютъ: она заперла дверь, проворчалъ онъ.— Они ужасно дурчатся и пьютъ пуншъ—я вижу все это въ замочную сква-

жину... Миѣ сегодня совсѣмъ не позволили видѣть Габріэля, потому что я не слушался дѣдушки, но я непремѣнно хочу проститься съ Габріэлемъ, сказалъ онъ упрямо.—Можно миѣ, мама? можно? да?

Онъ просилъ настоятельно, но такъ довѣрчиво, какъ-будто между нимъ и новой матерью существовали уже самыя дружескія отношенія. Молодая женщина почувствовала радостное волненіе: этотъ мальчикъ, выразившій такое упрямство въ лицѣ, свободно подчинялся ея материнскому авторитету въ первую-же минуту. По ея огорченной душѣ пробѣжало, какъ лучъ луннаго свѣта, чувство тихаго счастья. Она обняла мальчика и поцѣловала его.

— Отдай миѣ конфеты, Лео. Я отнесу ихъ Габріэлю. Ты долженъ теперь идти спать, сказала она, протягивая къ нему руку.—Я пожелаю ему отъ тебя доброй ночи; скажи только, гдѣ миѣ найдти его.

Мальчикъ охотно вывернулъ карманы и высыпалъ конфеты въ прекрасныя руки матери. Она улыбнулась; дѣдушкѣ, конечно, не слѣдовало видѣть этой груди шokolода,—отъ ея чуткаго слуха не ускользнула полусдержанная брань за дорогое фруктовое мороженое.

— Иди мимо пруда, сказалъ мальчикъ, указывая на проводочную рѣшотку.—Но въ домъ не заходи: дѣдушка строго запретилъ это, а г-жа Бергеръ говорить, что въ немъ живетъ вѣдьма съ зубами. Это все глупости, я не боюсь. Не кусаетъ-же она Габріэля...

Молодая мать завязала ему рубашку, взяла его за руку и повела въ замокъ. Подъ потолкомъ висѣла лампада и разливала черезъ зеленое шлифованное стекло нѣжный, пріятный свѣтъ въ спальнѣ ребенка, убранной роскошно и великолѣпно. Но спрашивается, какое значеніе для бѣднаго ребенка могли имѣть эти шелковыя занавѣси, эти подушки, обшитыя кружевомъ и прошивками? Никто не охранялъ его сна, хотя надъ кроватью красовался бронзовый геній, распутившій надъ нею крылья и державшій въ рукахъ складки полога. Изъ класной комнаты доносился громкій хохотъ и звонъ стакановъ.

— Мама, сказалъ мальчикъ, быстро погладивъ ее рукою по щекѣ, пока она его укрывала,—миѣ такъ пріятно, что ты здѣсь.

Ты всегда будешь приходить ко мнѣ? Первая мама никогда не приходила къ моей кровати... Ты сходишь къ Габріэлю и съешь ему шоколадъ?

Она общалась ему сдѣлать все. Лео, совершенно довольный, положилъ головку на подушку и черезъ пять минутъ по дыханію его было видно, что онъ спитъ. Молодая женщина тихо вышла изъ комнаты и заперла снаружи ту дверь, въ которую выѣжалъ мальчикъ.

ГЛАВА VII.

Часы пробили половину одинадцатаго, когда Ліана снова вошла въ садъ. Забитый мальчикъ, какъ его называлъ Ридигеръ, блѣдный, молчаливый козелъ отпущенія, навѣрно уже спитъ и не испытываетъ того загадочнаго стремленія, которое неудержимо влекло молодую женщину за рѣшотку парка. Она оглянулась на Шенвертъ. Замокъ стоялъ во всемъ своемъ великолѣпіи, съ своими тяжелыми каменными арками, съ своими художественно-изваянными фигурами, весь облитый луннымъ свѣтомъ. Ни въ одномъ окнѣ не видно огня, только въ нижней залѣ горѣла лампа, желтоватый свѣтъ которой проникалъ подъ своды колонады. Ліанѣ показалось, что около одной изъ колоннъ стоитъ человекъ и подсматриваетъ въ полуотворенную стеклянную дверь. Но эта фигура не двигалась, и Ліана рѣшила, что она приняла тѣнь столба за живое существо.

Съ сильно бьющимся сердцемъ отправилась она по узкой песчаной дорожкѣ, прошла черезъ рѣшотку, и ворота затворились за нею. Вѣтви можжевельника и орѣховыхъ кустовъ еще висѣли надъ ея головой, а на лугу уже видѣлся стволъ индѣйскаго банана; тѣнь громадныхъ листьевъ его падала на лугъ. Дорожка направлялась въ чащу кустовъ; кругомъ блестяли тысячи искръ отъ свѣтящихся жучковъ. Наверху, въ вѣтвяхъ, слышался шумъ; отломленная вѣтка упала на плечо молодой женщины; маленькія ручки хватили ее и обезьяньи мордочки съ блестящими глазами съ любопытствомъ наклонялись къ самому лицу ея. Она невольно провела рукой по лбу, какъ-бы прогоняя тяжелый сонъ. Ей казалось, что мартышка дразнить ее языкомъ, а грузный

слонъ идетъ, попирая своими тяжелыми ногами и кустарники, и самую ее. Она замедлила шаги, но никто не являлся; только цесарка пробѣжала черезъ дорожку. Деревья и кусты рѣдѣли — и она увидѣла тихій, покойный и неподвижный прудъ, лежавшій посреди зеленого луга, точно блестящая масса серебра; золотые куполы индусскаго храма гордо подымались въ высоту, какъ-будто мраморная лѣстница его вела не къ пруду германской деревеньки, а прямо въ волны Ганга.

Порывисто дыша и охваченная тою дрожью, которая нападаетъ на человѣка въ незнакомомъ, уединенномъ мѣстѣ и все-таки неудержимо гонить его впередъ, обходила Ліана прудъ. Она не подозрѣвала, что ея стройная фигура въ легкой бѣлой одеждѣ съ прекрасной головою, украшенной развѣвающимися волосами, точно золотой діадемой, придавала особенный фантастическій видъ этому ландшафту; она не подозрѣвала также и того, что въ то время, какъ за нею, скрипя затворились ворота рѣшотки, предполагаемая тѣнь столба отдѣлилась отъ него и слѣдовала за нею неслышно, но такъ неотступно, какъ-будто фосфорическій блескъ ея косъ, распущенныхъ по спинѣ, имѣлъ магнетическую силу, которая и притягивала эту тѣнь.

Наконецъ, обозначились бѣлыя стѣны низенькаго домика. Широкая песчаная дорожка окружала его, и тѣмъ не менѣе казалось, что онъ утонулъ въ кустахъ розъ; тысячи розановъ благоухали на высокихъ стебляхъ и низкихъ кустахъ; вѣтви чайной розы выползали даже на дорожку и свѣтлыя чашечки ихъ лежали на камняхъ, словно опьяненные луннымъ свѣтомъ.

Хорошенькій домикъ съ тростниковою крышею и бамбуковыми столбами подъ балкономъ, былъ такъ воздушенъ и изященъ, что, казалось, онъ долженъ разлетѣться отъ перваго сильнаго вѣтра. Окна въ немъ были большія, но закрыты рѣзными деревянными рѣшотками. Ліана нерѣшительно ступила на нижнюю ступеньку балкона; полъ его былъ устланъ такими прохладными, гладкими и блестящими тростниковыми циновками, что онѣ совершенно удовлетворили-бы требованіямъ индусовъ. За деревянными рѣшотками виднѣлся свѣтъ отъ лампы, висѣвшей подъ потолкомъ; спущенная штора изъ пестрой циновки была нѣсколько отодвинута въ бокъ, такъ что въ отверстіе рѣшотки Ліана могла рассмотреть внутренность комнаты.

У задней стѣны стояла тростниковая кровать; на бѣлоснѣжномъ бѣлѣ лежало, вытянувшись, человѣческое существо, уткнувъ лицо въ подушку. Женщину или ребенка представляло это нѣжное созданіе? Бѣлая, мягкая кисейная одежда покрывала все тѣло, только маленькія, блѣдныя ножки были голы. Вдоль туловища лежала обнаженная рука, такихъ размѣровъ, что могла принадлежать несформировавшейся тринадцатилѣтней дѣвочкѣ. Выше кисти и ниже плеча блестѣли широкіе золотыя браслеты; они производили тяжелое впечатлѣніе: казалось, они должны тереть и изъязвлять это бѣлое, нѣжное тѣло. У кровати стояла высокая, коренастая женщина, держа въ рукѣ серебряную ложку, и старалась придать своему суровому голосу нѣжное выраженіе. Эту женщину Ліана знала: она была представлена ей послѣ вѣнчанія, какъ ключница, по имени г-жа Лонъ.

Ложка, которую эта женщина осторожно держала въ рукѣ, отдавая ее отъ своего блестящаго, чистаго передника, очевидно, была наполнена лекарствомъ, возбуждавшимъ отвращеніе въ существѣ, лежавшемъ на постели. Ни уговоры, ни поглаживаніе по головѣ нисколько не помогали и голова не подымалась.

— Я ничего не могу сдѣлать, Габріэль, сказала, наконецъ, г-жа Лонъ, обращаясь въ тотъ уголъ комнаты, котораго Ліана не могла видѣть; — ты долженъ поддержать голову... Ей необходимо заснуть во что-бы то ни стало; она должна спать.

Блѣдный мальчикъ, козель отпущенія за грѣхи Лео, вышелъ изъ своего угла. Онъ попытался осторожно просунуть свою руку между подушкой и лицомъ женщины, лежавшей на постели. При первомъ прикосновеніи голова быстро подымаась, точно въ изступленіи, и показалось худенькое, истощенное, но все-таки прекрасное женское лицо. Ліана испугалась взгляда большихъ глазъ, обращенныхъ къ мальчику съ выраженіемъ упрека, безконечнаго страха и мольбы. Онъ отшатнулся и опустилъ руки.

— Не бойся, не бойся, я тебѣ ничего не сдѣлаю, сказалъ онъ ласково, и тихій голосъ его выражалъ жалость и состраданіе. — Такъ нельзя, г-жа Лонъ: ей будетъ больно. Я лучше убаюкаю ее пѣснями.

— Тогда тебѣ придется пѣть до утра; сегодня ей нехорошо и тебѣ едва-ли удастся успокоить ее своими пѣснями, — ты это самъ хорошо знаешь.

Она подернула плечами, но не рѣшилась принуждать Габріэля. Какая доброта проглядывала въ этой суровой женщинѣ съ грубыми, рѣзкими чертами лица, которая казалась такою недоступною и недовѣрчивою, встрѣчая новую хозяйку!

Ліана отворила дверь и вошла. Ключница испуганно вскрикнула и едва не пролила лекарство.

— Подержите больную, сказала Ліана, — я дамъ ей лекарство.

Внезапное появленіе бѣлой, странной фигуры съ благородной, спокойной осанкой точно парализовало больную; она не двигалась, а только пристально смотрѣла широко раскрытыми глазами на пріятное молодое лицо, наклонившееся надъ нею, и безъ малѣйшаго сопротивленія приняла лекарство.

— Ну, вотъ и кончено, дитя мое, сказала Ліана, кладя ложку на столъ.— Дѣло обошлось безъ всякаго страданія, а спать она будетъ.

Она нѣжно погладила Габріэля по головѣ.

— Ты ее, должно быть, очень любишь?

— Это моя мать, сказалъ мальчикъ съ нѣжностью.

— Они бѣдные люди, сударыня, бѣдные и несчастные, сказала ключница сухимъ, рѣзкимъ тономъ.

Ни голосъ, ни малѣйшее движеніе лица ея не выражали того мягкосердечія и участія, которыя только-что выражались во всемъ существѣ ея.

— Бѣдны? повторила Ліана и невольно посмотрѣла на блестящія золотыя браслеты и цѣпочки, висѣвшія на шеѣ больной. До этой минуты больная смотрѣла на Ліану безучастно, но теперь во всѣхъ чертахъ ея выразились страхъ и безпокойство; она судорожно схватила бѣлыми пальцами лѣвой руки предметъ висѣвшій на цѣпочкѣ, судя по виду—серебряный флаконъ.

— Ну, ну, не бойся: баронесса ничего не возьметъ, сурово и повелительно сказала г-жа Лонъ.

— Они бѣдны, говорю я, продолжала г-жа Лонъ.—Отъ этихъ бездѣлушекъ сытъ не будешь, да онѣ и не принадлежатъ ей: гофмаршалъ могъ-бы отнять у ней и ихъ, если-бы захотѣлъ; у нея на этомъ свѣтѣ нѣтъ ничего, ровно ничего. Только по милости господъ дается ей съ мальчикомъ пропитаніе и позволяется жить въ этомъ домишкѣ.

Это объясненіе, высказанное въ такихъ жесткихъ и безсердечныхъ выраженіяхъ, укололо Ліану въ самое сердце, тѣмъ болѣе, что Габріэль наклонился въ это время къ матери и ласкалъ ее, точно она была ребенкомъ, котораго ласками можно заставить забыть страданіе. Молодая, прекрасная голова мальчика, устало склоненная на бокъ, съ глубокою смядкою вокругъ рта, выражала терпѣніе и рабскую преданность, которые выработались въ немъ долгими годами страданія.

Ліанѣ хотѣлось спросить, кто эта странная чужеземка и какъ она попала сюда съ своими ребенкомъ, который, какъ она уже видѣла, росъ подъ ужаснымъ гнетомъ, но она боялась рѣзкости выраженій ключницы, и не спросила. Она вынула изъ кармана и положила на столъ шоколадныя конфеты.

— Лео прислалъ тебѣ это, сказала она Габріэлю, — и желаетъ тебѣ доброй ночи.

— Онъ добрый и я люблю его, сказалъ мальчикъ съ печальной улыбкой.

— Это хорошо, дитя мое, но впередъ не слѣдуетъ допускать, чтобы тебя наказывали за его шалости.

Она подняла его опущенную голову и ласково посмотрѣла ему въ глаза.

— Развѣ у тебя не хватаетъ храбрости оправдываться, когда съ тобою поступаютъ несправедливо? спросила она съ нѣжною строгостью.

Некрасивое лицо ключницы выразило крайнее удивленіе; она, очевидно, боролась съ минутою съ чувствомъ нѣжности, но затѣмъ взглядъ ея обратился на новую хозяйку съ тою-же подозрительностью и она сказала съ удвоенною рѣзкостью:

— Сударыня, это нисколько не вредно для Габріэля, и когда его обижаютъ въ замкѣ, онъ долженъ благодарить и цѣловать руки... Онъ долженъ идти въ монахи, въ монастырь... а тамъ надо молчать, не хныкать. А маленькаго барона Лео онъ долженъ любить безгранично: только благодаря его постоянному заступничеству передъ старымъ барономъ, Габріэль еще здѣсь, иначе онъ давно уже не былъ-бы съ матерью.

Глаза мальчика наполнились слезами.

— Ты *долженъ* идти въ монахи? тебя заставляютъ, Габріэль? быстро и настоятельно спросила Ліана.

— Говори правду, сынъ мой, кто тебя заставляетъ раздался вдругъ голосъ патера, совершавшаго въ тотъ день обрядъ вѣнчанія.

Онъ стоялъ въ дверяхъ; его стройная фигура рѣзко отдѣлялась отъ облитыхъ луннымъ свѣтомъ розовыхъ кустовъ. Пораженная Ліана вспомнила о подозрительной тѣни столба; этотъ человекъ, очевидно, подсматривалъ и слѣдовалъ за нею.

Фрау Лонъ сдѣлала книксенъ, между тѣмъ какъ духовникъ замка вошелъ въ комнату съ улыбкой на устахъ, граціозно раскланялся и сказалъ:

— Успокойтесь, сударыня, здѣсь, въ Шенвертѣ, люди все благодушные; такихъ насильственныхъ мѣръ, какія описываются довѣрчивой публикѣ въ сказкѣ о мальчикѣ Мортаро, отъ которыхъ волосы на головѣ становятся дыбомъ, у насъ не употребляютъ. Не правда-ли, дитя мое?

И онъ дружески положилъ свою бѣлую, тонкую руку на плечо Габріэля.

Если-бы не длинный сюртукъ и не выбритая маковка, бѣлѣвшая, какъ слоновою костью, среди темныхъ кудрявыхъ волосъ, никто въ этомъ человекѣ не призналъ-бы лицо духовнаго званія. Въ движеніяхъ его не было ни малѣйшаго слѣда той приторной плавности и достоинства, которыя иногда возбуждаютъ непріятное чувство, потому что имѣютъ видъ чего-то театральнаго и заученнаго, а въ голосѣ и въ тонѣ его ни малѣйшаго слѣда приторной медоточивости. Въ этотъ день, напримѣръ, за обѣдомъ онъ сильно разгорячился, заговоривъ о политикѣ, причемъ металлическій голосъ его звучалъ, какъ боевая труба.

При входѣ его въ комнату большая уткнула лицо въ подушки и притихла, точно заснула; но грудь ея высоко поднималась отъ страшнаго внутренняго волненія. Она лежала, какъ робкая, трепещущая птичка, прижатая сильной рукой.

— Что это съ нею сегодня, фрау Лонъ? спросилъ патеръ:— она необыкновенно возбуждена; я изъ ризницы слышалъ ея крики.

— Ея свѣтлость проѣхала верхомъ мимо дома, ваше преподобіе,— вотъ мы и начали, по обыкновенію, разыгрывать спектакль, отвѣчала ключница почтительно, но съ явной досадой и гнѣвомъ, противъ воли прорывавшимися въ ея голосъ.

На губахъ патера мелькнула, какъ молнія, насмѣшливая улыбка.

— Что-жь дѣлать? Нужно покориться, сказалъ онъ, пожимая плечами.— Ея свѣтлость врядъ-ли откажется отъ своихъ прогулокъ верхомъ въ „Кашемирскую долину“, да и у кого достало-бы духу потребовать отъ нея такой жертвы?

Съ этими словами онъ подошелъ къ постели больной; съ молодой женщиной сдѣлались судороги.

— При всей вашей строгости, милая фрау Лонъ, продолжалъ онъ, обращаясь черезъ плечо къ ключницѣ, — вы слишкомъ балуете больную. Къ чему эти тяжелые браслеты на ея слабыхъ рукахъ, эти массивныя цѣпи на груди?

— Я-бы уморила ее, ваше преподобіе, если-бы дотронулась до этихъ вещей, проговорила сквозь зубы Лонъ.

Въ узкихъ глазахъ этой женщины горѣлъ затаенный огонь.

— Напрасно; она слишкомъ истощена и худа. При ея безпомощномъ состояніи, тяжести, которыми вы ее обременяете, только раздражаютъ ее. Подойдите сюда, сдѣлаемъ опытъ.

Въ эту минуту больная широко раскрыла глаза. Въ нихъ читался невыразимый ужасъ. Прижавъ лѣвую руку къ груди, она испустила тотъ кроткій, надрывающій душу стонъ, который въ это послѣобѣда долетѣлъ до слуха Ліаны. Фрау Лонъ въ одно мгновеніе очутилась между кроватью и духовникомъ. Патеръ грозно посмотрѣлъ на нее. Она прикрыла своей костлявой, широкой лѣвой рукой блѣдныя, судорожно сжатая въ кулачокъ руки больной.

— Ваше преподобіе, прошу покорно оставить... протестовала она. Въ голосѣ и позѣ ея замѣтно было что-то дикое и рѣшительное.— Вѣдь это и меня касается... если она взбѣсится—кто будетъ не спать ночи?—все я, несчастная. По мнѣ, пожалуй, все равно... я могла-бы дѣлать то-же, что и другіе тамъ, въ замкѣ... они ни за какія деньги носа сюда не покажутъ... я также могла-бы отдыхать, какъ и они... Я, конечно, не изъ любви и не изъ состраданія съ ней вожусь... у меня сердце не вѣжное, притвораться не люблю... къ тому-жь мнѣ ни до кого въ мірѣ нѣтъ дѣла, продолжала она спокойнѣе, но угрюмо. — Если я тутъ за всѣмъ приглядываю и хлопочу, по возможности, объ

общемъ спокойствіи, то дѣлаю это для господь, потому что ѣмъ ихъ хлѣбъ...

— Что это вы такъ расходились, фрау? спросилъ съ улыбкой патеръ. Онъ тихо покачалъ головой.— Кто-жъ сомнѣвается въ вашей вѣрности своему долгу и въ вашемъ равнодушіи ко всему? Ну, пусть больная остается съ своими игрушками; я же не, чѣмъ кто-либо, захочу обременять васъ лишними заботами.

Въ это время Ліана незамѣтно вышла изъ комнаты; она чувствовала необходимость видѣть надъ своей головой звѣздное небо, слышать подъ ногами хрустѣніе песку на дорожкахъ и сознавать, что она не грезитъ,—такое подавляющее впечатлѣніе произвело на нее это странное сближеніе двухъ существъ подъ одной и той-же бамбуковой крышей. Ей казалось, что она видѣла передъ собой живую картину анахронизма. Эта чужеземка—тонкое, хрупкое созданіе,—раскинувшаяся на циновкѣ, какъ дочь какого-нибудь индійскаго райя, вся обвѣшанная драгоценностями и окруженная облакомъ бѣлой, прозрачной кисеи,—и около нея грубая женщина богатирскаго сложенія, говорящая простонароднымъ нѣмецкимъ языкомъ, съ торчащимъ отъ крахмала полотнянымъ передникомъ и съ высокой роговой гребенкой, воткнутой въ пучокъ посѣдѣвшихъ волосъ на затылкѣ,—какой неестественный контрастъ!

При выходѣ изъ бесѣдки Ліану ошеломила удушарщій запахъ розъ. Теплый ночной вѣтеръ раскрылъ всѣ чашечки цвѣтовъ и, проносясь по садамъ, разливалъ всюду благоуханіе; въ серебристомъ воздухѣ дрожалъ, замирая, протяжный звукъ арфы. Молодая женщина невольно приложила свои тонкіе, холодные пальцы къ бьющимся вискамъ и поспѣшила сойдти со ступенекъ веранды.

— Долина Кашемира—это рай; онъ былъ непонятъ первыми людьми и за то мы лишились его, проговорилъ человекъ въ черной одеждѣ, догнавъ Ліану и идя рядомъ съ нею.—Большая часть изъ насъ ищутъ его, но, ослѣпленные провлятіемъ, которое пало на голову нашихъ прародителей, мы проходимъ близоруко мимо; аскетъ смѣется надъ наслажденіями рая и отталкиваетъ ихъ отъ себя съ презрѣніемъ до тѣхъ поръ, пока огненная стрѣла не пронизетъ его сердца и онъ не убѣдится, что

былъ безумецъ, вѣря въ наслѣдственность проклятiя, тогда какъ онъ самъ добровольно навлекалъ его на себя.

Онъ говорилъ глухимъ голосомъ, точно и на него вліяло жаркое дыханіе іюльской ночи.

Ліана остановилась и посмотрѣла на его взволнованное лицо съ неправильными чертами. Вдругъ она вспыхнула до ушей; большіе, умные глаза ея приняли ледяное, строгое выраженіе; ей не хотѣлось продолжать разговоръ на такую сантиментальную тему съ человѣкомъ, который глядѣлъ на нее, въ эту минуту, такъ страстно. Поборовъ въ себѣ непріятное ощущеніе, она сказала холодно и сухо:

— Послѣ тѣхъ жалобныхъ стоновъ, которые я сейчасъ слышала, я не въ состояніи думать о раѣ... Кто эта несчастная?

Онъ поблѣднѣлъ. Видимо взбѣшенный, онъ кинулъ искоса мрачный взглядъ на молодую женщину, которая гордымъ поворотомъ своей хорошенькой головы поставила стѣну между собой и имъ. Передъ нимъ стояла теперь графиня Трахенбергъ, потомокъ цѣлаго ряда предковъ съ незапятнанной репутаціей.

— Можетъ быть, я оскорблю вашу скромность, сударыня, если скажу, что подъ кровомъ Шенверта данъ пріютъ погибшему созданію. Нѣтъ ничего непреклоннѣе гордой своей добродѣтели женщины... и благо ей! за то горе тѣмъ, которые заблуждаются, рассчитывая найти въ ней горячее сердце! Мнѣ хорошо знакомъ цѣломудренно-ледяной, въ упоръ устремленный женскій взглядъ: онъ рѣжетъ, какъ ножъ.

Онъ обернулся и указалъ рукой на домикъ съ тростниковой крышей, почти скрытый за шпалерами изъ розъ.

— Кто можетъ себѣ представить, что это изможденное, слабое созданіе, руки и ноги котораго уже почти поражены смертью, когда-то танцовало на улицахъ Бенареса? Она — баядерка, бѣдная индійская дѣвушка, увезенная за море однимъ изъ Майнау. Такъ-называемая кашемирская долина создавалась подъ германскимъ небомъ только въ угоду ей; тысячи были брошены, чтобъ заслужить отъ нея улыбку и заставить ее забыть небо родины...

— А теперь ее кормятъ изъ милости въ этомъ Шенвертѣ и отдали въ полное распоряженіе грубой женщины... тихо проговорила взволнованная Ліана. — Ребенка-же ея, съ которымъ такъ дурно обращаются...

— Въ видахъ вашихъ собственныхъ интересовъ, фрау Майнау, я посовѣтовалъ-бы вамъ не осуждать такъ рѣзко гофмаршала. Не онъ, а братъ его тяжко оскорбилъ общество этой связью... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ умеръ, но до сихъ поръ малѣйшій намекъ на эту исторію вызываетъ страшную бурю со стороны почтеннаго старика. Онъ очень строгій католикъ...

— Однако, его строгія религіозныя убѣжденія не даютъ ему права угнетать невиннаго мальчика... а онъ именно его угнетаетъ... я сама была свидѣтельницей этому, настаивала Ліана.

Въ эту минуту они шли черезъ тѣнистую рошу, такъ что молодая женщина не могла уже видѣть лица своего спутника, а только слышала, какъ онъ въ смущеніи откашливается... Послѣ небольшой паузы онъ отвѣтилъ ей отрывисто, запинаясь на каждомъ словѣ:

— Я назвалъ вамъ эту женщину погибшей... а она была просто вѣроломна, какъ настоящая индѣянка... Этотъ мальчикъ имѣетъ столько-же правъ называться потомкомъ рода Майнау, какъ каждый нищій, который постучится въ ворота замка Шенверта...

Ліана не произнесла на это ни слова; она удвоила шаги, чтобы поскорѣе выбраться изъ крытой аллеи, гдѣ было невыносимо душно отъ сплетшихся вѣтвей. Ей вдругъ представилось, что ее жжетъ электрическій токъ, и что этотъ токъ исходитъ изъ человѣка, который слѣдуетъ за нею. Одна изъ ея роскошныхъ косъ зацѣпилась за что-то; она думала, что за кустъ, хотѣла ее высвободить — и ощутила руку, которая тянула косу назадъ. Ліана готова была вскрикнуть; если-бы она прикоснулась къ скользкой, холодной кожѣ гремучей змѣи, то не такъ сильно-бы испугалась и не почувствовала-бы такого отвращенія, какъ въ эту минуту.

Когда они вышли изъ аллеи, она невольно, съ робостью, посмотрѣла на освѣщенное луной лицо патера. Оно было совершенно спокойно, точно каменное. Они прошли рядомъ и молча небольшое пространство, отдѣлявшее ихъ отъ дома, Лишь только рѣшетчатая садовая калитка затворилась за ними, патеръ остановился. Онъ видимо прискивалъ выраженія, чтобы сказать то, что ему хотѣлось.

— Шенвертъ—это раскаленная почва для нѣжныхъ женскихъ ножекъ, кому-бы онѣ ни принадлежали: уроженкѣ Индіи или отрасли германскаго графскаго дома, заговорилъ онѣ глухимъ голосомъ.—Фрау Майнау, теперь во всемъ мірѣ свирѣпствуетъ страшная буря; теперь вездѣ раздаются боевой кликъ: долой ультрамонтановъ! долой іезуитовъ! Быть можетъ, вамъ скажутъ, что я худшій изъ всѣхъ ихъ, что я фанатическій приверженецъ Рима, что я силой захватилъ въ свои руки власть и злоупотребляю этой властью, которую іезуитскій орденъ старается распространить на весь земной шаръ... Думайте, что хотите. Но если въ черный день,—а такихъ дней вамъ не избѣжать,—вы будете имѣть нужду въ смѣлой и надежной рукѣ—призовите меня, я явлюсь немедленно.

Онѣ поклонился ей и легкой, быстрой поступью направился къ сѣверному флигелю замка. Ліана опрометью бросилась въ гостиную; она дрожащими руками сама заперла двойную балконную дверь, тщательно сдвинула оконныя занавѣси, чтобы не осталось между ними ни малѣйшаго отверстія и чтобы ничей непрошенный глазъ не смѣлъ проникнуть во внутренность комнаты. Никогда въ жизни ей не было такъ страшно и такъ тяжело, какъ въ настоящую минуту; никогда будущее не представлялось ей въ такомъ мрачномъ видѣ, какъ теперь. Никогда! даже въ тѣ ужасные дни, когда молотокъ аукціониста раздавался по заламъ рудисдорфскаго замка, а мать ея, ломая руки, въ отчаяніи бѣгала изъ комнаты въ комнату и, наконецъ, бросилась на полъ, громко укоряя Бога за то, что онѣ допускаетъ послѣднихъ Трахенберговъ умирать съ голоду... Въ то время умная и дѣльная Ульрика встала у руля домашней ладьи; онѣ обѣ и братъ ихъ нашли спасеніе въ трудѣ. Трудъ—болѣе честная опора, чѣмъ эта смѣлая рука католическаго патера. Нѣтъ! лучше умереть въ борьбѣ съ чернымъ днемъ, чѣмъ призвать *его* на помощь!..

ГЛАВА VIII.

На слѣдующее утро Ліана открыла, что рядомъ съ ея уборной находится бѣдно меблированная, но довольно уютная комната, которая, повидимому, назначена была для гардероба; она

перенесла въ нее свой цвѣточный прессъ, книги и всѣ принадлежности для рисованія. Тутъ она хотѣла работать. Большое окно было обращено на самую живописную часть сада, за которыми возвышались покрытыя лѣсомъ горы. Она заперла комнату на ключъ и приказала только-что вошедшей горничной, чтобъ гардеробную устроили въ другомъ мѣстѣ. Запыхавшаяся дѣвушка оправдывала свое позднее появленіе тѣмъ, что была въ церкви.

— Его преподобіе такой строгій, жаловалась она;—если за-
неможешь, хоть ползкомъ приползи въ церковь, а ужъ у служ-
бы будь... Онъ иногда по два и по три дня живетъ въ Шен-
вертѣ; для него здѣсь отведены особыя комнаты; онъ обращает-
ся со всѣми гораздо строже, чѣмъ даже господинъ гофмаршалъ;
а въ резиденціи своей такъ и того хуже: онъ всѣмъ заправляетъ
тамъ. Слава-богу, онъ теперь уѣхалъ въ городъ, заключила
горничная, и слова эти успокоительно подѣйствовали на Ліану.

Явился лакей съ докладомъ, что завтракъ поданъ въ столо-
вой. Столовая находилась на самомъ концѣ занимаемаго гоф-
маршаломъ отдѣленія; окна ея, обращенныя на востокъ, выходили
на главный дворъ замка. Эта обширная комната съ рѣзными
деревянными панелями, съ массивной дубовой мебелью, со мно-
жествомъ оленьихъ и кабаньихъ головъ на стѣнахъ и съ испо-
линскими кубками на поставцахъ, — представляла совершенное
подобіе рыцарской залы среднихъ вѣковъ — этой грубой, мате-
ріальной эпохи записныхъ охотниковъ, всегда готовыхъ пить до
упаду. Въ одномъ изъ угловыхъ каминовъ трещалъ огонь, не-
смотря на яркое утреннее солнце, обливавшее весь паркетъ сво-
ими лучами; но, по обширности комнаты, жаръ отъ огня не до-
стигалъ до кресла на колесахъ гофмаршала и до стоявшаго пе-
редъ нимъ столика, накрытаго бѣлой скатертью.

Въ это утро, повидимому, подагра не такъ сильно мучила
старика, потому что онъ поднялся съ кресла, оперся на костыль
и, стоя у окна, внимательно глядѣлъ на дворъ. Войдя въ сто-
ловую, Ліана имѣла возможность рассмотреть его въ профиль.
Это былъ высокій, худощавый мужчина, вѣроятно, такой-же
красивый съ молодости, какъ и всѣ Майнау, только черты его лица
казались слишкомъ тонкими и мелкими для мужской головы.
Сильное углубленіе между лбомъ и переносицей, очень небольшое

разстояніе между носомъ и подбородкомъ—особенности, которыя въ молодые годы, можетъ быть, придавали его лицу интересное и характеристическое выраженіе, — подъ старость наложили на него рѣзкую печать хитрости и лукавства.

Изъ полуотворенной двери сосѣдней комнаты раздавался громкій голосъ маленькаго Лео, и голосъ этотъ—странно сказать—въ присутствіи стоявшей у окна фигуры, подѣйствовалъ необыкновенно отрадно на Ліану. Съ боку отъ гофмаршала, въ почти-тельномъ отдаленіи, стояла ключница, держа въ рукахъ книгу и бумагу, вѣроятно, хозяйственныя; она вытягивала шею, стараясь разсмотрѣть изъ-за плеча старика, что дѣлается на дворѣ. Когда молодая баронесса проходила мимо нея и вѣжливымъ поклономъ привѣтствовала гофмаршала, ни одинъ мускулъ на ея лицѣ не обнаружилъ, что она вспомнила о ночномъ происшествіи. Гофмаршалъ быстро обернулся, съ рыцарской ловкостью отвѣтилъ на поклонъ Ліаны, и затѣмъ,—на-сколько позволяло приличіе,—такъ-же поспѣшно опять отвернулся къ окну, видимо заинтересованный сценой, которая происходила на дворѣ.

— Вотъ, вотъ, посмотрите! говорилъ онъ молодой женщинѣ, указывая въ окно:—эти негодные поросята наломали массу молодыхъ деревьевъ въ новыхъ разсадникахъ. Сволочь этакая! Они знаютъ, что погайка теперь на гвоздѣ виситъ съ тѣхъ поръ, какъ я прикованъ къ мѣсту... На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, пусть Рауль ихъ хорошенько проучить... вѣдь это *ему* убытокъ... разсадники *его* затѣя...

Баронъ Майнау, должно быть, только-что вернулся съ утренней прогулки верхомъ; онъ былъ при шпорахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ и весь въ пыли. Передъ нимъ стояли негодные поросята—двое деревенскихъ дѣтей: мальчикъ и дѣвочка. Полевой сторожъ, на которомъ все было ветхо, исключая мѣдной бляхи на груди, привелъ ихъ на дворъ замка и, держа мальчика за плечо, докладывалъ о совершенномъ преступленіи. Изъ всѣхъ оконъ выглядывали любопытныя головы, а глаза одного конюха, стоявшаго, разставя ноги, въ воротахъ сарая, не отрывались отъ хлыста, которымъ молодой баронъ, чиня судъ и расправу, щелкалъ по воздуху. Дѣвочка горько плакала, закрывшись фартукомъ, испуганное-же лицо мальчика, понурившаго голову, было бѣло, какъ мѣлъ.

Полевой сторожъ кончилъ докладъ. Баронъ Майнау громко ругался и голосъ его разносился по двору; онъ два раза шелкнулъ хлыстомъ надъ головой маленькихъ преступниковъ и пригрозилъ строго наказать ихъ, если они попадутся вторично, затѣмъ указалъ имъ хлыстомъ на отворенные ворота. Дѣвочка опустила фартукъ и пустилась стрѣлой со двора, мальчикъ последовалъ за нею, и черезъ нѣсколько минутъ они исчезли за угломъ, сопровождаемые громкимъ хохотомъ дворни.

— Дуракъ этакій! дуракъ! ворчалъ, вѣ себя отъ бѣшенства, гофмаршалъ, и заковылялъ отъ окна къ своему креслу. Онъ былъ въ отвратительнѣйшемъ расположеніи духа. Фрау Лонъ покрыла стеганнымъ одѣяломъ его ноги, поправила огонь въ каминѣ и спросила монотоннымъ голосомъ: „не будетъ-ли еще какихъ приказаній?“ При этомъ она развернула хозяйственную книгу.

— Ничего не надо! произнесъ сердито старикъ.—Исполните то, что я приказалъ... мадеры больше не отпускать въ индѣйскій домикъ... Сьума, что-ли, вы сошли, Лонъ? вы, вѣрно, воображаете, что у меня деньги такъ и сыплутся изъ рукава?.. Ужь лучше-бы вы придумали ванны изъ вина и бульона... отъ васъ это станется...

— Мнѣ все равно, сударь: до меня это дѣло не касается, отвѣчала очень равнодушно ключница.—Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно—вино-ли, воду-ли я ей наливаю на ложку, когда пою ее... только новый докторъ сказалъ прямо: давайте ей непременно мадеры...

— Пусть убирается къ чорту этотъ дурень съ своими уничиженьями! И зачѣмъ онъ туда таскается?

— Съ того дня, какъ онъ сдѣлался у насъ въ замкѣ домашнимъ докторомъ, молодой баронъ самъ приказалъ ему туда ходить, отпарировала ключница, не обращая особеннаго вниманія на грубый тонъ старика.—Онъ ее осматривалъ и два раза ужъ меня спрашивалъ—точно я могу это знать!—не было-ли у нея припадка удушья передъ параличемъ!

Ліана между тѣмъ подошла къ большому; круглому столу посреди залы, на которомъ стоялъ на подносѣ завтракъ. Только что она взялась за кофейникъ, повернувшись спиной къ разговаривавшимъ, какъ вдругъ вдрогнула и съ ужасомъ схватилась

за свое легкое батистовое платье. Изъ камина вылетѣлъ цѣлый снопъ искръ,—это гофмаршалъ, въ порывѣ бѣшенства, ткнулъ костью въ горящія полѣнья.

— Убирайтесь отсюда, Лопъ! крикнулъ онъ, сверкая глазами,— вы мнѣ надоѣли своей бабьей болтовней!

Ключница покорно направила къ дверямъ и, положивъ руку на замокъ, стукнула имъ. При этомъ звукѣ старикъ еще разъ неистово ткнулъ костью въ каминъ и повернулся лицомъ къ двери.

— Лопъ! позвалъ онъ ее назадъ,— я отъ роду не видывалъ такой отвратительной женщины, какъ вы; но у васъ то преимущество передъ дворовой челядью, что вы рѣже ихъ унижаете.— (Онъ откашлялся.) — Продолжайте давать ей мадеры, но только по чайной ложечкѣ, — слышите? по чайной ложечкѣ... бѣлая порція должна безусловно повредить ей... Доктору разъ навсегда запрещаю туда ходить... онъ ее беспокоитъ только своими изслѣдованіями, а помочь не умѣетъ.

Въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты послышался гнѣвный крикъ, сопровождаемый цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ, произносимыхъ голосомъ Лео. Мальчикъ изо всѣхъ силъ топталъ ногами.

— Эй! что тамъ такое? крикнулъ гофмаршалъ.—Куда запропастилась эта Бергеръ?

— Я здѣсь, г. гофмаршалъ, отвѣчала воспитательница, показываясь на порогѣ комнаты съ оскорбленной, но вмѣстѣ съ тѣмъ покорной миной.—Я все время сидѣла здѣсь... Лео велъ себя очень умно... но вдругъ у Габріэля выпала картинка изъ молитвенника... мальчикъ такой глупый, такой безтолковый, г. гофмаршалъ... вмѣсто того, чтобы отдать малюткѣ листокъ, онъ вырываетъ его прямо изъ руки...

Лео перебилъ гувернантку, оттолкнувъ ее своими сильными кулачками въ сторону, и влетѣлъ въ столовую, держа въ каждой рукѣ по клочку бумаги.

— А она, дѣдушка, зачѣмъ разорвала картинку? Развѣ это не глупо? кричалъ онъ, весь красный отъ негодованія. — Мнѣ очень хотѣлось имѣть картинку, это правда... Габріэль мнѣ ее не давалъ, ни за что не давалъ... а она вдругъ разорвала этого хорошенькаго льва на двѣ части... Ну, посмотри, пожалуйста!..

— Это дѣлаетъ честь вашей премудрости, г-жа Минерва, произнесъ старикъ съ самой вѣдой ироніей. Губернантка, въ сознаниі своей справедливости, подошла-было къ нему ближе, но, услыхавъ эти слова, отъ смущенія еще сильнѣе скосила глаза и стала смотрѣть въ сторону.

Гофмаршалъ сложилъ оба клочка бумаги и мелькомъ взглянулъ на нихъ.

— Габріэль! крикнулъ онъ рѣзкимъ, повелительнымъ голосомъ, повернувъ голову по направленію къ сосѣдней комнатѣ.

Оттуда показался мальчижъ и сталъ на порогѣ блѣдный, съ опущенными вѣками.

— Ты опять принялся за малеванье? отрывисто спросилъ гофмаршалъ, прищуривъ свои маленькіе, зеленоватые глазки.

Взглядъ его, какъ ядовитая стрѣла, вылетѣлъ изъ-подъ сѣдыхъ рѣсницъ и вонзился въ трепещущаго ребенка.

Габріэль молчалъ.

— Ну, вотъ, стоитъ теперь передо мной и притворяется болваномъ! а тамъ, за рѣшеткой, вѣдь совсѣмъ другой! Знаю я тебя, мальчишка! Портишь дорогую бумагу неумѣлымъ карандашемъ и поешь свѣтскія пѣсни такъ-же смѣло, какъ степной жаворонокъ...

Потрясенная Ліана посмотрѣла на мальчика. Старикъ говорилъ о тѣхъ пѣсняхъ, которыя ребенокъ пѣлъ съ неспокойнымъ сердцемъ, чтобы усмирить свою безумную мать.

Гофмаршалъ пощупалъ пальцами бумагу.

— И откуда ты добылъ для своего пачканья такую великолѣпную бумагу? продолжалъ онъ допытываться.

Ключница, все еще державшаяся за ручку двери и какъ-будто забывшая, что ей нужно уйти, торопливо выступила впередъ. Лицо ея оставалось совершенно спокойно, только румянецъ на щекахъ сдѣлался еще гуще.

— Эту бумагу онъ получилъ отъ меня, сударь, произнесла она отрывистымъ, рѣшительнымъ тономъ.

Старикъ круто повернулся въ ея сторону вмѣстѣ съ кресломъ.

— Это что значить, Лонъ? крикнулъ онъ.—Какъ вы осмѣлились наперекоръ моему желанію и запрещенію...

— И-и, сударь! объ Рождествѣ можно позволить себѣ и лишнее... Ну, что за бѣда, если на пару пфениговъ кого-нибудь

обрадуешь?.. Вѣдь мальчикъ душу готовъ отдать за хорошую бумагу... Вонъ я дѣтямъ кучера Мартина цѣлый столъ разныхъ бездѣлушекъ подарила, а никто-же не осудилъ меня... Я во весь годъ не справлялась, писать-ли Габріэль, рисуетъ-ли... мое дѣло сторона, я въ этомъ толку не понимаю... а тутъ подумала себѣ: и-и! пусть его нарисуетъ хоть Матерь Божію, грѣха въ этомъ нѣтъ!..

Гофмаршалъ смѣрялъ ее съ ногъ до головы пристальнымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Ужъ я и не знаю: или вы непроходимо глупы, или страшно плутоваты, проговорилъ онъ, растягивая слова.

Фрау Лонъ смѣло выдержала его взглядъ.

— Ахъ, ты Господи! вотъ ужъ плутовкой-то во всю свою жизнь не была! Видно, все это я по глупости сдѣлала, сударь.

— Такъ я васъ попрошу на будущее время въ сочельникъ не затѣвать вашихъ дурацкихъ выдумокъ; поберегите свои пфениги на черный день, когда у васъ не будетъ силъ работать! ругнулся онъ, стуча костью по паркету.— Мальчикъ не долженъ рисовать, рѣшительно не долженъ, это его разсѣваетъ... Что это такое? гаркнулъ онъ, подставляя ей подъ носъ оба клочка бумаги, гдѣ былъ очень вѣрно нарисованъ левъ, готовящійся сдѣлать прыжокъ.— Повторяю опять: этотъ дурень чортъ-знаетъ чѣмъ занимается, а вы, по своей тупости, его прикрываете! Говори! обратился онъ съ повелительнымъ тономъ къ мальчику:—какая тебѣ предстоитъ карьера?

— Я пойду въ монастырь, тихо произнесъ покорный голосъ.

— А зачѣмъ?

— За тѣмъ, чтобы молиться за мать, отвѣчалъ мальчикъ, при чемъ крупныя слезы покатались изъ-подъ его опущенныхъ рѣсницъ.

— Такъ! ты долженъ молиться за свою мать; за тѣмъ ты и родился, за тѣмъ Богъ тебя и на свѣтъ послалъ... и хотъ ты себѣ всѣ колѣни до ранъ изотрешь, день и ночь станешь молить Бога о милосердіи—все будетъ мало. Ты самъ это очень хорошо понимаешь и его преподобіе тебѣ сотни разъ объ этомъ твердилъ, а твоя душа все-таки прилѣпляется къ мірскимъ вещамъ, и ты еуешь въ свой молитвенникъ строго запрещенное малеванье... Стыдись, негодный мальчишка! Маршъ! вонъ отсюда!..

Гибкая, тонкая фигура мальчика исчезла за дверью, какъ тѣнь.

— Лонъ, прошу взять оттуда всю его бумагу и принести ко мнѣ.

— Слушаю, сударь, отвѣчала ключница, тщательно разглаживая рукой своей туго накрахмаленный фартукъ.

Рука ея едва замѣтно дрожала, но вообще женщина эта сохранила прежній спокойный и серьезный видъ, и, равнодушно поклонившись, вышла изъ комнаты.

— Дѣдушка сегодня ни на что не похоже, какой злой, проворчалъ Лео, обращаясь къ гувернантѣ.

Гувернантка въ ужасѣ зажала ему ротъ рукой; ребенокъ съ сердцемъ оттолкнулъ руку, ударилъ по ней и самымъ дерзкимъ образомъ сталъ вытирать губы рукавомъ.

— Не смѣйте дотрогиваться вашей холодной рукой до моего лица! я этого терпѣть не могу! сказалъ онъ грубо.

Ліана тщетно ожидала, что будетъ выговоръ мальчику отъ гофмаршала; но старикъ повернулъ голову къ камину и сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ рѣзкаго удара по рукѣ гувернантки.

— Лео, ты ведешь себя очень нехорошо и заслуживаешь наказанія, замѣтила, наконецъ, строго молодая женщина.

— Пожалуйста, не браните его, онъ это сдѣлалъ не отъ сердца, лепетала гувернантка, завязывая мальчику салфетку вокругъ шеи. — Мы съ нимъ вообще очень дружно живемъ... неправда-ли, Лео, голубчикъ мой?

— Съ такой методой вы не далеко уйдете, фрейленъ Бергеръ, продолжала молодая женщина; — да притомъ и для ребенка такого рода обращеніе...

— Извините, перебила ее презрительно гувернантка, искоса взглянувъ на гофмаршала: — я дѣйствую по высшимъ инструкціямъ... и буду всегда стараться заслужить одобреніе съ той стороны... Двумъ господамъ служить нельзя, и...

— Позвольте мнѣ договорить! спокойно перебила Ліана этотъ потокъ рѣчей, причежь она сдѣлала такой аристократически-повелительный жестъ, что гувернантка умоляла и опустила глаза.

— Такъ позвольте и мнѣ, въ свою очередь, васъ перебить, сударыня, громко сказалъ старикъ. Онъ небрежно раскинулся въ креслѣ, складывая кончики пальцевъ и шевеля ими; отврати-

тельно-дерзкая улыбка мелькала на его губахъ.— Вы вчера были очень величественной и дѣвственно-очаровательной невѣстой; увѣряю васъ, что вчера вы мнѣ гораздо болѣе понравились, чѣмъ сегодня, въ вашей новой роли матроны. Серьезная мина вовсе нейдетъ къ вашей молоденькой рожицѣ... Скажите, откуда это вы заимствовали склонность къ воспитанію дѣтей? Ужь, конечно, не отъ сіятельной мама... за это я поручусь...

Старикъ проговорилъ все это улыбаясь, какъ-бы шутя, не переставая играть руками и откинувъ голову на спинку кресла, причѣмъ обнаружались его прекрасно сохранившіеся, бѣлые, какъ снѣгъ, зубы.

— А-а! вы, вѣроятно, въ пансіонѣ читали Эмиля, блаженной памяти Руссо! съ позволенія или безъ позволенія начальницы— все равно... Да, эти идеи были когда-то въ модѣ; ими когда-то сильно кокетничали... Баронесса, мы теперь должны идти инымъ путемъ; наши потомки должны быть желѣзными людьми; намъ нужно сѣять драконовы зубы, а не тѣ, такъ-называемыя благословенныя, сѣмена добра, которыми наполнены карманы нынѣшнихъ школьныхъ наставниковъ и которыми они такъ харахорятся, когда несутъ свой подневный трудъ. Не портите же на будущее время ваши нѣжныя, очень дѣтскія черты несвоевременнымъ строгимъ выраженіемъ, прелестная женщина, и представьте мнѣ обо всемъ заботиться... А теперь я попрошу чашку шоколада изъ вашихъ бѣлыхъ ручекъ.

Ліана поставила налитую чашку на серебряный подносикъ и подала ее сама старику. По наружности она была совершенно спокойна и, повидимому, не обращала никакого вниманія ни на торжествующіе взгляды косыхъ глазъ гувернантки, ни на дерзко-насмѣшливую улыбку старика. Когда она подошла къ нему съ чашкой, онъ съ минуту смотрѣлъ на нее въ упоръ; тутъ ей въ первый разъ удалось заглянуть поглубже въ его маленькіе, умные глазки: они такъ и сверкали злобой.

„Этотъ человѣкъ мой непримиримый врагъ и мнѣ предстоитъ бороться съ нимъ до самой его смерти“, сказала она сама себѣ.

Ліана слишкомъ была умна, чтобъ не понять, что кротостью и уступчивостью она все потеряетъ и онъ растопчетъ ее подъ ногой; сохранить настоящее положеніе въ домѣ она можетъ не иначе, какъ внушивъ къ себѣ уваженіе, т. е. расплачиваясь при

каждомъ удобномъ случаѣ тою-же монетою, какую приподнесетъ ей старикъ.

Онъ взялъ ея лѣвую рубку и сталъ ее разсматривать.

— Прекрасная рука, настоящая аристократическая рука! говорилъ онъ, — но грубая, очень грубая — (онъ провелъ по боковой сторонѣ указательнаго пальца.) — Вы шили, баронесса, — не вышивали, а шили... вѣроятно, готовили себѣ бѣлье въ приданое? Гм! всѣ эти рубцы и шероховатости должны быть сглажены прежде, чѣмъ мы васъ представимъ ко двору. То, что можетъ служить пробнымъ камнемъ для работающей горничной, нейдетъ къ рукамъ баронессы Майнау. Боже мой! какъ времена-то перемѣнились! Что сказалъ-бы, глядя на эти маленькія ранки, рыжій Іовъ фон-Трахенбергъ, самый богатый и могущественный изъ рыцарей-крестоносцевъ!

Ліана посмотрѣла сверху на старика съ серьезной улыбкой.

— Въ его времена дамы высшаго сословія не стыдились имѣть работающія руки; что-жъ касается нашей бѣдности, которую вы считаете причиной моего исколотаго пальца, то, я думаю, вѣрнѣе было-бы сказать, что рокъ сильнѣе человѣческой воли и что столѣтія, пролетѣвшія послѣ Іова Трахенберга, не безслѣдно прошли для всѣхъ дворянскихъ родовъ... Вѣдь и Майнау не всегда пренебрегали трудомъ. Я очень внимательно пересмотрѣла нашъ фамильный архивъ и нашла тамъ документъ, въ которомъ сказано, что одинъ изъ Майнау весьма долгое время служилъ кастеляномъ въ замкѣ у одного изъ моихъ предковъ, и тотъ отзывается о немъ съ похвалой: это честный, вѣрный и трудолюбивый человѣкъ, пишетъ онъ.

Сказавъ это, она вернулась къ круглому столу и стала готовить себѣ кофе. Съ минуту въ залѣ царствовало мертвое молчаніе. Гофмаршалъ, при послѣднихъ словахъ молодой женщины, такъ поспѣшно поднесъ чашку съ шоколадомъ къ губамъ, точно боялся, какъ-бы не упасть въ обморокъ. Ліана ясно слышала, что сзади нея звякнулъ тонкій фарфоръ, и, когда старикъ повелительно и грубо потребовалъ еще гренокъ, она такъ предупредительно подала ему тарелку, точно между ними ничего не произошло. Гофмаршалъ ошупью взялъ съ тарелки нѣсколько гренокъ, упорно смотря на своды камина.

ГЛАВА IX.

— Мама, сказалъ Лео, ласково протягивая ручки къ молодой женщинѣ:—я буду умница, никогда больше не стану бить Бергеръ,—позволь мнѣ только сидѣть подлѣ тебя!

Ліана, не обращая вниманія на гнѣвные взгляды, бросаемыя ей съ кресель у камина, позволила мальчику сѣсть рядомъ съ собою и сама приготовила все, что было нужно для его завтрака. Въ эту минуту въ залу вошелъ баронъ Майнау. Онъ невольно остановился на порогѣ, пораженный пріятной картиной. Именно въ такомъ видѣ представлялъ онъ себѣ хозяйку дома въ Шенвертѣ. Ліана была въ скромномъ батистовомъ платьѣ, застегнутомъ до самаго горла; ея блѣдное, точно безкровное лицо составляло поразительный контрастъ съ свѣжей, блестящей красотою мальчика, а ея рыжіе волосы, на свѣтломъ фонѣ стѣнн, отливали пурпуромъ... Вчера баронъ почти оробѣлъ отъ внушительнаго, гордаго тона этой-же самой женщины; ея стройная, величественная фигура, надменно обращенная къ нему голова съ золотистыми волосами, рѣшительная рѣчь — смутили его. Онъ сразу понялъ, что Ліана далеко не была кроткой, выросшей заперти, незначительной, рыжей дѣвочкой съ робкимъ характеромъ, то-есть такимъ существомъ, какого онъ себѣ давно подыскивалъ, соображаясь съ своей семейной обстановкой въ Шенвертѣ, и это неожиданное открытіе взволновало и разсердило барона не на шутку. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что его перехитрила старая, опытная въ житейской мудрости, графиня изъ Рудсдорфа и что онъ связанъ на всю жизнь съ надменной, требовательной женщиной, которая, опираясь на длинный рядъ своихъ предковъ и на свои внѣшнія преимущества, покусится овладѣть такъ тщательно оберегаемой имъ свободой...

И вдругъ сегодня Ліана является въ роли матери и хозяйки дома и до того какъ-будто стушевывается, что даже некрасивая гувернантка затмѣваетъ ее... Она посадила рядомъ съ собою Лео и, повидимому, смирила самого капризнаго дядюшку.

Съ улыбкой на лицѣ, баронъ быстро подошелъ къ столу; съ появленіемъ этого здороваго, крѣпкаго, свѣжаго, молодого супруга въ залѣ точно пахнуло яснымъ, лѣтнимъ днемъ. Никто.

кажется, такъ живо не почувствовалъ этого, какъ большой старикъ въ креслахъ на колесахъ; онъ сердито нахмурилъ брови, тяжело вздохнулъ и жолчное расположение его духа еще болѣе усилилось.

— Ну, Рауль, кайся, много-ли уцѣлѣло въ расадникѣ твоихъ знаменитыхъ *Ргипус трибола*? насмѣшливо спросилъ онъ у племянника, который въ это время цѣловалъ руку жены.

По бѣлому, широкому лбу молодого барона пронеслось облако; но онъ засмѣялся и отвѣтилъ съ добродушной ироніей:

— Хитрецы!.. имъ только „одну избушку“ хотѣлось построить, вотъ они и нашли, что мои ростки „*Ргипус*“ какъ-разъ для этого пригодятся. Къ счастью, ихъ накрыли въ ту минуту, когда лучшій экземпляръ—мое любимое дерево—готовилось пасть подъ ударами ихъ топора... но вообще значительнаго вреда они не успѣли сдѣлать...

— Если-бы они даже одну вѣтку сорвали, то и тогда нельзя назвать вредъ незначительнымъ! перебилъ его запальчиво гофмаршалъ.—Пока я владѣлъ ногами, никто не смѣлъ тронуть ни одного листа... Этихъ дерзкихъ грабителей слѣдуетъ наказывать... примѣрно наказывать... Я-бы непременно отдулъ ихъ хлыстомъ...

— А я не имѣлъ ни малѣйшей охоты бить воющую дѣвочку и до полусмерти перепуганнаго мальчика, возразилъ медленно, небрежнымъ тономъ баронъ Майнау, отходя къ окну.

Какой контрастъ представляло это напускное равнодушіе обыкновенно вспыльчиваго молодого барона съ необузданной злостью его дяди!

Видѣ себя отъ негодованія, старикъ повернулъ голову къ племяннику, который тихо барабанилъ пальцами по стеклу.

— Подобнымъ гуманнымъ воззрѣніямъ будутъ неистово аплодировать портные и сапожники и съ помощью ихъ можно приобрести популярность на одни сутки; но въ глазахъ людей своего сословія ты сдѣлаешься только смѣшнымъ, бросилъ вскользя гофмаршалъ.

Баронъ Майнау продолжалъ барабанитъ по стеклу, хотя вся кровь бросилась ему въ лицо.

— Милый Рауль, въ то время, когда я наблюдалъ за престелной сценой на дворѣ, я съ ужасомъ подумалъ: неужели все то правда, что объ тебѣ говорятъ? началъ опять старикъ.

— А что про меня говорят? спросил баронъ, быстро обращиваясь.

— Ну, ну, другъ мой, прошу не сердиться, отвѣтилъ дядя, вида, что племянникъ его стоитъ въ нишѣ окна съ вызывающимъ, повелительнымъ выраженіемъ въ лицѣ:—это не касается твоей чести, а только дѣлаетъ тебя, какъ я сказалъ прежде, смѣшнымъ, когда ты, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, позволяешь уличеннымъ преступникамъ уйти безнаказанно. Напримѣръ, хоть исторія съ извѣстнымъ браконьеромъ Гессе: онъ нѣсколько лѣтъ къ ряду опустошалъ шенвертскіе лѣса, и вдругъ, при помощи какого-то „высокаго“ покровителя, удралъ, какъ-разъ въ ту минуту, когда жандармы уже держали его за воротъ...

Насмѣшливо-веселая улыбка промелькнула по выразительному лицу барона.

— Э! неужели и этотъ маленькій грѣхъ мой успѣлъ долетѣть до твоихъ ушей, дядя? спросилъ онъ. — Дерзкій Гессе былъ, дѣйствительно, непріятная личность; онъ стрѣлялъ у меня подъ носомъ самыхъ крупныхъ оленей. Дѣлай это онъ изъ страсти къ охотѣ—я-бы, конечно, долженъ былъ смотрѣть сквозъ пальцы; но вѣдь его побуждалъ голодъ... fi donc!.. въ прежнія времена, натурально, шенвертскіе владѣтели иначе-бы распорядились... они имѣли тогда право не только разстрѣлять наглаго посягателя на ихъ собственность, но даже, если-бы пожелали, могли выкроить себѣ перчатки изъ его кожи... Царь небесный! какая завидная была власть!.. шутка-ли: имѣть право натянуть на пальцы кожу своего ближняго!..

При послѣднихъ словахъ гофмаршалъ круто повернулъ свое кресло и зорко посмотрѣлъ на племянника; затѣмъ, точно такъ-же нетерпѣливо, обернулся къ нему спиной и принялся мѣрно стучать палкой о бронзовыя украшенія камина.

— Современныя идеи вырвали у насъ изъ-подъ носу большую часть нашихъ сословныхъ привилегій, продолжалъ баронъ; — то, что намъ предлагаютъ взамѣнъ ихъ, я не беру. Такъ, напримѣръ, мошенникъ, обчистившій лавку кумовьевъ Шнейдера и Шустера, подвергается совершенно одинаковому наказанію съ преступникомъ, воровавшимъ у меня дичь. Миѣ отъ этого рѣшительно нѣтъ никакой выгоды: его на-время засадятъ, а когда потомъ выпустятъ и онъ увидитъ, что ему кусать нечего, то въ

первый-же удобный вечер не замедлить забраться въ мой загонъ. Я расправляюсь, какъ мои предки, по-своему: спроваживаю такого молодца съ глазъ долой... въ Америкѣ ужъ онъ мнѣ вредить не можетъ...

— Все это вздоръ и больше ничего! проворчалъ сердито гофмаршалъ, между тѣмъ какъ баронъ Майнау подошелъ къ круглому столу и сталъ гладить вудрявую головку Лео.

— Послѣ завтрака, мой мальчикъ, мы поѣдемъ кататься, сказалъ онъ.—Надо показать мамѣ, гдѣ у насъ живутъ фазаны, и вообще осмотрѣть все замѣчательное въ Шенвертѣ. Ты согласна на это, Юліана?

Она молча кивнула головой, не отрывая глазъ отъ работы.

Мужъ закурилъ новую сигару и взялся за шляпу. Ліана поднялась съ мѣста.

— Можете вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ? спросила она.

Передъ барономъ снова стояла высокая, стройная, гордая женщина, съ бѣлой, атласистой кожей на лицѣ, какъ вообще у рыжеволосыхъ, съ сѣрыми, стального цвѣта глазами, спокойно и безстрастно смотрѣвшими на него. Онъ весело подаль ей руку.

— Берегись, Рауль! крикнулъ вслѣдъ ему гофмаршалъ, шуточно грозя пальцемъ:—у нашей красавицы полные карманы самыхъ интересныхъ новостей изъ Рудисдорфа; она рылась въ фамильныхъ документахъ не хуже любого архивариуса, и сейчасъ сообщила мнѣ, что одинъ изъ Майнау находился въ служебнѣи у сіятельныхъ Трахенберговъ...

Баронъ въ негодованіи отдернулъ свою руку, до которой уже коснулись пальцы молодой женщины. Сильно нахмуривъ брови, онъ молча направился къ двери, широко распахнулъ ее и пропустилъ жену впередъ.

Ліана тогда только подняла глаза, когда мужъ жестомъ руки пригласилъ ее войти въ слѣдующую комнату. При самомъ входѣ туда она была поражена видомъ какого-то бѣлаго облака, рѣзко выдававшася на красномъ фонѣ стѣны въ помпейскомъ вкусѣ. Это былъ портретъ воздушнаго, юнаго созданія, съ капризной, хорошенькой головкой, плоской грудью, узкими плечами и худенькими, дѣтскими ручками, утонувшаго въ мастерски-нарисованныхъ прозрачныхъ кружевныхъ волнахъ. Этотъ портретъ въ тяжелой золоченой рамѣ напоминалъ пойманную бѣлую бабочку,

которая напрасно силится вылетѣть на свободу. Онъ изображалъ первую жену барона, и Ліана не безъ волненія поняла, что она находится въ комнатѣ мужа. Она торопливо отошла къ окну.

— Я васъ долго не задержу, сказала она, отстраняя кресло, которое мужъ подкатилъ ей.

Она осталась въ нишѣ окна и оперлась рукой на край письменнаго стола; при этомъ она нечаянно задѣла и уронила одинъ изъ большихъ фотографическихъ портретовъ въ круглой рамѣ, украшавшихъ столъ.

— Это герцогиня, объяснилъ Майнау съ полуусмѣшкой, въ формѣ рекомендаціи, и осторожно поставилъ на мѣсто портретъ роскошной красавицы.

Затѣмъ онъ отошелъ къ окну и дернулъ за шнурокъ стору; та быстро поднялась, при чемъ тоненькій лучъ солнца ударилъ прямо въ лицо Ліаны и заставилъ ее закрыть глаза.

— Ну, Юліана, спросилъ баронъ, не оборачиваясь къ ней и продолжая возиться около стору,—могу я узнать, что ты хотѣла мнѣ сообщить? Это, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Рудисдорфу, какъ полагаетъ дядя? А старикъ былъ въ прескверномъ расположеніи духа... твое замѣчаніе, по-видимому, очень его раздражило.

— И по-дѣломъ, отвѣчала Ліана спокойно, но твердо.

— Какъ! неужели онъ опять осмѣлился тебя оскорбить? Онъ далъ мнѣ слово...

— Оставимъ это, перебила его Ліана съ жестомъ полнымъ достоинства.—Я считаю гофмаршала за человѣка больного и не забываю этого ни на одну минуту... Но умышленныя злобныя выходки я съумѣю отпарировать и буду такъ дѣйствовать, пока не отучу его отъ нихъ...

Майнау пристально посмотрѣлъ на нее черезъ плечо.

— Это очень благоразумно, произнесъ онъ медленно, подходя къ столу;—при такой системѣ у насъ въ домѣ непременно водворится миръ, котораго я такъ жажду... Вѣрь мнѣ, нѣтъ ничего непріятнѣе для человѣка путешествующаго, какъ сознаніе, что у него въ семействѣ дѣлается не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Вотъ объ этомъ-то именно я и хотѣла съ вами переговорить. Вы...

Баронъ весело улыбнулся.

— Однако, это ни на что не похоже, Юліана! перепилъ онъ ее.— Тотъ, кто услыхаль-бы нашъ теперешій разговоръ, отъ души-бы расхохотался... Какъ хочешь, а тебѣ нужно-же когда-нибудь рѣшиться перейти съ *вы* на *ты*, хотя-бы ради прислуги въ замкѣ, которая иначе припишетъ это неумѣстному уваженію ко мнѣ. Я не желаю пользоваться подобнымъ почетомъ, да по правдѣ сказать—хотя это и горькая истина—я не заслуживаю его по моимъ грѣхамъ...

При этомъ онъ невольно окинулъ глазами свой письменный столъ изящной рѣзной работы и углубленіе оконной ниши, гдѣ онъ стоялъ. Ліана слѣдовала за направленіемъ его взгляда. И, дѣйствительно, всѣ эти портреты въ бронзовыхъ рамахъ на стѣнѣ ниши представляли цѣлую галерею красавицъ; между прекрасными аристократическими лицами съ задумчивыми глазами или гордо откинутыми головками висѣли изображенія танцовщицъ въ самыхъ соблазнительныхъ позахъ и туалетахъ; посрединѣ стола, гдѣ всего-бы приличнѣе было находиться портрету Лео, возвышался стеклянный колпакъ надъ бѣлой бархатной подушкой, съ довольно полинявшимъ свѣтло-голубымъ атласнымъ башмакомъ.

Ліану не удивило присутствіе такихъ предметовъ нѣжныхъ воспоминаній въ кабинетѣ молодого человѣка: рассказы ея пансіонскихъ подругъ успѣли уже просвѣтить ее по этой части; но тѣмъ не менѣе при видѣ башмака она сильно покраснѣла. Майнау замѣтилъ это.

— Это все воспоминанія о той несчастной эпохѣ, когда я еще предавался мечтамъ, заговорилъ онъ весело, стуча указательнымъ пальцемъ по стеклянному колпаку, который звенѣлъ на всю комнату.— Господи! надоѣлъ мнѣ этотъ башмакъ до смерти, но давъ слово... Въ порывѣ увлеченія я поклялся обладательницѣ его сохранить на вѣки этого свидѣтеля ея триумфа, и вотъ лежитъ онъ такимъ образомъ ужъ нѣсколько лѣтъ, перѣдко оскорбляя своими почтенными разиѣрами мой изящный вкусъ, а главное—мое самолюбіе, какъ доказательство того, что я былъ непозволительно глупъ въ то время... Однако, Юліана, продолжалъ онъ, переходя отъ насмѣшливаго въ серьезный тонъ,— прошу тебя, разъ навсегда, не говорить мнѣ *вы*. Повѣрь, что это очень упроститъ твое положеніе у насъ въ домѣ. Будемъ

добрыми друзьями, Юліана, вѣрными, хорошими товарищами, которые уживаются, не заявляя никакихъ особенныхъ требованій и не впадаютъ въ сентиментальность... Хотя меня и осуждаютъ за вѣтреность характера, но ты сама увидишь, что въ дружбѣ на меня можно положиться и что друзей я никогда не обманываю...

— Ради Лео—я согласна, отвѣчала Ліана, съ рѣдкимъ женскимъ тактомъ тотчасъ-же понявъ свое настоящее положеніе.— Мнѣ нужно было переговорить съ тобой о Лео; ребенокъ находится въ неблагонадежныхъ рукахъ и тебѣ слѣдуетъ немедленно принять мѣры...

Онъ не далъ ей докончить.

— Предоставляю тебѣ распоряжаться, какъ хочешь! воскликнулъ онъ съ видимымъ нетерпѣніемъ:— прогони гувернантку, если она тебѣ не нравится, только оставь меня въ покоѣ! Ради всего святаго, не подражай Валеріи!.. Та изъ меня сдѣлала полицейскаго въ домѣ и плакала навзрыдъ, если я не взъискивалъ строго съ ея горничной, когда та дурно приколетъ ей бантъ... Избавь меня отъ домашнихъ сценъ, Юліана: я не могу ихъ выносить. Чѣмъ спокойнѣе, пассивнѣе и однообразнѣе пойдетъ жизнь въ Шенвертѣ, тѣмъ болѣе я буду считать себя обязаннымъ моему доброму товарищу... Впрочемъ, дядя почти уже условился съ новой гувернанткой, которую ему рекомендуютъ съ отличной стороны.

Ліана вынула изъ кармана какія-то бумаги.

— Я-бы хотѣла, чтобы новая гувернантка не пріѣзжала вовсе, сказала она.— Взгляни на эти бумаги: это аттестаты, полученные мною изъ пансіона; теоретически и основательно я знакома со многими новѣйшими языками; что-жъ касается выговора, то ты самъ можешь быть судьей въ этомъ дѣлѣ; по другимъ предметамъ у меня также хорошія отиѣтки. Несмотря на все это, я-бы не рѣшилась предложить себя въ наставницы твоему мальчику, если-бы не сознавала, что училась серьезно... Я буду очень счастлива, если ты дашь мнѣ возможность выполнить принятую мною на себя задачу, а именно: заняться исключительно и непосредственно воспитаніемъ твоего ребенка...

Баронъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ и остановился, наконецъ, передъ женой.

— Я никогда не слыхивалъ подобныхъ рѣчей ни отъ какой

женщины, сказалъ онъ.—Пожалуй, я повѣрилъ-бы тебѣ, Юліана, если-бы ты была на десять лѣтъ старше и опытиѣе въ жизни.

Онъ насмѣшливо, почти презрительно окинулъ глазами галерею красавицъ въ нишѣ окна и на минуту остановилъ ихъ на портретѣ своей первой жены.

— Левъ еще крови не лизнулъ,—можно сказать про всѣхъ васъ, неопытныхъ женщинъ. Кто знаетъ, можетъ быть, во многихъ изъ этихъ головокъ гнѣздились мечты о благонамѣренныхъ задачахъ жизни до тѣхъ поръ, пока общество не втянуло ихъ въ свой омутъ, продолжалъ онъ, обводя рукой весь рядъ портретовъ.—Ты воспитывалась въ пансіонѣ; едва вернулась въ родительской домъ, какъ сдѣлалась свидѣтельницей—извини меня—крушенія рудисдорфскаго великолѣпія; ты понятія не имѣешь, сколько очаровательныхъ соблазновъ представляетъ жизнь... Графиня Трахенбергъ-мать исчерпала ихъ до дна...

Намекъ на расточительность матери заставилъ Ліану вспыхнуть до ушей.

— Что я могу тебѣ отвѣтить, произнесла она тихо,—когда ты не вѣришь, чтобы у дѣвушки достало силы воли принимать дурные примѣры за предостереженіе для себя? Станемъ говорить откровенно, какъ добрые товарищи, и, продолжала она энергично,—мы съ тобой оба составили себѣ планъ жизни, и я отъ своего не отступлюсь. Прежде всего умоляю тебя не класть ничего въ верхній ящикъ моего письменнаго стола; эти свертки золота положительно наводятъ на меня страхъ... да, наконецъ, на что мнѣ они?

— И ты воображаешь, что я тебѣ, повѣрю, Юліана? смѣясь возразилъ Майнау. — Повѣрю-ли я послѣ того, какъ вчера еще ты мнѣ говорила, что не преминешь воспользоваться своимъ правомъ носить горностаѣ?. Гдѣ-жь ты его будешь носить? Ужь, конечно, не въ классной комнатѣ. Тебѣ непременно захочется величественно влачить его по паркетамъ придворныхъ залъ, а что еще тебѣ понадобится для дополненія этого туалета, ты сама очень скоро сообразишь... Повѣрь, что настанетъ время, когда ты попросишь меня прибавить на булавки... Вотъ эта—(онъ указалъ пальцемъ на портретъ первой жены) — поняла это сразу... и ты скоро научишься...

— Никогда! воскликнула рѣшительнымъ тономъ молодая жен-

щина.—Позволь сказать тебѣ въ мою защиту, что если я горжусь моими предками, то это потому, что они были, изъ роду въ родъ, люди высокой чести; для меня нѣтъ большого удовольствія, какъ перечитывать ихъ біографіи; но на ихъ заслуги я не могу опираться, когда дѣло касается лично меня; мало того, я никогда не позволю себѣ гордиться наслѣдственнымъ блескомъ передъ людьми, непридающими никакого вѣса внѣшнимъ преимуществамъ; только въ тѣхъ случаяхъ, когда я сталкиваюсь съ самодурствомъ и надменностью, я ударяю, и такъ выразительно, въ щитъ моихъ предковъ, что онъ звенитъ...

Баронъ постоялъ съ минуту молча и скрестивъ руки передъ женой.

— Позволь спросить тебя, Юліана, произнесъ онъ медленно:—отчего у тебя только въ Шенвертѣ такіе глаза?

Молодая женщина робко закрыла вѣками свои блестящіе, выразительные глаза.

— Дай мнѣ теперь-же рѣшительный отвѣтъ, сказала она въ сильномъ смущеніи:—разрѣшаешь-ли ты мнѣ быть матерью для Лео и его единственной воспитательницей? Постараешься-ли ты употребить свое вліяніе на гофмаршала, чтобы онъ не становился мнѣ поперегъ дороги? заключила она съ мольбой въ голосъ.

— Старикъ непременно будетъ дѣлать затрудненія, отвѣчалъ баронъ, проводя рукой по лбу,—но это не удержитъ меня облечь тебя безграничной властью. Посмотримъ, какая сторона твоей природы возьметъ верхъ: избранная-ли тобой задача жизни съ ея терніями, или характеръ свѣтской женщины, дочери женщины, происходящей изъ фамиліи князей Лутовскихъ.

— Благодарю тебя, Майнау, проговорила она искреннимъ тономъ обрадовавшагося ребенка, пропуская мимо ушей его ироническое замѣчаніе.

Мужъ взялъ-было ее за руку, съ тѣмъ, чтобы поцѣловать, но она ловко увернулась и поспѣшно пошла къ двери.

— Это лишнее между добрыми товарищами: мы и безъ того поладимъ! воскликнула она съ очаровательно веселой улыбкой, взглянувъ на него черезъ плечо, и вышла изъ комнаты.

ГЛАВА X.

Фрау Лоя приходилось не въ моготу, какъ она сама выражалась, причеъ поддерживала такое заявленіе покачиваніемъ головы и сердито всовывала глубже безукоризненно прямо вотънутую роговую гребенку въ свой пучеъ съдхъ волосъ на затылкѣ. Съ больной рѣшительнѣе не было ладу; она находилась въ страшно-возбужденномъ состояніи, потому что ея свѣтлость герцогиня ежедневно проѣзжала верхомъ мимо индѣйскаго домика. Странное дѣло! въ придворныхъ кружкахъ были вполнѣ убѣждены, что внезапный бракъ Майнау — этотъ безумный, отважный шагъ — совершенно измѣнить его прежнія отношенія при дворѣ и что бывшее благоволеніе замѣнится самыми непріязненными чувствами. Случилось-же на-оборотъ. Люди, посвященные въ тайны придворной жизни, шопотомъ передавали другъ другу, что герцогиня вышла изъ своей ледяной сдержанности послѣ того, какъ убѣдилась, что союзъ барона только бракъ изъ приличія и что старикъ гофмаршалъ смертельно ненавидитъ молодую, рассчитывая, рано или поздно, развести ее съ мужемъ. Но эти зоркіе наблюдатели забыли объ одномъ, а именно, что въ гордомъ сердцѣ аристократки, равно какъ и въ сердцѣ гризетки, постоянно живетъ неразгаданная тайна женской природы. Герцогиня никогда такъ страстно и, можно сказать, такъ покорно не любяла красиваго и своенравнаго Майнау, какъ „Красноволосая“, какъ придворныя дамы, называли за-глаза новую хозяйку шенвертскаго замка, ни въ какомъ случаѣ не могла служить предметомъ ревности; герцогиня видѣла ее налету, сквозь креповый вуаль, и не нашла въ ней ничего привлекательнаго. Первая жена Майнау, по своимъ великолѣпнымъ туалетамъ, пикантной, выразительной наружности и страсти къ удовольствіямъ, была всегда украшеніемъ двора, гдѣ ее постоянно принимали, какъ желанную гостью, между тѣмъ, какъ вторую жену онъ даже и не представилъ ко двору. Онъ жилъ, какъ и прежде, по-холостому, переселяясь иногда на нѣсколько дней изъ замка въ свою щегольскую квартиру въ резиденціи и совершенно спокойно говорилъ о своей предстоящей поѣздкѣ на востокъ; этого было достаточно для убѣжденія герцогини въ томъ, что нанесенное ей оскорбленіе вполнѣ погасило

пламенную жажду мести страстного барона и что онъ, вѣроятно, очень равнодушно относится къ дальнѣйшей судьбѣ избраннаго имъ орудія мести. Вотъ почему она продолжала почти ежедневно ѣздить верхомъ черезъ шенвертскій паркъ, хотя и не безъ внутренняго волненія.

По удаленіи гувернантки изъ замка, что совершилось по распоряженію Майнау, нѣсколько дней спустя послѣ его разговора съ Ліаной. духовникъ сталъ гораздо чаще посѣщать Шенвертъ. Онъ преподавалъ Лео законъ Божій. Между дядей и племянникомъ произошла очень бурная сцена; прислуга увѣряла, что щепки летѣли отъ паркета—до того неистово колотилъ по немъ палкой старый баронъ. Но горячился онъ совершенно тщетно, потому что, полчаса спустя, спальню маленькаго Лео устроили рядомъ съ спальней молодой баронессы; съ этихъ поръ она вступила во всѣ права матери и въ домѣ ей стали оказывать глубокое уваженіе. Хотя прислуга въ замкѣ и передавала другъ другу шепотомъ, что гофмаршалъ ненавидитъ Ліану, что молодой баронъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, тѣмъ не менѣе всѣ сознавали, что она выглядитъ настоящей графиней и что ни у кого не хватаетъ духу сказать ей невѣжливое слово. Въ началѣ ихъ, конечно, удивляло, что „вторая“ такая молчаливая, ходитъ неслышно, точно бѣлая женщина, и появляется среди нихъ неожиданно, чтобы наблюдать за порядкомъ; но скоро они привыкли къ такому ея „обычаю“, и даже упрямая ключница безъ возраженій растворяла настежь шкапы съ бѣльемъ, отдавая ихъ на контроль сѣрыхъ, испытующихъ глазъ хозяйки.

Послѣ своего перваго разговора съ мужемъ, Ліана избѣгала случаевъ оставаться съ нимъ наединѣ, а барону не приходило въ голову добиваться этого. Теперь онъ уже не имѣлъ повода удивляться выраженію ея глазъ; даже во время горячихъ преній его съ духовникомъ за чайнымъ столомъ она сидѣла тихо, не отнимая своихъ прелестныхъ рукъ отъ вышиваемаго ею ковра, изъ чего Майнау перѣдко заключалъ, что она твердитъ тогда наизусть вокабулы Лео или считаетъ мысленно куски мыла, отпущеннаго въ прачечную. Онъ, несправедливый, бывало, какъ смертельный ядъ, тоскливое однообразіе пѣмецкой жизни, водворилъ теперь эту жизнь цѣликомъ въ своемъ домѣ въ лицѣ тихой, пассивной натуры молодой жены. Кромѣ того, онъ копчилъ всѣ

свои затѣи въ паркѣ, такъ-что ему, на слѣдующее полугодіе, нечего было дѣлать на родинѣ, и потому онъ энергически сталъ готовиться къ путешествію.

— Во мнѣ кипитъ кровь бродягъ Майнау, замѣтилъ онъ смѣясь, разъ вечеромъ, за чаемъ, дядѣ.

Старикъ страшно вспылилъ, громко протестуя какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени своихъ благородныхъ предковъ, противъ такого прозвища; затѣмъ произошелъ горячій обмѣнъ словъ между ними, бросившій нѣкоторый свѣтъ на прошедшее. Пока Ліана, повидимому, совершенно равнодушно вышивала стежокъ за стежкомъ, въ воображеніи ея ярко возставали образы трехъ братьевъ Майнау, которые заставили очень много говорить о себѣ втеченіи тридцати пяти лѣтъ: всѣ трое были красавцы, знатнаго происхожденія и служили предметомъ общаго уваженія. Сидѣвшій передъ Ліаной старикъ, съ тщательно завитой сѣдой головой, съ легкимъ румянцемъ волненія на щекахъ, имѣлъ полное право протестовать противъ выраженія „кровь бродягъ“: ему, среднему изъ трехъ братьевъ, казалось невозможнымъ жить и дышать въ другой атмосферѣ, кромѣ придворной. Онъ постоянно стремился къ высшимъ цѣлямъ, какъ имѣла обыкновеніе говорить графиня Трахенбергъ, когда хотѣла намекнуть на то, что она отпустила его съ носомъ. Занимая приличное по своему положенію мѣсто при дворѣ, онъ выискалъ себѣ столь-же приличную по положенію и супругу, на которой ему велѣла жениться бывшая въ то время герцогиня-правительница. Онъ съ чистой совѣстью могъ сказать, что подошвы его сапогъ никогда не касались почвы будничной, мѣщанской жизни. Старшій братъ его сошелъ со сцены очень скоро; онъ началъ съ того, что отправился въ экспедицію къ сѣверному полюсу; затѣмъ очень долго велъ кочующую жизнь, охотясь съ индѣйцами, а когда вернулся обратно въ гнѣздо сплетень маленькаго германскаго уголка, то отъ его эксцентричныхъ выходовъ и разнузданности не разъ подиралъ морозъ по кожѣ его придворнаго брата. Наконецъ, одной красивой, богатой наслѣдницѣ удалось поймать его въ свои сѣти; онъ обвинчался съ нею и прожилъ именно столько времени въ резиденціи, сколько было нужно, чтобы закрыть глаза своей хорошенькой женѣ послѣ ея тяжелыхъ родовъ, окрестить своего сиротку мальчиба именемъ Рауля и написать завѣщаніе;

исполнивъ это, онъ отрясъ прахъ родины съ своихъ ногъ и, въ заключеніе, предоставилъ германскому посольству въ Бразиліи увѣдомить родныхъ, что онъ умеръ отъ лихорадки.

Все это было высказано въ упомянутый вечеръ, и Ліана, на одну минуту, почувствовала въ своемъ сердцѣ состраданіе къ обвѣнчанному съ нею человѣку, такъ рано оставшемуся сиротою; но она тутъ-же подумала: за чѣмъ это? Онъ богатъ, хорошъ собой, полонъ жизни и силъ, избалованъ своимъ независимымъ положеніемъ и потому крайне невнимателенъ къ другимъ. Весь міръ съ его наслажденіями лежитъ у его ногъ и онъ никогда не затруднялся выбирать то, что ему нравилось. Теперь онъ прервнодушно сидѣлъ рядомъ съ горячившимся старикомъ и спокойно слѣдилъ за голубыми кольцами дыма своей ситары, которыя уносились въ открытое окно, сливаясь съ золотистымъ отливомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей.

— Прелестный Шенвертъ! воскликнулъ онъ съ комическимъ пафосомъ, широко раскинувъ руки, точно желая обнять живописный ландшафтъ, разстлавшійся передъ его глазами. — Завидное имѣніе! тебѣ, тебѣ единственно мы обязаны этой жаждой къ бродячей жизни! Дяденька гофмаршалъ до сихъ поръ глядѣлъ-бы въ окна своей придворной квартиры въ резиденціи, если-бы Гисбертъ фон-Майнау не слѣзъ съ домашней печки.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ духовникъ сдѣлалъ очень вѣрное замѣчаніе, что стоитъ только произнести имя третьяго, меньшого брата Майнау, чтобы вывести гофмаршала изъ себя. Такъ случилось и теперь; но буря, которая неминуемо обрушилась-бы всею силою на голову неосторожнаго вассала, если-бы тотъ осмѣлился произнести это имя, ограничилась на этотъ разъ громкимъ звяканьемъ стеколъ отъ флаконовъ, разбитыхъ старикомъ въ ту минуту, когда онъ запальчиво засовывалъ въ карманъ свой красный фуляровый носовой платокъ, готовясь къ отъѣзду изъ залы.

— Ragdon! мнѣ пора удалиться, сказалъ онъ:—вечерній воздухъ и споры черезчуръ вредно дѣйствуютъ на мои нервы... я сдѣлался чувствителенъ, какъ мимоза... Да, ужъ не будешь такимъ вѣрскимъ и здоровымъ, какъ прежде! Милое старое время! я съ молодости гордился своими французскими манерами, а теперь сталъ сварливъ и меня злитъ или, скорѣе, смѣшить, когда мо-

любое нѣмецкое поколѣніе туда-же пробуетъ, изъ подражанія, идти по слѣдамъ своихъ дѣдовъ. Мой милый Рауль, ты смахиваешь на дядю Гисберта; этого сходства никто не отрицаетъ, и если ты этимъ гордишься, то я тебя поздравляю; мнѣ остается только горячо пожелать, чтобы ты, дѣйствительно, пошелъ по его пути, такъ-какъ этотъ путь привелъ его къ *настоящей* цѣли—къ вѣчному спасенію.

— Боже мой! да, я и забылъ: бѣдный дядюшка, подъ конецъ жизни, сдѣлался ханжей, замѣтилъ баронъ съ холодной улыбкой, между тѣмъ какъ гофмаршалъ принялся съ ожесточеніемъ звонить въ серебряный ручной колокольчикъ.

Въ комнатѣ появился камердинеръ, съ тѣмъ, чтобы отвезти стараго барона въ спальню; молодой баронъ отстранилъ лакея и собственноручно покатилъ кресло къ дверямъ.

— Ты, конечно, позволишь, чтобы я отдалъ должную честь дѣдушкѣ Лео, сказалъ онъ вѣжливо, хотя довольно холодно, гофмаршалу, который на это гордо кивнулъ ему головой.

Затѣмъ онъ затворилъ дверь за старикомъ и вернулся къ чайному столу.

Ліана очень охотно сложила-бы работу и удалилась, потому что она осталась теперь вдвоемъ съ мужемъ и ей вовсе не хотѣлось слушать, какъ онъ, послѣ остроумныхъ диспутовъ съ духовникомъ и съ дядей, перейдетъ, въ разговорѣ съ нею, на самые будничные предметы. Въ подобныхъ случаяхъ, баронъ почти не давалъ себѣ труда скрывать, что онъ не безъ усилія надъ собой окунается въ этотъ прозаическій міръ; но ей не представилось ни одного удобнаго предлога, чтобы уйдти. Лео рано было укладываться: онъ игралъ съ Габріелемъ въ лошадки на широкой площадкѣ лѣстницы передъ домомъ; поэтому она придвинула свой стулъ ближе къ окну, чтобы при помощи вечерняго свѣта дошить пурпуровый цвѣтокъ кактуса.

— Тебя не пугаетъ эта сумасбродная семья, въ которую я тебя ввелъ, Юліана? спросилъ баронъ съ полуулыбкой, закуривая свѣжую сигару. — Ты видишь, у дядюшки поднимаются на головѣ всѣ волосы отъ ужаса при мысли, что, можетъ быть, попала хоть одна капля нашей бродяжнической крови въ его жилы. А онъ, этотъ человѣкъ порядка и формальности, по-своему правъ, и ты своими неизмѣнно спокойными, благоразумными воззрѣніями

очень къ нему подходяшь, — по крайней мѣрѣ, на-сколько я тебя знаю...

Майнау замолчалъ, какъ-бы выжидая утвердительнаго отвѣта, но Ліана даже не взглянула на него. Ей казалось совершенно излишнимъ увѣрять его въ противномъ, къ тому-же онъ и самъ не желалъ-бы этого.

Откинувъ немного назадъ голову, она стала внимательно сравнивать, подходитъ-ли тѣнь шерсти только-что вышитаго ею узора къ тѣнямъ прочихъ шерстей. Красивыя губы ея были крѣпко сжаты, а матовая, бархатная кожа ея лица не окрасилась ни малѣйшимъ румянцемъ; при всей своей поразительной миловидности, приковывавшей къ себѣ вниманіе Майнау противъ его воли, эта юная женская головка, съ глазами, обращенными въ сторону, сохраняла безжизненность мраморной статуи. Майнау задалъ себѣ мысленно вопросъ: неужели фамиліная гордость есть единственное чувство, которое можетъ взволновать до глубины эту по наружности невозмутимую душу? Минуту спустя онъ уже ощущалъ искреннее удовольствіе, что натура Ліаны именно такая, а не другая.

— Какой прелестный узоръ, сказалъ онъ, указывая на рисунокъ кактуса, лежавшій передъ Ліаной. — Я вполнѣ понимаю, что женщина съ замкнутымъ характеромъ можетъ до того увлечься подобнаго рода работами, что не замѣтитъ многого непріятнаго, что совершается въ окружающей ее вѣншей жизни. Я увѣренъ, что ты не удостоила обратить ни малѣйшаго вниманія на мои стычки съ дядюшкой?

Майнау произнесъ эти слова такимъ начальнически-нисходятельнымъ тономъ, какъ-будто ждалъ, что за ними послѣдуетъ признаніе жены, что она, дѣйствительно, по равнодушію, не наблюдала за этими стычками.

— Я достаточно наслушалась всего, чтобы удивляться, какъ мало ты самъ уважаешь программу, начертанную тобой для меня, отвѣчала очень спокойно Ліана. — Ты желалъ-бы, какъ мнѣ известно, наслаждаться мирной, безстрастной и правильно-текущей семейной жизнью, а самъ между тѣмъ нѣсколько минутъ тому назадъ употреблялъ всѣ средства для раздраженія гофмаршала.

Она никогда не называла старика дядей.

— Милая Юліана, тутъ есть маленькое недоразумѣніе! восклик-

кнулъ Майнау, смѣясь и вставая.— Программу мою не слѣдуетъ принимать въ такомъ строгомъ смыслѣ. Пока я здѣсь живу, пока держу возжи въ рукахъ и могу управлять, какъ хочу, я, конечно, не наложу на себя рукъ и не допущу себя умереть отъ тоски въ монотонной домашней жизни, напоминающей стоячее болото. Не хотѣлось-бы мнѣ только, чтобы у насъ въ домѣ происходили ссоры, когда я отправляюсь путешествовать. Царь небесный, продолжалъ онъ,—какой ливень писемъ съ жалобами хлещетъ тогда со всѣхъ сторонъ на несчастнаго отсутствующаго!.. Памятно мнѣ, сколько въ этомъ отношеніи одна Валерія нагрѣшила... въ самомъ потайномъ уголкѣ моего письменнаго стола хранятся до сихъ поръ эти милые посланники любви. Я, по чувству священнаго долга, въ то время перевязалъ ихъ нѣжной розовой ленточкой, но съ тѣхъ поръ рука моя къ нимъ не прикасалась изъ страха, чтобы оттуда не выскочили духи лицемерія, властолюбія и дѣтскихъ капризовъ... И замѣтъ: во всѣхъ этихъ исторіяхъ я стоялъ на второмъ планѣ; у малютки жены подъ-бокомъ находился нашъ достопочтенный патеръ, передъ которымъ она имѣла привычку изливать откровенно всѣ первые порывы своего сердца.

Злая улыбка показалась и исчезла, какъ молнія, на прекрасномъ лицѣ Майнау.

— Ба! что дѣлать? произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія; въ это время онъ выходилъ за большую стеклянную дверь, чтобы посмотреть, какъ играютъ оба мальчика;—если я обращаюсь съ дядей по-своему, то, право, горжусь этимъ, какъ ребенокъ, считающій себя героемъ потому, что онъ не откусилъ кусокъ отъ пирога, который ему поручили отнести матери. Скажи, видала-ли ты меня когда-нибудь въ припадкѣ бѣшенства? А спроси-ка милыхъ ближнихъ: у тебя морозъ по кожѣ подеретъ, когда они примутся расписывать сцены моей неукротимой запальчивости... Я сдерживаю себя дома, конечно, прежде всего изъ желанія, чтобы хотя на мгновеніе—есть счастливыя, которые цѣлую жизнь только это и дѣлаютъ—окунуться въ море блаженнаго самовосхищенія.

Ліана кинула мужу взглядъ, столкнувшійся съ его взглядомъ. Но въ этой встрѣчѣ глазъ не было и слѣда того пламени, которое служить, такъ-сказать, электрическимъ токомъ взаимнаго пониманія двухъ людей. Ліана подумала въ эту минуту, что надъ

такимъ избалованнымъ судьбой и испорченнымъ женской благосклонностью сердцемъ ничто въ жизни не возьметъ верха, кромѣ его собственныхъ страстей и необузданной воли, а Майнау представилось, что онъ читаетъ въ сѣрыхъ глазахъ жены только число стежковъ, введенныхъ ею краснымъ шелкомъ, въ то время, пока онъ ораторствовалъ. Онъ пожалъ плечами и взялся за шляпу.

— Я уйду, сказалъ онъ. — Берегись, Юліана: скоро наступятъ сумерки, а въ этотъ часъ въ нишѣ окна является тѣнь покойнаго дяди Гисберта, который приказалъ перенести себя сюда во время своей предсмертной агоніи. Въ этомъ наша храбрая прислуга готова поклясться будущей жизнью. Впрочемъ, что-жь я толкую? такимъ святымъ существамъ, какъ ты, не слѣдуетъ даже и слушать этого.

— Невидимые духи дѣйствуютъ на насъ различно, смотря по тому, любимъ мы ихъ или боимся, очень просто возразила Ліана, не обращая вниманія на насмѣшку, звучавшую въ послѣднихъ словахъ мужа. — Я тѣни дяди Гисберта не испугаюсь, а спрошу ее, отчего онъ пожелалъ именно здѣсь умереть?

— Я могу тебѣ это объяснить. Дядя хотѣлъ кинуть свой послѣдній взглядъ на Кашемирскую долину, торопливо началъ Майнау, подходя очень близко къ женѣ и указывая рукой на садъ. — Онъ приказалъ похоронить себя вонъ тамъ, подъ обелискомъ... Но тебѣ отсюда памятника не видно, онъ слишкомъ въ сторонѣ... посмотри.

Майнау вдругъ схватилъ голову Ліаны въ обѣ руки и повернулъ ее по направленію въ обелиску. Его пальцы утонули въ золотисто-пурпуровой массѣ ея волосъ. Молодая женщина вздрогнула, сильно тряхнула головой, чтобы вырваться изъ рукъ мужа, и, вскочивъ съ мѣста, кинула на него взглядъ, полный негодованія и оскорбленнаго достоинства. Майнау на минуту растерялся, кровь бросилась ему въ лицо.

— Извини, Бога ради! я тебя испугалъ, а ты меня... Вотъ не ожидалъ я, чтобы изъ твоихъ волосъ отъ одного прикосновенія вылетали искры, сказалъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ и отходя отъ жены.

Ліана давно уже сѣла и, нагнувшись къ канвѣ, продолжала вышивать. Глядя на гибкую фигуру этой женщины, казалось,

что она снова ускользнула въ свой недоступный міръ; только барону теперь уже не представлялось, что его жена считаетъ стежки своей иголки. Онъ впился глазами въ узкую полосу шеи подъ ея затылкомъ, сначала бѣлѣвшую, какъ перламутръ, между свѣсившимися красными косами, а теперь плывшую, какъ пурпуръ. Онъ не взялся опять за шляпу, которую кинулъ въ сторону; онъ злился, но не столько на этотъ необъяснимый духъ сопротивленія „красноволосой“, сколько на себя, за то, что покорно вытерпѣлъ пораженіе, да еще отъ нелюбимой женщины. Впрочемъ, чувство негодованія Майнау смягчалось убѣжденіемъ, что Ліана и не догадается, что она надѣлала.

— А я, право, желалъ-бы, чтобы дядя Гисбертъ опять воскресъ и посмотрѣлъ, что безъ него произошло, заговорилъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ, входя въ нишу окна, въ которомъ показывалось привидѣніе.— Вотъ уже тринадцать лѣтъ, какъ онъ лежитъ подъ краснымъ мраморомъ; въ это время его любимыя индѣйскія растенія такъ разрослись подъ холоднымъ сѣвернымъ небомъ, какъ онъ и во снѣ не грезилъ. Недаромъ они служатъ вѣчнымъ предлогомъ къ спорамъ. Вся эта растительная роскошь, при наступленіи суровой зимы, требуетъ для своего прикрытія исполнскихъ оранжерей, а звѣринецъ тропическихъ странъ нуждается въ самомъ тщательномъ уходѣ; на все это необходимо пропасть денегъ. Дядя ежегодно употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы какъ-нибудь снести съ лица земли эту дорого обходящуюся прихоть, а я рѣшительно не допускаю, чтобы безъ моего спроса могли сорвать хоть одинъ листокъ.

— А какъ у васъ поступаютъ съ живымъ существомъ, перевезеннымъ изъ тропической Индіи подъ холодное сѣверное небо въ Шенвертъ? спросила вдругъ Ліана, причемъ въ мелодическомъ голосѣ ея послышались довольно замѣтныя рѣзкія ноты.

Майнау опять бросился къ ней.

— Ты говоришь о женщинѣ въ индѣйскомъ домикѣ? воскликнулъ онъ.— Взгляни, пожалуйста, на мальчишку—(онъ указалъ ей на Габріэля, на спину котораго вскочилъ Лео. Гибкая, эластическая фигура импровизированнаго коня-ребенка, покорно бѣжала рысью подъ дикими взмахами кнута маленькаго всадника):— вотъ тебѣ обращеніе той человѣческой расы, экземпляръ которой былъ привезенъ сюда изъ-за-моря, какъ драгоценность... Тру-

сость, собачья покорность и невѣрность при первомъ соблазнѣ — вотъ ея свойства!.. Мальчикъ этотъ невыразимо противенъ мнѣ! Я скорѣе простилъ-бы ему, если-бы онъ отколотилъ до синяковъ моего сына во время драки за свою честь, чѣмъ эту собачью угодливость при прекрасномъ человѣческомъ лицѣ... Лео! долой сейчасъ! запальчиво крикнулъ онъ, грозно нахмуривая брови и выходя на терасу.

Габріэль только-что переступилъ верхнія ступеньки лѣстницы. Онъ былъ сильно разгоряченъ безпокойнымъ бременемъ, которое ему пришлось тащить на своихъ плечахъ по лѣстницѣ; но лицо его оставалось блѣднымъ, прекрасный овалъ его казался какъ-бы изсѣченнымъ изъ дорогого, желтоватаго мрамора.

— Пошелъ домой! грубо отрѣзалъ Майнау и повернулся къ ребенку спиной.

Дѣтски-наивная и вмѣстѣ меланхолическая улыбка, мелькавшая на раскрытыхъ губахъ Габріэля, когда онъ, запыхавшись, взобрался на верхнюю ступеньку террасы, исчезла въ одно мгновеніе; испугъ согналъ съ его лица послѣдній слѣдъ краски. Сердце Ліаны разрывалось, когда она смотрѣла, какъ мальчикъ съ нѣжной осторожностью спустилъ на землю сына жестокаго человѣка и какъ онъ не могъ удержаться, чтобы еще разъ робко и ласково не погладить своей худенькой ручкой кудрявую голову Лео... Бѣдный мальчикъ!

— Покойной ночи, милое дитя мое! крикнула Ліана въ окно, когда Габріэль сталъ неслышно спускаться съ террасы. Вслѣдъ затѣмъ она сложила работу и встала. Сознавая полное отсутствіе своего вліянія, она не произнесла ни одного слова въ пользу ребенка, но всей своей наружностью, выраженіемъ голоса олицетворяла протестъ противъ дѣйствій барона.

Майнау съ минуту, молча, смотрѣлъ на нее искоса, затѣмъ принялся закуривать очень тщательно сигару.

— Видишь ты эту дорогую музу? спросилъ онъ холодно, указывая Ліанѣ на группу банановъ въ индѣйскомъ саду. — Она благодарно стремится къ холодному небу, между тѣмъ какъ чужеземный человѣческій отпрыскъ унижается до того, что служитъ лошадей. Можно-ли тутъ имѣть состраданіе?

Ліана продолжала стоять къ нему спиной и усердно переби-

рала мотки шерсти въ своей рабочей корзинкѣ. Она даже глазъ не подняла на него.

— Сдѣлай одолженіе, взгляни на меня хоть разъ, произнесъ строго Майнау. Онъ былъ оскорбленъ и впервые перешелъ отъ дружескаго тона добраго товарища къ тону повелителя-мужа. — Одного не доставало, чтобы *моя жена* изъ-за незаконнаго ребенка явилась во всеоружіи непроницаемыхъ доспѣховъ добродѣтельнаго презрѣнія и нравственнаго перевѣса надо мной!..

Ліану охватилъ точно такой-же ужасъ, какой, бывало, охватывалъ ее дома въ тѣ минуты, когда повелительный голосъ матери неожиданно поражалъ ее ухо. Она робко повернула свое поблѣднѣвшее лицо къ мужу. Испугъ придалъ этому прелестному, дѣвственно-невинному личику, съ большими, встревоженными глазами, такое очарованіе, что досада и злоба Майнау мгновенно утихли.

— Боже мой! какъ ты поблѣднѣла, Юліана! сказалъ онъ. — Ты смотришь на меня, точно Красная Шапочка на злого волка... Значить, нашимъ добрымъ товарищескимъ отношеніямъ конецъ? Такъ, что-ли? Жалко мнѣ будетъ! заключилъ онъ, пожимая плечами, какъ-бы желая этимъ выразить, что теперь онъ имѣть полное право опасаться за частое нарушеніе столь тщательно оберегаемаго имъ однообразія шенвертской жизни.

— Позволь мнѣ посвятить тебя въ нѣкоторыя подробности заговорилъ онъ опять, принимаясь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ большими шагами. — Когда дядя Гисбертъ послѣ долгаго отсутствія вернулся въ Германію, я былъ еще мальчикомъ лѣтъ четырнадцати и боготворилъ „индѣйскаго дядю“, отъ роду не видавъ его въ глаза. Всѣ знали, что онъ посредствомъ торговыхъ оборотовъ въ нѣсколько тысячъ разъ увеличилъ полученное имъ отъ предковъ наслѣдство; объ образѣ его жизни и привычкахъ шли такіе розсказни, которыя цѣликомъ годились-бы въ сказку изъ „Тысячи одной ночи“, а потому, когда онъ, еще будучи въ Бенаресѣ, скупилъ весь Шенвертъ и приказалъ его отдѣлать по-своему, то всѣ почетные бюргеры нашей доброй резиденціи разинули рты и выпучили глаза... Никогда я не забуду дяди; это былъ мужчина красавецъ собой, съ манерами величественными, съ головой геніальной, но въ которой уже гнѣздилося мрачное помѣшательство. Онъ обожалъ кашемирскую долину, гдѣ, за проволочной рѣшеткой, дышало существо, которое онъ велѣлъ перенести

прямо изъ дорожнаго экипажа на носилкахъ въ индѣйскій домикъ. Люди, удостоившіеся во время этой процедуры нести на своихъ плечахъ „блѣдный цвѣтокъ лотоса съ береговъ Гангеса“, вѣрили, что это было не тѣло женщины, а какая-то некса, созданная изъ воздуха и аромата. До сихъ поръ повторяется тоже самое впечатлѣніе, когда смотришь на это чужеземное существо — полу-женщину, полу-ребенка, лежащую на тростниковой кровати. Она точно соткана изъ эфира и прикована къ землѣ металлическими цѣпочками и кольцами. Кромѣ дяди гофмаршала и нашего духовника, въ то время еще только капелана, очень немногіе посѣщали Шенвертъ; гордая манера держать себя, съ которой обращался со всѣми дядя Гисбертъ, отгоняла всѣхъ. Я самъ только одинъ разъ удостоился чести прогостить у него три дня и со мною случилось тогда происшествіе, похожее на эпизодъ съ любопытными женами Синей Бороды. — (Майнау весело захохоталъ и стряхнулъ пепель съ своей сигары.) — Жизни меня, конечно, не лишили, но дядя просто-на-просто запретилъ мнѣ къ нему прѣзжать... Индіанка за проволочной рѣшоткой мерещилась моему пламенному юношескому воображенію чаще, чѣмъ-бы это слѣдовало... Теперь я поневолѣ долженъ оглянуться немного назадъ и вспомнить цѣлый рядъ дурачествъ, которыя я продѣлывалъ ради женской красоты; я бросался въ бурныя рѣки, чтобы поймать уплывшій бантикъ съ груди красавицы; по обычаю страны, пилъ шампанское изъ башмачка балетной танцовщицы: что-жъ мудренаго, если послѣ всего этого я рѣшился перелѣзть черезъ рѣшотку сада въ Шенвертъ, чтобы посмотрѣть на женщину, до безумія любимую дядей Гисбертомъ? Дверь въ индѣйскій домикъ никогда не была на замкѣ и „цвѣтокъ лотоса“ вовсе не держался въ заточеніи; но я убѣжденъ, что таинственная фея не желала быть потревоженной безбородымъ племянникомъ ея владыки и повелителя, и вотъ почему мнѣ строго было запрещено бродить по Камемирской долинѣ... Съ бьющимся отъ волненія сердцемъ я поползъ между кустами и тогда только поднялъ голову, когда передо мною очутился дядя. Онъ не произнесъ ни слова, но сострадательно-насмѣшливая улыбка, засвѣтившаяся въ его мрачныхъ глазахъ, до такой степени меня сконфузила, что я, забывъ свою необузданную юношескую гордость, вскочилъ и поспѣшилъ показать пятки... Въ то-же самое утро, не дожидаясь

моего приказанія, дорожная карета стояла запряженная у воротъ шенвертскаго замка; пораженный до-нельзя юноша былъ облаканъ на прощанье дядюшкой и отправленъ безъ всякаго объясненія обратно въ училище. Меня словно окатили холодной водой!

Майнау улыбнулся, подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ на индѣйскій садъ. Сильно уже стемнѣло. Низкая тростниковая крыша таинственнаго домика почти сливалась съ вершинами гигантскихъ розовыхъ штамбовъ, и только на раззолоченный куполь этого храма любви падали еще черныя тѣни деревьевъ отъ потухающаго дневнаго свѣта.

— Въ другой разъ я увидѣлъ дядю, заговорилъ баронъ послѣ продолжительнаго молчанія, — въ тотъ день, когда, согласно съ его послѣдней волей, докторъ собирался пропитать его трупъ какимъ-то разлагающимъ составомъ. Меня вызвали изъ университета въ Шенвертъ, чтобы присутствовать при погребеніи умершаго владѣтеля замка... Дядя лежалъ обезображенный подъ бѣлыми атласными покрывами... Да, таковъ былъ конецъ, трагическій финалъ волшебна-очаровательной жизни человѣка, всю жизнь создававшаго себѣ идеалы.

Ліана стояла по-прежнему передъ столомъ, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ она перекладываетъ по десяти разъ пестрые мотки шерсти. Недалеко отъ нея высилась могучая арка ниши окна, въ которой дядя Гисбертъ испустилъ послѣдній вздохъ и отсюда, умирая, онъ видалъ прощальный взглядъ на свое земное сокровище.

Сумерки, какъ сѣрый призракъ, вползли въ окно и причудливо нарисовали на дубовомъ паркѣтѣ исполинскій крестъ; тѣнь эта образовалась отъ оконныхъ рамъ. Тотъ-же сѣрый полусвѣтъ окуталъ рассказывающаго Майнау, голосъ котораго переходилъ цѣлую гамму интонацій, начиная съ насмѣшливой до мрачно-злой.

— Я зналъ, что въ индѣйскомъ домикѣ есть новорожденное дитя, продолжалъ онъ опять, немного помолчавъ. — Я даже видѣлъ его какъ-то на рукахъ фрау Лонъ, и помнится мнѣ, что меня даже тронулъ видъ этого крошечнаго созданія съ меланхолическимъ личикомъ... Такъ-какъ дядя завѣщанія не оставилъ, то я нравственно былъ убѣжденъ, что къ мальчику этому должно

по праву перейти родовое наследство. Я даже высказалъ это, но тогда мнѣ предложили прочесть записку. Дядя Гисбертъ умеръ какой-то страшной болѣзнью въ горлѣ; онъ передъ смертью втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не произнесъ ни одного слова и объяснялся съ окружающими не иначе, какъ письменно. Такихъ записочекъ у насъ хранится пропасть, вонъ тамъ—(онъ указалъ на конторку рококо съ высокими орнаментами)—въ такъ-называемомъ ящикѣ рѣдкостей гофмаршала. Поданная мнѣ записка заключала въ себѣ нѣсколько строгихъ выраженій на счетъ женщины въ индѣйскомъ домикѣ; дядя называлъ ее измѣнницей и настоятельно требовалъ, чтобы мальчикъ ея отданъ былъ на служеніе католической церкви и чтобы онъ получилъ воспитаніе въ нѣдрахъ ея. Противъ этого распоряженія, пожалуй, можно-бы было и возразить, но я не противорѣчилъ, меня возмутила въ то время, какъ возмущаетъ и теперь, мысль, что даже такой человекъ, какъ дядя Гисбертъ, тяжело пострадалъ отъ змѣйнаго коварства женщины... Гофмаршалъ и я оказывались полноправными наследниками. Насъ ввели во владѣніе. Наконецъ, я сдѣлался обладателемъ индѣйскаго сада; мнѣ нечего уже было опасаться величественной фигуры дяди съ покойно скрещенными на груди руками, съ огненнымъ мечомъ саркастической улыбки въ глазахъ. Въ домикѣ съ тростниковой крышей обоготворенный „цвѣтокъ лотоса“ лежалъ точно пораженный молніей бога мстителя...

— Наконецъ, тебѣ удалось ее увидѣть, сорвалось нечаянно у Ліаны.

Баронъ сдѣлалъ жестъ отвращенія.

— Ты думаешь? Сильно ошибаешься! Я былъ вылеченъ на всегда. До невѣрной жены я не дотронусь даже кончикомъ ноги И къ тому-же—(его всего передернуло)—я видѣть не могу такого рода больныхъ, всѣ фибры моего тѣла содрогаются.. Это вѣдь помѣшанная, разбитая параличемъ женщина; она иногда испускаетъ такіе дикіе крики, что голова трещитъ; уже тринадцать лѣтъ длится ея агонія. Я ее никогда въ глаза не видалъ и избѣгаю, на-сколько возможно, ходить даже по дорогѣ, ведущей къ ея дому.

Ліана закрыла, наконецъ, крышку своей рабочей корзины и позвала Лео, который забавлялся все это время бросаніемъ въ разныя стороны мелкихъ камешковъ на площадкѣ подъ сканами.

Слушая Майнау, молодая женщина нѣсколько разъ порывалась подойти къ нему и хотя сочувственно поглядѣть на него; но вдругъ шипящая змѣиная голова эгоизма предстала передъ ея воображеніемъ и ее снова оттолкнуло отъ этого надменнаго челоуѣка, который, въ сознаніи своихъ могучихъ силъ, воображалъ, что онъ огражденъ на всю жизнь отъ всякаго испытанія, и не стѣсняясь отстранялъ отъ себя все непріятное, только-бы безъ малѣйшей помѣхи предаваться наслажденіямъ земной жизни.

— Пожалай-же папѣ покойной ночи, Лео, уговаривала Ліана мальчика, бурно влетѣвшаго въ комнату и повисшаго на ея рукѣ.

Майнау приподнял ребенка и поцѣловалъ его.

— Что-жь, Юліана, ты больше не станешь меня разспрашивать о женщинѣ въ индѣйскомъ домигѣ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Надѣюсь, что я также никогда болѣе не услышу отъ тебя оппозиціонныхъ и нѣжныхъ словъ: *Покойной ночи, милое дитя мое*. Ты теперь понимаешь, что я обязанъ такъ дѣйствовать...

— У меня не быстрое соображеніе, мнѣ нужно время, чтобы ясно обсудить, что я должна дѣлать, перебила Ліана мужа, и, поклонившись ему слегка, вышла изъ гостиной вмѣстѣ съ Лео.

— Школьный учитель! проворчалъ Майнау сквозь зубы, съ досадой поворачиваясь къ ней спиной. — Ба! впрочемъ, мнѣ такую и нужно, подумалъ онъ, развеселившись, и крикнулъ, чтобы ему подвели верховую лошадь.

Онъ отправился въ резиденцію, чтобы окончить тамъ вечеръ и провести ночь.

Часъ спустя онъ сидѣлъ уже въ дворянскомъ казино съ своимъ пріателемъ Рюдигеромъ.

— Знаешь-ли, говорилъ баронъ,—мнѣ достался главный выигрышъ въ супружеской лотереѣ. Моя жена не поетъ, не рисуетъ и не играетъ на фортепяно. Слава Богу, она никогда не будетъ мнѣ надоѣдать своими диллетантскими увлеченіями и фантазіями. Иногда она кажется даже хорошеенькой, лучше, чѣмъ я этого ожидалъ; но остроумія никакого, наклонности къ кокетству—ни малѣйшей; опасной для меня она не можетъ быть. Сверхъ того, она не такого ограниченнаго ума, какъ я полагалъ, не очень сантиментальна, думаетъ медленно и всю жизнь будетъ крѣпко держаться своихъ цинсіопскихъ воззрѣній, что совершенно

свойственно непоколебимо-устойчивымъ натурамъ людей безъ воображенія. Тѣмъ лучше для мела! Я заранѣе могу тебѣ опредѣлить содержаніе ея писемъ ко мнѣ: это будутъ сухія стилистическія упражненія ученой пансіонерки, въ перемежку съ отчетами по хозяйству, въ формѣ покаянія; бессонныхъ ночей эти письма мнѣ не принесутъ съ собой. Лео страстно къ ней привязался и учится хорошо; на дядюшку она, какъ кажется, производитъ влияние своимъ спокойствіемъ, природной холодностью и трахенбергскимъ высокообріемъ, которымъ она умѣетъ подчасъ великолѣпнѣйшимъ образомъ огоршить. Черезъ двѣ недѣли я увѣжаю.

ГЛАВА XI.

Герцогиня велѣла дать знать гофмаршалу, что она пріѣдетъ къ нему съ двумя своими дѣтьми; удивительнаго тутъ ничего не было. Герцогиня и прежде проводила иногда цѣлыя дни въ Шенвертѣ, такъ-какъ гофмаршалъ пользовался большимъ почетомъ и милости сыпались на него дождемъ. Даже втеченіи траурнаго года, когда герцогиня, съ примѣрной строгостью, держала себя вдаль отъ всего, что только имѣло какое-либо сходство съ общественными удовольствіями, даже и тогда, отправляясь кататься верхомъ, она перѣдко пріѣзжала черезъ Кашемирскую долину въ замокъ Шенвертъ и пила тамъ свой послѣобѣденный кофе. Нечего говорить, что во время этихъ посѣщеній прекрасное лицо ея, окруженное густымъ чернымъ креповымъ рюшемъ, принимало видъ камен, изображающей скорбь, такъ-что самъ гофмаршалъ, несмотря на свой опытный глазъ, мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію, что эта убитая горемъ вдова, дѣйствительно, искренно любила своего покойнаго мужа. Но за нѣсколько времени до свадьбы Майнау и послѣ нея герцогиня не заглядывала въ замокъ, и, пересылая однажды туда поклонъ, велѣла объяснить гофмаршалу свое долгое отсутствіе тѣмъ, что она не желаетъ беспокоить своего стараго друга, такъ-какъ въ послѣднее время подагра мучитъ его сильнѣе прежняго.

Но въ одно прекрасное послѣ-обѣда явился Рюдигеръ и осчастливилъ старика вѣстью, что маленькіе принцы—какъ это и до сихъ поръ ежегодно водилось—выразили благосклонное желаніе

пріѣхать къ нему, чтобы собственноручно рвать ранній виноградъ и фрукты со шпалерника шенвертскаго сада, и что они пожалуютъ завтра... Семья сидѣла за десертомъ. Гофмаршалъ разомъ помолодѣлъ и всталъ съ кресла; поставя свой костыль въ уголь, онъ, закусивъ губы отъ боли и искоса слѣдя за собой въ зеркало, началъ пробовать пройти безъ опоры до слѣдующаго окна; добравшись до него, онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ Ліану и отдалъ ей приказаніе насчетъ кухонной провизіи и винъ.

— Я не ждалъ ихъ пріѣзда, замѣтилъ Майнау, слѣдуя за женой, когда она выходила изъ комнаты.— Я съ удовольствіемъ согласился на твою просьбу отложить до моего возвращенія изъ путешествія твое представленіе ко двору; но ты видишь, герцогиня вынуждаетъ тебя завтра представиться ей.

Онъ пожалъ плечами съ такимъ выраженіемъ, которое трудно передать: въ этомъ жестѣ была смѣсь сдержанной насмѣшки, польщеннаго тщеславія и злобной ироніи.

— Теперь ужъ ты не отвертись, заключилъ онъ.

— Знаю, спокойно возразила Ліана, и замедлила шагъ, чтобы на ходу занести въ записную книгу приказанія гофмаршала.

— Превосходно! Твое самообладаніе во всевозможныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, право, достойно удивленія. Мнѣ-бы хотѣлось обратить твое вниманіе... Ты, конечно, позволишь, Юліана? Герцогинѣ случается иногда, при видѣ черезъ чуръ простаго, хотя и изящнаго, туалета, улыбаться довольно оскорбительно. Твоя склонность...

— Надѣюсь, что во мнѣ найдется достаточно такта, чтобы понять, когда можно слѣдовать своимъ склонностямъ и когда нужно соображаться съ требованіями своего положенія въ свѣтѣ, перебила Ліана мужа дружески серьезнымъ тономъ и вложила карандашъ въ записную книгу.

Говоря это, они дошли до той двери въ корридорѣ, которая вела въ отдѣленіе комнатъ Майнау. Тутъ стояли два новыхъ дорожныхъ сундука, обитыхъ юфтью, принесенныхъ сюда во время обѣда. При видѣ ихъ у Майнау радостно засвѣтились глаза, ему показалось уже, что онъ несется по горамъ и доламъ, далеко отъ шенвертскаго замка. Онъ приподнялъ одинъ сундукъ и сталъ пробовать, крѣпка-ли его обшивка, Ліана между тѣмъ

прошла далѣе и спустилась внизъ, въ главную кухню, чтобы переговорить съ фрау Лонъ и съ поваромъ.

Гофмаршалъ молча согласился на то, чтобы Ліана приняла на себя верховный надзоръ за хозяйствомъ въ домѣ: чрезъ это она, конечно, легла, такъ-сказать, на тернистое ложе. Ей непрерывно приходилось бороться съ грязной скупостью старика, дрожавшаго надъ каждой копейкой. Его безграничное недовѣріе, страхъ быть обкраденнымъ и обманутымъ безпрестанно выказывались въ самой непривлекательной формѣ. Къ этому присоединялась еще непримиримая злоба на то, зачѣмъ Майнау вступилъ въ ненавистный для старика второй бракъ. Молодой женщинѣ приходилось постоянно держать противъ него наготовѣ оружіе. Она знала, что онъ шпионитъ каждый ея шагъ, на-сколько это было возможно; что даже письма, получаемыя ею отъ родныхъ, проходятъ прежде черезъ его руки. Письма ея брата и сестры, повидимому, не возбуждали въ немъ особеннаго опасенія, потому что они рѣдко носили слѣды подпечатанія. Но за нѣсколько дней предъ этимъ Ліанѣ подали письмо отъ матери, первое послѣ свадьбы. Отъ ея глазъ не укрылось, что печать взломана, и этотъ фактъ возмутилъ ее вдвойнѣ, когда она прочитала содержаніе письма. Графиня Трахенбергъ изливала въ немъ жалобы на свою жизнь и на претерѣваемые ею страшныя лишенія. „Доктора строго предписываютъ ей ѣхать на воды; Ульрика-же, какъ драконъ, оберегаетъ всѣ доходы и не выдаетъ ей ни гроша, вслѣдствіе чего она рѣшается обратиться къ своей любимицѣ дочери и просить ее удѣлить частичку изъ богатой суммы, выдаваемой ей на булавки“. Что гофмаршалъ, дѣйствительно, читалъ это письмо, доказывалъ его пронзительный, ядовито-пристальный взглядъ, которымъ онъ привѣтствовалъ Ліану при самомъ входѣ ея утромъ въ столовую... Такая постоянная борьба оставалась скрытой отъ Майнау. Въ его присутствіи гофмаршалъ маскировалъ лицо и держалъ языкъ на привязи, съ мастерствомъ челоуѣка, искусившагося въ придворной жизни; жаловаться-же на старика мужу, который во что-бы то ни стало требовалъ сохраненія спокойствія вокругъ себя, и въ голову не приходило Ліанѣ.

Было уже около трехъ часовъ пополудни, когда Ліана вошла въ гостиную, гдѣ уже сидѣлъ гофмаршалъ, бесѣдуя съ патеромъ. Съ появленіемъ Ліаны гостинная какъ-бы озарилась яркимъ лу-

чемъ солнца. На молодой женщинѣ было надѣто платье съ довольно длиннымъ шлейфомъ изъ драгоценной шелковой матеріи, цвѣта морской волны, съ пардесю изъ бархата того-же цвѣта, но нѣсколько темнѣе. Серебристо-матовая голубая матерія и темно-золотистый отливъ волосъ, роскошной волной огибавшихъ безукоризненный лобъ этой женщины съ дѣвственной наружностью, производили удивительный эффектъ. Широкіе разрѣзные рукава, подбитые бѣлымъ шелкомъ, ниспадали ниже бедръ, совершенно обнажая руки, едва прикрытыя прозрачнымъ кружевомъ; изъ такого-же кружева была и шемизетка на груди, соблазнительно сквозившей чрезъ четырехугольный вырѣзъ корсажа. Безупречно-стройный станъ и прелестный, свѣжій цвѣтъ кожи „красноволосой Трахенбергерши“, какъ звали ее старикъ, выставлялись теперь еще лучше, чѣмъ въ день ея вѣчанія, когда на ней было надѣто серебряное, глазетовое платье.

— Рано, еще слишкомъ рано, всемилостивѣйшая баронесса! кричалъ ей на-встрѣчу гофмаршалъ. — Герцогиня не пожалуетъ прежде четырехъ часовъ. — (Онъ злобно впился глазами въ исплинскій букетъ, который молодая женщина держала въ рукахъ). — Боже мой! воскликнулъ онъ: — какая безумная трата цвѣтовъ! Вы, моя милая, опустошили, кажется, всю теплицу!.. Рауль дурчится съ своими глокциніями, геснеріаціями и всей этой дорогой южно-американской дребеденью!.. Стоятъ онѣ милліоны и назначаются для того, чтобы блекнуть совсѣмъ не въ тѣхъ рукахъ, въ какихъ слѣдуетъ. Отъ доброй хозяйки никто не потребуетъ, чтобы она одѣвалась по-бальпому.

Ліана молча выслушала это замѣчаніе. Она, конечно, могла бы ему напомнить, какъ его покойная дочь, въ минуты каприза или дурного расположенія духа, теребила, бывало, драгоценнѣйшіе букеты въ клочки и, усыпая ими полъ, топтала ихъ своими крошечными ножками; вмѣсто этого она ограничилось короткой фразой.

— Майнау желаетъ, чтобы я поднесла этотъ букетъ герцогинѣ въ минуту моего представленія.

— А-а! если это такъ, то прошу тысячу разъ извиненія! сказалъ онъ, смотря на часы. — Время еще у насъ есть, и я хочу имъ воспользоваться, чтобы сообщить вамъ одну весьма для меня непріятную и прискорбную вещь... Къ несчастію, сдѣланнаго

не исправить... Вы сегодня утром отправили посылочку въ Рудиздорфъ на имя графини Ульрики. Я люблю, чтобы все, посылаемое на почту, на моихъ глазахъ укладывалось въ жестяной ящикъ, который каждое утро отправляется въ городъ... Не знаю, какимъ это неловкимъ рукамъ поручено было упоковывать вашу посылку, но довольно того, что мнѣ передали ее уже взломанною.

Старикъ вытащилъ изъ-подъ своего кресла ящикъ съ отколотымъ кускомъ крышки.

Въ первую минуту яркій румянецъ разлился по всему лицу Ліаны; но вслѣдъ затѣмъ она поблѣднѣла, какъ полотно; даже строго сжатія губы и тѣ помертвѣли; казалось, что молодая женщина готова задохнуться отъ прилива къ ея сердцу крови...

Она невольно взглянула на патера, сдѣлавшаго какое-то движеніе. Его пронзительные, страстные глаза точно приросли къ ея лицу, съ выраженіемъ робкой тревоги и мрачнаго огня.

Одного этого взгляда было достаточно для Ліаны, чтобы она сейчасъ-же опомнилась. Она положила букетъ на столъ и подошла ближе къ старику.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами объ одномъ весьма деликатномъ предметѣ, продолжалъ гофмаршалъ, притворно запинаясь. Онъ откашлялся и провелъ рукой по верхней губѣ, какъ будто хотѣлъ погладить усы, которыхъ не существовало, при чемъ маленькіе, коварные его глазки, пристально устремленные на Ліану, засвѣтились, какъ у дикой кошки. — Впрочемъ, мы здѣсь между своими, прелестная баронесса, и за стѣнами этой комнаты никто не узнаетъ, что вы сдѣлали маленькую погрѣшность, — такъ, по крайней мѣрѣ, я предполагаю. — (Старикъ медленно вытащилъ изъ бокового кармана своего фрака небольшой футляръ изъ-подъ драгоценныхъ вещей). — Этотъ предметъ попался мнѣ въ руки, когда я, въ порывѣ досады на неловкость нашей прислуги, слишкомъ торопливо выхватилъ у кого-то вашу посылку.

Съ этими словами гофмаршалъ прижалъ своимъ тонкимъ указательнымъ пальцемъ, съ отточеннымъ, блѣднымъ ногтемъ, загнутымъ пемного внизъ, пружинку футляра, подбитая атласомъ крышка котораго вдругъ отскочила. Безподобный аметистъ, обдѣланный кругомъ брилліантами, засверкалъ фіолетовымъ огнемъ. Эта драгоценная вещь имѣла форму брошки, но ее можно было также носить и вмѣсто аграфа на шеѣ.

— Извините меня, если я ошибаюсь, сказалъ старикъ какимъ-то особенно кроткимъ тономъ, подавая Ліанѣ аметистъ,—но я готовъ присягнуть, что видѣлъ не разъ на шеѣ моей дочери этотъ прелестный аграфъ... Скажите, эта вещь не принадлежитъ къ числу фамильныхъ драгоценностей Рауля?

— Нѣтъ, отвѣчала совершенно спокойно Ліана и, вынувъ аграфъ изъ футляра, она отодвинула золотую дощечку на оборотной сторонѣ аметиста. — Вамъ, вѣроятно, знакомъ гербъ князей фон-Тюргау, г. гофмаршалъ; будьте такъ любезны, удостовѣрьтесь, что онъ врѣзанъ тутъ въ аграфъ. Мнѣ эта вещь досталась по наслѣдству отъ бабки съ отцовской стороны. Согласитесь, что внучѣй принцессы фон-Тюргау не приходится дѣлать подобнаго рода промахи, или, какъ вы называете, „погрѣшности“...

— Бога ради!.. милѣйшая баронесса! воскликнулъ старикъ, на этотъ разъ дѣйствительно сконфуженный.— Неужели я выразился такъ неловко, что вы могли придать моимъ словамъ совсѣмъ другой смыслъ? Это невозможно. Не станеть-же мой языкъ говорить то, чего душа не чувствуетъ. Впрочемъ, я отчасти былъ правъ, предполагая, что вы могли сдѣлать маленькую погрѣшность, т. е. смѣшать вещи... у насъ въ родовыхъ драгоценностяхъ есть точно такой-же аграфъ изъ аметиста.

— Знаю, отвѣчала Ліана.— Сундукъ съ фамильными дамскими дорогими вещами, принадлежащими Раулю, стоитъ въ моей уборной; я, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ сюда, провѣрила по списку каждую вещь.

— То-есть, вы немедленно вступили во владѣніе принадлежащимъ вамъ имуществомъ, всемилостивѣйшая баронесса, за что я отнюдь васъ не осуждаю. Въ виду такого громаднаго богатства, вы имѣли полное право возратить крохи бывшаго великолѣпія вашего дома сестрицѣ Ульриксѣ. Вамъ онѣ болѣе не нужны, а ей очень и очень пригодятся.

Ядовито звучали эти слова, но еще гаже была презрительная улыбка, исказившая насмѣшливыя губы гофмаршала. Ліана дѣлала страшныя усилія, чтобы удержать слезы, готовая навернуться на ея глазахъ, потому что тогда старикъ убѣдился-бы въ ея полномъ пораженіи—и она погибла. Она подняла съ полу ящикъ, въ которомъ была упакована ея посылка, и поставила его на письмен-

ный столъ съ рѣзбой роково и съ ящичками „рѣдкостей“, находившійся подлѣ кресла гофмаршала.

— Вы ошибаетесь, г. гофмаршалъ, произнесла она, смѣло смотря ему въ лицо.—Я очень уважаю память вашей покойной дочери и никогда не буду носить драгоценностей, принадлежавшихъ ей при жизни. Я ихъ только провѣрила, потому что должна отвѣчать за ихъ цѣлость... Еще болѣе ошибаетесь вы, предполагая, что я посылаю этотъ аграфъ въ Рудендорфъ съ цѣлью „украшить мою сестру крохами нашего бывшего великолѣпія“. Милая моя Ульрика! какъ-бы она засмѣялась, услыхавъ эти слова!..

Сказавъ это, Ліана засунула лежавшій на столѣ костяной ножикъ для бумаги между дощечками взломаннаго ящичка, послышки и приподняла имъ всю крышку. Она торопливо вынула оттуда сначала нѣсколько листовъ пропускной бумаги съ тщательно переложенными въ нихъ сухими растеніями, а потомъ еще что-то плоское, обернутое въ веленевую бумагу, повидимому, картину, и отложила все это въ сторону. Затѣмъ она опрокинула пустой ящикъ и слегка постучала по его дну рукой.

— Вы видите, что кромѣ наследственнаго драгоценнаго украшенія моей бабушки, г. гофмаршалъ, въ моей посылкѣ не заключалось звонкой монеты, рѣзко замѣтила Ліана, задыхаясь отъ волненія.

Говоря это, молодая женщина кинула такой гордый взглядъ презрѣнія на гофмаршала, что на поблеклыхъ щекахъ его выступила краска смущенія. Онъ вполне заслужилъ полученный имъ урокъ.

— Воже милосердый! къ чему эти доказательства? воскликнулъ онъ.—Не прикажете-ли мнѣ просить у васъ прощенія, когда мнѣ и въ голову не приходило васъ оскорблять? Я не имѣю никакого права сомнѣваться въ вашей правдивости!.. Я вѣрю вамъ на слово, баронесса, повѣрю даже, если вы сію минуту начнете мнѣ рассказывать, что отправляете этотъ аграфъ къ себѣ на родину, съ тѣмъ... ну, чтобы хоть повѣсить его на шею болонкѣ вашей матушки.

Тонъ гофмаршала становился невыносимо дерзокъ; отъ его лдовитыхъ насмѣшекъ юная, пылкая кровь Ліаны прилила къ ея вискамъ и стучала, какъ молотомъ. Молодая женщина готовилась уже повернуться и выйти изъ комнаты, но въ это время она

замѣтила, что патерь, молча присутствовавшій при происходившей сценѣ, вдругъ быстро раскинулъ скрещенныя на груди руки и бросилъ сбоку такой взглядъ на гофмаршала, какъ-будто хотѣлъ убить его на мѣстѣ.

„Ужь не собирается-ли онъ помочь мнѣ? подумала Ліана.— Не намѣренъ-ли онъ защитить меня? Не наступилъ-ли тотъ тяжелый день, когда мнѣ понадобится его помощь? Нѣтъ, нѣтъ, я кончика пальца не протяну этому негодю, который забираетъ въ свои желѣзныя руки всѣхъ людей, имѣющихъ несчастіе подпасть подъ его вліяніе“.

— Такой абсурдъ никогда, конечно, не могъ-бы придти мнѣ въ голову, заговорила она громко, быстро овладѣвъ собой и стараясь предупредить духовника прежде, чѣмъ тотъ произнесетъ хоть слово.— Я недаромъ дочь Трахенберга; мы всѣ слишкомъ серьезно смотримъ на жизнь, чтобы позволять себѣ ребяческія прихоти... Скрывать мнѣ нечего! Всему міру извѣстно, что мы разорены... я посылаю этотъ аграфъ моей матери, чтобы дать ей возможность ѣхать лечиться на воды.

— Э! э! э! въ чемъ вы хотите меня увѣрить! расхохотался гофмаршалъ.— Неужели я буду вынужденъ обвинять васъ въ скряжничествѣ? Развѣ вамъ, сударыня, не выдается на булавки до трехъ тысячъ талеровъ...

— Мнѣ кажется, что никто не имѣетъ права спрашивать, куда я дѣваю эти деньги, перебила его очень строго Ліана.

— Конечно, конечно! какое-же право имѣю я спрашивать, покупаете-ли вы на нихъ государственныя бумаги или тратите ихъ на тряпки... Къ тому-же, вы, я думаю, и понятія не имѣете о цѣнности подобнаго рода камней.— (Онъ презрительно ткнулъ пальцемъ въ лежавшій на столѣ футляръ).— Аграфъ не стоитъ и 80 талеровъ... Боги! 80 талеровъ на путешествіе на воды графини Трахенбергъ!..

— Эту вещь цѣнили уже однажды на аукціонѣ, храбро возразила Ліана.— Я знаю, что отъ продажи ея выручится немного вотъ почему я...

Она вдругъ запнулась и покраснѣла до ушей. Она чуть-было не увлеклась и не сказала болѣе, чѣмъ требовало этого благоуміе.

— Ну-съ? спросилъ гофмаршалъ, нагибаясь впередъ и съ злой усмѣшкой смотря въ лицо Ліаны.

— Вотъ почему я и приложила къ аграфу вещь, которую Ульрика продать никакъ не дешевле 40 талеровъ, докончила молодая женщина тихимъ и далеко уже не самоувѣреннымъ тономъ.

— А позвольте узнать, милостивая государыня, гдѣ у васъ эти волшебные вспомогательные источники, которыми вы такъ свободно распоряжаетесь?.. Тутъ, что-ли, они?

Онъ указалъ на обертку изъ веленовой бумаги. Ліана невольно закрыла ее рукой.

— Это кажется, картина, если я не ошибаюсь?

— Да.

— Работа вашихъ собственныхъ рукъ?

— Да, я ее рисовала, произнесла Ліана, сжавъ себѣ грудь, точно у нея захватило дыханіе. Въ это мгновеніе передъ нею, какъ молнія, блеснула сцена изъ прошлаго: видъ террасы рудиздорфскаго замка, разсвирѣвѣвшая мать и роскошное изданіе „Ископаемыхъ растений“, съ презрѣніемъ выброшенное за дверь на каменныя плиты.

— И вы намѣрены продать эту картину?

— Я ужъ вамъ сказала, отвѣчала молодая женщина, не поднимая вѣкъ. Она знала навѣрное, что встрѣтитъ взглядъ полный гнуснаго торжества, потому-что старикъ, предложивъ послѣдній вопросъ, намѣренно растягивалъ слова, выжидая, чтобы она на него взглянула. Онъ игралъ съ нею, какъ кошка съ мышью.

— Вѣроятно, у васъ уже есть наготовѣ любитель живописи... какой-нибудь добрый, богатый другъ и меценатъ, часто посѣщающій Рудиздорфъ и считающій своей обязанностью хорошо оплачивать... этого сорта художественныя произведенія?..

Ліана успѣла въ это время совершенно успокоиться и, собравшись съ духомъ, отвѣтила твердымъ голосомъ:

— Такого рода систему пріобрѣтенія, какъ двѣ капли воды похожую на прошеніе милостыни, я, само собою разумѣется, отвергла и предпочла продавать свои картины бупцамъ, торгующимъ произведеніями искусства.

Гофмаршала передернуло, точно его укололи чѣмъ-нибудь.

— Другими словами, вы до брака изволили зарабатывать свой хлѣбъ трудами рукъ своихъ?

— Частью—да. Я знаю, что чрезъ это сознаніе я вполне отдаюсь въ вашу власть, что положеніе мое здѣсь въ домѣ сдѣлается теперь еще невыносимѣе, но я лучше готова все это вытерпѣть, чѣмъ оставаться подѣ бременемъ лжи и скрытности, растлѣвающихъ душу. Я не хочу и не должна придерживаться здѣсь той методы дѣйствій, которой я слѣдовала въ Рудиздорфѣ, изъ страха, какъ-бы не раздражить мать.

— Чортъ возьми! Одолжилъ-же меня Рауль! Безцѣнное сокровище ввелъ онъ въ домъ, взявъ моего гордаго, аристократическаго ребенка, моей Валеріи! воскликнулъ гофмаршалъ, горько расхохотавшись и откидываясь на спинку кресла.

Патеръ вскочилъ съ мѣста и схватилъ Ліану за руку; но она сильнымъ движеніемъ отклонила его отъ себя и ушла въ глубь гостиной.

— Баронесса, вы сами на себя накладываете руки! почти съ мольбой въ голосѣ воскликнулъ патеръ.—Согласитесь, что вы теперь въ возбужденномъ состояніи, и изъ упорства говорите то, чего вы никогда не сказали-бы въ спокойномъ расположеніи духа...

— Нѣтъ, г. духовникъ, я съ вами не могу согласиться: это было-бы противно истинѣ. Повторяю снова во всеуслышаніе: этими самыми руками я зарабатывала деньги, снискивала себѣ пропитаніе. Несмотря на то, что я вижу въ настоящую минуту, какое впечатлѣніе производитъ мое признаніе, я все-таки дышу свободно.—(Горькая улыбка пролетѣла по ея очаровательному лицу).—Я знаю, что отъ зоркихъ глазъ г. гофмаршала ничто не укроется, что, рано или поздно, онъ допытался-бы до сущности дѣла; тогда я на всю жизнь подверглась-бы попрекамъ за мое молчаніе, и оно имѣло-бы видъ, что я стигнусь своего прошлаго. Сохрани меня Богъ отъ этого!...—Неужели вамъ пріятнѣе было-бы слышать, что я до замужества жила чужимъ подаяніемъ? спросила Ліана, обращаясь къ гофмаршалу.—Вы презираете руку кровной дворянки за то, что она трудилась, не имѣя въ своемъ распоряженіи наслѣдственныхъ доходовъ? Могутъ-ли уважать прочія сословія дворянство, если оно станетъ праздно проводить время и въ этомъ считать свою заслугу? Не разрушатъ-ли они сами этииъ идею своего нравственнаго превосходства надъ другими сословіями?... Слава Богу, въ наше время встрѣчается не мало

знатныхъ родомъ людей, которые на-столько благородны душой, что не стыдятся заниматься искусствами.

— Искусствами! презрительно смѣясь воскликнулъ гофмаршалъ.—Развѣ можно называть искусствомъ пачкотню, преподаваемую по одному шаблону высокороднымъ дѣвицамъ учителями рисованія въ женскихъ заведеніяхъ? Наконецъ....

Между тѣмъ онъ схватилъ картину и сорвалъ съ нея обертку; внезапно послѣднее слово замерло у него на губахъ... Ужасъ или стыдъ превратили его желтое лицо въ пылающее? Онъ какъ-бы въ изнеможеніи откинулъ голову на спинку кресла, закрылъ глаза, и когда испуганный патеръ подошелъ къ нему, онъ прикрылъ картину рукою, какъ-бы стараясь скрыть ее отъ него.

Ліана изобразила въ своей картинѣ, конечно, въ нѣсколько идеализированной формѣ, то сильное впечатлѣніе, которое произвелъ на нее индѣйскій домикъ. „Цвѣтокъ лотоса“ лежалъ не на тростниковой кровати, этомъ мученическомъ ложѣ, къ которому его приковалъ тринадцатилѣтній недугъ, а на роскошной, бархатисто-зеленой лужайкѣ. Сочная трава точно ластилась къ изящному тѣлу жейцзины, которой кисть художницы возвратила эластическія формы юности. Это была кровная баядерка изъ Бенареса, такая, какою вывезъ ее старый баронъ изъ-за моря. Красавица приподнялась до половины и лежала, опершись головою на руку. Безчисленныя золотыя монеты сверкали на ея лбу, затылкѣ и въ черныхъ косахъ, спустившихся на грудь, которую прикрывала пурпуроваго цвѣта атласная курточка, расшитая золотомъ, безъ рукавовъ. Испанскія бархатистыя листья узы сбросали пріятную полутѣнь на лежащую фигуру баядерки, а въ глубинѣ картины лучъ солнца падалъ на мраморныя бѣлыя ступени индусскаго храма и дрожалъ, сверкая въ едва зыблющейся водѣ пруда.... Картина была нарисована акварелью; нѣкоторыя ея детали походили скорѣе на эскизъ, набросанный отъ руки и неоконченный вполне, но при этомъ каждый штрихъ обличалъ смѣлую кисть художника-мастера. Голова красавицы съ грустно-томными глазами, ея демонически-прекрасное, овальное лицо, положеніе миниатюрныхъ голыхъ ногъ, украшенныхъ золотыми обручами на сгибахъ, и утонувшихъ въ густой травѣ, верхніе стебли которой нагнулись надъ ними, неподражаемо-граціозный изгибъ талии и бедръ подъ мягкими складками покрывала баядерки,—все это было отчетливо и сильно вы-

ражено и дѣлало изъ картины, на зло мнѣнію гофмаршала, настоящее художественное произведеніе.

Однако, старикъ скоро опомнился.

„Скажите, пожалуйста, говорилъ онъ злобно самъ себѣ, — даже эта молодая бабенка съ безстрастной, холодной наружностью обладаетъ значительной дозой женскаго любопытства, которое она удовлетворяетъ, роясь дома въ фамильныхъ архивахъ, а здѣсь изучая пикантную сторону индѣйскаго сада! — Вы мастерски счумѣли перенестить въ прошлое, продолжалъ онъ, обращаясь къ Ліанѣ; — сейчасъ видно, что вы много трудились надъ изученіемъ сюжета картины.... но именно вслѣдствіе-то этого, вы поймете, ваша картина не должна переходить за порогъ Шенверта.... И не глупы-ли мы, что допускаемъ вторично огласить позорную страницу нашего дома — и чрезъ кого же? — чрезъ женщину, которая, подъ предлогомъ дочерней любви и самоотверженія, стремится прославиться какъ художница!... Картина останется въ моихъ рукахъ, моя милая, а графинѣ Трахенбергъ я пошлю столько денегъ для повѣздки на воды, сколько она пожелаетъ.

— Благодарю, г. гофмаршалъ; я отказываюсь, именемъ моей матери! воскликнула Ліана, давъ въ первый разъ волю своей запальчивости. — Она на-столько горда, что скорѣе останется дома...

Комната огласилась страшнымъ хохотомъ гофмаршала. Онъ приподнялся съ трудомъ, отперъ одинъ изъ ящиковъ съ рѣдкостями, вынулъ оттуда записочку на розовой бумагѣ, развернулъ ее и подаль Ліанѣ.

— Прошу васъ, баронесса, прочитайте, что здѣсь написано; вы убѣдитесь, что женщина, выпрашивающая у своего бывшего поклонника 4,000 талеровъ займа, для погашенія тайныхъ карточныхъ долговъ, вѣроятно, не затруднится принять посильную помощь отъ дружеской руки, чтобы имѣть возможность удовлетворить своему пламенному желанію съѣздить на воды.... Въ то время она приняла эти четыре тысячи съ горячей благодарностью... но отдачѣ долга ей помѣшалъ, къ сожалѣнію, конкурсъ....

Ліана, точно автоматъ, взяла, не поднимая глазъ, компрометирующую записку и, почти шатаясь, направилась къ окну. Она не могла и не хотѣла читать знакомое ей, некрасивое писанье родительской руки; уже первыя слова: *Mon cher ami*, рѣзнули ее, какъ ножомъ; она желала скрыться хотя на минуту отъ этихъ

двухъ людей, почему и вошла въ нишу; но отъ испуга она едва не бросилась назадъ. Окно было отворено и на террасѣ, спиной къ дому, опершись руками на каменные перила, не далѣе, какъ въ двухъ шагахъ отъ Ліаны, стоялъ неподвижно Майнау. Для него, повидимому, не прозало ни одно слово изъ разговора, происходившаго въ гостиной.

„Если онъ, дѣйствительно, слышалъ мой споръ съ упрямымъ старикомъ и допустилъ меня бороться одну, то онъ жалкій человѣкъ! подумала Ліана.—Мнѣ въ голову не придетъ требовать отъ него любви, но рыцарской защиты я въ правѣ отъ него ожидать; въ ней и братъ сестрѣ не откажетъ“.

— Послушайте, вы, баронесса! отдайте мнѣ записку назадъ, кричалъ гофмаршалъ изъ своего кресла. Онъ, кажется, боялся, чтобы Ліана не спрятала ее въ карманъ, такъ-какъ у ней невольно опустились руки.—Противъ васъ, съ вашими наклонностями къ оппозиціи, необходимо держать камень за пазухой... вами, какъ противникомъ, пренебрегать нельзя... я это узналъ сегодня по опыту... въ васъ много породистаго... въ васъ больше ума, чѣмъ сколько вы желали-бы выказать. Будьте такъ добры, отдайте мнѣ мою прелестную розовую записочку!

Ліана подала ему письмо матери; онъ торопливо схватилъ его и заперъ опять въ ящикъ.

Въ эту минуту на порогъ стеклянной двери показался Майнау. Въ его наружности на этотъ разъ уже не было той изящной небрежности, того выраженія оскорбительной смѣси скуки и обязательной вѣжливости, съ которымъ онъ постоянно приходилъ въ комнату, когда тамъ сидѣла въ сборѣ вся семья. Теперь онъ вошелъ красный, разгоряченный, точно совершилъ длинную прогулку верхомъ.

Гофмаршалъ приподнялся, но замѣтя высокую фигуру барона, появившуюся, какъ грозная туча, въ гостиной, упалъ обратно въ кресло. Никто не слышалъ шаговъ барона по террасѣ.

— Боже мой! Рауль, какъ ты меня испугалъ! воскликнулъ старикъ.

— Ты испугался? Но что-же находишь ты необыкновеннаго въ томъ, что я поднялся снизу наверхъ, желая вмѣстѣ съ тобою принять герцогиню? возразилъ равнодушнымъ тономъ Майнау.

Онъ даже не взглянулъ на больного дядю и, затаивъ дыха-

ніе, вперилъ глаза въ то мѣсто, гдѣ стояла его жена. Ліана оперлась лѣвой рукой на уголь письменнаго стола; по трепету кружевной оборки ея рукава видно было, что эта рука сильно дрожитъ. Злобный наекъ гофмаршала насчетъ ея матери глубоко уязвилъ ее; она чувствовала, что во всю жизнь не забудетъ этого страшнаго потрясенія; однако, она овладѣла собой и сохранила наружное спокойствіе, хотя сѣрые глаза ея подъ слегка сдвинутыми бровями мрачно и сурово встрѣтили глаза мужа. Ліана приготовилась къ новой борьбѣ.

Майнау поспѣшно подошелъ къ большому столу, посреди гостиной, и налилъ стаканъ воды изъ стоявшаго на немъ графина.

— Юліана, сказалъ онъ, подавая ей стаканъ: — ты взволнована... прошу тебя, выпей....

Молодая женщина съ удивленіемъ и не безъ досады отвела рукой стаканъ.

Онъ предлагалъ ей глотокъ воды, чтобы успокоить ея волненіе, тогда какъ онъ могъ достигнуть этого несравненно лучше, обратившись съ нѣсколькими строгими, энергическими словами къ ея непримиримому врагу!

— Не пугайся, милый Рауль, этого лихорадочнаго румянца, говорилъ гофмаршалъ, пока Майнау ставилъ стаканъ на мѣсто: — это лихорадка дебютантки, т. е. дебютантки въ замѣѣ Шенвертъ; въ мірѣ художествъ и въ магазинахъ картинъ эта прелестная дама уже давно выступала съ успѣхомъ, какъ графиня Трахенбергъ... Что скажешь на это ты, заклятый врагъ Рафаэлей въ юбкахъ, синихъ чулковъ и тому подобнаго? Полюбуйся, какой великій талантъ прокрался тайно въ Шенвертъ и обвился вокругъ твоего брачнаго контракта. Жаль одного, что обстоятельства вынуждаютъ меня конфисковать эту картину...

Майнау уже держалъ въ рукѣ изображеніе баядерки и пристально разсматривалъ его. Ліана съ замираніемъ сердца увидѣла, что жилы на его загорѣлыхъ вискахъ напряжились отъ прилива крови. Она ежеминутно ждала какой-нибудь колкости насчетъ ея „кропанья“; но баронъ, не отводя глазъ отъ картины, холодно, черезъ плечо, замѣтилъ гофмаршалу:

— Не забывай, пожалуйста, что право конфисковать и разрѣшать, въ этомъ случаѣ, принадлежитъ исключительно *мнѣ*... Какъ попала эта картина сюда?

— Да, да, какъ она сюда попала? повторилъ, пожимая плечами, видимо сконфуженный гофмаршалъ.— По неловкости нашихъ слугъ, Рауль... Ящикъ, въ которомъ отправляли посылку, былъ переданъ мнѣ взломанный....

— О! о! Такъ я произведу строжайшее слѣдствіе. Подобную небрежность нельзя оставить безнаказанной, сказалъ Майнау. Онъ молча положилъ опять на столъ картину.— А это что такое? спросилъ онъ, взявъ въ руку пачку протечной бумаги съ высушенными растеніями и съ маленькой, мелко исписанной тетрадкой, которая лежала сверху.— Развѣ и это находилось въ злощастной посылкѣ?

— Да, отвѣчала вмѣсто гофмаршала сама Ліана твердымъ, почти грубымъ тономъ, какъ-бы подъ вліяніемъ отчаянія.— Посмотри, это высушенныя дикія растенія; нѣсколько сортовъ изъ породы орхидей, рѣдко встрѣчающихся въ окрестностяхъ Рудиздорфа... Магнусъ продаетъ свои гербаріи въ Россіи и я до сихъ поръ помогала ему въ составленіи ихъ... Если я этимъ невиннымъ занятіемъ погрѣшила вторично противъ этикета и возрѣній дома Майнау, то мнѣ остается только горько сожалѣть о своемъ промахѣ.

Говоря это, Ліана протянула съ грустной улыбкой свои антично прекрасныя руки къ мужу, который пробѣгалъ глазами ея ботанической конспектъ.

— Посмотри на мои руки, сказала она, — и увѣрься, что на нихъ нѣтъ и слѣда чернильныхъ пятенъ; къ тому-же ты долженъ согласиться, что я еще ни разу не преступила заповѣди твоей программы и не надоѣдала тебѣ ни однимъ словомъ по части моихъ ограниченныхъ ботаническихъ познаній... Благодаря неловкости твоихъ слугъ, я стою теперь передъ тобой безъ маски и покоряюсь своей судьбѣ.— (Ліана приложила пальцы къ вискамъ, чтобы успокоить бьющуюся въ нихъ кровь).— Ты не повѣришь, какъ мнѣ жаль, что я противъ воли явилась дѣйствующимъ лицомъ въ этой сценѣ и отступила отъ начертанной тобою для меня программы, отъ этой—прости меня! но дай хоть разъ, одинъ только разъ откровенно высказаться—отъ этой жестоко придуманной программы, убивающей всякую умственную жизнь. Виною всему случившемуся не я... будь увѣренъ, что подобныя сцены не повторятся. Позволь мнѣ сказать тебѣ еще, что я рѣшительно

отрицаю обвиненіе г. гофмаршала, будто я вступила на попріще художницы съ тѣмъ, чтобы блистать своимъ талантомъ. Когда я отдала на судъ публики мое первое произведеніе, то лихорадка была меня впродолженіи нѣсколькихъ недѣль сряду. Я дрожала не отъ страха за успѣхъ, а за послѣдствія своей смѣлости; деньги же, полученныя за проданную первую картину, я облила горькими слезами, потому что вмѣстѣ съ нею я продала часть своей души и своихъ впечатлѣній... а между тѣмъ, это должно было повториться не одинъ разъ!..

Впродолженіи этой тягостной сцены, носившей характеръ инквизиціоннаго засѣданія, патеръ ходилъ взадъ и впередъ въ глубинѣ гостиной. Руки его были спокойно скрещены на спинѣ, но могучая грудь тяжело вздымалась, точно онъ боролся съ припадкомъ удущья. Баронъ и гофмаршалъ по одному взгляду на этого человека въ длинной черной одеждѣ, съ выбритымъ, бѣлымъ, какъ слонова кость, темнеемъ, могли-бы догадаться, что онъ дѣлаетъ страшныя усилія надъ собой, чтобы не кинуться на нихъ подобно разъяренному тигру...

При послѣднихъ словахъ Ліаны патеръ вышелъ на террасу и, приложивъ руку къ глазамъ, сталъ смотрѣть въ ту сторону парка, гдѣ бѣлѣлась узкая, ослѣпительная на солнцѣ, полоска шоссеиной дороги, ведущей въ резиденцію.

— Я не ошибся, закричалъ онъ, вбѣгая запыхавшись въ гостиную, слышенъ стукъ экипажей, герцогиня сейчасъ будетъ здѣсь.

— И прекрасно! а то ужъ мы начали впадать въ сантиментальность, сказалъ гофмаршалъ. — Идемъ-же!

Онъ поднялся съ кресла и, кряхтя, выпрямилъ свой худой, высокій станъ; затѣмъ подошелъ къ зеркалу, оправилъ бантъ бѣлаго галстука, налилъ дорогихъ духовъ себѣ на платокъ и опрыскалъ ими-же фракъ и жилетъ; наконецъ, онъ взялъ шляпу въ руки и, волоча ногу и прихрамывая, отправился на террасу. Ліана между тѣмъ спокойно укладывала бумаги въ ящикъ и сидѣла задвинуть его крышку.

— Ну-съ, святой отецъ, произнесъ Майнау, обращаясь къ патеру, точно приросшему къ двери; ясно было, что онъ ждетъ, чтобы баронъ прежде его вышелъ изъ гостиной. — Развѣ вы забыли, что герцогиня останется недовольна, если при выходѣ изъ

экипажа она не услышитъ обычнаго благословенія, произнесеннаго вашими устами?

Глаза мужа и духовника встрѣтились; у перваго читалась насмѣшка, у втораго—пламенная, нескрываемая ненависть. Отъ столкновенія этихъ взглядовъ, казалось, сыпались искры.

— Прошу, прошу, г. придворный проповѣдникъ, я за вами, настаивалъ Майнау, указывая рукой на дверь, далеко не съ выраженіемъ рыцарской вѣжливости и благоговѣнія передъ духовнымъ саномъ, а тономъ гордаго хозяина-деспота, причемъ на губахъ его мелькала самая саркастическая улыбка.—Обо мнѣ не беспокойтесь, я какъ-разъ во время послѣю визъ.

Патеръ кивнулъ головой и вышелъ. Майнау пристально слѣдилъ за тѣмъ, какъ хвостъ его черной рясы медленно скользилъ, спускаясь со ступеньки на ступеньку; потомъ онъ быстро повернулся, съ страстнымъ огнемъ въ глазахъ бросился въ женѣ и протянулъ ей обѣ руки.

— Это къ чему? спросила Ліана, окаменѣвъ, какъ статуя, на мѣстѣ.— Не даришь-ли ты мнѣ великодушное прощеніе? Я въ немъ не нуждаюсь, потому что не совершила никакого преступленія. Я твердо убѣждена, что скромныя научныя занятія не нанесли ни малѣйшаго ущерба моимъ обязанностямъ, какъ матери Лео, какъ хозяйки и какъ женщины твоего круга. Растенія эти я собирала во время прогулокъ съ Лео, причемъ успѣла даже познакомить мальчика съ азбукой ботаники. Рисовала и писала рано по утрамъ, когда никто не нуждался въ моихъ услугахъ.... Если ты желаешь и прикажешь, чтобы я отказалась и отъ этихъ пріятныхъ для меня занятій, я исполню твое желаніе и волю. Но позволь напомнить тебѣ, что когда мужъ выговариваетъ себѣ право убѣгать изъ дому, отъ семейнаго очага, отъ разныхъ непріятностей, заботъ и скуки и по дѣлымъ годамъ пропадать за границей, то женѣ можно-же, наконецъ, позволить наслаждаться нѣсколькими часами отдохновенія, въ которые она будетъ освобождаться хоть не надолго отъ сплетень и непрерывныхъ стечекъ. Впрочемъ, я готова сдѣлать тебѣ даже и эту уступку, но не какъ покорная, слѣпо повинующаяся жена, а какъ мать Лео. Я взяла на себя обязанности матери и исполню свою задачу; не будь этого—я ни за что не пошла-бы теперь на встрѣчу герцогинѣ, а вернулась-бы... на родину... что мнѣ слѣдовало-бы сдѣ-

латъ послѣ только-что бывшей здѣсь сцены и къ чему побуждаетъ меня мое собственное чувство...

Она перекинула шлейфъ черезъ руку, взяла букетъ и приготовилась съ величаво-аристократическимъ спокойствіемъ пройти мимо мужа; но онъ загородилъ ей дорогу. Ліана почувствовала, что у нея пробѣжали мурашки по кожѣ, когда она взглянула въ лицо Майнау. Нѣтъ женщины, которая не испугалась-бы при видѣ здороваго и сильнаго мужчины, блѣднѣющаго, какъ полотно, подъ вліяніемъ неукротимой страсти.

— Погоди еще одну минуту! проговорилъ Майнау, дѣлая повелительный жестъ рукой.—Ты ошибаешься, если думаешь, что я хотѣлъ *осчастливить* тебя своимъ прощеніемъ. Съ этой мыслью я никогда не рѣшился-бы подойти къ тебѣ. Я не настолько разсудителенъ, какъ ты, чтобы съ точностью анализировать и контролировать то, что происходитъ въ моемъ внутреннемъ мірѣ. Я позволяю себѣ увлекаться; теперь-же выскажу тебѣ откровенно, что чувствуетъ моя душа... Знай, что я бросился къ тебѣ вовсе не съ желаніемъ тебя унизить, а, напротивъ, съ намѣреніемъ *у тебя* попросить прощенія. Или ты лишена способности угадывать выраженіе чужого лица—чего въ тебѣ, такой даровитой художницѣ, допустить невозможно—или ты, гордая, оскорбленная графиня Трахенбергъ, не хотѣла меня понять. Я вѣрю скорѣе послѣднему и уважаю твое желаніе и волю избѣгать всякихъ миролюбивыхъ сдѣлокъ... Тѣмъ не менѣе, намъ съ тобой необходимо предстать передъ глазами свѣта въ видѣ счастливыхъ супруговъ, заключилъ Майнау, снова впадая въ легкій шутивый тонъ,—и потому, сдѣлай одолженіе, пропусти кончики твоихъ пальцевъ подѣ мою руку и отправися вмѣстѣ внизъ.

ХП.

Два экипажа подѣхали къ замку. Въ первой коляскѣ сидѣли герцогиня и ея сыновья, во второй, остановившейся въ почетельномъ разстояніи отъ террасы, воспитатель принцевъ и одна статсъ-дама.

Герцогиня, не выходя еще изъ экипажа, милостиво протянула гофмаршалу руку и сказала ему какую-то любезность, выражаю-

шю ея удовольствіе, что онъ опять на ногахъ. Не успѣла она окончить фразы, какъ наверху террасы появился Майнау подъ руку съ женой. Огненный взглядъ вылетѣлъ изъ глазъ герцогини; слова замерли на ея губахъ, она быстро и вопросительно повернула голову къ своей статсъ-дамѣ, которая вышла уже изъ коляски и стояла по другую сторону герцогскаго экипажа, подлѣ самой подножки. Статсъ-дама, въ свою очередь, точно пораженная изумленіемъ, не могла оторвать глазъ отъ Ліаны. Закончивъ милостивую рѣчь граціознымъ жестомъ руки, герцогиня, поддерживаемая патеромъ, ступила на землю.

Кто могъ ожидать, чтобы робко прижавшаяся къ углу кареты сѣрая „монашенка“ явилась вдругъ въ такомъ величественномъ видѣ, владычицей Шенверта, съ шумящимъ шлейфомъ платья, гордо опираясь на руку своего мужа? Кто могъ подумать, чтобы эта женщина осмѣлилась такъ отважно щеголять своими красными волосами, тяжелымъ, волнистымъ снопомъ падавшимъ ей до плечъ, а шенвертское солнце до такой степени лъстиво освѣщало золотистую діадему ея косъ, что она казалась какъ-бы окруженной сіяніемъ?....

Обѣ женщины очутились лицомъ къ лицу. Про герцогиню говорили, будто она, по окончаніи траура, стала носить самыя свѣтлыя и чрезвычайно нарядныя платья, съ цѣлью ярче выказать свою молоджавость и дѣвственную красоту. Въ этотъ день общее мнѣніе вполне подтвердилось. Она пріѣхала въ свѣтло-розовомъ шелковомъ платьѣ, декольте, съ короткими рукавами и съ бѣлымъ кружевнымъ канзу. На ея маленькую соломенную шляпку съ брюссельскимъ кружевомъ былъ точно броненъ букетъ цвѣтовъ.

Въ первую минуту по лицу высокопоставленной красавицы пронеслось какъ-бы облако, потому что умные сѣрые глаза Ліаны смотрѣли на нее съ гордымъ спокойствіемъ; герцогиня не могла не признать, что у баронессы превосходный цвѣтъ лица и удивительно прозрачная кожа; но кинувъ искоса взглядъ на Майнау, герцогиня успокоилась и ясная улыбка озарила ея губы. Въ свѣтѣ не ошиблись, предполагая, что баронъ женился, не чувствуя къ невѣстѣ никакой привязанности. Онъ стоялъ рядомъ съ своей молодой женой, холодный, какъ ледяная статуя, между тѣмъ какъ она, выждавъ, чтобы онъ ее представилъ, при-

сѣла почтительно, хотя не слишкомъ низко, и подала герцогинѣ букетъ.

Букетъ былъ очень милостиво принятъ и герцогиня, вѣроятно, произнесла-бы нѣсколько тѣхъ благосклонныхъ фразъ, которыя хранились, какъ святыня, втеченіи цѣлой жизни, въ сердцахъ большинства лицъ, имѣвшихъ счастье быть ей представленными, если-бы взглядъ ея не упалъ на гофмаршала, помертвѣвшаго отъ физической боли и безпомощно качавшагося изъ стороны въ сторону, съ закушенными отъ страданія губами.

— Я слишкомъ понадѣялся на свои силы, ваше высочество, лепеталъ онъ. — Я въ отчаяніи, но умоляю разрѣшить мнѣ сѣсть на мое кресло съ колесами.

По знаку герцогини кресло подкатили; больной рухнулъ въ него. Горька была эта минута для человѣка, легко порхавшаго, бывало, въ тонкихъ лакированныхъ сапогахъ, вокругъ созвѣздіи придворнаго міра. Со скрипомъ, визжа, катилось теперь его тяжелое кресло по дорожкѣ, усыпанной гравіемъ, по направленію къ парку, которому въ этотъ день хозяева замка были обязаны посѣщеніемъ высокихъ гостей.... Красивая, свѣжая, какъ роза, герцогиня, шурша платьемъ, прошла мимо старика, весело разговаривая съ Майнау, который велъ ее подъ руку. Она никогда еще не находилась въ такомъ пріятно возбужденномъ расположеніи духа, какъ сегодня, и совсѣмъ, кажется, позабыла о человѣкѣ, который, въ былыя времена, — такъ, по крайней мѣрѣ, толковалъ свѣтъ — умѣлъ одинъ вести блестящій остроуміемъ разговоръ съ этой гордой, замкнутой женщиной. Теперь онъ ѣхалъ молча, сзади, въ своемъ инвалидномъ креслѣ....

Принцы, громко крича и смѣясь, вмѣстѣ съ Лео пробѣжали также мимо гофмаршала. Прежде они, бывало, тотчасъ схватятъ его за фалды фрака и примутся тормошить; безъ него игра была не въ игру; само собой разумѣется, что дѣти считали его теперь старикомъ, потому что онъ не шелъ пѣшкомъ, какъ всѣ, а его везли. Да! у себя дома, на своей землѣ, онъ вдругъ изъ актера превратился въ статиста!.. унижительное сознаніе для человѣка, привыкшаго блистать при дворѣ, что его еще заживо причислили къ мертвымъ!.. Ко всему этому и „красноволосая“ тутъ-же выступаетъ, какъ пава, превосходно исполняя роль владѣтельницы Шенверга.

— Эта нищая графиня, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, воображаетъ, говорилъ про себя съ горечью гофмаршалъ,—что она по наружности и красивѣе, и величественнѣе, и аристократичнѣе, чѣмъ сама герцогиня!

Его едва не задушилъ припадокъ злости и ненависти къ Ліанѣ.

— Позвольте, позвольте, баронесса! рѣзко прикрикнулъ онъ на молодую женщину, когда та на ходу нагнулась, чтобы сорвать нечаянно какъ-то попавшую въ газонъ лужайки гвоздику:—сегодня не время собирать для Россіи орхидеи и всякую дрянь.

Майнау побагровѣлъ отъ негодованія и обернулся; у него вертѣлось уже на концѣ языка рѣзкое возраженіе гофмаршалу, но, взглянувъ на жену и видя, что она „съ величественнымъ молчаніемъ“, преспокойно заткнула себѣ за поясъ красную гвоздику, онъ передернулъ только плечами и, продолжая идти впередъ, возобновилъ начатый разговоръ съ герцогиней.

Та часть парка, гдѣ разводились самыя дорогіе фрукты Шенверта, соприсасалась съ индѣйскимъ садомъ и находилась подъ защитой горъ, счастливое расположеніе которыхъ дало возможность воспроизвести въ прохладномъ умѣренномъ поясѣ уголокъ тропической флоры и индѣйскихъ сказочныхъ чудесъ. Концентрированные солнечные лучи и прочная защита отъ сѣверныхъ и западныхъ бурь высоко вытянули пальмы и бананы и позволяли выспѣвать на свѣжемъ воздухѣ лучшимъ сортамъ персиковъ, винограда, абрикосовъ, сливъ и другихъ плодовъ. Этотъ отдѣлъ сада, болѣе соблазнявшій вкусъ, чѣмъ зрѣніе, замыкался рощей; само собою разумѣется, что посѣтителю не вдругъ углублялись въ глухую чашу лѣса, гдѣ росли столѣтніе дубы и букковыя деревья и гдѣ сквозь заросль мелкихъ кустовъ съ трудомъ можно было пробраться; напротивъ, они незамѣтно переходили изъ сада въ лѣсъ, потому что правильныя, чисто содержимыя аллеи и тропинки вились на большое протяженіе между старинными деревьями, а за первой группой изъ кленовъ находилась прелестная тѣнистая площадка, усыпанная бѣлымъ гравіемъ.

На эту круглую площадку выходитъ фасадъ съ фронтономъ такъ-называемаго охотничьяго домика. Это было красивое небольшое зданіе изъ кирпича, съ блестящими обоями и неизбѣж-

ными оленьими рогами надъ входной дверью. Онъ служилъ въ нѣкоторомъ родѣ станціей между замкомъ и принадлежащимъ къ шенвертскому помѣстью домомъ лѣсничаго, находившимся на разстояніи получасовой ходьбы, въ самой глуши лѣса. Въ охотничьемъ домѣ помѣщался молодой егеръ съ собаками; подъ его надзоромъ хранился также шкапъ съ драгоценнымъ оружіемъ Майнау. Во время празднествъ въ замкѣ, молодой егеръ являлся туда въ ливреѣ съ галунами и его неиначе величали, какъ егеремъ г. барона.

Если у владѣтелей замка являлось желаніе поиграть въ идиллію, они тотчасъ-же отправлялись на кленовую площадку передъ охотничьимъ домикомъ. Это было одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ Шенверта; тутъ можно было дышать неподдѣльнымъ лѣснымъ ароматомъ и любоваться издали прихотливой архитектурой индусскаго храма, блестящаго среди зелени тропическихъ растений; далѣе высились зубцы и узорчатая крыша самаго замка въ средневѣковомъ стилѣ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ стариннымъ паркомъ.

При подобныхъ празднествахъ съ сельскимъ оттенкомъ никогда не показывался главный поваръ замка; мѣсто его обыкновенно занимала фрау Лонъ, варившая кофе на бѣлой, какъ снѣгъ, изразцовой плитѣ охотничьяго домика: такъ водилось изъ году въ годъ, и глазъ посѣтителей привыкъ видѣть широкоплечую фигуру Лонъ, въ ея безсмертномъ черномъ шелковомъ платьѣ, также какъ и великолѣпныхъ собакъ, которыя или тавкали, или лежали, лѣнивво растаявшисъ на пескѣ. Хотя серьезное лицо Лонъ никогда не улыбалось изъ-подъ чепца съ стереотипными клѣтчатыми лентами и хотя ея придворный книссенъ казался очень смѣшонъ, но кофе, печенья и вообще все, что выходило изъ рукъ этой женщины, было до такой степени чисто, вкусно и аппетитно приготовлено, что поневолѣ ей прощали сухое, даже суровое обращеніе.

Оттого-ли, что въ этотъ день въ маленькой кухнѣ было жарче обыкновеннаго, или накопилось черезчуръ много хлопотъ, только фрау Лонъ очень раскраснѣлась, а глаза ея лихорадочно блестяли подъ открытымъ сильно развитымъ лбомъ; можно-бы подумать, что она плакала, но такое предположеніе было немислимо для тѣхъ, кто зналъ ея твердый характеръ.

— Вы не больны, милая Лонъ? спросила благосклонно герцогиня.

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость. Покорнѣйше благодарю за милостивое вниманіе; я свѣжа и здорова, какъ рыба въ водѣ, отвѣчала Лонъ почти съ испугомъ, кинувъ искоса быстрый взглядъ на гофмаршала.

Она принесла цѣлую груду бѣлыхъ корзинокъ, сплетенныхъ изъ ивовыхъ прутьевъ, которыми маленькіе принцы тотчасъ-же овладѣли безъ церемоніи. Къ столу, накрытому для кофе, нѣсколько времени никто не подходилъ; дѣти бурно устремились къ фруктовой плантаціи, и старшій садовникъ замка, стоя въ почтительномъ отдаленіи, съ нѣмымъ отчаяніемъ слѣдилъ, какъ маленькіе вандалы безъ разбора опустошали тщательно вырощенныя имъ деревья, небрежно бросая дорогіе фрукты въ корзины.

Гофмаршалъ приказалъ отвезти себя туда. Праздникъ *долженъ* былъ пройти удачно: слѣдовало непремѣнно уничтожить непріятное впечатлѣніе его безпомощности, хотя-бы ему пришлось вытерпѣть адскія муки. Онъ поднялся съ кресель и собственно-ручно началъ срѣзать виноградныя кисти съ лозы, которая вилась по рѣшеткѣ вплоть до проволочнаго забора индѣйскаго сада. Ему посчастливилось даже дойти на своихъ ногахъ, и довольно твердымъ шагомъ, до стола съ кофе, за которымъ уже сидѣла герцогиня. Гофмаршалъ съ самодовольной улыбкой поднесъ ей одну изъ корзинокъ, наполненную до-верху спѣлымъ виноградомъ, большею частію имъ самимъ срѣзаннымъ.

Но вдругъ улыбка исчезла съ его лица, и онъ отъ ужаса побавровѣлъ.

— Кольцо мое! воскликнулъ онъ въ волненіи. Онъ торопливо бросилъ корзинку на столъ и сталъ осматривать худой указательный палецъ своей правой руки, на которомъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сверкалъ драгоцѣнный смарагдъ.

Всѣ, за исключеніемъ герцогини, вскочили, чтобы искать потерянное кольцо.

— Кольцо такъ туго надѣвалось! жаловался всѣмъ и каждому гофмаршалъ.

Вѣроятно, въ то время, какъ онъ срѣзалъ виноградныя кисти, кольцо упало въ средину шпалерника; но сколько ни искали, оно не находилось.

— Я поставлю потомъ на ноги всю прислугу и прикажу ей искать кольцо подъ моимъ личнымъ надзоромъ, сказалъ Майнау, возвращаясь къ столу.

Изъ уваженія къ этикету слѣдовало, во что-бы то ни стало, прекратить эту фатальную интермедію.

— Да, ищи потомъ, когда кольцо безслѣдно пропадетъ въ чьемъ-нибудь карманѣ, заговорилъ гофмаршалъ съ иррациональной усмѣшкой.— Поди, довѣрай прислугѣ; она преимущественно вертится около этого виноградника.... главная аллея проходитъ мимо него.... Ваше высочество, благоволите извинить, что это обстоятельство такъ разстроило меня, продолжалъ онъ, обращаясь съ поклономъ къ герцогинѣ.— Я дорожу кольцомъ, какъ особеннымъ завѣщаніемъ моего брата Гисберта. За нѣсколько дней передъ смертью онъ передалъ мнѣ его при свидѣтеляхъ, при чемъ написалъ слѣдующія слова: „никогда не забывай, что ты получилъ это кольцо съ нашей гербовой печатью 10 сентября“. Такимъ образомъ, онъ завѣщалъ его лично мнѣ; это приводитъ меня и теперь въ умиленіе.... Вашему высочеству извѣстно, что наши характеры съ братомъ не гармонировали и что я всегда осуждалъ бурный, противный законамъ нравственности образъ его жизни.... но, Боже мой, вѣдь сердце не разсуждаетъ! Несмотря на всѣ его недостатки, я его любилъ, и потому потеря этого кольца глубоко огорчаетъ меня....

— Не говоря уже о баснословно-высокой цѣнѣ камня, бросилъ, какъ-бы мимоходомъ, Майнау, который успѣлъ сѣсть рядомъ съ герцогиней, пока прочее общество возвращалось назадъ.

— Спору нѣтъ, что цѣнность перстня также играетъ, въ этомъ случаѣ, роль, но, конечно, второстепенную, возразилъ гофмаршалъ съ афектированнымъ равнодушіемъ. Въ это время онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе и двинулъ свое кресло въ сторону, такъ что могъ отсюда наблюдать за злосчастной виноградной аллеей по всему ея протяженію.— Смарагдъ, дѣйствительно, очень дорого стоитъ, и вырѣзанный на немъ гербъ замѣчательной работы, въ нѣкоторомъ родѣ—чудо искусства; къ тому-жъ печать заключаетъ въ себѣ секретъ: съ боку герба на смарагдѣ видна маленькая точка; можно подумать, что въ этомъ мѣстѣ отскочилъ крошечный осколокъ отъ камня, но при помощи луны эта

точка оказывается отчетливо вырѣзанной, прекрасной мужской головой. Оттискъ этой печати на воскѣ или на сургучѣ, въ моихъ глазахъ, важнѣе даже именной подписи.

— Будемъ теперь пить кофе, а потомъ пойдемъ искать удивительное кольцо, замѣтила любезно герцогиня.—Его непременно нужно найти...

Въ это время появилась фрау Лонъ съ кофе на большомъ серебряномъ подносѣ; лицо ея было точно каменное; среди тишины слышалось только шуршанье ея шолковаго платья и скрипъ песку подъ ея большими ногами. Вдругъ чашки на подносѣ зазвенѣли, какъ-будто у фрау Лонъ дрогнули руки отъ испуга. Гофмаршалъ, которому она въ эту минуту подавала кофею, посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ и обратился по направленію ея взгляда. У входа въ виноградную аллею показался Габріэль.

— Что ему нужно? спросилъ онъ, строго взглянувъ на Лонъ.

— Не могу знать, сударь, отвѣчала та спокойно.

Габріэль прямо подошелъ къ гофмаршалу и, опустивъ свои длинныя рѣсницы, подаль ему пропавшее кольцо. Рука ребенка была чиста и изящна, но гофмаршалъ съ видимымъ отвращеніемъ оттолкнувъ ее лишь только она коснулась его руки.

— Развѣ тутъ нѣтъ тарелокъ? крикнулъ онъ, указывая ему на столъ.— Неужели, живя столько времени въ замкѣ, ты не научился приличіямъ и не знаешь, какъ слѣдуетъ подавать вещь?.. Гдѣ ты нашелъ кольцо?

— Я нашелъ его подлѣ проволочной рѣшетки... сейчасъ узналъ его... оно мнѣ всегда такъ нравилось на вашей рукѣ, робко пронзесъ мальчикъ, точно извиняясь, что поторопился возвратить кольцо.

— Вотъ какъ, въ самомъ дѣлѣ!.. очень лестно.—(Гофмаршалъ насмѣшливо кивнулъ ему головой и поспѣшно надѣлъ перстень на палець.)—Лонъ, дайте ему кусокъ пирога и спросите, что ему нужно.

Ключница сунула руку въ карманъ и вытащила оттуда ключъ.

— Ты, вѣрно, за нимъ пришелъ? спросила она у Габріэля.

— Да, отвѣчалъ мальчикъ.

— Я такъ и знала; больной пить хочется, а я заперла малиновый сокъ...

— Что за пустяки, прервалъ ее гофмаршалъ:—мало-ли тутъ

бѣгаетъ лакеевъ... развѣ онъ не могъ прислать за ключомъ? Избалованъ... считаетъ необходимымъ всюду совать свой носъ... явился сюда именно сегодня, несмотря на то, что г. духовникъ при васъ строго запретилъ ему принимать участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ... Вы это забыли, Лонъ?.. Мальчикъ долженъ готовиться къ новой жизни, продолжать старикъ, обращаясь къ герцогинѣ;— мы порѣшили отправить его черезъ три недѣли въ семинарію... давно пора...

Ліана съ удивленіемъ посмотрѣла на Лонъ. Такъ вотъ отчего эта женщина, нынче утромъ, на ея глазахъ, такъ странно металась по кладовой и какъ-будто не умѣла отличить дорогого бѣлья отъ толстаго! Не умѣла отличить! она, специалистка по части бѣлья! Вотъ почему она и ключъ забыла въ карманѣ! происшествіе небывалое! Недаромъ Ліана подозрѣвала, что эта по наружности ледяная женщина, обращавшаяся при постороннихъ грубо и безсердечно съ Габріелемъ, втайнѣ боготворить мальчика. Въ настоящую минуту Лонъ стояла молча, вея пунцовая; въ глазахъ другихъ это была раздосадованная и оскорбленная незаслуженнымъ выговоромъ женщина; въ глазахъ-же Ліаны это была встревоженная мать, у которой усиленно забилось сердце отъ одного ожиданія горькаго для нея событія.

Герцогиня осмотрѣла Габріэля сквозь лорнетъ.

— Вы готовите его въ миссіонеры? спросила она у патера, покачавъ головой.— По моему мнѣнію, мальчикъ вовсе не созданъ для такого призванія.

Замѣчаніе герцогини электрическимъ токомъ пробѣжало по Ліанѣ. Ей въ первый разъ случилось услышать такое воззрѣніе, на которое она могла опереться въ борьбѣ противъ самовластия патера и гофмаршала; къ тому-жъ это воззрѣніе было высказано устами, одно слово которыхъ имѣло силу измѣнить всю судьбу человѣка. Ліана не забыла, что тутъ сидитъ гофмаршалъ, настороживъ уши; нервная дрожь охватила ее при мысли, какъ опасно окончателно возстановить его противъ себя. Всѣ, сидѣвшіе за столомъ, или недоброжелательно, или равнодушно относились къ мальчику; съ какой холодностью, напримѣръ, Майнау оглядывалъ съ ногъ до головы этого „труса-мальчишку“, который стоялъ, точно осужденный, не трогаясь съ мѣста, тогда какъ, можетъ быть, земля горѣла подъ его ногами. Несмотря

на все это, Ліана собралась съ духомъ; ей предстояло обратиться къ сердцу женщины.

— Ваша свѣтлость, заговорила она:— у Габріэля есть уже призваніе... Онъ художникъ, прибавила она, устремивъ застѣнчивый и вмѣстѣ ласковый взглядъ на герцогиню.— (Присутствующіе съ удивленіемъ повернули головы къ Ліанѣ, которая до сихъ поръ не промолвила еще ни слова.)— Мальчикъ, безъ всякой подготовки, выучился владѣть кистью съ такой увѣренностью, что поразилъ меня. Я нашла на столѣгѣ Лео его рисунки, которые до того хороши, что онъ безъ экзамена могъ-бы быть принятъ въ академію. Въ головѣ Габріэля таится рѣдкій творческій талантъ; онъ пламенно преданъ искусству живописи; эта страсть, охватившая все его существо, вѣрный признакъ присутствія въ немъ гениальности... Ваше высочество изволили сказать истину: онъ не годится быть миссіонеромъ; для этого нужно имѣть внутреннее убѣжденіе, сосредоточить всѣ свои духовныя силы на одномъ предметѣ, положить въ дѣло всю энергію души, отречься на всю жизнь отъ всякаго другого идеала...

Герцогиня посмотрѣла на Ліану, широко раскрывъ глаза и не скрывая своего изумленія.

— Вы совсѣмъ иначе поняли мои слова, фрау фон-Майнау, сказала она; — мое замѣчаніе касалось вялой натуры и видимо болѣзненнаго сложенія мальчика, а вовсе не его духовнаго настроенія, его способностей и любви къ дѣлу. Въ послѣднемъ случаѣ, я рѣшительно объявляю, что его *слѣдуетъ* сдѣлать миссіонеромъ. Мнѣ очень прискорбно видѣть, что есть женщины, которыя не раздѣляютъ воззрѣнія, что передъ этой святой цѣлью жизни должны отступать всѣ прочія цѣли. Непростительно и мужчинѣ, если онъ позволяетъ себѣ иногда, опираясь большею частію на ложные доводы, слишкомъ высоко цѣнить человѣческой разумъ. Это весьма грустный фактъ; но еще грустнѣе, если женщина впадаетъ въ подобное-же заблужденіе: на насъ, женщинахъ, лежитъ двойная обязанность образовать цѣлую фалангу борцовъ противъ такихъ заблужденій; мы, женщины, должны остерегаться тщетныхъ умствованій; смѣемъ-ли мы судить о томъ, во что должны вѣрить безусловно.

— Ваша свѣтлость, вы, такимъ образомъ, слишкомъ облегчаете для женщины задачу ея жизни; не разсуждать—значить отво-

рить двери и окна для суевѣрія, для вѣры въ міръ привидѣній, — словомъ, во все то, къ чему такъ наклонны, къ сожалѣнію, легкомысленныя женскіе умы...

Присутствующіе задвигали стульями и стали въ смущеніи громко отвѣшливаться, но Ліана оставалась совершенно спокойной. Противъ нея сидѣлъ мужъ; онъ положилъ руку на столъ и качалъ на пальцѣ кофейную ложку. Нагнувъ впередъ голову и сильно нахмуривъ брови, онъ не сводилъ глазъ съ нѣжно-разрумянившагося лица Ліаны, которая сидѣла, повернувшись исключительно къ герцогинѣ. При своихъ послѣднихъ словахъ она случайно повернула голову къ сторонѣ мужа и впнула на него такой убійственно-холодный взглядъ, точно онъ не существовалъ для нея. Майнау вспыхнулъ до ушей и со звономъ отбросилъ отъ себя далеко ложечку.

Герцогиня улыбнулась.

— Что, баронъ Майнау, васъ это возмутило? Каково? спросила она льстиво-вкрадчивымъ голосомъ.

Майнау горько и насмѣшливо улыбнулся.

— Вашему высочеству очень хорошо извѣстно, что женщины, вѣрящія въ вѣдьмъ и домовыхъ, имѣютъ въ себѣ что-то русачное, отвѣчалъ онъ шутливымъ тономъ. — Женщина тогда бываетъ очаровательна своей безпомощностью и робостью; мы привлекаемъ ее тогда, какъ ребенка, въ свои объятія, а затѣмъ... затѣмъ является и любовь. — (Глаза его вдругъ потемнѣли и мелькомъ, но выразительно оглянули жену.) — За то Паллада афинская въ юбкѣ морозитъ наши чувства и леденитъ сердце, какъ привидѣніе альпійскихъ глетчеровъ... мы поворачиваемся къ ней спиною.

Эта женщина, которая въ день свадьбы Майнау, блѣдная и мрачная, какъ ангелъ смерти, пронеслась на конѣ мимо новобрачныхъ, мгновенно преобразилась... Торжество побѣды освѣтило ея прекрасное лицо и сдѣлало его, дѣйствительно, обаятельнымъ.

— А вы какъ думаете? спросила она, нагнувшись немного къ духовнику, который сидѣлъ противъ нея за столомъ, скрестивъ на груди руки. Патеръ вздрогнулъ, очнулся отъ сна. — Или у васъ нѣтъ оружія противъ ереси, провозглашающей кроткой, юной женщиной? спросила довольно весело герцогиня.

— Соблаговодите вспомнить, ваша свѣтлость, отвѣчалъ па-

теръ,—что я вообще не одобряю подобныхъ преній за кофейнымъ столомъ. Оставимъ на-время въ покоѣ этотъ предметъ разговора и удовольствуемся убѣжденіемъ, что фрау фон-Майнау не вполне ясно высказала свою мысль и въ основаніи сходится съ нашими взглядами.

Онъ и на этотъ разъ желалъ помочь Ліанѣ; ей стоило только одобрительно кивнуть ему головой—и вражда между ними была-бы кончена; но она не хотѣла дгать, не хотѣла протянуть палтеру даже кончика своего пальца и вторично оттолкнула его спасительную руку.

— Я вполне ясно высказала свою мысль и продолжаю держаться своего убѣжденія, сказала она слегка дрожащимъ голосомъ.—Я нахожу, что всѣ призраки, всѣ фантастическія явленія, которымъ тамъ охотно вѣрятъ многіе, не болѣе, какъ игра ихъ воспаленнаго воображенія. Если-бы они здраво поразмыслили, они, вѣрно, отказались-бы отъ своихъ ребяческихъ воззрѣній.

За этими словами Ліаны водворилось молчаніе; герцогиня точно окаменѣла: глаза ея тревожно перебѣгали съ лица Майнау на лицо его жены. За нѣсколько времени передъ тѣмъ баронъ выразилъ мнѣніе, что закованная въ панцирь учености Минерва, пускающаяся въ холодныя разсужденія, не можетъ внушить ему ничего, кромѣ отвращенія; но передъ нею сидѣла теперь не Минерва, а застѣнчивая молодая женщина, которая въ волненіи то блѣднѣла, то краснѣла, отстаивая свои убѣжденія, и голосъ которой, мягкій, мелодическій, не издалъ ни одной рѣзкой ноты. Герцогинѣ не удавалось разглядѣть выраженія лица Майнау, такъ-какъ онъ отвернулъ отъ нея немного голову; но его небрежная поза ясно доказывала, что онъ относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ идеямъ жены и только удерживается, чтобы не пожать плечами и не сказать насмѣшливо: „Да оставьте ее въ покоѣ! пусть ее толкуетъ, что хочетъ, мнѣ все равно!“

— Я не стану приводить вамъ своихъ доводовъ, тѣмъ болѣе, что я не рѣшусь вступать въ полемику въ такую неудобную минуту, хотя вполне убѣжденъ въ полной побѣдѣ съ моей стороны, заговорилъ, наконецъ, духовникъ, строгимъ, но пріятно звучащимъ голосомъ.—Я только напомнимъ вамъ великаго поэта, заставившаго своего героя произнести слѣдующія слова: „Есть вещи, на землѣ и на небѣ, которыя не снились нашимъ мудрецамъ“.

— Это совершенно вѣрно; но я нахожу, что слова Гамлета относятся къ тайнамъ природы. Природа, дѣйствительно, таинственна и на ея проявленія нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто вполне определенное. Это тайна премудрости Божіей, а совсѣмъ не чудо. Люди сами придаютъ что-то жалкое, и театральное тому, чего они не умѣли постичь своимъ ограниченнымъ умомъ. Развѣ можно назвать чудомъ развитіе цвѣтка изъ едва замѣтнаго сѣмени, а между тѣмъ до сихъ поръ не нашлось человѣка, который могъ бы съ точностью объяснить, какъ совершается это таинственное дѣйствіе природы. Самъ Господь намъ указываетъ, какъ высоко мы должны ее чтить, потому что природа всегда является мстительницей тамъ, гдѣ противъ нея грѣшатъ...

— Довольно! довольно! восликинулъ вѣ себя гофмаршалъ. — Повелительнымъ жестомъ руки онъ заставилъ Ліану замолчать. — Ваша свѣтлость! прошу извинить, что васъ вынудили слушать за *моимъ* столомъ нелѣпныя разсужденія, обратился онъ съ зловѣщимъ спокойствіемъ къ герцогинѣ. — Фрау фон-Майнау, пользуясь уединеніемъ въ Рудиздорфскомъ замкѣ, предавалась наукамъ, требовавшимъ воздержанія, о чемъ вы можете судить по ея худобѣ. Баронесса училась, питаясь хлѣбомъ и водой...

Герцогиня быстро поднялась съ мѣста — она *должна* была встать: какъ владѣтельница края и женщинѣ, ей не слѣдовало допускать, чтобы въ ея присутствіи происходили семейныя сцены.

— Пойдемте туда, рвать фрукты, сказала она такимъ веселымъ, непринужденнымъ тономъ, точно ничего особеннаго не случилось. Она надѣла шляпку и взяла зонтикъ. — Гдѣ принцы? Ихъ не видно и не слышно, г. Вертеръ? спросила она у воспитателя дѣтей, въ мигъ собравшагося. Подозвавъ патера съ лѣвой стороны, она взяла Майнау подъ руку справа и пошла къ плантаціи. Майнау даже не взглянулъ на жену. Статсъ-дама поспѣшила за ними, и Ліана, какъ отверженная, осталась совершенно одна подъ кленами.

— Вы не чувствуете, баронесса, что сегодня сломали себѣ шею? коварно шепнулъ Ліанѣ гофмаршалъ, когда его кресло качали мимо нея.

Молодая женщина молча отвернулась отъ него и пошла по дорожкѣ, ведущей въ глубину лѣса мимо охотничьяго домика. Сквозь окна кухни она разсмотрѣла фрау Лонъ, стоящую передъ

очагомъ печки, а недалеко отъ нея, въ темноѣмъ углу, абрисъ блѣднаго лица Габріэля; мальчикъ скрылся туда послѣ того, какъ гофмаршалъ надменно изгналъ его... Ліана сознавала, что сдѣлала большой промахъ, взявъ сторону ребенка; этимъ она, вѣроятно, только ухудшила его положеніе, да и себя „сломила шею“, какъ выразился съ торжествующей и дерзкой миной гофмаршалъ. Противъ воли терпимая „вторая жена“ однимъ этимъ шагомъ до такой степени потрясла свое значеніе въ мужниной семьѣ, что теперь сдѣлалось только вопросомъ времени, когда ей вернуться къ себѣ на родину... Рѣшившись уйти, она почувствовала, что у нея стало легче на душѣ; толчокъ къ разрыву данъ съ другой стороны, ей не нужно было поднимать руку, чтобы разрубить петлю, въ которую она въ порывѣ безграничнаго заблужденія просунула голову. Она была очень рада, что у нея достало мужества отстаивать свои убѣжденія и тѣмъ нанести рѣшительный ударъ програмѣ Майнау, имѣвшей цѣлью притупить въ ней всякое желаніе разсуждать... Теперь баронъ могъ ясно видѣть, что ей ни въ какомъ случаѣ нельзя довѣрить соблюденіе домашняго мира и воспитаніе Лео, наследника Майнау. Къ тому-же гофмаршалъ все болѣе и болѣе страдаетъ отъ ея присутствія и, вѣроятно, давно жаждетъ, чтобы она отъ нихъ уѣхала. Ему, по крайней мѣрѣ, не нужно будетъ болѣе брать на себя обузу надзора за нею; разрывъ произошелъ публично... Она свободна... Разставаясь съ Шенвертомъ, она готова была считать пережитое ею время испытаній за тяжкій, къ счастью, скоро исчезнувшій, сонъ и совершенно забыть о немъ... Назадъ къ Магнусу и Ульрику! Она опять заживетъ съ ними, станетъ по-прежнему заниматься въ знакомой гостиной съ балкономъ въ садѣ! Какъ охотно готова она переносить теперь припадки сквернаго расположенія духа матери и выслушивать взрывы ея гнѣва! Адъ дома,—какъ называли ихъ жизнь братъ и сестра,—ничто въ сравненіи съ муками одиночества и полнаго забвенія на чужой сторонѣ. Вѣдь она возвращалась не къ матери, а къ Магнусу; онъ самъ въ послѣдній разъ твердо и рѣшительно объявилъ, что Рудиздорфскій замокъ долженъ считаться мѣстомъ убѣжища для его сестеръ во всякое время... О, Магнусъ! Магнусъ! Слезы навернулись на глазахъ Ліаны при одной мысли о свиданіи съ нимъ.

Въ эту минуту сзади нея раздался радостный лай собакъ, вы-

скочившихъ изъ охотничьяго домика; Ліана обернулась; за нею шелъ Майнау, отмахиваясь отъ непрошенныхъ ласкъ собакъ, весело прыгавшихъ вокругъ него. Куда это онъ идетъ? не въ охотничій-ли домикъ, за шалью герцогини, оставшейся тамъ? Какъ высоко и гордо онъ несъ свою голову, точно считалъ себя олицетвореніемъ мужской силы и красоты! А между тѣмъ это одинъ изъ жалкихъ людей!.. Онъ позволяетъ въ своемъ присутствіи оскорблять женщину, считающуюся его женой. Ліана ускорила шагъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ мужа; но онъ ее нагналъ.

— Какъ? слезы, Юліана?.. Ты умѣешь плакать? сказалъ онъ съ чувствомъ удовлетворенной жестокости и посмотрѣлъ ей въ лицо своими огненными глазами. Ліана со злостью провела носовымъ платкомъ по глазамъ.— Не горячись, прошу тебя; никто лучше меня не знаетъ, что это не слезы кротости. Вѣдь люди плачутъ и отъ досады, и отъ оскорбленнаго самолюбія...

— И отъ глубокаго раскаянія, перебила она его.

— А-а! ты оплакиваешь свое недавнее геройство? Жаль!.. а я принялъ-было за чистую монету все, что ты говорила; вообразилъ, что ты за свои убѣжденія, въ случаѣ нужды, готова принять мученическую смерть. Значить, ты раскаяваешься?.. Не прислать-ли мнѣ къ тебѣ почтеннаго патера? Онъ такъ усиленно рвался придти къ тебѣ на помощь во время диспута... герцогиня даже разсердилась. Не прислать-ли мнѣ его къ тебѣ, Юліана? Другого такого любезнаго духовника во всемъ свѣтѣ не сыщешь... я это знаю отъ Валеріи.

— Да, развѣ для того, чтобы онъ убѣдилъ меня, отвѣчала Ліана, раздраженная его язвительными насмѣшками, — въ существованіи вѣдьмъ и привидѣній, и для того, чтобы...

Она вспыхнула, замолчала и сдѣлала жестъ отвращенія.

— Для того, чтобы тебя полюбили, какъ я сегодня выразился? добавилъ баронъ.

— Только не *здѣсь*, не *здѣсь*! запальчиво воскликнула Ліана, отталкивая руками образъ шенвертскаго замка, виднѣвшагося вдаль.— Я раскаяваюсь въ одномъ, продолжала она спокойнѣе, — что я своей необдуманной поспѣшностью повредила Габріэлю; все прочее, отъ слова до слова, я готова подтвердить; мало того, готова высказать даже болѣе, чтобы обличить лживость извѣ-

стныхъ лицъ и положить конецъ твоимъ ядовитымъ остроумамъ... Затѣмъ я раскаяваюсь...

— Дай мнѣ договорить, Юліана; мнѣ-бы не хотѣлось выслушать такую фразу изъ устъ жены, перебилъ Майнау серьезнымъ тономъ и опять быстро мѣняясь въ лицѣ—обстоятельство, уже поразившее въ этотъ день Юліану;—ты потому раскаяваешься что такъ слѣпо, такой невинной голубкой вступила въ бракъ, и теперь готова излиться въ горькихъ жалобахъ на мужа, который, какъ человѣкъ опытный, очень хорошо зналъ, что онъ дѣлаеть и что ищетъ. Такъ что-ли?

— Да, да!

— Ну, а если и онъ раскаивается, что женился?

— Въ самомъ дѣлѣ, Майнау? Значить, ты позволишь мнѣ уйти? Даже сегодня? спросила Ліана, затаявъ дыханіе, съ блестящими отъ радости глазами. Она прижала къ груди руки съ умоляющимъ видомъ.

— Я не въ этомъ смыслѣ говорю, Юліана, отвѣчалъ онъ, видимо пораженный ея худо скрытымъ восторгомъ.—Ты меня не такъ поняла, прибавилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, при чемъ губы его нервно дрогнули.—Прекратимъ этотъ разговоръ; теперь не время и не мѣсто для соглашеній.

— Для соглашеній? беззвучно повторила Ліана, опуская руки:—развѣ соглашеніе между нами возможно? Къ чему тянуть дѣло? Боже мой! у меня теперь нѣтъ ни силы, ни охоты исполнять честно принятое намѣреніе, съ которымъ я вступила въ свое новое положеніе... Я раздражена, съ трудомъ сохраняю наружное спокойствіе... я сердцемъ и душой въ Рудиздорфѣ, а не здѣсь... Короткое время еще можно выдержать такое положеніе, но всю жизнь—ни за что!.. Соглашеніе!—(Она горько засмѣялась.)—Четыре недѣли тому назадъ я-бы сама искала объясненій съ тобой, съ искреннимъ желаніемъ исполнять, какъ слѣдуетъ, обязанности, принятыя мною на себя съ такимъ непростительнымъ легкомысліемъ; но сегодня, послѣ того, что произошло, — ни за какія блага въ мірѣ! Я отказываюсь отъ всякихъ объясненій...

— Но я не отказываюсь, Юліана! крикнулъ Майнау, при чемъ жилы на лбу его напружились.

Ліана нѣсколько минутъ стояла передъ нимъ молча, точно растерянная: до того онъ казался ей страшенъ въ припадкахъ

подобнаго гнѣва. Не лучше-ли было-бы для обоихъ супруговъ разойтись теперь-же на всегда?

— Я начинаю понимать, отчего ты желаешь, чтобы я осталась въ твоёмъ домѣ, и это, въ настоящую тяжкую минуту, служить мнѣ отрадой, произнесла кротко Ліана. — Ты догадался, какъ искренно, всѣмъ сердцемъ я привязалась къ твоему ребенку... Отпусти со мной Лео въ Рудиздорфъ, Майнау! Клянусь тебѣ, что я посвящу всю жизнь мальчику и буду беречь его, какъ зеницу ока! Я знаю, что Магнусъ и Ульрика съ радостью примутъ его... онъ многому научится отъ этихъ двухъ людей, такъ богато одаренныхъ природою; ты можешь тогда беззаботно по цѣлымъ годамъ странствовать по бѣлому свѣту. Отпусти со мной Лео, Майнау!..

Она протянула ему съ умоляющимъ видомъ руку, но онъ грубо оттолкнулъ ее.

— Я начинаю вѣрить въ существованіе Немезиды!... Воображаю, какъ-бы они всѣ расхохотались... всѣ, всѣ...

Онъ съ презрительнымъ смѣхомъ откинулъ голову назадъ и сталъ пристально смотрѣть вверхъ, точно передъ нимъ проносились какіе-то образы.

— Понимаешь-ли ты ощущеніе чело́вѣка, наказаннаго за излишнее тщеславіе? продолжалъ онъ. — Когда-нибудь я тебѣ объясню это, только не теперь... долго спустя... когда...

Вдругъ Ліана, молча слушавшая Майнау, который стоялъ спиной къ охотничьему домику, обошла кругомъ него и направилась къ кленовымъ деревьямъ; оттуда показалась герцогиня въ сопровожденіи статсъ-дамы.

Какъ тяжело было Ліанѣ! Блестящія, любопытно наблюдающіе глаза герцогини успѣли подглядѣть, какъ Майнау грубо оттолкнулъ руку жены. Ліана, пылая, какъ роза, пошла на встрѣчу дамамъ; злая улыбка, искривившая ротъ статсъ-дамы, не укрывалась отъ нея и еще болѣе смутила ее.

„А-а! я, кажется, прервала своимъ появленіемъ не совсѣмъ пріятное супружеское объясненіе, подумала герцогиня. — Мужъ, вѣроятно, распекалъ молодую жену за недостатокъ такта, и отвергъ ея просьбу о прощеніи, съ грубостью чело́вѣка нелюбящаго.“

Смотря на спокойно приближавшуюся „красноволосую“, герцогиня не могла не сознаться внутренно, что этому скромному

созданію недостаетъ только маргаритки въ рюкѣ для полнѣйшаго сходства съ типомъ чисто-германской Гретхенъ. Почему не допустить, что эта законная, со всѣхъ сторонъ преслѣдуемая вторая жена, пожалуй, будетъ способна возбудить пламенную страсть? Фаустъ, правда, не любилъ Гретхенъ; онъ обращался съ нею жестоко, а почему? потому, что—этотъ безумецъ не могъ страхнуть съ себя, такъ сказать, любовь дѣвушки съ золотистыми косами такъ же быстро, какъ быстро онъ съумѣлъ привлечь ее къ себѣ въ порывѣ страсти.

— Прекрасная фрау фон-Майнау, отчего это вы все удивляетесь? воскликнула милостиво и даже ласково герцогиня. Она несла въ рукахъ корзину полную фруктовъ, и если-бы держала ее немного повыше, то можно было-бы подумать, что она желаетъ изобразить изъ себя „Дочь Тиціана“,—до того живописна была поза, въ которой она стояла, ожидая Майнау и его жену.—Вотъ вамъ награда за вашъ прелестный букетъ, сказала она, подавая Ліанѣ персикъ;—я собственноручно сорвала его.

Стать-дама съ удивленіемъ подняла брови; ей не приходилось никогда видѣть, чтобы ея гордая герцогиня кого-нибудь благодарила такимъ образомъ; можетъ быть, она не знала, что страстно любящая женщина, въ сознаніи своей полной побѣды, въ состояніи сдѣлаться безгранично милостивою и внимательной... въ пораженной соперницѣ. Герцогиня пошла даже далѣе—вѣдь она была свидѣтельницей, какъ эту прелестную ручку, принявшую персикъ, за минуту передъ тѣмъ оттолкнули съ видимой антипатіей.

— Я вамъ сдѣлаю еще одинъ выговоръ, милѣйшая моя баронесса, сказала она самымъ дружескимъ тономъ:—отчего это вы насъ до сихъ поръ избѣгали? Надѣюсь видѣть васъ у себя въ самомъ скоромъ времени.

Ліана кинула искоса быстрый взглядъ на мужа; его ноздри слегка дрожали, точно онъ сдерживалъ ироническую улыбку; но вообще онъ по наружности принялъ обычный ему равнодушно-гордый видъ аристократа, который вовсе не интересуется тѣмъ, что кругомъ него происходитъ.

— Ваша свѣтлость, соблаговолите извинить, если я не вполне даннаго мнѣ приказанія, отвѣтила твердымъ голосомъ Ліана.—Майнау черезъ нѣсколько дней ѣдетъ путешествовать, а мнѣ позволяетъ удалиться въ Рудиздорфъ.

Слово было высказано, и даже такъ спокойно, какъ только можно. Вопросъ разрѣшился самымъ миролюбивымъ образомъ.

— Какъ, баронъ Майнау... неужели это правда? спросила герцогиня, но такъ торопливо, съ такой замѣтной тревогой въ голосѣ, что статсъ-дама, изъ предосторожности, сочла нужнымъ вдругъ кашлянуть потихоньку.

— А почему-жь нѣтъ, ваша свѣтлость? отвѣчалъ баронъ, вздернувъ плечами. — Рудиздорфъ отличается прекраснымъ воздухомъ, и по своему уединенному положенію долженъ быть въ высшей степени пріятенъ для людей, любящихъ сосредоточиваться.. Хотя я по природѣ и перелетная птица, но понимаю вполне любовь къ своему собственному гнѣзду... Юліана, берегись, она разорветъ твое прекрасное платье!.. продолжалъ Майнау, указывая на громадную собаку, принадлежавшую Лео и вырвавшуюся, вѣроятно, насильно отъ охотничьяго домика, гдѣ ее держали взаперти. Ласковое животное точно обезумѣло отъ радости и скакало вокругъ Ліаны, стараясь ее лизнуть.

— Этотъ дуракъ до страсти къ тебѣ привязался, Юліана... что съ нимъ, несчастнымъ, станется безъ тебя? Я убѣжденъ, что Лео ни за что не согласится съ нимъ разстаться.

Ліана закусила себѣ губы. Слова мужа служили отвѣтомъ на ея недавнюю просьбу; но въ какой насмѣшливо-холодной, свѣтски-небрежной формѣ былъ высказанъ этотъ отвѣтъ!.. Взглядъ, которымъ сопровождалось замѣчаніе Майнау, подмѣтила только одна статсъ-дама; впоследствии, передавая свои наблюденія герцогинѣ, она говорила, что онъ сверкалъ выраженіемъ досады и, какъ стрѣла, пронзилъ „красноволосую“.

(Продолженіе будетъ.)

В Ъ С А Д У.

(Изъ Ф. Коппе.)

Въ мечтахъ, облокотясь на мраморъ пьедестала,
Я отдыхалъ въ тѣни статуи обветшалой.
Садъ опустѣлъ давно и только въ сторонѣ
Служанка и солдатъ сидѣли на скамьѣ;
Занявъ ея концы, потупивъ скромно взоры,
Они лишь издали вступали въ разговоры
Съ наивной робостью неопытной любви, —
А на песокъ дитя играло у скамьи.
Былъ вечеръ, — та пора, когда, полны привѣта,
Вопросы нѣжные и сладкіе отвѣты
Въ устахъ любовниковъ становятся смѣлѣй.
Еще заката лучъ сверкалъ среди вѣтвей,
Но глубина аллеи уже покрылась тѣнью,
Свѣжѣе вѣтеръ сталъ, колебля отраженье
Блѣднѣющихъ небесъ и алыхъ тучъ въ прудѣ.
Кругомъ стихало все и въ кроткой тишинѣ
Кончался ясный день кончавшагося лѣта.

Я слушалъ, какъ вела бесѣду пара эта.

Сначала рѣчь зашла, какъ сладко о быломъ
Потолковать теперь имъ въ городѣ чужомъ,
Вдали отъ родины, отъ бѣднаго селенья,
Гдѣ дѣтство ихъ прошло, какъ думаютъ въ волненьи
Они про жизнь родныхъ, не смѣя говорить
Объ этомъ въ письмахъ къ нимъ — писцамъ должны платить
За письма старикъ, не пишущіе сами.
Имъ вспомнились рѣка и тополи, рядами
Стоящіе надъ ней, уженье, смѣхъ ребятъ,
Укрывшихся подъ хмѣль и дикій виноградъ,
Походъ за вишняемъ, свершаемый отважно,
Ихъ лодка старая съ травой и тиной влажной,

Зеленый островокъ, приманивавшій ихъ,
 Лѣсъ, мельница и вся поэма дней былыхъ.
 Но дѣтство бѣдняковъ не долго, и смущали
 Обоихъ ихъ потомъ немалыя печали.
 Въ наивной простотѣ, довѣрія полна,
 Ребячески ему передала она
 Свою исторію.

Бѣдняжка говорила,
 Что полевыхъ работъ она не выносила,
 Что нехотѣлось ей быть бременемъ семьи,
 Что мужа не могла-бъ себѣ она найти,
 Живя бѣднѣе всѣхъ въ родномъ своемъ селеніи,
 И потому она вступила въ услуженіе.
 Но горько жить и здѣсь; въ ея лѣта нельзя
 Любить, какъ матери, чужое ей дитя,
 Ни благодарности, ни ласки не встрѣчая.
 Порой передъ свѣчкою, свой ужинъ доѣдая,
 Въ холодной кухнѣ, въ ночь, забытая, одна,
 Она расплачется... Старательна она,
 Но господа брюжжать и, кажется, не знаютъ
 И имени ея: они все называютъ
 Ее, какъ нянюшку, служившую у нихъ.
 Да, горе есть у всѣхъ: но ради мужъ земныхъ,
 Быть можетъ, ей Господь отпустить прегрѣшенья.

Ребенокъ помѣшалъ ей кончить разсужденіе.
 Не зная, что сказать на утѣшеніе ей,
 Солдатъ заговорилъ объ участи своей
 И по его лицу скользнула тѣнь печали.

Онъ говорилъ какъ дни безцѣльны у солдата,
 Какъ бродить онъ порой въ поляхъ въ часы заката,
 Тревожно слушая, какъ зорю стануть бить.
 Безъ денегъ, безъ друзей, одинъ онъ долженъ жить
 Среди чужихъ. Въ ихъ жизнь втянуться не умѣя,
 Онъ ждетъ, чтобъ хоть война случилась поскорѣе.

При этихъ горечью исполненныхъ словахъ
 Заставилъ задрожать служанку тайный страхъ.
 „Не говорите такъ!“ бѣдняжка прошептала,
 Подсѣвъ къ солдаткѣ и вѣжно руки сжала
 Ему украдкою. По грустнымъ лицамъ ихъ
 Улыбка горькая скользнула въ этотъ мигъ,

А изъ далекихъ гнѣздъ къ нимъ доходило пѣнье...
 И я послалъ тебѣ свое благословенье,
 Любовь, послѣдняя отрада бѣдняковъ.
 Благословлялъ я ночь и сѣнь нѣмыхъ дубовъ,
 Дозволивши имъ утѣшиться хоть снами.
 Съ румянцемъ на щекахъ, съ холодными руками
 За звѣздами они слѣдили въ тишинѣ;
 Потомъ звукъ шопота былъ долго слышенъ мнѣ;
 Они довѣрчиво другъ другу повѣряли
 Надежды скромныя и мелкія печали,
 А шопоть дѣлался все тише и нѣжнѣй.
 Уже мѣшала тьма мнѣ видѣть двухъ друзей,
 Когда услышалъ я вздохъ дѣвушки стыдливый
 И жгучій поцѣлуй, раздавшійся пугливо,
 Какъ птицы спугнутой стремительный полетъ.

Глубокой тишиной былъ полонъ садъ,—но вотъ
 Вдругъ барабанный бой пронесся въ отдаленъ:
 Солдаты встаютъ съ скамьи въ тревогѣ и волненьи,—
 Въ казармахъ зорю бьютъ. Тяжелъ разлуки часъ!
 Влюбленные твердятъ другъ другу двадцать разъ,
 Что встрѣтятся они на этомъ мѣстѣ снова,
 И, наконецъ, бѣднякъ спѣшитъ на зовъ суровый,
 Бросая на ходу прощальный взоръ назадъ.

У ней, какъ для мольбы, къ землѣ опущенъ взглядъ.
 На бѣломъ фартукѣ скрестивъ уныло руки,
 Она сидитъ одна, полна и думъ и муки,
 А барабанный бой смѣняетъ тишина.
 При свѣтѣ мѣсяца я видѣлъ, какъ она,
 Замѣтно поблѣднѣвъ подъ поцѣлуемъ нѣжнымъ
 Съ слезами на глазахъ въ затишьѣ безмятежномъ
 Ловила слабый звукъ, еще будившій даль...

И не казалась мнѣ смѣшна ея печаль.

М. Н.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Мы оставили Розу въ слезахъ послѣ признанія брату, что она была замужемъ за Гастономъ Дантри. О'Доннель, понимая, какъ тяжело было его сестрѣ это признаніе, постарался ласками и нѣжными словами успокоить ее. Онъ уговаривалъ ее лечь въ постель, но она рѣшилась довести дѣло до конца и, глотая слезы, рассказала ему всю исторію своей любви и тайнаго замужества.

— Успокойся, Роза, сказалъ онъ съ нѣжностью, выслушавъ ея печальный рассказъ, — что сдѣлано, того не воротить. Я дамъ тебѣ слово употребить всѣ старанія, чтобы узнать, живъ-ли Гастонъ Дантри и гдѣ онъ находится. Но прежде всего ты должна уѣхать отсюда опять въ Кастльфордъ въ гостиницу. Ты сама понимаешь, что семейству Дангерфильдъ теперь не до гостей. Собирайся; скоро мы уѣдемъ съ тобой во Францію.

Оставивъ сестру укладывать свои вещи, О'Доннель пошелъ въ другія комнаты. Огромный домъ казался пустъ и необитаемъ, какъ-будто все въ немъ вымерло. Странно казалось это безмолвіе О'Доннелю, привыкшему къ шуму и говору большого общества. Вдругъ до слуха его долетѣли тихіе акорды и пѣніе. Онъ отворилъ дверь въ гостиную. Тамъ за роялемъ сидѣла Сесилія и пѣла старинную балладу, которую во время ихъ перваго знакомства въ Ирландіи онъ не разъ пѣлъ вмѣстѣ съ нею. О'Доннель подошелъ къ роялю и облокотился на него. Сесилія взглянула на него и продолжала пѣть съ печальной улыбкой:

„Любилъ я въ моей юности прелестную дѣвушку; любилъ я ее за голубые глаза и золотистые волосы. А теперь все прошло, все прошло,—и не буду я больше любить ничего, кромѣ только очага, да ружья, да собаки!“

Она умолила, опять взглянула на него и улыбнулась.

— Отчего вы такъ мрачны? что съ вами случилось? спросила она.

— Я пришелъ проститься съ вами, леди Сесилія. Я сейчасъ ъѣзжаю съ сестрою, и, вѣроятно, мы съ вами разстанемся навсегда. Но прежде отъѣзда я хотѣлъ принести мое поздравленіе будущей леди Тречень.

Она отвернулась отъ него; голова ея упала на грудь, румянецъ исчезъ съ ея щекъ. За минуту передъ тѣмъ, когда она пѣла балладу, золотая мечта унесла ее къ свѣтлымъ днямъ ея первой любви и она забыла о лордѣ Треченѣ и о горькомъ настоящемъ. Слова О’Доннеля напомнили ей дѣйствительность и невыразимая скорбь сдавила ей грудь.

— Поздравляю васъ отъ чистаго сердца, серьезно повторилъ О’Доннель;—вы никогда не встрѣтите друга вѣрнѣе, человѣка благороднѣе Артура Тречена.

— Прибавьте къ этому: преданнѣйшаго поклонника миссъ Эрнкастль! возразила Сесилія. Она не могла совладать съ собою; два алмазныя пятна выступили на ея щекахъ, въ глазахъ загорѣлось пламя гнѣва и отчаянія. Спокойный тонъ, дружеское равнодушіе О’Доннеля оскорбили ее.

— Я не думаю, чтобъ онъ серьезно увлекся миссъ Эрнкастль, отвѣчалъ онъ спокойно;—онъ цѣнилъ ея общество и находилъ удовольствіе въ разговорѣ съ нею, вотъ и все. Это очень понятно; миссъ Эрнкастль недюжинная женщина,—она, правда, не красавица, но очень умна. Немногіе мужчины устоятъ противъ такой очаровательницы.

— Вы, конечно, въ числѣ этихъ немногихъ? Въ такомъ случаѣ вы такой-же необыкновенный мужчина, какъ она необыкновенная женщина.

— Это правда, леди Сесилія; но если я остался невредимъ; то благодаря только тому, что я находился гораздо прежде подъ очарованіемъ другой женщины.

— Неужели? иронически возразила Сесилія и заиграла шум-

ный вальсъ;—какой-же это алмазь пустыни, какой перлъ морей, какая лилія удостоилась любви капитана О’Доннеля?

— Вы желаете, чтобы я назвалъ вамъ ее, леди Сесилія?

— Какъ хотите,—(пальцы ея дрогнули на клавишахъ,)—а впрочемъ, любовныя исторіи всегда скучны и однообразны; я ихъ не люблю. Послушайте лучше этотъ вальсъ: нравится онъ вамъ?

— Да; но не такъ, какъ тотъ, который вы играли какъ-то разъ въ Ирландіи. Помню, это было въ послѣдній вечеръ, проведенный нами вмѣстѣ; вы были въ бѣломъ платьѣ, какъ теперь, и въ волосахъ у васъ были дикія розы. Съ тѣхъ поръ вы перемѣнились—выросли, похорошѣли,—но я признаюсь вамъ откровенно, что прежняя Сесилія больше мнѣ нравилась, чѣмъ теперешняя.

— Я заплачу вамъ такую-же откровенностью, отвѣчала она.— Тотъ Раймондъ О’Доннель, который спасъ мнѣ жизнь, который плѣлъ вмѣстѣ со мною ирландскія баллады, былъ въ моихъ глазахъ гораздо привлекательнѣе разочарованнаго, строгаго, холоднаго и черстватаго О’Доннеля, какимъ онъ выглядитъ теперь. Время не улучшило насъ обоихъ. Любопытно-бы знать, что будетъ еще черезъ десять лѣтъ?

— Это очень легко предвидѣть. Вы будете леди Тречень, красивѣйшей женщиной въ Англіи. Я, можетъ быть, получу чинъ полковника и прибавку жалованья; но, во всякомъ случаѣ, ни съ вами, вѣроятно, больше не встрѣтятся. Поэтому, хотя вы и не любите любовныхъ исторій, но я все-таки рѣшаюсь рассказать вамъ одну, и не про себя, а про одного моего знакомаго. Вы позволите?

— Говорите, слабо произнесла она.

— Мой знакомый, еще юноша, проживалъ въ Ирландіи. Въ это время въ сосѣдствѣ съ нимъ поселился англійскій лордъ съ красавицей дочерью. Они обласкали глупаго юношу, пригласили къ своему столу, позволили пользоваться своимъ обществомъ во всякое время. Онъ сталъ сопутствовать въ прогулкахъ молодой леди и—потерялъ голову. Я не могу выразить вамъ, какъ плѣнительна была эта шестнадцати-лѣтняя очаровательница, какою свѣжестью полу-распустившейся розы вѣяло отъ нея, какою чистотой и невинностью были полны ея голубые глаза!.. Юноша влюбился въ нее и забылъ, что она знатная леди, а онъ неот-

санный, неловкій деревенскій мечтатель. Онъ вообразилъ, что можетъ быть партіей для нея, и рѣшился предложить ей свою руку и имя. Къ счастью, онъ не сказалъ этого ей самой, а обратился съ своей наивной просьбой къ ея отцу. Я воображаю, какъ искренно смѣялся надъ нимъ въ душѣ достопочтенный лордъ... Но, какъ человѣкъ свѣтскій, онъ не засмѣялся; напротивъ, очень вѣжливо и привѣтливо объяснилъ молодому человѣку, что дочь его съ четырнадцати лѣтъ уже помолвлена за богатаго лорда и черезъ годъ будетъ ихъ свадьба. Повѣрите-ли вы, леди Сесилія, безумію молодого человѣка!.. Онъ не повѣрилъ, что сердце любимой имъ женщины уже отдано другому; онъ вообразилъ, что любимъ взаимно и что, ради него, его милая откажется отъ баснословнаго богатства и отъ графской короны. Онъ написалъ ей письмо... Что онъ переживалъ въ то время, пока дожидался ея отвѣта, я описывать вамъ не стану. Отвѣта не было. Онъ не вытерпѣлъ и побѣжалъ въ тотъ домъ, гдѣ жила она. И что-же онъ нашелъ? Пустой домъ; ея уже не было! Отецъ съ дочерью уѣхали изъ Ирландіи и оставили своему знакомому двѣ холодныя прощальныя записки. Она писала ему въ официальномъ тонѣ, что ей очень жаль, но что она помолвлена за другого и просить его оставить всякія надежды. Записка была написана ея собственной рукой и подписана ея именемъ. Мудрено-ли, что послѣ этого вся довѣрчивость, весь энтузіазмъ и увлеченіе юности исчезли въ молодомъ человѣкѣ и онъ сдѣлался угрюмымъ, холоднымъ, неумолимымъ скептикомъ? И ей-ли упрекать его за это?..

Сесилія привстала со стула, блѣдная, съ пристально устремленными на него глазами.

— Капитанъ О'Доннель, какую странную исторію вы мнѣ рассказали? Неужели вы говорили о себѣ?

— Нужно-ли это спрашивать, леди Сесилія? Вы сами это знаете такъ-же хорошо, какъ и я.

— Но что-же вы говорите про предложеніе вашей руки, про какую-то записку, написанную мною? Я ничего не понимаю!

— Очень странно, что у васъ такая плохая память! Или, можетъ быть, не стоитъ и помнить о такихъ пустякахъ?

— Но я никогда не получала отъ васъ письма и никогда не писала вамъ никакой записки!

— Леди Сесилія! Я могу показать вамъ эту записку, въ которой вы мнѣ объявляете о вашей помолвкѣ съ Артуромъ Треченомъ. Она была написана въ день вашего отъѣзда изъ Ирландіи.

Сесилія закрыла лицо руками. Тихій стонъ вырвался изъ ея груди.

— Теперь я припоминаю, выговорила она разбитымъ голосомъ;—это была, вѣроятно, та записка, которую папѣ продиктовалъ мнѣ... Онъ сказалъ, что она предназначена одному изъ докучныхъ искателей моей руки, оставшемуся въ Англіи, и я охотно написала этотъ отказъ и подписала его моимъ именемъ... Раймондъ! я никогда не знала, что вы меня любите, ничего не слышала о вашемъ предложеніи!

Онъ вздрогнулъ, услыхавъ, что она назвала его не по фамиліи, а по имени.

— Неужели это правда, леди Сесилія?

— Папѣ обманулъ насъ обоихъ, отвѣчала она;—теперь я понимаю, почему онъ такъ внезапно увезъ меня изъ Ирландіи. Я не знала... я ничего не знала! А вы, капитанъ О'Доннелъ, что вы должны были думать обо мнѣ во всѣ эти годы?

— Сначала думы мои были очень горьки; потомъ я образумился, остепенился и понялъ, что вашъ отецъ былъ правъ, когда, не принявъ моего предложенія, онъ постарался тотчасъ-же увезти васъ, чтобъ мы не могли увидѣться и объясниться. Онъ предчувствовалъ, что если-бъ я увидѣлъ васъ, то, несмотря на вашъ отказъ, непремѣнно бросился-бы къ вашимъ ногамъ и разстроилъ васъ выше всякой мѣры. Конечно, онъ поступилъ вполне благоразумно.

— Разумѣется! иначе неопытная шестнадцати-лѣтняя дѣвушка могла-бы поймать васъ на словѣ и выйдти за васъ замужъ, возразила Сесилія съ горечью;—вы были-бы связаны на всю жизнь, тогда какъ теперь вы свободны. Да, вы должны быть очень благодарны моему отцу!

— Но, Сесилія, разсудите, что если-бъ вы знали...

— Но я ничего не знала, и все вышло къ лучшему; значить, нечего и говорить объ этомъ. Вы счастливо избавились отъ цѣпей брака и довольно съ васъ. Я теперь невѣста Артура Тре-

чена и этого также довольно съ меня. Я удивляюсь, зачѣмъ вы начали этотъ разговоръ?

— За тѣмъ, что я хотѣлъ узнать навѣрное, точно-ли вы написали мнѣ ту безсердечную записку въ отвѣтъ на мое смиренное признаніе. Я сталъ подозрѣвать истину въ послѣднее время, но всѣ эти годы мнѣ было горько думать, что первая и единственная любовь моя была отдана бездушнѣйшей кокеткѣ, которая смѣялась надо мною. Теперь я знаю, что этого не было и вы вѣчно останетесь свѣтлы и чисты въ моемъ воспоминаніи. Я любилъ васъ, люблю и теперь, буду любить и тогда, когда вы сдѣлаетесь женою Артура Тречена. Онъ мой другъ и я желаю ему счастья. Если я васъ разстроилъ этимъ разговоромъ, Сесилія, простите меня!

Простить его! Она ждала другого слова. Если-бъ онъ сказалъ ей въ эту минуту: иди за мной,—она-бы встала и пошла не колеблясь, не заботясь ни о данномъ словѣ, ни о всѣхъ остальныхъ соображеніяхъ. Но О’Доннель не выговорилъ этого слова.

— Прощайте, Сесилія, сказалъ онъ съ нѣжностью, взявъ ея руку;—я радъ, что мы объяснились. Теперь мы понимаемъ другъ друга и знаемъ, что мы всегда были искренны. Желаю вамъ всего лучшаго.

Онъ крѣпко и дружески пожалъ ея руку, посмотрѣлъ на нее нѣжно и съ любовью и вышелъ изъ комнаты.

II.

Въ ту минуту, какъ онъ собирался выйти изъ замка, его догналъ слуга лорда Клейва и попросилъ въ библиотеку. Лордъ Клейвъ встрѣтилъ его съ оживленнымъ лицомъ и потирая руки.

— Садитесь, О’Доннель, сказалъ онъ ему;—я вамъ сообщу интересныя новости. Отъ меня только-что ушелъ полицейскій сыщикъ Дэвисъ. Я нанялъ его, чтобъ выслѣдить миссъ Эрн-кастль.

— Неужели? удивился О’Доннель:—для чего-же вамъ это?

— Какъ для чего? Развѣ такую опасную женщину можно терять изъ виду? Кто знаетъ, сколько вреда она можетъ еще сдѣлать и что у нея на умѣ? Вы увидите, что я не ошибся.

— Рассказывайте. Что-же узналъ вашъ сыщикъ? спросилъ О'Доннель, сядя и закуривая сигару.

— Когда она оставила Скарсвудъ и сказала, что отправляется въ Лондонъ, я тотчасъ-же послалъ Дэвиса слѣдить за нею. Она взяла билетъ второго класса до Лондона; Дэвисъ тоже взялъ билетъ и сѣлъ въ одною вагонъ съ нею. Что-же, вы думаете, она сдѣлала? Проѣхавъ двѣ станціи, она взяла обратный билетъ опять до Кастльфора, переночевала тамъ, просидѣла весь день въ гостинницѣ, а вечеромъ, по дождю и по грязи, отправилась пѣшкомъ въ „Пустую Лощину“. Дэвисъ, разумѣется, слѣдовалъ за нею по пятамъ и видѣлъ, какъ она вошла въ домъ старухи Ганны, которая сама отперла ей. Тамъ она осталась, тамъ находится и теперь.

— И только? спросилъ О'Доннель.

— Нѣтъ, слушайте дальше. Я поручилъ сыщику наблюдать также и за сэромъ Ричардомъ Дангерфильдомъ, потому-что всѣ его поступки имѣютъ теперь большое значеніе по отношенію къ бѣдной Джиневрѣ. Ричардъ каждый вечеръ отправлялся въ игорный домъ и ставилъ на карту большія суммы. Дэвисъ всегда присутствовалъ тутъ-же, въ числѣ зрителей. И вотъ въ одинъ вечеръ въ залу является молодой человекъ, средняго роста, смуглый, съ черными усами и черными курчавыми волосами, и подходит прямо къ Ричарду. „Вы меня не узнаете, сэръ Ричардъ?“ говоритъ молодой человекъ и подаетъ ему свою карточку. „Какъ, вскрикнулъ Ричардъ, взглянувъ на карточку:—Гастонъ Дантри! Вы-ли это? Мнѣ неизвѣстно было, остались-ли вы живы послѣ того печальнаго событія. А вы очень перемѣнились, я-бы васъ не узналъ“. — „Въ шесть лѣтъ мудрено не перемѣниться, сказалъ тотъ;—я все это время былъ въ Америкѣ; до меня дошли слухи о привидѣніяхъ, которые будто-бы здѣсь являются, и мнѣ пришла охота разяснить ихъ. Пойдемте въ особенную комнату, сэръ Ричардъ, мнѣ нужно съ вами объ этомъ потолковать. Между прочимъ, можно сыграть и въ экарте.

Они взяли особенную комнату; неизвѣстно, что тамъ было говорено, но когда они вышли, то Дэвисъ слышалъ, какъ Ричардъ говорилъ Гастону Дантри, что на другой день ждетъ его непременно опять сюда, чтобъ отыгаться. Въ ожиданіи вечера,

Дэвисъ пошелъ въ „Пустую Лощину“ освѣдомиться, нѣтъ-ли чего новаго, и узналъ, что тамъ содержится какой-то заключенный.

— Неужели? вскричалъ О'Доннель въ волненіи.

— Да; сумасшедшій—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Дэвисъ самъ видѣлъ его, какъ онъ высунулся изъ окна и кричалъ дикимъ, страшнымъ голосомъ. Тотчасъ подошла старуха Ганна и миссъ Эрнкастль и отвели его отъ окна. Потомъ Дэвисъ возвратился въ Каствльфоръ и какииъ-то способомъ пробрался въ комнату, гдѣ Ричардъ ожидалъ Гастона Дантри, и спрятался тамъ за занавѣской. Гастонъ Дантри скоро явился и они сѣли играть. Дэвисъ тотчасъ замѣтилъ, что Дантри играетъ несравненно лучше Ричарда и обыгрываетъ его постоянно; Ричардъ горячился и терялъ хладнокровіе. Дэвису все казалось, что лицо Гастона Дантри ему знакомо, но онъ не могъ припомнить, гдѣ онъ его видѣлъ. Наконецъ, игра кончилась тѣмъ, что Ричардъ проигралъ двѣ тысячи фунтовъ. Тогда онъ вскочилъ въ бѣшенствѣ и сталъ ругать Дантри, называя его шулеромъ. Дантри засмѣялся ему въ лицо, тѣмъ временемъ укладывая въ карманы золото и билеты. „А на остальной проигрышъ вы дадите мнѣ чекъ“, сказалъ онъ ему. Ричардъ, не помня себя, бросился на него и схватилъ его за горло. Вслѣдъ за этимъ послышался металлическій звукъ и Дэвисъ увидѣлъ, что Дантри взвелъ курокъ пистолета надъ головою Ричарда. „Трусъ, подлецъ, говорилъ ему Дантри;—если ты сейчасъ-же не напишешь чекъ, я застрѣлю тебя“. Ричардъ испугался, поблѣднѣлъ и сталъ писать чекъ. Дантри взялъ его и ушелъ; Дэвисъ пошелъ за нимъ, чтобъ узнать, гдѣ онъ живетъ. Каково-же было его удивленіе, когда Дантри направился къ Пустой Лощинѣ. Ганна ожидала его у воротъ и впустила въ домъ. Тутъ внезапная догадка мелькнула въ умѣ Дэвиса: Гастонъ Дантри былъ никто иной, какъ сама миссъ Эрнкастль.

О'Доннель въ изумленіи вскочилъ со стула.

— Можетъ-ли это быть? Это ужъ слишкомъ! вскричалъ онъ.

— Однакожь, это сущая правда. Миссъ Эрнкастль способна на все. Въ маскарадъ она явилась въ видѣ маіора Фарьланда, а къ Ричарду въ видѣ Гастона Дантри.

— Но какже сэръ Ричардъ могъ не узнать ее?

— Вы забываете, что онъ очень близорукъ и почти ничего не видитъ. Онъ прочелъ на карточкѣ имя Гастона Дантри и

увидаль передь собой брюнета средняго роста. Почему могъ онъ подозрѣвать, что его обманываютъ? Какъ ему было не повѣрить? А между тѣмъ Гастонъ Дантри помѣшанъ и содержитсяъ въ Пустой Лошинѣ.

— Почему вы это знаете? спросилъ О'Доннель въ волненіи.

— Это вѣрно. Дэвисъ смотрѣлъ на него въ бинокль и лицо у больного точь-въ-точь такое, какъ описываютъ люди, хорошо знавшіе Дантри. Надняхъ онъ приведетъ кого-нибудь изъ нихъ взглянуть на помѣшаннаго. Теперь я держу въ рукахъ улики противъ миссъ Эрнестль. Я могу законнымъ образомъ преслѣдовать ее за то, что она вынудила Ричарда, съ пистолетомъ въ рукахъ, написать чекъ. Я потребую отъ нея, чтобъ она возвратила ему выигранныя деньги и способствовала къ примиренію его съ женою. Съ этимъ только условіемъ я ношажу ее.

— Вамъ не удастся, рѣшительно сказалъ О'Доннель.— Вы не знаете ни миссъ Эрнестль, ни Ричарда, если думаете такъ легко справиться съ ними обоими. Ее вы ничѣмъ не напугаете и она засмѣется вамъ въ лицо; а онъ, если и даетъ обѣщаніе помириться съ женою, никогда не исполнить его.

— Такъ что-же дѣлать? Неужели оставить такъ, неужели позволить ей присвоить себѣ эти деньги, неужели оставить этого несчастнаго помѣшаннаго въ ея рукахъ? О'Доннель, неужели вы сами, зная все объ этой женщинѣ, будете молчать? Я считаю обязанностью всякаго порядочнаго человѣка преслѣдовать и изобличить ее.

— Мнѣ вообще не нравится роль сыщика и палача. Притомъ я не могу не сознавать, что сэръ Ричардъ Дангерфильдъ и Гастонъ Дантри наказаны по заслугамъ; я не могу судить строго миссъ Эрнестль... мнѣ известна теперь ея прошлая жизнь. Прошу васъ, милордъ, подождите дѣйствовать; дайте мнѣ время хорошенько обдумать и тогда мы рѣшимъ, что слѣдуетъ предпринять для разъясненія этого запутаннаго дѣла.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Мнѣ-бы хотѣлось знать навѣрное, точно-ли этотъ помѣшанный—Гастонъ Дантри, сказалъ онъ;—у моей сестры долженъ быть его портретъ; она получила его въ то время, какъ Дантри въ Нью-Йоркѣ давалъ ей уроки пѣнія. Я принесу его вамъ и попрошу васъ показать его Дэвису.

О'Доннель пошелъ опять къ сестрѣ. У Розы, дѣйствительно, оказался портретъ Гастона. Раймондъ былъ пораженъ его красотой.

— Ты узналъ что-нибудь? спросила Роза дрожащимъ голосомъ.

— Да; но теперь не могу еще ничего сказать. Дня черезъ два, вѣроятно, все откроется.

III.

Съ послѣднимъ вечернимъ поѣздомъ пріѣхала въ Кастльфордъ небольшого роста женщина въ черномъ шелковомъ платьѣ и черной шали; лицо ея было закрыто плотной черной вуалью. Все это было старо и поношено и вообще вся ея фигура имѣла далеко не блестящій видъ.

Она вошла въ вокзалъ, не поднимая вуали, и осмотрѣлась вокругъ съ беспокойнымъ и пугливымъ видомъ.

— Я думала, прошептала она про себя, — что онъ встрѣтитъ меня здѣсь. Мнѣ что-то страшно... Сама не знаю, отчего, но какъ только я получила это письмо, на меня напалъ страхъ. Что если это западня? Но кому это можетъ понадобиться; нѣтъ никого теперь въ живыхъ, кто знаетъ мою исторію.

Она стояла въ нерѣшимости, какъ-будто что-то удерживало ее.

— Что это со мною? Какая-то тяжесть меня давитъ, я какъ будто предчувствую что-то ужасное.. Лордъ Клейвъ здѣсь и она также здѣсь. Дитя мое родное!.. единственное существо въ мірѣ, къ которому я чувствую расположеніе. Ахъ, если-бъ все, что пишетъ Лlionель, была правда! Но мнѣ не вѣрится; это слишкомъ хорошо.

Она вынула изъ сакъ-вояжа письмо и стала разсматривать конвертъ и надпись. На немъ былъ кастльфорскій штампель и оно было адресовано: „Госпожѣ Гаріетъ Вавазоръ, въ Парижъ“. Потомъ она развернула письмо и перечитала его въ сотый разъ: „Гаріета, я опять въ Англии, въ Кастльфордѣ, въ гостяхъ у моего девера лорда Клейва. Жена моя умерла въ Индіи. Съ невыразимымъ трудомъ я розыскалъ вашъ адресъ и пишу къ вамъ. Гаріета, я знаю все; я знаю, что покойная сестра моя употребила хитрость и обманъ, чтобъ разлучить насъ. Хотя съ тѣхъ

поръ прошло двадцать четыре года, но я не забылъ васъ. Если вы еще помните нашу прежнюю любовь, если вы свободны, какъ я,—пріѣзжайте въ Кастльфоръ повидаться со мною. Посылаю вамъ банковый билетъ на дорогу. Когда пріѣдете, не спрашивайте ни у кого обо мнѣ: я не хочу дѣлиться ни съ кѣмъ нашей тайной. 8 августа, въ десять часовъ вечера, я буду васъ ждать близъ домика въ Пустой Лощинѣ. Вы, конечно, знаете это мѣсто и можете идти туда пѣшкомъ. При свиданіи я объясню вамъ все; вы узнаете, почему я выбралъ это уединенное мѣсто и почему я узналъ, что вы называетесь теперь м-съ Вавазоръ. Я жажду васъ видѣть съ такимъ-же нетерпѣніемъ, какъ двадцать четыре года тому назадъ. Не обманите ожиданій вашего
Лионеля Кардонела.“

„И все-таки мнѣ страшно, подумала м-съ Вавазоръ, складывая письмо;—однако, я должна слѣпо исполнить его просьбу. Когда я подумаю, что послѣ столькихъ лѣтъ мы свидимся опять! Онъ вдовецъ—онъ свободенъ!.. О, Боже... неужели... неужели?..“

Часы пробили четверть десятого. Она встрепенулась и поспѣшно пошла нанимать извозчика.

— Вы знаете Пустую Лощину? спросила она у перваго, стоявшаго у воротъ.

— Знаю, это четверть мили отсюда.

— Мнѣ нужно туда... не доѣзжая до домика. Я заплачу вамъ теперь. Сколько нужно?

Извозчикъ сказалъ цѣну; она заплатила и сѣла въ кэбъ. Онъ повезъ ее по улицамъ Кастльфора, потомъ мимо котѣджа Генри Отиса, мимо кладбища Изабеллы Дангерфильдъ. Сколько воспоминаній пробуждали въ ней эти знакомыя мѣста!

„Бѣдная Изабелла! думала она съ содроганіемъ;—сколько разъ я видѣла ее во снѣ, блѣдную, какъ мертвецъ, въ подвѣчномъ платьѣ!.. А Гастонъ Дантри? я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ ужаса его страшнаго, ошоровавленнаго лица. Всѣ умерли, и все черезъ меня. Теперь я жалѣю, зачѣмъ я это сдѣлала, зачѣмъ я мстила такъ жестоко!“

Извозчикъ свернулъ съ большой дороги и направился къ Пустой Лощинѣ. Ночь была темная, облака скрывали звѣзды, деревья казались какими-то черными привидѣніями, ни одной живой души не попадалось. Чувство ужаса охватывало все болѣе и

болѣе и съ Вавазоръ. Все казалось ей страннымъ и сверхъестественнымъ, даже самое письмо и приглашеніе Ліонеля Кардонеля. Вся дрожь отъ внутреннего озноба, она куталась въ шаль.

— Вотъ и Пустая Лощина, сказалъ извоицгь, останавливаясь;—вы желаете остановиться не доѣзжая до домика?

Онъ помогъ ей выдти, сѣлъ опять на козлы, ударилъ по лошадамъ и скрылся изъ вида.

Она осталась одна, въ темнотѣ ночи, посреди дороги, чувствуя себя потерянною, одинокою, погибшею. Безмолвіе окружало ее, она не знала, куда идти; крикъ безпомощнаго ужаса готовъ былъ вырваться изъ ея груди.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ на удачу. Впереди рисовались какія-то черныя тѣни, но были-ли то деревья, кусты или строеніе—она не могла разглядѣть. Вотъ, наконецъ, строеніе... да это ворота!

„Что, если тутъ разбойники или воры?“ подумала она и вдругъ пронзительно вскрикнула. Передъ нею какъ-будто изъ земли выросъ человекъ и схватилъ ее за руку.

— Гаріета, это вы? спросилъ чей-то голосъ.

— Ліонель!

— Да, это я — Ліонель Кардонель. Я жду васъ; я былъ увѣренъ, что вы пріѣдете.

Сердце и съ Вавазоръ билось такъ сильно, что она не могла говорить. Точно-ли правда, что она стоитъ съ нимъ лицомъ въ лицу, рука съ рукой? Лица его, впрочемъ, она не могла видѣть въ темнотѣ подъ деревьями.

— Пойдемте въ домъ, Гаріета. Я потому выбралъ это мѣсто для свиданія, что здѣсь намъ никто не помѣшаетъ. Благодарю, что вы пріѣхали по первому моему зову. Вы доказали, что все еще любите меня, Гаріета.

Она не могла отвѣчать. Ничто въ душѣ ея не отзывалось на его слова, прикосновеніе руки его не пробуждало въ ней прежняго трепета; она чувствовала одинъ только холодный, непреодолимый ужасъ.

Между тѣмъ онъ быстро увлекалъ ее за собою. Она смотрѣла на него, стараясь узнать знакомыя черты, ростъ, станъ, манеру. Но ничто не говорило ея воспоминанію: все было незнакомо и чуждо. Дыханіе спиралось въ груди ея; она шла за нимъ, какъ-

будто увлекаемая рокомъ. Но при входѣ въ домъ она вдругъ остановилась.

— Не могу, проговорила она, задыхаясь;— я не пойду туда. Мнѣ страшно... страшно!.. Ліонель Кардонель, точно-ли это вы?

— Идите, идите, былъ рѣшительный отвѣтъ.

Онъ почти втащилъ ее на крыльцо; она не имѣла силы сопротивляться. Дверь отворилась и они очутились въ комнатѣ, освѣщенной двумя свѣчами; прежде, чѣмъ м-съ Вавазоръ могла опомниться, дверь была снова затворена и заперта на ключъ.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, она взглянула на своего спутника, и хотя воротникъ его пальто былъ поднятъ и шляпа нахлобучена на глаза, она тотчасъ узнала, что это не тотъ, кого она ожидала.

— Кто это? прошептала она съ испугомъ; черные глаза ея, устремленные на него, сверкали изъ-подъ вуаля.

Онъ снялъ шляпу и передъ ней предстало блѣдное, строгое лицо Генри Отиса.

— Вы меня узнаете, м-съ Вавазоръ? Мы давно съ вами не видались, но я знаю, что у васъ память хорошая. Снимите вашъ вуаль, скрыватья не отъ кого.

Она повиновалась и показала свое постарѣвшее, увядшее, искаженное страхомъ лицо, на которомъ не оставалось болѣе признака бывшей красоты.

— М-ръ Отисъ, выговорила она,—зачѣмъ вы завели меня сюда?

— Чтобъ заставить васъ, наконецъ, сказать правду, отвѣчалъ онъ.—Съ такой женщиной, какъ вы, нельзя дѣйствовать иначе, какъ обманомъ и хитростью. Я написалъ вамъ письмо отъ имени Ліонеля Кардонеля и вы попались на эту удочку. Однако, сядьте. Вы, кажется, устали и разстроены.

Она опустилась въ кресло съ дрожью во всѣхъ членахъ. Ея нервы не были уже такъ крѣпки, какъ прежде.

— Зачѣмъ вы меня завели сюда? повторила она.

— Не за тѣмъ, чтобъ васъ убить—не бойтесь. Я не сдѣлаю вамъ никакого вреда; мнѣ нужно только узнать отъ васъ правду.

— Какую правду? насчетъ чего?

— Насчетъ того, какъ вы подмѣнили дѣтей двадцать лѣтъ тому назадъ. Вы отдали вашу дочь лорду Клейву подъ именемъ его дочери Сесилии, а настоящую Сесилию Клейвъ оставили у себя.

Было время, когда м-съ Вавазоръ отвѣтила-бы дерзкимъ смѣхомъ на такой вопросъ, но время это прошло. Подавленная страхомъ, беспомощностью своего положенія, потрясенная всѣмъ происшедшимъ, она закрыла лицо дрожащими руками и болѣзненно застонала, не смѣя взглянуть въ суровое лицо Отиса.

— Вы не отрицаетесь отъ этого, какъ я вижу, сказалъ онъ, — и хорошо дѣлаете.

Вдругъ она вскочила и, собравъ всѣ остатки своего мужества, вскричала:

— Нѣтъ, я отрицаюсь! Я отрицаю это. Я не знаю, о чемъ вы говорите. Какъ смѣли вы заманить меня сюда обманомъ? Какъ смѣете удерживать меня здѣсь противъ моей воли? Откройте сейчасъ дверь, Генри Отисъ, или вамъ самимъ будетъ худо.

Ея черные глаза сверкали злобой и она продолжала еще рѣшительнѣе:

— И вы осмѣлились написать мнѣ это письмо и подписаться чужимъ именемъ? Я не прощу вамъ этого, я отищу...

Она не могла договорить. Горькія рыданія заглушили ея голосъ; слезы безсиьной ярости, обманутой надежды и горя хлынули потокомъ изъ ея глазъ. Прежняя любовь трепетала въ ея сердцѣ, и, — какъ ни было это сердце порочно, ожесточено, испорчено, — въ уголкѣ его всегда теплилось это чистое, безкорыстное чувство. При мысли, что она опять увидитъ Ліонела, ей показалось-было, что всѣ долгіе годы испытанія сотрутся и исчезнутъ въ блаженствѣ этой минуты, и теперь горечь разочарованія была для нея тяжеле всѣхъ перенесенныхъ ею страданій.

— Если законъ наказываетъ за такое вѣроломство, то вы будете наказаны, Генри Отисъ; это я обѣщаю вамъ, дайте мнѣ только выдти на свободу! проговорила она.

— Вы не выйдете на свободу, возразилъ онъ холодно; — я принялъ всѣ мѣры противъ этого. Ни одна душа не знаетъ, что вы здѣсь, а въ Парижѣ, вѣроятно, у васъ нѣтъ друзей, которые стали-бы тревожиться вашимъ отсутствіемъ. Въ Пустую Лоцину, какъ вамъ извѣстно, никто никогда не заходитъ. И потому вы останетесь здѣсь цѣлыя недѣли, или мѣсяцы, до тѣхъ поръ, пока не напишете свою исповѣдь и подробное признаніе во всѣхъ вашихъ поступкахъ. Если вы это сдѣлаете сегодня-же,

я отпущу васъ; если нѣтъ, вы останетесь. Вотъ перо, чернила и бумага. Диктуйте мнѣ ваше признаніе, я буду писать.

Она сидѣла безмолвно, сжавъ руки, стиснувъ зубы, съ видомъ непобѣдимаго упрямства.

— Что вы про меня знаете? спросила она отрывисто.

— Знаю довольно, чтобъ засадить васъ въ тюрьму. Вы подмѣнили дочь лорда Клейва своею, и теперь дочь Гаріеты Гартманъ живетъ въ качествѣ леди, въ роскоши и богатствѣ въ скарсвудскомъ замкѣ, а настоящая Сесилія Клейвъ... Гдѣ она, м-съ Вавазоръ? Вы продали ее, какъ невольницу, въ чужія руки! И потомъ, когда вы узнали, что она живетъ счастливо и собирается выйдти замужъ, вы поѣхали къ ней, отняли у нея имя, состояніе и жениха и убили ее. Вотъ что я знаю, и лордъ Клейвъ также узнаетъ это отъ меня. Я обращусь къ закону и вы должны будете оправдываться передъ судомъ. Во всякомъ случаѣ, вы отсюда не выйдете прежде, чѣмъ не напишете того, что я требую.

— Никогда я ни въ чемъ не сознаюсь, сказала она съ дикимъ упорствомъ;— всю эту исторію вы сами выдумали. Я отдала лорду Клейву его родную дочь, а моя умерла. Та дѣвочка, которую взялъ у меня сэръ Джонъ Дангерфильдъ, была сирота, моя племянница. Вы не имѣете противъ меня никакихъ доказательствъ; опять говорю вамъ, лучше отпустите меня. Помните, что за угрозы и насильственное удержаніе сажаютъ въ тюрьму. Не думайте запугать меня; а...

Но слова замерли на ея губахъ, смертная блѣдность разлилась по лицу, глаза расширились съ выраженіемъ несказаннаго ужаса. Она увидѣла въ дверяхъ, прямо передъ собою, неподвижно стоящую фигуру женщины въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными по плечамъ волосами. Ея глаза безъ взгляда были обращены прямо на нее, руки висѣли вдоль тѣла.

М-съ Вавазоръ хотѣла закричать, но голоса у нея не было. Она стала отступать отъ страшнаго вилѣнія, до тѣхъ поръ, пока не стукнулась спиной о стѣну.

— Что съ вами? спросилъ у нея холодно Отисъ.

— Смотрите, смотрите! отвѣчала она хриплымъ голосомъ; — здѣсь Изабелла Дангерфильдъ!

— Я ничего не вижу; это ея духъ представляется вашей со-

вѣсти. Вы знаете, что Изабелла убита вами и похоронена на здѣшнемъ кладбищѣ.

Въ эту минуту привидѣніе сдѣлало шагъ впередъ съ угрожающимъ жестомъ и м-съ Вавазоръ безъ чувствъ упала на полъ.

— Дайте сюда спиртъ, Изабелла, сказалъ Отись;— и исчезайте скорѣе, пока она еще не пришла въ себя. Я думаю, что теперь она напишетъ все, что мы захотимъ.

— О, что это такое было! простонала м-съ Вавазоръ, раскрывая глаза: — я ее видѣла... видѣла! Господи, неужели я схожу съума? М-ръ Отись, не оставляйте меня, помогите мнѣ... Я не знаю, что со мною дѣлается: мнѣ представляются видѣнія!

— Скажете-ли вы теперь всю правду?

— Хорошо, отвѣчала она съ уныніемъ, — я разбита духомъ и тѣломъ. У меня нѣтъ больше силы бороться. Я на все согласна.

Помолчавъ немного, она начала слабымъ голосомъ рассказывать свою исторію, которая уже извѣстна читателямъ.

Она созналась въ подмѣнѣ дѣтей и Генри Отись записалъ весь рассказъ ея отъ слова до слова. Онъ оканчивалъ слѣдующими словами:

„Я клянусь, что дѣвушка, извѣстная подъ именемъ Изабеллы Дангерфильдъ, была въ дѣйствительности леди Сесилія Клейвъ, единственная дочь графа и графини Клейвъ. Та-же особа, которая въ настоящее время носитъ это имя и титулъ, — моя дочь, окрещенная именемъ Изабеллы Гартманъ. Я готова присягнуть въ этомъ передъ судомъ. Я подмѣнила дѣтей для-того, чтобъ отмстить покойной графинѣ Клейвъ.

Гаріета Гартманъ“.

Она сама подписала свое имя; Генри Отись и старая Ганна подписались внизу, какъ свидѣтели, послѣ чего Отись свернулъ и спряталъ документъ. М-съ Вавазоръ слѣдила за нимъ безпокойнымъ взглядомъ.

— Что вы съ нимъ сдѣлаете? спросила она.

— Я завтра-же вручу его лорду Клейву. Ваша дочь должна лишиться имени и званія, несправедливо присвоенныхъ ею.

— Но она въ этомъ не виновата! возразила несчастная женщина дрожащимъ голосомъ.

— Вы заставили дочь графини Клейвъ расплатиться за вину

ея матери, — и ваша дочь должна также расплатиться за ваши вины, отвѣчалъ Отисъ, вставая.

Она вскочила и схватила его за руку.

— Выпустите-же меня изъ этого проклятаго дома, сказала она;— вы обѣщали мнѣ, что я буду свободна, если скажу правду.

— Не теперь еще, холодно возразилъ Отисъ; — я знаю, что вы тотчасъ скроетесь куда-нибудь, а мнѣ надо свести васъ на очную ставку съ лордомъ Клейвомъ. Вы останетесь здѣсь столько времени, сколько понадобится для моихъ плановъ. Не смѣйте жаловаться! Какъ вы поступили съ Изабеллой Дангерфильдъ шесть лѣтъ тому назадъ, такъ-же безопадно будетъ поступлено и съ вами. — Ганна! отведи ее наверхъ, въ особенную комнату, и смотри, чтобъ она оттуда не выскользнула.

Отисъ вышелъ съ этими словами. Вслѣдъ ему раздался дикій крикъ гнѣва и отчаянія м-съ Вавазоръ.

На крыльцѣ онъ встрѣтилъ миссъ Эрикастль и взялъ ее руку.

— Завтра свѣтъ узнаетъ, кто вы, сказалъ онъ;— вы получите назадъ отнятое у васъ имя, званіе и права. Позвольте мнѣ первому привѣтствовать васъ вашимъ настоящимъ именемъ—леди Сесилія Клейвъ!

IV.

Рано утромъ на слѣдующій день громкій, повелительный стукъ въ ворота разбудилъ обитательницъ Пустой Лощины. Ганна въ одну минуту одѣлась и побѣжала спросить у Изабеллы — (мы опять будемъ называть ее прежнимъ именемъ) — слѣдуетъ-ли отпереть двери или отказать доучному посѣтителю.

— Это, вѣроятно, Генри Отисъ, отвѣчала Изабелла;— никто другой не можетъ придти сюда. Отопри поскорѣе, Ганна.

— А если это не онъ?

— Чего-же мнѣ бояться? Побѣда осталась за мной. Сегодня признаніе Гаріеты Гартманъ будетъ въ рукахъ лорда Клейва и всѣ узнаютъ мое настоящее имя.

— А потомъ что? спросила Ганна.

— Ахъ, потомъ! Какое мнѣ дѣло до того, что будетъ потомъ? Иди-же отпирать, Ганна. Слышишь, какъ громко стучать.

Ганна направилась къ воротамъ и пугливо отступила назадъ при видѣ незнакомаго, высокаго, смуглаго мужчины.

— Я желаю видѣть миссъ Эрнкастль; я знаю, что она здѣсь, сказалъ онъ рѣшительно и сурово.

— Кто вы такой? спросила подозрительно Ганна.

— Меня зовутъ О'Доннель; я пришелъ за тѣмъ, чтобъ оказать услугу миссъ Эрнкастль. Нельзя терять времени, отпирайте поскорѣе.

Но старуха колебалась.

— Я говорю вамъ, нетерпѣливо продолжалъ О'Доннель, — что я другъ миссъ Эрнкастль и желаю ей добра. Ее ищетъ полиція и она подвергается большой опасности.

— Пусти, Ганна. Входите, капиталь О'Доннель, раздался свѣжій голосъ, и возлѣ нихъ явилась Изабелла, въ туфляхъ, въ утренней блузѣ, съ разсыпавшимися по плечамъ волосами. Она не была больше похожа на ту безстрастную миссъ Эрнкастль, которую зналъ О'Доннель; лицо ея было весело, какъ въ былые дни; свѣтлые волосы, откинутые назадъ, отрывали ея лобъ и чрезвычайно ее молодили; ея обыкновенно блѣдныя щеки окрасились теперь легкимъ розовымъ оттѣнкомъ.

Она протянула О'Доннелю руку съ веселой, пріятной улыбкой.

— Доброе утро, капитанъ О'Доннель. У меня такъ мало друзей, что я не могу не дорожить ими. Пойдите ко мнѣ.

О'Доннель молча пошелъ за нею въ домъ. Въ ея походкѣ была грація и легкость, прежде ему незнакомыя; на лицѣ ея выражалось торжество. Куда дѣвались мрачность и неподвижность миссъ Эрнкастль!

Она предложила ему стулъ, но онъ не сѣлъ на него, а только оперъя о спинку, и глаза его невольно приковались къ миссъ Эрнкастль, которая стояла передъ нимъ вся въ бѣломъ, свѣжая и стройная. Алый поясъ стягивалъ ея станъ, черная краска была смыта съ бровей и онѣ больше не придавали ея лицу суроваго выраженія; шрамъ на вискѣ ея былъ совершенно открытъ, глаза сіяли лучистымъ блескомъ. Она была хороша въ эту минуту.

— Отчего-же капитанъ О'Доннель, придя ко мнѣ какъ другъ, ничего не говоритъ мнѣ? пачала она. — Какое важное дѣло могло привести его такъ рано въ Пустую Лоцину?

Веселый и ласковый тонъ ея голоса и улыбающійся видъ смущали его. Онъ почти потерялся.

— Признаюсь вамъ, продолжала она, — мнѣ никогда не приходило въ голову, чтобъ вы могли быть мнѣ другомъ. Но у сильныхъ характеровъ дружба и ненависть выражаются всегда оригинальнымъ образомъ. Можетъ быть, то и было доказательствомъ дружбы, что вы преслѣдовали меня и травили, какъ дикаго звѣря? Однако, говорите-же, зачѣмъ вы пришли?

— За тѣмъ, чтобъ предупредить васъ объ опасности. Ваша игра открыта, ваши поступки извѣстны, за вами наблюдаетъ полиція и, можетъ быть, сегодня-же васъ арестуютъ. Вы не должны терять времени...

— Далѣе...

— Вы должны уѣхать отсюда какъ можно скорѣе. Повторяю вамъ, все извѣстно.

— Что такое *все*? Объяснитесь, пожалуйста.

— Это значить, что къ вамъ приставленъ сыщикъ, который слѣдилъ за всѣми вашими движеніями съ того дня, какъ вы, подъ именемъ Гастона Дантри, обыграли сэра Ричарда на большую сумму и грозили ему пистолетомъ. Онъ знаетъ также, что настоящій Гастонъ Дантри находится здѣсь, въ Пустой Лощинѣ, и вы это отъ всѣхъ скрываете.

Улыбка сбѣжала съ лица Изабеллы; она устремила на О'Доннелю глубокой и серьезный взглядъ.

— Ко мнѣ приставленъ сыщикъ! сказала она. — Этого я, дѣйствительно, не ожидала. Неужели этимъ деликатнымъ вниманіемъ я обязана моему *друзю*, капитану О'Доннелю?

— Нѣтъ, миссъ Эрнкастль; вы обязаны этимъ лорду Клейву. Тѣнь пробѣжала по ея лицу и брови ея сдвинулись.

— Лорду Клейву? повторила она измѣнившимся голосомъ; — но что-же я ему сдѣлала? Да, понимаю: законъ предписываетъ всякому доброму гражданину преслѣдовать злодѣевъ... Что-же его сіятельство узналъ еще о моихъ злодѣйствахъ?

— Ничего, кромѣ того, что я вамъ сообщилъ, но мы съ нимъ сильно подозрѣваемъ, что мнимо-умершая Изабелла Дангерфильдъ и миссъ Эрнкастль одно и то-же лицо. Я даже скажу болѣе: я знаю это навѣрное, потому что я привозилъ изъ Лондона гробо-

копателя и мы съ нимъ открывали гробъ миссъ Дангерфильдъ. Онъ оказался пустымъ.

— Неужели вы это сдѣлали? вскричала Изабелла въ изумленіи.

— Да, я это сдѣлалъ.

— Какъ-же послѣ этого вы рѣшаетесь называть себя моимъ другомъ? возразила она.—На такое систематическое преслѣдованіе способенъ только злѣйшій врагъ.

— Я уже объяснялъ вамъ прежде мои мотивы; я всегда подозрѣвалъ васъ въ тайномъ намѣреніи повредить семейству Дангерфильдъ; я видѣлъ, какъ вы завлекали лорда Тречена, какъ вы являлись сэру Ричарду въ видѣ призрака. Вы слишкомъ явно показали, что намѣрены вредить, и я счелъ своей обязанностью помѣшать вамъ, если будетъ возможно, для чего, конечно, мнѣ прежде всего нужно было проникнуть въ тайны вашихъ плановъ. Но теперь, когда я узналъ, что вамъ грозитъ опасность, я пришелъ предупредить васъ, что вамъ надо сейчасъ бѣжать, если вы не хотите попасть въ руки полиціи, и подвергнуться большимъ неприятностямъ.

— Въ чемъ именно меня обвиняютъ? спросила она.

— Развѣ вы не знаете, что законъ запрещаетъ носить при себѣ тайно огнестрѣльное оружіе и угрожать имъ мирнымъ гражданамъ? Потому вы скрывали нѣсколько лѣтъ въ этомъ домѣ опаснаго помѣшаннаго, и, въ довершеніе всего, вы, безъ свидѣтелей, одинъ на одинъ, обыграли сэра Ричарда на значительную сумму. За эти противозаконные поступки васъ арестуютъ—не сегодня, такъ завтра, посадятъ васъ въ тюрьму и будутъ судить. Миссъ Эрикастль... или миссъ Дангерфильдъ, я прошу васъ убѣдительно, послушайте меня, уѣзжайте какъ можно скорѣе!

Она сѣла и продолжала смотрѣть на него тѣмъ-же глубокимъ, страннымъ взглядомъ.

— Я васъ не понимаю, О'Доннель, сказала она тихо:—зачѣмъ вы беспокоились и шли сюда предупреждать меня? Ваша вражда и презрѣніе ко мнѣ такъ очевидны, что я имѣю право удивляться, что вы берете на себя трудъ спасать меня отъ полиціи и суда.

— Вы ошибаетесь, возразилъ онъ спокойно;—я не питаю къ вамъ никакой вражды, а еще менѣе—презрѣнія. Мое сегодняш-

нее поведеніе доказываетъ вамъ это вполне. Я слышалъ исторію Изабеллы Дангерфильдъ и никогда не могу строго осуждать женщину, противъ которой всё были такъ много виноваты. Положимъ, что она сдѣлала ошибку—она рѣшилась мстить страшно, безпощадно, она заставила замолкнуть въ себѣ чувство жалости и тѣмъ пошла на переборъ своей честной, великодушной натурѣ. Обыкновенная женщина сломилась-бы подъ ударами судьбы, но въ ней была сила и она начала отчаянную борьбу со свѣтомъ и людьми. Но это путь скользкій: она не удержалась на немъ и принуждена была унизиться до обмана, до хитростей, до тайныхъ интригъ. Я сожалею о васъ и сочувствую вамъ отъ всей души, миссъ Изабелла Дангерфильдъ. Я-бы желалъ оказать вамъ дружескую услугу. Теперь еще не поздно возвратиться назадъ съ того пути, по которому вы пошли.

Въ его взглядѣ и голосѣ были теплота и искренность, въ которыхъ нельзя было ошибиться. Изабелла отвернулась и смотрѣла на свѣтлое утреннее небо.

— Возвратиться назадъ? повторила она съ горечью;—это можно было сдѣлать шесть лѣтъ тому назадъ, но не теперь.

— Никогда не поздно переимѣнить свой образъ дѣйствій, если переимѣна принесетъ пользу и себѣ, и другимъ. Я нахожу, что именно теперь для васъ настала пора отказаться отъ осуществленія вашего жестокаго плана. До сихъ поръ васъ можно было винить только за нѣкоторые не совсѣмъ деликатные поступки, но теперь вы уже стоите на скользкомъ пути преступленія... Изабелла—(она вспыхнула при этомъ имени.)—Изабелла, простите мнѣ все, что до сихъ поръ я говорилъ и дѣлалъ вамъ непріятнаго...—(Онъ взялъ ея руку.)—Позвольте мнѣ съ этого дня быть вашимъ братомъ, вашимъ другомъ. Силой и энергіей вашего характера вы приобрѣли мое удивленіе и уваженіе. И я говорю вамъ, какъ другъ: оставьте недостойные козни и будьте самой собою. Общайтесь мнѣ, что вы это сдѣлаете. Я не уйду отсюда, пока не возьму съ васъ этого обѣщанія.

Она закрыла руками свое пылавшее лицо; грудь ея высоко поднималась; въ ней бушевала страсть, о которой О'Доннель не имѣлъ никакого понятія.

— Я ѣду съ Розой во Францію, продолжалъ онъ, наклоняясь къ ней.—Поѣдите съ нами, вамъ будетъ тамъ хорошо. Вы

много страдали, но передъ вами еще такая долгая жизнь. Вы знаете исторію моей сестры: вы знаете, что одинъ и тотъ-же человекъ сдѣлалъ несчастными васъ обѣихъ; пусть это будетъ связующимъ звеномъ между вами. Роза намѣревается завести школу для дѣвочекъ во Франціи; вы можете быть ея сотрудницей. Подѣйте съ нами, Изабелла! Вы сами видите, что изъ всѣхъ вашихъ плановъ и дѣйствій ничего не вышло.

Она посмотрѣла на него пристально.

— Вы думаете? сказала она.— Въ этомъ вы ошибаетесь. Я добилаь важнаго результата и вы-бы очень изумились, если-бы я сказала вамъ, какого именно.

— Такъ скажите мнѣ.

— Прежде я постараюсь сколько-нибудь объяснить вамъ мои побужденія и поступки. Я сознаюсь во всемъ, въ чемъ вы меня обвиняете. Я, дѣйствительно, Изабелла Дангерфильдъ; нѣтъ надобности вамъ повторять подробности моей исторіи. Скажу вамъ только, что когда я очнулась отъ моего летаргическаго сна, въ который я впала съ вѣдома Генри Отиса, и возвратилась къ жизни, потерявъ все, что ее украшаетъ, и все, что было мнѣ дорого, весь характеръ мой какъ-будто измѣнился. Я все думала объ одномъ—о томъ злѣ, которое мнѣ сдѣлали, и о томъ, какъ бы я была счастлива, если-бъ люди, противъ которыхъ я не была ничѣмъ виновата, не растоптали безжалостно ногами всю мою жизнь. Я думала объ этомъ до того, что голова у меня начала кружиться и я не могла спокойно оставаться на мѣстѣ. Поэтому я тайно убѣжала изъ дома моего преданнаго друга Генри Отиса и уѣхала въ Америку. Меня неотступно преслѣдовала мысль о мщеніи; она сдѣлалась пунктомъ моего помѣшательства; я полагаю, что я была не совсѣмъ въ здоровомъ умѣ все это время. Въ Нью-Йоркѣ я поступила на сцену и написала оттуда Генри Отису, что если Гастонъ Дантри выздоровѣетъ, но лишится разсудка, такъ, какъ предполагали доктора, то чтобъ онъ отдалъ его подъ присмотръ моей кормилицы Ганны и помѣстилъ-бы въ домикъ Пустой Лощины. Я боялась больше всего, чтобъ его не отдали въ лечебницу умалишенныхъ: я слышала много ужасовъ про эти заведенія. Вотъ почему Гастонъ Дантри находится здѣсь уже около шести лѣтъ. Онъ вообще довольно спокоенъ и безвреденъ; но по-временамъ на него находятъ при-

падки бѣшенства; онъ хочетъ вырваться на свободу, хочетъ все ломать, бить и жечь. И когда его удерживаютъ, онъ начинаетъ кричать страшнымъ голосомъ. Поступивъ гувернанткой къ леди Дангерфильдъ, я принялась осуществлять мой планъ мщенія надъ сэромъ Ричардомъ и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не обыграла его на двѣ тысячи фунтовъ, т. е. на ту сумму, которую сэръ Дангерфильдъ завѣщалъ ему отдать мнѣ. Я рассорила съ нимъ леди Дангерфильдъ потому, что она всегда дурно обращалась со мною, презирала меня и старалась унижить; я также захотѣла унижить ея гордость. Что касается лорда Тречена, то я просто желала испытать удовольствіе отнять его у знатной, богатой, молодой красавицы. Я не оправдываюсь: это было скверное чувство, но увѣряю васъ, что я никогда не думала женить его на себѣ и не приняла-бы его предложенія. Женившись на мнѣ, онъ могъ-бы, пожалуй, много потерять, а я не желаю дѣлать зло тѣмъ, кто добръ ко мнѣ.

— Однако, вы хотѣли отнять жениха у леди Сесилии, которая была всегда къ вамъ добра, возразилъ О’Доннель.

Она взглянула на него и глаза ея блеснули гнѣвомъ и горечью.

— Вы въ этомъ увѣрены? Конечно, въ вашихъ глазахъ леди Сесилия не можетъ сдѣлать ничего дурного. И однако... я вынесла много страданія и горя изъ-за нея.

— Я васъ не понимаю, сказалъ О’Доннель холодно, — какъ это могло случиться?

Она провела рукою по лбу, откинула волосы назадъ и вздохнула долгимъ, мучительнымъ вздохомъ.

— Что такое наша жизнь? сказала она: — вѣчно она бываетъ насмѣшкой, сатирой надъ человекомъ!.. За что, напримѣръ, меня вѣчно преслѣдуетъ судьба?.. Сегодня утромъ, Раймондъ О’Доннель, я проснулась счастливая, торжествующая. Отчаянная борьба моя съ судьбой пришла къ концу: побѣда осталась за мною. Мнѣ стоило протянуть руку, чтобъ взять все, мнѣ принадлежащее... А теперь у меня только одно желаніе — какъ можно скорѣе умереть. Радость моя прошла; я чувствую какую-то пустоту и мнѣ теперь ничего не нужно. Горькая была вся моя жизнь, но теперь мнѣ еще горче, когда я уже не вижу цѣли передъ собою, — той

цѣли, къ которой я стремилась, не разбирая средствъ. О, если-бъ я могла умереть и тѣмъ окончить свои страданія!

Голова ея тяжело опустилась на столъ; но непокорное, неугомонное сердце по-прежнему билось страстно въ ея груди.

— Капитанъ О'Доннель, спросила она, поднимая къ нему лицо, полное тоски, — скажите мнѣ, что такое я въ вашихъ глазахъ? Испорченное, порочное, безвозвратно погибшее созданіе?

Онъ взялъ обѣ ея руки; на лицѣ его выразилось состраданіе.

— Могу-ли я строго судить васъ! отвѣчалъ онъ: — развѣ я сталь-бы просить васъ быть подругой моей сестры и жить съ нами, если-бъ не питалъ къ вамъ самаго теплаго участія, самаго нѣжнаго состраданія? Еще разъ умоляю васъ: не искажайте вашу благородную натуру, оставьте замыслы мщенія, оставьте тотъ опасный путь, по которому вы шли до сихъ поръ!

Она встала и крѣпко сжала его руки; лицо ея озарилось какимъ-то вдохновеніемъ.

— Хорошо! сказала она: — я отказываюсь отъ всего, для чего я жила до сихъ поръ, отъ всѣхъ моихъ плановъ, отъ всѣхъ правъ... Я дѣлаю это ради *нея*, потому что вы ее любите.

Онъ взглянулъ на нее вопросительно и съ недоумѣніемъ. Она улыбнулась.

— Помните, капитанъ О'Доннель, сказала она, — я какъ-то говорила вамъ, что главная цѣль моей жизни — отыскать моихъ родныхъ и узнать мою настоящую фамилію? Мнѣ это удалось.

— Неужели? вскричалъ онъ съ изумленіемъ.

— Да; я узнала, что отецъ мой живъ и что дочь моей бывшей няньки занимаетъ мое мѣсто возлѣ него и носить мое имя. Эта нянька подмѣнила насъ въ дѣтствѣ и теперь созналась во всемъ.

— Это очень важно. Я радъ за васъ и поздравляю васъ. Вѣроятно, вы скоро переѣдете къ вашему отцу?

— Нѣтъ, никогда. Еще сегодня утромъ я хотѣла это сдѣлать, но теперь — все миновало... Я отказываюсь отъ всего — отъ родства и отъ имени. Я не терплю полумѣръ.

— Но въ этомъ нѣтъ ничего дурного; это ваше право!

— Я вамъ уже сказала, что мое мѣсто занимаетъ дѣвушка, ни въ чемъ неповинная. Открытіе моей тайны лишитъ ее всего, чѣмъ она до сихъ поръ пользовалась; это будетъ для нея уни-

женіемъ и горемъ. Неужели вы-бы совѣтовали мнѣ нанести ей такой ударъ?

— Да, отвѣчалъ О'Доннель твердо, — что-бы ни случилось, вы должны сказать правду и открыть глаза вашему отцу.

— Я-бы желала знать, замѣтила Изабелла: — сказали-ли-бы вы мнѣ то-же самое, если-бъ, положимъ, отецъ мой былъ лордъ Клейвъ и ударъ долженъ былъ пасть на леди Сесилію?.. Подумайте, какъ ей было-бы горько и тяжело.

— Я сказалъ-бы то-же самое, отвѣчалъ О'Доннель.

— Стало быть, вы не любите леди Сесилію? спросила она и грудь ея высоко поднималась.

— Вы не имѣете права требовать отъ меня отвѣта на такой вопросъ, возразилъ онъ тихо, не поднимая глазъ.

Настала минута молчанія. Потомъ Изабелла встала, зажгла свѣчу, вынула изъ стола сложенную бумагу и подала ему. О'Доннель смотрѣлъ на нее въ безмолвномъ удивленіи.

— Вы сдѣлали мнѣ много добра, придя сюда сегодня, сказала она. — Теперь окажите мнѣ послѣднюю услугу. Мнѣ нужно уничтожить эту бумагу и я желаю, чтобъ вы сожгли ее вашей собственной рукой. Вотъ свѣча, возьмите и сожгите!

Онъ съ недоумѣніемъ взялъ бумагу и прочелъ заголовокъ: „Признаніе Гаріеты Гартманъ“.

— Но я не знаю, возразилъ онъ, колеблясь, — я не знаю, долженъ-ли я... Въ чемъ признается эта женщина?

— Ея признаніе касается исключительно меня одной. Я имѣю полное право распоряжаться этимъ документомъ. Повѣрьте мнѣ, вы сдѣлаете очень хорошо, если сожжете его. Конечно, я и сама могла-бы это сдѣлать, но мнѣ хочется, чтобъ именно вы оказали мнѣ эту услугу. Рѣшайтесь-же.

Онъ повиновался, и чрезъ минуту бумага превратилась въ пепелъ. Тогда Изабелла съ улыбкой протянула ему руку.

— Благодарю васъ отъ всего сердца. Вы оказали мнѣ большую услугу; вы спасли меня отъ себя самой. Когда вы уѣзжаете съ вашей сестрой?

— Вѣроятно, завтра. А вы не поѣдете съ нами?

— Теперь я не могу ничего сказать. Придите ко мнѣ еще разъ передъ вашимъ отъѣздомъ и, если можно, уговорите лорда

Клейва, чтобъ онъ не посылалъ ко мнѣ полицію, по крайней мѣрѣ сегодня.

— Непремѣнно; я думаю, что приду къ вамъ съ сестрою. Она захочетъ увидѣть его. Можно это?

— Конечно; но онъ ее не узнаетъ. Теперь прощайте, капитанъ О'Доннель, прощайте, другъ мой!

Въ ея голосѣ было столько нѣжности и страсти, что подозрѣніе объ истинѣ мелькнуло на мгновеніе въ его умѣ. Но онъ тотчасъ отвергнулъ его, какъ невѣроятное.

V.

Вечеромъ того-же дня Раймондъ О'Доннель, въ сопровожденіи Розы, явился снова у воротъ домика Пустой Лощины. Но ихъ встрѣтила не Изабелла, а высокій бѣлокурый мужчина съ сердитымъ и разстроеннымъ лицомъ. О'Доннель узналъ въ немъ тотчасъ Генри Отиса и догадался, по выраженію его лица, что случилось что-нибудь особенное.

— Я имѣю честь говорить съ капитаномъ О'Доннелемъ? спросилъ Отисъ отрывисто и рѣзко.

— Да, м-ръ Отисъ, отвѣчалъ О'Доннель, — мы съ сестрою пришли съ позволенія миссъ Эрнкастль.

— Вы уже были сегодня у миссъ Эрнкастль?

— Да, и она знаетъ, что я хотѣлъ придти опять.

— Миссъ Эрнкастль здѣсь нѣтъ, рѣзко и гнѣвно отвѣчалъ Отисъ: — она ушла.

— Ушла?

— Ушла, убѣжала, убѣжала. Это по вашей милости, капитанъ О'Доннель! Я не понимаю, какое вліяніе вы имѣете надъ ней, что она, по вашему желанію, отказывается отъ своего торжества и отъ цѣли всей своей жизни. По какому праву вы вмѣшиваетесь въ дѣло, которое васъ вовсе не касается?

— Неудобно-ли вамъ объясниться, м-ръ Отисъ, возразилъ холодно О'Доннель. — Вы говорите со мной на языкѣ совершенно мнѣ непонятномъ и вашъ тонъ чрезвычайно удивляетъ меня. Постарайтесь успокоиться и расскажите, въ чемъ дѣло.

Генри Отисъ посмотрѣлъ на него, стиснувъ зубы, потомъ вынулъ изъ кармана письмо и передалъ ему.

— Прочтите, отрывисто сказалъ онъ;—это письмо она оставила мнѣ на прощаніе. Вы увидите изъ него, въ чемъ дѣло.

О'Доннель молча развернулъ и прочелъ:

„Генри, братъ мой! Васъ удивить, огорчить и раздражить мой отъѣздъ. Я увѣжаю, чтобъ больше не возвращаться. Я оставляю все—всѣ мои планы на мщеніе, всѣ надежды на пріобрѣтеніе моихъ правъ; они больше не могутъ дать мнѣ счастья. Признаніе Гаріеты Гартманъ сожжено и путь къ отступленію мнѣ отрѣзанъ. Ни отецъ мой, ни та, которая занимаетъ мое мѣсто, никогда не узнаютъ истины; она была-бы для нихъ слишкомъ жестокииъ ударомъ. Пусть все будетъ кончено, какъ-будто ничего никогда не было. Капитанъ О'Доннель доказалъ мнѣ свою дружбу; ради его я отказываюсь отъ моего мщенія.

„Выпустите на свободу жалкую женщину, которой я больше не желаю зла.

„Не оставляйте бѣднаго Гастона.

„Деньги сэра Ричарда Дангерфильда я оставила у Ганны; возвратите ихъ ему.

„Не бойтесь за меня: у меня хватитъ еще энергіи и силы трудомъ добывать себѣ средства для жизни.

„Скажите капитану О'Доннелю, что я несказанно благодарна ему за все, но не могу ѣхать съ нимъ... не могу, ради моего собственного спокойствія.

„Дорогой Генри, милый братъ мой, прощайте! Я знаю, сколько горя я вамъ причиняю; но я не могу поступить иначе. Простите меня, простите!

Изабелла“.

— Что это значитъ? сказалъ О'Доннель, въ недоумѣніи повертывая письмо;—что значать ея слова, что она не можетъ ѣхать съ нами ради своего собственного спокойствія?

Генри Отисъ угрюмо молчалъ и бросилъ на О'Доннеля взглядъ, полный злобы и ревности. Онъ отлично понималъ, что все это значитъ.

— Если вамъ нужно Ганну, сказалъ онъ, наконецъ, холодно.—идите въ домъ. Она васъ проводитъ къ тому несчастному, который шесть лѣтъ живетъ здѣсь.

О'Доннель подозвалъ сестру и оба они направились къ дому. Отисъ проводилъ ихъ взглядомъ невыразимой ненависти. Изабелла любила этого человѣка! Точно ей суждено было любить тѣхъ, кто относился къ ней равнодушно; а Отисъ, готовый отдать ей свою жизнь, не добился отъ нея и тѣни взаимности.

— На этотъ разъ я не стану рабски повиноваться ей, говорилъ онъ про себя, рассказывая въ волненіи по двору; — шесть лѣтъ я исполнялъ ея волю, теперь-же рѣшительно не могу. Они должны узнать правду и пусть гордость ихъ будетъ унижена. Посмотримъ, что скажетъ надменный, напыщенный лордъ Клейвъ, когда я объявлю ему, что онъ подослалъ сыщиковъ противъ своей родной дочери!

Онъ порывисто отворилъ ворота и вышелъ въ поле.

Между тѣмъ О'Доннель и Роза, въ сопровожденіи Ганны, поднялись по лѣстницѣ и осторожно вошли въ комнату больного.

— Тихе, прошептала старуха, — онъ спитъ.

Роза, едва держась на ногахъ, повиснувъ на рукѣ брата, блѣдная какъ полотно, приблизилась къ постели, на которой спалъ Дантри... Туманъ застилалъ зрѣніе Розы; наконецъ, она преодолѣла себя, наклонилась и взглянула въ лицо своего мужа.

Въ немъ не было ничего страшнаго: вся прежняя красота осталась и приняла, во время сна, выраженіе покоя. Его классическій профиль выдѣлялся на бѣлой подушкѣ; губы были раскрыты и изъ нихъ вылетало ровное дыханіе; черные волосы по-прежнему вились кудрями.

— Гастонъ! Гастонъ! прошептала Роза дрожащимъ голосомъ.

Онъ проснулся; большіе черные глаза раскрылись и устремились на нее. Ихъ взглядъ былъ безъ смысла, безъ жизни, безъ сознанія... Этого взгляда не могла выдержать Роза и безъ чувствъ упала на руки брата. О'Доннель взялъ ее и вынесъ на воздухъ, вонъ изъ дома. Тамъ, посадивъ ее на траву, онъ далъ ей наплакаться вдоволь; потомъ поцѣловалъ ее и сказалъ ласково:

— Пойдемъ отсюда, Роза; теперь ты его видѣла и сама понимаешь, что больше незачѣмъ сюда приходить. Завтра рано утромъ мы уѣдемъ во Францію.

Она не отвѣчала ни слова, опустила вуаль на лицо и послѣдовала за братомъ.

VI.

Скарсвудскій замокъ былъ невыносимо мраченъ. Леди Дангерфильдъ продолжала страдать нервными припадками, плакала, сердилась, трусила и сидѣла въ своей комнатѣ; Сесилія, блѣдная, унылая и безмолвная, шаталась какъ тоскующая душа по длинному ряду комнатъ; лордъ Клейвъ, въ севернѣйшемъ расположеніи духа, громко бранилъ О'Доннелла за то, что тотъ взялъ съ него слово не тревожить миссъ Эрнкастль, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дней.

Онъ гулялъ въ паркѣ, когда навстрѣчу ему подошелъ рѣшительной походкой Генри Отисъ и объявилъ, что желаетъ говорить съ нимъ.

— Что-же вамъ угодно, сэръ? вѣжливо спросилъ Клейвъ.

— Вамъ извѣстна исторія миссъ Изабеллы Дангерфильдъ, преступилъ Отисъ прямо къ дѣлу;—вы, вѣроятно, помните, что въ моемъ домѣ она умерла и была похоронена мною?

— Не помню хорошенько, слышалъ-ли я объ этомъ, возразилъ небрежно Клейвъ, играя лорнетомъ и окидывая своего собесѣдника надменнымъ взглядомъ, — но, во всякомъ случаѣ, позвольте узнать, какое отношеніе можетъ имѣть ко мнѣ эта древняя исторія?

— То отношеніе, рѣзко отвѣчалъ Отисъ, — что ваше сіятельство, кажется, имѣете честь быть отцомъ Изабеллы Дангерфильдъ.

Выстрѣливъ этимъ извѣстіемъ, какъ бомбой, въ оглушеннаго лорда, Генри Отисъ сложилъ руки на груди и продолжалъ:

— Да, она ваша дочь.

Лордъ Клейвъ прервалъ его совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Вы не лунатикъ-ли? Извините меня, что я это спрашиваю; ваши слова невольно заставляютъ предполагать, что у васъ, можетъ быть, не совсѣмъ благополучно въ головѣ.

— Я вамъ представлю доказательства своихъ словъ, возразилъ Отисъ;—потрудитесь только меня выслушать. Вы, конечно, помните Гаріету Гартманъ?

— Я помню очень хорошо Гаріету Гартманъ, отвѣчалъ Клейвъ свысока, — но нисколько не интересуюсь о ней слышать.

— Нѣтъ, вы услышите, милордъ! вскричалъ Отисъ;— иначе я объявлю объ этомъ въ судѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда вы пріѣхали взять вашу дочь отъ Гаріеты Гартманъ, она отдала вамъ свою собственную дочь вмѣсто вашей.

Клейвъ слегка измѣнился въ лицѣ, но продолжалъ такъ-же небрежно лорнировать Генри Отиса. Въ жару разговора ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ, что близъ нихъ за деревьями проходила легкая женская фигура въ бѣломъ платьѣ и, при послѣднихъ словахъ Отиса, остановилась, какъ вкопанная.

— Какой романическій случай! сказалъ лордъ Клейвъ съ полнымъ самообладаніемъ:— черезъ двадцать лѣтъ открывается подмѣнъ дѣтей. Я удивляюсь одному — какъ джентльменъ можетъ повторять такіа сказки.

— Да, это романическій случай, но ни въ какомъ случаѣ не сказка. Гаріета Гартманъ поклялась мстить вашей женѣ за то, что та разстроила ея свадьбу. Изъ мщенія она подмѣнила дѣвочекъ, чтобъ дать своей дочери титулъ и богатство графини Клейвъ, а ея дочь она хотѣла обречь на безвѣстную, жалкую жизнь. Слѣдовательно, та дѣвушка, которую вы называете Сесиліей Клейвъ, въ сущности есть никто другая, какъ Изабелла Гартманъ.

Подъ деревьями раздался сдержанный крикъ. Но никто изъ нихъ не слышалъ его. Лордъ Клейвъ ступилъ шагъ къ Отису и закричалъ съ бѣшенствомъ:

— Молчите! не смѣйте повторять при мнѣ эту низкую ложь.

— Это истина. Гаріета Гартманъ здѣсь и поклонится въ этомъ передъ судомъ.

Тутъ Генри Отисъ передалъ въ короткихъ и сжатыхъ словахъ подробности этой исторіи. Несмотря на всѣ усилія Клейва сохранить самообладаніе, смертная блѣдность разливалась все болѣе и болѣе по его лицу при этомъ разсказѣ.

— Постойте, прервалъ онъ Отиса, — почему вы говорите въ настоящемъ времени? почему вы относитесь къ Изабеллѣ Дангерфильдъ, какъ-будто она еще жива?

— Потому что она дѣйствительно жива и вы должны признать ее, а ваша мнимая дочь обязана уступить ей свое мѣсто.

— Кто-же она? спросилъ Клейвъ, потерявъ всю свою увѣренность.

— Та, къ которой вы приставили сыщика; та, которую сегодня, можетъ быть, арестуютъ и посадятъ въ тюрьму по вашему доносу. На судѣ она разскажетъ, кто она.

Клейвъ зашатался.

— Эленъ Эрикстль? простоналъ онъ.

Отисъ утвердительно кивнулъ головою.

Клейвъ стоялъ уничтоженный. Теперь онъ уже вѣрилъ. Истина озарилась для него роковымъ свѣтомъ. Онъ вспомнилъ о необыкновенномъ сходствѣ гувернантки съ покойною графиней Клейвъ, вспомнилъ о портретѣ Ліонеля Кардонеля, который находился у нея, вспомнилъ о множествѣ мелкихъ подробностей, которыя только теперь стали для него ясны. Миссъ Эрикстль, которую онъ отъ всей души желалъ сировадить въ тюрьму, была его родной дочерью! Лордъ Клейвъ закрылъ лицо руками. Такого тяжелаго удара ему не случалось еще переносить.

Вдругъ въ воздухѣ раздался внезапный звукъ набата.

Клейвъ и Отисъ оба какъ-будто очнулись и тутъ только замѣтили поднимавшееся изъ-за облаковъ дыма зарево.

— Пожаръ! сказалъ Отисъ, — пожаръ въ Пустой Лощинѣ: въ той сторонѣ нѣтъ другого строенія, кромѣ домика Ганны. Я думаю, что это помѣшанный Дантри какъ-нибудь ускользнулъ изъ подъ надзора и зажегъ домъ. Онъ не разъ уже покушался на поджогъ.

Набатъ раздавался все громче; вдали показались толпы людей, бѣгущихъ къ Пустой Лощинѣ. Одинъ изъ грумовъ проскакалъ верхомъ по парку.

— Гдѣ пожаръ? закричалъ ему Отисъ.

— Въ Пустой Лощинѣ.

Отисъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ; встрѣтивъ на дорогѣ верхового, онъ вмѣстѣ съ нимъ сѣлъ верхомъ на лошадь и черезъ десять минутъ примчался въ Пустую Лощину.

Вѣтра не было; но домъ былъ старый и сухой, онъ пылалъ какъ костеръ. Изъ каждаго окна вырывалось пламя, клубы дыма поднимались къ небу, бревна и головни летѣли во всѣ стороны. Пожарныхъ трубъ еще не было; народъ толпился кругомъ, не имѣя средствъ помочь бѣдѣ.

Въ ту минуту, когда Отисъ прискакалъ на мѣсто пожара, раз-

дался отчаянный голос старой Ганны, которая, ломая руки, стояла въ толпѣ.

— Спасите ее! кричала она. — Она сгорить! живая сгорить! Неужели не найдется ни одного сострадательнаго человѣка?.. Она заперта наверху и я потеряла ключъ отъ ея комнаты.

— Про кого ты говоришь, Ганна? спросилъ Отисъ;—гдѣ Гастонъ Дантри и м-съ Вавазоръ?

— Гастонъ неизвѣстно гдѣ, его никто не видалъ, отвѣчала она;—м-съ Вавазоръ наверху... запертая!.. и ключа у меня нѣтъ. Разломайте дверь и спасите ее, ради самого Бога!

Отисъ схватилъ ломъ, лежавшій на землѣ, и бросился въ домъ черезъ пламя. Ему нечего было отыскивать комнату м-съ Вавазоръ: оттуда раздавались такіе дикіе крики, что почти покрывали трескъ и шумъ пожара. Онъ уперся въ дверь изо всей силы, но она была крѣпка и не поддавалась.

— Отойдите подальше отъ двери, закричалъ онъ плѣнницѣ, — я сейчас сломаю ее и возьму васъ.

Онъ принялся дѣйствовать ломомъ и чрезъ нѣсколько минутъ дверь разлетѣлась съ страшнымъ трескомъ. Несмотря на предостереженіе Отиса, м-съ Вавазоръ стояла прямо напротивъ двери. Влетѣвшія въ комнату тяжелыя доски и перекладины упали прямо въ нее и она, окровавленная, упала на полъ. Отисъ схватилъ ее на руки и выбѣжалъ съ нею изъ дома. Она была безъ чувствъ; на лбу, близъ виска, была у нея широкая рана, изъ которой сочилась кровь.

Не успѣлъ Отисъ положить ее на землю, какъ въ толпѣ раздался единодушный крикъ ужаса. На самомъ верху горѣвшей крыши, далеко отъ всякой человѣческой помощи, появилась фигура человѣка съ дикими, бессмысленными глазами, съ странными движеніями. Пламя окружало его со всѣхъ сторонъ и вдругъ волосы у него вспыхнули. Раздался дикій, потрясающій крикъ, отъ котораго кровь застыла у всѣхъ въ жилахъ; за крикомъ послѣдовалъ хохотъ и затѣмъ громкія слова:

— Я сказалъ, что зажгу, и зажегъ!.. Горить, горить! я свободенъ, свободенъ, свободенъ!

Еще минута—и обломки сгорѣвшаго дома погребли Гастона Дантри подъ своими развалинами. Пустая Лощина, произведшая

на него такое ужасное впечатлѣніе въ первый разъ, какъ онъ ее увидѣлъ, стала для него тюрьмой и могилой.

VI.

Полночь пробило на часахъ Кастльфора. Въ той самой гостиницѣ, гдѣ когда-то останавливалась м-съ Вавазоръ послѣ своего торжества и побѣды надъ Изабеллой Дангерфильдъ, лежала она теперь умирающая.

Да, смерть была близка; ничто не могло спасти ее теперь. Рана, происшедшая отъ удара желѣзной скобкой двери, не оставляла ни малѣйшей надежды. Въ эти послѣдніе часы вся жизнь Гаріеты, полная тревоженій и заблужденій, какъ-будто проходила передъ нею, дразня ее и ужасая то свѣтлыми, то мрачными картинами. Образы тѣхъ, кого она любила или ненавидѣла, неотступно носились надъ ея смертнымъ одромъ; скарсвудская трагедія снова разыгрывалась передъ ея глазами и она снова переживала различные эпизоды своей жизни, до тѣхъ поръ, пока, утомленная и обезсиленная этимъ неестественнымъ возбужденіемъ мозга, она впала, наконецъ, въ забытѣе.

Около умирающей собрались: Генри Отисъ, старая Ганна, лордъ Клейвъ и Сесилія, которая пришла одна, пѣшкомъ изъ Скарсвуда, нѣсколько часовъ спустя послѣ пожара, когда узнала всѣ подробности. Она слышала отъ слова до слова разговоръ лорда Клейва съ Генри Отисомъ въ паркѣ. Какъ оглушенная, она опустила на траву; голова ея кружилась, мысли путались. Передъ нею разстилалось пламя пожара, передъ ней проскакалъ Генри Отисъ въ Пустую Лошину; но она ничего не понимала и, машинально срывая фіялки, собирала ихъ въ букетъ.

Вдругъ опредѣленная мысль прорѣзала, какъ молнія, ея мозгъ: она, Сесилія, занимаетъ чужое мѣсто, пользуется чужими правами; она дочь женщины сомнительнаго поведенія, виновной въ самыхъ возмутительныхъ поступкахъ... Сесилія встала, блѣдная, какъ привидѣніе, и пошла въ домъ; съ гнетущей тоскою подумала она, что теперь она одна на свѣтѣ и никто даже не присовѣтуетъ ей, что дѣлать; челоуѣкъ, считавшійся до сихъ поръ ея отцомъ, внушалъ ей мало довѣрія; Раймондъ О'Доннель навсегда про-

стился съ нею, а Артуръ Тречень, вѣроятно, будетъ неприятно пораженъ этимъ открытіемъ.

„Для чего я хотѣла выйти за него замужъ? думала она съ отчаяніемъ.— Вѣдь только для того, чтобъ его богатствомъ поддержать блескъ фамиліи Клейвовъ“.

Пожаръ! пожаръ! раздавалось въ ухахъ ея, но она не обращала на это никакого вниманія до тѣхъ поръ, пока не услышала отъ слугъ замка всѣхъ подробностей происшествія. Тогда ее поразила мысль, что раненая женщина, перенесенная въ кастльфорекую гостинницу, была ея родная мать.

Сесилія какъ-будто очнулась и поспѣшно стала снимать съ себя кисейное, отдѣланное кружевами платье; потомъ надѣла простое сѣрое, накинула мантилью на плечи, взяла шляпу и отправилась одна, ночью, въ Кастльфоръ. Джиневрѣ она не сказала ни слова: объясняться было не время.

Дорога была ей хорошо знакома; но при томъ смутномъ состояніи духа, въ которомъ она находилась, она нѣсколько разъ сбивалась съ нея. Наконецъ, изнемогая отъ усталости, она пришла, въ одинадцать часовъ вечера, въ гостинницу „Тюльпанъ“. У воротъ стояла кучка народа, съ любопытствомъ ожидавшая дальнѣйшихъ извѣстій о раненой женщинѣ. Хозяинъ гостинницы подошелъ къ Сесиліи.

— Лордъ Клейвъ здѣсь? проводите меня къ нему, сказала она слабымъ голосомъ.

Ея желаніе исполнили. Лордъ Клейвъ не былъ въ комнатѣ больной, но прохаживался большими шагами въ сосѣднемъ номерѣ. Увидя Сесилію, онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на нее испуганными глазами. Ея появленіе здѣсь, въ такой поздній часъ, а еще болѣе выраженіе лица ея сказали ему, что она знаетъ все.

— Сесилія! сказалъ онъ и голосъ его дрогнулъ.

— Да, папа, я пришла, отвѣчала она и сердце ея забилось пробудившейся нѣжностью къ этому человѣку; — я знаю все, я слышала разсказъ м-ра Отиса; скажите, правда-ли это?

— Что правда?

— Что я не ваша дочь, а дочь той женщины, которая здѣсь умираетъ?

У Клейва навернулись слезы на глазахъ; онъ протянулъ къ ней объятія, привлекъ къ себѣ и сталъ нѣжно цѣловать. Если

въ его себялюбивой душѣ была искра привязанности къ кому-нибудь, то только къ этой дѣвушкѣ, которою онъ всегда восхищался и гордился.

— Да, душа моя; я боюсь, что это правда, сказалъ онъ со вздохомъ.

Она положила голову на его плечо и тихо заплакала.

— Вѣдняжка моя Сесилія, продолжалъ онъ; — это тяжелый ударъ для тебя, и для меня тоже. Я такъ люблю тебя! Я гордился тобою, своей милой дочерью. А ту развѣ я могу любить? я никогда не буду къ ней чувствовать ничего, кромѣ отчужденія.

— Не говорите такъ, папа; она ни въ чемъ не виновата, а мы всѣ виноваты передъ нею; мы должны отыскать ее и постараться вознаградить за все, что она вынесла.

Клейвъ пожалъ плечами и принужденно закашлялся.

— Папа, продолжала Сесилія дрожащимъ голосомъ, — поведи-те-же меня къ моей матери... если она точно мнѣ мать... я должна ее видѣть, я за этимъ пришла.

Клейвъ молча кивнулъ головою и пошелъ узнать, можно-ли войти къ больной. Послѣ короткаго переговора съ Генри Отисомъ онъ позвалъ Сесилію.

Отисъ поклонился ей и, съ какимъ-то смущеніемъ глядя въ ея смертельно-блѣдное лицо, сказалъ ей шопотомъ:

— Она теперь въ сознаніи и можетъ говорить. Но не надо вызывать въ ней никакого волненія.

Сесилія неслышными шагами приблизилась къ постели и бросила трепетный взглядъ на лицо умирающей. На этомъ лицѣ рѣзкими бороздами лежали слѣды порочной и, можетъ быть, преступной жизни... И это была ея мать! Но могла-ли она судить свою мать въ такую грустную минуту! Горькія слезы хлынули изъ глазъ Сесиліи и она опустилась на колѣни возлѣ кровати. Тяжелое дыханіе вырывалось изъ запекшихся губъ м-съ Вавазоръ; глаза ея смыкались; пальцы машинально шевелились.

— М-съ Вавазоръ, сказалъ Отисъ, наклоняясь къ ней, — лордъ Клейвъ здѣсь и желаетъ говорить съ вами.

Она раскрыла глаза и устремила ихъ на Клейва.

— Гаріета, сказалъ онъ, — узнаете вы меня?

— Да, милордъ, отвѣчала она слабымъ голосомъ и застонала.

— Гаріета, заклинаю васъ сказать правду. Точно-ли вы подмѣнили мою дочь двадцать лѣтъ тому назадъ и отдали мнѣ вашу вмѣсто моей?

— Да; я могу присягнуть въ этомъ. Я оставила у себя вашу дочь. Я ненавиждѣла графиню... я поклялась мстить ей. Она разлучила меня съ Ліонелемъ. Ліонель! Ліонель!

Лицо ея покрылось яркой краской; глаза блеснули дикой страстью и грудь поднялась отъ прерывистаго дыханія.

— Гаріета, продолжалъ Клейвъ, — посмотрите на эту дѣвушку. Это та, которую вы мнѣ отдали вмѣсто моей. Считаете-ли вы ее за вашу дочь?

— Она моя!.. моя родная! прошептала Гаріета, поворачивая лицо къ плачущей Сесилии;—я сдѣлала вамъ всѣмъ много зла... изъ мщенія... я продала вашу дочь сэру Джону Дангерфильду. Я мстила графинѣ... Она разлучила меня съ Ліонелемъ... Онъ любилъ меня... Ліонель! Ліонель!

Послѣднія слова замерли на губахъ ея, глаза закрылись; судорога пробѣжала по тѣлу, затѣмъ оно вытянулось. Сесилия закрыла лицо руками; глубокое молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

На другой день въ гостинницѣ „Тюльпанъ“ стояли два гроба: въ одномъ лежала м-съ Вавазоръ; въ другомъ—Гастонъ Дантри. Ихъ обоихъ похоронили вмѣстѣ на скарсвудскомъ кладбищѣ, близъ могилы Изабеллы Дангерфильдъ, съ которой, по приказанію Генри Отиса, была стерта надпись.

VIII.

Дня черезъ два лордъ Клейвъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, когда къ нему вошла Сесилия, одѣтая по-прежнему въ бѣлое легкое платьѣ съ розами въ волосахъ. Она поцѣловала его и сказала:

— Папа, я написала письмо лорду Тречену. Я рассказала ему все, что случилось, и возвратила ему его слово.

— Сесилия! вскричалъ лордъ Клейвъ, поблѣднѣвъ, — что ты сдѣ-

лала!.. Но я увѣренъ, что Артуръ Тречень, по своему рыцарскому характеру, никогда не возьметъ своего слова назадъ.

— Это все равно, папа; я пишу ему, что никогда не буду его женой, что я никогда его не любила и знаю, что онъ также не любить меня. Нашъ предполагаемый бракъ былъ чисто бракомъ изъ приличія; но такъ-какъ я болѣе не та, за кого онъ принималъ меня, бракъ этотъ долженъ рушиться самъ собой.

— Я вижу, что ты его не любила, задумчиво сказала Клейвъ, — ты любила того—другого? не такъ-ли?

— Да, отвѣчала она рѣшительно и гордо, — я всегда любила и теперь люблю Раймонда О'Допнеля.

— И ты, вѣроятно, знаешь отъ него, что я схитрилъ съ вами обоими тогда въ Ирландіи?

— Знаю, сказала она.

— Что-же, развѣ я не былъ правъ? Онъ и теперь не партія для тебя. Удивительно какъ пріятно было-бы тебѣ отправиться съ нимъ въ Алжиръ и тамъ жариться подъ лучами африканскаго солнца! А у него, кромѣ службы, ничего нѣтъ.

— Этотъ разговоръ совершенно бесполезенъ теперь, папа, сказала она дрожащимъ голосомъ; — лучше поговоримъ о вашей дочери, которая такъ благородно отказалась отъ своихъ правъ; если-бъ не докторъ Отисъ, мы никогда-бы и не узнали, что она сожгла признаніе Гаріеты Гартманъ и ушла опять неизвѣстно куда, одинокая, безъ друзей и безъ денегъ. Вы должны отыскать ее, полюбить ее и взять ее на мое мѣсто, когда я...

— Выйдешь замужъ?

— Нѣтъ; когда я уйду... потому что я рѣшилась теперь жить трудовъ. Я буду дѣлать то, что дѣлала Изабелла Дангерфильдъ, когда ее постигло несчастье, то-есть зарабатывать себѣ хлѣбъ. Она подала мнѣ прекрасный примѣръ и я имъ воспользуюсь.

Лордъ Клейвъ скептически улыбнулся.

— Ну, мы это увидимъ впоследствии, сказалъ онъ; — теперь нашъ неизвѣстно, гдѣ находится Изабелла Дангерфильдъ. Пожалуйста, не спѣши ее отыскивать.

— Однако, я вижу, что вы меня вовсе не ненавидите, сказала Сесилія съ улыбкой, — хотя и могли-бы ненавидѣть за поступокъ моей матери. Вы очень добры ко мнѣ, милордъ!

— Тебѣ кажется, что я добръ? Пусть будетъ такъ; но я

быль-бы гораздо счастливѣе, если-бъ не зналъ, что у меня есть родная дочь!

Между тѣмъ Изабелла Дангерфильдъ находилась въ Лондонѣ, у матери Генри Отиса. Она первая встрѣтила его, когда онъ пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ Ганной.

— Я проживу здѣсь у васъ, сколько вы позволите, сказала она ему; — ваша мать была для меня нѣжнѣйшею матерью, а вы — вѣрнѣйшимъ другомъ. Мнѣ нужно отдохнуть, Генри; я утомлена душой и тѣломъ: эта борьба подорвала всѣ мои силы. Я очень рада, что все это миновало, и мнѣ еще не поздно начать новую жизнь. Позвольте-же мнѣ остаться здѣсь, если только вы можете смотрѣть на меня, какъ на сестру.

— Мой домъ — вашъ домъ, сказалъ онъ ей, — но вы не должны забывать, что на васъ лежатъ другія обязанности: вы дочь лорда Клейва.

— Нѣтъ, я Изабелла Дангерфильдъ; это имя я носила въ мои счастливые дни и не переимѣню его на другое. Я не хочу унижать и оскорблять лорда Клейва, требуя отъ него родительской нѣжности, которой онъ не можетъ дать мнѣ. Леди Сесилія была всегда добра ко мнѣ и я не стану платить ей за добро зломъ. Какъ я была одинока и самостоятельна до сихъ поръ, такъ я и останусь.

Дѣйствительно, когда лордъ Клейвъ, узнавъ ея адресъ, пріѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ Сесиліей, она не измѣнила своего рѣшенія. На всѣ просьбы Сесиліи она отвѣчала непринужденно и ласково, что желаетъ только одного — чтобъ она считала ее своей сестрою и простила ее за все.

— Мнѣ простить васъ, возразила Сесилія, — когда я двадцать лѣтъ лишила васъ родного крова и семьи?

— Не будемъ говорить объ этомъ, прервала Изабелла: — въ этомъ ни вы, ни я нисколько не виноваты.

— А мнѣ что сказать вамъ? вмѣшался лордъ Клейвъ: — я, дѣйствительно, былъ виноватъ передъ вами и мнѣ это тяжело...

— Все это прошло, возразила она, — и я не желаю больше вспоминать о прошломъ. Пусть все останется по-прежнему; леди

Сесилія ваша дочь, а я выбираю себѣ жизнь по моему вкусу: я остаюсь здѣсь. Никогда я не предъявлю моихъ правъ; но надѣюсь, что мы будемъ всегда хорошо относиться другъ къ другу.

— Что-же вы будете дѣлать? спросилъ лордъ Клейвъ съ непритворнымъ участіемъ, потому что ея безкорыстіе и самоотреченіе, наконецъ, тронули и его.

— Я буду давать уроки музыки, отвѣчала она,—и надѣюсь, что хорошо устрою свою жизнь. Теперь мнѣ слѣдуетъ еще постараться примирить сэра Ричарда съ его женой. Прошу васъ, милордъ, передать ему отъ меня это письмо. Сама я не могу его видѣть. Но я думаю... я надѣюсь... что письмо мое подѣйствуетъ на него. Скажите леди Дангерфильдъ и маіору Фаркланду, что мнѣ очень неприятно, что я надѣлала имъ много хлопотъ, и прошу ихъ извинить меня за это.

Она дружески, спокойно рассталась съ своими гостями.

IX.

Было блестящее апрѣльское утро.

Роковой августъ, въ который случилось столько тревоженій въ скарсвудскомъ замкѣ, былъ уже далеко: послѣ него прошла дождливая осень, потомъ мрачная, скучная зима и, наконецъ, опять наступила весна. Деревья парка зацвѣли роскошной зеленью и ползучія растенія снова обвилились вокругъ террасъ и балконовъ замка.

Сесилія Клейвъ сидѣла опять, какъ прежде, подъ „королевскимъ“ дубомъ и прилежно рисовала. Пери и Панси бѣгали и играли на лужайкѣ передъ нею. Изъ открытыхъ оконъ залы слышалась музыка: это леди Дангерфильдъ съ какимъ-то ожесточеніемъ играла вальсъ за вальсомъ.

Восемь мѣсяцевъ прошло съ того злополучнаго дня, когда Джиневра едва не была изгнана съ позоромъ изъ Скарсвуда. Теперь буря миновала, благодаря внимательству Изабеллы. Ея письмо къ сэру Ричарду сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Узнавъ, что Изабелла была жива, что никакія привидѣнія не

будутъ больше мучить его и получивъ назадъ все свои деньги, выигранныя у него мнимымъ Гастономъ Дантри, онъ такъ обрадовался, что готовъ былъ сдѣлать для Изабеллы все, чего-бы она ни потребовала. Тотчасъ по прочтеніи письма онъ поѣхалъ въ Скарсвудъ мириться съ женой.

Онъ напелъ Джиневру въ такомъ трусливомъ, униженномъ и запуганномъ настроеніи, что ему нетрудно было принять съ нею тонъ властелина и наложить на нее условія, при которыхъ онъ соглашался жить съ нею. Заплаканная и только-что оправившаяся отъ истерики Джиневра согласилась на все и миръ былъ заключенъ.

Условія его были: жить круглый годъ въ Скарсвудѣ; не держать въ Лондонѣ ни квартиры, ни лошадей; не принимать маіора Фаррланда и вести тихій образъ жизни.

Лордъ Клейвъ уѣхалъ въ чужіе края пробовать счастья въ игрѣ. Наканунѣ его отъѣзда Сесилія сказала Джиневрѣ:

— Тебѣ нужно гувернантку для Пери и Панси? Возьми меня.

— Тебя, Сесилія? вскричала миледи въ изумленіи.

— Да, спокойно отвѣчала она;—ты знаешь, что папа ничего не жалѣлъ для моего воспитанія. Я могу учить всему, чему учать гувернантки. Довольно уже я прожила „цвѣткомъ“, пора приняться за болѣе разумную жизнь. У папа нѣтъ денегъ для себя, не только-что для меня. Я должна сама содержать себя. Жить у тебя даромъ я не соглашусь, а идти въ чужой домъ мнѣ было-бы очень тяжело. Я люблю твоихъ дѣтей и они привыкли ко мнѣ. Посовѣтуйся съ сэромъ Ричардомъ насчетъ этого.

— Ахъ, Сесилія, какъ-же это?.. мнѣ, право, совѣстно.

— Полно, Джиневра; ты сдѣлаешь мнѣ большое одолженіе.

— И для меня тоже это одолженіе съ твоей стороны; я не могла подумать, что со мной будетъ, когда ты уѣдешь!.. Какое-же всю жизнь сидѣть дома и видѣть одного сэра Ричарда... О, я-бы умерла, непременно умерла!

Она съ истерическимъ рыданіемъ бросилась на шею къ Сесиліи. Разговоръ Джиневры съ сэромъ Ричардомъ привелъ къ тому, что Сесилія осталась у нихъ въ качествѣ гувернантки.

Новая жизнь, непохожая на прежнюю, началась для молодой дѣвушки.

Съ своей стороны, Изабелла была также очень занята. Она продолжала жить въ Лондонѣ у Отисовъ и давала уроки музыки. Однажды, неожиданно для нея, ее посѣтилъ лордъ Треченъ, собиравшійся путешествовать послѣ отказа Сесилии. Къ чему ему понадобилось это посѣщеніе—онъ самъ не зналъ, и свиданіе его съ Изабеллой было принужденное. Онъ пріѣхалъ просто потому, что не въ силахъ былъ уѣхать изъ Англіи, не увидавъ ее еще разъ. И когда онъ взглянулъ въ ея большіе глаза и услышалъ звукъ ея голоса, онъ почувствовалъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, что только одну ее на свѣтѣ желалъ-бы имѣть своей подругой.

И, несмотря на это, онъ уѣхалъ. Онъ былъ безгранично гордъ; всѣ его принципы, всѣ понятія возмущались при мысли жениться на женщинѣ, которая вела жизнь авантюристки, интриговала, обманывала, лгала, играла недостойную комедію, являясь въ видѣ привидѣнія, и ходила въ мужскомъ платьѣ въ игорный домъ за тѣмъ, чтобъ обыгрывать почти навѣрняка. Въ такую женщину онъ могъ быть влюбленъ, но рѣшиться на бракъ съ нею онъ былъ не въ состояніи. И онъ уѣхалъ изъ Англіи съ твердымъ намѣреніемъ забыть этотъ эпизодъ своей жизни.

Но забвеніе было не въ его власти. Чѣмъ болѣе проходило дней, тѣмъ чаще ему грезилось блѣдное лицо и большіе, серьезные глаза, пристально устремленные на него. Кончилось тѣмъ, что, спустя мѣсяца три послѣ его отъѣзда, Изабелла получила отъ него письмо съ полной исповѣдью его сердца. Онъ объявлялъ ей, что не можетъ быть счастливъ безъ нея и спрашивалъ, хочеть-ли она быть его женою?

Она отказала.

„Я была-бы недостойна того чувства, которое вы ко мнѣ питаете, писала она, — если-бъ приняла ваше предложеніе. Вся жизнь моя была цѣпью заблужденій, которыя не легко искупаются. Женившись на мнѣ, вы можете услышать упрекъ, что сошлись съ женщиной сомнительной репутаціи. Возможность этого упрека побуждаетъ меня отказаться принять ваше лестное для меня предложеніе“.

Онъ написалъ опять и она снова отвѣчала ему то-же, хотя въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ. Мало-по-малу между ними уста-

новилась переписка, и съ каждыиъ разомъ посланія становились пространнѣе и откровеннѣе. Кончилось тѣмъ, что ожиданіе писемъ отъ Тречена сдѣлалось для Изабеллы едва-ли не главнымъ интересомъ ея довольно однообразной жизни; они прилетали къ ней съ разныхъ концовъ Европы, какъ вѣстники радости и надежды.

Однажды, когда она долго не получала отъ него писемъ и ее начинала охватывать грусть и безпокойство, лордъ Треченъ самъ явился къ ней. Онъ не могъ выдержать дольше; вся душа его стремилась къ ней. Чувство его было такъ искренно и глубоко, что Изабелла повѣрила, наконецъ, что для него нѣтъ счастья безъ нея, и на этотъ разъ не имѣла мужества отвѣчать „нѣтъ“.

Но на душѣ у нея оставалось еще одно признаніе, которое она поспѣшила тотчасъ-же передать ему. Это была любовь ея къ Раймонду О’Доннелю.

— Я сама не понимаю, какъ это случилось, говорила она, — но только всегда мнѣ приходилось любить тѣхъ, кто меня не любилъ. Но теперь моя любовь къ О’Доннелю давно уже прошла и я могу съ полной искренностью протянуть вамъ мою руку. Я буду вамъ вѣрной и любящей женою, Артуръ Треченъ!¹

Три недѣли спустя лордъ Треченъ и Изабелла Дангерфильдъ обвинчались въ Лондонѣ. Еще разъ въ жизни Изабелла надѣла на себя бѣлое платье, померанцевый вѣнокъ и весь уборъ невѣсты. Единственной подругой была Сесилія, приглашенная на свадьбу, также какъ и лордъ Клейвъ, пріѣхавшій нарочно для свадьбы изъ Баденъ-Бадена. Желаніе его, наконецъ, исполнилось — лордъ Треченъ былъ его зятемъ.

Тотчасъ послѣ свадьбы молодые отправились путешествовать по Германіи.

Сесилія Клейвъ осталась по-прежнему въ Скарсвудѣ гувернанткой Пери и Панси. Въ утро, описанное нами въ началѣ этой главы, она сидѣла подъ дубомъ за рисованьемъ, когда услышала шаги, приближавшіеся къ ней изъ аллеи. Такъ-какъ всѣ обитатели скарсвудскаго замка мало интересовали ее, Сесилія не обернулась и не подняла головы. Но шаги остановились возлѣ нея и чья-то тѣнь легла на бумагу. Она подняла голову:

передъ ней стоялъ Раймондъ О'Доннель, блѣдный отъ внутренняго волненія, съ какимъ-то радостнымъ лучомъ въ глазахъ.

Нужно-ли говорить, что онъ услышалъ о женитьбѣ Тречена на Изабеллѣ, объ одинокой жизни Сесиліи и пріѣхалъ изъ Нью-Йорка къ своей первой, единственной любви. На этотъ разъ всякое самолюбіе было отложено въ сторону и Сесилія не скрывала, какъ она была счастлива его возвращеніемъ къ ней. Вскорѣ, конечно, они обвѣнчались.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Тебя умчить далеко
На крыльяхъ пѣснь моя:
Въ долину Ганга знаю
Пріютъ блаженный я.

Тамъ садъ цвѣтетъ и рдѣветъ
Подъ тихою луной,
И лиліи ждуть въ гости
Сестры своей родной.

Фіалки смотрять въ небо
И шепчутся, смѣясь;
Лепечуть розы сказки,
Другъ къ другу наклонясь.

Глядѣть умно и кротко
Газель изподтишка;
Вдали шумить волнами
Священная рѣка.

Тамъ сладко пріютиться
Подъ пальмой въ тишинѣ,
Вкушать любовь и нѣгу,
Тонуть въ волшебномъ снѣ.

II.

Несчастлива ты,—и ропотъ мой молчить.
Любовь моя, несчастны оба мы!
Пока намъ смерть сердецъ не сокрушить,
Любовь моя, несчастны оба мы!

Какъ ни играй насмѣшка на устахъ,
Какъ гордо ни вздымайся грудь твоя,
Какъ ни гори упорный блескъ въ глазахъ,
Несчастлива ты,—несчастлива, какъ и я.

Незримо скорбь уста твои мертвить,
Глаза пылаютъ, горечь слезъ тая,
Отъ скрытой язвы грудь твоя болитъ;
Несчастливы оба мы, любовь моя!

М. М.

ДВА МІРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Горскіе, по возвращеніи изъ-за границы, поселились на лѣто тамъ-же, гдѣ и Лопатины, — въ Петергофѣ. У князя было нѣсколько дачъ въ окрестностяхъ столицы и всѣ эти дачи были гораздо новѣе и красивѣе его стариннаго петергофскаго дома, построеннаго чуть-ли не при самомъ основаніи города. Много лѣтъ никто уже не жилъ въ этомъ старинномъ, полюбившемся домѣ. Онъ былъ безобразенъ и мраченъ, съ широкими, низкими и неуклюжими комнатами, въ которыхъ все дышало стариной. Но Юлія осмотрѣла эту старую дачу и пришла отъ нея въ восхищеніе. Полутемное, какъ-будто давно забытое и полное таинственнаго уединенія зданіе производило на ея воображеніе совершенно новое впечатлѣніе. Изъ сферы дѣйствительной жизни, въ которой она жила за-границей, она переносилась въ сферу какихъ-то дѣтскихъ сновъ и представленій; запущенный садъ какъ-будто былъ полонъ любовныхъ тайнъ княжескихъ прабабушекъ; черные и бѣлые лебеди на прудѣ и островокъ съ памятникомъ въ видѣ разбитой урны, подъ которымъ лежала любимая собака дѣда князя, бесѣдка въ видѣ гриба въ самой глубинѣ сада, — все это напоминало ей въ поэтическихъ образахъ старое время, о которомъ она такъ часто слышала изъ рассказовъ своей семейной хроникѣ.

— Да, да, Костя, я хочу провести лѣто въ этомъ домѣ. Здѣсь такъ хорошо!

— Какъ-бы вся эта древность не навела на тебя тоски! Впрочемъ, и дача на островахъ будетъ всегда къ твоимъ услугамъ, если тебѣ надоѣстъ жить здѣсь.

— Но прежде всего вели немножко поправить этотъ домъ и очистить нѣсколько дорожекъ въ паркѣ.

— О, объ этомъ не безпокойся.

Съ слѣдующаго-же дня покой старой дачи былъ нарушенъ. На ней началась дѣятельная работа. Всѣ окна дома открылись; началась чистка, уборка, перекраска, поправка. Въ саду проводили дорожки, дѣлали искусственные гроты, поправляли природу, чтобы она казалась *натуральнѣе*, строили мостики и паромы; въ глубинѣ сада поправили грибъ и воздвигли еще нѣсколько затѣйливыхъ бесѣдокъ.

Въ концѣ мая князь съ семействомъ поселился на дачѣ. Онъ уже былъ принятъ на службу и относился къ ней съ обычною своею добросовѣстностью. Даже лѣтомъ, во время общаго отдохновенія, онъ только отчасти нарушалъ свои обыкновенныя занятія. Онъ ѣздилъ въ городъ черезъ день, а остальное время много работалъ у себя въ кабинетѣ. Вечеръ только онъ посвящалъ своей семьѣ. Но семейное счастье его было часто нарушаемо прїѣздомъ гостей. Горскіе и лѣтомъ жили довольно открыто. Юлія дарила своему нелюбимому мужу только рѣдкіе часы блаженства, потому что отъ этого зависѣло ея собственное счастье. Она была все болѣе и болѣе довольна княземъ: онъ не мѣшалъ ей и не былъ назойливо-невносимъ, какъ прежде. Она понимала, что она можетъ пользоваться полной свободой въ этомъ старомъ, заброшенномъ углу. Близкихъ сосѣдей не было. Дача была одной изъ послѣднихъ по дорогѣ въ Ораніенбаумъ. Никто не могъ наблюдать и подсматривать за молодой женщиной. Не выходя изъ своихъ владѣній, она могла проводить цѣлыя часы съ кѣмъ угодно, не навлекая на себя ни тѣни подозрѣній. Съ первыхъ-же дней она отдала приказъ никого не принимать въ отсутствіи князя или во время его занятій. Она записалась цѣлой бібліотекой романовъ и уходила послѣ завтрака гулять по саду. Она никогда не звала никого съ собой и никому въ голову не приходило слѣдить за ней. Къ тому часу,

когда князь возвращался изъ Петербурга или кончалъ свои занятія, она была всегда дома.

II.

Глубь вѣкового сада и бесѣдка въ видѣ гриба не хранили теперь тайнъ однѣхъ княжескихъ прабабушекъ. Онѣ были свидѣтелями лучшихъ часовъ жизни Юліи и ея истинныхъ, горючихъ слезъ. Передъ ними однѣми Юлія сбрасывала съ себя маску приличія и расчета и являлась просто женщиной. Передъ ними однѣми уступала она всѣмъ порывамъ своего сердца и не стыдилась ни своихъ слабостей, ни своихъ слезъ.

А Юлія часто плакала, отбросивъ куда-нибудь въ сторону свою ненужную спутницу-книгу и закрывъ лицо руками, обсыпанными дорогими кольцами. Дѣто не принесло ей счастья; Александръ сталъ холоденъ, неровенъ, угрюмъ. Онъ часто пропускалъ часы свиданья, а потомъ извинялся небрежно, не давая себѣ труда даже оправдаться какой нибудь уважительной причиной. Ласки Юліи раздражали его, слезы сердили, упрековъ онъ совсѣмъ не выносилъ. При малѣйшемъ упрекѣ онъ вставалъ, холодно бралъ шляпу и иронически отвѣшивалъ ей глубокой, безмолвный поклонъ; потомъ онъ поворачивался и медленно уходилъ по дорожкѣ. Сердце Юліи замирало; иногда брала верхъ гордость, иногда страсть. Порой она собирала свои послѣднія силы и говорила ему: „Идите, идите, я не удерживаю васъ!“ Страстными глазами слѣдила она за нимъ, а онъ дѣйствительно уходилъ. Иногда, постоявъ безмолвно, она догоняла его и, забывъ все на свѣтѣ кромѣ него, загоразивала ему дорогу. „Прости меня!“ повторяла она, глядя на него растерянными взглядомъ. Но и тутъ онъ выдерживалъ характеръ; освобождаясь отъ ея умоляющаго взгляда и страстныхъ объятій, онъ опростетью бросался къ выходу.

Она ненавидѣла себя въ эти минуты; она возмущалась сама противъ себя и противъ Александра. Она не могла простить ему, что онъ отнял у ней ея гордость, ея силу воли, ея неприступную холодность, ея умѣнье владѣть собой, все все... Александръ, конечно, замѣчалъ все, что дѣлается въ сердцѣ Юліи, и находилъ какую-то злую отраду томить ее медленнымъ мученіемъ.

Послѣ полученія отъ Маши пакета съ деньгами и съ запиской, адресованной Дарьѣ Осиповнѣ, Александръ рѣшился бросить „дурачество“, какъ онъ назвалъ свои неблаговидные поступки. Онъ снова серьезно принялся за свои занятія, которыя въ послѣднее время были запущены отъ его постоянной душевной тревоги. Одна изъ причинъ этой тревоги была устранена: онъ могъ быть увѣренъ, что Маша больше ничѣмъ не обезпokoитъ его. Другая устранялась сама собой, т. е. онъ могъ съ спокойной совѣстью поддерживать любовныя отношенія съ Юліей, изрѣдка удѣляя ей нѣсколько часовъ свиданія.

„Въ самомъ дѣлѣ, думалъ Александръ, — что за сантиментальность такая охать и ахать Богъ знаетъ о чемъ! Всѣ такъ дѣлаютъ, почему же я непременно долженъ составлять исключеніе?... ну, любилъ дѣвушку, ну, бросилъ, — это совершенно въ порядкѣ вещей. Надоѣсть Юлія — брошу Юлію... А признаться, она ужъ мнѣ пріѣлась... слишкомъ страстная женщина, вакханка... Развѣ можно долго любить вакханку!...“

Александръ рѣже ѣздилъ на свиданья съ Юліей, но порвать разомъ не хотѣлъ; ему непріятна была мысль никѣмъ не быть любимымъ. Онъ замѣчалъ, какъ Юлію мучитъ его холодность, и обращался съ нею еще холоднѣе. Онъ не былъ особенно злымъ человѣкомъ, но тутъ вдругъ сталъ поступать съ утонченной тираніей.

„Пусть помучится, думалъ онъ, глядя на Юлію, — пусть узнаетъ, что значить горе. Съ чего-жъ ей быть вѣчно счастливой, когда всѣ страдаютъ?... пусть и на ея долю кое-что перепадетъ... не все-же однѣ радости....“

Вообще онъ рѣшилъ къ осени во что-бы то ни стало раздѣлаться съ Юліей, не завязывать никакихъ новыхъ связей и энергически приняться за окончательное приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ относительно составленія карьеры.

„Нельзя постоянно отвлекаться отъ занятій любовными похождениями, думалъ онъ; — человѣку, стремящемуся къ высшимъ цѣлямъ, необходима свѣжая голова, а постоянныя волненія утомляютъ и обезличиваютъ. Нѣтъ, Богъ съ ними! Все порву и тогда и не подумаю ни о какой интригѣ... *mon temps est passé*... все это однообразно, скучно, глупо“...

Юлія потеряла для Александра всякую прелесть новизны и ув-

леченія. Привязанности въ немъ больше не осталось и слѣда, не все-же онъ игралъ любовью Юліи, и проигралъ съ нею до конца іюля. Наконецъ, и это ему надоѣло и онъ рѣшилъ порвать съ ней. Онъ зналъ осторожность Юліи, зналъ, какъ она цѣнитъ свое положеніе, и что даже ради своей любви никогда не рѣшится сдѣлать поступка, который-бы повредилъ ей. Это было для Александра достаточной гарантіей, чтобы не объясняться съ Юліей лично, а написать ей письмо, безъ опасеній, что оно попадетъ въ другія руки.

„17-го іюля 18.....

„Chère Julie! Съ глубокимъ раскаяніемъ припадаю я къ твоимъ ногамъ и молю о прощеніи за всѣ тѣ страданія, которыя я невольно причинилъ тебѣ въ послѣдніе два мѣсяца. Я не стою тебя, не стою ни одного взгляда твоихъ чудныхъ глазъ!.. О, я это сознаю и чувствую, и потому не могу безъ угрызеній совѣсти подумать о моей страшной жестокости относительно тебя. Но она была вызвана моимъ ужаснымъ положеніемъ: вѣчно скрываться, какъ вору, красть твои ласки у другого, у человѣка, имѣющаго на нихъ полное и неопровержимое право; бояться случайной встрѣчи съ нимъ, разыгрывать передъ нимъ равнодушнаго—о! это ужасно, убійственно, невыносимо! Еще дольше выносить такую муку—выше моихъ силъ. Я чувствую, что я изнемогаю подъ бременемъ вѣчныхъ упрековъ совѣсти и что вся любовь моя къ тебѣ, мой свѣтлый геній, не можетъ заглушить во мнѣ чувства чести. Иногда я впадаю въ такое отчаяніе, что даже готовъ заплатить жизнью за свое увлеченіе...

„О, Юлія! какъ же ты жестоко терзаешь меня, когда рыдаешь и просишь о любви! Можемъ-ли мы, должны-ли мы любить другъ друга? Нѣтъ; мы совершили страшную ошибку и теперь должны постараться загладить ее, исполнивъ долгъ свой. Возьмемъ же каждый крестъ свой, моя незабвенная Юлія, и пойдемъ по трудному пути долга. Выѣствъ съ отрѣшеніемъ отъ тебя, я похороню мою молодость. Такъ, какъ я любилъ тебя, я никогда и никого не буду любить...

„Прощай на вѣки.

Любящій тебя Александръ“.

Письмо это какъ громовой ударъ упало на Юлію. Прочитавъ его, она долго не могла ничего сообразить и снова приня-

лась перечитывать его. Наконецъ, ясно поняла, въ чемъ дѣло, и, сложивъ письмо въ рукѣ, вся блѣдная, какъ мраморное изваяніе, какъ-будто замерла на нѣсколько минутъ. Потомъ, порывисто вскочивъ съ кресла, заходила по комнатѣ и, обдумавъ свой отвѣтъ, подошла къ письменному столу.

„Петергофъ, 17-го іюля 18....

„Въ страшномъ волненіи пишу я къ тебѣ, мой Александръ! Я, кажется, сошла съума... я ничего не понимаю!.. Что это? какъ?.. съ какихъ поръ?.. почему?..

„Я не знаю, что я пишу; прійди ко мнѣ завтра,—хоть въ послѣдній разъ, но прійди. Исполни эту послѣднюю просьбу... мнѣ нужно сказать тебѣ что-то очень важное... Прійди ради Христа... умоляю тебя... на колѣняхъ....

Твоя Юлія“.

III.

На слѣдующій день князь неохотно собирался въ городъ.

— Не знаю, Юля, говорилъ онъ женѣ,—ѣхать-ли мнѣ сегодня, у меня что-то голова болитъ.

— Это отъ жара, ты очень полнокровенъ; поѣзжай, поѣздка тебя освѣжитъ.

— Я-бы охотно остался дома, если-бы не дѣло, о которомъ я тебѣ вчера говорилъ.

Юлія приложила руку къ головѣ князя.

— У тебя маленькій жаръ, сказала она;—въ самомъ дѣлѣ, не лучше-ли остаться?

Князь минуту колебался.

— Нѣтъ, что себя баловать, сказалъ онъ,—только начни, такъ изъ-за каждой глупости будешь дѣла откладывать. Прощай, душа моя, береги себя и мою будущую дочь...

— Съ чего-жь ты взялъ, что у тебя будетъ дочь?

— А какъ-же! первый—сынъ, а вторая—дочь, иначе я не хочу! съ улыбкой замѣтилъ князь и, нѣжно обнявъ жену, простился съ ней и уѣхалъ въ городъ.

Было еще рано, всего девять часовъ, и Юлія должна была ждать до завтрака, чтобы потомъ пойти на невѣрное свиданіе. Она безпокойно ходила изъ комнаты въ комнату, выбѣ-

гала въ садъ, возвращалась, смотрѣла на часы, запиралась въ свою комнату и снова перечитывала письмо Александра. Наконецъ, стрѣлки всѣхъ часовъ показали часъ и лакей пришелъ просить ее кушать. Юлія посидѣла въ столовой въ компаніи своего сына и двухъ женщинъ, оберегавшихъ его, поѣла для приличія и, наконецъ, встала. Она прошла нѣсколько разъ по террасѣ и спокойнымъ шагомъ стала удаляться отъ дома. Она еще раза два обернулась и сдѣлала привѣтливые знаки сыну, котораго кормилица вертѣла передъ окномъ, а нянюшка указывала ему на Юлію, говоря: „тютю, мама, тютю!“...

Только-что Юлія зашла за густыя деревья, она почувствовала такую слабость и такое волненіе, что должна была присѣсть на ближайшую скамейку.

„Придетъ или не придетъ?“ мучилъ ее неразрѣшимый вопросъ.

Юлія слишкомъ хорошо знала свѣтскія условія, чтобы не прочесть въ запискѣ Александра именно того, что онъ хотѣлъ сказать. Она не обманулась громкими фразами и не повѣривъ ихъ искренности; но лишиться его, отречься отъ него добровольно у нея не хватало силы воли.

Юлія вскочила и бѣгомъ побѣжала въ глушь сада. Она зашла въ бесѣду—Александра тамъ не было. Она начала безпокойно ходить около того мѣста, откуда онъ всегда являлся; она ходила долго, но его все нѣтъ и нѣтъ. Минуты казались ей вѣчностью. Часы уже показывали три.... Наконецъ, зашумѣли листья—Юлія вскрикнула и почти упала на руки Александра...

IV.

Между тѣмъ головная боль князя не проходила, дорога еще хуже растрясла его. Апетита у него не было, а только мучила сильная жажда. Всѣ его сослуживцы замѣтили, какъ онъ разстроенъ, и совѣтовали ему возвратиться домой. Онъ и самъ чувствовалъ, что работа нейдетъ, и гораздо раньше обыкновеннаго пришелъ домой и велѣлъ закладывать лошадей. Обратная дорога не облегчила его и, когда онъ подѣхалъ къ крыльцу дачи, голова его болѣла еще хуже, чѣмъ прежде. На часахъ пробило три.

— Гдѣ княгиня? спросилъ онъ, не встрѣтивъ нигдѣ жены.

— Изволили уйти въ паркъ-съ. Прикажете за ними сходить?

— Нѣтъ, не нужно, я самъ отыщу ее.

Князь вяло и медленно раздѣлся, привязалъ къ головѣ мокрый платокъ, взялъ свѣтлый мужской зонтикъ, какіе носятъ англичане за границей, и неторопливо пошелъ отыскивать Юлію. Онъ улыбался при мысли, какъ она удивится, когда увидитъ его двумя часами раньше обыкновеннаго, и какъ пожалѣетъ, что онъ не послушался ея и не остался дома. Князь шелъ все дальше и дальше, озираясь по сторонамъ, чтобы не проглядѣть Юлію; онъ заходилъ на пути въ двѣ-три бесѣдки, хвалилъ Юлію за то, что она не сидитъ въ комнатахъ, когда есть такой чудесный садъ, и уже собирался крикнуть или свистнуть, когда ему послышались слабыя рыданія...

Если-бы громъ упалъ въ эту минуту на голову князя, то онъ не былъ-бы болѣе потрясенъ. Онъ остановился, какъ вкопанный, инстинктивно притаивъ дыханіе. Въ его ушахъ ясно слышались рыданія и время отъ времени звучалъ мужской голосъ.

Князю показалось, что волосы его стали дыбомъ и что въ глазахъ у него потемнѣло. Когда сознаніе возвратилось къ нему, онъ сталъ прислушиваться, съ которой стороны долетали до него голоса. Какъ воръ, сталъ онъ подвигаться шагъ за шагомъ по мягкому дѣрну, чтобы не было слышно звука его шаговъ. Явиться вдругъ передъ плачущей женщиной онъ не хотѣлъ; онъ смутно надѣялся, что это кто-нибудь изъ его прислуги....

Рыданія становились все ближе и ближе, мужской голосъ внятнѣе. Князь опять обмеръ—голосъ этотъ былъ ему знакомъ, очень знакомъ, но чей именно, онъ не могъ опредѣлить въ первую минуту.

— Отчего-же ты думаешь, что ребенокъ не отъ князя? прозвучалъ голосъ.

Князь содрогнулся и сдѣлалъ быстрый шагъ. Только нѣсколько кустовъ отдѣляло его отъ говорящей пары. Осторожно отвелъ онъ рукою густую вѣтку и увидѣлъ: Александръ Лопатинъ, скрестивъ на груди руки, стоялъ, прислонясь спиной къ толстому дубу; на кончикѣ дерновой скамейки сидѣла Юлія. Руки ея въ изнеможеніи были опущены на колѣни, грудь тяжело

поднималась от рыданій, и на блѣдномъ, измученномъ лицѣ ясно виднѣлись свѣжіе слѣды слезъ.

Князю показалось, что онъ умираетъ. Всякое сознаніе исчезло въ немъ; съ широко-открытыми глазами, съ поднимающей вѣтку рукой, онъ стоялъ, будто прикованный къ мѣсту.

— Это... твой... ребенокъ, наконецъ вымолвила Юлія, запинаясь на каждомъ словѣ.

— Вотъ мы такъ все и будемъ вертѣться! я говорю: князя, а ты говоришь — *твой*. Одинъ Богъ знаетъ, чей онъ. Но ты жена князя, и, значить ребенокъ, родившійся отъ тебя, — ребенокъ князя. *Chère Julie*, сама ты посуди, не-могу же я ворваться къ князю и объявить ему, что этотъ ребенокъ *мой*...

— Никто тебя объ этомъ и не просить....

— Такъ о чемъ-же ты плачешь?

— Я знаю, что онъ твой, а ты меня не любишь! Александръ! вдругъ воскликнула Юлія и бросилась къ его ногамъ, — не говори мнѣ, что это ребенокъ ненавистнаго мнѣ человѣка! Я дрожу отъ отвращенія, когда онъ подходитъ ко мнѣ!... О-о, князь, князь!... судорожно простонала она, стиснувъ зубы, и прислонила свою голову къ колѣнямъ Александра. Въ этомъ стоиѣ, дѣйствительно, было глубокое отвращеніе; одинъ этотъ стонъ обличалъ всѣ ея чувства — и князь его слышалъ, и понялъ.

Что сдѣлалось въ мозгу князя, что онъ чувствовалъ, — вѣроятно, онъ и самъ не могъ-бы этого объяснить. Онъ быстро шагнулъ къ Юліи, схватилъ ее за руку, посмотрѣлъ на нее дикими глазами, хотѣлъ что-то сказать, и прежде, чѣмъ она успѣла вскрикнуть, упалъ безъ чувствъ на землю.

... Онъ все слышалъ, прошепталъ Александръ, блѣднѣя.

— Уйди, уйди!... Нѣтъ, принеси воды, скорѣй воды!... растерянно говорила Юлія.

Она дрожала, ей было очень жутко. Оставить Александра — страшно, отослать его — тоже страшно. Александръ снялъ повязку съ головы князя и побѣждалъ помочить ее къ ближайшему ручью.

— Юлія, гдѣ ты? прошепталъ тихо князь, отыскивая ее рукой.

— Здѣсь, едва слышно отвѣтила она и дала ему свою руку.

— Убей меня! вырвалось изъ стѣсненной груди князя.

Александръ показался съ намоченнымъ платкомъ; князь взгля-

нуль, махнулъ рукой и отвернулся. Александръ нерѣшительно постоялъ на мѣстѣ.

— Князь, громко произнесъ онъ, — я всегда къ вашимъ услугамъ.

Князь облокотился на землю, бессмысленно посмотрѣлъ на него во всѣ глаза, какъ-то страшно застоналъ, вѣрно желая разсмѣяться, и еще разъ махнулъ рукой.

Александръ повернулся и ушелъ, даже не простившись съ Юліей, а она не смѣла взглянуть на него. Скоро звукъ его шаговъ потерялся.

„И онъ оставилъ меня... одну съ нимъ, въ такую минуту!..“

Отчаяніе ея было такъ велико, что даже заглушало страхъ.

Нѣсколько минутъ длилось гробовое молчаніе, а тамъ послышался страшный плачь и длился долго, долго, безъ конца...

Такъ плакалъ князь, и всякій можетъ понять, о чемъ онъ плакалъ. Чѣмъ громче плакалъ князь, тѣмъ больше стыла кровь въ сердцѣ Юліи. Она не смѣла подойти къ нему, не смѣла оставить его одного; она должна была оставаться тутъ, въ двухъ шагахъ отъ него, и ждать, что будетъ...

Вѣрно, уже было поздно, но никто изъ дому не приходилъ, чтобъ вывести Юлію изъ страшнаго положенія.

— Юлія, сказала, наконецъ, князь, — съ которыхъ поръ ты меня обманывала?

Юлія не знала, что отвѣчать.

— Говори, повторилъ князь, глядя ей сурово въ глаза.

— Недавно, чуть слышно произнесла Юлія.

— Не лги, грозно сказалъ онъ; — съ которыхъ поръ?

— Не знаю...

Сердце ея замерло.

— Все ложь, все ложь! съ отвращеніемъ поглядѣвъ на нее, произнесъ князь. — И это тебя я такъ безумно любилъ!.. Что-жь мнѣ теперь съ тобой дѣлать?.. рѣши сама.

Онъ вскочилъ и сдѣлалъ быстрый шагъ къ ней. Она посмотрѣла на него тревожными глазами. Онъ остановился.

— Иди домой! Иди! торопливо повторялъ онъ.

Юлія воспользовалась его позволеніемъ и пошла. Едва успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ князь нагналъ ее и схватилъ за руку.

— Признайся мнѣ, воскликнулъ онъ, — признайся откровенно, по совѣсти, любила-ли ты меня когданибудь?

— Любила...

— И ты не лжешь?

— Не лгу...

— Ну, види... безсовѣстная, сказалъ онъ; — въ тебѣ нѣтъ ни капли совѣсти и чести.

Юлія поняла, что князь ей больше не вѣрять.

А между тѣмъ въ княжескомъ домѣ было общее недоумѣніе: княгиня вернулась домой блѣднѣе смерти и сейчасъ-же заперлась въ свою комнату; князь не показывался до ночи, а возвратясь не спросилъ обѣдать и тоже заперся въ своемъ кабинетѣ. Было ясно, что между супругами произошло что-то необыкновенное.

Поздно вечеромъ княгиня велѣла подать себѣ чаю, а князь такъ ничего и не спрашивалъ. Когда къ нему постучалъ камердинеръ, онъ не отвѣтилъ и не отожкнулъ двери.

Прислуга Горскихъ бѣгала въ садъ, чтобы посмотрѣть, есть-ли свѣтъ у господъ, — и у того, и у другого до самой зари горѣлъ огонь. Юлія, вѣрно, забыла спустить шторы и люди видѣли, какъ она стояла на колѣняхъ и молилась; у князя шторы были опущены, но повременамъ по нимъ скользила тѣнь — значитъ, онъ ходилъ по комнатѣ.

V.

Князь, дѣйствительно, медленно и машинально ходилъ по своему кабинету и мозгъ его ни на минуту не останавливался и не прекращалъ своей мучительной работы.

Въ первую минуту, когда неожиданный ударъ упалъ на его голову, князю показалось, что онъ ощущаетъ лихорадочный бредъ. Онъ не могъ понять дѣйствительности всего случившагося. Ощущенія и мысли смѣнялись съ удивительной быстротой. Это были какіе-то оторванные клочки пережитыхъ тяжелыхъ чувствъ: горя, мщенія, злобы, ненависти, самопрезрѣнія, — а потомъ все смѣнялось жгучимъ сознаниемъ, что счастье жизни ушло навсегда. Эта мысль вызвала его рыданія. Слезы облегчили его или, по крайней мѣрѣ, возвратили его чувствамъ нѣкоторую сознательность. Онъ понялъ, что онъ обманутъ, что именно Юлія пре-

ступно обманула его! Его Юлія, радость всей его жизни, женщина, которую онъ всегда ставилъ такъ недосягаемо высоко... „Безумецъ, безумецъ!.. На что мнѣ жизнь? Но и ее нужно убить... да, да, убить... убить!“ Только на этомъ и вертѣлись мысли князя въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, когда онъ такъ неудержимо плакалъ. Убить себя или убить ее — вотъ что не выходило у него изъ головы.

Эти мучительныя мысли еще не улеглись, когда онъ заговорилъ съ ней. Онъ взглянулъ на нее и сердце его сжалось: она была блѣдна, разстроена, точно сейчасъ готова была испустить послѣдній вздохъ. Ужасъ отразился въ ея взглядѣ, когда она встрѣтила его взглядъ, и она задрожала всѣмъ тѣломъ. Ему показалось, что языкъ отнялся у нея отъ страха и что она читаетъ на его лицѣ преступныя замыслы.

Холодный потъ обдалъ его и онъ почувствовалъ, что рука его была-бы безсильна причинить ей страданіе. Но когда она едва слышно произнесла *не знаю*, иступленная ярость опять овладѣла имъ. Страшное чувство необходимости покончить съ нею разомъ потрясло его съ головы до ногъ. Онъ не думалъ, что готовъ совершить преступленіе, не думалъ, что онъ всю жизнью поплатится за него, не думалъ о долгой судебной процедурѣ, о всеобщемъ скандалѣ; онъ только зналъ, что жить больше она не можетъ и что онъ непремѣнно долженъ убить ее.

Все это говорили ему возбужденныя страсти, а руки не слушались и были безсильны. Когда онъ еще разъ встрѣтилъ испуганный взглядъ Юліи, то самъ испугался себя и хотѣлъ отстранить отъ себя ужасное искушеніе. Боясь самого себя, онъ велѣлъ Юліи уйти, но лишь только ея шаги стали удаляться, въ немъ явилось горькое желаніе узнать, скажетъ-ли она ему правду хоть изъ благодарности, что онъ не сдѣлалъ ей зла, — и тутъ она солгала ему!

Сумерки стали падать на землю и мало-по-малу смѣнились мракомъ, а князь все ходилъ взадъ и впередъ по одной и той-же аллеѣ и не рѣшался возвратиться въ свой домъ. Онъ зналъ, что она тамъ и что онъ долженъ быть съ ней подъ однимъ кровомъ. Быть съ ней подъ однимъ кровомъ! — нѣтъ, это невозможно. Она должна уѣхать и никогда больше не встрѣчаться съ нимъ. На этомъ сосредоточились всѣ мысли князя и перемѣшивались

съ самыми сладкими воспоминаніями о недавнемъ счастіи. Но тутъ припоминались ему и мельчайшія подробности ея обращенія съ нимъ. Въ голосѣ ея была иногда едва замѣтная рѣзкость, во взглядѣ какъ-будто хмурость, въ смѣхѣ натяжка. Ему припомнились ея дѣвичникъ; годъ спустя—ея смущеніе, когда онъ засталъ ее съ Александромъ въ будуарѣ; ея однообразный отвѣтъ: „скучала по тебѣ“, когда онъ долго не возвращался домой. Бездна ничтожныхъ подробностей казалась ему очевиднымъ и постояннымъ подтвержденіемъ, что Юлія никогда не любила его. Глаза его совершенно открылись, и онъ съ какой-то мучительной злобой на самого себя сталъ припоминать день за день все, что было между нимъ и Юліей съ того вечера, когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ на балѣ.

Князь былъ въ жару и въ лихорадкѣ, а ночь наступала довольно свѣжая; дулъ легкой вѣтерокъ, который казался ему проникающимъ насквозь, холоднымъ, зимнимъ вѣтромъ. Инстинктивно хотѣлъ онъ укрыться и направилъ шаги къ дому. Онъ едва взглянулъ на слабоосвѣщенные окна Юліи и прямо пошелъ въ свой кабинетъ. Онъ заперъ дверь на ключъ и сталъ вспоминать о своей жизни съ Юліей впродолженіи полутора года. Онъ больше не плакалъ; въ немъ было точно два человека—одинъ, который съ изумительной рѣзкостью изобличалъ передъ нимъ всю правду; другой, который ее безмолвно слушалъ. Когда первый, наконецъ, окончилъ свой подробный и убѣдительный рассказъ, второй отвѣтилъ ему: „да, все это такъ, ты правъ“,—и имъ опять овладѣло безнадежное отчаяніе.

Уже начало свѣтать, когда мысли князя остановились на вопросѣ: какъ-же ему теперь слѣдуетъ поступить съ Юліей? Прогнать-ли ее изъ дома и тѣмъ публично опозорить или удалить ее безъ шума и скандала?

Князь долго колебался, и ему было по-душѣ отмстить ей въ глазахъ свѣта такимъ униженіемъ, отъ котораго она никогда не могла-бы оправиться. Но тутъ „привычка любить Юлію“ брала верхъ, и князю была невыносима мысль сдѣлать ее несчастною на всю жизнь. Конечно, она этого заслуживаетъ, онъ бы даже *долженъ былъ* уничтожить ее нравственно, если не имѣетъ достаточно силы, чтобы убить ее,—но какъ рука его не поднималась, чтобы нанести ей ударъ, такъ и сердце не находило

въ себѣ достаточно силы, чтобы опозорить ее, выставить на поруганье и на осмѣянье свѣта.

Кровь вдругъ застыла въ жилахъ князя. Онъ подумалъ о себѣ. Ему представилась картина того смѣшного положенія, въ которое онъ поставитъ себя, если свѣтъ узнаетъ все и назоветъ его жену обманщицей. Кого-же она обманывала?.. Какъ-же всѣ будутъ смѣяться, что староватый, лысый уродъ вообразилъ себѣ, что молодая красавица вышла за него по страсти. Его будутъ называть: „*le raucge prince*“ и заливаться при этомъ неудержимымъ хохотомъ.

Князь опять воротился къ прошлому и на немъ остановилъ свои безсвязныя и мучительныя мысли...

Когда солнце уже стояло высоко и играло сквозь колеблющіяся вѣтки деревь на опущенныхъ сторахъ кабинета князя, онъ ужъ не желалъ больше разрыва со скандаломъ. Онъ не желалъ даже, чтобы свѣтъ узналъ объ его горѣ; напротивъ, онъ хотѣлъ скрыть это горе, чтобы люди не могли говорить о немъ. Жить съ Юліей подъ одной кровлей было выше его силъ, но и порвать съ ней онъ не хотѣлъ. Онъ думалъ, думалъ и рѣшилъ удалить ее безъ шума, подъ тѣмъ предлогомъ, что она уѣзжаетъ къ внезапно заболѣвшей матери...

А Александръ? Неужели князь не думалъ о немъ? Князь о немъ думалъ, но въ его глазахъ онъ не былъ такъ преступенъ, какъ Юлія. Во-первыхъ, онъ не былъ женатъ и не нарушалъ данныхъ клятвъ, во-вторыхъ, онъ былъ молодой человекъ и, конечно, не задумался завести интригу съ красивой женщиной, когда она сама этого искала. Князю много разъ приходили въ голову слова Александра, что онъ всегда готовъ къ его услугамъ, и князь, дѣйствительно, намѣревался не оставлять ихъ безъ послѣдствій, когда рѣшалъ порвать съ Юліей со скандаломъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ принималъ другое рѣшеніе, ему опять-таки представилась вся унижительная комичность положенія стараго мужа, подставляющаго свой рогатый лобъ подъ пулю молодого и красиваго любовника своей жены. Если-бы даже онъ убилъ или ранилъ Александра, могъ-ли-бы онъ поправить случившееся и вернуть свое потерянное счастье? А общество Александра-же и пожалѣло-бы за то, что ему не посчастливилось удачно провести простака мужа!

VI.

Часы шли. Было уже около десяти часовъ, когда князь позвонилъ и велѣлъ подать себѣ чаю. Онъ былъ разстроенъ и лицо его было блѣдно. Нѣсколько разъ брался онъ за ручку двери, чтобы идти къ женѣ, и потомъ опять принимался ходить. Наконецъ, онъ рѣшился: вышелъ и слабо постучалъ у дверей спальни жены. Юлія отделинулась. Князь не поздоровался съ ней при входѣ; при взглядѣ на нее слезы опять покатались по его щекамъ и онъ, чтобы скрыть ихъ, отвернулся къ окну.

— Юлія, началъ онъ, не оборачивая головы, — ты знаешь, что ты передо мной виновата?

Юлія молчала.

— Ты знаешь, что простить тебя я не могу.

Юлія заплакала.

— Не плачь, сказалъ онъ, — я могу плакать, а тебѣ не о чемъ.

Опять оба замолчали.

— Ну вотъ... теперь намъ нужно разстаться...

— Прости меня, прошептала Юлія. Въ ея головѣ вдругъ представился весь поворотъ ихъ разрыва, какъ онъ уже представлялся ей впродолженіи всей длинной, безсонной ночи.

— Прости меня, умоляющимъ голосомъ еще разъ повторила она и взяла его руку, — не вѣрь тому, что я вчера говорила, я люблю тебя...

— Юлія, строго прервалъ ее князь, выдернулъ руку и вспыхнулъ, — оставь это... Я этого не прошу... не требую... Скажи мнѣ, давно-ли ты любовницей Лопатина?

— Съ весны...

— Писала ты ему письма?

— Одно.

— Когда?

— Третьяго дня.

— Ты не лжешь?

— Нѣтъ.

— И онъ тебѣ писалъ?

Юлія вздрогнула и кивнула.

— Дай мнѣ письмо.

— Я... я... кажется...

— Не лги и дай. Стрѣляться съ нимъ я не буду, выговорилъ князь презрительно.—Ну, дай-же! повторилъ онъ, видя, что Юлія не трогается съ мѣста. Я прошу тебя въ послѣдній разъ—дай мнѣ письмо твоего обожателя.

Юлія медленно подошла къ туалету, вынула изъ потайного ящичка письмо и подала его мужу.

— Больше ничего нѣтъ?

Она покачала головой. Князь хотѣлъ спрятать письмо.

— Прочти, сказала она и закрыла лицо руками.

— Зачѣмъ-же?

— Пожалуйста.

Князь прочиталъ.

— Ахъ, Юлія, Юлія, изъ-за какого-же негодяя ты насъ всѣхъ погубила! воскликнулъ онъ и тяжело опустился на стулъ.

— Ну, все равно! сказалъ онъ, помолчавъ и махнувъ рукой.— Теперь ты поѣдешь къ матери.

Юлія простонала.

— Костя, не выгоняй меня! съ новой силой заговорила она и встала передъ нимъ на колѣни, какъ стояла наканунѣ передъ Александромъ.—Упрекай меня, брани, унижай. но не выгоняй... Я все перенесу безропотно, безмолвно...

Князь ничего не отвѣтилъ, только рѣшительно покачалъ головой.

— Такъ ты меня выгоняешь? съ отчаяніемъ воскликнула она. Это какъ-будто пробудило его.

— Да, *выгоняю!* произнесъ онъ съ сдержанной яростью. — Когда женщина играетъ чувствомъ честнаго человѣка, насмѣхается надъ нимъ и ненавидитъ его,—знаешь-ли ты, какъ она называется?

Князь посмотрѣлъ на Юлію.

— Ну, такъ честный человѣкъ, если въ немъ есть хоть искра самоуваженія, не можетъ жить съ такой женщиной подъ одной кровлей!.. Удались отъ меня... продажная!..

Губы князя задрожали и спокойствіе начало измѣнять ему.

— И это тебя я такъ любилъ!.. тебѣ я такъ вѣрилъ!..

Онъ отвернулся отъ нея.

— Прости меня, однообразно и машинально молила она. Обрадованная и ободренная его молчаніемъ, она взяла его за руку и подвела къ образу.—Клянусь предъ Нимъ... начала она, но князь съ ненавистью взглянулъ на нее, быстро вышелъ изъ комнаты и порывисто хлопнулъ дверью.

Кончено, все было кончено! въ душѣ мертво и холодно, въ головѣ хаосъ и отчаяніе. День шолъ томительно долго; Юлія больше не видѣла мужа: онъ уѣзжалъ въ городъ. На другое утро онъ опять вошелъ къ ней и вручилъ ей деньги и бумаги.

— Поѣзжай къ матери, сказалъ онъ,—и не жди отъ меня писемъ. Сынъ нашъ останется у меня; *тотъ* пусть будетъ твой...

Онъ помолчалъ.

— Въ деньгахъ ты не будешь нуждаться; вѣдь ты только изъ-за нихъ и хлопотала, пусть-же хлопоты твои не пропадутъ даромъ.

Онъ горько улыбнулся, Юлія плакала.

— Свидимся-ли мы въ этой жизни—извѣстно одному Богу, а только жить съ тобой я никогда не буду, ты на это не рассчитывай. Никогда тоже я не прощу тебя; прощаютъ только любившихъ...

Юлія должна была исполнить волю мужа, ей ничего другого не оставалось. Въ двадцать лѣтъ жизнь ея была разбита и честолюбивыя мечты разрушены. Кромѣ личнаго горя, она уносила съ собой въ изгнаніе будущій смѣхъ свѣта, еще такъ недавно преклонявшагося передъ ней.

VI.

Послѣ отъѣзда Юліи князь остался одинъ въ мрачномъ, старомъ домѣ. Весь первый день онъ провелъ въ своемъ кабинетѣ и только раза три заходилъ въ дѣтскую посмотреть, что дѣлаетъ сынъ. Слѣдующій день онъ провелъ такъ-же, какъ и предыдущій, съ той только разницей, что велѣлъ принести сына къ себѣ на цѣлый часъ. Разумѣется, былъ отданъ приказъ никого не принимать. Юліи не было больше въ домѣ. Это, кажется, должно было-бы нѣсколько успокоить князя, но это, напротивъ, грызло и мучило его. Въ первый разъ въ жизни горе его взяло верхъ надъ всѣми другими чувствами; онъ не могъ ни о чемъ

думать, не могъ ничѣмъ заняться. Онъ сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ и думалъ только о женѣ. Онъ начиналъ свѣваться съ мыслью о ея преступности, и уже въ умѣ его пачинали вертѣться компромиссы. Онъ сталъ думать, что она не такъ преступна, какъ ему казалось сначала, что и для нея найдутся смягчающія обстоятельства: она такъ молода, такъ неопытна. Въ отношеніи къ нему она всегда откровенно выказывала холодность и сдержанность, вольно-жь ему было не замѣчать этого! Юлія дѣлала это такъ явно, такъ очевидно... Кромѣ того, Александръ красивъ и увлекателенъ. Онъ шестью годами старше Юліи и, чуть-ли уже не десять лѣтъ, какъ вертится въ свѣтѣ; онъ опытнѣе Юліи, бѣдненькой, молодечькой институтки, которая всю жизнь провела на классной скамейкѣ. Лопатинъ соблазнилъ Юлію, положительно онъ соблазнилъ и увлекъ ее.

Князь опять сталъ перебирать всю свою жизнь съ Юліей. За-границей она положительно была другая. Правда, она и тамъ была очень сдержанна, но она часто смѣялась такъ искренно, такъ звонко... А здѣсь, особенно съ весны, ее нельзя было узнать. Она часто вздрагивала, когда онъ подходилъ къ ней, иногда взглядъ ея выражалъ безпокойство, иногда ему казалось, что она плакала. Если-бы они совсѣмъ не возвращались въ Россію, Юлія и теперь-бы все еще смѣялась своимъ милымъ смѣхомъ и *этотъ негодяй* не довелъ-бы ее до преступленія...

Что-же, убить его, что-ли?.. А если Александръ убьетъ князя и черезъ нѣсколько времени замѣнитъ его мѣсто, станетъ нареченнымъ отцомъ его родного сына и безмятежно воспользуется всѣмъ счастьемъ князя?.. А свѣтъ все-же скажетъ: „Le pauvre prince, qui s'est fait bruler la cervelle pour venger son honneur, et qui n'a fait que céder sa place à son ennemi, le cher bonhomme!“... Князь будетъ лежать подъ холодной плитой фамильнаго склепа, а жена его, *его Юлія*, будетъ наслаждаться любовью съ его убійцей!.. О, нѣтъ! это невозможно!

Князь твердо рѣшилъ не драться съ Александромъ, хотя онъ всей душой возненавидѣлъ его. Онъ рѣшилъ поискать другого мщенія, а пока отнять у Александра возможность разглашать о своей побѣдѣ и хвастать ею. Въ рукахъ Александра была записка отъ Юліи, которую онъ могъ при случаѣ показывать при-

ятелямъ; нужно достать эту записку, во что-бы то ни стало. Но какъ это сдѣлать?

Князь долго думалъ и соображалъ и, наконецъ, рѣшилъ достать ее черезъ Софью Ивановну.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Лопатины обѣдали раньше обыкновеннаго. Лина, Сашенька и Амалия Карловна уѣхали на дѣтскій праздникъ. Дядя Никоноръ еще съ утра отправился на пикникъ; Александръ уже нѣсколько дней не являлся въ семью, но о немъ не беспокоились, такъ-какъ онъ часто пропадалъ на долгое время. Викторъ тоже былъ въ тотъ день въ городѣ и долженъ былъ вернуться только къ вечеру. Тетя Катя, по обыкновенію, тотчасъ послѣ обѣда ушла дежурить къ матери. Сидѣли вѣстѣ только Софья Ивановна, Поленька и Ветловъ. Софья Ивановна велѣла подать самоваръ на верхній балконъ; Ветловъ ввелъ новую моду пить послѣ обѣда чай. Верхній балконъ былъ такъ-же великъ, какъ и нижній, но имѣлъ то преимущество, по словамъ Софьи Ивановны, что видъ съ него былъ открытый, а не торчали передъ глазами одни клумбы и стволы.

— Вотъ и посудите, Иванъ Николаевичъ, говорила Софья Ивановна, — какая родителямъ отъ дѣтей радость... Сыновья мои почти дома не живутъ, Полина теперь пока еще со мной, но вѣдь и это не вѣчно.

— Это общій законъ, Софья Ивановна, и нужно съ нимъ по необходимости примириться. Сыновья ваши женятся, Полина Александровна выйдетъ замужъ, у васъ будутъ внуки, которые замѣнятъ вашему сердцу дѣтей...

— Дай Богъ, дай Богъ... но это все-же не то; невѣстка — все-же не дочь, а Полину я совсѣмъ потеряю — у нея будетъ другая семья. Такъ-то вотъ мы, бѣдныя, и умираемъ одинъ на старости лѣтъ...

— Ну, нѣтъ-съ, это не всегда! Развѣ ваша свекровь не окружена теперь всевозможными заботами?

— Это исключеніе! нынче у дѣтей совсѣмъ не тотъ духъ, въ

которомъ мы были воспитаны. Мнѣ за пятьдесятъ,—кажется, я ужь не молода,—а все-же съ большей позорностью могу все вынести, чѣмъ вотъ хоть эта дѣвочка!

Софья Ивановна улыбнулась и указала на Полину.

— Мы, кажется, опять пришли къ нашему спору, любовно замѣтилъ Ветловъ.—Что это доказываетъ?—а то, что теперь молодые люди стали положительнѣе...

— Эгоистичнѣе, перебила Софья Ивановна.

— Нѣтъ-съ, не эгоистичнѣе, а именно положительнѣе; теперь стараются доставить себѣ какъ можно меньше напрасныхъ мукъ и крошъ того...

— Относятся къ себѣ съ большимъ уваженіемъ, добавила Софья Ивановна,—я знаю, что вы это скажете. Но повторяю: сердце ихъ стало черствѣе, они неспособны приносить другимъ жертвы...

— Милая мама, перебила Софью Ивановну Поленька,—неужели такая большая заслуга ломать и коверкать себя для другихъ?

— Вотъ видите!.. это говорить двадцати-лѣтняя дѣвочка. Ну, пришло-ли-бы мнѣ въ эти лѣта въ голову сказать матери подобную вещь?.. Я была очень строго воспитана, въ большомъ страхѣ. но это воспитаніе развило во мнѣ такое качество, котораго въ дочери моей совсѣмъ нѣтъ,—чувство долга.

— И убило въ васъ всякую любовь къ родителямъ, замѣтилъ Ветловъ.—Вѣдь ужь ваша молодость—дѣло прошлое, Софья Ивановна; скажите-же намъ: любили вы своихъ родителей или только боялись ихъ по долгу?

Софья Ивановна затруднилась отвѣтить сразу.

— Что было, то было, сказала она,—но все-же я была послушная и покорная дочь.

— Значитъ, Полина Александровна непослушная и непокорная дочь? смѣясь, возразилъ Ветловъ и Поленька тоже засмѣялась.

— Сами вы видите, уже шутила Софья Ивановна, съ лаской глядя на Поленьку:—матери слезы, а ей смѣхъ!

Ветловъ уже считался довольно близкимъ человѣкомъ въ домѣ Лопатиныхъ и ему дозволялась извѣстная короткость. Ветлова, дѣйствительно, всѣ въ домѣ любили и Софья Ивановна не обращала особеннаго вниманія на его дружескія отношенія съ

Поленькой. Она заставляла ихъ иногда вдвоемъ въ саду или въ гостиной, и въ голову ей не приходило дѣлать Поленькѣ замишчанія. Она сама любила разговаривать съ Ветловымъ и потому допускала, что и дочь ея можетъ приятно проводить время въ его обществѣ. Со дня знакомства съ Ветловымъ ей больше какъ-то не думалось о томъ, что онъ можетъ быть опасенъ для Полины. Это отчасти происходило отъ того, что Софья Ивановна составила себѣ идеаль обольстителя совершенно неподходящій къ личности Ветлова. По ея понятію, *увлечь* дѣвушку могъ только человекъ съ изысканными манерами, нѣсколько таинственный, презрительный и гордый со всѣми, въ особенности съ женщинами. Софья Ивановна почему-то думала, что женщина всегда влюбляется въ человека, стоящаго отъ нея недостижимо высоко. А въ Ветловѣ никакихъ этихъ качествъ не было. По наружности онъ хотя и былъ пріятель, но ужь очень простъ. Со всѣми онъ былъ обходителенъ, никого, буквально никого не оставлялъ безъ вниманія. Кромѣ того, онъ бѣгалъ и дурачился, даже раза два лазилъ на дерево и прыгалъ черезъ канавы.

„Нѣтъ, думала Софья Ивановна, — положительно такой добрый и простой человекъ не можетъ быть опасенъ для дѣвушки!..“

— Ну, вотъ скажите, какъ это назвать? продолжала она шутить; — я ужь цѣлый часъ, какъ кончила свою чашку, и все жду, когда-то моя дочь спохватится предложить мнѣ еще чаю, а она вѣдь такъ и проморить меня съ одной чашкой.

Поленька только-что протянула руку къ чашкѣ матери, а Ветловъ началъ ужасаться ея безчувственности, какъ въ дверяхъ балкона появился слуга и доложилъ, что князь Горскій изволили пожаловать и просятъ Софью Ивановну сойти къ нимъ.

Софья Ивановна встала.

— Дождитесь меня и не ведите убирать самовара: я скоро вернусь и приведу съ собой князя.

Софья Ивановна спустилась и съ протянутой рукой, радушно подошла къ князю. Князь взялъ ея руку и нервно сжалъ ее.

— Извините, сказалъ онъ, — я приношу вамъ большое горе.

Софья Ивановна взглянула на него — на немъ лица не было. Софья Ивановна не могла ничего выговорить, не просила его даже сѣсть, — такъ она растерялась. Они стояли недалеко отъ открытаго окна.

— Никого нѣтъ? спросилъ князь, указывая кругомъ.

— Нѣтъ, весь домъ пустой... Но что-жѣ съ вами?.. Воже мой... князь!..

— Я... я... разстался съ женой... и, кажется, на-всегда...

На верхнемъ балконѣ эти слова были слышны; Поленька сидѣла какъ-разъ надъ тѣмъ окномъ, у котораго стоялъ князь. Она могла только произнести: „тсъ!“ положила себѣ палецъ на губы и притаила дыханіе.

— И причиной тому вашъ сынъ... Александръ...

— Вы слышали? испуганно спросила Поленька, схвативъ Ветлова за руку.

— Слышала, отвѣтилъ тотъ въ недоумѣніи.

Раздался слабый крикъ и голосъ князя:

— Кто тутъ? скорѣи! скорѣи!

Поленька и Ветловъ въ одинъ мигъ сбѣжали въ гостиную. Софья Ивановна лежала безъ чувствъ на рукахъ князя.

— Ради Бога, помогите! съ волненіемъ говорилъ онъ.

Софью Ивановну положили на диванъ и Ветловъ началъ хлопотать около нея съ помощью позванной Анисьи Степановны. Князь отошелъ съ Поленькой въ сторону. Онъ былъ совершенно растерянъ; онъ никакъ не предвидѣлъ такого печальнаго исхода.

— Князь, вы сказали мамашѣ...

— Простите, простите, m-lle Pauline! перебилъ ее князь.— Я себя не помню... въ моей жизни случилось нѣчто ужасное... ваша мамаша вамъ, вѣрно, скажетъ...

— Я все слышала. Напрасно только вы сказали это мамашѣ: она такая слабая...

— Простите меня, я не подумалъ раньше...

— Пойдите въ другую комнату, пойдите, князь!

Полина вышла первая. Она сѣла, указала ему на стулъ и съ минуту собиралась съ духомъ; наконецъ, она выговорила:

— Князь, вы можете сказать мнѣ все, что хотѣли сказать мамашѣ, я передамъ ей ваши слова. Но, прошу васъ, не огорчайте ее больше.

— Но... m-lle Pauline... „Неужели говорить съ молодой дѣвушкой?“ подумалъ князь.

— Говорите, князь, я вамъ дамъ на это полное право, сказала Поленька такъ серьезно и гордо, что князь не колебался.

— Вы хорошая, очень хорошая дочь... вамъ жаль вашу мать... не всё такія, не всёми жаль близкихъ...

— Зачѣмъ вы сказали мамашѣ о братѣ? перебила Поленька.

— Чтобы ваша мамаша знала, почему я долженъ прервать съ вами отношенія, и чтобъ попросить ее достать отъ вашего брата записку.

Князь говорилъ очень тихо, но тутъ слова совершенно замерли въ его пересохшемъ горлѣ. Поленька взглянула на него— ей было непривычно видѣть въ князѣ человѣка растеряннаго, убитаго.

— Князь, отозвалась она и въ голосѣ ея слышались слезы, — семья моя не виновата передъ вами за поступки брата. Онъ не отдастъ матери ничего...

Князь содрогнулся и потупилъ голову. Онъ понялъ, что сдѣлалъ страшную ошибку, встревоживъ понапрасну бѣдныхъ женщинъ. А ему-то казалось, что это будетъ самый лучший путь избѣгнуть объясненій съ Александромъ и добиться отъ него возвращенія записки Юліи.

— Простите все неприличіе моего поведенія, снова началъ князь съ глубокимъ поклономъ. — Разсудокъ мой омраченъ—это мое единственное извиненіе. Но, m-lle Pauline, вы позволили мнѣ высказать вамъ все, что я высказалъ-бы вашей матери, потрудитесь-же передать ей, чтобъ Александръ Александровичъ не искалъ со мною ссоры—драться съ нимъ я не хочу. Его жизнь мнѣ вовсе не нужна, а моя теперь необходима для моего сына, — это единственное счастье, оставшееся у меня на землѣ, — и если я умру, никто о немъ не позаботится. Вы понимаете, что я не стану подставлять свою грудь негод... на смерть... поправился онъ.

Поленька молчала.

— Кромѣ того, продолжалъ князь, — у меня есть въ карманѣ письмо отъ вашего брата къ моей... къ Юліи. Но я покорнѣйше прошу возвратить его вашему брату только въ томъ случаѣ, если онъ отдастъ записку. Если-же нѣтъ, то это письмо должно остаться у меня.

Князь вынулъ письмо; Поленька протянула къ нему руку.

— Вы общаете мнѣ не отдавать письма, не получивъ записки?

— Общаю.

— Еще передайте брату, чтобы онъ не писалъ мнѣ: письма его я буду возвращать сюда, не распечатывая ихъ.

Князь всталъ.

— Прощайте, m-lle Pauline, позвольте мнѣ пожать вамъ руку и еще разъ искренно попросить у васъ прощенія за беспокойство и тревогу...

— Что наша тревога въ сравненіи съ вашимъ несчастіемъ!..

— Да, да, конечно!..—(И глаза князя опять налились слезами.) — Кажется, здѣсь нужно выйти? Передайте мое глубокое почтеніе вашей матушкѣ...

— Князь, я, право, въ отчаяніи, что у меня такой дурной...

— Вы этого еще понять не можете, chère m-lle Pauline, перебилъ князь,—и братъ вашъ, конечно, найдетъ въ вашихъ глазахъ извиненіе...

— Вы думаете, что я дѣвушка, что я сестра, такъ должна извинять все на свѣтѣ? воскликнула Поленька съ негодованіемъ.— Нѣтъ, у меня не двѣ правды и не двѣ совѣсти!.. Кажется, мамаша очнулась... Прощайте!

Она крѣпко пожала руку князя и скрылась за дверью.

„Что это? подумалъ князь,—какая честная! Другая винила-бы во всемъ меня, смѣялась-бы надо мной... а она: не двѣ правды, не двѣ совѣсти!.. Ага, такъ вотъ почему Юлія никогда не любила ее!..“

Князь вышелъ, лакей проводилъ его до калитки.

— Сынъ мой... убить?.. были первыя слова Софьи Ивановны, когда ее, наконецъ, привели въ чувство.

— Нѣтъ, мама; онъ, вѣрно, въ городѣ.

— А князь?

— Князь только-что ушелъ.

— Нѣтъ... князь убилъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь! Онъ именно за тѣмъ и пришелъ, чтобъ сказать, что не желаетъ съ Сашей ссоры.

— Ну, слава Богу! вымолвила Софья Ивановна; она сѣла и начала медленно креститься.

Софью Ивановну увели въ ея спальню: она пожелала остаться съ Поленькой наединѣ и узнать весь ея разговоръ съ княземъ. Слушая послѣднія слова дочери, Софья Ивановна горько

плакала и никакъ не могла примириться съ мыслью, что ея родной сынъ сдѣлалъ подлость, по словамъ ея родной дочери.

— Во всемъ этомъ виновата проклятая Юлія! воскликнула Софья Ивановна.— Она всегда старалась завлечь его. Помнишь, когда вы еще изъ института сюда на лѣто пріѣзжали, и тогда уже она все вертѣлась передъ нимъ.

— И она поступила нехорошо, сказала Поленька, — но и брата нельзя извинить, — я скажу ему это прямо въ глаза.

— И не думай! Можно-ли такъ обижать человѣка... брата...

— А онъ не обидѣлъ князя? онъ не разбилъ всю жизнь Юлію?.. Пусть-же теперь отъ меня, отъ дѣвченки, на которую глядитъ свысока, пусть услышитъ всю правду.

— Полина, побойся Бога, начала Софья Ивановна.

— Вотъ оттого-то, что я боюсь Бога, оттого-то я и скажу брату всю правду! воскликнула Поленька въ порывѣ негодованія.— Богъ велитъ мнѣ больше всего на свѣтѣ любить правду, вотъ я ее и люблю!..

— Ну, будь, что будетъ! махнувъ рукой, произнесла Софья Ивановна, видя опять въ словахъ Поленьки упрямую настойчивость.— „Ужъ это у нея отцовское наслѣдіе“, подумала она и кротко сказала:— А все-же ты не добрая христіанка, моя милая Полина.

— Мама, отозвалась Поленька уже спокойнѣе, когда первая минута негодованія прошла.— Неужели вы хотите, чтобы я по-прежнему ласково улыбалась брату, гуляла-бы съ нимъ подъ руку, старалась-бы сдѣлать ему пріятное? Вѣдь все это было-бы притворство... И я стала-бы притворяться и унижаться передъ подлецомъ! Неужели вы это называете быть доброй христіанкой?

Софья Ивановна ничего не отвѣтила дочери; она сознавала, что въ словахъ Полины много правды, а между тѣмъ она любила сына и опытъ жизни показалъ ей, что мужчинамъ прощается многое, — страшно подумать, сколько имъ прощается и сколько она сама должна была прощать и прощала. Но какъ-же бы мать могла объяснить своей молоденькой дочери всѣ пороки отцовъ, братьевъ, сыновей? Повернулся-ли-бы у нея на это языкъ?.. Нѣтъ; этому учить дѣвушку горькій жизненный опытъ и предоставляетъ ей самой принимать уроки, какъ она ссужетъ. Примирится-ли она съ обиденной пошлостью или согнетса подъ

ея бременемъ—это зависитъ отъ ея собственныхъ силъ и выносливости, но мать никогда не рѣшится объяснить своей дочери грязныя и черныя стороны жизни.

Софья Ивановна прислонилась къ спинкѣ кушетки и закрыла глаза.

— Я очень устала, другъ мой, сказала она,—оставь меня немножко заснуть и не вели никому входить ко мнѣ. Когда позвонятъ, я сойду къ чаю.

II.

Поленька подѣловала мать и вышла. Въ карманѣ у нея было письмо отъ Александра къ Юліи; она только вскользь упомянула о немъ, чтобы не читать его матери прежде, чѣмъ не прочтетъ сама. Неожиданное извѣстіе о случившемся крайне потрясло ее. Она не была коротка съ Александромъ, не любила его нахальнаго тона, но предположить, что онъ способенъ на низкій поступокъ, она никогда не могла. Тутъ ей вдругъ припомнились частыя намеки тети Кати на что-то, что она не совсемъ понимала, и ей повезалось, что всѣ въ домѣ, кромѣ нея, уже давно знаютъ о многихъ дурныхъ поступкахъ Александра; отчего-же отъ нея это такъ тщательно скрывали?

Новое открытіе, что братъ ея человѣкъ нечестный, отозвалось въ сердцѣ Поленьки томительно-безотрадно. Она вышла въ садъ и хотѣла скрыться въ его глубинѣ, но въ ближайшей аллеѣ увидѣла взадъ и впередъ ходящаго Ветлова. Онъ тотчасъ-же замѣтилъ ее и съ большимъ участіемъ подошелъ къ ней.

— Вы были случайнымъ свидѣтелемъ тяжелой семейной неприятности, какъ-то само собой сорвалось у Поленьки, когда она увидѣла ласковое лицо Ветлова. — Виктора нѣтъ, пойдемте со мной, посоветуйте мнѣ, что теперь дѣлать...

Поленька рассказала Ветлову, въ чемъ дѣло, потомъ сѣла на скамейку и вынула изъ кармана письмо.

— Что это, онъ лжетъ или говорить правду? произнесла она, передавая Ветлову письмо.

Она не думала въ эту минуту, что Ветловъ ей чужой человѣкъ, отъ котораго, можетъ быть, лучше было-бы скрыть семейную

тайну. Она была огорчена и взволнована и дѣйствовала только по внезапнымъ внушеніямъ своего сердца.

— Разумѣется, вѣжливо отдѣлывается, отвѣтилъ Ветловъ, наскоро пробѣжавъ письмо и отдавая его назадъ.

Поленька спрятала письмо, опустила голову и заплакала.

— О чемъ-же вы плачете? спросилъ Ветловъ и всталъ противъ нея; — Полина Александровна, братъ вашъ не особенно уродливое исключеніе, всѣ мужчины таковы...

— И вы такой-же? неожиданно спросила она, поднявъ на него глаза.

Ветловъ весь вспыхнулъ и потушился.

— И я не безъ грѣха, тихо произнесъ онъ.

— И вы тоже дѣлали подлости? спросила она съ какинь-то особеннымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Не подлости, а пошлости, во всякомъ случаѣ. Что-жъ мнѣ передъ вами отречься и ставить себя выше условій жизни! Вполнѣ честныхъ людей, Полина Александровна, вы не найдете.

— Иванъ Николаевичъ!

— Да, это фактъ. Не услаждайте себя иллюзіями и не бойтесь правды. Вашъ братъ поступилъ очень, очень дурно, и много-бы на его мѣстѣ такъ не поступили; но едва-ли найдется хоть одинъ мужчина, за которымъ въ его отношеніяхъ къ женщинамъ не оказалось-бы нѣсколькихъ черныхъ пятенъ. Не осуждайте насъ совершенно: молодость хочетъ любви, а женщины, способныхъ возбудить любовь, почти нѣтъ, — вотъ мы и не любимъ, а только *влюбляемся*.

Поленька поглядѣла на него съ необычайной до тѣхъ поръ въ ея взглядѣ нѣжностью и прошептала:

— Ну, а если-бы васъ искренно полюбила дѣвушка, неужели и тогда-бы вы дѣлали пошлости?

Она отвернулась, не дождавшись отвѣта; гнетущая грусть отразилась на ея лицѣ.

Ветловъ ощутилъ опять то-же чувство, какъ въ первый вечеръ въ бесѣдѣ. Голосъ его замеръ, сердце застучало. Онъ только имѣлъ силы тихо взять ея руку. Съ минуту Поленька не отнимала руки своей; потомъ она быстро встала.

— Извините меня, прошептала она; — вы точно Викторъ... такой добрый...

Выраженіе страданія не сходило съ ея лица, а, кажется, еще больше обозначилось, когда она опять взглянула на Ветлова.

Поленька въ первый разъ сознавала, какъ Ветловъ ей дорогъ, именно въ ту минуту, когда разрушались ея юношескія мечты о людской честности. Ей было больно, страшно больно переживать это разочарованіе. По искреннему тону Ветлова она видѣла, что онъ говоритъ правду; что и самъ онъ, и братъ ея, и всѣ прочіе совсѣмъ не такъ чисты и честны, какъ она воображала, — и все-же она не отнимала своей руки и съ нѣжностью глядѣла на него.

„Возьмите мое сердце, какъ-будто хотѣла она сказать, — если оно можетъ сдѣлать васъ лучше“.

Она наскоро простилась съ нимъ и пошла посмотрѣть, что дѣлаетъ ея мать.

III.

Озадаченный, взволнованный Ветловъ молча проводилъ Поленьку до дому и остался на балконѣ. Онъ взялъ газету и сталъ машинально читать ее. Но газета вовсе не интересовала его. Онъ думалъ о Поленькѣ, о ея внезапно-высказавшейся любви; онъ находилъ безконечное счастье въ сознаніи, что онъ любимъ. Тысячу разъ вспоминалъ онъ, какъ Поленька не отнимала руки своей, съ какой нѣжностью остановила на немъ долгій взглядъ. Онъ не могъ оставаться неподвижнымъ и пошелъ бродить по саду.

Поленька застала въ комнатѣ матери тетю Катю, которая сидѣла съ сжатыми губами и съ негодующимъ выраженіемъ лица.

— Меня очень удивляетъ, милая Полина, что ты виѣшалась въ эту неприличную исторію. Я — женщина, и то никогда-бы не рѣшилась...

Тетя Катя приподняла плечи.

— Дѣло сдѣлано, тетя, такъ случилось...

— Изъ словъ Sophie я вижу, что ты сама вызвала князя на объясненіе?

— Да; я не хотѣла, чтобы онъ еще больше тревожилъ мама.

— Chère Sophie, начала тетя Катя и ея тоненькія губы задрожали, — мнѣ очень жаль огорчать васъ, но я должна вамъ

забѣтить, что вы непрослительно слабы къ вашимъ дѣтямъ. Александръ это доказываетъ, и вы можете ожидать всего и отъ другихъ. Я-бы давно ужъ оставила этотъ домъ, если-бы не бѣдная маменька.

— Я надѣюсь, chère Cathérine, что вы ничего не скажете мама...

— За кого вы меня принимаете! развѣ я стану отравлять послѣдніе дни жизни бѣдной старушки!

Въ душѣ тетя Катя втеченіи всей своей жизни ненавидѣла свою мать.

— Благодарю васъ.

— Подумайте о моихъ словахъ. А ты, милая Полина, знай, что твоя тетя очень, очень тобою недовольна.

Маленькая тетя Катя съ великимъ достоинствомъ выплыла изъ комнаты, снова поджавъ свои злыя губы, а Поленька равнодушно стояла у окна, не возражая ей.

— Господи, какая мнѣ жизнь! воскликнула Софья Ивановна,— что ни человѣкъ, то новое оскорбленіе!

— Зачѣмъ-же, мама, вы рассказали объ этомъ тетѣ? Покончили-бы все между нами и никто-бы не узналъ...

— Какъ-же это можно: вѣдь она родная.

— И страшная сплетница; теперь весь свѣтъ все узнаетъ. Ахъ, право, мамаша, вы-бы не были съ ней такъ откровенны..

— Хорошо, Поля, я ей ничего больше не буду говорить! но какъ это поправить?

— Этого ужъ не поправишь; напишите Сашѣ, чтобъ онъ пріѣхалъ.

— Ты ужъ ему не говори, что я сказала тетѣ, робко начала Софья Ивановна.

— Нѣтъ, не скажу.

— Ахъ, какъ все это мучительно! повторила Софья Ивановна, садясь къ столу;— что я ему напишу и что скажу завтра, когда онъ пріѣдетъ?

Софья Ивановна сидѣла надъ листомъ бумаги и вертѣла въ рукахъ перо.

— Ужъ ты, Полина, ради Бога не оставляй меня съ нимъ одну.

— Какъ? вы хотите, чтобъ я присутствовала при объясненіи?

— А ты думаешь, что это неловко? съ бьющимся сердцемъ спросила Софья Ивановна.— Можетъ быть, лучше было-бы, если-бы ты объяснилась съ нимъ одна? Вѣдь князь тебѣ все передалъ, ты лучше запомнила и знаешь, что нужно сказать...

Поленька ясно видѣла, что мать ея боится тяжелаго объясненія съ сыномъ; ей стало жаль робкую старушку и хотѣлось избавить ее отъ слишкомъ сильнаго потрясенія.

— Пожалуй, сказала она, — только все-таки вы напишите Самѣ записку и пойдитемте внизъ. Разсѣйтесь немножко, Иванъ Николаевичъ вамъ что-нибудь расскажетъ...

IV.

Князь Горскій сообщилъ Лопатиннымъ о поступкѣ Александра единственно съ цѣлью вѣрнѣе получить отъ него обратно записку Юліи. Князь не зналъ, что въ ней написано и на-сколько она можетъ запятнать его имя. Записка эта сдѣлалась его *idée fixe*. Когда человекъ очень страдает, онъ часто лишается способности видѣть вещи здраво и со страстью привязывается къ какой-нибудь ничтожнѣйшей бездѣлицѣ. Князю казалось, что отъ записки зависить вся его будущая добрая слава, а между тѣмъ онъ каждымъ изъ своихъ поступковъ явно обличалъ истину, и эта истина уже давно была разгадана всѣми окружающими и переходила изъ устъ въ уста. Только возвращаясь отъ Лопатинныхъ домой, князь нѣсколько опомнился. Онъ былъ потрясенъ неприличіемъ своего поступка. Онъ не могъ узнать самого себя; онъ не могъ понять, какъ у него хватило духа сознаться передъ кѣмъ-бы то ни было въ своемъ позорѣ, а тѣмъ болѣе передъ молоденькой сестрой одурачившаго его человека. И это сдѣлалъ князь Константинъ Горскій, въ сорокъ лѣтъ, — князь, который даже въ юности всегда умѣлъ справляться съ своими чувствами!

Александръ между тѣмъ явился въ Петергофъ по зову матери. Его встрѣтила Поленька.

— Пойдемъ въ мою комнату, сказала она послѣ холоднаго привѣта.

Онъ хотѣлъ-было поцѣловать ее, но она отклонила его поцѣлуй.

— Не надо, сказала она;—сладь.

— Какъ все это таинственно. Въ чемъ дѣло?

— У насъ былъ князь, начала Поленька—(Александръ об-
меръ),—и все сказалъ.

— Что *все* сказалъ? перебилъ ее Александръ.

Поленька спокойно передала брату слова князя.

— Письмо твое у меня, я возвращу тебѣ его, когда ты при-
шлешь мнѣ записку Юліи.

— Я не отдамъ записку! произнесъ Александръ съ натя-
нутымъ смѣхомъ.

— Развѣ она тебѣ нужна?

— Ха, ха, ну-да, нужна! Скажи своему князю, что она мнѣ
нужна.

— Саша!

— Я не отдамъ—и кончено!

Поленька съ отвращеніемъ отвернулась отъ брата.

— Кто еще въ домѣ объ этомъ знаетъ?

— Мама и тетя.

— А Викторъ?

Поленька покачала головой.

— Потому что его здѣсь нѣтъ, съ ироніей замѣтилъ Алек-
сандръ.—И этотъ подлець воображаетъ, что я не найду возмож-
ности убить его, какъ собаку! съ силой воскликнулъ онъ, безпо-
койно ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.—Дай мнѣ перо и
бумагу...

— Ты, можетъ быть, хочешь писать князю? Напрасно: онъ
возвратить письмо, не читая.

— Такъ я пойду къ нему и прибью его хлыстомъ!

— Какой вздоръ! Отдай лучше записку. Вѣдь ты во всемъ
этомъ играешь неблаговидную роль, а еще злишься на князя!

— Что-о-о-о? болѣзненно сорвалось у Александра.

— А то, что ты тутъ негодай, рѣвко сказала Поленька.

— Какъ ты смѣешь... дѣвчонка!...

Александръ схватилъ Поленьку за руки и крѣпко стиснулъ
ихъ.

— Отпусти мои руки или я закричу, сказала она твердо и
рванулась къ окну.

Онъ выпустилъ ея руки и почти упалъ на диванъ.

— Отдай записку.

— Пошла прочь! топнул онъ на нее въ бѣшенствѣ ногой.

— Ну, такъ подлецъ! закричала она ему и выбѣжала вонъ изъ комнаты.

Въ людяхъ часто звучитъ суевѣрная потка, особенно если вскорѣ послѣ нечестнаго поступка съ ними самими случается что-нибудь очень непріятное.

„Это все мнѣ за Машу“, думалъ Александръ, глотая свои бѣшенныя рыданья.

Князь, самъ ничего не зная, нанесъ ему самый чувствительный ударъ—онъ смялъ и скомкалъ его самолюбіе, отказываясь отъ поединка съ нимъ и требуя только возвращенія записки.

Въ страшномъ состояніи Александръ просидѣлъ цѣлый часъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ зеркалу, поправился, походилъ по комнатѣ и сошелъ внизъ. Онъ не растерялся; онъ былъ такъ-же спокоенъ и гордъ, какъ и всегда; онъ небрежно относился къ презрительнымъ взглядамъ тѣти Кати, отвелъ мать въ сторону и замѣтилъ ей, что онъ проситъ никогда не упоминать объ этой исторіи, иначе его нога не будетъ больше въ домѣ, взявъ подъ руку дядю Никонора и, прогуливаясь съ нимъ взадъ и впередъ по аллеѣ, сказалъ ему:

— Ну, cher oncle, въ какую-же я попалъ передрагу!

— Да, да, ужь эти дамы! всегда изъ мухи слона дѣлаютъ. Я надѣюсь, что ты не очень огорчаешься—les femmes c'est toujours comme ça!

— Признайтесь, дядюшка, que vous avez aussi passé de mauvais quarts d'heure.

— Chaque galant homme subit le même sort, сказалъ майоръ съ милѣйшей усмѣшкой;—впрочемъ, любезный другъ, я тебѣ скажу—это своего рода эмоція....

„Чортъ-бы побралъ тебя съ твоими эмоціями!“ внутренно воскликнулъ Александръ, но улыбнулся дядѣ и замѣтилъ:

— Убѣдите въ этомъ tante Cathérine!

— Боже меня упаси убѣждать въ чемъ-бы то ни было эту достойнѣйшую даму! Я всегда, во всемъ соглашаюсь съ ней!...

Разговоръ долго продолжался въ этомъ родѣ. Александръ весь день оставался на дачѣ. Послѣ обѣда онъ поѣхалъ съ дядей Никоноромъ кататься въ кабриолетъ и заѣхалъ на музыку. Тамъ встрѣтилъ

ся съ какими-то знакомыми дамами и приволокнулся за одной изъ нихъ. Возвращаясь домой, онъ засталъ всѣхъ за чаемъ и особенно оживленно разговаривалъ съ Ветловымъ, который, разумѣется, дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ; наконецъ, раза два зѣвнулъ и, любезно простясь со всѣми, ушелъ въ свою комнату.

По его уходѣ и Поленька вышла на минуту въ садъ; ее скоро догналъ Ветловъ, который съ прошлаго дня видѣлъ ее только за обѣдомъ.

— Мѣдный лобъ! воскликнула она, — неправда-ли, Иванъ Николаевичъ? Вѣдь не одна морщина у него не дрогнетъ, ни въ одномъ словѣ не слышится раскаянія. Вѣрно, у него на совѣсти не одинъ этотъ грѣхъ, вѣрно онъ уже привыкъ!

— Да, Полина Александровна, признаться, вашъ братъ твердаго характера, съ пропіей замѣтилъ Ветловъ, — но вѣдь это все вашъ *святъ* такъ коверкаетъ людей. Вѣдь и у него на сердцѣ теперь кошки скребутъ, а показать это предъ кѣмъ-нибудь или хоть просто сознаться, что поступилъ нехорошо, — какъ можно!... Впрочемъ, Богъ съ нимъ! дайте мнѣ вашу руку и пройдите еще разъ по аллеѣ.

— Нельзя, ужъ поздно...

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, поздно; а ночь-то какая и мы ужъ такъ давно не видѣлись!

— Ну, пойдите, только скорѣй!

Быстрыми шагами пошли они по саду, любуясь природой, и безъ словъ пѣли другъ другу старую, но вѣчно юную пѣсню любви...

Ветловъ порывисто обнялъ Поленьку и крѣпко прижалъ ее къ своему сердцу, а она вдругъ позабыла всѣ свои тревоги и склонила голову на его плечо.

— Поленька! вы любите меня? въ восторгѣ воскликнулъ Ветловъ.

— Люблю, прошептала она, и голосъ ея потерялся въ горячемъ поцѣлуѣ...

Среди общей тишины гдѣ-то вдали на часахъ било полночь.

— Ой, что-то бьетъ! съ волненіемъ сказала она, — вѣрно, ужъ двѣнадцать; хоть я и простилась съ мамашей, но она такъ встрѣжена... мало-ли что можетъ случиться... Не говорите никому о нашемъ счастіи, пепнула она на прощанье, — пусть мы одни знаемъ о немъ до осени.

- Поленька, и вы согласитесь быть моей женой?
- Что за вопрос!
- Это что-то слишкомъ счастливое!

V.

Бошки, дѣйствительно, скребли на сердцѣ у Александра и внутренно онъ вовсе не примирился со своимъ униженіемъ. Онъ только художественно сыгралъ свою роль, но усталъ и рѣшилъ на слѣдующее утро уѣхать въ городъ.

Пріѣхавъ въ свою квартиру, онъ ощутилъ такую пустоту, какой до сихъ поръ никогда еще не ощущалъ. „Одинъ, твердилъ онъ себѣ,—всѣми оставленный, униженный“. И опять мелькнула у него суевѣрная мысль: „все это за Машу.“ Одиночество, душный городской воздухъ, угрызенія совѣсти и страшная злоба долго мучили его прежде, чѣмъ онъ рѣшился подойти къ столу и взяться за дѣла, но голова его отказывалась мыслить. Онъ съ досадою схватилъ листъ бумаги, опять всунулъ въ конвертъ пачку денегъ и вторично, послѣ трехъ мѣсяцевъ молчанія, написалъ Машѣ:

„Милая Маша, совѣсть меня мучаетъ, возьми проклятыя деньги. Теперь лѣто, гдѣ тебѣ найти работу и прокормить васъ всѣхъ! Твоя гордость неумѣстна; между нами была истинная любовь; ты всѣмъ для меня пожертвовала и имѣешь полное право взять отъ меня деньги. Ради Бога, не отсылай мнѣ ихъ, меня часто мучаетъ мысль, что ты въ нуждѣ. Прости меня. Александръ“.

Александръ велѣлъ отнести пакетъ по адресу и не дожидаться отвѣта. Въ тотъ день пакетъ не вернулся и Александръ немножко успокоился; у него даже блеснула мысль поѣхать завтра къ Машѣ. Но утро все разрушило. Онъ еще былъ въ постели, когда ему подали пакетъ обратно, и опять его записка была возвращена, а на ея оборотѣ Маша написала:

„Не предлагай мнѣ никогда больше денегъ. Въ чемъ упрекаетъ тебя твоя совѣсть? Только въ томъ, что ты лишилъ меня средствъ. Ты хочешь бросить мнѣ ненужныя сотни и думаешь купить этицъ спокойствіе совѣсти? Но мнѣ не нужны твои деньги“.

Александръ долженъ былъ пережить борьбу и примириться съ обстоятельствами. Прошла недѣля, и, дѣйствительно, онъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Онъ окончательно порвалъ со своимъ прошедшимъ; онъ даже отослалъ Поленкѣ записку Юліи и сказалъ себѣ: „Теперь все кончено, нужно работать и работать. Единственная моя цѣль—блестящая карьера, а остальное—все въ сторону“.

VI.

Когда князь получилъ записку Юліи, онъ уже зналъ, что она въ сущности не имѣетъ никакого значенія. Онъ ясно видѣлъ, что тайна его ни для кого больше не тайна, и съ глубокимъ горемъ долженъ былъ сознаться, что все это „дѣла его собственныхъ рукъ“. Если-бы онъ отнесся спокойно „къ ошибкѣ“ своей жены—князь называлъ уже проступокъ Юліи не „преступленіемъ“, а „ошибкой“—и простилъ-бы ее, то честь его имени была-бы незапятнана. Если-бы онъ не метался, какъ бѣшеный, а пережилъ-бы время борьбы сосредоточенно и спокойно и потомъ простилъ-бы жену,—она навѣрно-бы полюбила его, хотя-бы за его великодушіе, и ужъ на всю жизнь осталась-бы ему вѣрна. Какъ она трогательно просила у него прощенья, какъ безпрекословно повиновалась его рѣшенію, какъ горько плакала, уѣзжая, какъ была блѣдна и разстроена, когда прощалась съ сыномъ!

„Костя, Костя, не выгоняй меня!“ неумолкаемо звучалъ въ ушахъ князя ея отчаянный голосъ.

А онъ все-же ее выгналъ. И развѣ ему отъ этого стало легче? Нѣтъ, и онъ, и она—оба они теперь одинаково несчастны.

Такъ размышлялъ князь подъ бременемъ своего одиночества и своей любви къ Юліи. Онъ не могъ простить себѣ взрыва своего „*татарскаго иньва*“, какъ онъ называлъ свой поступокъ съ Юліей и визитъ къ Лопатинимъ. При воспоминаніи о Юліи онъ плакалъ, а при воспоминаніи о томъ, что обшелся съ ней, какъ *варваръ*, впадалъ въ отчаяніе. Но все-же онъ не могъ рѣшиться простить ей; были вещи, которыя онъ ставилъ даже выше своей любви—семейная гордость и честь имени. Если-бы никто не зналъ о его позорѣ, онъ-бы простилъ Юлію и даже,

можетъ быть, любилъ-бы ее по-прежнему; но между нимъ и ею стоялъ теперь все узнавшій свѣтъ. И свѣтъ, дѣйствительно, ставилъ его въ образецъ: „Какъ любилъ свою жену, говорила общественная молва,—а не втопталъ въ грязь своей чести. Имя князей Горскихъ останется незапятнаннымъ. Il n'y aura pas de bâtards dans cette famille!“

Князь заглушалъ свое горе работой. Онъ сталъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, никогда не смѣялся; лысина его значительно увеличилась, лицо приобрѣло нѣсколько суровое выраженіе. Онъ былъ неутомимый труженникъ и шелъ въ гору.

VII.

Лѣто окончилось и съ нимъ вмѣстѣ окончились счастливые дни Поленьки и Ветлова. Переѣхавъ въ городъ, они видались иногда у Виктора, но все-же эти свиданія были рѣдки и коротки, потому-что всѣ дамы Лопатины почти безотлучно были при бабенкѣ, кончину которой ожидали со дня на день. Цѣлый мѣсяцъ оттягивала старуха этотъ день, но, наконецъ, скончалась. Поленька въ слезахъ склонилась на грудь Ветлова.

— Теперь трауръ, воскликнула она,—и о свадьбѣ нашей нечего и думать раньше года...

— Не бѣда, моя дорогая: передъ нами еще много времени!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ Новгородской губерніи, на берегу рѣки Мсты, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Боровичи, стоитъ усадьба Роготины.

Въ усадьбѣ живетъ мать Юліи, Катерина Платоновна; живетъ она, скучая и злясь на скуку. Богатое супружество дочери осчастливило и отуманило ее только на нѣсколько дней, а тамъ она опять пріѣхала въ свое старое гнѣздо и засѣла въ немъ на время странствованія дочери за-границей. Князь не скупился на деньги и Катерина Платоновна вернулась домой съ хорошо набитыми карманами, но послѣ года шумной и открытой жизни въ

Петербургъ ея старій домъ показался ей мраченъ, какъ могила.

Катерина Платоновна старалась кое-какъ утѣшить себя разъѣздами къ сосѣдямъ и разказами о жизни зятя. но все-же жизнь ея была однообразна и тосклива. День тянулся безконечно долго и подъ вечеръ постоянно думалось: „ничего, Богъ дастъ дотяну какъ-нибудь до осени, а тамъ Юля вернется и выпишетъ меня“. Отъ скуки Катерина Платоновна занималась своимъ хозяйствомъ, но оно ужъ больше не занимало ее. Во-первыхъ, люди не были больше *свои*; во-вторыхъ, прежде, занимаясь хозяйствомъ, она имѣла въ виду накопить какъ можно больше денегъ для приданого Юліи.

Весна и лѣто послѣ свадьбы Юліи еще кое-какъ сопли съ рукъ, но когда наступила дождливая и холодная осень, Катерина Платоновна съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стала ожидать извѣстія о возвращеніи дочери. Ужъ все покрылось снѣгомъ и Рождество было близко, когда Катерина Платоновна дождалась счастливаго дня. Юлія написала матери о своемъ возвращеніи и звала ее навѣстить ихъ и полюбоваться на внука. Въ первую минуту радости Катерина Платоновна даже не замѣтила выраженія: *навѣстить*; она поспѣшно стала собираться и рѣшила ѣхать на другой-же день. Сборы были недолги; когда она ихъ кончила, она опять перечла письмо. Тутъ слово *навѣстить* бросилось ей въ глаза; она задумалась надъ нимъ и стала соображать, что-бы оно могло значить? Было-ли это нежеланіе дочери потревожить ея обыкновенную жизнь, къ которой, Юлія думаетъ, что она привыкла, или это намекъ на то, чтобы она не вздумала загоститься?

Радость Катерины Платоновны все болѣе и болѣе смѣнялась томительнымъ чувствомъ; она даже всплакнула, мысленно обозвала Юлію неблагодарной дочерью и раза два подумала: ѣхать-ли? не дожждаться-ли болѣе радушнаго приглашенія? Ложась спать, Катерина Платоновна положительно рѣшила не ѣхать; но утро вечера мудренѣе, и проснувшись на слѣдующее утро, Катерина Платоновна весьма безцеремонно обозвала себя душой за всѣ свои *пустыя мечтанія*, какъ она назвала свои колебанія и сомнѣнія, и быстро собралась въ дорогу.

Юлія приняла ее очень любезно, но холодно. Первый вечеръ она просидѣла съ матерью, а тамъ не обращала больше на нее никакого вниманія. Юлія выѣзжала съ мужемъ и не просила мать сопро-

ждать ихъ. Это несказанно уязвляло Катерину Платоновну. Раза два князь пригласилъ ее ѣхать съ ними, и отъ глазъ Катерины Платоновны не ускользнуло, что Юлія краснѣла и слегка закусывала губы. Очевидно было, что выѣзды съ матерью ей совсѣмъ не понутру.

Прошло около мѣсяца съ пріѣзда Катерины Платоновны и она чувствовала себя какъ-то неловко въ домѣ дочери. Наконецъ, она случайно услышала отрывокъ разговора дочери съ мужемъ.

— Милая Julie, говорилъ князь, — я все-же нахожу, что ты могла-бы быть немножко поласковѣе съ папаша. Чѣмъ-же она тебѣ мѣшаетъ, что живетъ у насъ?

— Конечно, Костя, худо такъ говорить про мать, но, право, она такая несносная! Ну, посуди самъ, что ей тутъ дѣлать?

— Ей скучно въ деревнѣ и она такая безответная, замѣтилъ князь.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты ее не знаешь! Я насквозь вижу, что она непремѣнно хочетъ жить съ нами, чтобы выѣзжать въ свѣтъ. Какъ это матери не могутъ понять, что онѣ только мѣшаютъ!...

Катерина Платоновна дальше и слушать не хотѣла. Какъ въ чадѣ прибѣжала она въ свою комнату и, рыдая, бросилась на кровать. Она ни слова не сказала дочери, что слышала ея разговоръ, но черезъ нѣсколько дней уѣхала съ горькимъ чувствомъ противъ Юліи. Всѣ надежды Катерины Платоновны на жизнь среди шума и блеска рухнули. Съ дочерью она продолжала обычную переписку и ничѣмъ не выдала, что знаетъ ея чувства къ ней, но забыть или простить ей обиду она не могла.

II.

Въ такомъ настроеніи относительно дочери была Катерина Платоновна, когда въ іюлѣ мѣсяцѣ въ ворота ея дома въѣхалъ тарантасъ, принадлежавшій богатому купцу, жившему на ближайшей станціи.

Катерина Платоновна одна сидѣла на балконѣ за вечернимъ чаемъ. Тарантасъ купца нѣсколько озадачилъ ее.

„Что это ему отъ меня нужно?“ подумала она и не тронулась съ мѣста, дожидаясь доклада.

Довладъ скоро явился въ образѣ княгини Горской. Катерина Платоновна вскрикнула и встала.

— Юля! это ты пріѣхала! какими судьбами? торопливо говорила она, обнимая дочь.

— Здравствуйте, маман, какъ вы поживаете? произнесла тихо Юлія.

— Ну, раздѣнься-же, сними шляпу... Да какая ты блѣдная! что съ тобой? ты нездорова?

— Нѣтъ, я здорова, только немножко устала съ дороги.

Катерина Платоновна налила Юліи чашку чаю и пристально взглянула на нее. Ее поразили унылый видъ Юліи, ея блѣдное лицо, скромный нарядъ и, наконецъ, пріѣздъ въ купеческомъ тарантасѣ.

„Ой, что-нибудь да неладно!“ подумала она.

— Какъ у васъ тутъ мило, замѣтила Юлія, глядя вокругъ.

— Да, садъ у меня чудесный! но, право, Юля, ты больна. Пойди лучше прилягъ, я велю подать тебѣ чай въ постель.

Юлія встала. Катерина Платоновна повела ее наверхъ, въ хорошенькую, просторную комнату. Мать и дочь были въ недовомъ положеніи. Мать подозрѣвала что-то недоброе; дочь старалась ускользнуть отъ разспросовъ.

„Завтра съ утра я все это разъясню, мысленно рѣшила Катерина Платоновна;—нѣтъ, этого я такъ не оставлю! не проведетъ меня моя милая дочка, какъ, небойсь, проводила своего князя!“

На слѣдующее утро Катерина Платоновна проснулась на въ хорошемъ расположеніи духа. Она прямо отправилась къ Юліи и, по привычкѣ, поцѣловала ее.

— Юля, сказала она,—мнѣ сдается, что ты здѣсь не безъ причины. Объясни мнѣ, что значитъ твой пріѣздъ?..

— Какъ, что значитъ мой пріѣздъ?.. Я просто пріѣхала къ вамъ въ гости—вотъ и все.

— Очень тебѣ благодарна за вниманіе, моя милая, отозвалась Катерина Платоновна съ ироніей, видя ясно, что дочь говоритъ ей неправду;—но все-же я-бы желала знать, по какому случаю ты вдругъ обо мнѣ вспомнила?

— Я никогда васъ не забывала, отвѣтила Юлія и легкій румянецъ разлился по ея лицу.

— А-а, вотъ какъ! въ самомъ дѣлѣ? я этого и не подозрѣвала.

Юлія молчала.

— Ужъ не выгнали-ли мужъ? неожиданно спросила мать, пристально смотря на дочь.

Юлія вздрогнула и приподнялась.

— Онъ писалъ вамъ что-нибудь?

— Ага! такъ мужъ твой тебѣ выгналъ! запальчиво воскликнула Катерина Платоновна.— Надѣвай дорожное платье и ступай вонъ изъ моего дома!

— Матап!

— Нечего, матап! Наслушалась я этихъ матап! Пошла вонъ, выгнанная княгиня!..

Юлія, дрожа всѣмъ тѣломъ, вскочила.

— Извольте, я пойду вонъ, сказала она;—вы воображаете, что я не найду себѣ пристанища? Очень ошибаетесь, у меня денегъ довольно! Повторяю вамъ еще разъ: я сама уѣхала.

— Такъ зачѣмъ-же ты явилась ко мнѣ, какъ нищая, одна-одинешенька, въ мѣщанскомъ тарантасѣ?

— А-а, вотъ что васъ обидѣло! что я не пріѣхала къ вамъ шестерней? Извольте, завтра я выпишу изъ Петербурга коляску и лошадей. Будете-ли вы тогда довольны?

— Съ чего-жъ ты поссорилась съ мужемъ? развѣ съ нимъ можно ссориться?

— Это ужъ мое дѣло, сказала Юлія, снова садясь на диванъ;—если-бы вы обошлись со мной по-человѣчески, я все рассказала-бы вамъ, а теперь...

— Сдѣлай милость, не говори, я плакать не стану! отозвалась Катерина Платоновна и вышла, съ сердцемъ хлопнувъ дверью.

Онѣ увидѣлись снова только за обѣдомъ. При людяхъ Катерина Платоновна была ласкова и предупредительна съ дочерью; она тщательно скрывала тѣ чувства, которыя таились въ ея душѣ. Когда послѣ обѣда онѣ вышли на балконъ, Катерина Платоновна должна была услышать новую неприятность.

— Матап, вы спрашивали меня вчера, не больна-ли я,—я не больна... но...

Катерину Платоновну передернуло.

— Часъ отъ часу не легче! произнесла она.— Ну, все равно, я сразу такъ и буду говорить сосѣдямъ, что ты пріѣхала ко мнѣ погостить передъ родами.

— Развѣ у васъ много сосѣдей?

— А ты думаешь, что я себя заживо въ могилу зарыла?.. Вотъ милая-то дочка! Что ты недовольную фигуру дѣлаешь? Не прикажешь-ли для тебя моихъ друзей за дверь вышвырнуть?

Между матерью и дочерью лежала теперь цѣлая пропасть мелочной, пошлой вражды.

III.

Второй день послѣ пріѣзда Юліи въ деревню начался довольно тихо, но къ обѣду случилась большая непріятность, которая подняла между матерью и дочерью новую бурю, несравненно болѣе сильную, чѣмъ наканунѣ. Посланный ѣздилъ въ городъ за провизіей и привезъ съ почты письмо, которое лежало тамъ уже два дня. Когда Катеринѣ Платоновнѣ его подали, она тотчасъ-же узнала почеркъ князя. Князь извѣщалъ ее, что его жена ѣдетъ къ ней; что онъ случайно узналъ о томъ, что Юлія не любитъ его и никогда не любила; что въ ихъ жизни случилось такое обстоятельство, послѣ котораго они не могутъ быть мужемъ и женой. „Не знаю, кончалъ князь, — принимали-ли и вы участіе въ томъ, чтобы словить меня, какъ выгоднаго жениха, и потому не хочу упрекать васъ; но Юлія это сдѣлала и потому насмѣялась надъ моими святѣйшими чувствами. Предоставляю ей самой признаться вамъ въ своихъ проступкахъ“.

Прочитавъ это письмо, Катерина Платоновна, вся красная, побѣжала съ нимъ къ Юліи. Юлія сидѣла, грустно опершись на руку; ей казалось, что она преступница, которую заперли въ тюрьму. Она кляла свою любовь, кляла Александра. Ея мысли были прерваны влетѣвшей Катериной Платоновной.

— Ага! неугодно-ли почитать! воскликнула Катерина Платоновна и передала дочери письмо.

Это былъ послѣдній ударъ для Юліи; голова ея въ изнеможеніи упала на грудь, она не произнесла ни слова.

Начался допросъ, — пошлый, унижительный допросъ со стороны раздраженной матери. Но дочь не могла отвѣчать.

— Что-жь отъ тебя слова не добьешься?.. кричала Катерина Платоновна.—Мать свою опозорила... сѣдины ея замарала!.. Люди и въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, что я тебя продала!..

Катерина Платоновна со злобой зарыдала.

— Змѣя... змѣя! твердила она, рыдая,—и это я для тебя десять лѣтъ ни днемъ, ни ночью покоя не знала!..

Катерина Платоновна высказала дочери все, что такъ долго лежало у нея на душѣ тяжелымъ камнемъ. Она была безжалостна въ своихъ попрекахъ; она попрекала дочь за все, даже за красоту, и кончила тѣмъ, что прокляла день ея рожденья.

— Ты думаешь, я не знаю, какъ ты меня любишь? кричала она.—Нѣтъ, голубушка, я это давно знаю! Я все слышала, какъ ты князю говорила, что мать тебѣ мѣшаетъ, что ее нужно изъ дому вонъ!.. Онъ-же, спасибо ему, защищалъ меня, а ты все его пилила, что меня нужно вонъ, да вонъ! Знаю я теперь, почему меня нужно было вонъ выгнать—при мнѣ нельзя было-бы пашни затѣвать!..

Юлія сидѣла, какъ приговоренная къ смерти. Руки ея опустились, голова поникла,—она даже не хотѣла защищать себя.

— Ты, можетъ быть, воображаешь, снова начала Катерина Платоновна,—что я буду держать твою сторону? Очень ошибаешься. Сегодня-же отвѣчу князю и попрошу его засадить тебя въ монастырь; тамъ и заводи пашни!.. Не умѣла среди людей жить честно, такъ въ келью тебя надо упрятать, да на-хлѣбъ, на-воду посадить... тогда узнаешь, что такое любезники!.. Ну, изволь теперь одѣваться, скоро обѣдать будемъ.

— Я не хочу, занкнулась-было Юлія.

— Не капризничать! Ты придешь къ обѣду, если я велю!

Катерина Платоновна вышла.

Юлія просидѣла нѣсколько минутъ подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ. Мысль о монастырѣ страшила ее.

„А что, какъ она и въ самомъ дѣлѣ это сдѣлаетъ?“ спрашивала она себя. Она содрогалась при мысли о душевой кельѣ, постоянномъ запахѣ ладона и мѣрномъ пѣніи какъ-бы погребальныхъ пѣсенъ.

Сердце ея замерло, когда она подумала, что можетъ пройти два-три года прежде, чѣмъ она снова выйдетъ на божій свѣтъ, а на эти годы ее заживо похоронятъ въ какомъ-нибудь уединен-

номъ домѣ съ высокими стѣнами и черными женщинами. И, можетъ быть, въ эту минуту мать пишетъ князю грозную просьбу! Юлія вскочила, какъ ужаленная, торопливо одѣлась и бросилась въ комнату матери. Катерина Платоновна, дѣйствительно, писала князю.

— Не пишите... не пишите! крикнула Юлія, опускаясь въ изнеможеніи къ ногамъ матери и припадая къ ея рукамъ.

IV.

Въ домѣ Катерины Платоновны поднялась тревога: Юлія опасно заболѣла. Катерина Платоновна послала за двумя докторами, одинъ изъ которыхъ явился немедленно. Катерина Платоновна при людяхъ продолжала оказывать много заботъ своей дочери. Впрочемъ, опасная болѣзнь Юліи вѣсколько смягчила ее; даже наединѣ она больше не грызла дочь и только изрѣдка называла ее „выгнанной княгиней“.

Болѣзнь Юліи была очень серьезна, вѣсколько дней даже боялись за ея жизнь. Она лежала въ страшныхъ мукахъ, щеки ея горѣли, губы запеклись, по временамъ изъ груди вырывались глухіе вопли. Но молодость взяла свое и превозмогла недугъ. Когда въ первый разъ она могла дать себѣ отчетъ въ томъ, что ей пришлось вытерпѣть, она улыбнулась на свои страданія. „Слава Богу, подумала она,—у меня не будетъ *этого* ребенка!“

Осень ужъ приближалась, когда Юлія поправилась на-столько, что могла ходить безъ чужой помощи и даже дѣлать небольшія прогулки. Время не улучшило ея положенія въ домѣ матери; съ возвращеніемъ здоровья возвратились и горькіе попреки. Между прочимъ, Катерина Платоновна постоянно пилила ее за то, что она не хочетъ никому показываться, и что это, наконецъ, можетъ навлечь подозрѣнія. Она настаивала, чтобы Юлія наряжалась и выходила къ ея гостямъ, а Юлія старалась держаться въ сторонѣ, что подавало поводъ къ нескончаемымъ столкновеніямъ.

Въ одну изъ своихъ одинокихъ прогулокъ измученная Юлія, къ большому своему горю, рѣшила, что другого исхода рѣшительно нѣтъ, что она должна или выпросить у князя позволеніе вѣхать

за-границу, или смириться передъ судьбой и безропотно обречь себя на безконечныя нападки матери. Конечно, Юлія могла-бы просто уѣхать отъ матери, не спрашивая на это разрѣшенія князя, но она боялась, что тогда князь нескоро примирится съ нею. Своей покорностью она хотѣла тронуть его сердце и доказать ему свое раскаяніе. Письмо было написано. Юлія писала мужу все откровенно, сообщила ему о своей тяжелой болѣзни, о своемъ разрушенномъ здоровьѣ, о злобѣ Катерины Платоновны и просила его отпустить ее за-границу. Она приложила къ письму свои бумаги, надѣясь, что вмѣсто нихъ онъ возьметъ ей заграничный паспортъ.

Прошло пять дней, не принося Юліи никакой перемѣны; наконецъ, Катерина Платоновна получила еще письмо отъ князя. Юлія была тутъ-же. Катерина Платоновна выслала горничную и открыла конвертъ.

— Тебѣ, сказала она,—читай громко.

— Но, маменька...

— Читай громко, слышишь!..

— Я не хочу! воскликнула Юлія.—Что это за мученье! Даже письма я не могу получить безъ вашего вмѣшательства!.. Сегодня-же уѣду...

— Куда ты уѣдешь? скажите, пожалуйста! тоже ѣхать собирается!.. Читай!

Юлія развернула письмо и задрожала отъ радости — оно все состояло изъ пяти строкъ. Князь Горскій писалъ, что разрѣшаетъ княгинѣ ѣхать за-границу для поправленія здоровья. Паспортъ будетъ ей взятъ и деньги приготовлены на цѣлый годъ. Она можетъ остановиться въ его домѣ на Сергіевской, гдѣ будутъ сдѣланы всѣ нужныя распоряженія.

— Дай-ка письмо, сказала Катерина Платоновна,—такъ-ли ты прочитала?

— Вы думаете, что я все выдумала? съ гнѣвомъ воскликнула Юлія, вставая.

Судьба надъ ней сжалилась: она была опять свободна; сердце ея радовалось и прыгало отъ счастья. Она уѣдетъ изъ этой мрачной ямы, гдѣ ни одинъ теплый лучъ не согрѣлъ ее.

— Что-жъ, маменька, дадите вы мнѣ вашу коляску или я

опять должна нанять какой-нибудь *мъщанскій тарантъ*? спросила Юлія уже съ надменностью.

— Когда-же ваше сіятельство прикажетъ закладывать лошадей?

— Сейчасъ.

— Кажется, приличіе было-бы завтра; но крайней мѣрѣ, хотъ людей-то предупредить, что вы ѣдете.

— Что мнѣ ваши приличія! Дайте мнѣ сейчасъ-же коляску или я уѣду на первой попавшейся телѣгѣ!

— Юлія!

— Ну-да, уѣду и только! запальчиво воскликнула Юлія.— Благодарю за ласку, за хлѣбъ-соль, за всѣ попеченія...

Она отвѣсила матери иронической поклонъ.

— Только надѣюсь, что жить намъ вмѣстѣ ужъ больше не придется...

Вечеромъ Юлія уже ѣхала съ матерью къ желѣзной дорогѣ. Катерина Платоновна объяснила ей внезапный отъѣздъ тѣмъ, что мужъ требуетъ ее немедленно назадъ по важнымъ дѣламъ. Объ женщины вздохнули свободно только тогда, когда для приличія въ послѣдній разъ поцѣловались и разошлись въ разныя стороны.

V.

Пріѣхавъ въ домъ князя на Сергіевской—самъ онъ жилъ въ другомъ домѣ, на Морской,—Юлія нашла все такъ, какъ общалъ ей князь. Его самого она не видѣла въ первые два дня, но она никакъ не хотѣла уѣхать, не показавъ ему своего исхудалаго, страдальческаго личика, которое стало еще нѣжнѣе и привлекательнѣе съ своимъ новымъ выраженіемъ покорности. Она написала князю двѣ умоляющія записки, въ которыхъ говорила, что не желаетъ уѣхать, не простясь съ нимъ. Князь не устоялъ. За часъ до ея отъѣзда онъ явился позвать ей руку. Онъ напустилъ на себя самую ледяную личину, но когда увидѣлъ Юлію, слабо вскрикнулъ и судорожно прижалъ ее къ груди.

— Ты-ли это, Юлія? прошепталъ онъ съвозъ слезы.

— Я очень страдала... я и теперь хвораю, отвѣтила она и тоже заплакала.

Такъ простояли они долго, обнявшись, она — склонясь на его плечо, онъ — нѣжно положивъ руку на ея голову. Князь пріѣхалъ на минуту и остался съ Юліей до ея отъѣзда. Она рассказала ему обо всемъ, что пережила у матери. Князь, хотя и напустилъ на себя опять холодность, но все-же не прерывалъ ея разсказа. Когда пробилъ часъ разлуки, онъ не могъ удержаться и поѣхалъ проводить ее на желѣзную дорогу. Онъ усадилъ ее и дѣвушку въ вагонъ и на прощанье даже сказалъ ей:

— Пиши мнѣ о твоємъ здоровьѣ.

Поѣздъ свистнулъ и тронулся. Юлія долго махала мужу платкомъ.

„Вѣдь вотъ какъ дружески расстались, думалъ князь, — кто-бы подумалъ, что между нами нѣтъ больше ничего общаго!.. Ой, полно, правда-ли это?.. Какъ она просила привести ей сына!.. если-бы онъ не былъ нездоровъ — я-бы не устоялъ... Ну, что дѣлать!..“

Юлія исчезла изъ виду, князь поѣхалъ хлопотать по дѣламъ. А на душѣ у него все-таки стало легче — Юлія страдала, Юлія выказывала явное, глубокое раскаяніе, Юлія была нѣжна и ласкова, Юлія такъ любовно смотрѣла на него и говорила такіа задушевныя вещи, какихъ ему никогда еще не говорила; Юлія надѣялась, что со временемъ онъ проститъ ее...

— Ахъ, Боже мой!.. проститъ Юлію!.. да я ужъ давнымъ-давно простилъ ее!.. Если-бы не вся эта кутерьма... Самъ заварилъ, самъ и терпи!

Внутренно князь сталъ спокойнѣе и счастливѣе послѣ свиданія съ женой; надежда на будущее возможное счастье опять воскресла въ немъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Едва только Мама переѣхала въ свою бѣдную квартиру, какъ кормилица сдѣлала ей самую бурную сцену и не хотѣла ни минуты оставаться въ этой *трущобѣ*, какъ она назвала новое жилище, такъ что Мама должна была расчитать ее. Что теперь

дѣлать? Денегъ осталось всего какихъ-нибудь 250 рублей. Не-чего было и думать о наймѣ другой кормилицы.

А ребенокъ кричитъ и проситъ ѣсть.

Маша взяла его на руки и пошла купить ему молока. Возвратясь домой, она стала стряпать ему новую пищу. Но онъ не хотѣлъ ее брать, искалъ рученками грудь и неутѣшно заливался слезами. Весь-день онъ ничего не ѣлъ и ни на минуту не утихалъ. Вечеромъ, когда Дарья Осиповна пришла съ квартиры, она нашла дочь и внука въ слезахъ.

— Былъ? спросила Маша.

Дарья Осиповна покачала головой.

Маша рассказала ей о своемъ новомъ горѣ. Дарья Осиповна кое-какъ успокоила ребенка и онъ рѣшился-таки немного пососать. Измученный крикомъ, онъ заснулъ-было, но скоро проснулся и опять сталъ отчаянно плакать. Кто-то неистово посту-чалъ въ потолокъ.

— Вѣрно, какому-нибудь бѣднягѣ нашъ несчастный ребенокъ не даетъ уснуть, замѣтила Дарья Осиповна.

Дня черезъ три ребенокъ привыкъ къ своему новому поло-женію, сталъ ѣсть предлагаемую ему пищу и утихъ. Въ тотъ-же день Дарья Осиповна принесла Машѣ письмо отъ Александра. Маша читала его и перечитывала, колебалась и плакала, но все же чувствовала, что въ сердцѣ ея нѣтъ больше *стыра* въ любимаго человѣка. Она написала ему свой рѣшительный отвѣтъ. Она много страдала, но до сихъ поръ страдала только отъ потеряннаго счастья; униженія она еще не знала. Но такъ востор-женно любимый человѣкъ заставилъ ее испить горькую чашу до дна и довелъ ее до страшнаго униженія, до сознанія, *кого* она любила и *кому* отдавалась. Когда пришелъ пакетъ съ деньгами и съ запиской на имя Дарьи Осиповны, Маша прочла записку и простояла нѣсколько минутъ въ оцѣпененіи, потомъ снова прочла записку.

— Машенька, какой отвѣтъ? вѣдь лакей дожидается.

Маша могла написать только двѣ строчки и опять на нее нашло оцѣпененіе.

„Что это?...“

„я честнѣй ч...“
ихъ было

вая.... онъ мнѣ все лгалъ.... лгалъ больше года!... Послѣ того письма—вдругъ эта записка!.. за всю мою любовь даетъ мнѣ деньги!“

— Мама! закричала она въ отчаяніи,—онъ никогда не любилъ меня! онъ хладнокровно купилъ меня! А я — ему продалась!... зачѣмъ я вѣрила ему, о, Боже мой! зачѣмъ, зачѣмъ?...

Маша стиснула голову руками и прижала похолодѣвшій лобъ свой къ столу. Дарья Осиповна не утѣшала ее, она тоже была безутѣшна, но опытъ жизни пріучилъ ее къ страданію и она могла все сносить безмолвно и безропотно.

Въ груди Маши закипѣла ненависть къ Александру. Въ ея головѣ мелькала мысль, что въ то время, какъ она плачетъ, онъ, быть можетъ, уже торгуетъ другую, такую-же несчастную, какъ она. Она сорвала со стѣны его портретъ, разбила въ дребезги стекло и стала рвать его на кусочки.

Дарья Осиповна прибѣжала на шумъ.

— Маша, что это ты дѣлаешь?

— Сама пускай умру, пусть ребенокъ мой умретъ, и ты тоже, но не возьму у него ни одной копейки!... у проклятаго, проклятаго!... повторяла Маша, разрывая все мальче и мальче куски портрета.

Но чѣмъ больше ненавидѣла она Александра,—а она ненавидѣла его съ каждымъ днемъ все разумнѣе, сознательнѣе и холоднѣе,—тѣмъ страстнѣе привязывалась къ сыну.

II.

Маша больше не плакала, она сдѣлалась холодна ко всему и спокойна. Средства ихъ истощались и она стала искать работы. Она пошла къ нѣкоторымъ дамамъ изъ своихъ прежнихъ заказчицъ, но однѣ были на дачахъ, другія обзавелись своими постоянными портнихами. Двѣ-три взяли ея адресъ и обѣщали послать за ней, если понадобится. Время шло, а никто не посылалъ. Со всѣми бывшими знакомыми своими мать и дочь ужъ больше года какъ порвали всякія отношенія и теперь имъ было неловко ходить просить работы. Кромѣ того, лѣтомъ работа всегда идетъ плохо. Маша стала шить, что попадется; брала

работу за баснословно-дешевую цѣну у такихъ-же бѣдныхъ, какъ она была сама. Улучшенія въ ихъ положеніи не было никакого. Впереди представлялась все та-же работа не разгибая спины и нѣсколько грошей вознагражденія. Но Маша вся была поглощена заботами о ребенкѣ; она жила его жизнью.

Такъ прошло все лѣто. Незамѣтно подошелъ сентябрь; начались дождливые, холодные дни. Квартира оказалась сырая. Маша разрѣзала свои шерстяныя платья на одежду сыну, чтобы онъ не ощущалъ того чувства пронизывающей сырости, какое цѣлый день ощущала она сама. Но ребенокъ все-же часто былъ невеселъ и капризничалъ. Маша еще разъ обошла всѣхъ, кого только могла, прося работы. Черезъ нѣсколько дней за ней прислали; въ первый разъ она возвратилась домой съ доходной работой. Весело вбѣжала она наверхъ и постучала въ дверь; Дарья Осиповна отворила ей съ печальнымъ лицомъ.

— Саша опять все время кашлялъ, сказала она.

Ребенку стали давать разныя домашнія средства, но они не помогали. День и ночь раздавался его дѣтскій, нетерпѣливый кашель, потомъ плачь, потомъ опять кашель.

Маша кончила заказъ и получила деньги.

— Пойди за докторомъ, мама, сказала она, — теперь можно ему заплатить и купить лекарства.

Докторъ пришелъ, постучалъ, послушалъ, не нашелъ ничего важнаго и прописалъ какое-то лекарство.

— Ванну-бы ему нужно сдѣлать потеплѣе — (докторъ осмотрѣлъ комнату), — да здѣсь сыровато — пожалуй, хуже простудите... Нѣтъ, ужъ лучше не дѣлайте, такъ пройдетъ.

Но и лекарство доктора не помогло. Прошло еще нѣсколько дней; ребенку дѣлалось все хуже; дыханье его было тяжело, крикъ глухъ.

— Мама, вѣдь онъ умретъ! однажды ночью воскликнула Маша.

— Что ты, Богъ милостивъ! Утромъ опять за докторомъ схожу.

Съ этой ночи Маша не имѣла больше покоя. Работать она не могла; каждую минуту ей казалось, что сынъ ея умираетъ. Позвали другого доктора; онъ покачалъ головой.

— Экъ запустили болѣзнь!.. Что-же вы раньше за мной не пришли?

— Мы звали доктора, да онъ сказалъ, что ничего нѣтъ опаснаго—легкая простуда, отвѣтила Дарья Осиповна.

— Легкая простуда!— у него страшнѣйшая жаба. Что вы ко мнѣ сразу не пришли?

„А откуда-жъ мнѣ знать кто изъ васъ, разбойниковъ, что-нибудь смыслить?“ подумала Дарья Осиповна, но ничего не отвѣтила.

Ребенку дѣлалось все хуже и хуже; Маша не работала; послѣднія деньги ушли на лекарство.

— Поди, Маша, продай все, что можно! Продай мое кресло, століежъ, что тамъ еще есть... нужно спасти его, спасти...

Все, что было получше изъ мебели и платья, скоро распозллось по разнымъ этажамъ большого дома, и въ карманѣ Дарьи Осиповны оказалось нѣсколько рублей. Ребенку становилось все хуже. Дни шли и каждая минута этихъ дней была агоніей трехъ существъ.

„Вотъ только два рубля осталось... вотъ только полтора, вотъ только рубль, говорила себѣ старуха и по всему тѣлу ея пробѣгали мурашки. — О, Боже мой, Боже мой! еще два дня, день—и нужно будетъ пойти протянуть *передъ нимъ* руку!..“

Время тянулось медленно, копейки уходили; наконецъ, настала роковая минута.

— Все вышло? спросила Маша.

— Все, отвѣтила Дарья Осиповна.

Маша глупо смотрѣла на судорожно содрogaющагося ребенка. Дарья Осиповна бросилась передъ ней на колѣни.

— Маша... пойдн, не губи его... не губи!..

Въ страшномъ отчаяніи рванулась Маша къ двери, но вернулась и стала искать платокъ. Пять разъ, по крайней мѣрѣ, дотрогивалась она до него и все-же его не видѣла. Наконецъ, онъ какъ-то случайно мелькнулъ у нея въ глазахъ, она схватила его и накинула на голову. Дойдя до передней, она прижалась къ двери.

„Нѣтъ, не могу оставить умереть моего сына!“

Маша схватилась за ручку—любовь къ сыну взяла верхъ надъ всѣми чувствами; нечеловѣческое усилие было сдѣлано, — еще минута—и она была-бы на дорогѣ къ Александру.

Но было поздно. Дарья Осиповна выскочила къ ней съ воплемъ:

— Не ходи—онъ умеръ!..

— Умеръ... умеръ... бессмысленно повторила за ней нѣсколько разъ Маша.

Не могло быть никакого сомнѣнія—ребенокъ умеръ. Еще два дня—и его даже жертваго не будетъ больше съ ней... заруютъ его въ землю и поставятъ надъ нимъ темный крестъ...

— На что-же мы купимъ ему гробикъ? на слѣдующій день спрашивала Маша, ни на минуту не отходя отъ его изголовья.

— Упрошу кого-нибудь одолжить намъ или колыбельку продадимъ.

Единственное воспоминаніе—колыбельку, которую Маша послѣ долгой борьбы рѣшилась взять съ собой для сына, и ту нужно теперь продать, и продать за гробикъ!

— Ну, продавай!—махнула она рукой.

Дарья Осиповна ушла и вернулась съ гробовщикомъ. Нарядная кроватка поправилась ему самому и онъ рѣшился дать за нее крашеный гробикъ съ отдѣлкой. Онъ былъ добрый человекъ и далъ имъ еще два рубля на погребеніе.

— Потомъ отдадите, коли деньги будутъ, сказалъ онъ, — а нѣтъ—такъ⁸ Богъ съ вами! Ужь очень мнѣ васъ жаль!..

Наталья Агѣева.

(Продолженіе будетъ.)

ЖИЗНЬ ГОРОДОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ:

(Hygiène et assainissement des villes, par F. B. Fonssagrives, Paris, 1874.)

I.

Чистъ и здоровъ деревенскій воздухъ, проста жизнь въ деревнѣ, несложны въ ней человѣческія отношенія, независимѣе и самостоятельнѣе чувствуетъ себя здѣсь человѣкъ, и между тѣмъ онъ все-таки рвется и стремится въ города, въ эти тѣсные кварталы, въ эти узкіе лабиринты улицъ, въ эти переполненные людьми дома, въ эти подземные подвалы, на эти подоблачные чердаки, въ эти омуты шума, безсмѣнной гоньбы за грошами, въ эти омуты, гдѣ десятерыхъ ждетъ успѣхъ, а сотнямъ готовится гибель и открывается преждевременная могила. Что-же его гонитъ въ эти города? Неужели одна нужда, одна погоня за наживой? Можетъ быть, это и такъ, когда дѣло идетъ о тѣхъ массахъ, которыя проходятъ тысячи верстъ, которыя бросаютъ родной край для заработковъ и тащутся въ города съ тощей лошадежкой, чтобы промышлять извозомъ, съ пилой и топоромъ за спиною, чтобы плотничать, съ паяльникомъ, молоткомъ и клещами въ мѣшкѣ, чтобы лудить и паять мѣдную посуду, съ масломъ, яйцами, зеленью и глиняною посудю, чтобы продать всѣ эти деревенскія произведенія на городскомъ рынкѣ. Но эти люди готовы идти не только въ города, но и въ Америку, и въ Азію, куда угодно, только-бы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Они и въ городѣ, и въ деревнѣ живутъ одинаково неудобно, одинаково бѣдно, одинаково несамостоятельно. Про нихъ можно, пожалуй, сказать, что не будь нищеты въ ихъ деревенской глуши, и они не про-

мѣняли-бы эту глушь на городской шумъ, на городскія тревоги. Но не все-же бѣдняки стремятся въ города. Разбогатѣвшій мужикъ стремится отправить своего сына въ ученье въ городъ, стремится пристроить его у городского торговца, стремится купить ему лавочку въ городѣ, и чѣмъ образованнѣе становится этотъ сынъ, чѣмъ шире идутъ его торговые обороты, тѣмъ менѣе является у него желанія вернуться подъ родной кровъ далекаго захолустья. Вы скажете, что и тутъ главную роль играетъ стремление къ наживѣ. Но развѣ вы не видите вокругъ себя сотни людей, далеко не принадлежащихъ къ людямъ наживы, имѣющихъ достаточно средствъ для безбѣдной и мирной деревенской жизни, сознающихъ всѣ неизбѣжныя дурныя стороны городской жизни и все-таки не переселяющихся въ деревню, гдѣ ихъ жизнь шла-бы такъ тихо и ясно, гдѣ они были-бы первыми, гдѣ имъ не мозолили-бы глазъ наглость ихъ исподлившагося друга дѣтства, мотовство ихъ разбогатѣвшаго на концессіяхъ товарища по школѣ, интриги и ковы подставившаго имъ на службѣ ногу пріятеля-сослуживца? Загляните въ душу этихъ людей, прислушайтесь чуткимъ ухомъ къ ихъ искреннимъ разговорамъ—и вы услышите, какъ они порою клянутъ эту безпутную, живую и полную вражды городскую жизнь, какъ часто они мечтаютъ о деревенской тишинѣ, какъ ярко рисуютъ себѣ картину „собственного“ домика съ садомъ и огородомъ среди лѣсовъ и полей; въ этомъ домѣ они живутъ, въ мечтахъ, среди любимой семьи, встаютъ съ зарей, работаютъ днемъ, отдыхаютъ вечеромъ у родного очага, не знаютъ ни ссоръ, ни дразгъ, ни зависти. Свѣтлы эти мечты и, насладившись ими, эти люди въ концѣ концовъ остаются навсегда въ городѣ. Признайтесь, и вы увлекались ипогда этими мечтами? Но что-же удерживало васъ въ городѣ, что удерживаетъ въ немъ этихъ людей?

Какую массу самыхъ разнообразныхъ отвѣтовъ можетъ вызвать этотъ вопросъ! „Я не могу жить въ деревнѣ: мнѣ нужно имѣть подъ рукою публичную бібліотеку“, замѣчаетъ ученый. „Никогда-бы я не жилъ въ вашемъ петербургскомъ болотѣ, если-бы мнѣ не было предписано леченье электричествомъ“, слышится мнѣ голосъ моего больного пріятеля, недавно переселившагося въ Петербургъ. „Да, кто что ни говори, а безъ театровъ пришлось-бы плохо; одинъ Бергъ и Буффъ чего стоятъ“, замѣчаетъ петербург-

скій фланеръ. „Да развѣ я могу жить въ деревнѣ?“ замѣчаетъ великосвѣтская вѣкота. „Нѣтъ, братъ, намъ не по средствамъ жить въ деревнѣ, смѣется развеселый гастрономъ съ неособенно толстымъ карманомъ,—туда по бутылочкѣ не станешь выписывать Кло-Вужо отъ Рауля“. И сколько сотенъ такихъ отвѣтовъ слышалось-бы на вопросъ о томъ, что держать эти массы въ городахъ, и какъ-бы ни были порой смѣшны и оригинальны эти отвѣты, но все-таки у нихъ есть свой *raison d'être*, свое основаніе, и всѣ-то они сводятся къ одному отвѣту: удерживаетъ насъ въ городѣ тотъ строй жизни, который созданъ современной цивилизаціей и современнымъ прогрессомъ. Деревенская жизнь проста, спокойна, несложна, но она кажется человѣку узкою, однообразною, она не удовлетворяетъ всѣхъ его страстей, всѣхъ его стремленій, всѣхъ его желаній, она давитъ и душитъ его и въ концѣ концовъ превращаетъ въ сонное и апатичное существо, работающее, чтобы ѣсть и спать, насыщающееся и спящее, чтобы работать. Все это особенно чувствуется въ западной Европѣ, гдѣ разобщеніе деревень и городовъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ. Наша жизнь въ этомъ отношеніи шла гораздо правильнѣе и между нашими деревнями и городами нѣтъ той непроходимой пропасти, которая создалась втеченіи тысячи лѣтъ въ западной Европѣ.

Но стремясь изъ деревень въ города, мы прежде всего должны помнить, что человѣку ничто не дается даромъ. За весь этотъ строй жизни, созданный современной цивилизаціей и прогрессомъ, влекущій насъ въ города, мы должны платить, и платить дорогою цѣною. Городъ представляетъ намъ массу удобствъ, массу наслажденій, массу средствъ къ развитію ума, но для того, чтобы все это могло существовать, нужна усиленная работа безчисленныхъ деревень и нужны извѣстныя жертвы съ вашей стороны, извѣстныя уступки, за которыя даются извѣстныя блага. Это законъ природы, который нельзя измѣнить и вслѣдствіе котораго массы людей связываются тѣснѣе, оказывая другъ другу взаимныя услуги, принося обоюдныя жертвы. Я знаю, что я не могу существовать безъ земледѣльца, но я знаю тоже, что и земледѣлецъ существовалъ-бы плохо, не имѣя рынка для сбыта своихъ произведеній и не зная приспособленій, которыя даютъ возможность извлекать изъ земли болѣе плодовъ и которыя вырабатываются людьми науки. Задумывались-ли вы когда-нибудь, сколько ружь должно работать для того,

чтобы на вашемъ столѣ появлялись эти овощи, эта говядина, этотъ хлѣбъ, безъ которыхъ вы не можете обойтись и которыхъ вы не можете производить, живя гдѣ-нибудь въ центрѣ города? Задумывались-ли вы надъ тѣмъ, сколькоими годами раньше бы умрете, сколькоими шансами у васъ менѣе для женитьбы, сколькоими шансами у васъ больше для нравственной гибели и для заболѣваній въ то время, когда вы радовались, что городъ вамъ даетъ такую массу удобствъ и наслажденій? Если вы даже и задумывались надъ этимъ, то поняли-ли вы, что и эти руки въ глубинѣ далекихъ деревень работаютъ для васъ не даромъ, что вы имѣете возможность вознаградить и вознаграждаете ихъ чѣмъ-то такимъ, чего недостаетъ у нихъ, и что, принося извѣстную долю жертвъ съ своей стороны, вы остаетесь все-таки въ барышѣ? Всѣ эти вопросы далеко не праздны, далеко не безынтересны для мыслящаго человѣка. Для него мало того, что онъ знаетъ, „что онъ можетъ такъ жить, какъ онъ живетъ“; онъ долженъ знать и то, „чѣмъ куплена возможность такъ жить“. Было время, когда эти вопросы вовсе не занимали людей, и тогда существовали два яркія явленія, которыя хотя и не уничтожились въ настоящее время, но противъ которыхъ именно теперь начинается борьба западная Европа, выработавшая ихъ и чувствующая теперь ихъ невыгоду. Эти два явленія: враждебное отношеніе между городами и деревнями, непонимавшими, что ихъ интересы тѣмъ связаны вмѣстѣ, и невниманіе къ гигиенѣ городовъ городского населенія, несознававшего, что при этомъ невниманіи ему слишкомъ дорого приходится платиться за удобства, связанные съ городской жизнью. Эти два явленія общественной жизни народовъ принесли много вреда человѣчеству. Они, какъ я сказалъ, далеко еще не уничтожены; они только сознаются теперь мыслящимъ меньшинствомъ западной Европы. Чтобы ихъ не было, чтобы они ступали хотя отчасти, нужно знакомить массу съ тѣми вопросами, которыхъ я думаю коснуться въ этой статьѣ,—вопросами о связи городовъ и деревень и о невыгодныхъ сторонахъ городской жизни, создаваемыхъ невѣжествомъ, недомыслиемъ и небрежностью людей. Намъ это тѣмъ легче слѣлать, что мы только начинаемъ жить въ этомъ смыслѣ и можемъ избѣгнуть въ будущемъ ошибокъ, дурно отозвавшихся на другихъ.

II.

Деревни главнымъ образомъ приготовляютъ для городовъ все то, что идетъ въ пищу, на одежду, на постройки. Города могутъ отплачивать имъ распространеніемъ просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ заключается главный обмѣнъ услугъ между городскими и деревенскими жителями. Чтобы оцѣнить услуги деревень, достаточно взглянуть на количество доставляемой ими въ города пищи; чтобы оцѣнить услуги, оказываемыя городами деревнямъ, достаточно указать на распространеніе первоначальныхъ школъ въ деревняхъ, такъ-какъ эти школы являются ступеню, черезъ которую долженъ перешагнуть человѣкъ, желая достигнуть развитія.

Сколько потребляютъ люди хлѣба? На каждого человѣка въ годъ среднимъ числомъ выходитъ почти 200 килограммовъ. Въ однихъ государствахъ потребление ямляется выше этой средней нормы, въ другихъ ниже. Такъ имѣющіяся у насъ подъ рукою цифры говорятъ, что каждымъ человѣкомъ потреблялось въ годъ:

въ Великобританіи	250	килогр.
„ Франціи	243	„
„ Баваріи	237	„
„ Баденъ.	233	„
„ Испаніи	216	„
„ Россіи	210	„
„ Саксоніи	210	„
„ Бельгіи	195	„
„ Австріи	185	„
„ Даніи	180	„
„ Пруссіи	153	„
„ Виртембергъ	143	„
„ Норвегіи	115	„

Вездѣ, гдѣ является слишкомъ ограниченное потребление хлѣба, является болѣе значительное потребление картофеля, какъ, на примѣръ, въ Пруссіи, Виртембергѣ, Норвегіи. Но эти среднія цифры не поражаютъ человѣка, и для того, чтобы понять все количество потребляемаго городскими жителями хлѣба, нужно взять общую цифру потребленія въ какомъ-нибудь городѣ. Такъ

Парижъ потреблялъ въ 1859 году 161,751,231 килограммъ хлѣба перваго сорта, 2,005,918 килограммовъ хлѣба втораго сорта; кромѣ того, въ 1868 году потреблялось еще 1,591,940 килограммовъ такъ-называемаго „муниципальнаго“ хлѣба. Все потребленіе хлѣба въ Парижѣ въ 1868 году доходило до 276,681,939 килограммовъ 150 граммовъ.

Рядомъ съ хлѣбомъ идетъ поставка мяса—предмета, который по-преимуществу потребляется въ городахъ. Среднимъ числомъ каждый человѣкъ истребляетъ 22,7 килограммовъ мяса, но нигдѣ нѣтъ такихъ большихъ уклоненій отъ средней цифры, какъ въ количествѣ потребляемаго въ разныхъ странахъ мяса. По словамъ Гауснера, Англія потребляетъ 93 килограмма на человѣка, тогда-какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи это потребленіе не превышаетъ 11 килограммовъ. Цифры потребленія мяса представляють самую разнообразную лѣстницу:

Въ Англіи.	93	килограмма.
„ Бельгіи.	42	„
„ Нидерландахъ.	36	„
„ Баваріи.	34	„
„ Швейцаріи	30	„
„ Ваденъ.	25	„
„ Даніи	22	„
„ Франціи	20,1	„
„ Норвегіи	19,2	„
„ Пруссіи	19	„
„ Австріи	15,5	„
„ Россіи	11	„
„ Испаніи	10,9	„

Но какъ-бы ни были разнообразны эти цифры, ихъ различіе все-таки ничтожно передъ различіемъ потребленія мяса въ деревняхъ и въ городахъ. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи средняя цифра потребленія 10,9 килограммовъ на человѣка, а въ Бордовѣ приходится 36 килограммовъ на человѣка; въ Швейцаріи средняя цифра потребленія не превышаетъ 30 килограммовъ на человѣка, а въ Женевѣ эта цифра поднимается до 105 килограммовъ; во Франціи средняя цифра 20,1 килограммовъ, а въ Парижѣ—66 килограммовъ; въ деревняхъ Испаніи 8,04 килограммовъ, а въ ея городахъ 23,03. При такомъ сильноиъ по-

требленіи мяса въ городахъ общія цифры потребленія выходятъ изумительно велики. Въ 1868 году въ Парижѣ было истреблено 289,654 быка и коровы, 179,276 телятъ, 193,166 свиней и 1,514.285 барановъ. Однихъ телятъ въ 1867 году Лондону понадобилось 40,000, Берлину—81,000, и Вѣнѣ, очень любящей телятину, 135,000 штукъ. И потребленіе мяса все растетъ въ большихъ городахъ. Такъ, Парижъ съ 1818 по 1824 годъ, при 714,800 жителей, потреблялъ мяса всѣхъ сортовъ 48,445,000 килограммовъ; въ 1851 году, при 1,053,000 жителей, онъ потреблялъ 72,689,000 килограммовъ, то-есть среднее потребленіе на человѣка было съ 1818 по 1824 годъ — 67,8, въ 1851 году—69, а въ 1867 году—79,8 килограммовъ. Вообще-же во всѣхъ городахъ Франціи повышеніе потребленія мяса было слѣдующее:

Въ 1820 . . .	48,79	килограм.
„ 1844 . . .	50,12	„
„ 1849 . . .	51,04	„
„ 1854 . . .	53,43	„
„ 1867 . . .	57,49	„

Рядомъ съ хлѣбомъ и мясомъ идутъ главнымъ образомъ изъ деревень масло, яйца, сыръ, овощи, дичь и т. д. Въ одинъ Парижъ было доставлено въ 1868 году 11,268,132 килограмма масла, 228,997,515 яицъ, 12,506,744 штуки дичи и т. д. И какая масса еще другихъ произведеній—лѣса, дровъ, шерсти, льна—идетъ изъ деревень въ города, и повсюду замѣчается одно и то-же явленіе: города потребляютъ всего среднимъ числомъ болѣе, чѣмъ деревни.

Такимъ образомъ, западноевропейскія деревни даютъ городамъ возможность удобно жить, даютъ очень часто въ ущербъ своимъ собственнымъ потребностямъ, отрывая отъ себя самое необходимое. Вѣдь нельзя-же сказать, чтобы испанскія деревни, потребляя только 8,04 килограммовъ мяса на человѣка и давая возможность городамъ потреблять 23,03 килограмма на человѣка, не отрывали отъ себя куска необходимой пищи. Дѣлать это заставляетъ ихъ, конечно, нужда, необходимость добыть лишній грошъ на свои другія нужды. За эти пожертвованія деревень города, какъ я сказалъ, могутъ оплачивать деревнямъ распространеніемъ просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова, то-есть учить деревни лучшей обработкѣ

земли, лучшимъ способамъ сбыта ихъ произведеній, улучшать пути сообщенія, вносить болѣе удобствъ въ деревенскую жизнь, давать большее число докторовъ деревнямъ и т. д. Но, какъ я сказалъ, все это начали понимать западноевропейскіе города только въ послѣднее время и потому это сознаніе еще далеко не успѣло перейти въ дѣло. Различіе между городами и деревнями слишкомъ велико.

Довольно взглянуть на затраты, которыя дѣлаются, напримѣръ, во Франціи на первоначальныя, т. е. по-преимуществу деревенскія школы, и на коллегіи и лицей, т. е. по-преимуществу на городскія учебныя заведенія, и вы поймете, какъ плохо обставлено даже первоначальное образованіе въ деревняхъ. Во Франціи насчитывалось въ 1861 году 10,900,000 городскихъ жителей и 26,269,000 сельскихъ жителей, т.-е. послѣднихъ было въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ первыхъ. На среднія учебныя заведенія, т. е. на школы преимущественно для городского населенія, затрачивалось всего государствомъ, департаментами, общинами и родителями 64,464,572 франка, тогда-какъ, по самымъ преувеличеннымъ расчетамъ, на первоначальныя школы затрачивалось 61,500,000 франковъ. Такимъ образомъ, для населенія въ двадцать шесть милліоновъ затраты на школы были менѣе, чѣмъ для населенія въ десять милліоновъ. Но мнѣ могутъ совершенно справедливо замѣтить, что среднія учебныя заведенія обходятся гораздо дороже, чѣмъ первоначальныя школы. Согласенъ. Но вѣдь нужно замѣтить, что разница здѣсь слишкомъ велика, такъ-какъ, съ одной стороны, среднія учебныя заведенія существуютъ далеко не для всѣхъ десяти милліоновъ городского населенія, а съ другой — самыя дорогія первоначальныя школы устраиваются не для одного сельскаго населенія, а главнымъ образомъ для городского. Кроме того, въ такомъ государствѣ, какъ Франція, плохо ограничивать образованіе сельскаго населенія одною первоначальною школою.

Какъ плохо состояніе этого дѣла въ деревняхъ Франціи, видно уже изъ того, что въ 1864 году 818 общинъ не имѣли ни одной школы, а въ 18,198 общинахъ не было женскихъ школъ. Да и тѣ школы, которыя существовали и еще существуютъ въ иныхъ общинахъ Франціи, очень часто недостойны названія училищъ: скверныя помѣщенія, дурные и невѣжественные учителя,

недостатокъ учебныхъ пособій,—все это громко говорить о пренебреженіи къ образованію сельскаго населенія. И вотъ изъ этого населенія въ 1862 году треть рекрутовъ была совершенно безграмотна, изъ сотни брачующихся 28 мужчинъ и 43 женщины не умѣли совершенно подписать своихъ именъ. Куда-бы мы ни заглянули, вездѣ мы увидимъ одно и то-же: всѣ города запада, за исключеніемъ Швеціи, гдѣ деревнѣ доступна не одна первоначальная школа, очень мало заботятся о первоначальномъ образованіи деревень и изъ всѣхъ деревень выходятъ массы безграмотныхъ людей. Нечего и говорить о томъ, что въ деревняхъ еще хуже обставлено послѣдующее образованіе дѣтей. Такъ-же плохо обставлено ремесленное образованіе въ селахъ, такъ-же небрежно относятся здѣсь къ развитію сельско-хозяйственныхъ свѣденій; такъ-же невнимательно устраиваютъ медицинскую часть. Взгляните, напримѣръ, на то громадное различіе, которое существуетъ между помощью нищимъ въ городахъ и помощью нищимъ въ селахъ. Въ Швейцаріи вы увидите, что городъ Базель тратитъ на прямую помощь бѣднымъ по 186 франковъ въ годъ на человѣка, тогда-какъ вообще въ базельскомъ кантонѣ тратится на одного бѣднаго не болѣе 76,1 франка въ годъ. То-же различіе встрѣчается во Франціи; вообще во Франціи помощь бѣднымъ равнялась:

Съ 1833 по 1837 годъ	9	фр.	44	сант.	въ годъ.
„ 1838 — 1842 „	10	„	54	„	„
„ 1843 — 1847 „	12	„	03	„	„
„ 1848 — 1852 „	11	„	56	„	„
Въ 1853 г.	12	„	06	„	„
„ 1854 „	13	„	03	„	„
„ 1855 „	12	„	87	„	„
„ 1856 „	14	„	22	„	„
„ 1857 „	12	„	34	„	„
„ 1858 „	11	„	20	„	„
„ 1859 „	11	„	66	„	„
„ 1860 „	11	„	55	„	„

Въ 1861 году средняя цифра помощи дошла до 14 фр. 16 сант. на человѣка въ годъ. Но каковы-же вспомошествованія были въ Парижѣ? Вотъ они:

Слѣпнымъ	5	фр.	въ тысяцъ.
Увѣчнымъ	5	„	„

Семидесятилѣтнимъ старикамъ	5	»	»	»
Отъ 79 до 82 лѣтъ	8	»	»	»
„ 82 — 84 „	10	»	»	»
Старше 84 „	12	»	»	»

Вы видите, что здѣсь мѣсячная помощь почти равняется годовой помощи въ остальной Франціи. Но приведенная мною средняя цифра въ 14 фр. 16 сант. выведена для всей Франціи; максимумъ помощи выпадали на долю городскихъ нищихъ,— что-же получали сельскіе нищіе? Такія отношенія вы встрѣтите вездѣ на Западѣ, если поближе познакомитесь съ статистикою этого вопроса. Кромѣ того, богадѣльни, воспитательные дома, ясли, пріюты, госпитали—все это существуетъ преимущественно для городовъ и въ городахъ.

Такія отношенія между городами и деревнями западной Европы не могли ускользнуть отъ вниманія деревенскихъ жителей и эти жители втеченіи цѣлыхъ вѣковъ враждебно относились къ горожанамъ. Французскіе крестьяне не любятъ горожанъ и стоятъ постоянно въ оппозиціи къ нимъ; швейцарскіе поселяне точно также жалуются на жителей своихъ городовъ и ведутъ съ ними борьбу. Кромѣ невыгоды этихъ враждебныхъ отношеній, невниманіе городскихъ жителей къ сельскимъ вызываетъ множество другихъ печальныхъ явленій: необразованные крестьяне являются, напримѣръ, во Франціи слѣпымъ орудіемъ разныхъ интригующихъ партій; эти крестьяне не умѣютъ извлекать изъ земли всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя можно-бы извлечь изъ нея при помощи современнаго положенія знаній; они не умѣютъ, вслѣдствіе невѣжества, неудобныхъ сообщеній и бѣдности, вести самостоятельно торговлю, не попадая въ руки барышниковъ и скупщиковъ, приносящихъ убытокъ и имъ, и городскимъ жителямъ; они не пользуются тѣмъ здоровьемъ, которымъ могли-бы пользоваться, имѣя согласныя съ требованіями гигиены жилища, пищу и тому подобно; они тратятъ напрасно свои силы на трудную работу, не зная новѣйшихъ приспособленій для облегченія труда. Всѣ эти и множество другихъ явленій вредили и вредятъ правильному развитію экономической жизни какъ деревень, такъ и самихъ городовъ. Это начали сознать давно, но испугались этихъ неправильныхъ отношеній только въ послѣднее

время, и причиной испуга была „эмиграція“ поселянъ въ города западной Европы.

III.

Устрашающее своей многочисленностью эмигрированіе деревенскихъ жителей въ города особенно сильно стало выражаться въ западной Европѣ въ текущее столѣтіе. Мы не переживали подобнаго явленія и потому съ трудомъ можемъ ясно представить себѣ и его размѣры и его послѣдствія. Но оно крайне интересно и знаменательно. Еще въ 1846 году во Франціи приходилось 3,09 поселянъ на 1 горожанина; въ 1851 году это отношеніе уже измѣнилось и на 1 горожанина приходилось только 2,91 поселянъ; въ 1856 году только 2,66; въ 1861 году только 2,46, а въ 1866 году только 2,28. Это уже очень невыгодное отношеніе, по замѣчанію Фонсагрива, такъ-какъ правильная экономическая жизнь государства требуетъ не менѣе 3 поселянъ на 1 горожанина, — отношеніе, которое еще существуетъ въ Англіи и Шотландіи, гдѣ 1 горожанинъ приходится на 3,4 поселянъ, и въ Бельгіи, гдѣ 1 горожанинъ приходится на 3,2 поселянъ. Какъ быстро уменьшается сельское населеніе, это яснѣе всего видно изъ быстрого увеличенія городовъ. Еще въ 1806 году было только 23 города съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ 100,000 на каждый, но черезъ 55 лѣтъ, т. е. въ 1861 году, такихъ городовъ было уже 62. При этомъ нужно замѣтить, что одинъ городъ, Вредфордъ, увеличился въ пятнадцать разъ; одинъ, Ливерпуль, въ шесть разъ; два, Манчестеръ и Пештъ, въ четыре раза; восемь, Парижъ, Берлинъ, Глазго, Бирмингемъ, Брюссель, Лидсъ, Шеффилдъ и Дрезденъ, въ три раза и т. д. Нельзя указать ни на одинъ европейскій городъ, который уменьшился за этотъ періодъ времени. Конечно, это увеличеніе большихъ городовъ, гдѣ насчитывается такъ мало рожденій, гдѣ умираютъ быстрѣе, чѣмъ въ деревняхъ, нельзя приписывать естественному распложенію людей; нельзя объяснять это приращеніе и наплывомъ иностранцевъ. Нѣтъ, оно прямо зависитъ отъ опустошенія окрестныхъ деревень. И чѣмъ больше городъ, чѣмъ сильнѣе бьется въ немъ жизненный пульсъ, тѣмъ значительнѣе является эмиграція въ него. Такимъ образомъ,

въ департаментѣ Роны городское населеніе въ двадцать лѣтъ возрасло на 11,14⁰/о, въ департаментѣ Устья Роны на 8,22⁰/о, въ департаментѣ Сѣверномъ на 10,22⁰/о, въ департаментѣ Жиранды на 10,24⁰/о, въ департаментѣ Варъ на 7,70⁰/о, въ департаментѣ Лоары на 13,22⁰/о. Это объясняется близостью Ліона, Марселя, Лиля, Бордо, Тулона, Сент-Этьена—городовъ, стоящихъ на первомъ планѣ въ промышленномъ, торговомъ или военномъ отношеніяхъ и особенно сильно развившихся въ послѣдніа тридцать лѣтъ. И чѣмъ сильнѣе развивается въ томъ или другомъ государствѣ промышленность, торговля, политическая и общественная жизнь, тѣмъ значительнѣе дѣлается въ немъ перевѣсъ городского населенія, и наоборотъ. Въ Великобританіи вы встрѣтите 44,2⁰/о городского населенія, въ Германіи—32,2⁰/о, во Франціи—29⁰/о, а въ Турціи—19⁰/о, въ Румыніи—14,6⁰/о, въ Норвегіи—12,2⁰/о, въ Сербіи—10⁰/о, въ Россіи—9,2⁰/о, въ Монтенегро 7,2⁰/о.

Что-же гонитъ поселянъ въ города?

Этотъ вопросъ нерѣдко занималъ экономистовъ. Одинъ изъ нихъ, Бодрильяръ, подвелъ эти причины подъ слѣдующія категоріи: стремленіе къ промышленности, стремленіе къ безопасности, стремленіе къ общежителности или къ общественной жизни. Мнѣ кажется, что трудно подвести подъ эти три категоріи всѣ тѣ безчисленные мотивы, которые привлекаютъ въ города поселянъ, или придется слишкомъ сильно расширить рамки этихъ категорій. Развѣ стремленіе къ промышленности, къ безопасности или къ общественной жизни заставляетъ юншу идти въ городъ для поступленія въ школу или дѣвушку бѣжать въ столицу для поступленія въ число проститутковъ, или отставного спившагося солдата, поступающаго въ шайку нищихъ по профессіи, или смазливаго мальчика, высланнаго въ городъ поставщикомъ шарманщиковъ и избравшаго черезъ годъ, черезъ два своимъ ремесломъ воровство и грязный развратъ? Конечно, Бодрильяръ можетъ при извѣстныхъ натяжкахъ подвести всѣхъ этихъ людей подъ свои три категоріи, но натяжка и останется натяжкой. Влечетъ въ города, какъ я сказалъ, всѣми своими сторонами тотъ строй жизни, который созданъ современной цивилизаціей и прогрессомъ, и который такъ рѣзко отличается отъ строя деревенской жизни. И чѣмъ болѣе рѣзкимъ является различіе между городской и деревенскою жизнью, тѣмъ

сильнѣе дѣлается это стремленіе поселянъ въ города. Вотъ отчего большіе города растутъ быстрѣе, меньшіе—медленнѣе; вотъ отчего, напримѣръ, у насъ стремленіе къ городамъ является слабѣе, а гдѣ-нибудь въ Англіи или во Франціи оно выражается сильнѣе.

Но, можетъ быть, это стремленіе поселянъ въ города имѣетъ только хорошія стороны; можетъ быть, оно служитъ только къ умственному развитію этихъ людей, устремившихся въ большіе центры; можетъ быть, тутъ нѣтъ ничего опаснаго и вреднаго для нихъ?

Посмотримъ.

IV.

Не заботясь о развитіи лучшаго строя жизни въ деревняхъ, города западной Европы не заботились и о своемъ собственномъ благоустройствѣ. Непонимая, что ихъ дальнѣйшее экономическое положеніе тѣсно связано съ умственнымъ и экономическимъ процвѣтаніемъ деревень, они не сознавали и того, что имъ дорого придется заплатить за плоды цивилизаціи и прогресса, если они будутъ пренебрегать гигиеной домовъ, улицъ, кварталовъ, мастерскихъ и т. д. Теперь это сознаніе явилось, начались изслѣдованія, наблюденія, и явились очень неутѣшительные выводы. Мѣстность для постройки городовъ никогда не выбиралась вслѣдствіе гигиеническихъ соображеній, но ее заставляли выбирать промышленныя, военныя, коммерческія и тому подобныя соображенія. Вслѣдствіе этого города возникали на болотахъ, на бесплодныхъ песчаныхъ равнинахъ, на безлѣсныхъ возвышенностяхъ. Сначала здѣсь возникали мелкіе домишки, лѣпившіеся кое-какъ другъ къ другу, образуя узкія улицы и безчисленные переулки. Но мало-по-малу населеніе увеличивалось, владѣльцы домишекъ богатѣли и являлась потребность и возможность замянуть эти домишки болѣе высокими зданіями. Эти зданія начинали выростать и затемняли улицы, препятствовали свободной циркуляціи воздуха. Рядомъ съ возведеніемъ обширныхъ домовъ шло истребленіе послѣднихъ деревьевъ въ городѣ, и сады—эти легкія городовъ—исчезали все болѣе и болѣе, а между тѣмъ при возрастаніи населенія возрастало и количество нечистотъ, а значитъ и вредныхъ испареній въ городахъ. Рука объ руку съ разви-

тѣмъ городовъ шло развитіе промышленности. Сначала въ городѣ являлись простыя мастерскія, потомъ онѣ стали превращаться въ фабрики и заводы, привлекая въ города массы сельскаго населенія. Заводы и фабрики возникали другъ за другомъ, но нельзя-же было требовать, чтобы люди, принимаясь за новое дѣло заводской и фабричной промышленности, знали впередъ всѣ тѣ гигиеническія условія, которыя нужно было соблюдать, чтобы трудъ на фабрикахъ и заводахъ не вредилъ здоровью людей. Вслѣдствіе этого заводы и фабрики устраивались нераціонально, безъ должной вентиляціи, безъ необходимаго устраненія миазмовъ, безъ достаточнаго количества воздуха для людей. Кромѣ этого, массы привлеченныхъ промышленностью людей не нашли для себя въ городахъ достаточнаго количества помѣщеній и должны были размѣститься по подваламъ и чердакамъ, непредназначавшимся для жилья. Здѣсь приходилось скучиваться мужчинамъ и женщинамъ, взрослымъ и дѣтямъ. Отсюда шли заразительныя эпидеміи и здѣсь-же были первыя школы разврата. Слишкомъ продолжительная городская работа, обиліе кабаковъ, сближеніе половъ въ одномъ углѣ, разнообразіе городскихъ увеселеній, излишняя роскошь однихъ и излишняя бѣдность другихъ, — все это породило ту массу пьяницъ, больныхъ, нищихъ, воровъ и проститутковъ, которыми отличаются большіе центры. Когда въ нынѣшнемъ столѣтіи начались статистическія изслѣдованія, то увидали, что зло очень глубоко пустило корни въ городскую жизнь и что нужно скорѣй позаботиться о гигиенѣ городовъ. Люди увидали, что они слишкомъ дорого платятъ за удобства городской жизни.

Мы должны хотя мелькомъ, на-сколько это возможно въ журнальныхъ статьяхъ, взглянуть на изслѣдованія статистиковъ. Какъ велико значеніе этихъ изслѣдованій, это видно уже изъ того, что правительства недавно предложили созвать санитарный конгрессъ, которому нельзя не пожелать полнѣйшаго успѣха.

Деревни здоровѣе городовъ. Это ходячая истина, извѣстная во всѣ времена. „Отчего храмъ Эскулапа построенъ далеко отъ города?“ спрашиваетъ Плутархъ и объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что эта мѣстность здорова, а греки выбирали для храмовъ этого божества возвышенныя и здоровыя мѣстности. Довольно сравнить нашихъ блѣднолицыхъ дѣтей съ слабой мускулатурой съ краснощекиими и сильными физически дѣтьми крестьянъ, чтобы понять сразу вліяніе

городовъ и деревень. А вѣдь эти дѣти крестьянъ плохо питаются, помѣщаются въ дурныхъ жилищахъ, рѣдко моются, лишены ухода. „Самыя красивыя дѣти рождаются въ деревняхъ, говорить Мюнаре, — потому-же, почему деревья на чистомъ воздухѣ приносятъ менѣе скороспѣлыя, но болѣе крѣпкіе, болѣе яркіе и болѣе сочныя плоды, чѣмъ изнѣженные плоды парниковъ“. Если сравнить смертность деревень и городовъ, то получаются очень неутѣшительныя цифры. Съ 1861 по 1865 годъ средняя продолжительность жизни въ департаментѣ Сены, гдѣ особенно густо населеніе, равнялась 32 годамъ; вообще жизнь городского французскаго населенія равнялась 34 годамъ 8 мѣсяцамъ; въ деревняхъ-же она доходила до 37 лѣтъ 7 мѣсяцевъ, но при этомъ нужно замѣтить, что города не остались безъ вліянія на деревни, и съ 1853 года, со времени сельскаго развитія промышленности, конкуренціи, ажіотажа, во французскихъ деревняхъ средняя жизнь убавилась на 11 мѣсяцевъ. Кетле, изслѣдуя продолжительность жизни въ Бельгіи, нашель, что городскіе жители среднимъ числомъ доживаютъ до 31,26 года, а деревенскіе до 32,46 года. Когда во Франціи приходился 1 смертный случай на 43,8 жителей, въ департаментѣ Сены приходился на 39,2 жителей, въ городахъ 1 на 38,4, а въ деревняхъ 1 на 46,5; такимъ образомъ, смертность городовъ относилась къ смертности деревень какъ 1,21 къ 1 или была больше слишкомъ на одну пятую часть. Джемсъ Старкъ наблюдалъ за смертностью въ Шотландіи и пришелъ къ тому выводу, что изъ 100 городскихъ жителей умирало 2,71, а изъ 100 поселянъ 1,69. По его словамъ изъ 100 дѣтей моложе пяти лѣтъ умирало 9,05 въ городахъ и 3,9 въ деревняхъ; изъ 100 стариковъ старше шестидесяти лѣтъ умирало 7,5 въ городахъ и 5,9 въ деревняхъ. По изслѣдованіямъ Островскаго въ 1847 году, въ Англійи оказывается, что для всего населенія Англійи средній возрастъ былъ тогда 29 лѣтъ, для земледѣльцевъ графства Сюррей 34 года, для города Манчестера 20 лѣтъ; когда во всей Англійи былъ 1 смертный случай на 45 жителей, на островѣ Уайтѣ 1 смертный случай приходился на 58 жителей, а въ шести главныхъ промышленныхъ городахъ 1 на 33 жителя; наконецъ, когда въ большихъ городахъ умирало 27 изъ 1,000, въ земледѣльческихъ округахъ умирало 19 изъ 1,000. Даже мертворожденій въ деревняхъ менѣе, чѣмъ въ городахъ: въ 1863 году

во Франціи въ департаментѣ Сены было 6,74 мертворожденныхъ на 100 рожденій, въ городахъ 4,46, въ деревняхъ-же 3,77, хотя поселяныи работаютъ до послѣднихъ дней беременности.

И куда-бы мы ни взглянули, вездѣ мы встрѣтимъ одно и то-же.

Государства.	Смертные случаи.	Города.	Смерт. случаи.
Нидерланды . . .	1 на 35,8 жит.	Амстердамъ . . .	1 на 25,7
Италія	1 „ 37,5 „	Флоренція	1 „ 30,8
Австрія	1 „ 31,9 „	Вѣна	1 „ 24,8
Испанія	1 „ 37,7 „	Мадридъ	1 „ 29,5
Данія	1 „ 45,5 „	Копенгагенъ . . .	1 „ 32,5
Швеція	1 „ 45,8 „	Стокгольмъ . . .	1 „ 24,5
Португалія . . .	1 „ 39,5 „	Лиссабонъ	1 „ 33,4
Греція	1 „ 46,8 „	Афины	1 „ 42,8
Россія	1 „ 29,6 „	Петербургъ . . .	1 „ 25,7
Бельгія	1 „ 42 „	Брюссель	1 „ 37,7

Такая смертность въ городахъ поразить насъ еще болѣе, если мы обратимъ вниманіе на два факта. Во-первыхъ, въ городахъ гораздо лучше устроена медицинская часть, въ нихъ гораздо больше врачей, въ нихъ скорѣе находится пособіе для больныхъ, въ нихъ гораздо болѣе развиты благотворительность и помощь бѣднымъ, чѣмъ въ деревняхъ. Во-вторыхъ, хотя крестьяне и отличаются пластическою силою, но они не имѣютъ силы того нервнаго сопротивленія, которое порождается усиленною дѣятельностью мозга и постояннымъ напряженіемъ нервовъ и которое даетъ возможность горожанамъ, бѣднымъ, увядшимъ, лишеннымъ крѣпости мускуловъ, проявлять во время болѣзней неожиданный запасъ силъ. Согласно съ однимъ остроумнымъ заключеніемъ, сила сопротивленія болѣзнямъ соразмѣрна съ склонностью человѣка къ лихорадкѣ. Это въ извѣстной степени вѣрно. Возьмите въ примѣръ женщинъ. Всѣ медики и всѣ статистики скажутъ вамъ, что женщины, эти бѣдныя, слабыя, малокровныя, безсильныя созданія, выносливѣе въ болѣзняхъ и живучѣе мужчинъ: женщинъ умираетъ отъ 87 (въ Греціи) до 97 (въ Нидерландахъ) на 100 мужчинъ, и исключенія тутъ очень рѣдки. Но даже несмотря на усовершенствованные способы медицинской помощи и на большую способность сопротивляться болѣзнямъ, смертность горожанъ все-таки болѣе смертности поселяныи.

Теперь я перейду къ сравнительной статистикѣ нравственности горожанъ и поселянъ, такъ-какъ и нравственность находится въ прямой зависимости отъ гигиеническаго устройства городовъ. Прежде всего коснемся незаконнорожденій. Уже число браковъ въ деревняхъ, несмотря на бѣдность сельскаго населенія, значительно больше, чѣмъ въ городахъ. Кетле, изслѣдуя группу государствъ, Франціи, Нидерландовъ, Бельгіи, Швеціи, Даніи Шлезвига, Голштиніи, Вюртемберга, Саксоніи, ГанOVERA и Пруссіи, пришелъ къ выводу, что въ городахъ приходится 1 бракъ на 126,89 жителей, а въ деревняхъ 1 на 121,09 жителей. Иногда браки слѣдуютъ послѣ незаконнаго сожителства и такихъ браковъ во всей Франціи приходится 1 на 22; въ департаментѣ Сены 1 на 9, въ городахъ 1 на 19, а въ деревняхъ 1 на 32. Конечно, это слѣдствіе не нежеланія деревенскихъ жителей заглаживать свои ошибки, а болѣе рѣдкихъ случаевъ незаконнаго сожителства. Какъ сильно отличается въ этомъ случаѣ нравственность городовъ отъ нравственности деревень, объ этомъ говорятъ цифры незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ департаментѣ Сены на 100 рожденныхъ приходится 25,76 незаконнорожденныхъ, въ городахъ 11,42, а въ деревняхъ только 4,42. Это различіе встрѣчается вездѣ.

Франція	1 незак. на 12,35 зак.	Парижъ	1 незак. на 2,8 закон.
Бельгія	1 " " 12,5 "	Брюссель	1 " " 3,37 "
Португ.	1 " " 9,6 "	Лиссаб.	1 " " 3,75 "
Австрія	1 " " 8,5 "	Вѣна.	1 " " 1,14 "
Швеція	1 " " 10,26 "	Стокгол.	1 " " 1,48 "
Пруссія	1 " " 10,97 "	Берлинъ.	1 " " 5,35 "
Россія	1 " " 22,85 "	Петерб.	1 " " 3,9 "

Точно такъ-же преступленія въ городахъ многочисленнѣе, чѣмъ въ деревняхъ. Такъ въ Берлинѣ, Дублинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Брюсселѣ преступниковъ втрое болѣе, чѣмъ въ окружающихъ мѣстностяхъ. Въ Вѣнѣ, Лембергѣ, Мюнхенѣ и Туринѣ вдвое болѣе, чѣмъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Если-бы мы стали указывать на отдѣльныя преступленія, то мы увидѣли-бы, что убійства, напримѣръ, являются въ слѣдующемъ отношеніи къ населенію городовъ и государствъ:

Во Франціи	1 убійство на 62,700 жит.,	въ Парижѣ	1 убійство на 27,500 жит.
" Пруссіи	1 " " 66,600 " "	Берлинѣ	1 " " 25,800 "
" Австріи	1 " " 34,300 " "	Вѣнѣ	1 " " 32,900 "

Точно такъ-же неблагоприятны для городовъ цифры самоубійствъ.

Во Франціи	1 самоуб. на 9,150 чел.,	въ Парижѣ	1 самоуб. на 2,876 чел.
» Великобрит.	1 » » 13,600 »	» Лондонѣ	1 » » 4,870 »
» Пруссіи	1 » » 7,400 »	» Берлинѣ	1 » » 3 550 »
» Австріи	1 » » 18,320 »	» Вѣнѣ	1 » » 5 350 »
» Писс. влад.	1 » » 26,700 »	» Римѣ	1 » » 10,200 »

Всѣ эти цифры ясно показываютъ, что города Запада, пренебрегая втеченіи столѣтій жизнью деревень, не сумѣли въ то-же время устроить и свою жизнь такъ, чтобы имъ не пришлось слишкомъ дорого покупать всѣ блага и всѣ удобства, создаваемыя цивилизаціей и прогрессомъ. И чѣмъ сильнѣе привлекали города къ себѣ деревенскихъ жителей, тѣмъ на большія массы населенія распространялись дурныя стороны городской жизни. Экономисты и статистики стали все чаще и чаще указывать на это явленіе, тѣмъ болѣе, что города привлекали всѣ лучшія, всѣ свѣжія молодыя силы изъ деревень, и въ концѣ-концовъ, это явленіе угрожало не одному деревенскому населенію, но и городскому. Въ экономической жизни народовъ существуетъ неразрывная связь: трудолюбивые, здоровые, развитые, умѣющіе извлекать большее число плодовъ поселяне создаютъ богатство городовъ; зараженные, преступные, нездоровые и неблагоустроенные города вносятъ дурныя сѣмена въ деревни. Общественная жизнь идетъ правильно и стройно только тогда, когда въ ней нѣтъ ни слишкомъ отсталыхъ, ни слишкомъ забѣжавшихъ впередъ, когда между различными личностями, группами людей и мѣстностями нѣтъ непроходимой пропасти, когда у всѣхъ есть нѣчто общее въ развитіи, въ образѣ жизни, во взглядахъ и стремленіяхъ.

Взгляните-же теперь, кто и по какимъ причинамъ идетъ въ города изъ деревень.

V.

Итакъ, переселеніе въ большіе города вліяетъ на большую смертность и на большую безнравственность переселяющихся.

Но кто-же по-преимуществу переселяется изъ деревень въ города? Конечно, люди молодые, свѣжіе, полные силъ. Старики охотно, безъ крайней нужды не покидаютъ родное гнѣздо. Взгляните, напримѣръ, сколько падшихъ женщинъ даютъ одному Па-

нижу деревни. Съ 16 марта 1816 г. по 31 апрѣля 1831 г. изъ числа 12,607 падшихъ женщинъ было 3,696 дѣвушекъ, прибывшихъ прямо изъ деревень. Наибольшее-же число падшихъ женщинъ Парижа даютъ дѣвушки отъ 14 до 28-лѣтнаго возраста. Такъ изъ числа падшихъ женщинъ, возрастъ которыхъ былъ извѣстенъ Паранъ-Дюшатле, 13-ти-лѣтнихъ было только 6, а 14-ти-лѣтнихъ 20. Далѣе являются слѣдующія цифры:

15 лѣтъ	51 женщина.
16 „	111 „
17 „	149 „
18 „	279 „
19 „	322 „
20 „	389 „
21 „	303 „
22 „	300 „
23 „	215 „
24 „	179 „
25 „	136 „
26 „	140 „
27 „	122 „
28 „	101 „

Затѣмъ цифра вступающихъ на эту дорогу разврата женщинъ быстро падаетъ и число 29-ти-лѣтнихъ падшихъ женщинъ понижается вдругъ до 57 и становится все меньше, и меньше, соразмѣрно съ прибавленіемъ лѣтъ этимъ женщинамъ, такъ что число падшихъ женщинъ 41-го года представляетъ цифру 5. Юноши, сопровождающіе шарманщиковъ, тоже берутся изъ деревень. Одни итальянскія деревни даютъ Парижу отъ 400 до 600 юношей. Такъ ихъ было въ 1868 г. 698, а въ 1869 г. 431 человекъ, но во время всемірной выставки 1867 г. ихъ число дошло до 1,544 человекъ. Изъ этихъ юношей только 20 изъ 100 возвращаются въ деревни, 30 остаются на чужбинѣ и 50 умираютъ отъ нищеты и лишеній. И какъ страшна ихъ жизнь—это понятно само собою: въ помѣщеніи, гдѣ они живутъ, поставлено отъ 5 до 7 постелей, на каждой постели спать по три, по четыре, по пяти, иногда по 6 юношей; по итальянской привычкѣ, они спятъ совершенно голыми; имъ дается утромъ супъ, а остальную часть дня они питаются христа-ради; ихъ бьетъ патронъ,

если они мало приносятъ денегъ; они доходятъ до самаго страшнаго разврата. Бродяги, которыхъ захватываютъ ежегодно въ Парижѣ, тоже состоятъ большею частью изъ молодыхъ людей и прибываютъ изъ деревень. Число ихъ велико и въ одинъ 1868 г. ихъ было захвачено 14,550 человекъ; въ числѣ ихъ было 2,333 человекъ моложе 16-ти лѣтъ. Извозчики Парижа тоже прибываютъ изъ деревень Лореня, Нормандіи, Оверня и Савойи. Ихъ число велико и съ 1857 по 1867 годъ выдано было 23,669 нумеровъ на право извоза. Они прибываютъ молодыми въ столицу, но праздно, безсмысленное катанье изъ одного конца города въ другой, частыя столкновения съ городскимъ отребьемъ, близость съ проститутками, свободные часы для посѣщенія кабаковъ, невѣжество,—все это дѣлаетъ ихъ людьми, которые чаще всего имѣютъ дѣло съ исправительной полиціей. Цѣлая треть ихъ принадлежитъ въ категоріи такъ-называемыхъ „цыганъ“, т. е. людей безшабашныхъ, праздныхъ, ведущихъ неправильную жизнь, увлекающихся и хвляющихся своимъ мнимо-свободнымъ существованіемъ и любящихъ „раздавить косушку“ — „étrangler un perroquet“, т. е. выпить добрый стаканъ абсенту при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Эти люди не воры по профессіи, но они въ большинствѣ случаевъ едва-ли болѣе уважаютъ чужую собственность, чѣмъ воры по профессіи. Ихъ жалкое существованіе часто оканчивается тюрьмой, смертью отъ пьянства на улицѣ, больницей или богадѣльней. Главная часть всего контингента женской прислуги—нанекъ, горничныхъ, кухарокъ—состоитъ изъ поселанокъ и при томъ изъ молодыхъ поселанокъ. Эти дѣвушки, оторванныя отъ семьи, гибнутъ въ городахъ очень скоро. Изъ 5,183 падшихъ женщинъ въ Парижѣ, 289 женщинъ были соблазнены тѣми людьми, у которыхъ онѣ служили. Когда было 66 преподавателей, 5 повивальныхъ бабокъ, 1 почтальонъ въ числѣ преступниковъ въ Парижѣ, 1,176 человекъ преступниковъ принадлежали къ числу прислуги. Большая часть незаконнорожденныхъ дѣтей, отданныхъ въ воспитательныя дома,—дѣти прислуги, нанекъ и кухарокъ: въ Парижѣ было отдано въ воспитательныя дома 418 дѣтей поденщицъ, 917 дѣтей швей и 1,398 дѣтей служанокъ. Нужно-ли говорить еще, какая масса молодыхъ мастеровыхъ всѣхъ профессій прибываетъ въ большіе города? Нужно-ли говорить, какъ отзывается на нихъ городская жизнь?

Взгляните на образованіе проституттокъ и мошенниковъ, и вы увидите, что это большею частью люди совершенно безграмотные, и этого одного довольно, чтобы вы поняли, что они преимущественно принадлежатъ къ сельскому населенію, такъ-какъ населеніе такихъ городовъ, какъ, на примѣръ, Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, все-таки большею частью грамотно, несмотря даже на бѣдность.

VI.

Несладка жизнь этихъ людей въ западно-европейскихъ городахъ, но они все-таки идутъ въ эти города. Вотъ что говорятъ объ этомъ стремленіи Фонсагривъ и Дю-Канъ.

„Жизнь въ деревняхъ сурова, работа трудна, доходы недостаточны, благосостояніе ничтожно, удовольствій почти нѣтъ, пишетъ Фонсагривъ.— Когда до крестьянъ доходятъ рассказы о высокой задѣльной платѣ, о развлеченияхъ и дешевыхъ удовольствіяхъ, объ обильныхъ вспомошествованіяхъ, крестьяне оставляютъ свою лопату и идутъ, чтобы вступить въ армію бездомныхъ бѣдняковъ, отдающихся сравнительно болѣе легкой жизни и, можетъ быть, готовыхъ погибнуть на завтра среди нищеты и разврата, вслѣдствіе прогуловъ, пьянства и непредусмотрительности“.

„Жизнь въ деревняхъ тяжела, безъ исхода, ограничена суровой земляной работой и невозможностью найти развлечения, замѣчаетъ Дю-Канъ. — Въ Парижѣ, какъ говорятъ, есть дѣло для каждого, тамъ перестраиваютъ весь городъ; хорошій труженикъ легко добудетъ тамъ 5 франковъ въ день; съ умомъ, здоровыми руками и охотой можно достигнуть всего, даже почестей. Вотъ что рассказывается въ деревняхъ въ долгіе зимніе вечера, у семейнаго очага, на которомъ, треща, горятъ охапки свѣжихъ сучьевъ. Молодежь тоскуетъ; въ головѣ роятся грезы; ей вспоминаются рассказы сосѣда, бывшаго въ отпуску и живущаго въ парижскихъ казармахъ; онъ говорилъ объ элегантныхъ дамахъ, о безчисленныхъ экипажахъ, о спектакляхъ, о постоянно открытыхъ кофейняхъ, о балахъ, гдѣ танцуютъ всю ночь, о дворцахъ, о красивыхъ мѣстахъ гуляній, о безконечныхъ улицахъ, о толпѣ, о дѣятельности, о шумѣ. Въ былыя времена путешествіе въ Парижъ было трудное дѣло; приходилось идти пѣшкомъ, по длин-

нымъ, пыльнымъ дорогамъ, съ мѣшкомъ за плечами, прося позволенія переночевать на сѣновалѣ встрѣчной фермы; иногда приходилось идти на время въ батраки, чтобы имѣть возможность продолжать путь; иногда приходилось идти мѣсяцъ, шесть недѣль прежде, чѣмъ открывалась передъ глазами обѣтованная земля. Теперь-же дѣло идетъ иначе: желѣзныя дороги переносятъ васъ въ нѣсколько часовъ въ несравненный городъ, о которомъ рассказываются чудеса и который принимаетъ всѣхъ съ распростертыми объятіями. Мужчины и женщины не могутъ устоять противъ искушенія. Но на одного счастливица насчитывается какая масса несчастливцевъ! Мужчина дѣлается бродягой, женщина чѣмъ-нибудь еще болѣе худшимъ“.

Итакъ, Фонсагривъ и Максимъ Дю-Канъ говорятъ въ сущности одно и то-же. Ихъ мнѣнія раздѣляются большинствомъ экономистовъ. Чрезмѣрное переселеніе въ города вызывается и будетъ вызываться въ западной Европѣ слишкомъ рѣзкимъ контрастомъ городовъ и деревень. Не будь этого контраста—и переселеніе не дошло-бы до тѣхъ пугающихъ размѣровъ, до которыхъ оно доходитъ теперь. Вѣдь не вздумаетъ-же обитатель села Лыскова переселяться въ сосѣдній городъ Княгининъ,—напротивъ того, нерѣдко обитателю города Княгинина приходится чѣмъ-нибудь позаимствоваться у села Лыскова: тутъ различіе невелико. Но возьмите какую-нибудь деревню во Франціи и сравните ее съ Лиономъ, Лиллемъ, Рубэ, Марселемъ—и вы изумитесь различію, существующей между этой деревней и этими городами. Здѣсь различно все—и понятія, и языкъ, и нравы, и образъ жизни, точно жители этой деревни и этихъ городовъ раздѣлены между собою тысячами верстъ и цѣлыми столѣтіями. Когда въ 1848 году говорили въ деревняхъ о герцогѣ Ролленѣ и его женѣ, г-жѣ Ламартинѣ, — это былъ, не анекдотъ. Когда въ деревняхъ во времена реставраціи толковали въ школахъ, что Людовикъ XVI удалился отъ дѣлъ и отдалъ королевство въ на-мѣстничество Наполеону I, вѣрующіе находились и сказка не казалась смѣшною. Мы удивляемся, когда читаемъ у Виктора Гюго о крестьянкѣ, незнающей, кто она, непонимающей, что значать легитимисты и революціонеры, стоящей на степени животнаго,—но это не утрировка. Мнѣ самому приходилось видѣть французскихъ крестьянъ и крестьянокъ на югѣ, изумлявшихъ

своею одичалостью въ то время, какъ низшіе классы городского населенія занимались политикой, втянулись во всѣ сладости трактирной жизни и бойко аплодировали и свистали на верхахъ марсельскаго театра и въ заднихъ рядахъ мелкихъ *cafés chantants*.

Для того, чтобы исчезло это рѣзкое различіе между жителями городовъ и сель, западной Европѣ надо много поработать надъ поднятіемъ жизненнаго строя въ деревняхъ. Образованіе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, ремесленное и сельско-хозяйственное, должно быть устроено какъ можно лучше, чтобы крестьяне могли добывать болѣе плодовъ изъ находящейся у нихъ подъ рукою земли и могли утилизировать все то, что даетъ имъ природа. Только этимъ путемъ можно облегчить крестьянскій трудъ, такъ-какъ здѣсь могутъ помочь человѣку машины, и въ то-же время добиться болѣе большихъ доходовъ, такъ-какъ разумно удобренная и обработанная земля дастъ вдвое, втрое и вчетверо болѣе прежняго. Точно также необходимо на лучшихъ основаніяхъ организовать медицинскую и благотворительную часть; ввести болѣе рациональное устройство деревенскихъ жилищъ; завести библіотеки и т. п. Однимъ словомъ, западной Европѣ придется въ будущемъ поднимать и поднимать уровень деревенской жизни или видѣть эти деревни, съ одной стороны, вѣчными торговыми центрами въ общественныхъ дѣлахъ, а съ другой—вѣчными поставщицами безчисленныхъ массъ невѣжественныхъ и нищенствующихъ пришельцевъ, стекающихся въ города съ розовыми надеждами и полнымъ отсутствіемъ умѣнья справиться съ дѣломъ на новомъ мѣстѣ;—приливъ населенія въ города западной Европы изъ деревень именно потому и страшенъ, что эти люди приходятъ безъ знанія городской жизни, безъ технического образованія, безъ опредѣленной цѣли, безъ всякой возможности добиться исполненія своихъ желаній и съ однимъ расчетомъ на счастливую случайность. Но какъ-бы ни старались поднимать уровень общественной жизни въ западной Европѣ, различіе между жизнью сель и городовъ останется все-таки очень значительнымъ: втеченіи тысячи лѣтъ раздѣленія съ деревнями города западной Европы успѣли слишкомъ сильно опередить деревни. Вслѣдствіе этого приливъ сельскаго населенія въ города остановить невозможно; его можно уменьшить, но онъ будетъ все-таки очень

значителенъ. Значить, нужно позаботиться, чтобы этотъ приливъ, по крайней мѣрѣ, не отзывался такъ вредно на городскомъ и сельскомъ населеніи, какъ онъ отзывается теперь.

Такъ-какъ насъ интересуетъ въ настоящемъ случаѣ этотъ вопросъ главнымъ образомъ со стороны гигиены, то мы и коснемся здѣсь хотя нѣкоторыхъ гигиеническихъ условій, которыя предстоитъ исполнить городамъ западной Европы.

А. Михайловъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ ШВЕЦИИ И ПОРВЕГИИ.

VI.

Наступало новое столѣтіе, которому было завѣщено концомъ истекшаго вѣка исполнить задачу развитія народнаго образованія. Въ Англіи, въ Пруссіи, въ Швейцаріи шла дѣятельная работа по этому вопросу. Труды такихъ людей, какъ Руссо, Базедовъ, Белль, Ланкастеръ, Франке и Песталоцци не должны были пропасть безслѣдно и готовились принести обильные плоды. Но Швеція еще приходилось провести годы и годы среди военныхъ и внутреннихъ неурядицъ. Однако, и этимъ неурядицамъ, этой многолѣтней борьбѣ партій суждено было скоро кончиться: родъ Густава Вазы, послѣ трехсотлѣтняго существованія, угасалъ.

Уже въ 1809 году нація была снова призвана къ веденію дѣлъ страны чрезъ своихъ депутатовъ и живо заинтересовалась вопросомъ о народномъ образованіи, такъ-какъ съ этимъ вопросомъ былъ теперь тѣсно связанъ вопросъ о дальнѣйшемъ процвѣтаніи государства. Но въ высшихъ сферахъ еще стояли значительные люди, боявшіеся, что народное образованіе приметъ слишкомъ широкое развитіе. Это обстоятельство и недостатокъ средствъ еще являлись тормазами для широкаго развитія школъ. Но вотъ въ 1818 году на престолъ вступилъ подъ именемъ Карла XIV французскій маршалъ Бернадотъ и прежде всего позаботился о развитіи матерьяльнаго благосостоянія страны, о развитіи промышленности и торговли. Всѣ вѣдшія войны были

конченъ, страстныя отношенія партій мало-по-малу улеглись, Швеція вступила въ ту роль, которая ей предназначена самимъ ея географическимъ положеніемъ,—роль страны, немогущей и думать о расширеніи своихъ владѣній, не имѣющей возможности сдѣлаться общеевропейскимъ торговымъ центромъ, обязанной скромно и усердно работать, чтобы сводить концы съ концами. Для процвѣтанія страны нужно было образованіе. Не говоря уже о томъ, что хорошо распорядиться государственными суммами и слѣдить за употребленіемъ этихъ суммъ могли только болѣе или менѣе образованные граждане. Но образованіе нужно было и для частнаго хозяйства: невѣжественный народъ успѣлъ уже сильно и нераціонально опустошить лѣса; онъ во многихъ мѣстахъ нерасчетливо вывелъ дичь; сельское хозяйство и огородничество оставляли желать очень многого и велись не особенно успѣшно. Образованіе должно-бы придти на помощь и здѣсь. Уже въ 1820 году были сдѣланы первыя серьезныя распоряженія, поручавшія консисторіямъ и духовенству обрѣвизовать учительскій составъ и позаботиться, чтобы среди учителей не было негодныхъ къ дѣлу людей, пользующихся дурною славой. Сознывая вполнѣ недостатокъ матеріальныхъ средствъ въ странѣ, правительственные лица рѣшились въ 1824 году прибѣгнуть къ двумъ мѣрамъ: они ввели въ школы методу Белля и Ланкастера, какъ методу очень дешевую и могущую служить такимъ-же подспорьемъ, какъ подвижныя школы, и опредѣлили, что никто не можетъ сдѣлаться кистеромъ, если онъ незнакомъ съ этою методою. Распространенію этой методы особенно содѣйствовали два общества взаимнаго обученія, образовавшіяся въ Стокгольмѣ и Готенбургѣ. Главными основателями этихъ обществъ были Де-ла-Гарди и архіепископъ Розенштейнъ, желавшіе какъ можно сильнѣе увеличить составъ знающихъ учителей и подѣйствовать на подвижныя школы, которыя были до сихъ поръ, по большей части, въ рукахъ невѣждъ. Въ Швеціи частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія имѣлъ всегда широкое мѣсто: благодаря ему, могли существовать и подвижныя школы, и учрежденія общества Pro fide et Christianismo. Два общества взаимнаго обученія стали собирать деньги, покупать нужныя учебныя пособія и распространять ихъ въ странѣ. Кромѣ того стокгольмское общество издавало прекрасныя картины образцовыхъ школъ и продавало ихъ по самой дешевой цѣнѣ, желая

популяризовать мысль о постройкѣ училищъ. Въ то-же время основались этии обществами двѣ нормальныя школы, одна въ столицѣ, другая въ Лундѣ, и въ нихъ поступали не одни дѣти, но и взрослые люди, готовящіеся въ учителя. Нормальная школа въ Стокгольмѣ была открыта въ 1830 году и при ней отърылась педагогическая школа для дѣтей обоихъ половъ. Изъ этой школы вышелъ 171 воспитатель. Школа въ Лундѣ возникла въ 1838 году, но уже въ 1842 году изъ нея было выпущено 160 воспитанниковъ, окончившихъ экзамены. Эта система быстро распространилась по всему государству и, какъ ожидали, нашла дорогу даже въ подвижныя школы, учителя которыхъ не были патентованными учителями и принадлежали къ самымъ разнообразнымъ классамъ общества. При помощи этой оживленной дѣятельности удалось сдѣлать очень многое. Въ 1800 году было только 165 постоянныхъ школъ, а въ 1842 году ихъ число дошло до 786, не считая приходскихъ, очень несовершенныхъ, училищъ и подвижныхъ школъ. Рядомъ съ этими заведеніями были основаны пріюты частными лицами, воскресныя школы для малолѣтнихъ, фабричныя школы и т. д. Вообще во весь этотъ періодъ замѣчается не одна дѣятельность властей и приходовъ, но и повсемѣстное развитіе частной дѣятельности. Школьное дѣло получило характеръ такого вопроса, который интересуетъ все общество, который касается всѣхъ и каждаго, который надо разрѣшить во что-бы то ни стало. Даже поселяне сознавали необходимость образованія и одинъ изъ деревенскихъ депутатовъ, Нильсъ Мансонъ, внесъ на сеймъ 1828 года предложеніе правительству позаботиться серьезно объ этомъ вопросѣ. Но дѣло было еще далеко не разрѣшено окончательно. Еще изъ трехъ съ половиною милліоновъ населенія получали образованіе только 32,890 человекъ дѣтей. Еще на сеймѣ 1835 года оппозиція противъ народнаго образованія имѣла такую силу, что было рѣшено, что „слѣдуетъ поощрять учрежденія народныхъ школъ, но нельзя навязывать ихъ общинамъ какъ нѣчто обязательное“. Но рядомъ съ этимъ уже поднимались голоса во всей странѣ, требовавшіе восстановленія стараго принципа объ обязательномъ обученіи дѣтей, достигнувшихъ надлежащаго возраста.

Безспорно, что всѣ мѣры для развитія народнаго образованія, предпринятыя въ описываемый мною періодъ, принесли много хо-

рошаго. Народныя школы получили большую правильность; обученіе стало производиться по какой-нибудь методѣ; учителя сдѣлались образованнѣе и нравственнѣе. Но народная школа все-таки не имѣла опредѣленнаго и утвержденнаго закономъ существованія; у нея не было никакихъ доходовъ, на которые она могла-бы рассчитывать; посѣщеніе дѣтьми школъ зависѣло вполнѣ отъ произвола родителей, и естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что посѣщала школу только сравнительно небольшая часть дѣтей, имѣющихъ надлежащій возрастъ. Образование народа было въ сущности частнымъ дѣломъ, неутвержденнымъ и неподкрѣпленнымъ законами страны. Только около 1840 года началось болѣе серьезное законодательное движеніе по этому вопросу въ правительственныхъ сферахъ. Вслѣдствіе сильнаго возбужденія умовъ по этому вопросу, наслѣдный принцъ Оскаръ, во время своего регентства въ 1839 году, потребовалъ отчетовъ о состояніи народнаго образованія и его недостаткахъ. На сеймѣ 1840 года снова было сдѣлано однимъ изъ сельскихъ депутатовъ предложеніе заняться вопросомъ о народномъ образованіи. Наконецъ, и король представилъ сейму проектъ народнаго образованія, написанный государственнымъ секретаремъ по духовнымъ дѣламъ. Проектъ содержалъ въ себѣ „основанія новаго закона народнаго образованія“. Онъ былъ отосланъ въ экономическій комитетъ сейма, гдѣ духовенство, буржуазія и народъ имѣли своихъ представителей. Обсужденіе проекта было довольно бурное; боролись главнымъ образомъ двѣ партіи: защитники семейнаго образованія и защитники обязательнаго образованія. Но комитету удалось формулировать законъ сообразно съ законами, принятыми въ Пруссіи и Виртембергѣ. Обученіе объявлено было обязательнымъ. Священникамъ поручалось релігіозное образованіе. Отъ дѣтей требовалась извѣстная степень знаній прежде оставленія школы. По крайней мѣрѣ, одна школа, и по-преимуществу постоянная школа, должна была существовать въ каждомъ приходѣ и имѣть способнаго учителя. Предположено было основать учительскую семинарію (Leraageseminarium) въ каждой епископіи и назначить мѣсяшнимъ вознагражденіемъ учителей. Несмотря на сильную оппозицію консервативной партіи, законъ прошелъ на сеймѣ и былъ утвержденъ 18 іюня 1842 года.

Главныя статьи этого закона были слѣдующія:

1) Въ каждомъ приходѣ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, должна быть, по крайней мѣрѣ, одна школа, преимущественно постоянная школа, съ учителемъ, получившимъ дипломъ изъ нормальной школы. Тамъ, гдѣ средства не позволяютъ содержать постоянную школу, обученіе временно будетъ даваться въ подвижной школѣ однимъ или нѣсколькими официальными учителями. Въ отдаленныхъ другъ отъ друга поселеніяхъ маленькія школы могутъ организоваться учителями, неимѣющими диплома. По закону 1853 года, эти маленькія школы должны основываться, независимо отъ разстоянія, въ такомъ количествѣ, чтобы въ нихъ возможно было всѣмъ приобрести подготовительныя познанія, такъ чтобы учитель постоянной школы могъ заниматься съ дѣтьми, имѣющими уже первоначальныя познанія. Въ сущности эти маленькія школы близко подходили къ тѣмъ школамъ, которыми, къ сожалѣнію, и ограничивается образованіе народа въ большей части государствъ Европы. Нѣсколько приходоу одного и того же округа могутъ соединяться для содержанія большой постоянной школы. По постановленію 1850 года, высшія народныя школы могутъ учреждаться съ помощью правительства и при извѣстныхъ условіяхъ и въ деревняхъ. Это одно изъ замѣчательныхъ постановленій Швеціи, такъ-какъ въ большинствѣ случаевъ право пользоваться высшимъ образованіемъ принадлежитъ исключительно городамъ и потому между образованностью низшихъ классовъ деревень и городовъ западной Европы лежитъ цѣлая непроходимая пропасть.

2) Въ каждомъ школьномъ округѣ должна быть школьная комиссія или совѣтъ, избранные изъ жителей общины. Предсѣдателемъ этого совѣта является священникъ. Этотъ совѣтъ наблюдаетъ за всѣмъ, что касается обученія. Онъ долженъ будетъ выработать проектъ правилъ, которыя подвергнутся пересмотру дукховенства.

3) Каждый округъ обязанъ дать приличныя помѣщенія для народныхъ школъ; затраты на постройку онъ приметъ на себя.

4) Жалованье учителямъ, имѣющимъ дипломъ, не можетъ быть менѣе 400 риксдалеровъ. Такъ-какъ риксдалеръ равняется почти 35 коп., то, значитъ, жалованье учителя не можетъ быть менѣе 140 руб. въ годъ. Кроме того, ему дается приличный дождь, отопленіе, кормъ для коровы и поле для собственныхъ работъ и

для преподаванія земледѣлія. Учитель безъ диплома долженъ получать приличное жалованье и, если нужно, помѣщеніе. Обязанности учителя могутъ совпадать съ обязанностями кистера. Оба жалованья будутъ равняться 50 тоннамъ хлѣба. Тамъ, гдѣ нельзя будетъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, каждый платящій налоги будетъ обязанъ вносить на этотъ предметъ въ годъ не болѣе $\frac{18}{100}$ риксдалера, т. е. 18 ёровъ. Эта-же плата можетъ взиматься съ каждаго не окончательно бѣднаго ученика.

5) Посѣщеніе школъ обязательно для всѣхъ дѣтей, достигнувшихъ школьнаго возраста.

6) Учительскія семинаріи должны основаться во всѣхъ главныхъ мѣстахъ епископствъ; учебные предметы для этихъ семинарій и для народныхъ школъ должны быть опредѣлены.

Такимъ образомъ, дѣло народнаго образованія стало на твердую почву; имъ заинтересовалась вся страна и оно начало быстро развиваться. Это развитіе продолжается и до сихъ поръ при помощи усовершенствованія и дополненія школьнаго законодательства.

VII.

Для покрытія расходовъ по народному образованію главнымъ правиломъ было принято, что община содержитъ народную школу, а государство даетъ образованіе учителямъ. Впрочемъ, государство помогаетъ бѣднѣйшимъ общинамъ и въ извѣстныхъ случаяхъ вноситъ половину и даже двѣ трети расходовъ, которые должна сдѣлать община на школу; такъ поступается при содержаніи высшихъ народныхъ школъ и приготовительныхъ училищъ, въ которыхъ дѣтей готовятъ для поступленія въ обыкновенную постоянную народную школу. Средства для содержанія школъ добываются при помощи налоговъ на жителей общины или при помощи взиманія платы съ небѣдныхъ дѣтей или, наконецъ, какъ я сказалъ, при помощи правительственныхъ субсидій. Въ 1846 году, въ видахъ развитія народнаго образованія, увеличили на половину личный налогъ и онъ дошелъ до 40 ёровъ съ мужчины и 20 ёровъ съ женщины. Съ 1842 года по конецъ шестидесятихъ годовъ затраты государства на народныя школы увеличились въ двѣнадцать разъ и дошли до одного милліона рикс-

далеровъ, затраты-же общинъ дошли до 2,500,000 риксдалеровъ. Кромѣ того, въ эти затраты не входили расходы по постройкѣ школьныхъ зданій. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что всѣ доходы государства немногимъ превышаютъ 34,000,000 риксдалеровъ.

Народныя школы находятся подъ покровительствомъ церкви, хотя общественное мнѣніе и стремится сдѣлать ихъ независимыми отъ нея. Впрочемъ, хлопотать объ этомъ главнымъ образомъ горожане, а не поселяне, которые чувствуютъ очень сильную связь съ церковью. Они въ вопросѣ объ отдѣленіи школы отъ церкви всегда готовы составить оппозицію на сеймѣ. Въ деревняхъ сельскій, а въ городахъ городской приходы составляютъ не только церковную, но и политическую общину. Эти общины, каждая отдѣльно или нѣсколько маленькихъ вмѣстѣ, составляютъ такъ-называемый пасторатъ—округъ съ однимъ и тѣмъ-же пасторомъ. Эти приходы дѣлятся на 12 большихъ округовъ, которые и управляютъ и свѣтскими, и духовными дѣлами общинъ. Духовныя дѣла ведутся подъ руководствомъ епископа, у котораго подъ рукой находится консисторія. Членами духовнаго управленія являются всѣ граждане, имѣющіе право голоса. Имъ предоставляется выбирать церковныхъ совѣтниковъ и школьныхъ совѣтниковъ. Члены церковнаго совѣта рѣшаютъ, школьный совѣтъ исполняетъ. Школьный совѣтъ состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ 5 выбранныхъ изъ школьныхъ округовъ членовъ съ пасторомъ или викаріемъ во главѣ. Выбираются члены совѣта на 4 года. Мѣстные школьные вопросы, назначеніе учителей, кистеровъ и органистовъ, налоги для содержанія школъ, содержаніе учителей, постройка домовъ—все это лежитъ на обязанности церковнаго совѣта. Школьный совѣтъ, съ своей стороны, является исполнительною властью; онъ представляетъ свои соображенія, наблюдаетъ, дѣлаетъ планы обученія и т. д. Онъ-же представляетъ консисторіямъ отчеты о педагогической и экономической сторонахъ своихъ школъ. Консисторіи должны только провѣрять дѣятельность церковныхъ и школьныхъ совѣтовъ и не допускать упущеній. Консисторіи должны разсматривать измѣненія школьныхъ правилъ и опредѣлять отношенія между приготовительными и настоящими народными школами.

При помощи министерства духовныхъ дѣлъ дѣйствуетъ на шко-

лы и правительство, являющееся главной законодательной и организующей силой и судебною властью. Кроме того, оно непосредственно вліяетъ на школы черезъ инспекторовъ. Еще въ 1853 году на сеймѣ выразили королю мнѣніе, что необходимо устроить инспекцію школъ. По этому поводу былъ представленъ проектъ, который и былъ принятъ окончательно только въ 1860 году, а въ 1863 году появилось наставленіе для инспекторовъ народныхъ школъ и въ настоящее время число такихъ инспекторовъ доходить до 39. Они должны не только направлять ходъ образованія, посѣщать лично общинныя и частныя школы и дѣлать подробныя отчеты департаменту просвѣщенія о состояніи обученія каждаго округа вообще и каждой народной школы въ частности, указывая на необходимыя измѣненія и улучшенія, но, кроме того, они должны дѣлать словесныя замѣчанія совѣтамъ и учителямъ и не позже трехъ мѣсяцевъ послѣ своего посѣщенія сообщать школьнымъ совѣтамъ письменно эти замѣчанія. Если какая-нибудь реформа безотлагательна, они сообщаютъ о ней церковному совѣту.

Въ Стокгольмѣ и въ значительнѣйшемъ торговомъ городѣ Готенбургѣ имѣются особые школьные законы, власти и инспектора, отчасти независимыя отъ церковныхъ совѣтовъ. Значительный торговый и промышленный городъ Норкёпингъ тоже имѣетъ особаго школьнаго инспектора.

Въ этой системѣ есть своя очень хорошая сторона: всѣ классы общества, въ сущности, не исключаются ею изъ дѣла наблюденія за школами; здѣсь имѣютъ мѣсто и правительство, и церковь, и народъ, такъ-какъ, при широкомъ выборномъ началѣ, церковный совѣтъ есть созданіе избирающаго народа.

Учительскія семинаріи, какъ необходимое подспорье народныхъ школъ, были преобразованы въ 1865 году. Ихъ число было ограничено, но уровень ихъ образованія былъ сильно поднятъ. Ихъ существуетъ 7 для мужчинъ и 2 для женщинъ, которыя были допущены обучать въ народныхъ школахъ распоряженіями правительства отъ 29 сентября 1853 года и отъ 21 октября 1859 года и, кроме того, получили право занимать мѣста органистокъ при церквяхъ. Составъ учителей преобладаетъ въ собственно народныхъ школахъ, составъ учительницъ преобладаетъ въ приготовительныхъ школахъ и въ школахъ для дѣтей млад-

шаго возраста. Вообще шведы все болѣе и болѣе сознають благотворное вліяніе женщинъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Это вліяніе дѣлается еще важнѣе, если вспомнить, что природа Швеции дѣлаетъ народъ довольно грубымъ, что суровая зима и слишкомъ тяжелый трудъ приучаютъ къ пьянству. Учителя большею частью выходятъ изъ народа: изъ мелкихъ бюргеровъ и небогатыхъ крестьянъ; учительницы часто принадлежатъ къ образованнѣйшимъ классамъ общества. Первая общественная семинарія была основана еще въ 1842 году. Но ея организація была плоха и обученіе очень ограничено. Только послѣ 1865 года обученіе въ семинаріяхъ сдѣлалось болѣе цѣлесообразнымъ. Курсъ продолжается здѣсь три года. Для поступленія въ низшій классъ требуется умѣнье читать напечатанное латинскими или нѣмецкими буквами и рассказывать прочитанное; знаніе библейской исторіи и лютеранскаго катехизиса съ объясненіями; знакомство съ Новымъ Заветомъ; умѣнье считать, четыре правила арифметики, дроби и умѣнье считать на память; знакомство съ началами отечественной исторіи и географіи; умѣнье ясно и четко писать; знакомство съ нотами и какимъ-нибудь музыкальнымъ инструментомъ. Эти требованія довольно велики и показываютъ, что шведы серьезно смотрятъ на необходимость довольно широкаго образованія учителей. Лица, выдержавшія экзаменъ въ какомъ-нибудь высшемъ учебномъ заведеніи, могутъ поступать въ третій классъ семинаріи; кончившіе курсъ въ университетѣ должны проходить только практическія занятія третьяго класса семинаріи. Обученіе въ семинаріи преимущественно теоретическое въ первыхъ двухъ классахъ и преимущественно практическое въ третьемъ, но и въ третьемъ классѣ еще заканчивается теоретическое образованіе, а во второмъ уже начинаются практическія занятія. Учебный планъ слѣдующій:

Предметы.	1 кл.	2 кл.	3 кл.
Религія въ недѣлю	6 часовъ	6 часовъ	4 часа
Шведскій языкъ	6 "	4 "	3—4 "
Арифметика и геометрія	4 "	4 "	2 "
Исторія и географія	4 "	4 "	2 "
Естественная исторія	3 "	2 "	2 "
Педагогика и методика	— "	2 "	2—4 "
Каллиграфія	3 "	2 "	1—2 "
Рисованіе	2 "	2 "	2 "

Музыка и пѣніе	4	„	4	„	4	„
Гимнастика и военныя экзерциціи.	3	„	3	„	2	„
Садоводство и огородничество . . .	2	„	2	„	2	„
Практическія занятія	—	„	6	„	12	„

Время занятій въ годъ составляетъ 36 недѣль, раздѣленныхъ на два семестра. Осенній семестръ начинается 28 августа и продолжается 16 недѣль; весенній начинается 15 января и продолжается 20 недѣль. Воспитанники живутъ на своихъ квартирахъ и пользуются своимъ столомъ. Наблюденіе за семинаріями лежитъ на обязанности консисторій и отчасти инспекторовъ. Въ семинаріяхъ много учителей; такъ въ стокгольмской женской семинаріи была директриса, три ординарныхъ профессора, три ординарныхъ учительницы, пять экстраординарныхъ профессоровъ и десять экстраординарныхъ учительницъ. Въ стокгольмской женской семинаріи было 113 воспитанницъ, а въ женской семинаріи въ Скарѣ 78 ученицъ. Обученіе бесплатное. Такимъ образомъ, образованіе учителей довольно широко и полно. Вообще общины зорко слѣдятъ за учителями и отставляютъ неспособныхъ. Самое поступленіе учителя на мѣсто зависитъ отъ общины.

Желающіе поступить на учительское мѣсто обращаются съ просьбою въ школьному совѣту. Школьный совѣтъ выбираетъ трехъ кандидатовъ и представляетъ ихъ приходу, который и дѣлаетъ окончательный выборъ. Школьный совѣтъ можетъ требовать отъ кандидатовъ пробныхъ лекцій втеченіи трехъ дней. При выборѣ голосъ пастора въ школьномъ совѣтѣ равняется половинѣ поданныхъ голосовъ. Учитель часто бываетъ въ то-же время кистеромъ и органистомъ и въ послѣднихъ случаяхъ долженъ обладать не только знаніемъ музыки, но и умѣньемъ пускать кровь и прививать оспу.

VIII.

Переходя собственно къ народнымъ школамъ, мы должны раздѣлить ихъ на нѣсколько категорій.

Прежде всего идутъ приготовительныя школы. Здѣсь учатъ читать. Къ концу курса дѣти должны читать безъ ошибокъ и бѣгло. Далѣе идутъ основанія религіи, начала письма, счисленіе въ умѣ, наглядное обученіе и приученіе къ мысленію.

За приготовительными школами слѣдуютъ собственно народныя школы. Здѣсь внятное чтеніе и умѣнье рассказывать прочитанное, объясненіе закона Божія, библейская исторія и лютеранскій катехизисъ, шведская грамматика, геометрія и линейное черченіе, арифметика, географія и исторія Европы и отчизны, чистописаніе и начала естественныхъ наукъ, наглядное обученіе, гимнастика, военныя упражненія, пѣніе, огородничество и садоводство составляютъ главные предметы. Таковъ планъ собственно народной школы, но, конечно, не всѣ дѣти могутъ приобрести эти знанія, потому для дѣтей бѣднѣйшихъ родителей или для дѣтей слабоумныхъ назначенъ мінімумъ знаній, ограничивающійся слѣдующими предметами: знаніе религіи въ размѣрахъ, требующихъ церковью для перваго причащенія; умѣнье пѣть; умѣнье писать и читать ясно; четыре правила арифметики. Этими мінімум'омъ ограничиваются въ бѣднѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ округахъ. Вообще всѣ посѣщающія школу дѣти умѣютъ сознательно читать и только немногіе не пишутъ, не считаютъ и не знаютъ закона Божія; двѣ трети изъ посѣщавшихъ школы не знаютъ географіи и исторіи; только четверть изъ нихъ знаетъ основанія естествознанія; нѣсколько большее число знаетъ родную грамматикѹ и десятая часть знаетъ геометрію и рисованье; половина занимается гимнастикой и военными упражненіями: только 14,000 человекъ получали въ 1866 году обученіе въ садоводствѣ и огородничествѣ за недостаткомъ нужнаго для этихъ занятій мѣста. Но и эти результаты все-таки очень значительны.

Наконецъ, идутъ высшія народныя школы. Здѣсь почти тѣ-же предметы, какъ и въ обыкновенной народной школѣ, но только курсъ расширенъ, особенно въ арифметикѣ, геометріи, географіи, исторіи и естествознаніи. Кроме того, здѣсь занимаются рисованіемъ и бухгалтерією, а въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ—женскими рукодѣльями.

Распредѣленіе учебныхъ часовъ различно, но главнымъ образомъ оно слѣдующее:

Предметы.	Въ пригото- вительной школѣ.	Въ обыкновенной народной школѣ.		
		1 кл.	2 кл.	3 кл.
Катехизисъ.	3 часа	2 часа	2 часа	2 часа
Библейская исторія	3 „	3 „	3 „	2 „
Чтеніе св. пис.	2 „	2 ¹ / ₂ „	2 ¹ / ₂ „	2 ¹ / ₂ „

Чтеніе	8	6	3	1
Правописаніе	—	3	3	1
Грамматика	—	—	—	2
Каллиграфія	6	6	4	4
Географія	—	1	2	2
Исторія	—	—	2	2
Естествознаніе	—	—	2	2
Упражненіе мысли	3	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}
Арифметика	5	5	5	6
Геометрія	—	—	—	1
Черченіе	—	—	—	1
	30	30	30	30 час.

Почти такое-же распредѣленіе часовъ, какъ въ обыкновенной народной школѣ, существуетъ и въ высшихъ народныхъ школахъ, только на нѣкоторые предметы полагается большее число часовъ.

Народныя школы въ Стокгольмѣ, Готенбургѣ и Норкѣпингѣ въ отношеніи вышности и внутренняго распредѣленія учебныхъ предметовъ отличаются отъ общихъ народныхъ школъ сообразно съ особенными условіями каждаго города. Такъ, наприимѣръ, въ Стокгольмѣ школа дѣлится на три отдѣленія, которыя соотвѣтствуютъ тремъ родамъ народныхъ школъ; каждое отдѣленіе имѣетъ 5 классовъ, каждый съ особымъ учителемъ. Вступленіе въ школу совершается когда ребенку исполнится 7 лѣтъ и въ школѣ онъ остается отъ 6 до 7 лѣтъ. Въ Норкѣпингѣ въ первомъ отдѣленіи ребенокъ остается годъ, во второмъ три года, въ третьемъ тоже три года.

Рядомъ съ этими школами идетъ масса другихъ школъ. Такъ существуютъ школы, непользующіяся правительственной субсидіей и основанныя по образцу датскихъ школъ; онѣ даютъ образованіе взрослымъ юношамъ изъ крестьянъ и отчасти стараются расширить кругозоръ этихъ людей, отчасти развиваютъ преданность религіи и отечеству. Здѣсь юношамъ разъясняютъ общественныя отношенія и учрежденія страны, чтобы эти люди могли основательно и дѣльно принимать участіе въ веденіи общественныхъ дѣлъ общины и государства. Въ эти школы надѣются ввести и сельскохозяйственное обученіе, покуда-же онѣ являются чисто

нравственно-политическими школами. Ихъ три во всей Швеции. Ученики вступаютъ въ нихъ не моложе восемнадцати лѣтъ.

Кромѣ того существуютъ воскресныя школы и школы повтореній (heretitionsförhör), на которыя употребляется одинъ день въ недѣлю. Множество библиотекъ въ приходахъ и при школахъ дополняютъ средства къ образованію. При однихъ народныхъ школахъ въ 1868 году было 1,300 библиотекъ, существующихъ исключительно для народа и находящихъ множество читателей.

Рядомъ съ мужскими народными школами существуютъ и женскія, и не однѣ низшія, но и высшія. Такъ женская народная школа въ Самуэльбергѣ, основанная въ 1870 году, распространяетъ между дочерями крестьянъ болѣе широкое образованіе, чѣмъ то, которое даетъ обыкновенная народная школа. Здѣсь предметы обученія не только законъ божій, шведскій языкъ, отечественная исторія, географія, рисованье отъ руки, чистописанье и рукодѣлье, но и геометрія, арифметика, простѣйшая бухгалтерія и естествознаніе. Въ этой школѣ 2 учителя и одна учительница. Далѣе идутъ школы шитья и рукодѣлій для дѣтей бѣдныхъ классовъ; здѣсь учатъ ткать, прать, шить, мѣтить бѣлье и вязать; въ нѣкоторыхъ школахъ къ этимъ предметамъ присоединено обученіе тамбурнымъ работамъ и плетенію изъ соломы. Изъ школъ домоводства, въ которыхъ дѣвочки простого класса обучаются обязанностямъ и работамъ хорошихъ служанокъ, существуютъ въ Стокгольмѣ: 1) Мурбекская, основанная еще въ 1747 году, но настоящее свое назначеніе получившая только въ 1770 году. Тамъ воспиталось 295 дѣвушекъ-служанокъ. Въ настоящее время въ этомъ заведеніи 44 дѣвочки, которыя, кромѣ предметовъ обыкновенной народной школы, обучаются еще печеню, стиркѣ, глаженю, пряденію, тканью, шитью и вязанью. 2) Мальмквистское заведеніе, основанное въ 1852 году двумя бѣдными супругами, принявшими на воспитаніе трехъ подкидышей. Теперь оно такъ развилось, что считаетъ въ себѣ 83 воспитанницы, а за все время изъ него выпущено 286 молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ часть сдѣлалась учительницами, часть пошла въ услуженіе; предметы преподаванія тѣ-же, что и въ предыдущей. Въ оба эти заведенія дѣти принимаются еще въ малолѣтствѣ. 3) Школа практическаго домоводства открыта въ 1870 году и имѣетъ 18 ученицъ; окончило курсъ 8. Для поступленія туда нужно достигнуть

15-лѣтняго возраста и окончить курсъ въ народной школѣ, потому что здѣшнее обученіе состоитъ только изъ практическихъ работъ, знаніе которыхъ необходимо для каждой хорошей служанки. Курсъ продолжается три года. Въ Гётеборгѣ: школа практическаго домоводства, основанная въ 1865 году приблизительно на тѣхъ-же началахъ, какъ и послѣднія. Въ настоящее время въ ней обучается 25 дѣвушекъ, выпущено на должности служанокъ отъ 60 до 70. Подобныя-же школы частью уже существуютъ, частью еще устраиваются и во многихъ другихъ провинціальныхъ городахъ. Дѣтскіе пріюты, также имѣющіе цѣлью образованіе изъ своихъ учениковъ женскаго пола хорошихъ служанокъ, разсѣяны по всей странѣ. Изъ нихъ слѣдуетъ назвать пріютъ принцессы Евгени, основанный въ 1860 году въ Стокгольмѣ, но въ 1868 году переведенный по волѣ своей покровительницы въ Гатландъ, по близости ея лѣтняго мѣстопробыванія. Дѣти принимаются сюда въ раннемъ возрастѣ и обучаются всѣмъ предметамъ, входящимъ въ учебную программу народныхъ школъ, руководствіямъ и правиламъ домоводства. Отсюда выпущено уже 28 дѣвочекъ, а въ настоящее время обучаются еще 18. Воскресныя и вечернія школы, въ которыхъ дочери образованныхъ классовъ обучаютъ въ послѣобѣденные часы дѣтей бѣднаго народа, существуютъ и въ Стокгольмѣ, и въ провинціяхъ. Предметы преподаванія по воскресеньямъ: законъ божій и пѣніе; по буднямъ: арифметика, чистописаніе, правописаніе, естествознаніе. Въ Стокгольмѣ число учителей и учительницъ простирается приблизительно до 140, а учениковъ до 2,000 человекъ. Въ Стокгольмѣ основано 4 школы штопанья и починки съ 16 добровольными учительницами и около 160 ученицами. Цѣль этихъ школъ—научить дѣвочекъ бѣднаго класса хорошо и аккуратно починивать свои платья!

Основанію многихъ изъ поименованныхъ здѣсь заведеній, а также и открытію для женщинъ доступа въ нѣкоторыя, прежде чисто-мужскія, училища часто и существенно содѣйствовали сами шведскія женщины. „Семейная газета“, основанная въ 1859 году двумя дамами и постоянно находившаяся подъ руководствомъ одной изъ своихъ первоначальныхъ редакторшъ, втеченіи десяти лѣтъ горячо и неуклонно вела свое дѣло впередъ. Главной цѣлью этой газеты было постоянно возвышающее и облагоражи-

вающее вліяніе на женщину и на семью, и усилія ея не могли остаться безплодными. Для того, чтобы еще болѣе развить вкусъ къ хорошему чтенію и дать возможность пользоваться имъ и бѣднѣйшимъ, редакция этой газеты открыла въ 1867 году читальню для женщинъ, въ которой выдавались также книги и разныя сочиненія.

IX.

Въ пенсильванскомъ школьномъ журналѣ была помѣщена въ январѣ 1872 года статья Анны Рандааль Диль, говорящая очень ясно, съ какимъ уваженіемъ смотрятъ американцы на народное образованіе въ Швеціи. Я заимствую изъ этой статьи главныя свѣденія, сообщаемыя ею о народной школѣ въ Швеціи, такъ какъ авторитетъ американцевъ въ этомъ дѣлѣ очень важенъ. Въ Соединенныхъ штатахъ народное образованіе стоитъ на очень высокой степени и удивить американцевъ народною школою трудно. Мнѣ уже приходилось въ другомъ мѣстѣ указывать, какую массу отсталостей находятъ они, напримѣръ, въ прославляемыхъ прусскихъ школахъ.

„Скандинавія съ ея причудливыми сѣверными сказаніями и легендами, съ ея чудными, продолжительными ночами, говоритъ авторъ статьи, — очаровывала насъ съ незапамятныхъ временъ. Мы читали, даже заучивали романы Фредерика Бремеръ „Домъ“ и „Сосѣди“ до тѣхъ поръ, пока шведскіе обычаи не стали почти такъ-же знакомы и близки намъ, какъ обычаи нашей родины. Дженни Линдъ пѣла для насъ, и хотя я слышала ее будучи ребенкомъ, въ моей памяти все еще звучитъ пѣсня шведскаго соловья; недавно мы отъ всего сердца полюбили прекрасную Нильсонъ, которая до сихъ поръ безъ образованія осталась-бы простой шведской крестьянкой, копающей картофель или переворачивающей сѣно. Мы убѣдились нашими собственными глазами въ трудолюбіи, механическомъ искусствѣ и честности шведовъ, поселившихся въ Америкѣ, и мы-бы отъ души желали, чтобы эмигранты другихъ странъ поучились у этихъ сѣверныхъ народовъ. Но мы недавно особенно заинтересовались народнымъ образованіемъ и, посѣтивъ большинство европейскихъ школъ, мы пришли къ тому заключенію, что „шведская школьная система пре-

восходить всё остальныя“. Во-первыхъ, въ Швеціи образованіе обязательно и каждый ребенокъ долженъ посѣщать школу или обучаться дома. Мужчина не только долженъ слѣдить за образованіемъ своихъ собственныя дѣтей, но и за образованіемъ своихъ слугъ и всѣхъ, зависящихъ отъ него лицъ, и если онъ этого не дѣлаетъ, то ихъ ввѣряютъ попеченію другихъ лицъ, — примѣръ, которому не мѣшало бы послѣдовать въ Америкѣ, гдѣ едва-ли хоть одинъ отецъ изъ десяти знаетъ, чему учится его ребенокъ, и получаетъ-ли онъ такое образованіе, какое слѣдуетъ. (Дѣйствительно, это одна изъ самыхъ благодѣтельныхъ мѣръ: прислуга и разные ремесленники, поступая очень рано въ услуженіе, часто лишаются необходимаго образованія. Устранить это можно было только, обязавъ заботиться объ образованіи этихъ людей тѣхъ лицъ, попеченію которыхъ ввѣрены эти люди.) Каждый приходъ есть школьный округъ и пасторъ — предсѣдатель школьнаго совѣта; старшій учитель долженъ быть воспитанъ, по крайней мѣрѣ, въ нормальной школѣ. Дѣти, которыя учатся дома, должны приходить въ школу на годовой экзаменъ, и частныя школы находятся подъ надзоромъ правильнаго совѣта, такъ что между общественнымъ и частнымъ образованіемъ существуетъ полнѣйшая гармонія. Самой низшей школой считается приготовительная школа или *samåskola*, которая не обща всей Швеціи, но основывается въ гористыхъ или безлюдныхъ округахъ, съ цѣлью дать дѣтямъ бѣдняковъ первоначальное образованіе какъ можно ближе къ ихъ дому. Почти въ каждомъ приходѣ есть элементарная или пародная школа или *folkskola*, которая главнымъ образомъ поддерживается государствомъ. Образованіе, даваемое этой школой, даровое, но приходъ имѣетъ право, если ему понадобятся добавочныя фонды, потребовать небольшую сумму отъ каждаго ребенка, который въ состояніи ее заплатить, хотя такое требованіе рѣдко предъявляется. Школьный возрастъ опредѣляется мѣстнымъ совѣтомъ и дѣтей учатъ въ *folkskola* лютеранской религіи, какъ религіи господствующей церкви, исключая тѣхъ случаевъ, когда родители не желаютъ этого, (вслѣдствіе этого въ народную шведскую школу не болта отдавать дѣтей и тѣ люди, которые не исповѣдуютъ догматовъ лютеранства), шведскому языку, арифметикѣ, элементарной геометріи, географіи, въ особенности географіи Швеціи и Европы, отечественной исторіи, письму, рисованію,

пѣнію, гимнастикѣ, военнымъ экзерциціямъ, садоводству и огородничеству. Есть два рода приготовительныхъ школъ. Одна изъ нихъ извѣстна подъ именемъ *den fasta folkskolan*, а въ тѣхъ округахъ, гдѣ существуютъ мѣстныя препятствія въ видѣ горъ, озеръ или лѣсовъ, дѣлающія постоянныя школы невозможными, существуютъ передвижныя школы, называемыя *den flyttanté folkskolan*. Есть также нѣсколько школъ, называемыхъ *den högre folkskolan*, которыя устроены для дальнѣйшаго образованія даровитыхъ учениковъ, окончившихъ предписанный элементарный курсъ. Жалованье учителя элементарной школы въ Швеціи никогда не менѣе 125 долларовъ на наши деньги. Учителю даютъ квартиру, дрова, кормъ для коровы, землю для огорода, а если обученіе въ школѣ продолжается болѣе 8 мѣсяцевъ въ году, то за каждый, превышающій этотъ срокъ, мѣсяць дѣлается прибавка. Въ городахъ учителя получаютъ среднимъ числомъ около 476 долларовъ; иногда имъ даются вышеупомянутыя преимущества, а иногда нѣтъ“.

Теперь намъ предстоитъ говорить еще объ одномъ пунктѣ, на который школьные учителя Америки взглянуть съ сочувствіемъ, а именно: учителя, достигшіе шестидесятилѣтняго возраста, послѣ тридцати лѣтъ службы, получаютъ, выходя въ отставку, пожизненную пенсію изъ трехъ четвертей ихъ прежняго годового содержанія. Государство заботится и о тѣхъ, которыхъ болѣзнь принудила оставить педагогическую профессію послѣ двадцатилѣтней службы. Въ Швеціи существуютъ девять нормальныхъ школъ, *folskolan seminariet*, въ которыхъ воспитываются народныя учителя и учительницы, получая даровое образованіе и изучая всѣ отрасли знанія, которымъ необходимо учить въ элементарныхъ школахъ. Въ нормальной школѣ три класса, ученики остаются по году въ каждой и къ каждой нормальной школѣ присоединена элементарная школа, въ которой воспитанники-учители упражняются въ педагогической практикѣ, подъ надзоромъ учителей. Завѣдующій нормальной школой долженъ быть докторомъ философіи и получаетъ отъ 320 до 950 долларовъ, смотря по его опыту и сроку его службы. Школьный законъ содержитъ такую превосходную статью о школьныхъ домахъ, что я выпиываю ее цѣликомъ.

„Каждый школьный домъ долженъ быть такъ построенъ, чтобы вполне соответствовать той цѣли, къ которой онъ предна-

значень. Классныя комнаты должны быть въ достаточномъ числѣ, просторны, свѣтлы, веселы, прохладны, снабжены печами и устроены съ тщательной заботливостью о здоровьѣ и необходимомъ удобствѣ учениковъ во время учебныхъ часовъ“. Было-бы чрезвычайно полезно, если-бы такое-же условіе могло быть введено въ школьныя статуты Пенсильваніи и Нью-Йорка, и мы совѣтуемъ доброжелательнымъ мужчинамъ и женщинамъ посѣтить законодательное собраніе въ слѣдующую сессію и стараться провести такой билль.

И эта статья шведскаго школьнаго закона о домахъ для школъ не осталась мертвою буквою.

„Національные школьныя дома, пишетъ Джонъ Фильбрикъ въ „Massachusetts teacher“ за декабрь 1873 года,—были главными предметами, обращавшими вниманіе публики на вѣнской выставкѣ. Ихъ было четыре: шведскій, австрійскій, португальскій и американскій. Шведская постройка была, дѣйствительно, игрушкой по красотѣ; она была представлена на премію не какъ школьный домъ, а какъ образецъ плотническаго искусства, въ которомъ шведы не имѣютъ соперниковъ. Она предназначена служить моделью сельской школы и жилища учителя и его семейства подъ той-же крышей. Трудно сказать, въ чемъ можно-бы было ее исправить, какъ относительно работы, такъ и относительно рисунка. Природная красота дерева, великолѣпной сосны, нигдѣ не была покрыта краской. Я досталъ планы и виды этой постройки и австрійскаго школьнаго дома, чтобы помѣстить ихъ въ мой отчетъ законодательному собранію. Я-бы желалъ дать моимъ читателямъ понятіе о совершенствѣ и полнотѣ мебели, аппаратовъ и пособій, которыми была снабжена шведская школа. Ими любовались всѣ зрители, за ними наблюдали и ихъ изучали педагоги съ особеннымъ интересомъ. Я часто садился на стулъ учителя и наслаждался очаровательнымъ зрѣлищемъ и, какъ выразился епископъ Фразеръ объ одной изъ нашихъ собственныхъ школъ, часто желалъ какой-нибудь магической силой перенести эту превосходную постройку съ ея драгоценнымъ содержаніемъ подъ стекляннымъ колпакомъ на наши берега для осмотра всѣхъ лицъ, любящихъ народную школу. Но что-же заключало въ себѣ это зданіе? Перечень всѣхъ предметовъ былъ-бы слишкомъ великъ для этой статьи—и все-таки въ зданіи было просторно. Тутъ были черныя доски изъ самаго

лучшаго матеріала и самой лучшей формы, здѣсь были лучшія географическія карты, обдѣланныя превосходно, прочныя, красивыя, удобныя, тутъ были карты для исторіи, карты для чтенія, пояснительныя таблицы для естественной исторіи, прекрасныя ящики, наполненные множествомъ образцовъ для естественной исторіи, физическіе аппараты, гербаріи, глобусы и геометрическія формы, остроумная счетная машина, дѣтскіе мундиры и ружья для военныхъ экзерцицій и въ маленькой боковой комнатѣ превосходная народная бібліотека для обитателей школьнаго округа. Ученическая мебель состояла изъ отдѣльныхъ столовъ и скамеекъ, сдѣланныхъ изъ цѣльнаго дерева; мысль о такой мебели была занесена изъ школы Квинси, находящейся въ Бостонѣ, въ Швецію двадцать лѣтъ назадъ извѣстнымъ шведскимъ педагогомъ Силжистромомъ, который написалъ превосходную книгу объ американскомъ образованіи“.

Сами нѣмцы, очень ревнивые во всякомъ дѣлѣ, касающемся педагогіи, на которую они хотятъ удержать исключительную привилегію за собой, не могли не сознаться, что шведскій школьный домъ дѣйствительно превосходенъ. Директоръ реальной школы въ Баутценѣ, Людвигъ Вангеманнъ, говоритъ, что шведскій школьный домъ, бывшій на выставкѣ, заключалъ въ себѣ не мало драгоценнаго для школьнаго дѣла, такъ что онъ въ высшей степени привлекалъ вниманіе массы и не безъ основанія заслужилъ предпочтеніе со стороны международныхъ жюри. „Мы не станемъ говорить о стоимости строительнаго матеріала, пишетъ онъ. Въ Швеціи дерево находится въ изобиліи, потому шведскіе приходы употребляютъ его для школьныхъ построекъ и не боятся пожаровъ. Изъ приговора жюри видно, что шведское правительство объяснило, что этотъ школьный домъ былъ сдѣланъ не для одной выставки, но что подобные дома воздвигнуты уже во многихъ мѣстностяхъ Швеціи. Размѣры нашихъ замѣтокъ не позволяютъ намъ представить полное описаніе этого дома и потому мы ограничимся въ нашихъ очеркахъ описаніемъ классной комнаты. Эта комната представляетъ длинный четырехугольникъ, озаренный свѣтомъ съ двухъ сторонъ—слѣва и съ задней стороны.

„Передняя сторона вся покрыта школьными принадлежностями. Посрединѣ, надъ кафедрой, висятъ часы, неизбѣжныя при занятіи съ нѣсколькими отдѣленіями въ классѣ; ниже висятъ три стѣнные

доски; средняя, самая большая, покрыта цифрами и буквами; лѣвая предназначена для писанья иѣломъ, правая содержитъ нотную систему. Для стиранія иѣла есть особый снарядъ въ видѣ щетки съ ремнемъ для надѣванія на руку, но вмѣсто щетины прикрѣплена къ доскѣ шерсть. Это крайне удобно. Надъ боковыми досками сдѣланы приспособленія для опусканія географическихъ картъ, которыя и находятся свернутыми надъ досками. Опускаясь, карты вполне закрываютъ каждую доску. Кафедра стоитъ на возвышеніи. Рядомъ съ ней направо стоитъ гармоніумъ, налѣво — столъ для естественно-научныхъ опытовъ. На немъ находился патентованный небольшой воздухоочистительный аппаратъ. Шведы пророчатъ этому изобрѣтенію великую будущность. Школьные скамьи, какъ въ Америкѣ, на одного человѣка каждая; къ каждому столу придѣланъ стулъ со спинкою, хотя, къ сожалѣнію, ни сидѣнье, ни спинка не имѣютъ соотвѣтствующихъ положенію тѣла выгибовъ. Доска, на которой пишутъ, можетъ выдвигаться и задвигаться, какъ въ столахъ системы Кунце. Задвигая доску, закрываютъ вполне и чернильницу, и ящикъ для перьевъ. Кромѣ того доска раздѣлена посрединѣ, такъ что нижнюю часть можно поднять, чтобы открыть ящикъ стола. Впрочемъ, это иѣшаетъ необходимой для писанья и рисованья ровности стола. Вообще можно замѣтить, что это устройство нѣсколько сложно для школьнаго стола, тогда какъ возможная простота и несложность — главныя условія школьной мебели. Такихъ скамеекъ стояло на выставкѣ въ классѣ восемь рядовъ. Учебныя пособія и школьная литература помѣщались частью въ классной комнатѣ, частью въ нѣсколькихъ сосѣднихъ комнатахъ. Къ классу примыкаетъ маленькая рабочая и библиотечная комната для учителя. Собраніе книгъ заключаетъ употребительныя школьныя книги, изданныя шведскими школьными дѣятелями, и общія педагогическія сочиненія. Для религіознаго преподаванія, повидимому, избрано самое необходимое: каталогъ заключаетъ двадцать номеровъ книгъ этого рода. Богаче всего естественно-научная литература. По этой отрасли ииѣлись хорошо выбранныя и хорошо расположенныя сочиненія и коллекціи; коллекція минераловъ состояла не изъ мелкихъ кусочковъ, какъ это встрѣчалось намъ на швейцарскихъ выставкахъ; школьныя гербаріи сохраняли хорошо цвѣта растеній; далѣе шли: собраніе плодовъ растеній, собраніе лекарственныхъ растеній, собраніе съѣдоб-

ныхъ грибовъ Швеции, собраніе различныхъ деревъ. Собраніе физическихъ или химическихъ аппаратовъ было распредѣлено согласно съ строго выработаннымъ планомъ. Географическія пособія произвели на насъ менѣе пріятное впечатлѣніе, — въ картахъ мы замѣтили нѣкоторую односторонность. Но во всемъ видѣлось руководящее вліяніе знатока дѣла. Среди учебныхъ гимнастическихъ пособій были орудія для военныхъ упражненій мальчиковъ — барабанъ и труба. Впрочемъ, нѣмецкая народная школа не безъ основанія отказывается отъ подобныхъ упражненій. Наше обученіе гимнастикѣ ставитъ себѣ общія задачи: во-первыхъ, развитіе правильными тѣлесными упражненіями всѣ члены настолько, чтобы они по-возможности дѣлались полезными органами человѣческой души, и во-вторыхъ, имѣть передъ глазами постоянно особенную цѣль — дать молодымъ людямъ возможность сознательно управлять своими тѣломъ, сознавать силы своихъ членовъ и, такимъ образомъ, во всѣхъ положеніяхъ своей жизни разумно распоряжаться этими силами. Нѣмецкая гимнастика давно отреклась отъ видѣльванья разныхъ „кунштшиковъ“, но точно также она отреклась отъ всякаго односторонняго развитія дѣтей для какой-нибудь спеціальной карьеры, а значитъ и для военной службы. Подготовлять къ этой службѣ нужно въ юношескій и зрѣлый возрасты, и это можетъ быть исполнено тѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе исполнила школа свои общія задачи. Шведскій школьный дождь особенно дорогъ потому, что онъ является масштабомъ для оцѣнки шведскаго народнаго образованія. Это модель, по которой, по распоряженію шведскаго правительства, должны строиться новые школьные дома въ Швеции, и эти учебныя пособія и педагогическая литература являются плодами неутомимыхъ работъ шведскаго учительскаго сословія, для развитія и обстановки котораго государство особенно много сдѣлало въ послѣднія двадцать лѣтъ. Эти результаты должны цѣниться тѣмъ болѣе, что они достигнуты въ такое короткое время“.

Конечно, Вагеманнъ находить, что безъ „нѣмецкой мысли и безъ нѣмецкой школы“ шведы ничего не могли бы сдѣлать, что все сдѣланное ими заимствовано у нѣмцевъ. Жаль только, что ему же приходится сознаться, что шпгое въ шведской школѣ лучше, чѣмъ въ нѣмецкой, и что на вѣнской выставкѣ въ нѣмецкомъ павильонѣ не было замѣтно такого серьезнаго отношенія къ дѣлу,

какъ въ шведскомъ навильонѣ. Шведская школа замѣчательна не тѣмъ, что она все заимствовала у нѣмцевъ, а тѣмъ, что она не пренебрегала опытами всѣхъ другихъ народовъ и посылала своихъ членовъ учиться къ Ланкастеру, къ Песталоцци, къ Франке, ко всѣмъ, кто могъ сказать что-нибудь новое и плодотворное. Кажется, давно-бы пора, по крайней мѣрѣ, ученымъ перестать препираться и спорить о томъ, кто что изобрѣлъ. Все хорошее будетъ вѣчно хорошо, будетъ-ли оно изобрѣтено нѣмцемъ, французомъ, англичаниномъ или русскимъ. Нѣмцы этого никакъ не хотятъ понять: они не хотѣли знать, напримѣръ, методы Белла и Ланкастера, потому что эта метода была изобрѣтена англичанами. А между тѣмъ было время, когда эта метода могла принести много пользы въ Германіи. Шведы въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ воспитанія смотрятъ иначе: они заимствуютъ хорошее и у англичанъ, и у американцевъ, и у нѣмцевъ и стараются перенести это хорошее на свою почву. Вотъ почему здѣсь нѣтъ узкости и односторонности въ дѣлѣ народнаго образованія.

X.

Теперь мнѣ приходится коснуться хотя отчасти статистики народныхъ школъ въ Швеціи.

Въ 1850 году, т.-е. черезъ три года послѣ срока, опредѣленнаго для новой организаціи школъ, въ Швеціи населеніе доходило до 3,358,867 человекъ; дѣтей отъ 7 до 15 лѣтъ было 436,678 человекъ. Изъ нихъ не получали образованія 14,285 человекъ, т.-е. 30-я часть. Въ 1866 году, при населеніи въ 4,200,000 человекъ и при 692,670 дѣтяхъ отъ 7 до 15 лѣтъ, образованія не получали только 12,000 человекъ, т.-е. 42-я часть. Прогрессъ здѣсь уже замѣтенъ. Но онъ еще будетъ замѣтнѣе, если посмотрѣть поближе, какое образованіе получали учащіеся. Вотъ сравнительная таблица, поясняющая отчасти это дѣло:

	Въ 1850 г.	Въ 1866 г.
Въ постоянныхъ школахъ	143,526	187,010
— подвижныхъ —	126,178	149,756
— частныхъ —	17,465	22,267
учило ^{ни} ща	128,995	103,993

Изъ этихъ цифръ видно, что число школъ увеличилось и только уменьшилось число учащихся дома, т.-е. число дѣтей, получающихъ самое плохое образованіе.

Продолжительность ученья была слѣдующая: въ постоянныхъ школахъ 63,726 человекъ слушали курсъ менѣе 60 дней въ году; 61,506 человекъ отъ 60 до 120 дней и 48,446 болѣе 120 дней; въ подвижныхъ школахъ слушали курсъ менѣе 60 дней 80,892 человека; болѣе 60 дней 110,859 человекъ. По словамъ отчета за 1866 годъ, во всей Швеціи недоставало еще 132 первоначальныхъ народныхъ школъ и 826 маленькиихъ школъ для того, чтобы удовлетворить всѣ требованія желающихъ учиться.

Такимъ образомъ, народное образованіе въ Швеціи поставлено на твердую почву и уже представляетъ всѣ задатки будущаго своего развитія. Главное достоинство принятой въ Швеціи системы заключается въ томъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія приняли участіе совершенно свободно и довольно равномерно всѣ слои общества. Духовенство, государство, народъ и частныя лица не исключаются отъ надзора за этимъ дѣломъ или отъ права веденія этого дѣла. Въ сущности главными наблюдателями за школами являются члены церковнаго совѣта, но эти члены выбираются народомъ и не исключаютъ инспекторовъ отъ государства. Преобладающимъ типомъ является постоянная народная школа, но она не исключаетъ ни подвижной, ни частной народной школы. Въ этомъ вся сила этой системы. Если можно сказать про какую-нибудь школу, что она вполне „народна“, „популярна“, то это именно про шведскую, какъ и про американскую или швейцарскую. Она, дѣйствительно, создана народомъ и сохранила за собой историческія традиціи. Такъ, напримѣръ, существованіе подвижной школы имѣетъ чисто-историческое значеніе. Эта школа—любимое дитя народа. Она могла и можетъ существовать только вслѣдствіе извѣстнаго склада народной жизни: ее вызвали отдаленность одного поселенія отъ другого и трудность путей сообщенія между поселеніями; ее поддерживала самостоятельность шведскаго народа; она не навлекала на себя никакихъ подозрѣній, вслѣдствіе преданности этого народа благу своего отечества; она признавалась хорошимъ подспорьемъ вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ съ одной стороны, и вслѣдствіе убѣжденія

въ необходимости хотя какимъ-нибудь путемъ создать образованіе въ странѣ—съ другой стороны. Только при самомъ широкомъ довѣріи къ населенію могла существовать и существуетъ такая ускользающая отъ контроля школа. Подвижная школа когдз-нибудь исчезаетъ въ Швеціи, но исчезнетъ она не вслѣдствіе искусственныхъ мѣръ, а просто вслѣдствіе того, что ее замѣняютъ мало-по-малу и сдѣлають ненужною болѣе совершенныя школы. Такъ мало-по-малу исчезаютъ въ Швеціи школы взаимнаго обученія, хотя взаимное обученіе принесло когда-то Швеціи громадныя услуги. Швеція въ дѣлѣ народнаго образованія стоитъ, какъ я сказалъ, выше Германіи въ томъ отношеніи, что она умѣла пользоваться всѣми средствами, тогда какъ въ Германіи этими средствами пренебрегали. Въ Германіи пренебрегали и подвижными школами, и взаимнымъ обученіемъ, но Швеція воспользовалась и этими несовершенными способами обученія, сознавая, что лучше сдѣлать хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Еще есть одно изъ сильныхъ преимуществъ шведскаго народнаго образованія — это его стремленіе къ практичности. Мы видѣли, что объемъ предметовъ обученія въ народныхъ школахъ Швеціи довольно великъ, но шведы не довольствуются и этимъ и заводятъ высшія народныя школы; кромѣ того, они стремятся завести школы для взрослыхъ, чтобы разъяснить этимъ людямъ ихъ общественное значеніе и политическій строй страны и т. д. Съ большимъ развитіемъ этихъ высшихъ школъ въ деревняхъ начнется и большее процвѣтаніе деревень и сгладится различіе между деревенскими и городскими жителями,—различіе, такъ пагубно отзывавшееся на западной Европѣ. Въ Швеціи это различіе менѣе ощутительно и жизнь шведскихъ городовъ мало отличается отъ жизни шведскихъ селъ. Здѣсь болѣе гармоніи въ развитіи разныхъ элементовъ страны, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ западной Европы.

А. Михайловъ.

У Р Г У Т Ъ.

(Изъ походныхъ записокъ линейца).

Послѣ Чапанъ-атинскаго погрома и занятія Самаркандъ прошла цѣлая недѣля. Отрядъ нашъ тѣснымъ лагеремъ расположился по сторонамъ большой бухарской дороги, на въѣздѣ изъ Самаркандъ. Въ городской цитадели, гдѣ помѣщенъ былъ походный лазаретъ, устроены временные склады провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ и находилась главная квартира, сталъ шестой баталіонъ линейцевъ и три роты стрѣлковъ нашей туркестанской гвардіи.

На очень небольшомъ пространствѣ, прорѣзанномъ по всѣмъ направленіямъ арыками, стѣснилось около трехъ тысячъ человекъ. Солдаты помѣщались въ крохотныхъ парусинныхъ палаткахъ, на манеръ переносныхъ алжирскихъ. По близости краснѣли, зеленѣли и пестрѣли аіятскія палатки офицеровъ, ослѣпительно сверкали жѣдныя массы орудій, между зарядными ящиками, на протянутыхъ коновязяхъ привязаны были артиллерійскіе кони, которые фыркали и чихали отъ мелкой, всюду проникающей пыли, и тоскливо отмахивались хвостами отъ мириадъ докучливыхъ мухъ. Цѣлыми тучами носились надъ лагеремъ эти несносныя насѣкомыя, набивались въ палатки, лѣзли и падали въ котлы, миски и стаканы и не давали сомнѣть глазъ до солнечнаго заката, внося въ нашъ лагерь одно изъ самыхъ назойливыхъ неудобствъ. Дымъ отъ ротныхъ кухонъ черными или сѣроватыми облаками носился надъ рядами палатокъ. Въ воздухѣ пахло котлами, жаренымъ саломъ,

свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ и другими, болѣе или менѣе возбуждающими или отбивающими аппетитъ снадобьями.

Небольшой ручей, протекавшій на днѣ оврага, шагахъ въ трехъ стахъ впереди, снабжалъ весь лагерь довольно порядочною водою. Кругомъ зеленѣли тѣнистые фруктовые сады; надъ лагерь-же кое-гдѣ торчали полувысохшія, ошипанныя деревья.

Дорога въ Бухару, обсаженная тутовыми деревьями, раздѣляла лагерь на двѣ почти равныя части. Въ настоящее время дорога эта кипѣла самою оживленною дѣятельностью. По обѣимъ сторонамъ ея тянулись наскоро сколоченные шалаши, въ которыхъ продавались разныя свѣдомыя вещи: варился пловъ, жарились шамлы и рыба, и даже устроены были двѣ или три небольшія хлѣбопекарныя печи, въ которыхъ пеклись плоскія туземныя лепешки. Въ болѣе опрятныхъ и тѣнистыхъ шалашахъ продавались шербетъ и разныя фрукты. Разноплеменную, пеструю толпу по всѣмъ направленіямъ прорѣзывали сартята и жиденки съ лотками на головахъ, выкрикивая ломаными языкомъ русскія названія продаваемыхъ предметовъ.

Въ просторныхъ полотняныхъ палаткахъ, принадлежащихъ нашимъ русскимъ купцамъ и маркитантамъ, толпились солдаты. Татары-прикащики, суетясь, сновали взадъ и впередъ, особенно если въ палатку заходили офицеры, что всегда приносило хорошій доходъ, ибо въ лагерьѣ жилось весело.

Авганцы Иекандеръ-Хана, въ яркихъ халатахъ, гремя оружіемъ, рыскали верхомъ въ толпѣ, усердно прикладывая руку къ козырьку, по русскому обычаю, при встрѣчѣ съ нашими офицерами. Лошади ржали, ишаки вытянули длиннouxія морды, провозительно выкрикивали усталые, вылинявшіе верблюды, уложенные рядами у самыхъ боковыхъ арковъ, жалобно вздыхали, пережевывая рубленую солому (саманъ). Въ воздухѣ стояла невыносимая жара, градусовъ двадцать пять и болѣе въ тѣни по Реомиру.

По вечерамъ, когда становилось гораздо прохладнѣе, въ разныхъ пунктахъ лагера гремѣла незатѣйливая музыка линейныхъ баталіоновъ, звонко заливались хоры пѣсенниковъ и туземная торговля на базарѣ прекращалась. Сарты, жиды и индійцы уходили въ городъ съ тѣмъ, чтобы на другой день вернуться съ свѣжими продуктами. Только въ маркитантскихъ палаткахъ было

яркое освѣщеніе; торговля въ этихъ теплыхъ мѣстахъ не прекращалась вплоть до разсвѣта. Впрочемъ, всѣ мѣры осторожности, принятыя въ военное время, исполнялись съ возможною тщательностью, сплошная цѣпь часовыхъ охватывала весь лагерь, и въ разныхъ укромныхъ пунктахъ закладывались довольно сильныя секреты.

Такъ изо дня въ день проводилось время въ самаркандскомъ лагерѣ.

Въ самомъ Самаркандѣ жители относились къ намъ чрезвычайно дружелюбно. Мы еще и не подозрѣвали, до какой степени притворна эта миролюбивость. Депутации отъ всѣхъ окрестныхъ мѣстечекъ и кишлаковъ почти ежедневно представлялись генераль-губернатору. Съ самаго ранняго утра можно было видѣть десятки разныхъ представителей, которые молча сидѣли въ тѣни, на мощеномъ плитами дворѣ эмирскаго дворца (кокъ-таша), гдѣ помѣщалась главная квартира. Передъ депутатами стояли круглые мѣдные подносы съ лепешками, изюмомъ, сушенымъ урюкомъ и разными мѣстными сладостями; тутъ-же жалобно нычали быки на волосяныхъ привязяхъ; все это назначалось на поклонъ Ярмъ-Пашѣ (пол-государя), какъ называли туземцы нашего генераль-губернатора. Часовъ въ одиннадцать, обыкновенно, назначался приѣмъ депутации. Разныя сласти и скоть отбирались и поступали въ пользу караульной роты, на почетнѣйшихъ изъ депутатовъ надѣвались золотыя и серебряныя медали, всѣмъ безъ исключенія—цвѣтныя, а иногда и шитыя золотомъ халаты, и вся публика, повидному, чрезвычайно довольная, отправлялась съ миромъ во свояси.

Одинъ только изъ городковъ, казалось, вовсе не расположенъ былъ признавать нашей власти; это былъ Ургуть. Городъ этотъ лежалъ верстахъ въ сорока отъ Самарканда къ югу, въ глухомъ горномъ ущельѣ, и дороги къ нему вели не совсѣмъ-то удобныя. Къ Гусейнъ-Беку, тамошнему правителю, уже не разъ послали сказать, чтобы онъ явился въ Самаркандъ представиться и получить распоряженія отъ своего новаго правительства, и что, иначе, онъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ русскаго губернатора, что могло-бы имѣть для него очень вредныя послѣдствія;

на все это Гусейнъ-Бекъ отвѣчалъ чрезвычайно уклончиво и неопредѣленно или-же не отвѣчалъ вовсе. А между прочимъ, это странное упорство могло вредно вліять на окрестное населеніе. Къ Ургуту, какъ къ опорной точкѣ, начали пристраиваться то тѣ, то другія партіи недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей; получено было вѣрное извѣстіе, что Гусейнъ-Бекъ сносился съ Джура-Биемъ, шахри-саябъскимъ бекомъ, по ту сторону самаркандскихъ горъ, а Шегри-Сабъ явно выставилъ себя врагомъ русскихъ и союзникомъ бухарскаго эмира. Подобное положеніе дѣлъ относительно Ургута надо было прекратить какъ можно скорѣе и окончательно, и рѣшено было послать туда довольно сильный самостоятельный отрядъ, начальнику котораго поручено было, между прочимъ, стараться, на-сколько это возможно, устроить дѣло мирнымъ путемъ, не доходя до вооруженнаго столкновенія. Десятого мая, вечеромъ, отрядъ этотъ былъ сформированъ и почью выступилъ изъ Самарканда по ургутской дорогѣ.

Была чудная весенняя ночь,—такая ночь, какія и здѣсь, въ средней Азіи, выдаются на рѣдкость. Полная луна высоко стояла въ небѣ; было такъ свѣтло, что читать можно было почти безъ затрудненія. Удушливья, отнимающія сонъ лѣтнія ночи еще не начинались и въ воздухѣ было прохладно.

Отрядъ нашъ вытягивался по узкимъ улицамъ Самарканда. Пѣхота шла молча, безъ пѣсенъ и говору, тяжело переступая по вершковой пыли. Сильно клонило ко сну и солдаты на ходу дремали. Всѣ ворота были на-глухо заперты и въ городѣ царствовала мертвая тишина; изрѣдка только выскочить тощая дворовая собака и съ хриплымъ лаемъ пробѣжить по плоской крышѣ, провожал мелькающей передъ ея глазами ротный значеѣ. Колеса орудій и ащиковъ глухо гремѣли по камнямъ. Пестрые джигиты-киргизы и авгапцы, щелкая пагайками по тощимъ бокамъ своихъ лошадей, пробирались вплотную къ стѣнамъ, обгоняя пѣхоту. Офицеры, распустивъ поводья, клевали посомъ, сидя на мягкихъ казачьихъ сѣдлахъ. Скоро подошли къ городскимъ воротамъ; здѣсь находилась маленькая базарная площадка съ запертыми лавочками и пустыми навѣсами. Четыре оборванныхъ сарта съ боль-

шими бубнами въ рукахъ сидѣли на корточкахъ подъ навѣсомъ, угрюмо глядя на проходящихъ солдатъ; ни одинъ мускулъ не пошевелился на этихъ типичныхъ, рѣзко очерченныхъ лицахъ, и казалось, что они совершенно равнодушно относились къ шуткамъ и островамъ гауровъ, сыпавшимся на нихъ изъ шедшихъ мимо рядовъ. Это былъ одинъ изъ туземныхъ городскихъ карауловъ, обязанность которыхъ была обходить базары и улицы и караулить по ночамъ городскіе ворота. Сзади, отъ хвоста колонны, слышались крики: „Направо, налѣво раздайся!“ Пѣшіе прижались къ стѣнамъ, очищая дорогу, конные ускорили шагъ. Показалась небольшая группа верховыхъ, которая, ускореннымъ шагомъ, почти рысцєю, обгоняла отрядъ. Это былъ начальникъ отряда полковникъ А—въ. Онъ ѣхалъ впереди на красивой рыжей лошади, вполголоса здороваясь съ людьми и слегка кивая своей бѣлой фуражкой; два-три офицера и нѣсколько казаковъ рысили за нимъ тѣсной кучкою; надъ конвоемъ развѣвался большой полосатый значекъ, тѣнь отъ котораго длинной полосой бѣжала по плоскимъ крышамъ. Скоро весь отрядъ, пройдя подъ темными, массивными воротами, выбрался изъ города и втянулся въ окрестные сады. Дорога стала значительно шире; по сторонамъ тянулись довольно высокіе глиняные заборы, изъ-за которыхъ виднѣлись развѣсистыя, курчавыя верхушки фруктовыхъ деревьевъ. Громадные туты, сплошь покрытыя бѣлыми ягодами, бросали на дорогу густую, непроницаемую тѣнь. Часто попадались отдѣльные садики съ квадратными прудиками посерединѣ, обсаженными высокими, кудреватыми карагачами; сквозь темныя массы зелени виднѣлись жилые дворы, обнесенные высокою зубчатою стѣною, часто съ затѣйливыми украшеніями, вырѣзанными по сырой глиѣ. Вездѣ по сторонамъ, сквозь яркую зелень засѣянныхъ клеверомъ полей, серебрились узкіе арки, по которымъ, съ глухимъ журчаніемъ, бѣжали мутныя потоки воды; такіе-же арки, но только значительно шире, поминутно перерѣзывали дорогу, и черезъ нихъ вели ветхіе, полуразвалившіеся мостики. Въ воздухѣ пахло медовымъ запахомъ тутовника. Цѣлый градъ ягодъ сыпался на пыльную дорогу при каждомъ ударѣ штыка о низко свѣсившіяся вѣтви. Красноватый шаръ луны спустился къ самому горизонту и на немъ ясно рисовались далекія горныя вершины. Вся восточная сторона неба подернулась блѣднымъ золотистымъ свѣтомъ

а черезъ часъ ослѣпительно блеснули яркіе огненные лучи и погнались передъ собою по цѣлому морю изумрудной зелени легкую дымку утренняго тумана.

Скоро мы выбрались изъ садовъ, которые по этому направленію тянутся почти на пятнадцать верстъ отъ городскихъ стѣнъ. Необозримыя поля, засѣяныя клеверомъ, пшеницею, рисомъ, видѣлись всюду, куда только хваталъ глазъ; кое-гдѣ возвышались насыпные курганы, желѣли низенькія стѣнки изъ глины и отдѣльно разбросанныя небольшіе садикки. Около дороги лежало довольно большое, взрытое и заросшее бурьяномъ, мальвами и разными сорными травами, пространство, усѣянное продолговатыми, бѣлыми и темно-сѣрыми каменными плитами; надъ нѣкоторыми изъ нихъ торчали шести съ повѣшенными тряпками и желѣзными зубчатыми наконечниками: это было кладбище съ безчисленными могилами правовѣрныхъ. Въ сторонѣ видны были два кургана, на вершинахъ которыхъ сложены были грубыя подобія мавзолеевъ, осѣяныя бунчуками изъ конскихъ хвостовъ и мѣдными, пустыми внутри, шарами, висящими на тонкой проволокъ: здѣсь покоились тѣ, которые еще при жизни получили высокій санъ святыхъ—столбовъ мусульманства. Мы прошли еще верстъ пять и, спустившись въ небольшую долину, расположились на привалѣ по берегамъ довольно широкаго арнка съ мутною, землистою водою. Оboзы съ трудомъ вытягивались на противоположную возвышенность и, выстраиваясь рядами, распрягали лошадей, офицерскія повозки катились къ своимъ частямъ, казаки ставили на приколы своихъ запыленныхъ и отряхивающихся лошадей. Скоро, то тамъ, то сямъ, затрещали веселые огоньки и потянулись голубоватыя струйки дыма, оживленный разговоръ слышался со всѣхъ сторонъ, весь берегъ арнка усѣянъ былъ умывающимися солдатами.

Недолго отдыхали мы на этомъ мѣстѣ. Скоро барабаны затрещали подъемъ, люди поднялись и выстроились, артиллерія впрягла лошадей и мы тронулись снова. Впереди, за лентою полей, видѣлся прелестный голубой хребетъ Самаркандъ-Тау, у подошвы котораго рисовались большія темно-синія пятна; намъ говорили проводники, что это были заросшія садами ущелья Ургута. Странно, что мы по дорогѣ совершенно не встрѣчали никого изъ жителей; даже въ поляхъ не видно было ни одного

человѣка; казалось, что жители бѣжали отъ насъ и оставляли на поляхъ работы, при первомъ появленіи, вдали на дорогѣ, бѣлой ленты нашего отряда съ сверкающими на солнцѣ черточками штыковъ.

Часамъ къ четыремъ вечера отрядъ нашъ пришелъ къ мѣсту ночлега, верстахъ въ шести не доходя до Ургута. Мы расположились на просторной луговой равнинѣ, большимъ четырехугольникомъ, примкнувъ къ быстро бѣгущему ручью, называвшемуся также Ургутомъ. Шестъ ротъ пѣхоты стали развернутымъ фронтомъ по фасамамъ четырехугольника, казачьи орудія стали между ротами, казаки растянулись по берегу, прикрывая расположенныя здѣсь-же ротныя кухни; середину лагеря заняли отрядный обозъ и офицерскія палатки. Нѣсколько пустыхъ сакель примыкали къ самому лагерю; сакели эти, видимо, были брошены не болѣе, какъ за часъ передъ нашимъ прибытіемъ. Жители успѣли захватить только самое для нихъ цѣнное, все-же остальное было въ беспорядкѣ брошено, какъ внутри сакель, такъ и посреди дворишковъ: посуда глиняная и деревянная, нѣсколько мѣшковъ (батмаковъ) съ зерновымъ хлѣбомъ, какіе-то пестро раскрашенные съ позолотою шкапички и много разнаго хлама. Сейчасъ-же занялись варкою ужина. На дрова разобрали крышу одной изъ сакель и подъ громадными ротными котлами запылали яркіе огни. Офицерскіе деньщики забѣгали съ мѣдными чайниками... Лагерь принялъ свою обычную физиономію.

Прямо передъ нами поднимались горы; казалось, что можно было рукой достать эти покрытые сочной зеленью склоны, но почти ташъ (восемь верстъ) отдѣлялъ насъ отъ подножья хребта. Ближе всего, постепенно сливаясь съ равниной, высились роскошные ярко-зеленые холмы, выше поднимались грозныя скалы причудливой формы, громоздясь одна на другую, то расходясь и образуя темныя тѣснины, то сплошною стѣною загораживая темно-синее небо. Клочковатая, разорванная тучи скользили по каменнымъ утесамъ, бросая на нихъ бѣгущія тѣни; иногда онѣ сплывались въ большія массы, спускались къ самымъ подножьямъ и медленно ползли по низу, пока вырвавшійся изъ ущелья стремительный порывъ вѣтра не разрывалъ ихъ и не гналъ снова въ высь, къ искрившимся на солнцѣ ярко-бѣлымъ снѣжнымъ вершинамъ. Густыя сады, между которыми виднѣлись глиняныя по-

стройки, раскинуты были по ближайшимъ склонамъ; за ними возвышался отдѣльный курганъ, вершина и скаты котораго тѣсно были обстроены. Въ бинокль можно было ясно различать отдѣльныя сакли и зубчатая стѣны на вершинѣ кургана. Далѣе за курганомъ снова видѣлись сады, постепенно теряясь въ глубокое ущельѣ. Это и былъ Ургутъ, расположенный у входа въ свое недоступное ущелье.

Между тѣмъ свирѣпствовавшіе въ горахъ порывы вѣтра стали доноситься и до насъ; заколыхались легкіе шелковые значки и дрогнуло натянутое на тонкихъ веревкахъ полотно солдатскихъ палатокъ. Свинцовая туча, охвативъ пол-горизонта, шла прямо на нашъ лагерь съ глухими ударами грома; горное эхо вторило имъ съ безконечными перекатами; крупныя капли дождя зашлекали по пыльной дорогѣ. Черезъ пять минутъ хватилъ проливной дождь. Люди попрятались въ палатки и подъ повозки; одни только часовые, плотно завернувшись въ свои сѣрые плащи, нѣрпно расхаживали передъ рядами составленныхъ въ козлы ружей. Черезъ полчаса пронеслись дождевыя тучи. Яркіе лучи заходящаго солнца заискрились на мокрой зелени и по горамъ протянулись чудныя радужныя полосы. Въ воздухѣ стало прохладно. День клонился къ вечеру.

Цѣль нашей экспедиціи, какъ я уже сказалъ, не была безусловно-враждебна. Отъ Гусейнъ-Бека требовалось только одно—чтобы онъ прибылъ въ Самаркандъ для личныхъ переговоровъ съ генераль-губернаторомъ и принялъ далеко не тяжелыя условія покорности. Только въ случаѣ полного сопротивленія позволено было намъ употребить въ дѣло оружіе. Итакъ, надо было испробовать предварительно мирныя средства.

Рѣшено было послать къ Гусейнъ-Беку письма отъ генераль-губернатора и отъ начальника нашего отряда, въ которыхъ, по возможности, кратко и вразумительно изложена была цѣль нашего прибытія. Крімъ того, надо было послать эти письма съ такимъ челвѣкомъ, который-бы сумѣлъ лично говорить съ бекомъ и не побоялся-бы довольно крупныхъ неприяностей, могущихъ случиться съ посланнымъ, если только предложенія наши не будутъ встрѣчены миролюбиво. Не разъ бывали случаи, что подобныя посланные возвращались или съ обрѣзанными ушами

и носомъ, или-же не возвращались вовсе. Въ настоящемъ случаѣ выборъ палъ на Нурмеда.

Какой-то всадникъ, на высокой туркменской лошади, въ полутатарскомъ костюмѣ и въ косматой лисьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ, шагомъ подъѣзжалъ къ ставкѣ нашего полковника и слѣзъ съ лошади. Это былъ Нурмедъ. Онъ, согнувшись и приподнявъ на головѣ шапку, вошелъ въ ставку. Рѣдко можно встрѣтить такую оригинальную фizioномію; подъ густыми, нависшими бровями сверкали, какъ угли, два темно-каріе глаза, высокой гладкій лобъ окоймлялся густою щеткою гладко остриженныхъ сѣдыхъ волосъ, широкій, чувственный ротъ постоянно складывался въ какую-то добродушную и вѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно лукавую улыбку, сквозь бѣлыя кольца вьющихся усомъ сверкали ослѣпительные зубы и роскошная черная съ частомъ просѣдою борода длинными прядями расплзлась чуть не на половину груди.

Куда только судьба ни закидывала эту оригинальную личность, вся его жизнь наполнена была разнообразными, въ высшей степени романическими приключеніями. Онъ самъ не любилъ рассказывать эпизоды своего прошедшаго, а если и рассказывалъ, то часто въ его рассказахъ сквозило умышенное противорѣчіе. Говорили, что лѣтъ тридцать тому назадъ онъ бѣжалъ изъ Сибири, что долго онъ слонялся по обширнымъ степямъ киргизской орды, потомъ пробрался въ бухарское ханство, служилъ у отца нынѣшняго эмира Насрулла, былъ у него въ милости и въ немилости, участвовалъ съ нимъ въ походахъ, потомъ былъ придворнымъ медикомъ при дворѣ уже настоящаго эмира Мозафара и, наконецъ, снова явился къ русскимъ, рассчитавъ, что давно забыто его прошедшее и не докопаться до него никакимъ пресловутымъ слѣдователямъ, да и кому охота была заглядывать въ его далекое былое.

Ему сообщили сущность его порученія; онъ молча выслушалъ, завернулъ въ широкій поясъ письма и, пожавъ руки ближайшимъ изъ офицеровъ, съ поклономъ вышелъ изъ палатки. Скоро мы видѣли его далеко, уже за цѣпью часовыхъ; длинноногий аргамакъ ходко рысиль по узкой дорогѣ, верхушка лисьей шапки ярко краснѣла издали и за согнутой богатырской спиной торчали стволы вынутой изъ чехла винтовки.

Между тѣмъ стало замѣтно темнѣть; звѣзды все гуще и гуще усеивали синее небо; надъ кухонными огнями стояло красноватое зарево; казаки и артиллеристы навѣшивали на копей торбы съ ячменемъ, солдаты уже поужинали и ночная цѣпь часовыхъ разставлена была вокругъ лагеря. Люди, утомленные большимъ переходомъ, крѣпко спали, свернувшись подъ своими шинелями. Въ офицерскихъ палаткахъ кое-гдѣ еще видѣлись огни, въ ставкѣ же начальника отряда было ярко освѣщено; тамъ никто не спалъ: ждали возвращенія Нурмеда и рѣшенія вопроса, быть или не быть на завтра кровавому штурму строптиваго Ургута.

Прошло часа три. Наконецъ, въ цѣпи послышался тревожный окликъ. Топотъ нѣсколькихъ лошадей приближался къ лагерю и изъ темноты начали одна за другою видѣваться конныя фигуры. Онѣ остановились уже внутри лагеря и стали слѣзать съ лошадей; ихъ встрѣтили и ввели въ палатку начальника отряда. Черезъ пять минутъ всѣ прибывшіе сидѣли полукругомъ на разостланномъ коврѣ; напротивъ нихъ помѣстился на складной кровати полковникъ А—въ, правѣе и лѣвѣе его нѣсколько офицеровъ, а сзади, въ полусвѣщенныхъ пространствахъ, видѣлось, одно за другимъ, множество любопытныхъ лицъ, пришедшихъ послушать, чѣмъ кончится это интересное засѣданіе. Нурмедъ вернулся вмѣстѣ съ прибывшими и что-то рассказывалъ одному изъ нашихъ офицеровъ. Мы узнали, что это прибылъ самъ Гусейпъ-Бекъ для личныхъ объясненій съ начальникомъ отряда. Объясненія эти, послѣ обычнаго обмѣна любезностей, начались.

Теперь мы обратимся нѣсколько назадъ, къ минутѣ отъѣзда Нурмеда изъ нашего лагеря *).

Версты четыре проѣхалъ джигитъ, не встрѣтивъ ни одной живой души; уже ясны были видны первыя стѣнки ургутскихъ садовъ, можно было свободно различать группы плодовыхъ деревьевъ; тогда онъ замѣтилъ за стѣнами какое-то движеніе: казалось, что толпы пѣшаго народа двигались взадъ и впередъ, что-то работали, спѣша и суетясь; кое-гдѣ сновали конные, красные халаты которыхъ замѣтны были издали; глухой говоръ слышался по садамъ, можно было уже различать отдѣльные крики и звуки

*) Заимствовано мною изъ личнаго разсказа Нурмеда о его ургутскихъ походахъ.

дрезжавшаго рожка. Нурмедъ постоялъ минуту на мѣстѣ, осмотрѣлся и потомъ потихоньку началъ спускаться къ быстрому, бѣгущему по кремнистому руслу, ручью. Черезъ ручей онъ перѣѣхалъ въ бродъ—воды было едва по-колѣно; выбравшись на другой берегъ, онъ пустилъ коня въ карьеръ и попелся по каменистой дорогѣ, пристально глядя по сторонамъ. Едва онъ проскакалъ шаговъ триста, какъ услышалъ громкіе крики: нѣсколько конныхъ выскакали изъ ближайшихъ садовъ и приближались къ нему, стараясь охватить его со всѣхъ сторонъ. Мимо самыхъ ушей его просвисталъ пущенный изъ пращи камень. Нурмедъ еще шибче погналъ своего аргамака; поджарый сынъ степей стлался по дорогѣ. Джигитъ хорошо зналъ мѣстные нравы: попавшись жителямъ въ руки прежде, чѣмъ его замѣтятъ официальные власти, онъ могъ разсчитывать натерпѣться много крупныхъ непріятностей; цѣлью его бѣшеной скачки было какъ можно скорѣй прискакать въ городъ и попасться на глаза если не Гусейнъ-Бека, то кого-нибудь изъ его подчиненныхъ. Вотъ еще разъ ему пришлось перебираться черезъ рѣчку. Съ плескомъ разступилась прозрачная горная вода; дико фыркая, конь въ два прыжка вскарабкался на противоположную сторону; толстое бревно лежало поперекъ дороги, густыя зеленныя вѣтви топорщились во всѣ стороны. Аргамакъ на минуту остановился и мигомъ нѣсколько рукъ ухватилось за поводья; разгоряченный бѣгомъ конь взвился и перелетѣлъ черезъ препятствіе. Нурмедъ вырвался и оставилъ въ рукахъ державшихъ полу своего пестраго бешмета. Узкая улица, по которой онъ несся, извивалась по берегу. Вдругъ цѣлая баррикада, сложенная изъ свѣже-срубленныхъ бревенъ, во всю ширину, загородила ему дорогу; разскакавшійся конь разомъ сталъ, какъ вкопанный, раздувъ широко ноздри и наостривъ маленькія уши. Въ нѣсколько секундъ Нурмедъ былъ окруженъ густою толпою народа, которая, съ крикомъ и ругательствами тащила его съ лошади. Но уже нѣсколько красныхъ халатовъ, беспощадно прокладывая себѣ дорогу плетями, пробивались къ остановленному парламентарю; повелительные крики „оставить! прочь! не трогать!“ успокоили толпу. Нурмеда окружили и, отобравъ у него лошадь и оружіе, пѣшкомъ повели къ Гусейнъ-Беку по кривымъ улицамъ города. Густая толпа сопровождала его вплоть до воротъ цитадели, гдѣ

помѣщался бекъ. Дорогою Нурмедъ успѣлъ замѣтить, что жители не питали дружественныхъ чувствъ къ русскимъ и дѣятельно готовились къ энергической оборонѣ. На каждомъ перекресткѣ устраивались сильные завалы; стукъ тоноровъ звонко раздавался въ вечернемъ воздухѣ. Женщины и дѣти спѣшно укладывались; тяжело навьюченные ишаки, лошади и даже коровы поминутно попадались ему на-встрѣчу; все спѣшило въ горы, предоставляя мужчинамъ защищаться въ пустомъ городѣ. Лавки базаровъ плотно запирались досками и желѣзными болтами. Почти всѣ жители ходили вооруженные, хотя огнестрѣльнаго оружія было очень мало замѣтно, но за-то всевозможные ба-тики, топоры, даже кипмечи, назначенные собственно для шир-ныхъ работъ, все было употреблено въ дѣло, и озлобленные жи-тели, взобравшись на плоскія крыши сакель, свирѣпо глядѣли въ даль, на бѣлѣвшіяся далеко на горизонтѣ русскія палатки. Всѣ мечети были отперты; оттуда несло въ заунывное причитываніе муллъ, и въ узорныя двери, одинъ за другимъ, входили суровые мусульмане, оставляя у входовъ свои остроконечныя туфли.

Съ такимъ страшнымъ, фанатическимъ озлобленіемъ относились жители къ бѣдному Нурмеду, и ведшимъ его сарбазамъ, что стоило не малыхъ усилій удерживать народъ отъ черезчуръ уже крушныхъ оскорбленій. Особенно женщины отличались на этомъ поприщѣ; онѣ, какъ разъяренныя кошки, выдались на коловой, пытаясь пробиться къ Нурмеду; приподнявъ свои покрывала, онѣ плевали ему въ лицо, пхивляли кусками грязи и даже камнями, такъ что даже сарбазы выходили изъ себя и пускали въ дѣло узкіе приклады своихъ фитильныхъ мултувовъ. Наконецъ, массивныя, окованные желѣзомъ, ворота цитадели, пропустивъ кого слѣдуетъ, захлопнулись передъ самымъ носомъ шумящей толпы и Нурмедъ вздохнулъ свободнѣй.

Черезъ чисто-вымощенный дворъ провели парламентаря въ отдѣльный дворикъ, гдѣ помѣщался самъ Гусейнъ-Бекъ; въ просторной, устланной коврами саклѣ сидѣлъ онъ самъ съ своими приближенными. Это былъ еще молодой человекъ съ блѣднымъ, растеряннымъ лицомъ; онъ, казалось, былъ взволнованъ до послѣдней степени; раскраснѣвшіеся, какъ-будто отъ слезъ, глаза безпокойно бѣгали отъ одного лица къ другому. При входѣ Нурмеда онъ смутился еще болѣе и безцвѣтныя губы его стран-

но зашевелились; онъ даже пытался приподняться, но востылая рука рядомъ сидѣвшаго старика съ патриархальнымъ лицомъ и сѣдою окладистою бородою, опустилась на его плечо и бѣдный Гусейнъ какъ-то съежился и, опустивъ глаза, старался избѣгать смотрѣть на спокойнаго и пристально глядѣвшаго на него посланца.

Сидѣвшіе въ саклѣ сурово встрѣтили Нурмеда; ему указали на мѣсто около самой двери и Нурмедъ, отдавъ привезенныя письма, усѣлся на коврикѣ, поджавъ подъ себя ноги, по мѣстному обычаю. Медленно, съ подобающей важностью, печати были вскрыты и письма прочитаны вслухъ. По прочтеніи писемъ минутъ на пять воцарилось общее молчаніе; потомъ, по приказанію старика, Нурмеда подняли, вывели изъ сакли, связали руки за спиною бумажнымъ кушакомъ и бросили въ углу двора, представивъ къ нему караулъ изъ пяти сарбазовъ съ обнаженными кривыми саблями. Между тѣмъ по поводу писемъ началось оживленное совѣщаніе.

Недолго продолжалось это совѣщаніе. Нурмедъ слышалъ, почти до послѣдняго слова, все, что говорилось въ саклѣ. Голосъ самого Гусейна раздавался изрѣдка и то какъ-то нерѣшительно, но за то рѣзкій старческой крикъ какого-то фанатика покрывалъ собою остальную говоръ. Нурмедъ понялъ, что никакія соглашенія невозможны: русскимъ письмамъ и увѣреніямъ въ желаніи мира не довѣряли вовсе. Вызовъ Гусейнъ-бека въ Самаркандъ они считали просто хитрой уловкой, желаніемъ заманить только въ свои руки слабого правителя. Всѣ были убѣждены въ возможности сопротивляться силой противъ горсти русскихъ, а они успѣли уже замѣтить нашу малочисленность. Припоминались походы эмира на неприступный Ургуть, всегла кончавшіеся неудачей для гордаго повелителя Бухары; а что-же послѣ этого могли сдѣлать русскіе? Вѣдь эмиръ приходилъ съ войсками, которые покрывали собою всѣ окрестныя поля, сорокъ пушекъ гремѣли съ утра до ночи, пушечный дымъ закрывалъ солнце, а ничего не сдѣлано было Ургуту, ни одинъ врагъ не заходилъ въ его каменные ущелья. Русскіе-же пришли съ малымъ числомъ солдатъ и привезли съ собою всего четыре пушки, да и то маленькія. А между тѣмъ за стѣнами цитадели слышенъ былъ глухой, озлобленный говоръ собравшагося народа: жители требо-

вали битвы. Муллы въ мечетяхъ громко призывали всякія бѣды на головы невѣрныхъ и предсказывали, что Аллахъ покроетъ позоромъ русское войско и храбрые мусульмане снова будутъ торжествовать въ своемъ, любимомъ Аллахомъ и всѣми пророками, городѣ. Но вотъ послышались новыя вопли, которые заставили поблѣднѣть несчастнаго Нурмеда: народъ требовалъ немедленной смерти посланника русскихъ. Дѣло могло кончиться очень плачевно для бѣднаго авантюриста и Нурмедъ увидѣлъ, что пора начать дѣйствовать, а то уже будетъ поздно.

Связанный по рукамъ, онъ съ усиліемъ поднялся на ноги и потребовалъ, чтобы его снова ввели въ саклю, говоря, что ему нужно еще сообщить нѣчто очень важное для Гусейнъ-бека. Желаніе его было исполнено. Усѣвшись опять на своемъ прежнемъ мѣстѣ, онъ началъ заранѣе обдуманную рѣчь.

Нурмедъ началъ съ того, что онъ самъ истинный мусульманинъ, но что, вслѣдствіе несчастія и воли Аллаха, онъ попалъ въ рабство къ невѣрнымъ. Что онъ не переставалъ думать какъ настоящій правовѣрный и что онъ отъ всего сердца ненавидитъ русскихъ и искренно желаетъ, чтобы Аллахъ ниспослалъ свои громы на ихъ головы. Послѣ этого вступленія онъ продолжалъ: „Я знаю, что вы храбры и что городъ вашъ видѣлъ подъ своими стѣнами много могучихъ воителей, но, во всякомъ случаѣ, рисковать не слѣдуетъ и надо осмотрительно приготовиться къ столкновенію съ русскими, чрезвычайно искусными въ военномъ дѣлѣ. Я знаю, говорилъ онъ,—что Джюра-бекъ шехри-сябзкій уже спѣшитъ къ вамъ на помощь, но придетъ онъ не ранѣе, какъ завтра ночью, а то даже и послѣ завтра утромъ. Вамъ непременно надо выиграть время и покуда дѣятельно укрѣпляться въ улицахъ и молиться Аллаху.

„О, съ какими-бы удовольствіемъ, продолжалъ онъ, замѣтивъ, что рѣчь его начинаетъ производить благоприятное для него дѣйствіе.—пристроилея-бы я къ вамъ, но это невозможно: русскіе узнаютъ, что я остался здѣсь, подумаютъ, что меня задержали силою, и сегодня-же ночью ворвутся въ городъ и внесутъ огонь и разореніе въ мирные дома его жителей“. Тутъ онъ остановился на минуту и посмотрѣлъ на окружающую его публику. Всѣ лица были мрачны, но смотрѣли на него мѣнѣе зло, чѣмъ прежде; онъ почувствовалъ даже, что бужахъ, связываю-

щей ему руки, замѣтно ослабѣ и, наконецъ, свалился вовсе. Руки Нурмеда были совершенно свободны; тогда онъ продолжалъ: „Есть средство заставить русскихъ въ бездѣйствіи прождать день и даже болѣе подъ стѣнами Ургута. Очень можетъ быть даже, что они отступятъ вовсе. Вотъ это средство. Русскій начальникъ требуетъ, чтобы Гусейнъ-бекъ выѣхалъ къ нему въ лагерь; этого дѣлать не слѣдуетъ. Русскіе коварны и благороднаго бека можетъ встрѣтить тамъ какое-нибудь несчастье; но развѣ нѣтъ кого-нибудь, который-бы взялъ на себя назваться Гусейнъ-бекомъ и ѣхать къ русскимъ? Тамъ не узнаютъ обмана и съ мнимымъ бекомъ поступятъ такъ, какъ поступили-бы съ настоящимъ, если-бы Гусейнъ самъ, довѣрившись слову русскихъ, поѣхалъ лично въ лагерь гяуровъ. Такимъ образомъ, вы увидите сами, на-сколько можно вѣрить русскимъ, и выиграете время, необходимое для того, чтобы дождаться прибытія Джирбека. Между прочимъ, я самъ лично заявлю, что пріѣхавшій въ лагерь есть, дѣйствительно, Гусейнъ-бекъ, и это еще болѣе ослѣпить русскихъ и не дастъ имъ замѣтить подлога“.

Рѣчь эта понравилась всѣмъ, особенно довольны были предложенной выдумкою замѣнить Гусейнъ-бека. Фанатика, согласнаго на этотъ подвигъ, было найти нетрудно. Передъ Нурмедомъ поставлено было блюдо плова и накинуть ему на плечи узорный халатъ изъ полосатаго адраса. Черезъ часъ, не болѣе, все было готово къ отъѣзду въ лагерь, и когда Нурмедъ снова сѣлъ на своего аргамака и забралъ возвращенное ему оружіе, то уже совершенно стемнѣло. Небольшая группа всадниковъ, съ подложнымъ Гусейнъ-бекомъ и гарцующимъ впереди Нурмедомъ, медленно пробиралась по улицамъ сквозь густыя толпы волнующихся жителей, осторожно объѣзжая завалы и наскоро-вырытыя ямы. Выѣхавъ изъ города, они поѣхали крупною рысью. Мнимый Гусейнъ-бекъ, который оказался старикомъ лѣтъ восьми-десяти, въ богатомъ шелковомъ халатѣ и необъятной бѣлой чалмѣ, кулькомъ тресся на высокой лошади подъ ковровой попоной. Вся публика ѣхала молча, одинъ только Нурмедъ не переставалъ говорить, давая всѣмъ совѣты, какъ надо держать себя съ русскими вообще, а въ особенности съ начальникомъ отряда. Скоро ихъ окликнули передовые посты казачьей цѣпи, но, узнавъ Нурмеда, пропустили далѣе. Я забылъ сказать, что

ургутскіе муллы не забыли привести Нурмеда къ строгой присягѣ передъ кораномъ въ томъ, что онъ не измѣнитъ имъ и не откроетъ обмана, но Нурмедъ оказался, въ этомъ случаѣ, истиннымъ сыномъ девятнадцатаго столѣтія. Впрочемъ, самъ Нурмедъ не говорилъ ничего о своей присягѣ и это свѣденіе получено уже со стороны, отъ одного изъ уцѣлѣвшихъ уругутскихъ жителей.

Палатка, гдѣ происходило засѣданіе, была освѣщена двумя или тремя стеариновыми свѣчками; ночной вѣтеръ, врываясь въ отпахнувшіяся полы, поминутно колыхалъ блѣдное пламя, вслѣдствіе чего свѣтъ былъ неровный, мерцающій и трудно было подробно рассмотреть черты и выраженіе лицъ прибывшихъ. Ближе всѣхъ сидѣлъ псевдо-Гусейнъ; его желтое, морщинистое лицо виднѣлось только до половины изъ-подъ кисейной чалмы; старческія тонкія губы шевелились, какъ-будто пережевывая что-то, открывая по-временамъ беззубый ротъ съ блѣдными деснами. Рядомъ съ этимъ старцемъ, почти прислонившись къ нему плечомъ, сидѣлъ узбекъ съ большою, окладистою, черною, какъ смоль бородою, и съ длинными, нависшими бровями. Онъ-то и говорилъ больше всѣхъ, отвѣчая на всѣ вопросы, предложенные даже самому Гусейну. Двое остальныхъ почти не принимали участія въ разговорѣ; они безпокойно перешептывались между собою, бросая робкіе взгляды во всѣ углы палатки. Пріѣзжіе сразу показали себя очень плохими актерами. Впрочемъ, имъ дали успокоиться и ободриться; по крайней мѣрѣ, съ четверть часа имъ не давали замѣтить, что обманъ ихъ открытъ. Наконецъ, имъ объявили объ этомъ.

Засѣданіе окончилось; вся публика разошлась по палаткамъ; къ прибывшимъ приставленъ караулъ; имъ сказали, что они проведутъ эту ночь въ лагерь, а тамъ, на другой день, будетъ видно, какъ поступить съ тѣми, кто рѣшился на подлогъ, вмѣсто того, чтобы вести честные переговоры.

Между тѣмъ по лагерю пронесся слухъ о томъ, что въ ночь готовится сильное нападеніе на нашъ отрядъ. Съ вечера на горизонтѣ, виднѣлись большія конныя толпы, которыя обходили насъ и занимали въ тылу наши сообщенія съ Самаркандомъ. Приняты были всѣ мѣры, предписываемыя осторожностью.

Ни одной звѣздочки не было видно на небѣ; густыя тучи

выползли снова изъ ущелій и затаили все небо; по-временамъ вылетали рѣзкіе порывы вѣтра, парусили солдатскія палатки и взметали изъ-подъ ротныхъ котловъ огненные снопы разлетающихся искръ.

Въ эту ночь я былъ назначенъ дежурнымъ по отряду. На моей обязанности лежала, между прочимъ, повѣрка постовъ и карауловъ. Часу въ первомъ пополуночи я окончилъ объѣздъ по цѣпи и возвращался въ лагерь отъ самаго дальняго коннаго пикета, верстахъ въ четырехъ отъ лагера, по уругутской дорогѣ. Я не слѣдовалъ всѣмъ изгибамъ дороги, а ѣхалъ на прямицѣ, направляясь на лагерные огни. Моя лошадь шла положительно ощупью; я совершенно довѣрился инстинкту коня и опустилъ свободно поводья уздечки. Умное животное вытянуло шею, навострило уши и осторожно подвигалось впередъ, слегка пофыркивая. Такимъ образомъ я ѣхалъ минутъ десять. Вдругъ конь мой остановился, громко всхрапнулъ и попытался назадъ; я перегнулся на сѣдлѣ и пристально сталъ вглядываться въ темноту; ясно было, что впереди находился какой-то предметъ, пугающій моего Орлика; это не могло быть что-нибудь обыкновенное—кустъ, арникъ, какой-нибудь выдавшійся камень или что-нибудь подобное; я хорошо зналъ своего испытаннаго коня, и потому отстегнулъ пуговку револьвернаго кобура и освободилъ оружіе. Сколько я ни всматривался въ темноту, я рѣшительно не могъ ничего замѣтить. Впереди, шагахъ въ трехъ, видѣлось какъ-будто-бы нѣсколько кустовъ, я даже слышалъ шелестъ вѣтокъ, шевелившихся отъ вѣтра; больше я ничего не видѣлъ подозрительнаго; я тронулъ легонько коня, который слегка вздрогнулъ отъ прикосновенія шпоръ и тронулся впередъ, но замѣтно нерѣшительно, и вдругъ, круто повернувъ на заднихъ ногахъ, стремительно скакнулъ раза два, такъ-что я едва усидѣлъ въ сѣдлѣ. Въ эту минуту я услышалъ хриплый голосъ, который что-то прочиталъ непонятное, мнѣ даже показалось, что-то похожее на плачь, по крайней мѣрѣ, мнѣ ясно послышалось судорожное всхлипываніе. Я громко окликнулъ. Едва только раздался мой голосъ, какъ невидимое существо пронзительно вскрикнуло и бросилось бѣжать отъ меня, что слышно было по шуму удаляющихся шаговъ. Въ этомъ отчаянномъ крикѣ я узналъ женскій голосъ; въ этомъ нельзя было сомнѣваться—пронзительная, раздирающая душу, полная

смертельнаго испуга нота еще дрожала въ воздухѣ. Я не нудся преслѣдовать это странное существо; это ни къ чему не повело, да и было положительно невозможно: въ этой темнотѣ, на мѣстности изрытой и заросшей, я десять разъ могъ бы сломать себѣ шею прежде, чѣмъ поймалъ-бы эту странную незнакомку. Я тронулся дальше, все направляясь на огни, и черезъ четверть часа былъ уже около своей палатки. Отдавъ коня въ стовому, я завернулся въ шинель и легъ на коврѣ, рассчитывая соснуть часъ до новаго объѣзда по цѣпи.

Не успѣлъ я хорошенько задремать, какъ меня разбудилъ грубый солдатскій голосъ: „Ваше благородіе! Ваше благородіе!“ Я открылъ глаза. Передо мною стоялъ солдатъ въ амуниціи, съ ружьемъ и въ накинутой на плечи шинели; онъ приближалъ къ цѣпи.

— Что случилось? спросилъ я его.

— Тамъ въ цѣпи „притча“, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, указывая рукою по направленію лѣваго угла лагеря.

— Какая притча? что за вздоръ!

— Не можемъ знать, ваше благородье! Такъ прямо на часовыхъ и лѣзетъ; пробовали отогнать—кусается, окаянная; кто ее знаетъ, что такое.

Я вскочилъ и пошелъ вслѣдъ за солдатами, который побѣжалъ впереди, указывая дорогу.

Тамъ, на дальнемъ концѣ лагеря, пылалъ яркій огонь; солдаты жгли сухую, прошлогоднюю колючку; пламя взвивалось высокими столбами, освѣщая вокругъ довольно значительное пространство. Группа солдатъ, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ, стояла вокругъ чего-то, привлекающаго общее любопытство. Когда я подошелъ, солдаты разступились и я увидѣлъ странное существо.

Это была женщина, еще не старая, высокаго роста и чрезвычайно худощавая. На головѣ у нея ничего не было; черные съ просѣдью волосы длинными прядями падали въ беспорядкѣ; она поминутно поправляла ихъ длинными, костлявыми пальцами. Большіе, круглые глаза смотрѣли на огонь совершенно безсмысленно; красный ротъ, съ бѣлыми ровными зубами, былъ искривленъ улыбкой, но улыбкой безобразной, безъ всякаго выраженія: такъ улыбаются идіоты. Женщина сидѣла на корточкахъ около огня

прожала какъ въ лихорадкѣ. Остатки полосатаго халата едва жались на ея плечахъ; обѣ груди были обнажены совершенно. А то напѣвала себѣ подъ носъ что-то монотонное, то плакала, то смѣялась. Она была съумасшедшая, въ этомъ нельзя бы сомнѣваться. Вдругъ она пристально взглянула на одного изъ солдатъ и, какъ кошка, прыгнула къ нему, вытянувъ руки; испуганный солдатъ отскочилъ и выронилъ при этомъ изъ рукъ соекъ хлѣба. Безумная вцѣпилась въ этотъ кусокъ и съ какою-то неестественною жадностью принялась его грызть и глотать, что не прожевывая куски. Она была голодна: она, вѣрно, нѣсколько дней ничего не ѣла. Я тотчасъ-же послалъ на кухню за шею, а самъ началъ допрашивать ее, съ помощью солдата-переводчика. Впрочемъ, всѣ мои попытки остались безплодны—я не налъ ровно ничего. Безумная, видимо, ничего не понимала, и я прекратилъ расспросы. Солдаты толковали между собою и, какъ казалось, недружелюбно относились къ этому визиту.

— Прикидывается, вѣдьма, говорили они. — Знаю, прикидывается. Подослали, чай! Таперича ее до утра никакъ нельзя выпустать изъ лагеря.—Чего выпустать, пришибить, да и все тутъ!—Ишь ты, пришибить! а ну-ко-сь, поди пришиби; чай тоже че-вѣкъ.

Я видѣлъ, что эту женщину нельзя оставить на попеченіе какаго караула, и велѣлъ отвести ее на главную гауптвахту; тамъ ее накормили и оставили до утра. Съ разсвѣтомъ ее вывели изъ лагеря. Она медленно побрела къ горамъ, ковляя по высокому бурьяну.

Рано утромъ, еще до солнечнаго восхода, отрядъ нашъ уже былъ на ногахъ. Пѣхотинцы оставили на повозкахъ шинели и ухарные мѣшки и въ однѣхъ рубашкахъ выстраивались передъ лагеремъ. Палатки были сняты; обозъ запрягалъ лошадей и вытравивался на дорогу. Рѣшено было сдѣлать еще одну, послѣднюю попытку уладить мирно съ Гусейнъ-бекомъ, а за тѣмъ, если не удастся, штурмовать Ургуть сегодня-же.

Вывели изъ палатки мнимаго Гусейнъ-бека съ товарищами; они провели мучительную ночь въ ожиданіи на утро достойнаго воздаянія: они были увѣрены, что имъ утромъ отрѣжутъ головы. Когда имъ привели ихъ лошадей и велѣли ѣхать въ Ургуть, они не хотѣли вѣрить и думали, что надъ ними смѣются. Пол-

ковникъ А—въ приказалъ имъ передать Гусейнъ-беку, что если онъ не выѣдетъ переговорить лично съ начальникомъ русскаго отряда черезъ два часа, то русскіе пойдутъ къ Ургуту. Послѣ медленно выѣхали изъ лагеря, но едва только они проѣхали послѣднихъ часовыхъ, какъ пригнулись къ сѣдламъ и во всю конскую прыть понеслись къ городу. Только тонкая полоса пыли сталаась по дорогѣ вслѣдъ за быстро удаляющимися всадниками.

Между тѣмъ отрядъ тронулся къ Ургуту. Солдаты, подгоняемые утреннимъ холодомъ, шли ходко, съ пѣснями; казачьи орудія рысали между ротами, въ обозѣ скрипѣли и визжали не-мазанная колеса аробѣ; арьергардная рота, составивъ ружья, ждала, когда послѣдняя повозка выберется на дорогу. Начальникъ отряда поѣхалъ впередъ съ казачьей сотней, съ нимъ поскакали и нѣсколько офицеровъ.

Едва мы отошли версты двѣ отъ мѣста ночлега, какъ замѣтили на всѣхъ окрестныхъ холмахъ конныя толпы. Мѣсто нашего лагеря тоже было уже занято непріателемъ и, кромѣ того, по шехри-сябзьской дорогѣ изъ ущелья подвигалось большое пыльное облако. Насъ положительно охватили со всѣхъ сторонъ и въ случаѣ неудачи подъ Ургутомъ, мы могли рассчитывать на самое непріятное отступленіе.

Передъ началомъ ургутскихъ сраженій находилась довольно значительная, но съ пологими скатами, возвышенность; она вся была покрыта конными и на самой вершинѣ пестрѣли нѣсколько яркихъ значковъ. Отдѣльные всадники джигитовали шагахъ въ трехъ-стахъ, даже менѣе, передъ нашимъ авангардомъ; иные совершенно неожиданно выскакивали изъ незамѣтныхъ, заросшихъ бурьяномъ лощинъ, почти передъ самымъ фронтомъ, гикали и стрежглавъ неслись назадъ, чертя круги своими длинными пизами. Впрочемъ, ни одного выстрѣла не было сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны; это была прелюдія, могущая окончиться еще мирнымъ образомъ. Непріатель, видимо, давалъ намъ замѣтить свои силы, рассчитывая, что мы будемъ, вслѣдствіе этого, уступчивѣе въ своихъ требованіяхъ.

Мы все продолжали подниматься впередъ; переднія толпы непріателя отходили при нашемъ наступленіи, заднія неотступно слѣдовали за нами. Не доходя полутора верствъ до начала сра-

довъ, мы остановились и перестроились въ боевой порядковъ: три роты стали въ первую линію, стрѣлки разсыпались въ цѣпь, а остальные роты составили резервъ и прикрытіе обоза, который сворачивался въ густую колонну, по-стольку повозокъ въ рядъ, сколько позволяла холмистая и сильно изрытая мѣстность. Орудія, не снимаясь съ передковъ, заняли мѣсто на небольшомъ холмѣ, нѣсколько впереди первой линіи. Вообще позиція была довольно удачная; ургутскіе сады были видны какъ на ладони, на зубчатой вершинѣ цитадели что-то дымилось, по садамъ пестрѣли густыя толпы пѣшаго народа.

Нашъ маневръ произвелъ оживленное движеніе въ массахъ непріятеля: заволновались нестройныя толпы и глухой гулъ понесся по окрестностямъ. Значки отступили къ садамъ, и оттуда показалась небольшая, отдѣльная кавальеда, которая поскакала прямо по направленію къ георгіевскому значку начальника нашего отряда. Оказалось, что это были вчерашніе знакомцы; они вѣхали съ окончательнымъ отвѣтомъ къ полковнику А—ву.

Отъ этихъ пословъ мы узнали, что Гусейнъ ни подъ какиимъ предлогомъ не выѣдетъ къ русскимъ. Ургутцы явно дали намъ замѣтить, что нашимъ словамъ и обѣщаніямъ они не довѣряютъ вовсе. Начальникъ отряда настаивалъ на своемъ требованіи; это оказалось совершенно бесполезнымъ. Послы говорили: „Мы видимъ, что вы хотите битвы; что-жь, пусть Богъ рѣшитъ, кто изъ насъ правѣе. Впрочемъ, мы видѣли и не такихъ подъ нашими стѣнами. У насъ въ книгахъ сказано, продолжали они,—что самъ Тимур-Ленкъ приходилъ съ мечомъ и огнемъ въ наши горы, но Аллахъ не допустилъ до гибели свой любимый городъ и покрылъ стыдомъ войско Тимура. Идите лучше съ Богомъ домой и скажите своему губернатору, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ нашего бека“.

Такъ говорили послы, а конныя массы непріятеля все прибывали и прибывали; казалось, всѣ окрестныя села и мѣстечки возстали и выслали своихъ вооруженныхъ жителей на помощь Ургуту. Мы предчувствовали, что намъ придется имѣть горячее дѣло. Мы не давали много значенія тѣмъ коннымъ толпамъ, которыя сбѣгали у насъ въ тылу и на флангахъ: мы по опыту знали, что, какъ бы ни было многочисленно это скопище, оно не рѣшится всею массою нахлынуть и раздавить нашъ от-

радикъ, а это было-бы очень нетрудно: непріателя было, навѣрное, болѣе двадцати тысячъ, а у насъ не набиралось и семисотъ человѣкъ. Ружейный огонь всегда удержитъ въ почти-тельномъ отдаленіи джигитовъ и одной роты будетъ совершенно достаточно, чтобы прикрыть какъ нашъ обозъ, такъ и тылъ штурмующаго отряда. Но въ садахъ, гдѣ ургутцы будутъ драться на своемъ родномъ пепелищѣ, гдѣ каждая сакля, каждый садикъ, обнесенный глинянымъ заборомъ, могутъ служить прекраснымъ укрѣпленіемъ, наконецъ, въ самомъ городѣ, гдѣ жители имѣли время приготовиться къ оборонѣ и барикадировать улицы, здѣсь, мы знали, что встрѣтимъ жестокій отпоръ и много надо будетъ усилій, чтобы опрокинуть столько, повидимому, непреодолимыхъ препятствій. А между тѣмъ надо было, во что-бы то ни стало, сломить строптивый городъ; отступить безъ штурма было-бы слишкомъ рискованно: мы могли-бы много потерять въ этомъ краѣ, гдѣ мы, съ своею малочисленностью, только и держимся казнимъ-то чарующимъ обаяніемъ нашей непобѣдимости.

Послаемъ вѣдно было ѣхать обратно и сказать, что еще часъ мы даемъ на размышленіе и что ровно черезъ часъ, если не получимъ отвѣта, откроются съ нашей стороны военныя дѣйствія.

Въ ожиданіи сигнала къ наступленію роты стояли на-сторожѣ, готовыя двинуться по первому знаку. Разсыпанные въ цѣпь стрѣлки приглядывались отъ скуки, конечно, примѣрно, въ кое-какихъ, слишкомъ соблазнительно подѣвжающихъ всадниковъ; это движеніе заставило джигитовъ мигомъ поверачивать лошадей и, вплотную пригнувшись къ сѣдлу, удирать во всѣ лопатки: солдаты хохотали и острили по-своему, а знавшіе туземный языкъ посылали въ догонку разные привѣтствія, конечно, самаго не цензурнаго свойства. Особенно отличался въ этомъ одинъ молодой человѣкъ, еще безусый: онъ, приставивъ руки ко рту трубою, во все горло выкрикивалъ весь репертуаръ національной брани и отъ души заливался звонкимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, когда его усилія увѣнчивались успѣхомъ и издали доносился отвѣтъ такого-же грязнаго свойства.

Вообще, наши солдаты большіе любители всевозможныхъ домашнихъ животныхъ, особенно собакъ, и при ротахъ обыкновенно бродятъ цѣлыя прикормленныя стаи. Въ курсъ дрессировки,

главнымъ образомъ, входитъ бросаться на сартовъ, и надо видѣть, съ какимъ остервененіемъ нападаютъ ротные псы на всякую личность, показавшуюся въ долгополомъ туземномъ костюмѣ. Въ настоящее время болѣе сотни всевозможныхъ Волчковъ, Бѣлокъ, Арапчиковъ и Куцокъ, носились передъ цѣпью, храбро налетали на ближайшихъ джигитовъ и, свирѣпо прыгая, хватали за хвосты лошадей и за полы халатовъ, ловко увертываясь отъ сабельныхъ ударовъ. Наши боевые псы, — я смѣло даю эпитетъ боевые, — съ успѣхомъ разыгрывали роль фланкеревъ и потѣшали солдатъ, служа безконечною темою остротъ и веселой, оживленной болтовни.

— Таперича, братцы, говорили они послѣ дѣла, — надо Куцаго и Валетку тоже награждать.

И солдаты съ любовью поглаживали по мокрымъ, мохнатымъ мордамъ прибѣжавшихъ и виляющихъ хвостами псовъ. А между тѣмъ данный на размышленіе часъ приходилъ къ концу. Орудія снялись съ передковъ и канониры прилаживались уже къ прицѣлу, поглядывая, ловко-ли придется. По линіи пронеслась команда: „становись!“. Шутки и смѣхъ замолкли разомъ; солдаты сняли шапки и перекрестились.

Вдругъ изъ-за пригорка, который находился не болѣе, какъ въ двухстахъ шагахъ отъ крайней роты, показались бѣлые дымки, нѣсколько пуль съ визгомъ пронеслись надъ колоннами и въ ту-же минуту отчетливо послышались команды: „Картечь, первая!“ . Въ самую середину большой конной толпы, разсѣвая воздухъ, со свистомъ и шуршаніемъ, врѣзалась картечь и запрыгала, рекошетирова по каменистой почвѣ; другой выстрѣлъ направленъ былъ туда-же. Застонала окрестность отъ конскаго топота и заунывнаго гиканья; въ облакахъ бѣловатой пыли неслись тысячи всадниковъ, очищая намъ путь передъ фронтомъ и охватывая наши фланги; загнулись концы стрѣлковой цѣпи, крайняя рота выслала по полувзводу въ цѣпь и на флангахъ нигомъ зарокотала оживленная перестрѣлка. Размахивая въ воздухъ саблями и стрѣляя на вѣтеръ, конечно, изъ своихъ фитильныхъ мултуковъ, уругутцы, какъ черти, носились вокругъ нашего отряда съ громкими криками: „Урь! урь!“ *). Трудно

*) Бей! бей!

«Дѣло», № 5.

представить себѣ что-нибудь болѣе непріятное и заунывное, чѣмъ воинственные вопли азіятовъ; каждый не кричитъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а старается взять фистулой какъ только можно высокую ноту, поэтому общій кликъ кажется какимъ-то стономъ и плачемъ, въ которомъ слышатся порою отдѣльныя пронзительныя взвизгиванья.

То тамъ, то сямъ барахтались на землѣ сброшенные всадники; уже много коней, съ растрепавшимися, сбитыми подъ брюхо сѣдлами, скакали, путаясь въ порванной сбруѣ. Расстояніе между нами и непріателемъ становилось все болѣе и болѣе: картечь и ружейный огонь охладили нѣсколько воинственный жаръ и ургутцы съ своими союзниками обратились къ обыкновенной своей тактикѣ: держаться подалеже отъ проклятыхъ бѣлыхъ рубашекъ (акъ-кульмакъ *)), такъ чтобы выстрѣлы наши не достигали до правобѣрныхъ, и издали дожидаться, когда Аллахъ напуститъ страхъ и ужасъ на гяуровъ и обратитъ въ бѣгство безпокойныхъ пришельцевъ. Вотъ тогда-бы они показали себя. Сидя на незнающихъ устали коняхъ, съ своимъ неукротимымъ звѣрствомъ и опыняющей страстью къ рѣзнѣ, они составляли превосходное войско для преслѣдованія разбитаго непріятеля; можно смѣло ручаться, что очень немногіе изъ бѣглецовъ спаслись-бы отъ смерти, да и то развѣ какимъ-нибудь чудомъ. Глядя на эти безчисленныя толпы, мнѣ не разъ приходила въ голову мысль, что плохо пришлось-бы намъ, если-бъ хоть разъ мы потерпѣли крупную неудачу, такую неудачу, которую можно было-бы называть пораженіемъ.

Какъ скоро картечь очистила намъ дорогу къ Ургуту, мы тронулись впередъ. Мы шли тремя колоннами, направляясь на ближайшіе сады. По дорогѣ намъ попадались раненые и убитые люди и лошади; тѣ, кто только не былъ раненъ смертельно, старались спрятаться отъ насъ при нашемъ приближеніи; иные ползли по высокой травѣ, оставляя широкіе кровавые слѣды; иные стиснувъ зубы и подавивъ въ себѣ мучительный стонъ, прикидывались мертвыми; сарты боялись, чтобы мы не начали, по дорогѣ, пришибать тѣхъ, кто еще живъ и шевелится; впрочемъ, они имѣли основаніе бояться этого. Конечно, этого не могло случиться

*) Такъ называютъ они нашихъ солдатъ за ихъ обыкновенный костюмъ.

въ данную минуту: люди шли въ строй, въ полномъ порядкѣ, офицеры были на своихъ мѣстахъ и подобнаго звѣрства не могло быть допущено, но въ минуту разгара штурма, когда немислимъ никакой надзоръ надъ отдѣльными дѣйствіями каждаго солдата, это можетъ случиться. Сколько разъ случилось, что послѣ какого-нибудь кроваваго эпизода не было ни пленныхъ, ни раненыхъ, были только убитые. Попадались и кони, у которыхъ картечь вырвала чуть не всѣ внутренности; несчастныя животныя пытались приподняться, но, обезсиленные, съ тяжелымъ храпомъ снова падали на землю. А наши роты все шли и шли. Вотъ уже перебрались черезъ кремнистую рѣчку, уже близко сѣрыя стѣнки, за которыми безпокойно забѣгали сотни пестрыхъ головъ. Орудія взяли на передки и шли за нами; иногда они снимались и пускали въ сады гранаты черезъ наши головы, подготавливая намъ штыковое дѣло. Немного не доходя садовъ, пущено было нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ; пыль отъ глиняныхъ стѣновъ, взбитая картечью, смѣшалась съ дымомъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Съ страшнымъ крикомъ отхлынули нестройныя массы и, неловко прыгая, въ своихъ тяжелыхъ халатахъ, черезъ стѣнки, очищали переднюю линію ограды. Вотъ въ эту-то минуту наши крикнули „ура“! и бѣгомъ бросились за отступающими. Скоро все скрылось и пережѣшалось въ массахъ зелени. Отдѣльные выстрѣлы, недружные, урывчатые крики ура! вопли ур! ур! и мусульманская ругань,—все слилось въ какой-то дикій хаосъ звуковъ и только отчетливый огонь нашихъ винтовокъ да рѣзкіе, дребезжащіе звуки сигнальныхъ рожковъ, подвигаясь все далѣе впередъ и впередъ, указывали приблизительно направленія, по которымъ шли штурмующія роты. Здѣсь уже нельзя было видѣть ничего общаго, все распалось на отдѣльные эпизоды, и только послѣ дѣла изъ разныхъ рассказовъ можно было составить себѣ подробный отчетъ о самомъ ходѣ ожесточенной схватки.

Наши стрѣлки какъ шли цѣпью, такъ и ворвались въ сады, разбившись по два и по три звена, гдѣ какъ случилось, сошнутаы роты шли по узкимъ улицамъ, заваленнымъ барикадами изъ свѣже-нарубленнаго лѣса.

Въ тѣсномъ проходѣ между двухъ высокихъ садовыхъ стѣнъ, въ густой тѣни отъ нависшихъ надъ самыми головами фрукто-

вухъ деревьевъ, сжалась одна изъ ротъ. Солдаты, запыхавшись, съ красными, облитыми потомъ, физиономіями, съ трудомъ пробирались по заваленной камнями и хворостомъ дорогѣ. Изъ-за стѣнъ валялись камни и бревна, на деревьяхъ вспыхивали дымки выстрѣловъ; наши изрѣдка отвѣчали, спѣша пробѣжать это опасное пространство. Вдругъ пронесся говоръ: „маіоръ убитъ, маіора ранили“. Я поспѣшилъ протискаться, верхомъ, сквозь толпу къ мѣсту, гдѣ я замѣтилъ сѣрую лошадь маіора Г—га, которая уже безъ всадника билась и фыркала въ рукахъ растерявшагося жидка-горниста. Маіоръ Г—гъ лежалъ на землѣ, растянувшись во всю длину своего богатырскаго роста; его прекрасная свѣтлорусая борода была окровавлена, по бѣлому кителю тянулись ярко-красныя полосы. Нашъ докторъ, который на своей маленькой лошаденкѣ, вооруженный простою форменною шпаженкой, всегда находился во главѣ атакующихъ ротъ, уже сидѣлъ на корточкахъ около раненаго и забинтовывалъ ему голову. Въ нѣсколько секундъ перевязка была окончена, Г—го подняли и подвели ему лошадь; съ помощью солдатъ, онъ довольно твердо сѣлъ на сѣдло и тронулся впередъ. Я подѣхалъ къ доктору П—ву, который уже садился, крехтя, на свою рыжатку, и спросилъ его: „ну что?“

— Плохо, отвѣчалъ онъ вполголоса:—у самага виска; пуля тамъ. Крѣпится локуда, горячъ больно, да и сила медвѣжья.

И П—въ, погнавъ лошадь плеткой, рысцой догналъ Г—га и поѣхалъ рядомъ, поглядывая изрѣдка на его завязанную голову.

Замаявшаяся на минуту рота снова бросилась впередъ. Одинъ полувзводъ, поднявшись съ помощью товарищей на стѣну, перелѣзъ въ садъ, изъ котораго больше всего безпокоили насъ обороняющіеся; за стѣнкою закипѣла горячая схватка. Уругутцы приняли нашихъ въ батіеки; это оружіе допотопное, но тѣмъ не менѣе, могущее наносить чувствительный вредъ: оно состоитъ изъ чугунной съ острыми шипами шипки, насаженной на длинное, гибкое древко. Одно изъ звеньевъ цѣпи, зарвавшись слишкомъ впередъ, было со всѣхъ сторонъ окружено густою толпой сартовъ. Мы видѣли эту небольшую кучку, всего въ восемь человѣкъ, прижавшуюся къ полуразвалившейся саклѣ. Стрѣлки съ трудомъ отбивались отъ разсвирѣпѣвшихъ нападающихъ; ружья были разряжены, вновь заряжать не было никакой возможности, и устало,

измученные солдаты, собравъ послѣдній усилія, отмахивались штыками и прикладами отъ цѣлаго града батиковъ, кипиленей и даже просто палокъ, которыми были вооружены ургутцы. Почти у всѣхъ уже были разбиты головы и липкая кровь текла по лицамъ и слѣнила глаза защищавшимся: трое уже лежали ничкомъ на землѣ; одного изъ солдатъ сарты успѣли оттащить баграми отъ товарищей и буквально доколачивали батиками. Но съ улицы было уже замѣчено критическое положеніе зарвавшихся: чловѣкъ двадцать солдатъ бѣжали въ рассыпную на помощь. Впереди всѣхъ, прыгая черезъ заборы и срубленные деревья, безъ шапки и размахивая руками, неся молодой офицеръ атлетическаго сложенія; онъ много опередилъ бѣгущихъ солдатъ и ринулся съ разбѣга въ густую толпу сартовъ; онъ разметалъ ближайшихъ и уже почти пробился къ стрѣлкамъ, какъ вдругъ тяжелый батикъ опустился ему на голову и Б—скій, вздрогнувъ, повалился на землю. Въ эту секунду загремѣли чуть не въ упоръ направленные выстрѣлы и началась бойня. Въ нѣсколько секундъ по всѣмъ угламъ сада, подъ стѣнами въ густой травѣ, всюду корчились и дико стонали заколотые сарты. Солдаты положительно вышли изъ себя; видъ нашихъ израненныхъ стрѣлковъ доводилъ ихъ до бѣшенства.

А между тѣмъ штурмующіе прошли уже преддѣстья и ворвались въ самый городъ. Здѣсь истощилось уже мужество защитниковъ и они, бросаясь при нашемъ приближеніи за валы и баррикады, въ ужасѣ спасались изъ города. По всѣмъ плоскимъ крышамъ савель виднѣлись развѣвающіеся халаты бѣгущихъ; иные останавливались на всемъ бѣгу и, какъ пораженные молніей, падали въ растяжку: ихъ догоняли наши шестилинейныя пули. Изъ-за угла, сбивъ съ ногъ двухъ или трехъ солдатъ, внеслась перепуганная, дико храпящая лошадь; сѣдло было сбито и окровавлено; около коня, запутавшись ногою въ стремени, волочился обезображенный трупъ; голова, разбитая совершенно въ дребезги, щелкала о камни. Это былъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ важныхъ сановниковъ, судя по остаткамъ дорогого бархатнаго халата и богато вышитой попонѣ, покрывавшей бухарское сѣдло.

Дикій стонъ и отчаянные вопли носились надъ городомъ. Все бѣжало, очищая узкія улицы. На главной дорогѣ, ведущей къ городскому базару, были устроены такія баррикады, разбирать

которая пришлось-бы слишком долго; но вдоль улиц съ шумомъ, прыгая по камнямъ, катился горный ручей и баррикадированы были только берега его; солдаты спускались въ воду и брели по поясъ, стигаясь подъ мостами. Такимъ образомъ, выбрались на улицы, ведущія къ цитадели Ургута.

Даже въ цитадели объятые паническимъ страхомъ ургутцы не хотѣли защищаться. Ворота были отперты; ихъ хотѣли-было затворить бѣжавшіе, но, вѣроятно, второпихъ не сумѣли сдѣлать этого: одна половинка воротъ, сколоченная изъ массивныхъ бревенъ, тяжело окованная желѣзомъ, сорвалась съ крюковъ и наискось повисла на петляхъ.

Цитадельные дворы были вымощены плитами, сложенные изъ камня стѣны сакель красиво украшены пестрою мозаикой и разрисованы яркими красками. Въ угольномъ дворикѣ раскинулся роскошный виноградникъ, поднятый на подставкахъ, въ тѣни котораго помѣщался бѣлый мраморный бассейнъ, въ видѣ колодца, аршина въ три глубиною, наполненный до краевъ превосходной, прозрачной, какъ стекло, водою. У стѣнъ подъ навѣсами были расположены кухни, вѣроятно, самого бека: громадные мѣдные котлы, вмезанные въ глиняные очаги, стояли рядами; нѣкоторые были до половины наполнены остатками шурпы и плова *). Всюду видны были слѣды самаго роскошнаго бѣгства.

На крышѣ самой высокой, господствующей надъ всею горою сакли, поставили ротные значки; всѣ наличные горнисты и барабанщики расположились тамъ-же и грянули сборъ, чтобы собрать разсыпанныхъ по городу солдатъ. Въ главной саклѣ разостлали нѣсколько, здѣсь-же добытыхъ, ковровъ и на нихъ положили раненаго Г—га, который все время былъ въ головѣ отряда и однимъ изъ первыхъ добрался до цитадели. Онъ былъ очень истощенъ потерей крови и жаловался на шумъ въ головѣ и на боль, увеличивающуюся еще отъ невыносимой трескотни барабановъ и визга сигнальныхъ трубъ. П—въ сдѣлалъ еще разъ болѣе акуратную перевязку и больной нѣсколько успокоился. Начали повсему сносить раненыхъ нашихъ солдатъ; почти всѣ раны были напесены холоднымъ оружіемъ, но раны, нанесен-

*) Национальные блюда азіатовъ.

ныя кипячениями, были положительно ужасны; я видѣлъ одного, получившаго ударъ кипящемъ по лопаткѣ: кость была совершенно расколота на-двое и желѣзо прошло насквозь, раздробивъ даже противоположныя ребра. Этотъ раненый умеръ черезъ нѣсколько минутъ.

Я забрался на крышу. Отсюда ясно былъ видѣнъ весь Ургуть: можно было видѣть изгибы всѣхъ улицъ города. Всѣ окрестныя возвышенности были покрыты толпами бѣжавшихъ жителей. Большія стада угонялись въ ущелья. Нашъ обозъ втягивался въ сады и издалека бѣлѣлись рубашки арьергардной роты.

Мнѣ приказано было поѣхать на-встрѣчу къ начальнику отряда, который долженъ былъ находиться въ настоящую минуту, съ орудіями и резервомъ, при выѣздѣ въ городъ. Я отыскалъ свою лошадь и поѣхалъ. При выѣздѣ изъ цитадельныхъ воротъ я увидѣлъ страшную картину: цѣлая куча тѣлъ, наваленныхъ одно на другое, загородила почти весь проѣздъ; нѣкоторые были еще живы и страшно корчились въ предсмертной агоніи; ватные халаты дымились и тлѣли: видно было, что выстрѣлы по нимъ сдѣланы были почти въ упоръ. Группа солдатъ, составивъ ружья, стояла тутъ-же, дѣлая при этомъ кое-какія замѣчанія; два офицера крутили папирсы и говорили что-то о разницѣ между бухарскими и хивинскими коврами. Я не видѣлъ этихъ тѣлъ прежде; сколько я помнилъ, въ самой цитадели мы не встрѣтили ни одной души. Я поинтересовался узнать, откуда взялись эти убитые, и мнѣ рассказали слѣдующее:

Подъ воротами, въ одной изъ боковыхъ стѣнъ, находилась маленькая дверь, ведущая въ темное помѣщеніе. Когда нашъ караулъ занималъ посты въ цитадели, между прочимъ и въ воротахъ, то на эту дверь не было обращено никакого вниманія. Уже разставлены были часовые и караулъ расположился-себѣ какъ дома; вдругъ неожиданный выстрѣлъ загремѣлъ подъ воротными сводами, густой дымъ повалилъ изъ незамѣченной двери и одинъ изъ караульныхъ солдатъ, раненный въ спину, вскрикнувъ, присѣлъ на ступени лѣстницы. Наши бросились къ предательской двери, но оттуда раздавалось еще нѣсколько выстрѣловъ; тогда солдаты, въ свою очередь, принялись стрѣлять въ темное пространство и ни одинъ выстрѣлъ, несмотря на то, что пущень былъ на удачу, не пропадалъ даромъ. Сперва послышались бран-

ные, озлобленные крики, потомъ, все затихло. Тогда наши, вооружившись длинными баграми, которые стояли въ углу, неподалеку отъ воротъ, принялись вытаскивать осажденныхъ и на свѣтъ стали появляться, одна за другою, растерзанныя фигуры въ красныхъ и синихъ халатахъ.

Сиди сарты спокойно въ своемъ убѣжищѣ—на нихъ никто-бы не обратилъ никакого вниманія; но уже такова азятская натура, такъ велико фанатическое озлобленіе, что не хватило силъ, чтобы утерпѣть и не послать пули въ спину зазѣвавшагося гяура.

Я поѣхалъ далѣе. Улицы были такъ узки и такъ неровно вымощены крупнымъ камнемъ, притомъ повороты были до такой степени круты и неожиданны, что нельзя было и думать провезти въ цитадель наши орудія. Часто попадались мнѣ наши солдаты въ изорванныхъ рубашкахъ, съ усталыми до-нельзя лицами; платье и руки у многихъ были выпачканы кровью; они сѣшили въ цитадель, направляясь на бой барабана. Скоро я выбрался къ базару. Здѣсь улицы пошли шире, кое-гдѣ были перекинуты плетеные навѣсы. Базаръ расходился на нѣсколько вѣтвей, которыя послѣ сходились снова въ одну улицу. Въ одной изъ этихъ вѣтвей остановились наши орудія; они положительно не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ; за ними стѣснились повозки обоза. Трудно описать, что происходило на базарѣ въ эту минуту.

Еще подѣвзая, я издали слышалъ крики, хохотъ, стукъ топоровъ и трескъ ломающихся дверей. Въ наказаніе за упорство жителей, базары велѣно было разорить до тла, и солдаты ревностно принялись за эту веселую работу. Началось то, что на мѣстномъ туркестанскомъ нарѣчій называется „баранта“. Надо хоть разъ видѣть это, чтобы составить себѣ понятіе, что это такое. Это не просто грабежъ, корысть не играетъ здѣсь вовсе перво-степенной роли; нѣтъ, это какой-то дикій разгулъ: все наше, а что не наше, такъ и ни чье! Попалось фарфоровое китайское блюдо—объ полъ его. „Нѣшто его потапишь съ собою“, говорить расходившійся солдатъ, глядя, какъ звенятъ и прыгаютъ по камнямъ раскрашенные черепки. Здѣсь нашли чанъ съ бужутнымъ масломъ, туда лѣзутъ съ ногами, чтобы нѣсколько размякли заскорузлые отъ солнца и пыли сапоги. Тамъ высыпала

на улицу цѣлая груда ярко-желтыхъ и серебристо-бѣлыхъ коконовъ. Тутъ разбита лавка съ красными товарами: солдаты, цѣлыми тюками, расхватываютъ пестрые ситцы и полосатые адрасы; размотавшіеся, неловко захваченные куски волочатся по грязной улицѣ. Въ сторонѣ два солдатика сворачиваютъ громадные узлы, съ усиленіемъ стягивая концы ватнаго одѣяла: они наѣбренны тащить это въ лагерь, и дотащутъ, если какой-нибудь встрѣтившійся офицеръ не прикажетъ бросить всю эту дрянь. Вы думаете, что они съ сожалѣніемъ исполнять это приказаніе, выражать при этомъ неудовольствіе или что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничуть. Они тотчасъ-же послушаются и еще разшвыряютъ ногой узелъ, который они тащили версты полторы съ такимъ громаднымъ трудомъ. Все равно, они продали-бы его за полтинникъ, много развѣ—за рубль. Я видѣлъ одного молодого солдата, который больше всѣхъ шумѣлъ, неистовствуя по разгромленному базару: тутъ онъ роется въ кучахъ сѣдѣльной сбруи, тамъ перебираетъ мѣдную посуду въ чайной лавочкѣ, черезъ минуту разглядываетъ на свѣтъ готовый халатъ изъ яркой матеріи, но когда я, уже въ лагерь, спросилъ его, что-же онъ притащилъ хорошаго, то онъ съ улыбкой показалъ на свои карманы, набитые кшмишемъ и урюкомъ.

Впрочемъ, есть солдаты, особенно изъ евреевъ, которые барантуютъ, руководимые чисто-меркантильными соображеніями; тѣ не довольствуются тѣмъ, что приносятъ сами, но еще за безпѣнокъ скупаютъ баранту у другихъ солдатъ и частенько составляютъ себѣ очень хорошія деньги. Подобные примѣры случаются въ этомъ краѣ, и почти всѣ быстро разбогатѣвшіе безсрочные солдаты обязаны своимъ богатствомъ барантѣ.

Скоро я отыскалъ полковника А—ва; онъ находился у повозокъ съ ранеными. Здѣсь-же я увидѣлъ и Б—го съ перевязанной головой: рана его оказалась неопасной, хотя и лишила его чувствъ въ первыя минуты. Я сообщилъ полковнику, что цитадель уже занята и что улицы такъ узки, что будетъ совершенно невозможно провезти туда орудія. Принимая это обстоятельство въ соображеніе и, кромѣ того, не имѣя возможности помѣстить въ цитадели весь отрядъ, такъ-какъ тамъ едва находилось мѣсто для одной роты, рѣшено было къ ночи избраться изъ города, потому что иначе пришлось-бы ночевать въ улицахъ,

растанувшись по безконечнымъ ихъ изгибамъ, а это могло-бы имѣть очень вредныя послѣдствія, такъ-какъ надзоръ за людьми, при такомъ положеніи отряда, былъ-бы въ высшей степени затруднителенъ, да и въ случаѣ ночного нападенія на нашей сторонѣ были-бы одиѣ только невыгоды. Занять-же аванпостами крайнюю черту города было немислимо при нашей малочисленности: мы едва могли-бы одѣлать десятую часть городскихъ окраинъ, и то израсходовавъ на посты всю пѣхоту.

Повозки, по одной, съ большими трудомъ выпрягая лошадей, начали поворачиваться и выходить изъ города, орудія сдѣлали то-же. Посланы были всюду приказанія очищать городскія улицы.

Мѣсто для лагеря выбрано было не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ начала садовъ, на ярко-зеленой, пологой возвышенности, съ которой мы начали, нѣсколько часовъ тому назадъ, свою атаку. Тутъ-же, не вдалекѣ, протекалъ ручей, на которомъ были на-скоро набросаны живые мостики. Влѣво, къ самой горѣ, подходили роскошныя поля, засѣяныя пшеницею. Вблизи ни одной рывины, ни одного куста, ничего, могущаго скрыть подпалывающихъ лазутчиковъ или кого-нибудь въ этомъ родѣ; короче, мѣсто было превосходное.

Вся дорога отъ города къ лагерю была занята еле-двигающимися, тяжело нагруженными солдатами. Гнали ишаковъ, которые были до такой степени навьючены, что не видно было ни ногъ, ни головы, двигалась какая-то безобразная куча. Забытые жителями коровы и телята, задравъ хвосты, съ ревомъ скакали, подгоняемые ружейными прикладами.

При всѣхъ отрядахъ, какъ-бы они ни были малы, непременно находится два или три маркитанта, преимущественно изъ казанскихъ татаръ; очень и очень часто эти господа бываютъ агентами довольно значительныхъ купцовъ въ Туркестанскомъ краѣ. У нихъ можно найти бутылку фабрикованнаго хереса или марсалы, еще что-нибудь въ этомъ родѣ, но, главнымъ образомъ, цѣлью маркитантовъ служить баранта. Въ разгаръ, изъ первыхъ рукъ маркитанты за чарку спирта приобрѣтають цѣлыя вороха разныхъ вещей, которыя и продають послѣ съ барышемъ, о которомъ никакіе въ мірѣ торговые дома не имѣють даже понятія.

Арбы хитрыхъ татаръ нагружаются до такой степени, что трещать карагачевныя оси и гнутся высокія колеса.

Кромѣ того, за хвостомъ отрядовъ тянутся, иногда на лошадахъ и ишакахъ, а иногда и просто пѣшкомъ, оборванные байгуши-туземцы; у каждаго изъ нихъ непременно найдется нѣсколько серебряной мелочи. Эти, какъ шакалы послѣ тигровъ, скушаютъ то, что оставлено маркитантами безъ вниманія. Они рискуютъ иногда и сами барантовать въ сабляхъ, но за это часто слишкомъ дорого платятся, потому что солдаты, не стѣсняясь, убиваютъ эту сволочь, принимая ихъ за сартовъ съ непріятельской стороны; не помогаютъ даже и бѣлыя повязки на рукахъ, которыя эти шакалы навязываютъ себѣ, въ подражаніе джигитамъ-милиціонерамъ.

Не успѣло еще стемнѣть, какъ уже послѣдніе солдаты выбрались изъ Ургута и пришли въ лагерь. Послали ротныя повозки за дровами; ближайшія сабли были разобраны и привезены цѣлые воза лѣсу. Сдѣлана была тщательная переключка, всѣ раненые перевязаны, убитые похоронены тутъ-же въ лагерь. Это дѣлалось, обыкновенно, такимъ образомъ: срѣзаютъ осторожно дернъ, потомъ вырываютъ яму и землю относятъ какъ можно подале, чтобы свѣже-вырытая земля не выдавала мѣста, гдѣ зарыто тѣло; затѣмъ кладутъ трупъ, засыпаютъ его и тщательно закрываютъ дерномъ. Это все дѣлается такъ искусно, что рѣшительно невозможно узнать мѣсто самой могилы, и предосторожность эта далеко не лишняя. Сколько разъ случалось, что сарты разрывали неакуратно скрытыя тѣла и отрѣзывали головы, которыя отвозились въ Бухару, за что получались халаты и другіе знаки монаршей милости эмира.

Когда совершенно стемнѣло, въ лагерь вспыхнула великолѣпная иллюминація. Почти каждый солдатъ принесъ съ собою съ базара связки салныхъ свѣчей. Эти свѣчи, разставленныя тѣсными рядами по линіямъ лагера, огненными линіями опоясывали мѣсто стоянки. Это была волшебная картина. А за погруженными въ глубокую темноту Ургутомъ, сквозь тучи, закрывшія собою горныя цѣпи, мелькали, на недосигаемой высотѣ, блѣдныя огненныя точки: это были ночные костры бѣжавшихъ ургутцевъ. Съ какимъ тоскливымъ чувствомъ смотрѣли они на нашу бле-

стящую иллюминацію. Сколько проклятій сыпалось на наши головы. Сколько седействъ не досчитывались своихъ членовъ!

По извѣстіямъ, полученнымъ послѣ, въ Ургутъ собрано было до семи-сотъ тѣлъ—ужасная цифра сравнительно съ числомъ нашихъ солдатъ, участвовавшихъ въ штурмѣ. Самъ Гусейнъ одинъ изъ первыхъ бѣжалъ въ горы, чуть не при самомъ началѣ штурма.

Цѣль экспедиціи была отчасти достигнута: непобѣдимый Ургутъ былъ взятъ и разоренъ горстью русскихъ. Это имѣло громадное значеніе въ моральномъ отношеніи.

На другой день мы снялись съ лагера и отошли къ Самарканду, и только къ вечеру этого дня стали понемногу возвращаться ургутцы на свое пепелище.

Н. Карзинъ.

ВЪ ОЖИДАНИИ ЗЕМНЫХЪ БЛАГЪ.

РОМАНЪ

ГРЕНВИЛЯ МОРРЕЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

II.

ВЕЛИКОСВѢТСКАЯ СВАДЬБА.

Маджи, какъ мы знаемъ, была помѣщена въ арестантскую палату одной изъ лондонскихъ больницъ. Въ то время, какъ доктора и сидѣлки приводятъ ее въ чувство, чтобъ дать ей возможность явиться въ судъ для отвѣта по обвиненію въ кражѣ десяти фунтовъ, у м-ра Джидль Доббина, — возвратимся къ главной причинѣ неожиданнаго ареста Маджи — къ неизвѣстному молодому человѣку, явившемуся восемнадцать лѣтъ тому назадъ въ Векфильдъ-на-болотѣ и исчезнувшему, какъ падающая звѣзда.

Въ тотъ самый день и въ тотъ самый часъ (иногда случаются такія совпаденія), когда Маджи вѣнчалась съ Томасомъ Брауномъ въ Векфильдѣ-на-болотѣ, въ Лондонѣ происходила иного рода свадьба. Сэръ Одо-Плантагенетъ-Клансгольдъ-Кингеджиръ-Ревель-Вальдвиль, кавалеръ ордена Подвязки, герцогъ Куртопъ и Ревель, въ книгѣ перовъ Соединеннаго Королевства, маркизъ Ольдмитъ, графъ Альсвонъ и баронъ Партизанъ, въ книгѣ перовъ Англіи, графъ и виконтъ Кингсландъ, въ книгѣ перовъ Ирландіи, графъ Вингидъ, въ книгѣ перовъ Шотландіи,

соединился брачными узами или, какъ почтительно выражались тогда газеты, подвелъ къ алтарю Гименея леди Елену Помону Кардвель, дочь и единственную наслѣдницу знаменитаго сэра Джоба Борафа-Ватворда-Плакарда-Кардвеля, маркиза Ньюкомена, кавалера ордена св. Патрика. Архіепископъ кэнтербурійскій любезно освободилъ благороднаго герцога отъ необходимости явиться съ своею невѣстой въ холодную, сырую приходскую церковь въ зимнее, морозное утро и разрѣшилъ, въ качествѣ лорда-примаса королевства, вѣнчаніе въ тепломъ, роскошномъ лондонскомъ домѣ герцога, гдѣ церковный обрядъ и былъ совершенъ спокойно и удобно достопочтеннымъ докторомъ Симонстомъ Титомъ, епископомъ сельсольскимъ, происходившимъ отъ знатнаго семейства французскихъ гугенотовъ, и почтеннымъ архидіакономъ Брорлеемъ, съ котораго должна была начаться новая знатная фамилія. При этомъ вѣнчаніи присутствовали, кромѣ представителей англиканскаго духовенства, Клементъ-Сильвестръ, кардиналъ, архіепископъ руанскій, другъ и родственникъ маркиза Ньюкомена, который изъ политическихъ видовъ и по семейнымъ преданіямъ былъ преданнымъ сторонникомъ католической церкви. Такъ-какъ леди Елена Помона была ревностная папистка, то кардиналъ и монсиньеръ Дигби, англійскій іезуитъ, сначала холодно отнеслись къ этому браку и поставили необходимымъ условіемъ его предварительное обращеніе герцога въ католическую вѣру, но потомъ они примирились съ неизбежнымъ фактомъ, когда лордъ Ньюкомень, привыкшій къ политическимъ сдѣлкамъ, увѣрилъ ихъ, что жены всегда дѣлаютъ, что хотятъ, съ мужьями, и потому герцогъ, по всей вѣроятности, перейдетъ въ католицизмъ вскорѣ послѣ свадьбы. Хотя въ аристократическомъ обществѣ былъ распространенъ слухъ о слабомъ здоровьѣ леди Елены, но какъ эта слабость не мѣшала ей танцевать семь часовъ сряду ежедневно во время лондонскаго сезона, то можно было надѣяться, что и она съумѣетъ взять мужа въ руки. Въ виду этого католическое духовенство разрѣшило ей бракъ съ еретикомъ. Толпа духовныхъ лицъ обоихъ вѣроисповѣданій, тѣсшившаяся въ домѣ герцога Куртопа въ день бракосочетанія, представляла по-истинѣ трогательное зрѣлище. Кардиналъ пріѣхалъ нарочно изъ Франціи и, надо сознаться, онъ и его католическая свита своимъ роскошнымъ облаченіемъ, кружевами и бо-

гатыми крестами затмили представителей англійскаго духовенства въ ихъ бѣлыхъ передничкахъ и шелковыхъ чулкахъ.

Ревель-Гоузь сіялъ почти царственнымъ великолѣпіемъ въ этотъ памятный день, когда слились вмѣстѣ политическіе и общественные интересы, связанные съ великими родами Куртопъ и Ньюкоменъ. Каждый изъ многочисленныхъ родственниковъ и сторонниковъ того и другого семейства ясно сознавалъ, что этимъ брачнымъ союзомъ усиливались его шансы на полученіе доходныхъ мѣстъ и всевозможныхъ почестей. Непрерывный рядъ экипажей съ блестящими гостями, приглашенными на свадебный завтракъ, тянулся отъ Вайтгола до Пикадилли, и всѣ, сидѣвшіе въ этихъ экипажахъ, отъ стараго предводителя партіи до юныхъ подругъ невѣсты и модныхъ франтовъ, военныхъ и статскихъ, имѣли основаніе рассчитывать на вліяніе герцога или маркиза.

Лордъ Ньюкоменъ былъ членомъ министерства съ незапамятныхъ временъ. Онъ былъ очень умный, добродушный и толстый джентльменъ. При дворѣ его любили; товарищи по министерству были имъ довольны, какъ человѣкомъ спокойнымъ и неопаснымъ; онъ позволялъ имъ пользоваться въ волю славою и могуществомъ, подъ условіемъ оставить ему матеріальныя выгоды власти въ видѣ хорошихъ мѣстъ, арендъ и синекуръ для родственниковъ и друзей. Взамѣнъ онъ давалъ блестящіе обѣды членамъ своей партіи, широко жилъ въ своемъ великолѣпномъ лондонскомъ домѣ и забавлялъ перовъ веселыми анекдотами. Дѣйствительно, онъ былъ драгоценнымъ человѣкомъ для своей партіи, такъ-какъ никогда не имѣлъ политическихъ мнѣній и никогда не заявлялъ притязанія на подобныя мнѣнія. Онъ не былъ связанъ никакими убѣжденіями, былъ очень популяренъ, благодаря своему любезному, естественному обращенію. Этой популярностью онъ былъ отчасти обязанъ своей внѣшности, и никто не могъ назвать фатомъ или надменнымъ гордецомъ толстаго, добродушнаго джентльмена съ розовыми щеками, голубыми глазами и коротко подстриженными свѣтло-русыми бакенбардами. Съ перваго взгляда онъ казался богатымъ торговцемъ и, дѣйствительно, его дѣдъ занимался выгодной торговлей сырами до того счастливаго дня, когда, по окончаніи длиннѣйшаго ирландскаго процесса, неожиданно оказалось, что онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ лордовъ Ньюкоменовъ. Старый Джимъ Мак-Мурро или Бурро, имѣвшій сырную

лавку въ Слито, отъ радости запилъ горькую и вскорѣ умеръ; его сынъ переименовалъ свою фамилію на старинное родовое имя и дослужился на дипломатическомъ поприщѣ до блестящаго званія посла. Его сынъ, теперешній маркизъ, выросъ въ роскоши. Двадцати-пяти лѣтъ онъ наслѣдовалъ громадное родовое состояніе, которое отецъ увеличилъ и привелъ въ самое блестящее положеніе, освободивъ отъ всѣхъ долговъ и запрещеній. Онъ женился на прелестной французкѣ, и, несмотря на свою чистокровную англійскую внѣшность, смотрѣлъ на дѣла съ парижской точки зрѣнія. Онъ смѣялся надъ людьми и цифрами, хотя пользовался и тѣми, и другими.

Неудивительно, что все великосвѣтское общество явилось на свадьбу дочери лорда Ньюкомена, тѣмъ болѣе, что разомъ можно было выказать уваженіе богатому, могущественному мѣстораздателю и знаменитому, древнему аристократу. Герцогъ Куртопъ желалъ сыграть свадьбу гораздо тише, но маркиза не хотѣла объ этомъ и слышать, а лордъ Ньюкомень полагалъ, что если играть свадьбу, то надо сдѣлать ее прилично. Его жена, французка, устроила этотъ бракъ, прельстясь историческимъ герцогскимъ титуломъ, который ей былъ извѣстенъ изъ французскихъ романовъ; лордъ-же Ньюкомень считалъ, что такъ-какъ его дочери надо было выдти за кого-нибудь замужъ, то отчего-же бы и не сдѣлать ее герцогиней Куртопъ. Его нѣсколько озадачили требованія страпчихъ герцога, Мортмена и Феофа, которые ставили непремѣннымъ условіемъ немедленную выдачу всего приданого, тогда какъ страпчіе лорда Ньюкомена, Плумбусъ и Думбусъ, хотѣли закрѣпить за юной герцогиней все ея состояніе; наконецъ, дѣло было улажено лордомъ Ньюкоменомъ, который черезъ правительственнаго маклера заключилъ для герцога значительный заемъ у страховой компаніи, которая нуждалась въ разрѣшеніи новаго устава.

Когда, такимъ образомъ, все устроилось къ общему удовольствію, свадьба была сыграна, какъ мы уже сказали, съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, въ присутствіи архіепископовъ кэнтербурійскаго и юркскаго, министровъ и экс-министровъ обѣихъ партій, такъ-какъ герцогъ былъ номинально торій, а маркизъ — номинально вигъ. Тутъ-же были представители старинной католической аристократіи, которая такъ рѣдко показывается въ публикѣ, всѣ

извѣстные епископы, деканы и пастыри англиканской церкви, всѣ леди и джентльмены, которые могли получить или выпросить приглашеніе на свадьбу. Католическая служба состояла, главнымъ образомъ, изъ пѣнія, въ которомъ приняла участіе лучшіе оперные пѣвцы Европы. Роскошное, родовое серебро и золотыя украшенія ослѣпительно блестяли въ великолѣпной столовой, музыка гвардейскаго гренадерскаго полка, въ которомъ герцогъ когда-то служилъ, играла модныя пьесы; лордъ и леди Ньюкоменъ принимали гостей съ самымъ изысканнымъ радушіемъ, такъ-какъ молодые тотчасъ послѣ завтрака, по англійскому обычаю, отправились въ Бомануаръ, замокъ герцога, въ одномъ изъ среднихъ графствъ Англіи, воспѣтый Попомъ.

Тамъ ожидали ихъ новыя торжества и триумфальная арка съ различными любопытными надписями, приличными случаю.

Герцогъ прибылъ въ свое родовое помѣстье въ коляскѣ четверней; его молодая жена сидѣла рядомъ съ нимъ, статная, блестящая, а экипажъ окружала почетная стража изъ мѣстной милиціи. Народъ привѣтствовалъ ихъ громкими криками; лѣсничіе, въ парадныхъ ливреяхъ, вышли на-встрѣчу; колокола древней нормандской церкви весело гудѣли; музыка милиціи заиграла тушь и въ паркѣ раздался пушечный салютъ. Поровнявшись съ воротами замка, герцогъ всталъ въ экипажъ и нѣсколько разъ поклонился толпѣ. Онъ былъ все тотъ-же красивый, статный джентльменъ, который нѣкогда провелъ ночь въ деревенской гостинницѣ Векфильда-на-болотѣ, и въ глазахъ многочисленной толпы казался совершеннѣйшимъ типомъ наслѣдственной аристократіи, физическимъ олицетвореніемъ древней крови и благородной расы. Въ эту самую минуту звонъ колоколовъ, шумные звуки музыки и пушечную пальбу заглушилъ человѣческій вопль и молодая женщина бросилась къ экипажу. Это была одна изъ любовницъ герцога, но она не имѣетъ отношенія къ нашему разсказу и мы упоминаемъ объ этомъ эпизодѣ только для того, чтобы показать, что среди блеска, окружавшаго молодыхъ, было и черное пятно. Женщину оттащили и никто болѣе не обращалъ на нее вниманія; толпа, принявъ ее за дерзкую нищую, громко выразила свое неудовольствіе, и экипажъ продолжалъ свой путь. Оглушительные крики арендаторовъ и поселянъ встрѣтили герцога при въѣздѣ его въ древнее жилище его предковъ, словно онъ сдѣ-

лалъ что-нибудь хорошее или великое. Выйдя изъ коляски, герцогъ представилъ народу свою жену, и родовой флагъ взвился на башнѣ замка; но всѣ замѣтили, что руки герцога тряслись и онъ едва держалъ шляпу. Юная герцогиня взглянула на него съ удивленіемъ и шепнула рѣзкимъ тономъ, перенятымъ ею у матери: „*Mon ami, vous feriez mieux de vous retirer*“ *). Произнося эти слова, она обратилась къ толпѣ и очень любезно поблагодарила ее за добрыя пожеланія и привѣтствія, а герцогъ незамѣтно исчезъ и появился снова, только выпивъ залпомъ полбутылки вина.

II.

Герцогиня Куртопъ.

Бракъ, совершенный при подобныхъ, съ внѣшней точки зрѣнія благополучныхъ, обстоятельствахъ, не былъ очень счастливымъ. Мужъ и жена не ссорились открыто, такъ-какъ люди съ ихъ положеніемъ въ свѣтѣ всегда легко могутъ избѣгать столкновенія другъ съ другомъ. Герцогъ Куртопъ на этомъ основаніи велъ совершенно отдѣльную жизнь отъ герцогини; онъ не любилъ подчиняться стѣснительнымъ требованіямъ семейной жизни, а жена постоянно сердила его и выводила изъ себя. Она была блестящая, умная, саркастическая женщина, получившая французское образованіе, отличавшаяся опредѣленными, рѣшительными взглядами на жизнь и повиновавшаяся только своему духовнику. Она смотрѣла свысока на своего мужа, считая его тупымъ человѣкомъ въ сравненіи съ ея отцомъ и другими блестящими дипломатами, которыхъ она привыкла видѣть каждый вечеръ за чайнымъ столомъ своей матери. Мало-по-малу она взяла привычку никогда не говорить съ нимъ иначе, какъ съ снисходительной улыбкой, которая поражала его прямо въ сердце, какъ отравленная стрѣла. Быть можетъ, у нея были и другія причины, по которымъ она составила о немъ весьма не лестное мнѣніе, ибо кто можетъ угадать тайны супружеской жизни? Герцогъ былъ очень молчаливъ — привыкъ, чтобъ за нимъ всѣ ухаживали и старались ему вслѣдски угождать. Онъ всегда былъ первымъ лицомъ въ каждомъ обществѣ, которое удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ, и по-

*) Другъ мой, вамъ лучше удалиться.

тому презрѣніе его жены сначала его изумило, потомъ разгнѣвало, а наконецъ возбудило въ немъ холодное, надутое равнодушіе къ ней.

Черезъ годъ послѣ свадьбы герцогиня родила сына и въ первое время казалось, что это звено, связывавшее ихъ неразрывными узами, послужитъ къ ихъ окончательному сближенію. Герцогиня искренно старалась сойтись съ мужемъ; она цѣлые дни не спускала съ рукъ своего ребенка, пѣла пѣсни и весело шутила съ герцогомъ, но, къ несчастію, онъ болѣе всего ненавидѣлъ шутки. Онъ, какъ большая часть англичанъ высшаго класса, имѣлъ о себѣ очень высокое мнѣніе и отличался торжественнымъ, надменнымъ обращеніемъ. Его выводили изъ терпѣнія смѣхъ, шутки, бѣготня, дѣтскія ласки. Онъ любилъ, чтобъ ему поклонялись съ благоговѣніемъ, и терпѣлъ вокругъ себя только льстецовъ. Маджи, если-бъ она была на-столько образована, что могла-бы говорить и думать какъ обыкновенная англичанка средняго класса, доставила-бы ему полное счастье. Онъ остался-бы ей вѣчно вѣренъ, потому-что она не знала-бы ничего на свѣтѣ выше его и считала-бы высочайшимъ счастіемъ быть его женой. Онъ и Маджи имѣли одни вкусы, однѣ наклонности, они оба любили лошадей, собакъ, простую, сытную пищу и жизнь на чистомъ воздухѣ. Напротивъ, леди Елена не раздѣляла ни одной его идеи, ни одного его желанія. Она была остроумна и легкомысленна, онъ тяжело мыслилъ и былъ торжественно скученъ, не столько по природѣ, какъ по привычкѣ. Она любила общество, книги, поэзію, музыку, искусства, которыя онъ ненавидѣлъ отъ всей души. Такимъ образомъ, они, наконецъ, отказались отъ всякой попытки понять другъ друга и однажды герцогъ, выведенный изъ себя сарказмами леди Елены, разразился грубыми угрозами и проклятіями, говоря прямо, что она ему не жена.

— Я знала это, отвѣчала она съ презрѣніемъ,—и очень рада, что мой сынъ принадлежитъ мнѣ одной. *Tenez, Monsieur le Duc, si vous êtes Duc, chose, qui n'est pas trop sûre, d'après ce que dit mon père—vous êtes un lâche* *).

Съ этими словами она торжественно вышла изъ комнаты, оста-

*) Послушайте, герцогъ, если вы дѣйствительно герцогъ, что сомнительно по словамъ отца,—вы негодяй.

вивъ герцога, блѣднаго отъ злобы и перепуганнаго своею неосторожностью.

— Проклятое вино, пробормоталъ онъ съ сердцемъ, — если-бъ я не выпилъ столько на охотничьемъ обѣдѣ, то никогда не забылся-бы до такой степени. Но все это пустяки: миледи забудетъ къ утру мои глупыя слова и, во всякомъ случаѣ, ея отецъ слишкомъ благоразуменъ, чтобъ подымать скандалъ.

Герцогъ былъ отчасти правъ, а отчасти ошибался. Герцогиня не забыла его словъ къ утру; она провела большую часть ночи въ бесѣдѣ съ своимъ духовникомъ, знавшимъ ее съ колыбели, и на слѣдующій день, когда герцогъ отправился на охоту, она преспокойно взяла сына, няньку и вѣстѣ съ духовникомъ уѣхала къ отцу. Но за то лордъ Ньюкоменъ съ улыбкой отнесся ко всему дѣлу и весело приказалъ женѣ образумить герцогиню, что та немедленно и сдѣлала, такъ-какъ ея любовь и довѣрiе къ мужу были безграничны. Потомъ онъ отправился въ свой клубъ, гдѣ его долженъ былъ встрѣтить герцогъ. Объясненiе между тестемъ и зятемъ было самое дружеское и добродушное.

— Клянусь, милордъ, сказалъ герцогъ съ улыбкой, — я не желаю придавать дѣлу серьезный характеръ; мнѣ очень совѣстно, что я оскорбилъ герцогиню, но вѣдь это было послѣ обѣда.

— Ну, герцогъ, надѣлали-же вы себѣ хлопотъ, ея два дня не урезонишь, отвѣчалъ маркизъ, весело смѣясь и зная, какъ упряма была его дочь, когда ее поддерживалъ духовникъ.

— Я отдаю свою судьбу въ ваши руки, милордъ, отвѣчалъ герцогъ, почтительно кланаясь.

Лордъ Ньюкоменъ прикусилъ губу и, на мгновенiе насупивъ брови, спросилъ неожиданно:

— Есть доказательства противъ васъ, если вы сами болѣе не проболтаетесь?

Герцогъ Куртопъ побагровѣлъ, его губы судорожно задрожали и онъ не могъ произнести ни слова. Онъ не хотѣлъ прямо солгать и потому, пересиливъ съ трудомъ свое волненiе, промолвилъ:

— Не знаю, клянусь небомъ!

— Дайте мнѣ факты, я вамъ самъ скажу, существуютъ-ли настоящiя доказательства противъ васъ, произнесъ лордъ Ньюкоменъ, пристально взглянувъ на своего зятя. — Какъ ее зовутъ?

— Зефирина Мальвуазенъ.

— Балетная танцовщица? спросилъ маркизъ, подмигивая.

— Нѣтъ, ея племянница, отвѣчалъ герцогъ, чрезвычайно довольный, что высказалъ, наконецъ, свою страшную тайну такому здравомыслящему и практическому человѣку, какъ маркизъ.

— Гдѣ она?

— Умерла въ больницѣ, вскорѣ послѣ нашей свадьбы.

— Свадьбы! повторилъ лордъ Ньюкоменъ, презрительно пожима плечами, но въ ту-же минуту, сознавая, что всякое выраженіе чувствъ только вредитъ дѣламъ и мѣшаетъ объясненію между порядочными людьми, онъ прибавилъ совершенно добродушно:— А дѣти есть, герцогъ?

— Двое, мальчикъ и дѣвочка, отвѣчалъ герцогъ, принимая рѣшительное намѣреніе ничего не скрывать отъ своего тестя.

— Гдѣ они?

— Не знаю, клянусь честью, произнесъ герцогъ и машинально, подъ вліяніемъ нервнаго раздраженія, позвонилъ лакею и приказалъ размѣнять соверень.

Лордъ Ньюкоменъ взглянулъ въ окно и любезно поклонился проходившему по улицѣ знакомому; онъ былъ обязанъ половиной своего успѣха въ жизни упорному обычаю никогда не упускать случая сдѣлать кому-нибудь пріятное. Потому онъ терпѣливо дождался, пока лакей принесъ сдачу герцогу, и спокойно спросилъ:

— Извѣстно-ли это ея родственникамъ?

— Братъ знаетъ, онъ былъ на свадьбѣ, но его бояться нечего: онъ подписалъ фальшивый вексель отъ моего имени.

— У васъ документъ?

— Конечно, отвѣчалъ герцогъ съ едва замѣтной улыбкой.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ Руанѣ; вчера я получилъ отъ него дерзкое письмо.

— Покажите документы, поспѣшно произнесъ маркизъ:— то-есть фальшивый вексель и письмо.

— Вотъ они, сказалъ герцогъ, принимая на себя торжественный тонъ;— я хотѣлъ передать ихъ моему страпчему Мортману для судебного преслѣдованія.

Лордъ Ньюкоменъ взглянулъ на него черезъ плечо и подумалъ „дуракъ“, но громко произнесъ:

— Нѣтъ, герцогъ, предоставьте мнѣ это дѣло. Лордъ Протоколь, нашъ посланникъ въ Парижѣ, обязанъ мнѣ многимъ; я помогъ ему выпутаться въ прошломъ году изъ непріятной исторіи съ товарищемъ министра. Я думаю, мы устроимъ дѣло и предложимъ Гонтрану де-Мальвуазену мѣсто вице-консула въ южной Америкѣ съ обязательствомъ никогда не возвращаться въ Европу или заключеніе въ Тулонѣ. Его дѣло выбирать любое; намъ все равно, только-бы отъ него отдѣлаться.

Герцогъ просіялъ при этихъ словахъ; онъ питалъ неограниченное довѣріе къ лорду Ньюкомену.

— Увѣряю васъ, я никогда не забуду этой громадной услуги, милордъ, сказалъ онъ, очень любезно протягивая руку, но благородный маркизъ какъ-бы не замѣтилъ этого движенія и не удостоилъ герцога пожатіемъ руки.

Между тѣмъ лордъ Ньюкоменъ потребовалъ списокъ англиканскаго духовенства и внимательно его перелистовалъ; онъ никогда не останавливался на пол-дорогѣ и всякій вопросъ разрѣшалъ окончательно. Поэтому онъ предложилъ герцогу еще нѣсколько вопросовъ:

— Гдѣ была свадьба?

— Въ Ангенѣ.

— Въ Ангенѣ! повторилъ лордъ Ньюкоменъ;—тамъ нѣтъ ни англійскаго консула, ни пастора.

— Я и не говорилъ, что есть.

— Такъ вы не женаты, герцогъ! воскликнулъ маркизъ:—одинъ католическій бракъ не считается законнымъ для англичанина, кромѣ одной Ирландіи. Но погодите, можетъ быть, съ вами былъ вашъ домашній пасторъ?

— Да.

— Но вѣдь онъ не внесъ въ книгу вашего брака?

— Нѣтъ.

— Онъ не проболтается, то-есть, вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ? Домашній пасторъ всегда чего-нибудь боится или чего-нибудь желаетъ.

— Я въ немъ совершенно увѣренъ, отвѣчалъ герцогъ;—онъ джентльменъ и у меня въ рукахъ.

— Какъ его зовутъ?

— Докторъ Портеусъ.

— Ну, герцогъ, сказалъ лордъ Ньюкоменъ, заканчивая разговоръ, уже слишкомъ долго продолжавшійся,—мы можемъ надѣяться на старика Портеуса. Во-первыхъ, онъ глубоко уважаетъ людей, стоящихъ выше его; во-вторыхъ, онъ знаетъ, что вамъ всегда повѣрятъ болѣе, чѣмъ ему, а въ-третьихъ, процессъ за герцогскій титулъ съ моимъ внукомъ продлился-бы пятьдесятъ лѣтъ и стоилъ-бы сотни тысячъ фунтовъ. Поэтому врядъ-ли обезпокоитъ насъ этотъ нищій французъ съ дѣтьми его сестры, но, во всякомъ случаѣ, предоставьте мнѣ все это дѣло. Судебнымъ порядкомъ вы только его испортите. Лучше обдѣлать его потихоньку, миролюбиво; не забывайте при томъ, что иностранная полиція чрезвычайно любезна, если знать, къ кому обратиться.

III.

Маркизъ Кингсджиръ.

Герцогъ Куртогъ никогда не слышалъ болѣе ни слова о дѣлѣ, послужившемъ предметомъ его продолжительнаго разговора съ лордомъ Ньюкоменомъ. Благородный маркизъ, его почтенный и дѣловой тестъ, черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ по волѣ судьбы, оставивъ свой титулъ и тѣ изъ помѣстій, которыя должны были перейти къ законнымъ наслѣдникамъ по закону о субститутахъ, спорной костью между башмачникомъ города Кюрка и капитаномъ индійской арміи, которые послѣ долголѣтнаго, разорительнаго процесса должны были уступить блестящее наслѣдство неожиданно появившемуся на судебной аренѣ австралійскому моряку, который и сдѣлался по праву наслѣдства владѣтелемъ имѣній Ньюкомена. Обворожительная маркиза, такъ долго царившая въ лондонскомъ обществѣ, также умерла, и служанка нью-іоресскаго трактира, съ которой австралійскій морякъ познакомился въ одинъ изъ своихъ рейсовъ, приняла титулъ маркизы Ньюкоменъ. Она была чрезвычайно блестящей представительницей англійскаго перства, такъ-какъ ея громадные, ливрейные гайдуки удивительно громко выкликали ея великолѣпный экипажъ у подъѣзда во время раутовъ. Вообще это была очень добрая, милостивая маркиза и, по всей вѣроятности, дѣлала-бы гораздо болѣе добра,

чѣмъ ей удавалось на самомъ дѣлѣ, если-бъ ея возвышеніе на первую ступень родовой аристократіи не стоило-бы столько денегъ.

Блестящая герцогиня Куртопъ, такъ пышно и несчастливо вышедшая замужъ, простудилась на похоронахъ своей матери и также умерла, оставивъ двѣнадцати-лѣтняго сына, ея единственную надежду въ жизни. Между прочими именами, онъ назывался Бертраномъ-Кардвелемъ Вильдвилемъ, пользовался титуломъ маркиза Кингсджира и былъ несомнѣнный наслѣдникъ всѣхъ титуловъ знаменитаго рода Куртопъ и Ревель, а также всѣхъ помѣстій лордовъ Ньюкоменовъ, изъятыхъ изъ дѣйствія закона о субститутахъ. Но, по какому-то странному случаю, въ завѣщаніяхъ матери и дѣда онъ назывался просто „любезный сынъ или любезный внукъ Бертранъ-Кардвелъ“; его фамилія Вильдвиль и титулы, которыми онъ пользовался по обычаю, были пропущены, конечно, по ошибкѣ нотариуса.

— Не стоило исправлять этой ошибки, говорилъ нѣсколько разъ м-ръ Мортмэнъ, домашній стряпчій семейства Вильдвилей, своему старшему клерку;—не можетъ быть никакого спора о тождественности лица, о которомъ говорится въ этомъ актѣ. Покойная герцогиня имѣла только одного сына, и ея отецъ, покойный маркизъ, имѣлъ только одного внука,—по крайней мѣрѣ, на-сколько мнѣ извѣстно, признавалъ только одного внука.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтилъ клеркъ,—странно, что нотариусъ м-ръ Пинзентъ сдѣлалъ такую ошибку.

— Да, странно, м-ръ Копландъ, отвѣчалъ стряпчій, пристально смотря на своего помощника, который, очевидно, зналъ болѣе, чѣмъ считалъ нужнымъ высказать.

Такимъ образомъ, эти оба человѣка, черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлавшіеся компаньонами фирмы стряпчихъ „Мортмэнъ-Мортмэнъ и Феофъ“, упорно поддерживали юридическую фикцію и, безъ всякой видимой причины, обманывали другъ друга даже въ откровенныхъ бесѣдахъ.

IV.

ЗАКОНЪ О СУБСТИТУТАХЪ.

Прошло восемнадцать лѣтъ со дня женитьбы герцога Куртопа. Въ одно утро герцогъ сидѣлъ въ библіотекѣ своего родового замка Бомануаръ, который когда-то, въ средніе вѣка, принадлежалъ къ числу коронныхъ имѣній и былъ данъ въ приданое за принцессой, родственницей короля, вышедшей замужъ за одного изъ Ревелей. Это была прекрасная комната; въ ней сохранились безмолвныя историческія воспоминанія, а по стѣнамъ красовались портреты и мраморныя бюсты полководцевъ, судей и министровъ, прославившихъ знаменитый родъ Вильдвилей, представители котораго изъ поколѣнія въ поколѣніе пользовались по праву рожденія почестями и могуществомъ. Эта большая, старинная комната съ хитро-изваяннымъ потолкомъ и глубокими окнами, выходившими на зеленый лѣсъ, гдѣ паслись стада оленей, и на серебристое озеро, изобиловавшее бѣлоснѣжными лебедями и толстыми карпами, служило театромъ многихъ историческихъ событій. Въ то время, когда замокъ Бомануаръ былъ еще королевскимъ имѣніемъ, въ этой самой комнатѣ Генрихъ I просилъ помощи у сэра Рауля Вильдвила противъ Бекета, а Ричардъ III обдумывалъ, какъ овладѣть престоломъ. Здѣсь-же Генрихъ VIII, побуждаемый Томасомъ, лордомъ Ревелемъ, рѣшился на незаконный разводъ съ первой женою, повлекшій за собою принятіе всей Англіею протестантской религіи, передѣланной, впрочемъ, по-своему.

Въ сѣверной стѣнѣ, позади длиннаго ряда томовъ богословскихъ и философскихъ сочиненій находилась потайная дверь, которая вела секретными ходами, въ самую глубь чаши. Стоило только позать корешокъ сочиненія Джереми Телора *Ductas Dubitantium* — и дверь тихо отворялась на искусно сдѣланныхъ петляхъ. За этой дверью яковитскіе агенты скрывались во дни Вильгельма и Анны. Въ амбразурѣ одного изъ оконъ библіотеки юный претендентъ Стюартъ отказался, послѣ пораженія при Куллоденѣ, отъ своего предпріятія и сэръ Робертъ Вальполь переманилъ на сторону ганноверскаго дома послѣдняго изъ могущественныхъ сторонниковъ падшей династіи. Представители благороднаго дома

Вильдвиль были люди умные, дальнзоркіе и рѣдко находились на сторонѣ побѣжденныхъ на политической аренѣ. Теперешній герцогъ Куртопъ, видя, что политикой руководятъ уже не одни аристократы, что коммерческіе классы оказываютъ на нее еще болѣе рѣшительное вліяніе, чѣмъ его сословіе,—герцогъ рѣшительно отказался отъ нея. Онъ считалъ, что не стоило пользоваться властью, если ее можно достичь только цѣною многихъ неурядицъ и безпокойствъ. Онъ такъ рѣшительно выказывалъ свое нерасположеніе къ политикѣ, что ни одинъ глава кабинета не обращался къ нему съ просьбой о содѣйствіи. Въ последнее время онъ большую часть года проводилъ въ Бомануарѣ, гдѣ игралъ роль гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Лондонѣ, и среди своихъ родовыхъ помѣстій онъ жилъ-бы спокойно и счастливо, если-бъ его не терзала жажда пріобрѣтенія земли. Агенты его получили приказаніе покупать каждый акръ земли, который продавался въ графствѣ, гдѣ находился Бомануаръ, и всѣмъ было извѣстно, что герцогъ готовъ заплатить какую угодно цѣну, чтобы только не выпустить земли изъ своихъ рукъ. Продажа помѣстья въ сосѣдствѣ Бомануара обогащала многочисленныхъ спекуляторовъ: земля, прежде, чѣмъ ее укрѣпять за герцогомъ, перепродавалась десятки разъ его собственными агентами и ихъ подставными лицами, а счета стряпчихъ, нотаріусовъ и землемѣровъ достигали невозможной цифры.

Номинальная цифра доходовъ герцога Куртопа по смерти отца заключалась въ 90,000 фунтовъ въ годъ. Съ тѣхъ поръ, однако, они много увеличились и герцогъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ говорилъ, что, получивъ помѣстья въ этомъ графствѣ, приносившія ежегодную ренту всего въ 10,000 фунтовъ, онъ увеличилъ количество принадлежащей ему земли до того, что они давали до 70,000. Но за то и долги на этихъ помѣстьяхъ сильно возрасли. Послѣ смерти покойнаго герцога найдено было благоразумнымъ уничтожить его завѣщаніе, чтобы не платить процентовъ при утвержденіи этого документа; точно также великимъ счастьемъ для чести всего рода было рожденіе теперешняго герцога, потому что, если-бъ онъ, достигнувъ совершеннолѣтія, не призналъ долга въ 1,100,000 фунтовъ, то нѣкоторые грубые кредиторы грозили уголовнымъ преслѣдованіемъ покойному герцогу. Однако, все это древняя исторія и теперешній герцогъ всегда

находилъ возможность заключать займы. Онъ занималъ деньги по пятнадцати процентовъ для покупки земли, приносившей два процента. Когда-же являлась потребность въ большемъ доходѣ, чѣмъ онъ получалъ, герцогъ отлагалъ платежъ денегъ, завѣщанныхъ на словахъ его отцомъ, различнымъ лицамъ или учрежденіямъ и употреблялъ на себя тѣ родовыя суммы, которыя перешли къ нему только на храненіе. Въ большей части случаевъ, лица и учрежденія, которымъ принадлежали эти суммы, безмолвно соглашались на оставленіе ихъ въ рукахъ герцога, а у другихъ онъ и не считалъ нужнымъ спрашивать разрѣшенія, размышляя, что если онъ платитъ акуратно проценты, то нѣтъ основанія требовать капитала. Но если-бы явилась необходимость во что-бы то ни стало возвратить подобные капиталы, то у герцога оставалась въ резервѣ болѣе или менѣе выгодная для него мировая сдѣлка. Поэтому герцогъ, вполне вѣрно рассчитывая, что никогда не встрѣтитъ отказа, заключалъ займы за займами и платилъ одни долги другимъ, что очень легко для всякаго, кто пользуется уваженіемъ свѣта, кредитомъ друзей, надеждами родственниковъ, собственностью, находящейся на храненіи, и пожизненнымъ доходомъ, хотя-бы онъ и представлялъ только юридическій мифъ. Подобно тому, какъ всегда дѣлали его отецъ и дѣдъ, герцогъ подписывалъ свое имя на столькихъ денежныхъ обязательствахъ, что не могъ припомнить ихъ числа, давая жаднымъ спекуляторамъ миражъ громадныхъ выгодъ въ замѣнъ наличныхъ денегъ. Хотя его дѣла находились въ самомъ безвыходномъ положеніи, если-бы онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ, они были не лучше и не хуже дѣлъ многихъ другихъ подобныхъ ему плохихъ распорядителей своей громадной собственностію, а главное—ему не было до этого никакого дѣла. По достиженіи сыномъ совершеннолѣтія, его помѣстья слѣдовало переукрѣпить, и тогда снова можно будетъ приобрести большія суммы денегъ, уже отъ имени сына, подобно тому, какъ это было сдѣлано, въ то время, когда ему минуло двадцать одинъ годъ, и отецъ его, пользуясь этимъ, заключилъ значительный заемъ. Наконецъ, рано или поздно, богатый бракъ могъ исправить все дѣло. Дѣйствительно, у герцога была въ виду дочь богатаго банкира съ 5,000,000 фунтовъ придаваго, и леди Оверло, родственница и ближайшая совѣтница герцога, увѣряла его, что банкиръ жаждетъ сдѣлать свою дочь

герцогиней. Одно только обстоятельство было препятствіемъ къ этому браку: лордъ Клингсджиръ, въ силу семейнаго акта, котораго герцогъ никогда вполне не понималъ, былъ въ колыбели помолвленъ съ Амабель, дочерью и единственной наслѣдницей лорда Джорджа Вильдвилья, дяди герцога, одного изъ главныхъ командировъ войскъ въ Индіи. М-ръ Мортмэнъ, стряпчій семейства Вильдвильей, зналъ основательно содержаніе этого семейнаго акта и герцогъ рѣшилъ посоветоваться съ нимъ о столь важномъ предметѣ.

V.

МИСТЕРЪ МОРТМЭНЪ.

Въ это утро герцогъ поджидалъ м-ра Мортмэна, за котораго онъ послалъ экипажъ на желѣзную дорогу. Услыхавъ шумъ колесъ на дворѣ, онъ позвонилъ и приказалъ итальянцу камердинеру провести стряпчаго прямо къ нему.

— Какъ ваше здоровье, Альдерманъ? спросилъ герцогъ, когда стряпчій появился на порогѣ.

— Я надѣюсь, что ваша свѣтлость совершенно здоровы, отвѣчалъ м-ръ Мортмэнъ вопросомъ на вопросъ, по привычкѣ, присущей его ремеслу.

— Благодарствуйте, Альдерманъ, сказалъ герцогъ;—иногда меня мучитъ подагра, да это полезно для цвѣта лица.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что имя м-ра Мортмэна было совсѣмъ не Альдерманъ; онъ также не занималъ мѣста альдермана, но герцогъ прозвалъ его такъ потому, что любилъ вообще давать прозвища людямъ, а м-ръ Мортмэнъ изъ своихъ личныхъ видовъ не сопротивлялся капризу кліента, дѣла котораго приносилъ ему значительныя выгоды.

— Прошу васъ не признавать за лестъ, замѣтилъ м-ръ Мортмэнъ,—если я скажу, что ваша свѣтлость замѣчательно хороши на видъ. По словамъ „Бниги пѣровъ“ Дода, котораю м-съ Мортмэнъ иногда читаетъ при мнѣ, ваша свѣтлость почти одинаковыхъ лѣтъ со мною, а я совершенно сѣдой, тогда какъ...

— О! вы старикъ, Альдерманъ! воскликнулъ герцогъ высококивъ, громкимъ фальцетомъ, составлявшимъ отличительную черту

всѣхъ Вильдвилей;— что-же касается меня, то мои волосы всегда были черны и всегда такими останутся. Вы другой породы, Альдерманъ. Но скажите, достали вы денегъ для уплаты опекунамъ Гридвеля? Ихъ землю мнѣ надо купить; она входитъ угломъ въ мои помѣстья и если-бъ перешла въ руки какаго-нибудь радикала, то онъ, пожалуй, переманитъ и перебьетъ всѣхъ моихъ оленей.

— Я боюсь, ваша свѣтлость, отвѣчалъ м-ръ Мортманъ, медленно и отчеканивая каждое слово,— я боюсь, что мнѣ не удастся достать денегъ, развѣ подъ закладъ и за громадные проценты.

— Это ваше дѣло, Альдерманъ! воскликнулъ герцогъ тѣмъ-же громогласнымъ фальцетомъ.

Герцогъ иногда корчилъ изъ себя совершеннаго простака въ денежныхъ дѣлахъ; но въ сущности онъ прекрасно ихъ понималъ, а принималъ на себя эту личину только для того, чтобъ заставить высказаться своего собесѣдника.

— Я еще не нашелъ средства достать необходимую сумму для покупки въ настоящее время помѣстья Гридвеля, продолжалъ м-ръ Мортманъ.

— Отъ чего-же не нашли, Альдерманъ? вѣдь мой сынъ, достигнувъ совершеннолѣтїа, уничтожитъ субститутъ и возобновитъ мои обязательства.

— Конечно, ваша свѣтлость, но намъ приходится имѣть дѣло, какъ вамъ извѣстно, съ беспокойнымъ, старымъ Брауномъ, который увѣряетъ, что его сестра была замужемъ за покойнымъ герцогомъ. Онъ, говорятъ, имѣетъ доказательства этого брака и, по его словамъ, его сестра была отвезена въ Италію и насильно заточена въ монастырь въ Неаполѣ. Ей удалось бѣжать оттуда и она родила дочь. Если эта дочь жива, то она, безспорно графиня Вингидъ.

— А а? спросилъ глухо герцогъ.

— Въ такомъ случаѣ вы, ваша свѣтлость, не будете имѣть никакого имени, сказалъ м-ръ Мортманъ рѣшительно.— Многие изъ моихъ кліентовъ, принадлежащихъ къ родовой аристократіи, находятся въ такомъ-же деликатномъ положеніи, какъ вы; впрочемъ, мы имѣемъ то преимущество, что владѣемъ фактически титулами и помѣстьями, а потому можемъ легко помириться на

сдѣлкѣ, въ силу которой ваша свѣтлость получили-бы титулъ и по смерти часть дохода изъ помѣстій графини.

Герцогъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, сойдя съ своихъ обычныхъ ходулей, промолвилъ съ безпокойствомъ:

— Но она можетъ взять только мой шотландскій титулъ и шотландскія помѣстья.

— Конечно, она возьметъ только шотландскій титулъ, отвѣчалъ и-ръ Мортмэнъ сухо; — но она наслѣдуетъ всѣмъ помѣстьямъ, исключая Бомануара, который перейдетъ въ вашему дядѣ, лорду Джорджу Вильдвилью. Кромѣ того, я долженъ доложить вашей свѣтлости, что хотя мы имѣемъ положительныя свѣденія о смерти Зефирины Мальвуазенъ и ея сына, а ея братъ долженъ молчать, получая отъ васъ пенсіонъ и боясь судебного преслѣдованія за фальшивый вексель, но бракъ вашей свѣтлости съ этой особой имѣетъ полную силу по законамъ Ирландіи, гдѣ находятся ваши вефкоотскія помѣстья и рыбныя ловли, составляющія вторую главнѣйшую часть полученнаго вами наслѣдства отъ покойнаго герцога. Такимъ образомъ, если намъ удастся, основываясь на давности, отдѣлаться отъ притязаній дочери миссъ Браунъ, то все же бракъ вашей свѣтлости съ Зефириной Мальвуазенъ, безспорно, нарушаетъ законную силу вашего послѣдующаго брака съ леди Еленой Плакартъ-Кардвелъ. Если дочь Зефирины, совершенно исчезнувшая-было изъ вида, но, по слухамъ, появившаяся въ послѣднее время въ Кайенѣ, вздумаетъ предъявить свои права, то можетъ надѣлать намъ много хлопотъ. Итакъ, видите, намъ грозятъ двѣ опасности; правда, въ настоящую минуту опасаться нечего, но поэтому-то я и не совѣтую вашей свѣтлости наводить на слѣдъ этихъ опасныхъ противниковъ чувствительное чутье кредиторовъ.

— Полноте, Мортмэнъ, сказалъ герцогъ, любезно улыбаясь; — слушая васъ, страпчихъ, право, усомнишься даже въ своей собственной личности.

Герцогъ, какъ ловкій дипломатъ, не хотѣлъ показать Мортмэну, что высказанныя имъ опасенія произвели на него впечатлѣніе, и потому онъ отнесся къ нимъ не серьезно, а шуточно, какъ къ обыкновенной, безсодержательной болтовнѣ.

— Встати, Мортмэнъ, продолжалъ онъ, зѣвая, — устроили вы дѣло съ и-ромъ Шарпомъ? Я рѣшительно не могу уступить ему

корнвалійскихъ копей; онѣ однѣ приносятъ мнѣ всегда наличныя деньги, и если-бъ я не наслѣдовалъ ихъ въ прошломъ году отъ леди Пенкарро, то мнѣ-бы не сдобровать.

— М-ръ Шарпъ, повидимому, имѣеть какія-то свѣденія, которыя онъ въ настоящее время не желаетъ обнаружить, отвѣчалъ м-ръ Мортмэнъ, насупивъ брови;—онъ не хочетъ и слышать ни о какихъ сдѣлкахъ или отсрочкахъ, а требуетъ немедленнаго обезпеченія должныхъ ему вашей свѣтлостью суммъ. На-сколько мнѣ извѣстно, его упорство объясняется находженіемъ въ его рукахъ важныхъ семейныхъ бумагъ, касающихся вашей свѣтлости, которыя онъ получилъ, какъ стряпчій опекуновъ надъ имуществомъ сэра Ричарда Портеуса.

— Выманиваніе денегъ угрозами составляетъ уголовное преступленіе, Мортмэнъ, произнесъ герцогъ, полагавшій, что понимается толкъ въ законахъ.— Я могу написать записку генералъ-аторнею и м-ръ Шарпъ неожиданно-негаданно очутится въ тюрьмѣ.

— Я боюсь, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Мортмэнъ послѣ минутнаго молчанія,— что м-ра Шарпа трудно будетъ поймать въ эти сѣти. По нѣкоторымъ словамъ его я заключаю, что вамъ не безопасно раздражать его, тѣмъ болѣе, что онъ имѣеть громадныя связи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и состоитъ пайщикомъ одной изъ политическихъ газетъ.

— Я всегда считалъ его хитрой собакой, замѣтилъ герцогъ,— но, несмотря на всю его силу, мой отецъ съумѣлъ-бы съ нимъ справиться.

— Ахъ! со вздохомъ произнесъ Мортмэнъ, питавшій искреннюю преданность къ своимъ аристократическимъ кліентамъ, — теперь время иное; что было легко дѣлать вашему отцу, для васъ теперь едва-ли возможно.

— Пойдемъ и посмотримъ фазановъ, сказалъ герцогъ, переиѣняя разговоръ;—потомъ вы у меня отобѣдаете и мы выпьемъ кубокъ за доброе старое время. Кстати, Альдерманъ, вы знаете, сынъ мой Кингсджиръ произведенъ въ корнеты и вамъ скоро придется составлять его брачный контрактъ.

— Развѣ лордъ Джорджъ Вильдвиль и миссъ Амабель должны скоро возвратиться изъ Индіи?

— Нѣтъ, Альдерманъ, я говорю о бракѣ моего сына съ миссъ Ценни, дочерью лорда Курзитора. У нея, говорятъ, пять милліо-

новъ приданаго. Какъ полагаете, хорошъ этотъ бракъ? спросилъ со смѣхомъ герцогъ.

— Нѣтъ, нехорошъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ рѣшительно Мортмэнъ.

— Это почему? спросилъ герцогъ, гордо закинувъ голову, какъ чистокровный конь отъ прикосновенія мундштука.

— Потому, медленно произнесъ Мортмэнъ, — что лордъ Джорджъ Вильдвиль истинный и безспорный герцогъ Куртопъ и Ревель; когда-же онъ, будучи вдовцомъ, согласился не предъавлять своихъ правъ по смерти покойнаго герцога, то сдѣлалъ это лишь подъ условіемъ брака его дочери съ могущимъ родиться у васъ сыномъ, что было чрезвычайно милостиво съ его стороны. Семейный актъ, узаконившій подобную сдѣлку, предотвратилъ скандальные толки во время его заключенія, и нарушить его для васъ не только опасно, но совершенно невозможно.

Поощраемый дальнѣйшими разспросами герцога, м-ръ Мортмэнъ рассказалъ ему подробно, какой семейной интригѣ герцогъ былъ обязанъ своимъ титуломъ. Появленіе на свѣтъ теперешняго герцога Куртопа и Ревеля было соединено съ любопытнымъ, таинственнымъ эпизодомъ въ жизни его отца. У покойнаго герцога былъ горячо любимый имъ братъ, лордъ Альфредъ Вильдвиль, служившій въ гвардіи и неимѣвшій никакого состоянія. По совѣту герцога онъ тайно женился на блестящей, богатой графинѣ Пенкарро, юной вдовѣ, которая отъ перваго мужа получила громадное наслѣдство подъ чудовищнымъ условіемъ никогда не выходить замужъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ счастливой жизни лордъ Вильдвиль умеръ отъ случайнаго паденія съ лошади. Послѣ этой страшной катастрофы стало еще необходимѣе скрывать бракъ, обнаруженіе котораго могло пустить по міру неутѣшную вдову. Герцогъ Куртопъ, изъ любви къ брату и изъ сожалѣнія къ несчастной графинѣ, до того заботился о ней и объ ея финансовыхъ дѣлахъ, что подалъ поводъ къ скандальнымъ толкамъ, которые могли заглушить только неожиданный пріѣздъ въ Лондонъ его жены герцогини, святой, благотворительной женщины, жившей постоянно въ деревнѣ, и появленіе ея во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ съ леди Пенкарро. Втеченіи полугода эти объ женщины были неразлучны, и кромѣ нихъ обѣихъ и доктора Бита никого не было въ великолѣпной спальнѣ герцогини, когда совершенно неожиданно и

къ всеобщему удовольствію, родился наслѣдникъ герцога Куртопа и Ревеля. Впослѣдствіи графиня Пенварро завѣщала все свое состояніе сыну ея друга герцогини, теперешнему герцогу, и только послѣ ея смерти обнаружилось изъ ея бумагъ, что она была замужемъ за лордомъ Вильдвилемъ и что теперешній герцогъ Куртопъ былъ ея сыномъ, хотя для свѣта эти обстоятельства навсегда остались тайной. Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы покойный герцогъ выдалъ чужого ребенка за своего изъ однихъ родственныхъ чувствъ; къ этому его главнымъ образомъ побудило разстроенное положеніе его финансовъ; ему угрожало даже уголовное преслѣдованіе, такъ-какъ онъ не могъ возвратитъ значительнаго капитала, находившагося у него только какъ у опекуна надъ имуществомъ, оставшимся послѣ смерти одного богатаго джентльмена, а привести въ порядокъ его дѣла могло только рожденіе сына, который былъ-бы лучшимъ обезпеченіемъ для многочисленныхъ кредиторовъ, такъ-какъ въ подобномъ случаѣ герцогскія помѣстья не перешли-бы въ чужія руки и его сынъ могъ-бы при достиженіи совершеннолѣтія возобновитъ на свое имя всѣ обязательства отца. Такимъ образомъ, для поправленія своихъ финансовъ герцогъ воспользовался рожденіемъ племянника и выдалъ его за сына своей жены.

VI.

Vingt et un.

Герцогъ безмолвно выслушалъ разговоръ м-ра Мортмана, но всѣ окружающіе его замѣтили, что нѣсколько дней послѣ того онъ ходилъ задумчивый и мрачный. Конечно, слова стряпчаго не были для него новостью, такъ-какъ онъ самъ участвовалъ въ составленіи семейнаго акта и подписалъ тайные документы, узаконившіе сдѣлку съ лордомъ Джорджемъ; но, по легкомыслію или по слѣпому довѣрію къ великодушію дяди, герцогъ мало-по-малу пришелъ къ тому убѣжденію, что этотъ семейный актъ можно было нарушить безъ большого труда. Лордъ Джорджъ былъ простой, добродушный воинъ, для котораго герцогскій титулъ не имѣлъ никакого значенія; онъ слишкомъ высоко ставилъ честь своего рода, чтобъ возбудитъ процессъ, который могъ опозоритъ

одного изъ представителей этого знаменитаго дома. Его легко было убѣдить, что лорду Кингсджиру лучше жениться на миссъ Пенни съ ея пятью милліонами и поддержать достоинство рода Куртоповъ, чѣмъ сдѣлаться мужемъ миссъ Анабель Вильдвиль и, за недостаткомъ денегъ, совершенно уронить это древнее имѣніе. Лордъ Джорджъ, пожалуй, сначала и насупитъ брови, но скоро согласится, что слава аристократическихъ домовъ можетъ быть поддержана только постоянными самопожертвованіями отдѣльныхъ членовъ ихъ; пять-же милліоновъ миссъ Пенни придадутъ Куртопамъ такой блескъ, о какомъ они не смѣли и помышлять со времени парламентской реформы; поэтому всѣ, даже самые отдаленные родственники Вильдвильей обязаны содѣйствовать осуществленію подобнаго великаго плана. Лордъ Курзаторъ принадлежалъ къ числу финансовыхъ князей Ломбардъ-Стрита и союзъ съ такимъ могущественнымъ биржевымъ тузомъ могъ значительно усилить самое вліяніе Куртоповъ. Всѣ долги герцога будутъ уплачены и пріобрѣтенъ для лорда Джорджа титулъ пэра или графа съ правомъ передачи его по женской линіи; такимъ образомъ, онъ, вмѣсто того, чтобы отдать свою дочь за разореннаго герцога, передастъ ей послѣ своей смерти царство по праву наследства, а для большаго блеска новаго графскаго титула удѣлитъ нѣсколько сотенъ тысячъ изъ своихъ пяти милліоновъ. Такъ разсуждалъ герцогъ и много великолѣпныхъ плановъ строилъ онъ на приданомъ дочери лорда Курзатора; поэтому замѣчанія м-ра Мортмена сильно его поразили. Въ протестантскихъ семействахъ стряпчій замѣнялъ духовника католическихъ семействъ; герцогу поэтому было непріятно слушать, какъ почтенный м-ръ Мортменъ доказывалъ, что семейный актъ слѣдуетъ признавать священнымъ и нарушать его безчестно. Люди, подобныя герцогу Куртопу, состоятъ изъ странной смѣси противоположностей. Они готовы совершить далеко не безуворизненный поступокъ, когда того требуютъ ихъ личный интересъ, но въ то-же время стараются въ глазахъ другихъ быть вѣчно на ходуляхъ чести. Хотя они не останутся передъ вѣроломствомъ, утѣшая себя тѣмъ соображеніемъ, что дѣль оправдываетъ средства, но одно слово неодобренія часто удерживаетъ ихъ, возбуждая въ ихъ сердцахъ не сознаніе своей низости, а злобу противъ критиковъ, непонимающихъ ихъ великой дѣли. Замѣчанія м-ра Мортмена возбудили

въ герцога подозрѣніе, что лордъ Джорджъ Вильдвиль, быть можетъ, не согласится на его планъ и заявить, что честность должна брать верхъ надъ заботою о величіи своего рода, что, будучи по праву герцогомъ Куртопомъ, ему не для чего лишать дочь ея правъ ради какихъ-то невѣрныхъ благъ, что онъ согласился на обманъ для поддержанія чести своего рода, но не желалъ поддерживать этотъ обманъ только изъ финансовыхъ выгодъ и что вообще продажа имени лорда Кингсджира за пять милліоновъ была сдѣлкой, недостойной порядочнаго чело-вѣка. Дѣйствительно, нельзя было предугадать, до чего могло дойти донкихотство стараго воина, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ чрезвычайно слабъ, а въ другихъ твердъ, какъ желѣзо; раздумывая объ этомъ герцогъ проклиналъ безуміе людей, которые могли-бы быть счастливы, если-бы немного шире смотрѣли на дѣла совѣсти. Нѣсколько дней къ ряду онъ обдумывалъ, какъ ему извлечь для себя пользу изъ сына другими путями. Привыкнувъ чуть не съ колыбели считать величіе своего рода главною цѣлю всей жизни, герцогъ Куртопъ, естественно, считалъ дозволительными всякаго рода хитрости и обманы для достиженія этой цѣли.

Маркизь Кингсджиръ, какъ передавалъ герцогъ м-ру Мортману, былъ недавно произведенъ въ корнеты, подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ его лѣтъ и положенія въ свѣтѣ. Но здѣсь оканчивается сходство между нимъ и этими юношами. Онъ былъ воспитанъ до двѣнадцати лѣтъ матерью и характеръ его вполне сложился подъ ея вліяніемъ. Она жила, послѣ своего счастливаго развода съ герцогомъ Куртопомъ, прежде у отца, потомъ у матери и, наконецъ, одна, въ великолѣпномъ лондонскомъ домѣ, завѣщанномъ ей родителями, но который во всѣхъ путешествіяхъ назывался одной изъ лондонскихъ резиденцій герцога Куртопа, такъ-какъ до самой ея смерти они оба поддерживали комедію супружескаго согласія. Но гдѣ ни жила эта великосвѣтская вдова-жена, ея домъ всегда былъ наполненъ католическимъ духовенствомъ и французскими эмигрантами аристократическихъ родовъ, которые переселились въ Англію; въ ея гостиной постоянно являлись скромно одѣтые представители и представительницы извѣстныхъ аристократическихъ домовъ; одинъ изъ такихъ эмигрантовъ былъ музыкальнымъ учителемъ во время революціи,

другой гувернеромъ и всѣ вообще вырабатывали въ потѣ лица кусокъ хлѣба. Ихъ примѣръ пошатнулъ вѣру герцогини въ наследственныя богатства и она рѣшилась научить сына какому-нибудь ремеслу. Послѣ многихъ совѣщаній ея съ духовникомъ, маркизъ, ея сынъ, научился слесарному мастерству: благородный патеръ справедливо доказывалъ, что люди до скончанія міра будутъ стараться сохранять свою собственность, а лучшими, до сихъ поръ извѣстными, способомъ подобнаго сохраненія было запирать подъ замокъ свое имущество. На этомъ основаніи будущій наследникъ нѣсколькихъ герцогскихъ и графскихъ титуловъ былъ воспитанъ, какъ простой смертный; онъ вставалъ рано, работалъ цѣлый день, питался простой пищей, спалъ на жесткой кровати и обходился безъ всякой прислуги; такимъ образомъ, когда умерла герцогиня, его можно было выгнать на улицу безъ гроша и на другой-же день онъ нашель-бы себѣ кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ.

Герцогъ былъ, конечно, чрезвычайно пораженъ подобнымъ воспитаніемъ, и когда его сынъ и наследникъ явился въ Бомануаръ, онъ немедленно, по совѣту доктора Портеуса, отдалъ его въ великосвѣтскій пансіонъ, извѣстный подъ названіемъ „Палата лордовъ“, гдѣ юноши научались боксировать, пить шампанское, жарить сосиски и писать дурные латинскіе стихи. Маркизъ никакъ не могъ привыкнуть къ своему новому положенію и, благодаря ли практическому уму, наследованному отъ продавца сыровъ, дѣда его матери, или строгой логикѣ, унаследованной отъ ея французскихъ предковъ, но онъ никогда не находилъ интереса въ латинскихъ стихахъ или греческихъ корняхъ. Въ каждую свободную минуту онъ убѣгалъ отъ своихъ товарищей, чтобы учиться у ремесленниковъ ихъ ремеслу; онъ, такимъ образомъ, научился починить стулъ, сколотить лодку, исправить дымящуюся трубу, но не находилъ никакого удовольствія въ криветѣ. Онъ былъ тихій, спокойный юноша, всегда занятый чѣмъ-нибудь страннымъ; наставники любили его, такъ-какъ онъ никогда не былъ замѣшанъ ни въ какихъ исторіяхъ, а товарищи любили его за то, что онъ не держалъ себя высокомѣрно и охотно давалъ деньги всѣмъ и каждому. Въ отношеніи денегъ, онъ вообще не зналъ счета имъ и не придавалъ никакой цѣны презрѣнному металлу. Каждый разъ, когда онъ возвращался въ пансіонъ послѣ кани-

куль, леди Пенкарро давала ему сто фунтовъ, герцогъ столько-же и леди Оверло, родственница и близкая пріятельница герцога, немного менѣе; но онъ небрежно бросалъ эти деньги въ ящикъ своего стола и приглашалъ всѣхъ товарищей пользоваться ими, самъ-же никогда ихъ не расходовалъ и даже нетерпѣливо отталкивалъ кучки золотыхъ, когда ему случалось искать въ ящикѣ какой-нибудь инструментъ.

По окончаніи курса въ великосвѣтскомъ пансіонѣ, юный маркизъ не пошелъ въ университетъ, подобно товарищамъ; отецъ его герцогъ помѣстилъ его въ военную службу, надѣясь, что общество офицеровъ разовьетъ въ немъ вкусы и наклонности болѣе достойныя его высокаго званія, такъ-какъ онъ не могъ понять, чтобъ его наслѣдникъ интересовался только новыми приспособленіями въ устройствѣ ружей или изобрѣтеніемъ эластичныхъ подковъ.

— Люси, сказалъ герцогъ черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ м-ромъ Мортиэномъ, обращаясь къ леди Оверло, веселой, свѣтской женщинѣ, проводившей большую часть года въ Бомануарѣ и, какъ говорили злые языки, совершенно повелѣвавшей герцогомъ; — какъ-бы я желалъ, чтобы вы отполировали моего мальчика. Я никогда не видалъ такого страннаго, удивительнаго юношу. Можете себѣ представить, онъ только-что починилъ лопату для садовника.

— Пошлите его на годъ въ Вѣну, какъ *attaché* при посольствѣ, отвѣчала леди Оверло;—дипломатія не блестящее ремесло, но она все-таки научитъ его цѣнить свой титулъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ сухо герцогъ:—это не годится.

— Онъ нуженъ вамъ дома?

— Да.

— Но вѣдь вы можете его выписать сюда къ совершеннолѣтію.

— Конечно, произнесъ поспѣшно герцогъ,—но до тѣхъ поръ кто-нибудь можетъ подчинить его своему вліянію.

— Удивительная судьба тяготѣетъ надъ всѣми нами, замѣтила леди Оверло, пожимая плечами;—никто изъ нашего семейства никогда не имѣлъ гроша, а достигнувъ совершеннолѣтія, каждый изъ насъ обрекаетъ себя на нищенство во всю жизнь. Вы хотите, чтобъ онъ переукрѣпилъ помѣстья на свое имя и принялъ

всѣ ваши долги, какъ вы сами сдѣлали при вашемъ совершеннѣйшій?

— А вы желали-бы обезпечить свой доходъ? спросилъ вмѣсто отвѣта герцогъ.

— Конечно, отвѣчала леди Оверло съ пріятной улыбкой.

— Ну, такъ онъ долженъ это сдѣлать.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ лакей и подаль герцогу на золотомъ подносѣ карточку м-ра Шарпа.

— Попросите его въ бібліотеку, сказалъ герцогъ.

— Берегитесь, герцогъ, берегитесь! воскликнула леди Оверло, грозя пальцемъ;— не забывайте, что только черезъ три года вамъ можно будетъ сыграть въ *vingt et un*.

— Не каркайте вороной, Люси, произнесъ со смѣхомъ герцогъ и, гордо закинувъ голову, пошелъ на встрѣчу гостю.

VII.

Искуситель.

М-ръ Сквинвортъ Шарпъ ждалъ герцога Ёуртона на террасѣ бонануарскаго замка, любясь большимъ красно-синимъ попугаемъ, въ ремеслѣ котораго онъ видѣлъ много общаго съ своимъ собственнымъ.

„На достопочтеннаго герцога можно дѣйствовать только страхомъ, думалъ про себя іоркширскій стряпчій, расхаживая взадъ и впередъ;— инымъ путемъ отъ него ничего не добьешься“.

— Какъ поживаете, Шарпъ? спросилъ герцогъ, выходя въ стеклянную дверь изъ бібліотеки.

— По-маленьку, ваша свѣтлость, отвѣчалъ м-ръ Шарпъ съ напускной фамильярностью, отъ которой издали несло конюшней,— то-есть, я имѣю въ виду собственно здоровье.

— Здоровье — это главное въ жизни, весело произнесъ герцогъ;— вы любуетесь моимъ попугаемъ? славная птица; ее кто-то назвалъ Кобденомъ за самонадѣянность. Но на что-же вы можете жаловаться?

— Вотъ видите, ваша свѣтлость, балансъ нашихъ расчетовъ для васъ слишкомъ невыгоденъ, отвѣчалъ м-ръ Шарпъ, подмигивая попугаю, который серьезно кивнулъ головою.

— Тѣмъ лучше для васъ, Шарпъ, сказалъ гордо герцогъ и, повернувшись, сталъ ходить взадъ и впередъ по мраморной террасѣ.

— Но дѣло въ томъ, продолжалъ м-ръ Шарпъ, едва поспѣвая за герцогомъ,—что сумма въ пять цифръ—большія деньги.

Попугай, повидимому, слѣдившій съ интересомъ за словами м-ра Шарпа, громко повторилъ: „деньги“.

— У васъ есть обезпеченіе, произнесъ съ безпокойствомъ герцогъ.

— У меня ваши обязательства, но, къ несчастью, они ничего не стоятъ, ваша свѣтлость.

— Будьте такъ добры, умѣрьте свои выраженія въ моемъ домѣ, замѣтилъ герцогъ.

— А если это не вашъ домъ? произнесъ какъ-то неловко м-ръ Шарпъ.

Герцогъ остановился и, какъ опытный дипломатъ, не сказалъ ни слова. Онъ не былъ уменъ, скорѣе онъ былъ тупой человѣкъ, что доказывалъ его слишкомъ узкій, низкій лобъ, но семейныя традиціи, опытъ цѣлой жизни и положеніе въ свѣтѣ дѣлали его достойнымъ соперникомъ самыхъ искусныхъ, способныхъ людей, когда дѣло шло объ его личномъ интересѣ. Онъ не былъ одаренъ ни умомъ, ни воображеніемъ, но чрезвычайно быстро схватывалъ все, что касалось его выгодъ; привыкнувъ цѣлую жизнь жить дѣло съ людьми различныхъ положеній и переживать запутанныя обстоятельства, несдерживаемый ни убѣжденіями, ни идеями, ни даже совѣстью, онъ во всеоружіи встрѣчалъ всякую грозившую ему опасность. Онъ понималъ, что надъ его головой собиралась черная туча, о которой говорилъ м-ръ Мортмэнъ, и напрягъ всѣ свои силы, чтобъ противостоять роковому удару, какую-бы форму онъ ни принялъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, продолжалъ м-ръ Шарпъ, вида, что герцогъ молчитъ и ждетъ:—если вы вовсе не герцогъ и всѣ ваши помѣстья и дома принадлежать трактирщицѣ въ Векфильдѣ, что тогда станется съ моими пятью цифрами?

— Вѣдь это все „если“! произнесъ герцогъ.

— Конечно. Но припомните гостиницу „Пашечницу“ въ Векфильдѣ-на-болотѣ, гдѣ вы провели однажды ночь, когда у васъ захромала лошадь на охотѣ.

— Ничего не помню, гордо перебилъ его герцогъ.

— Очень вѣроятно; вы, сильные міра сего, помните только то, что желаете помнить, но, все равно, я помню хорошо. Въ этой гостинницѣ была служанка, лицомъ похожая на васъ.

— Такія сходства случаются нерѣдко, замѣтилъ герцогъ, упорно сохраняя свою выжидательную позицію.

— Да, но въ большей части случаевъ для этого сходства бываетъ основательная причина.

— Безъ причины ничего не бываетъ!

— Въ настоящемъ случаѣ оказывается просто и ясно, сказалъ м-ръ Шарпъ, — что эта служанка дочь покойнаго герцога Буртопа, а сынъ-ли вы его свѣтлости, — подлежитъ большому сомнѣнію.

— А еще говорятъ, что нынче не бываетъ чудесъ, промолвилъ герцогъ, ковыряя въ зубахъ зубочисткой; — какія у васъ доказательства этой чудовищной сказки?

Попугай съ очевиднымъ удовольствіемъ повторилъ: „Сказки, сказки!“

— У меня есть копія съ брачнаго акта, подписанная и засвидѣтельствованная, какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ м-ръ Шарпъ. — Она совершенно случайно попала мнѣ въ руки. Вы помните, ваша свѣтлость, что я купилъ у васъ векселя сэра Ричарда Портеуса и, благодаря имъ, вошелъ въ сношенія съ сэромъ Ричардомъ, который передалъ мнѣ всѣ свои дѣла. Векфильдское помѣстье принадлежало ему и гостинницу „Шашечницу“ держалъ отъ него въ арендѣ нѣкто Джонъ Джайльсъ; когда-же онъ умеръ, я явился въ домъ и потребовалъ, по феодальнымъ законамъ, лучшей движимости въ пользу феодальнаго владѣльца. Долго не могъ я найти ничего порядочнаго, но, наконецъ, увидалъ дубовый рабочій ящикъ съ вашимъ вензелемъ подъ короной. Я тотчасъ подумалъ: „Вотъ эта штука подходящая“. Сначала служанка, имѣющая такое большое сходство съ вами, стала сопротивляться, говоря, что она въ этомъ ящикѣ сохраняетъ свои вещи, но я приказалъ опорожнить его. Въ ящикѣ оказались голенища старыхъ ботфортъ и еще какая-то дрянь; ящикъ я унесъ съ собою, но, къ несчастью, потерялъ ключъ. Всѣ усилія открыть его были тщетны, а сломать замка я не хотѣлъ. Представьте-же себѣ, на прошлой недѣлѣ, приходитъ ко мнѣ вашъ сынъ, маркизъ

съ порученіемъ отъ васъ; не успѣлъ я ему показать ящикъ, зная его искусство въ слесарномъ дѣлѣ, какъ онъ тотчасъ отперъ замокъ и даже открылъ секретное помѣщеніе въ двойномъ дѣящика.

— Я не понимаю, какое мнѣ до всего этого дѣло, произнесъ герцогъ.

— Подождите, продолжалъ м-ръ Шарпъ:—въ секретномъ ящикѣ были бумаги, и между ними свидѣтельство о бракѣ м-ра Одо Вильдвилья и Маргариты Браунъ. М-ръ Одо Вильдвильль былъ покойный герцогъ Куртопъ и Ревель, а Маргарита Браунъ была мать служанки „Шашечницы“, впоследствии вышедшей замужъ за м-ра Брауна, не родственника, а только однофамильца. Она пожирала глазами вашу свѣтлость, когда я, помните, въ то утро пріѣзжалъ за вами въ гостинницу; всего умнѣе было-бы вамъ тогда жениться на ней, хотя-бы только для того, чтобы получить ея дубовый ящикъ съ бумагами, потому-что она графиня по наслѣдственному праву и ей принадлежать всѣ ваши земли и всѣ ваши дома. Ну, герцогъ, что-же вы теперъ скажете о моихъ пяти цифрахъ?

— Если свидѣтельство у васъ, то у нея его нѣтъ, произнесъ герцогъ совершенно спокойно.

„Проклятый! ни чѣмъ не проберешь его спокойствія“, подумалъ м-ръ Шарпъ, и сказалъ громко:—Это правда, ваша свѣтлость.

— Я полагаю, Шарпъ, вамъ нѣтъ никакой пользы дѣлать графиней трактирную служанку, произнесъ герцогъ съ пріятной улыбкой, садясь на одинъ изъ плетеныхъ стульевъ, разставленныхъ на террасѣ.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, отвѣчалъ Шарпъ, опускаясь на другой стулъ;—я спокоенъ насчетъ своихъ денегъ, пока вы живы, но желалъ-бы заручиться маркизомъ.

— Сдѣлать это нетрудно; мой сынъ подпишетъ какія вамъ угодно бумаги для обезпеченія вашихъ денегъ.

— Но маркизу только восемнадцать лѣтъ, а въ три года многое можетъ случиться. Дѣло другое, если-бъ вы могли достать подпись вашего дяди, лорда Джорджа.

— Лордъ Джорджъ Вильдвильль въ Индіи, замѣтилъ герцогъ Куртопъ, не понимая намека страпцаго.

— Неужели! отвѣчалъ м-ръ Скипвортъ Шарпъ:—кто-бы это подумалъ? Я, по крайней мѣрѣ, и не подозрѣвалъ, ваша свѣтлость, пока вы мнѣ не сказали.

— Вы хотите сказать, что если я достану подпись лорда Джорджа, то вы дадите мнѣ еще денегъ? спросилъ герцогъ, теперь вполне понимая, на что намекалъ страпчій.

— Съ удовольствіемъ. Лордъ Джорджъ прямой вашъ наследникъ послѣ маркиза. Онъ всегда былъ богатъ, а теперь ему приходится получить громадную сумму изъ сокровищъ, конфискованныхъ у индійскихъ владѣтельныхъ князей.

— И его дочь обязана выдти замужъ за моего сына, если я не найду ему лучшей партіи, произнесъ герцогъ, принимая свой обычный надменный тонъ.

— Мнѣ все извѣстно, что касается лорда Джорджа, ваша свѣтлость, и я совершенно удовольствуюсь его подписью; а вы попросите маркиза написать письмо, въ которомъ онъ давалъ-бы слово джентльмена, что никогда не откажется отъ своихъ обязательствъ, хотя-бы они были даны во время его несовершеннолѣтія. Тогда я приму на себя всѣ ваши пожизненные обязательства.

— Такъ я могу написать Мортману, чтобъ онъ кончалъ съ покупкою помѣстья Гринвелла? весело сказалъ герцогъ;— а лоскутки бумаги, найденныя вами въ секретномъ ящикѣ, можно будетъ сжечь въ каминѣ, неправда-ли, Шарпъ?

— Конечно, можно, отвѣчалъ Шарпъ;—только, помните, я не отвѣчаю, что не существуетъ другой копии брачнаго свидѣтельства. Но возвратимся къ моему дѣлу. У васъ есть довѣренность отъ лорда Джорджа на полученіе слѣдующихъ ему громадныхъ суммъ, и вы, если захотите, можете получить ихъ въ нынѣшнемъ году; представьте мнѣ только его подпись, я даже не стану на нее близко смотрѣть.

— А когда у васъ будутъ готовы деньги, Шарпъ? спросилъ герцогъ съ гордымъ достоинствомъ.

— Когда прикажете, послѣ понедѣльника; если вы пришлете ко мнѣ маркиза съ подписанными какъ слѣдуетъ бумагами, я вручу ему и деньги.

— Вы обѣдаете со мной, Шарпъ? спросилъ съ улыбкой герцогъ, услыхавъ звонъ обѣденнаго колокола.

— Если позволите, ваша свѣтлость; я очень голодѣю.

— Деревенскій воздухъ возбуждаетъ аппетитъ, замѣтилъ герцогъ, смѣясь;—мой камердинеръ Джіовани,—вы помните Джіовани?—подастъ вамъ все, что нужно.

— Со мной, ваша свѣтлость, и бѣлый галстухъ, и лакированные сапоги, отвѣчалъ м-ръ Шарпъ, слѣдуя за герцогомъ въ бібліотеку.

VIII.

Рѣшительный шагъ.

Герцогъ Куртопъ былъ самымъ обворожительнымъ хозяиномъ, когда находился въ веселомъ расположеніи духа. Онъ страстно желалъ купить помѣстье Грипвелла, граничащее съ однимъ изъ его имѣній, которое онъ никогда не посѣщалъ; увѣренный, что желаніе его непремѣнно исполнится, онъ сіялъ отъ радости. Но не всякій человѣкъ могъ такъ ловко скрывать тяготившія его тайны, какъ герцогъ. Нося титулъ ему непринядававшій, онъ былъ вдвойнѣ узурпаторъ. Во-первыхъ, онъ не былъ сыномъ покойныхъ герцога и герцогини Куртопъ; во-вторыхъ, покойная герцогиня не имѣла правъ на этотъ титулъ, такъ-какъ ея мужъ былъ тайно женатъ на другой женщинѣ; дочь-же этой женщины теперь могла во всякое время лишить его, герцога, титула и домашняго очага. Кромѣ всего этого, онъ самъ, слѣдуя примѣру отца, тайно женился и нажилъ дѣтей; хотя эти дѣти, по англійскимъ законамъ, и не считались законными, но могли надѣлать много неприятностей его сыну и наслѣднику. Подобныя мысли повліяли-бы на состояніе духа простого смертнаго; но герцогъ Куртопъ никогда не казался такимъ довольнымъ, какъ въ тѣ минуты, когда долженъ былъ напрягать всѣ свои силы для избѣжанія подводныхъ камней и канкановъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. Такъ и теперь; въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣ разговора съ м-ромъ Шарпомъ, герцогъ приводилъ въ восторгъ всѣхъ окружавшихъ его своимъ очаровательнымъ обращеніемъ. Онъ выказывалъ неожиданное сочувствіе къ занятіямъ сына, съ интересомъ разсматривалъ различныя механическія приспособленія въ его мастерской и слушалъ его объясненія съ нѣжнымъ вниманіемъ.

— А!-а! очень интересно, говорилъ герцогъ, стараясь понять слова сына.—Бессемеръ и Б^о готовятъ чугунъ совершенно иначе, чѣмъ это дѣлалось прежде. Удивительно интересно. Расскажи объ этомъ леди Оверло; это важное открытіе для торговли и вообще для Англїи. Увѣраю васъ, миледи, что я никогда не подозрѣвалъ, что чугунъ дѣлается изъ мышьяка или мышьякъ изъ чугуна, какъ ты объяснялъ, Бингсджиръ? Да, конечно, чугунъ одна изъ составныхъ частей мышьяка, и я теперь не удивляюсь, что простолудины отравляются мышьякомъ.

Молодой человекъ былъ удивленъ и обрадованъ такимъ обращеніемъ отца; онъ сообщилъ все, что зналъ, о металахъ, и герцогъ съ леди Оверло слушали его съ такимъ вниманіемъ, что онъ почувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ. Въ первый разъ отецъ обращался съ нимъ, какъ съ равнымъ, и даже выказывалъ къ нему нѣкоторое уваженіе. Сама леди Оверло съ удивительнымъ тактомъ просила его высказать свое мнѣніе о только что полученномъ ею бальномъ платьѣ и помочь ей составить рисунокъ костюма для маскарада, который она собиралась дать въ Лондонѣ въ будущемъ сезонѣ. Но самымъ трогательнымъ событіемъ всей недѣли было торжественное шествіе всѣхъ обитателей Бомануара въ воскресенье въ церковь, гдѣ герцогъ велъ себя самымъ примѣрнымъ образомъ и такимъ громкимъ, яснымъ голосомъ давалъ опредѣленные въ англиканской церковной службѣ отвѣты пастору, что никто изъ присутствовавшихъ не могъ сомнѣваться въ истинности его религіозныхъ вѣрованій. Выходя изъ церкви, герцогъ милостиво объяснилъ своему сыну, что въ деревнѣ необходимо ходить въ церковь, и люди съ ихъ положеніемъ въ свѣтѣ должны повиноваться подобнымъ правиламъ приличія. Потомъ, идя по парку, герцогъ вступилъ въ длинный, откровенный разговоръ съ своимъ наслѣдникомъ: онъ рассказалъ ему, какія ввелъ улучшенія въ помѣстьяхъ, какъ выгодно было покупать землю, потому что она постоянно повышается въ цѣнѣ и даетъ средство увеличеніемъ дохода поддерживать честь и достоинство знаменитаго рода. Онъ посвятилъ сына во всѣ подробности своихъ дѣлъ и объяснилъ ему, что издерживаетъ въ Бомануарѣ ежемѣсячно только тысячу фунтовъ, платя за все наличными деньгами, что было совершенно справедливо, только герцогъ на этотъ разъ скрылъ отъ сына, какимъ образомъ онъ доставалъ эти на-

личныя деньги. Но черезъ два дня онъ коснулся и этого щекотливаго предмета, но слегка. Дружески взявъ руку сына и опираясь на него, какъ-бы ища въ немъ поддержки, онъ медленно повелъ молодого человѣка изъ столовой въ библіотеку.

Леди Оверло посмотрѣла имъ вслѣдъ и, какъ женщина добрая и впечатлительная, не могла скрыть своего волненія, ясно отразившагося на ея красивомъ лицѣ. Она любила молодого Кингсджира, какъ всѣ знавшіе его, и невольно почувствовала женское состраданіе къ честному, довѣрчивому юношѣ, который долженъ былъ сдѣлаться жертвой обмана. Около минуты ея губы судорожно дрожали и она отерла платкомъ свои прелестныя, голубыя глаза; но черезъ мгновеніе она подумала: „впрочемъ, это не мое дѣло: каждый въ наше время хлопочетъ самъ о себѣ“, и съ философскимъ хладнокровіемъ сѣла за фортепьяно.

Между тѣмъ герцогъ, придя въ библіотеку, сталъ разсѣянно перебирать многочисленныя письма, которыя ежедневно писали къ нему различные родственники, знакомыя и незнакомыя лица, жаждавшія мѣсть, денегъ и т. д.

— Ахъ, да! кстати, сказалъ онъ, распечатавъ записку пламеннаго вига, расточавшаго всевозможныя лестныя выраженія, чтобы добиться приглашенія въ Бомануаръ:—Кингсджиръ, ты можешь сегодня оказать мнѣ большую услугу, если ничѣмъ не занятъ. Ко мнѣ пріѣдетъ управляющій моихъ ирландскихъ помѣстій и его разговоры тебѣ, конечно, не интересны. Пожалуйста, отведи эти бумаги къ м-ру Скипворту Шарпу. Ты найдешь его въ Лондонѣ, въ конторѣ; онъ передастъ тебѣ деньги на покупку помѣстья Грипвелъ. Послѣ долгихъ стараній я пріобрѣлъ эту землю и завтра она составитъ часть владѣній, которыя нѣкогда будутъ принадлежать тебѣ.

— Я сейчасъ поѣду, отвѣчалъ лордъ Кингсджиръ;—я прикажу заложить кабриолетъ и еще поспѣю на первый поѣздъ.

— Не лучше-ли тебѣ поѣхать въ коляскѣ? сказалъ герцогъ:—воронуя пару надо промять, а до станціи хорошихъ четыре мили.

— Въ кабриолетѣ скорѣе, отвѣчалъ практической молодой человѣкъ.

— Какъ хочешь, произнесъ герцогъ,—но прежде тебѣ надо подписать свое имя на этихъ бумагахъ. Ты видишь, я подписалъ ихъ, также какъ и лордъ Джорджъ Вильдвилъ, который ните-

решается такимъ важнымъ приобрѣтеніемъ. Это пустая формальность.

— Я не зналъ, что индійская почта пришла, сказалъ лордъ Бингсджиръ;—есть ли письмо отъ Анабель?

— Эти бумаги я получилъ съ прошлой почтой, отвѣчалъ герцогъ.

Управляющій и дворецкій были призваны, въ качествѣ свидѣтелей, и лордъ Бингсджиръ, не читая бумагъ, подписалъ ихъ неразборчивымъ дѣтскимъ почеркомъ.

IX.

Контора страпчачаго.

Маркизъ Бингсджиръ благополучно прибылъ въ Лондонъ и такъ-какъ погода была хорошая, онъ пошелъ пѣшкомъ съ падингстонской станціи въ Аргайль-стритъ, гдѣ находилась контора страпчачаго м-ра Шарпа. Аристократъ прошлаго поколѣнія, даже его отецъ никогда-бы этого не сдѣлалъ; вообще нельзя совѣтовать ходить по улицамъ пѣшкомъ людямъ, высоко стоящимъ на общественной лѣстницѣ, потому что пыль, грязь и вѣтеръ не уважаютъ никого и запыленный или загрязненный паръ теряетъ половину своего величія. Однако, лордъ Бингсджиръ, какъ мы уже видѣли, недостаточно сознавалъ всю пользу громкаго титула, и ему только теперь предстояло убѣдиться, какъ удобно выставить на показъ свой титулованный гербъ на дверцахъ кареты и пуговицахъ лакеевъ. Титулъ удивительно сохраняетъ время и облегчаетъ всевозможныя дѣла; жизнь тогда гладко, пріятно катится, словно всѣ колеса ея сложной машины только-что смазаны саломъ.

Оставивъ свою графскую корону на кабриолетѣ, привезшемъ его въ родового замка, маркизъ казался простымъ англійскимъ юношей. Онъ былъ одѣтъ просто; его легкая походка не обнаруживала аристократическаго происхожденія; шляпа у него была круглая, какъ у всѣхъ, перчатки лежали въ карманѣ, а руки носили слѣды слесарныхъ инструментовъ и химическихъ опытовъ. Но все это не имѣло никакого значенія въ Бомануарѣ. Если-бъ онъ поѣхалъ на

станцію желѣзной дороги въ халатѣ или безъ халата, то его появленіе произвело-бы одинаково сильное впечатлѣніе; кассиръ, кондукторы и носильщики наперерывъ старались-бы услужить ему и произнесли соблазнительное слово: „милордъ“. Поэтому, если-бы писарь въ конторѣ страпчого м-ра Шарпа, поддерживавшій свое человѣческое существованіе на восемнадцать шилинговъ въ недѣлю, зналъ, кто былъ юноша, звонокъ котораго, заставилъ его бросить работу, то, конечно, онъ не встрѣтилъ-бы его такъ, какъ встрѣтилъ теперь. Но, по несчастью, для этого скромнаго писари въ наружности посѣтителя не было ни малѣйшаго признака, по которому-бы можно было судить о его высокомъ происхожденіи; поэтому онъ, увидѣвъ неизвѣстнаго, просто одѣтаго молодого чело-вѣка, грубо произнесъ:

— Что вамъ нужно? Звоните, точно Темза вышла изъ береговъ.

— М-ръ Шарпъ дома, сэръ? скромно спросилъ маркизъ.

Онъ не могъ сдѣлать этого вопроса въ болѣе несчастной формѣ. Самый грубый, низко поставленный французъ не отвѣтитъ вамъ, если вы его не назовете „monsieur“; напротивъ, если вы назовете грубаго, невѣжественнаго англичанина: „сэръ“, онъ непременно нанесетъ вамъ оскорбленіе.

— А вамъ зачѣмъ? Развѣ вы не видите, сколько народу его ждетъ? Или вы пренебрегаете мной, не хотите мнѣ сказать, что вамъ нужно?

Маркизъ Кингсджиръ понялъ теперь, что пора было прибѣгнуть къ помощи титула, и, подавая писарю свою карточку, сказалъ повелительнымъ тономъ:

— М-ръ Шарпъ меня ждетъ; узнайте, можетъ-ли онъ меня принять.

На карточкѣ было напечатано простыми, обыкновенными буквами: „Маркизъ Кингсджиръ“.

Этотъ маленькій кусокъ глазированной папки нанесъ бѣдному писарю ударъ тяжелѣе молота. Онъ отскочилъ, какъ ужаленный змѣей, поблѣднѣлъ, потомъ побагровѣлъ и, наконецъ, спасся бѣгствомъ въ кабинетъ м-ра Шарпа. При видѣ испуганной, дрожащей фигуры писаря, страпчій гвѣвно спросилъ, какъ онъ смѣлъ войти, предварительно не постучавъ въ дверь. Выговоръ начальника всегда дѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ на подчиненныхъ,

и писарь, нѣсколько очнувшись отъ своего столбняка, молча подалъ стряпчему карточку.

— Просите маркиза, восбликнулъ м-ръ Шарпъ. — Какъ вамъ не стыдно держать маркиза въ конторѣ? Войдите, милордъ, продолжалъ онъ, спѣша встрѣтить своего благороднаго гостя. — Какъ здоровье его свѣтлости герцога? Сюда, сюда, пожалуйста, милордъ.

Лицо стряпчача сіяло счастьемъ, а когда молодой человѣкъ протянулъ ему руку, то онъ отъ радости задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Между тѣмъ несчастный писарь смиренно возвратился къ своей конторѣ и съ отчаянія сталъ рвать на себѣ волосы. Какъ и слѣдовало ожидать, восемнадцати-лѣтнему юношѣ было дано преимущество передъ всѣми остальными лицами, находившимися въ конторѣ; даже поспѣшно удалили изъ кабинета только-что вошедшихъ туда вдову съ сыномъ, въ глубокомъ траурѣ, которые сами посовѣстились-бы быть помѣхой такой высокопоставленной особы.

Х.

Ростовщикъ.

Хотя контора м-ра Шарпа находилась въ нижнемъ этажѣ мрачнаго дома и казалась очень невзрачной, обстановка ея была все-таки такова, что для опытнаго глаза лондонца не могло быть сомнѣнія въ томъ, что въ ней производятся различныя финансовыя сдѣлки съ великосвѣтскими джентльменами, нуждающимися въ деньгахъ для скачекъ, оперы и другихъ великосвѣтскихъ забавъ. Разсылные изъ клубовъ, ливрейные лакеи и модныя горничныя постоянно являлись сюда съ записками и по цѣлымъ часамъ ждали отвѣта. Наемные кэбы часто останавливались передъ дверями конторы и молодые люди поспѣшно высказывали изъ нихъ; но въ большинствѣ случаевъ они такъ-же поспѣшно возвращались изъ конторы, такъ-какъ м-ра Шарпа не легко было застать здѣсь. Онъ не жилъ въ Аргаилъ-стритѣ и въ контору былъ доступенъ только лицамъ, пользовавшимся его довѣріемъ. Деньги взаймы онъ давалъ преимущественно строителямъ домовъ въ новыхъ улицахъ и любилъ лично наблюдать за постройками;

такимъ образомъ, когда кліентъ хотѣлъ видѣть м-ра Шарпа и м-ръ Шарпъ желалъ видѣться съ нимъ, онъ назначалъ ему свиданіе въ какомъ-нибудь отдаленномъ предмѣстьѣ и ожидалъ его въ великолѣпныхъ комнатахъ только-что отстроенаго дома, съ котораго еще не были сняты дѣса. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ или недѣль, этотъ роскошный домъ обыкновенно переходилъ въ руки какого-нибудь дэнди, дѣла котораго недавно были разстроены, а м-ръ Шарпъ перебирался въ другое мѣсто. Онъ нигдѣ не поселялся на долго, потому-что много путешествовалъ и имѣлъ постоянныя дѣла въ Эпсомѣ, Ньюмаркетѣ, Донкастерѣ, Мельтонѣ-Мобре и вездѣ, гдѣ происходили сборища людей или скаковыхъ лошадей. Жизнь м-ра Шарпа была тяжелая, но интересная, и онъ велъ ее такъ постоянно въ продолженіи тридцати лѣтъ. Онъ былъ очень богатъ и продолжалъ наживать деньги чуть не ежедневно и не какими-нибудь гинеями, а тысячами фунтовъ. Многіе увѣряли, что онъ еврейскаго происхожденія, но неправильно: въ дѣйствительности онъ былъ сыномъ іоркширскаго землевладѣльца и джентльмена, по имени Скипвортъ, у котораго служилъ его отецъ, помѣстившій его въ контору ловаго іоркширскаго страпчача. Подъ руководствомъ этого джентльмена Шарпъ рано получилъ наклонность къ наживѣ денегъ и научился вѣрному способу пріобрѣтать деньги безопасно, то-есть безъ потерь и безконечныхъ процессовъ. Съ теченіемъ времени, онъ самъ сдѣлался страпчимъ и открылъ контору въ разстояніи одной минуты отъ соединеннаго лондонскаго банка и полицейскаго суда въ Марльбороской улицѣ. Иногда случалось, что кліенты м-ра Шарпа, прежде, чѣмъ покончить съ нимъ дѣло, посѣщали то и другое учрежденіе. Но онъ былъ человѣкъ спокойный, нелюбившій публичныхъ скандаловъ, и потому въ большинствѣ случаевъ кліенты м-ра Шарпа, увидавъ полицейскій судъ, теряли всякое желаніе ближе познакомиться съ нимъ и поспѣшно возвращались назадъ. Къ тому-же м-ръ Шарпъ никогда не давалъ денегъ мелкими суммами и никогда не имѣлъ дѣла съ джентльменами, уже занимавшими деньги у другихъ лицъ. Съ подобной осторожностью и прозорливостью, онъ имѣлъ-бы успѣхъ на всякомъ поприщѣ; если-же онъ занимался отдачей денегъ займа, то лишь потому, что судьбѣ было угодно стасовать карты его жизни для игры въ

vingt et un, то-есть, по-просту, сдѣлать изъ него ростовщика. Онъ точно также могъ-бы быть успѣшнымъ политическимъ дѣятелемъ, по примѣру его крестнаго отца м-ра Свипворта. Вообще Шарпъ былъ очень добрый, учтивый, услужливый человѣкъ. Главной его слабостью была любовь къ великосвѣтскому обществу и величайшимъ его счастьемъ было проѣхаться по лондонскимъ улицамъ, сидя въ коляскѣ вмѣстѣ съ герцогомъ, маркизомъ или графомъ. Другого удовольствія онъ не зналъ, и вообще этотъ толстый джентльменъ былъ чрезвычайно умѣренъ и примѣрной нравственности; онъ много работалъ, мало спалъ и питался холоднымъ ростбифомъ. Онъ былъ холостъ и не имѣлъ никакихъ родственниковъ.

— Вотъ деньги, маркизъ, сказалъ онъ, указывая молодому человѣку на стулъ и подавая ему чекъ на соединенный лондонскій банкъ.

Лордъ Квингеджиръ посмотрѣлъ сомнительно на чекъ и не взялъ его. Онъ никакъ не могъ понять, не имѣя привычки къ дѣламъ, зачѣмъ ему брать чекъ, когда онъ не нуждался въ деньгахъ. Видя его колебаніе, стряпчій снова взялъ въ руки чекъ и, показывая письмо, полученное имъ въ то утро отъ герцога, сказалъ:

— Будьте такъ добры, милордъ, надпишите ваше имя на оборотѣ этой бумаги,—таково желаніе вашего отца.

Молодой человѣкъ болѣе не колебался; онъ зналъ или полагалъ, что м-ръ Шарпъ былъ пріятелемъ его отца, и, какъ благовоспитанный юноша, питалъ полное довѣріе къ старшимъ.

— Ну, милордъ, теперь все готово, произнесъ м-ръ Шарпъ;— мой помощникъ пойдетъ съ вами въ банкъ, вы получите тамъ деньги и будете такъ добры, вернетесь сюда.

Онъ позвонилъ своему помощнику, который отправился съ маркизомъ въ банкъ и черезъ четверть часа вернулся, неся въ рукахъ два тяжелыхъ мѣшка съ золотомъ.

— Эге, воскликнулъ м-ръ Шарпъ, — вы, милордъ, вѣроятно, захотите отдѣлаться отъ этого бремени. Я вамъ въ одну минуту размѣню золото на банкные билеты.

Съ этими словами м-ръ Шарпъ сосчиталъ соверены, находившіеся въ обоихъ мѣшкахъ, и, отложивъ въ сторону большую часть

монетъ изъ одного мѣшка, положилъ взаимно остальной суммы новенькіе банковые билеты.

— Скажите, маркизъ, вашему отцу, произнесъ онъ, — что остальные деньги я взнесу моему кліенту впередъ за проценты, какъ было условлено на прошедшей недѣлѣ съ герцогомъ.

— Хорошо, отвѣчалъ лордъ Кингсджиръ, который сказалъ-бы то-же самое о всякомъ распоряженіи м-ра Шарпа.

Онъ, какъ молодой человекъ, желалъ сдѣлать угодное своему отцу, м-ру Шарпу и всякому, съ кѣмъ онъ приходилъ въ столкновеніе. Онъ не подозрѣвалъ, что происходило вокругъ него, что онъ самъ принималъ участіе въ дѣлѣ, которое грозило ему разореніемъ. Отецъ далъ ему порученіе и онъ исполнилъ его, какъ умѣлъ, въ полной невинности своей души. Что-же касается м-ра Шарпа, то онъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ согласно инстинктамъ своего времени и своихъ собратій по ремеслу. Крупная сумма, данная имъ подъ общій документъ герцога Куртопа, маркиза Кингсджира и лорда Джорджа Вильдвилья, была обезпечена, какъ нельзя лучше. Чекъ на всю сумму былъ подписанъ и представленъ маркизомъ, который самъ получилъ деньги, хотя, конечно, онѣ были выданы на имя его отца. Лихвенные проценты, — если они, дѣйствительно, были лихвенные, — были вычтены впередъ золотомъ и не осталось никакихъ юридическихъ слѣдовъ этой сдѣлки. Если-бъ впоследствии пришлось судебнымъ порядкомъ взыскивать эти деньги, то, въ силу выданнаго должникомъ обязательства, оказалось-бы, что онѣ были даны за узаконенные пять процентовъ и что заемъ сдѣланъ герцогомъ Куртопомъ не только съ согласія его сына и наслѣдника, но, очевидно, исключительно для него, такъ-какъ онъ самъ представилъ чекъ и получилъ деньги въ банкѣ. Конечно, это послѣднее обстоятельство не могло помѣшать ему сослаться на свое несовершеннолѣтіе, но дѣлало подобную ссылку еще болѣе позорной; а если-бъ даже такая ссылка и была-бы сдѣлана будущимъ герцогомъ Куртопомъ по введѣ его во владѣніе, то м-ръ Шарпъ былъ обезпеченъ подписью лорда Джорджа Вильдвилья, которая, онъ зналъ, была выдана при обстоятельствахъ, составлявшихъ уголовное преступленіе. Дѣйствительно, бланкъ, написанный лордомъ Джорджемъ для извѣстной цѣли, былъ употребленъ герцогомъ совершенно для другого назна-

ченія, въ силу обычая, свойственнаго многимъ, считать, что ихъ личный интересъ долженъ быть интересомъ всѣхъ людей, и что если они допустятъ кой-какія неправильности, то ихъ легко будетъ оправдать впоследствии. Герцогъ ни за что не повѣрилъ-бы, если-бъ ему объяснили, что за подобное злоупотребленіе довѣріемъ можно попасть въ тюрьму. Онъ желалъ купить землю и, безъ сомнѣнія, его дядя согласился-бы, что эта покупка была необходима для ихъ общихъ выгодъ, — слѣдовательно, употребленіе или злоупотребленіе его подписью было не только не преступнымъ, но благоразумнымъ и полезнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что лордъ Джорджъ никогда объ этомъ не узнаетъ. М-ру Шарпу были хорошо извѣстны эти логическіе выводы и у него въ конторѣ хранилось много документальныхъ доказательствъ такихъ умозрѣній; но онъ употреблялъ ихъ только для того, чтобъ помѣшать своимъ знатымъ кліентамъ прогнать его изъ дома, когда дѣло дошло бы до требованія уплаты. Владѣлецъ помѣстья, находящагося подъ защитой закона о субститутахъ, всегда можетъ какъ ему заблагоразсудится раздѣлываться съ кредиторами; онъ можетъ предложить имъ по десяти шиллинговъ за фунтъ и они должны будутъ согласиться, а то могутъ ничего не получить. Но злоупотребленіе чужимъ довѣріемъ или фальшивый вексель въ рукахъ м-ра Шарпа могли обратиться въ грозное оружіе и іоркширскій стряпчій зналъ очень хорошо, что подобная заручка обезпечивала правильную уплату денегъ. Поэтому онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и, казалось, съ сожалѣніемъ думалъ о скоромъ разставаніи съ своимъ юнымъ другомъ маркизомъ.

— Герцогъ пріѣдетъ въ Лондонъ только черезъ два часа, замѣтилъ м-ръ Шарпъ, смотря на часы.

— Мой отецъ въ Бомануарѣ занимается дѣлами съ своимъ ирландскимъ управляющимъ, отвѣчалъ лордъ Кингсджиръ.

— Вашъ отецъ пріѣдетъ съ трехъ-часовымъ поѣздомъ въ Барльтонскій клубъ, произнесъ м-ръ Шарпъ. — Я только-что получилъ телеграму отъ его свѣтлости, который будетъ ждать васъ въ клубной библіотекѣ. Вообще его свѣтлость чрезвычайно горячъ въ дѣлахъ и я въ одинъ день получаю отъ него иногда по пяти или шести писемъ, не считая телеграмъ.

Лордъ Кингсджиръ, незнавшій этой стороны характера своего

отца, долженъ былъ поневолѣ согласиться со всѣми замѣчаніями м-ра Шарпа, и, покончивъ дѣло, хотѣлъ удалиться, недоумѣвая, чѣмъ онъ займетъ два часа, оставшіеся до пріѣзда отца, какъ вдругъ писарь, принявшій его за какого-нибудь неважнаго просителя, постучалъ въ дверь и, войдя, подалъ страпчему записку, писанную карандашешъ.

— Позвольте, маркизъ, сказалъ м-ръ Шарпъ, и, прочитавъ записку, прибавилъ, обращаясь къ писарю:— скажите полицмену, что я тотчасъ явлюсь къ м-ру Крорлю.

— До свиданія, м-ръ Шарпъ, сказалъ лордъ Кингеджиръ, взявшись за шляпу.

— Если вамъ нечего дѣлать, маркизъ, то не желаете-ли вы взглянуть на полицейскій судъ? произнесъ м-ръ Шарпъ, желая явиться въ камеру въ обществѣ такого знатнаго лица: — судья, м-ръ Крорль, требуетъ меня въ судъ потому, что къ нему представлена женщина, обвиняемая въ кражѣ ассигнаціи, на оборотѣ которой находится мое имя. Я былъ-бы очень радъ показать вамъ хоть кое-что въ Лондонѣ.

Молодой маркизъ обрадовался этому предложенію, которое извѣщало его отъ необходимости сидѣть два часа въ карльтонскомъ клубѣ съ скучными стариками, и черезъ нѣсколько минутъ онъ вмѣстѣ съ м-ромъ Шарпомъ уже входилъ въ камеру полицейскаго судьи.

XI.

Полицейскій судъ.

М-ръ Крорль, пламенный ирландецъ, былъ сдѣланъ лондонскимъ судьей за то, что его дядя, поземельный агентъ въ Ирландіи, помогъ кандидату министерской партіи на парламентскихъ выборахъ въ Типерари, и онъ предсѣдательствовалъ въ полицейскомъ судѣ въ Скинпольской улицѣ, гдѣ разбирались всѣ уголовныя дѣла, случавшіяся на Эджвортской дорогѣ и ея окрестностяхъ.

Англичане точно рождены для того, чтобы платить штрафы и отсиживать въ тюрьмѣ; эти законныя кáры англичане переносятъ тѣмъ легче, что нѣтъ никакой возможности уяснить, какими соображеніями руководствуется судья, опредѣляя то или другое на-

казаніе. Такъ и въ этотъ день, въ судѣ м-ра Крорля, человѣкъ, обвинявшійся въ нанесеніи ударовъ кочергой женѣ, былъ присужденъ судьей къ штрафу въ 40 шиллинговъ, то-есть къ уплатѣ полумѣсячнаго жалованья, къ ужасу самой обвинительницы; въ то-же время другой подсудимый, давшій пощечину члену приходскаго совѣта, былъ посаженъ въ тюрьму на три мѣсяца. Мальчикъ, передавшій фальшивый шиллингъ, былъ приговоренъ къ шести мѣсяцамъ тяжелыхъ работъ въ тюрьмѣ, а мелочной лавочникъ, съ незапамятныхъ временъ отравлявшій покупателей поддѣльнымъ чаемъ, состоявшимъ изъ березовыхъ почекъ, подкрашенныхъ вредной краской, отдѣлался штрафомъ въ пять фунтовъ.

М-ръ Крорль порѣшилъ до завтрака около двадцати дѣлъ; выходя изъ присутствія, онъ замѣтилъ м-ра Шарпа, дѣлавшаго ему знаки рукою. Онъ мигнулъ стряпчему и показалъ ему пальцемъ на дверь, которую тотчасъ отворилъ обязательный полисменъ въ партикулярной одеждѣ. Дверь эта выходила на лѣстницу, которая вела въ кабинетъ судьи, гдѣ на столѣ были приготовлены сигары, хересь и бутерброды. Черезъ минуту въ комнату вошелъ м-ръ Крорль съ газетою въ рукахъ.

— Какъ поживаете, Шарпъ, и кто это съ вами? спросилъ судья, веселый старый джентльменъ, наливая себѣ рюмку хереса:—сдѣлайте одолженіе, приложитесь, если вы голодны.

— Позвольте мнѣ, м-ръ Крорль, сказалъ стряпчій,—представить вамъ моего пріятеля, маркиза Клингсджира, сына герцога Буртопа.

М-ръ Крорль тотчасъ пережѣнилъ свой тонъ, поспѣшно застегнулъ жилетъ и съ почтительнымъ поклономъ произнесъ:

— Повѣрьте, маркизь, что мнѣ очень лестно видѣть васъ въ моемъ судѣ. М-ръ Скипвортъ Шарпъ, я вамъ очень признателенъ за доставленную мнѣ честь принимать такого почетнаго гостя въ камерѣ, гдѣ я творю правосудіе, насколько хватаетъ силъ и способностей.

Почтенный судья пожалъ руку м-ру Шарпу и прослезился отъ благодарности, волненія и выпитаго вина. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ, когда имѣлъ дѣло съ аристократами.

— Вы хотѣли меня видѣть, судья? спросилъ Шарпъ, не же-

лая, изъ ревности, чтобъ м-ръ Крорль сосредоточилъ на себѣ вниманіе маркиза.

— Да, отвѣчалъ судья, — я сейчасъ буду разбирать дѣло одной женщины, обвиняемой въ кражѣ банковаго билета, на оборотѣ котораго находится ваше имя. Я васъ спрошу въ качествѣ свидѣтеля и приведу къ присягѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ м-ръ Крорль возвратился въ присутствіе; для лорда Кингеджира и Шарпа были поставлены стулья за рѣшеткой, что, строго говоря, было неправильно, такъ-какъ свидѣтель Шарпъ долженъ былъ находиться въ свидѣтельской комнатѣ. Судебный приставъ вызвалъ сторопы по дѣлу Маргариты Браунъ, обвиняемой въ незаконномъ присвоеніи банковаго билета и въ панесеніи побоевъ полисмену № 1,000, который явился въ качествѣ свидѣтеля съ пластыремъ на носу. Маджи сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ, блѣдная, но оправившаяся отъ болѣзни. За ней очень хорошо ухаживали въ больницѣ; при первомъ извѣстіи объ ея несчастіи, Томъ Браунъ, Гарри Джипксъ и м-ръ Моледи поспѣшили въ Лондонъ, гдѣ старались всѣми силами ея утѣшить. Они довѣрили ея защиту одному изъ многочисленныхъ адвокатовъ, посѣщавшихъ полицейскіе суды, м-ру Вистлю. Полу-сѣдые волосы стояли дыбомъ на головѣ этого знаменитаго оратора, воротникъ его фрака лоснился, а бѣлье на немъ было сомнительной бѣлизны; онъ занялъ свое мѣсто за столомъ защитника, съ такою кипюю бумагъ, что можно было подумать, будто онъ защищаетъ всю ньюгетскую тюрьму, а не одну бѣдную женщину. Это былъ единственный адвокатъ, котораго зналъ м-ръ Моледи, или, лучше сказать, который зналъ м-ра Моледи, потому что не пасторъ отыскалъ адвоката, а адвокатъ пастора.

— Встаньте лицомъ къ судѣ, рѣзко произнесъ полисменъ и, взявъ Маджи за плечи, насильно повернулъ ее.

Когда вошелъ въ камеру частный обвинитель м-ръ Слоггудъ, судья пригласилъ его снять перчатки, потомъ крикнулъ на него, зачѣмъ онъ смотритъ на своего повѣреннаго, а не на судъ вообще, и такъ запугалъ ссροжнаго торговца, что онъ пожалѣлъ въ душѣ о возбужденіи судебного преслѣдованія противъ Маджи. Но несчастья Слоггуда этимъ не кончились: онъ случайно чихнулъ и м-ръ Крорль приказалъ вывести его изъ суда. Однако, онъ сми-

ренно попросилъ извиненія черезъ своего повѣреннаго и почтенный судья согласился его простить подь условіемъ, что онъ болѣе не станетъ парушать спокойствія въ присутствіи. Послѣ этого м-ръ Крорль приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла.

М-ръ Слопгудъ показалъ все, что ему было извѣстно; то-же сдѣлали его прикащики; а полицменъ № 1,000 разсказалъ не только то, что онъ зналъ, но что и перечувствовалъ, объяснивъ очень трогательно несчастье, случившееся съ его носомъ. Потомъ былъ приведенъ къ присягѣ м-ръ Джидльдобинъ, фабрикантъ духовыхъ инструментовъ. Но это былъ не тотъ м-ръ Джидльдобинъ, который потерялъ банковый билетъ: тотъ Джидльдобинъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ и оплаканъ друзьями. Теперешній м-ръ Джидльдобинъ былъ сынъ покойнаго, чрезвычайно искусный механикъ, изобрѣвшій какой-то новый духовой инструментъ. Онъ подь присягой показалъ, что его зовутъ Джаэль, что ему 36 лѣтъ и что онъ помнитъ, какъ его отецъ Амось Джидльдобинъ потерялъ нѣсколько банковыхъ билетовъ; въ то время ему, свидѣтелю, было восемнадцать лѣтъ. Онъ тогда не былъ дома, но помнитъ очень хорошо это обстоятельство, потому что тогда впервые ему вошла въ голову мысль объ его новомъ инструментѣ; когда-же онъ хотѣлъ пуститься въ подробное описаніе этого инструмента, то защитникъ Маджи, м-ръ Вистль, перебилъ его, громко воскликнувъ:

— Я не позволю ни вамъ, никому другому болтать тутъ пустяки.

М-ръ Вистль, постоянно что-то записывавшій, энергично и съ успѣхомъ передопрашивалъ м-ра Слопгуда, его прикащиковъ и полицмена № 1,000, при чемъ каждаго изъ нихъ сбивалъ и путалъ безжалостнымъ образомъ. Взявшись-же за м-ра Джидльдобина, онъ поступилъ съ нимъ слѣдующимъ образомъ.

— Ну, сэръ! воскликнулъ онъ:—взгляните на меня и помните, гдѣ вы. Нѣтъ, сэръ, не туда; смотрите мнѣ прямо въ глаза, я васъ не съѣмъ. Возьмите этотъ банковый билетъ и скажите, можете-ли вы присягнуть, что онъ былъ въ рукахъ вашего отца?

— Позвольте мнѣ замѣтить... началъ м-ръ Джидльдобинъ, очень удивленный этимъ обращеніемъ адвоката.

— Намъ вовсе не нужны ваши замѣчанія, перебилъ его м-ръ

Вистль грубо;—васъ призвали сюда не для того, чтобъ слушать ваши замѣчанія. Я не потерплю, сэръ, никакихъ уловокъ. Скажите, сэръ, прямо: да или нѣтъ?

— Я полагаю... пробормоталъ м-ръ Джидльдобинъ въ неописанномъ волненіи.

— Да или нѣтъ? закричалъ во все горло м-ръ Вистль, вскакивая съ своего мѣста и вытягивая шею такъ, что его красное, налитое кровью лицо почти пришлось подъ рукою м-ра Джидльдобина, который былъ ростомъ почти вдвое выше его.

Разгнѣванный такимъ оригинальнымъ поведеніемъ адвоката, м-ръ Джидльдобинъ едва не разможилъ его голову, но, удержавшись во время отъ перваго порыва, онъ воскликнулъ внѣ себя отъ негодованія:

— Нѣтъ.

— Довольно, сэръ, ни слова болѣе. Замолчите, сэръ, и обратитесь на свое мѣсто. Г. судья, прибавилъ м-ръ Вистль, обращаясь тономъ торжества къ м-ру Крорлю, пока бѣдный свидѣтель удался со стыдомъ въ публику;—я смѣю утверждать, что нѣтъ никакого основанія передавать это дѣло суду присяжныхъ. Свидѣтели ничѣмъ не подтвердили обвиненія въ кражѣ денегъ противъ моей кліентки, которую бросили въ тюрьму съ неприличной поспѣшностью только для того, чтобъ дать случай этимъ хитрымъ торговцамъ Слоггуду и Джидльдобину сдѣлать рекламу для своихъ магазиновъ. Я знаю эти штуки и очень люблю выводить ихъ наружу. Да, сэръ, не думайте меня запугать, прибавилъ онъ, обращаясь къ м-ру Слоггуду, который прятался за своего адвоката и, конечно, не думалъ никого запугивать;—я готовъ, если вы, г. судья, найдете нужнымъ, представить свидѣтелей для доказательства, что моя кліентка добродѣтельная, скромная женщина, примѣрная жена и мать, которой до сего дня не касалось тлетворное дыханіе клеветы. Но я надѣюсь, г. судья, что вы тотчасъ освободите ее по первому обвиненію и позволите мнѣ представить объясненіе по второму, неосновательность котораго я также надѣюсь доказать въ пять минутъ.

Но м-ръ Крорль не раздѣлялъ этого мнѣнія адвоката. Доказательства обвиненія были, дѣйствительно, не вѣски, но вмѣстѣ

съ этимъ банковымъ билетомъ было украдено еще нѣсколько билетовъ, и благодѣтельное правосудіе неуспѣшно заботится, чтобъ люди, подобныя м-ру Джидльдобину, получали обратно потерянные ими деньги, хотя-бы черезъ восемнадцать, восемьдесятъ или восемь-сотъ лѣтъ послѣ потери. Воры должны это помнить и бояться вѣрнаго, хотя и медленнаго шага правосудія. Поэтому м-ръ Шарпъ былъ спрошенъ въ качествѣ свидѣтеля и ему представили на обозрѣніе сомнительный банковый билетъ.

М-ръ Шарпъ не походилъ на прежде спрошенныхъ свидѣтелей и м-ръ Вистль зналъ очень хорошо, что его не запугаешь. Шарпъ повернулъ во всѣ стороны банковый билетъ и сразу указалъ на то, что никому другому не приходило въ голову.

— Ничто не доказываетъ, сказалъ онъ, — чтобъ этотъ банковый билетъ былъ № 00012345. Вы слишкомъ понадѣялись на кажущіеся признаки. Послѣднія двѣ цифры выжжены (это, дѣйствительно, было справедливо, такъ, какъ англійскій банкъ посылалъ билетъ къ ученому профессору, чтобы вывести пятно, а онъ тотчасъ прожегъ бумагу какой-то кислотой). На лѣвой сторонѣ написано мое имя и сдѣлана отмѣтка моей рукой, прибавилъ м-ръ Шарпъ, разсматривая въ лорнетку банковый билетъ; — если вы, г. судья, позволите мнѣ послать въ мою контору за книгами, то я немедленно скажу вамъ по этой отмѣткѣ, кому я выдалъ означенный билетъ. Я вовсе не знаю м-ра Джидльдобина и никогда не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла.

Съ этими словами м-ръ Шарпъ написалъ что-то на своей карточкѣ, отдалъ ее полисмену и удалился въ публику, сочувственно взглянувъ на Маджи. Какъ человекъ осторожный, онъ записывалъ всѣ банковые билеты, которые онъ выдавалъ въ качествѣ ростовщика и никогда не уничтожалъ свои конторскія книги. Онъ съ перваго взгляда понялъ, что Маджи не была виновна въ кражѣ, и рѣшился во что-бы то ни стало освободить ее отъ суда, хотя-бы это ему стоило большого труда и издержекъ. Столь важная для него личность, какъ Маджи, которая, благодаря ея наслѣдственнымъ, невѣдомымъ ей самой правамъ, служила постоянной угрозой герцогу Куртону, не должна была подвергнуться позору уголовного преслѣдованія.

Но пока полисменъ ходилъ за конторскими книгами м-ра

Шарпа, защита представила своего перваго свидѣтеля, м-ра Моледи. Такъ-какъ м-ръ Вистль очень грубо обошелся съ Слоггудомъ и Джидльдобинонъ, то естественно, что м-ръ Рушаутъ, повѣренный частнаго обвинителя, по закону возмездія напалъ на м-ра Моледи. Обвиненіе посляпки въ кражѣ не заключало въ себѣ ничего замѣчательнаго, но весь интересъ дѣла заключался въ соперничествѣ двухъ адвокатовъ, изъ которыхъ ни одинъ не хотѣлъ уступить другому пальму первенства. М-ръ Рушаутъ былъ юный, честолюбивый адвокатъ, который только-что начиналъ практику въ полицейскихъ судахъ, благодаря покровительству дяди, стряпчаго м-ра Слоггуда. Это былъ юный, увлекающійся ораторъ съ рыжими бакенбардами, высокой грудью и легкими, на которыхъ можно было возить воду. Чтобъ лучше выказать свой необыкновенный талантъ, онъ постоянно начиналъ рѣчь добродушнымъ тономъ, съ такимъ-же малымъ успѣхомъ, какъ если-бы слонъ вздумалъ плясать на яйцахъ; черезъ нѣсколько минутъ его природная дикая грубость брала верхъ и онъ ревѣлъ, какъ быкъ, и громилъ всѣхъ немилосердно.

Почтенная традиція, разрѣшающая адвокатамъ выражаться такъ, какъ не дозволяется никому не только въ публичномъ мѣстѣ, но и въ частномъ разговорѣ, — представляетъ любопытное, чудовищное явленіе, которое обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что адвокаты говорятъ по обязанности, то-есть, другими словами, за деньги.

— Такъ вы называете себя пасторомъ англиканской церкви? заревѣлъ м-ръ Рушаутъ, когда адвокатъ противной стороны докончилъ допросъ м-ра Моледи;—позвольте мнѣ спросить васъ, сэръ, когда и гдѣ вы были посвящены въ санъ пастора и чѣмъ вы можете доказать, что вы не явились сюда съ явнымъ намѣреніемъ защитить обвиняемую отъ послѣдствій ея преступленія?

М-ръ Моледи отвѣчалъ, что въ судѣ находится джентльменъ, м-ръ Шарпъ, который могъ удостовѣрить его личность.

— А! воскликнулъ адвокатъ, нѣсколько озадаченный, но еще болѣе возвышая голосъ.—М-ръ Моледи, потрудитесь удостовѣрить насъ, что вы не знаете въ жизни обвиняемой ни одного факта, который давалъ-бы хоть малѣйшее основаніе предположить ее виновной въ настоящемъ случаѣ. Помните, сэръ, что хо-

тя милосердіе, доброе дѣло, но истина лучше, и что вы призваны сюда сказать правду, одну правду, безъ всякой недомолвки или увертки.

Къ удивленію бѣдной Маджи, непонимавшей ни слова изъ всего, что говорилось въ судѣ, и къ ужасу Тома Брауна, мрачно стоявшаго подлѣ скамьи подсудимыхъ, пасторъ смутился отъ грознаго голоса адвоката и дикаго взгляда его красныхъ, какъ огонь, глазъ, которые приводили въ смущеніе не одного убійцу и вора.

— Я требую, чтобъ вы, сэръ, какъ служитель христіанской церкви, показали подѣ присягою, что вы не знаете ничего предсудительнаго объ этой женщинѣ, которая предана суду моимъ кліентомъ, почтеннымъ торговцемъ м-ромъ Слогудомъ.

М-ръ Моледи грустно опустилъ глаза; онъ вспомнилъ адресъ, который онъ писалъ по просьбѣ Маджи, пришедшей къ нему отъ имени Джона Джайльса, хотя впоследствии оказалось, что Джонъ Джайльсъ ничего не зналъ объ этомъ письмѣ. Онъ вспомнилъ печальную сцену у мельницы восемнадцать лѣтъ тому назадъ и страшное подозрѣніе запало въ его душу.

— Что же вы не отвѣчаете? воскликнулъ судья, смотря съ удивленіемъ на пастора.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, набросился м-ръ Рушаутъ на адвоката противной стороны, который дѣлалъ знаки м-ру Моледи, — нечего подсказывать свидѣтелю; онъ въ лѣтахъ и можетъ самъ говорить за себя. Ну, м-ръ Моледи, долго-ли мнѣ ждать вашего отвѣта?

М-ръ Моледи упорно молчалъ и адвокатъ обратился къ судѣ съ просьбою потребовать у него отвѣтъ.

— Я не могу отвѣчать на вопросъ, по которому не въ состояніи сказать всей правды, произнесъ, наконецъ, честный пасторъ совершенно спокойно и прибавилъ торжественно, — но я убѣжденъ, что обвиняемая не виновна въ взведенномъ на нее обвиненіи.

— Довольно, сэръ, сказалъ со смѣхомъ м-ръ Рушаутъ, — если вы не имѣете болѣе ничего сказать, то напрасно м-ръ Вистль вызывалъ васъ изъ Векфильда. Вы, очевидно, кое-что знаете и выраженіе вашего лица говоритъ противъ обвиняемой гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ всѣ мои слова. Вы можете идти, сэръ.

М-ръ Моледи удалился изъ суда и даже защитникъ не старался его удержать, подозрѣвая, что въ прошедшей жизни его кліентки былъ неблаговидный эпизодъ, который могъ обнаружиться, если поразспросить хорошенько слишкомъ честнаго пастора. Что-же касается его самого, то м-ръ Моледи хотя и чувствовалъ, что своимъ показаніемъ онъ принесъ Маджи болѣе вреда, чѣмъ пользы, но утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ, какъ честный человѣкъ, не могъ поступить иначе. Во всякомъ случаѣ, онъ вышелъ изъ залы въ большомъ смущеніи, такъ что не замѣтилъ входившаго въ дверь человѣка съ большой конторской книгой.

Эта книга принадлежала м-ру Шарпу, который, сидя за рѣшеткой подлѣ лорда Кингсджира, поспѣшно перелисталъ ее и произнесъ вполголоса, обращаясь къ молодому человѣку:

— Вотъ странное совпаденіе: я передалъ этотъ банковый билетъ вашему отцу, герцогу Куртопу, въ Ньюмаркетъ, восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Это ошибка, Брорль, продолжалъ онъ, наклоняясь къ судѣ:—этотъ банковый билетъ, вѣроятно, былъ данъ обвиняемой, когда она была еще молодой дѣвушкой, герцогомъ Куртопомъ, и не слѣдуетъ вѣшнвать его имя въ такіа дразги. Къ тому-же, это не тотъ билетъ, который былъ украденъ; это № 00012321; посмотрите отмѣтку на билетѣ и соотвѣтствующую запись въ книгѣ.

Судья убѣдился въ справедливости словъ м-ра Шарпа и, закрывъ конторскую книгу, громко произнесъ:

— Это, очевидно, ошибка. М-ръ Шарпъ доказалъ, что былъ украденъ не представленный билетъ, а другой; поэтому, м-ръ Рушаутъ, я вамъ совѣтую внушить вашимъ кліентамъ, чтобъ они въ другой разъ осторожнѣе предъявляли обвиненія, а то могутъ подвергнуться уголовному преслѣдованію за незаконное лишеніе свободы. Дѣло о кражѣ объявляю прекращеннымъ.

Оставалось еще рѣшить дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ полисмена, но характеръ обвиненія тотчасъ измѣнился, какъ только былъ признанъ фактъ, что Маджи была невиновна въ кражѣ и сопротивлялась незаконному самоуправству. Однако, она положиительно нанесла побои полисмену № 1,000, личность котораго, какъ олицетвореніе закона, должна была быть неприкосновенной,

и потому судья приговорилъ ее къ штрафу въ сорокъ шиллинговъ и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Послѣ произнесенія этого приговора маркизь Кингсджиръ дернулъ за рукавъ м-ра Шарпа и вполголоса произнесъ:

— Мнѣ очень жаль эту бѣдную женщину, м-ръ Шарпъ, и я желалъ-бы заплатить за нее штрафъ, а также расходы, понесенные ею родственниками, которые должны были пріѣхать въ Лондонъ и нанять защитниковъ. Я считаю себя въ нѣкоторомъ отношеніи обязаннымъ это сдѣлать, такъ-какъ она попала въ бѣду, благодаря банковому билету, данному ей моимъ отцомъ. Въ то-же время, прибавилъ практической, благоразумный молодой человекъ, передавалъ м-ру Шарпу три банковыхъ билета по пять фунтовъ стерлинговъ, —будетъ несправедливо, если пострадаетъ отъ этого дѣла полисменъ, и потому, будьте такъ добры, передайте ему пять фунтовъ, не говоря отъ кого.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ НОЧНОМЪ.

Лѣтній вечеръ. За лѣсами
Солнышко ужъ сѣло;
На краю далекомъ неба
Зорька заалѣла.

Но и та потухла. Топотъ
Въ полѣ раздается,
То табунъ коней въ ночное
По лугамъ несется.

Ухвата коней за гриву,
Скачутъ дѣти въ поле;
То-то радость и веселье,
То-то дѣтямъ воля;

По травѣ высокой кони
На просторѣ бродятъ;
Собралися дѣти въ вучку,
Разговоръ заводятъ.

Мужички сторожевые
Улеглись подъ лѣсомъ—
И заснули... Не шелохпеть
Лѣсъ густымъ навѣсомъ.

Все темнѣй, темнѣй и тише.
Смокли къ ночи птицы;
Только на небѣ сверкаютъ
Дальнія зарницы.

Кой-гдѣ звякнетъ колокольчикъ,
Фыркнетъ конь на волѣ,

Хрушнетъ вѣтка, кустъ и снова
Все смолкаетъ въ полѣ.

И на умъ приходятъ дѣтамъ
Бабушкины сказки: ..
Вотъ съ метлой несется вѣдьма
На ночныя пляски;

Вотъ надъ лѣсомъ мчится лѣшій
Съ головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змѣй летитъ крылатый.

И какія-то все въ бѣломъ
Тѣни въ полѣ ходять...
Дѣтамъ боязно, и дѣти
Огонекъ разводять.

И трещать сухія сучья,
Разгораясь жарко,
Освѣщая тьму ночную
Далеко и ярко...

И. З. Суриковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

В Э К О Н Ъ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

(Окончаніе.)

Александрійская школа соединила философію съ народными вѣрованіями своего времени и это сліяніе держалось цѣлыхъ двѣнадцать столѣтій, вплоть до эпохи Бэкона. Философія не имѣла никакой самостоятельности, роль ея была чисто-служебная; она обязана была только доказывать отъ разума уже готовныя положенія вѣры и развивать ихъ, не выходя изъ строго догматическихъ границъ. Подчиненная авторитету упомянутыхъ положеній, философія была подчинена еще другому, не менѣе подавляющему авторитету, Аристотелю. Аристотель былъ божествомъ средневѣковыхъ схоластиковъ, а его логика — ихъ алкораномъ. Монастырская схоластика, отрѣшенная отъ жизни, презиравшая всякое опытное знаніе, основанная на авторитетныхъ традиціяхъ, была въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ систематическимъ бредомъ, продолжавшимся нѣсколько вѣковъ. „Нельзя себѣ вообразить, до какой пустоты, до какого утомительнаго многословія доходили схоластики, говорить Льюисъ. — Чтобы составить вѣрное объ этомъ понятіе, необходимо заглянуть въ схоластическія произведенія; но и тогда для насъ останется не менѣе непонятнымъ, какъ могли трезвые и серьезные умы удовлетворяться такимъ перемалываніемъ воздуха въ метафизическихъ мельницахъ,

если мы не уяснимъ себѣ то заблужденіе, которое увлекло ихъ на этотъ путь. Заблужденіе это состояло въ томъ, что они принимали логическія построенія за истины, идеи — за соотвѣтствія вещей, думали, что все существующее въ представленіи ума необходимо соотвѣтствуетъ внѣшнимъ фактамъ. Схоластики анализировали элементы мысли и рѣчи съ такимъ-же настойчивымъ рвеніемъ, съ какимъ химики анализируютъ въ настоящее время элементы тѣлъ. Это заблужденіе есть основное заблужденіе всѣхъ метафизическихъ умозрѣній, и метафизики напрасно издѣваются надъ схоластикой: схоластика дѣлала то-же, что и они дѣлаютъ, съ тою только разницей, что она доводила до крайности этотъ метафизическій методъ *дедукціи, неподлежащей проверкѣ*“. Но какъ ни жалка, какъ ни пуста схоластика, она все-таки была основана на страстномъ увлеченіи овладѣть истиной, и, вслѣдствіе этой страстности, могла быть только временнымъ заблужденіемъ. Подавленный авторитетомъ Аристотеля, поставленный въ самыя тѣсныя границы, умъ изощрялся на разныхъ схоластическихъ тонкостяхъ, выдѣлывалъ логическіе фокусы, акробатствовалъ, но, въ концѣ-концовъ, доходилъ до того, что переступалъ за назначенныя для него границы и начиналъ разрушать священное зданіе схоластики. Схоластика распалась на школы, въ спорахъ и раздорахъ которыхъ вырабатывался умъ, возникали сомнѣнія, мысль понемногу выходила на свободу и философія пріобрѣтала самостоятельное значеніе, потерянное ею въ александрийской школѣ.

Схоластика была однимъ изъ самыхъ печальныхъ историческихъ явленій не потому только, что, сбивъ умъ человѣческой съ прямого пути, она заставила его блуждать въ пустыняхъ безплодной мысли и принимать систематическій бредъ за дѣйствительную жизнь,—но и потому, что ставила для знанія совершенно ложную цѣль. Въ этомъ, впрочемъ, виновата не одна она, но и вся предшествовавшая ей философія. Всѣ величайшіе мыслители древности думали, что не философія существуетъ для человѣка, а человѣкъ для философіи, что цѣль знанія заключается только въ одномъ знаніи и что между наукой и жизнью нѣтъ ничего общаго. И дѣйствительно, средневѣковой ученый и живой человѣкъ того времени были существа, еле-похожія другъ на друга... Даже на самыя практическія науки и искусства философы смотрѣли, какъ на матеріалъ для умственныхъ упражненій, для возвышенныхъ со

зерцаній, какъ на вспомогательныя средства къ искусству играть своими схоластическими опредѣленіями. Они презирали всѣ полезныя открытія, всѣ практическія примѣненія знанія. Платонъ, напр., говоря объ арифметикѣ, важнѣйшія выгоды ея полагаетъ въ томъ, что знакомство съ свойствами чиселъ пріучаетъ умъ къ созерцанію чистыхъ истинъ, постоянной сущности вещей и отвлекаетъ его отъ вѣчно-измѣняющихся явленій видимаго міра. Пользу математики Платонъ видѣлъ также не въ практическомъ примѣненіи, а въ томъ, что эта наука ведетъ человѣка къ уразумѣнію отвлеченныхъ предметовъ. Примѣненіе геометріи къ практикѣ онъ считалъ оскорбленіемъ науки, и когда другъ его Архитей изобрѣлъ машину, основанную на математическихъ началахъ, Платонъ возсталъ противъ него и объявилъ, что онъ унижилъ достоинство науки, приложивъ ее къ презрѣнной силѣ, приличной плотникамъ и колесникамъ. Даже самъ Архимедъ держался того же мнѣнія и стыдился своихъ великихъ изобрѣтеній, считая ихъ пустыми игрушками, на которыхъ серьезный математикъ можетъ позволять своему уму только отдыхать послѣ трудовъ надъ высшими вопросами науки. Астрономія, по мнѣнію Платона, имѣетъ также лишь то значеніе, что возводитъ умъ къ высшимъ, отвлеченнымъ предметамъ. Великій философъ отвергалъ даже полезность медицины, которая, будто-бы поддерживая жизнь людей слабыхъ, истощенныхъ развратомъ, пьянствомъ и т. п., смягчаетъ определенное имъ природой наказаніе и приноситъ вредъ человѣчеству. Въ этомъ отношеніи великій философъ Эллады вполне сходился съ нашимъ отечественнымъ мыслителемъ, М. П. Погодинымъ, отвергающимъ необходимость освѣщать ночью городскія улицы на томъ основаніи, что по ночамъ порядочные люди спятъ дома, а по улицамъ бродятъ только воры, пьяницы да развратники, заботиться объ удобствахъ и безопасности которыхъ совершенно излишне. Презрѣніе къ практическому направленію знанія господствовало во всей древней философій. Возьмите эпикурейцевъ. По ихъ понятіямъ, цѣль жизни заключается въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ отсутствіи физическихъ страданій; но даже и эпикурейцы никогда не унижали своего философскаго достоинства до того, чтобы снизойти до мысли объ улучшеніи физическихъ условій своей жизни. Представитель стоиковъ, Сенека, учитъ, что философія не обязана учить человѣка улучшеніямъ матеріальной

жизни; истинный философъ не долженъ заботиться о томъ, есть-ли надъ его головой кровля или нѣтъ. Философія должна возвысить человѣка до независимости отъ матеріальнаго міра. Такое совершенно естественное направленіе древней мысли, въ концѣ-концовъ, приводило къ самому фальшивому лицемѣрью и наглому лжи. Причѣмъ можетъ служить тотъ-же Сенека, который, по выраженію Маколея, „проповѣдывалъ бѣдность, имѣя два милліона стерлинговъ, отданныхъ въ ростъ подъ вѣрные залоги; сочинялъ эпиграммы о вредѣ роскоши, рассказывая по садамъ, возбуждавшимъ зависть императоровъ; превозносилъ божественную красоту добродѣтели и защищалъ сына, убившаго мать“. Древняя философія считала пошлостью мысль о пользѣ и предоставляла заботы о полезномъ „бессмысленной толпѣ“, которую презирали всѣ истинные философы. Философія была священнымъ искусствомъ, философъ высшею натурою, и не одинъ только Платонъ считался „божественнымъ“. До остального человѣчества, до его горя и радостей, до его страданій и печалей философу не было никакого дѣла; онъ былъ не отъ міра сего. Истина и блаженное созерцаніе ея считались достояніемъ однихъ избранныхъ натуръ, да и на самомъ дѣлѣ они были недоступны толпѣ. Утонченная діалектика, игривые софизмы, мудреная терминологія, ловкая игра словами были непонятны для обыкновенныхъ смертныхъ и совершенно бесполезны для нихъ. И философы съ своей точки зрѣнія совершенно справедливо презирали толпу, погруженную въ мелкія житейскія заботы, преданную животнымъ страстямъ и слѣдую въ возвышенномъ мірѣ идей. Но они глубоко ошибались, считая человѣчество погруженнымъ навсегда въ неподвижное состояніе. Они не вѣрили въ будущее и не могли возвыситься до идеи прогресса.

Безплодное толченіе воды схоластиками не могло удовлетворять живыхъ и пытливыхъ умовъ и въ средѣ самихъ схоластиковъ появлялось не мало людей, которые постепенно выбивались изъ заколдованнаго круга своихъ традицій и подготавливали освобожденіе ума отъ подавляющаго авторитета философскихъ доктринъ. Таковъ былъ, напр., Абельяръ. Знакомство съ древними мыслителями, которые долго были извѣстны только въ арабскихъ пердѣлкахъ и схоластическихъ искаженіяхъ, придало новыя силы этому философскому движенію противъ Аристотеля и схоластиковъ. Телезіо, Джіордано Бруно явились представителями реформа-

ціонной мысли. Странствуя по Европѣ, Бруно гремѣлъ противъ Аристотеля, поражалъ педантовъ, издѣвался надъ центромъ схоластики, Оксфордомъ, называя его „вдовою здраваго знанія“, пропагандировалъ современныя ему научныя открытія и звалъ людей на чистый воздухъ изъ душныхъ стѣнъ монастырскихъ школъ, гдѣ схоластическая рутина все связывала и убивала. Бруно любилъ природу, какъ поэтъ, и указывалъ на нее людямъ, какъ на лучшую книгу, которую должны читать они. Онъ защищалъ теорію Коперника, нападалъ на физическія доктрины своего времени, имѣлъ правильное понятіе о шарообразности земли и объ ея обращеніи вокругъ своей оси; но онъ не держался научнаго метода и его новаторскія убѣжденія основывались не на строгой индукціи, а на отвлеченной теоріи. Бруно, поэтому, вмѣстѣ съ Телезіо, и другими подобными философами, не вполне отвѣчалъ потребностямъ эпохи, нуждавшейся въ новомъ методѣ знанія и въ опредѣленіи новой цѣли его. Старая премудрость оказывалась бесплоднымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее; требовались новыя пути для мысли, новая наука, служащая интересамъ и насущнымъ потребностямъ человѣка. Изобрѣтеніе пороха, книгопечатанія, компаса, открытія Коперника, Тихо Браге, Галилея, открытіе Америки были моментами того громаднаго переворота, который совершался въ области знанія. Наука постепенно вступала на путь индуктивнаго метода и начинала прозрѣвать свою истинную цѣль въ покореніи природы силою знанія и ради пользы человѣчества. Многіе замѣчательные умы содѣйствовали этому перевороту. Въ числѣ этихъ предшественниковъ Франциска Бэкона особенно замѣчательнъ его однофамилецъ, монахъ Роджеръ Бэконъ. Преклоняясь передъ Аристотелемъ, онъ, однакожь, презиралъ его новѣйшихъ послѣдователей, отвергалъ схоластическій методъ и указывалъ наукѣ единственный путь, выйдя на который, она можетъ сдѣлаться плодотворною. Онъ приписывалъ неуспѣхи знанія четыремъ причинамъ, четыремъ идоламъ, которыхъ слѣдовало ниспровергнуть, — авторитету примѣровъ, преклоненію передъ обычаями, угодливости мнѣніямъ толпы и самоувѣренію ложной науки. Реформа казалась ему неизбѣжною. Прежде всего онъ считалъ необходимымъ серьезное изученіе языковъ, безъ котораго философскія доктрины осуждены на плохое пониманіе и искаженіе плохими переводчиками. Второе средство пониманія

истины заключается въ математикѣ, третье въ оптикѣ или искусствѣ видѣть, четвертое, и самое главное, въ *опытъ, этомъ господинъ знанія*. Указывая на нѣсколько открытій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ опытному методу, Роджеръ Бэконъ прочитъ послѣднему блестящую будущность, высказываетъ совершенно новую для своего времени идею прогресса, говоритъ, что настанетъ день, когда соединеннымъ трудомъ многихъ поколѣній будетъ открыто то, что сокрыто. „ибо чѣмъ новѣе люди, тѣмъ болѣе они просвѣщены, и ученые нашего времени не знаютъ многого, что будетъ извѣстно въ будущемъ толпѣ обыкновенныхъ школьничковъ“. Идея опытнаго метода и реформы наукъ носилась, такъ-сказать, въ воздухѣ. Она находится и у Коперника, и у Галилея, и у Леонардо Винчи. Всѣ великія открытія бэконовскаго времени были сдѣланы съ помощью этого метода, и были даже попытки разработать теорію послѣдняго. Въ 1557 году итальянецъ Конціо издалъ свое сочиненіе „О методѣ или истинномъ пути при изслѣдованіи и преподаваніи наукъ и искусствъ“. Около того-же времени англійскій медикъ Джилбертъ въ своихъ сочиненіяхъ пропагандировалъ идею новой, „благородной“ философіи, основанной на опытѣ.

У Бэкона, такимъ образомъ, было множество предшественниковъ и онъ, подобно всѣмъ великимъ людямъ, только полнѣе и удачнѣе другихъ разрѣшилъ задачу времени. Бэконъ вполне понималъ это и смотрѣлъ на все сдѣланное имъ „скорѣе какъ на счастливую случайность, чѣмъ какъ на доказательство необыкновеннаго ума; это скорѣе продуктъ времени, чѣмъ генія“ (II, 55). Онъ не претендовалъ ни на созданіе новой науки, ни на совершеніе всеобщаго умственнаго переворота одними собственными силами. Онъ только вполне сознательно и подробно указывалъ человѣчеству истинный путь къ знанію и счастью. „Я не болѣе, какъ трубачъ, говоритъ онъ.—Если трубѣ моей удастся призвать и разбудить людей, то не для того, чтобы побудить ихъ терзать другъ друга противорѣчіями, но скорѣе для того, чтобы пригласить ихъ къ взаимному миру и къ соединенію силъ для нападенія на самую природу вещей, для завосванія самыхъ неприступныхъ ея вѣрпостей и для расширенія границъ человѣческаго могущества“ (I, 287). Бэконъ обладалъ всѣми средствами, чтобы быть такимъ руководителемъ. Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ стоялъ

позади своего вѣка; такъ, напр., онъ доказывалъ неподвижность земли; но подобныя частныя заблужденія, притомъ очень немногочисленныя, нисколько не вредили общему дѣлу. Самъ Бэконъ признавался, что онъ можетъ во многомъ ошибаться, „однакожь, говоритъ онъ,—такія небольшія ошибки не должны останавливать насъ, и въ началѣ онѣ неизбѣжны. Это все равно, какъ если-бы въ рукописномъ сочиненіи оказалось нѣсколько описокъ или въ печатномъ нѣсколько опечатокъ; это не остановило-бы опытнаго читателя, здравый смыслъ котораго легко исправить эти мелкія ошибки“ (II, 95). Бэконъ былъ энциклопедистъ въ самомъ широкомъ значеніи слова: ему были доступны и извѣстны всѣ области тогдашняго знанія; онъ съ одинаковою ясностью, съ одинаковою подробностью трактовалъ о физикѣ и мифологіи, объ астрономіи и космосѣ, о поэзіи и объ искусствѣ шифра, о теологіи и дипломатикѣ. Ради своихъ цѣлей онъ принужденъ былъ вдаваться въ такія мелочи, толковать о такихъ общезвѣстныхъ предметахъ, что ему „почти совѣстно было останавливаться на нихъ“ (I, 117). Онъ былъ столько-же чернорабочимъ, сколько творцомъ. „Трудно выразить, пишетъ онъ,—однимъ словомъ вредъ, причиненный наукамъ той привычкой, что люди, по врожденной гордости и обольщенные тщеславіемъ, при выборѣ предметовъ и способовъ изслѣдованія, отдавали предпочтеніе предметамъ и формамъ, способнымъ только выказать ихъ умъ, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду пользу читателей... Что касается меня лично, то я смѣло могу сказать, что во всемъ издаваемомъ мною теперь, какъ и въ томъ, что я намѣренъ издать впослѣдствіи, я часто и вполне добровольно приношу репутацію моего ума и моего имени (если только я могу ими гордиться) въ жертву благоденствію человѣческаго рода; ибо мнѣ, которому, по всей вѣроятности, слѣдовало-бы быть строителемъ въ наукахъ и въ философіи, приходится унижаться до роли простого чернорабочаго, носильщика и чего угодно, и, встрѣчая безчисленное множество вещей, подлежащихъ исполненію, но неисполняемыхъ другими, вслѣдствіе глубоко проникшей ихъ гордости, брать ихъ на себя и приводить въ исполненіе“ (стр. 463). Эта скрупулезность работы много содѣйствовала популярности Бэкона; каждый вопросъ онъ, такъ-сказать, разжевывалъ и клалъ въ ротъ читателю. Необыкновенная ясность и логичность изложенія дѣлали его сочиненія обще-

доступными. Превосходнымъ, образнымъ поэтическимъ языкомъ Бэкона англичане восхищаются до сихъ поръ и справедливо считаютъ его однимъ изъ самыхъ образцовыхъ прозаиковъ Европы. Бэконъ былъ поэтъ. Слогъ Бэкона свободенъ отъ сухости, свойственной новѣйшему анализу. Его блестящее воображеніе умѣло пользоваться самой оригинальной формой для выраженія самыхъ новыхъ идей и приковывать вниманіе причудливымъ выраженіемъ мысли. Въ его манерѣ разсматривать и рисовать характеры и поступки людей такъ много общаго съ Шекспиромъ, что недавно возникло предположеніе, будто-бы трагедіи послѣдняго писаны Бэкономъ. Все это вмѣстѣ — энциклопедическія знанія, ясность мысли, поэтическая увлекательность языка — помогало Бэкону въ его великомъ дѣлѣ. Онъ работалъ и писалъ не для однихъ избранниковъ, а старался пробудить умы всѣхъ людей. Въ его философіи не было ничего туманнаго, ничего сокровеннаго, ничего недоступнаго уму обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ разрушалъ то недоступное святилище, въ которое заключили науку древніе, и выводилъ ее на всенародныя очи, приглашая всѣхъ мыслящихъ людей трудиться для общаго дѣла, „соединивъ свои труды и время и избравъ путь, доступный не тѣмъ или другимъ избранникамъ, но открытый для всѣхъ, на которомъ всѣ работы, всѣ занятія, въ особенности имѣющія предметомъ собраніе опытовъ, могли-бы быть сначала благоразумно распредѣлены, а потомъ соединены и направлены къ одной цѣли... Когда люди научатся распредѣлять между собой работу, тогда только они узнаютъ, каковы ихъ силы и чего они могутъ достигнуть ихъ соединеніемъ“ (II, 90). Признавая величіе гениальныхъ мыслителей и изобрѣтателей, Бэконъ, однакожь, рѣшительно вооружался противъ ихъ абсолютизма въ области мысли; онъ старался популяризировать знаніе и, заботясь объ устройствѣ библіотекъ, музеевъ, объ изданіи популярныхъ сочиненій, признавалъ огромную умственную силу въ массѣ общества, изъ которой возникаютъ и великіе мыслители, и великіе изобрѣтатели. Это была совершенно новая идея, такъ-какъ древнеклассическое служеніе истинѣ имѣло рѣшительно олигархическій характеръ. Низводя науку до уровня пониманія обыкновенныхъ смертныхъ и призывая послѣднихъ трудиться на-ряду съ первостепенными учеными, Бэконъ указывалъ совершенно новую цѣль знанія, цѣль, дѣлавшую его плодотворнымъ и лично заинтересовывавшую всѣхъ

людей въ его успѣхахъ. Мы уже говорили, что принципомъ древняго міра и среднихъ вѣковъ было правило: „наука для науки, человѣкъ для философіи“. Вэконъ относился съ презрѣніемъ къ этой безплодной и аристократической наукѣ. „Изъ всѣхъ признаковъ, говорятъ онъ,—дающихъ намъ возможность оцѣнить эти ученія, самый несомнѣнный и самый замѣтный есть приносимая ими польза; ибо польза и дѣло служатъ какъ-бы порукой и свидѣтельствомъ вѣрности теоріи. Какіе-же плоды принесли эти философскія умозрѣнія грековъ и ихъ примѣненія въ частныхъ наукахъ? За весь этотъ періодъ, состоящій изъ многихъ столѣтій, едва-ли можно привести хотя одинъ опытъ, имѣющій цѣлью улучшить положеніе человѣка,—опытъ, которымъ мы дѣйствительно были-бы обязаны всѣмъ этимъ умозрѣніямъ и философскимъ догматамъ. Весьма остроумно и справедливо замѣчаетъ Цельсъ по этому поводу: „не надо думать, что лекарства, употребляемые медициной, выведены методически изъ знакомства съ основами и принципами философіи и что они были практическими ихъ результатами; напротивъ, сначала были открыты эти лекарства, потомъ стали размышлять, начали отыскивать причины и рѣшились указать ихъ“. Религіозный принципъ, требующій, чтобы вѣра сопровождалась дѣлами, необходимо долженъ быть примѣненъ и къ философіи. Последнюю слѣдуетъ судить по приносимымъ ею дѣламъ, и, въ случаѣ безплодности, отвергать ее, въ особенности, когда вмѣсто оливъ и виноградныхъ гроздій, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ нея, она, путемъ споровъ и преній, производитъ только одинъ шиповникъ и чертополохъ“ (стр. 51). Если разсмотрѣть, говорить Вэконъ, всѣ сдѣланныя до сихъ поръ открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія, „если припомнить, сколько потребовалось времени для доведенія всѣхъ этихъ открытій до той степени совершенства, въ какой все это находится въ настоящее время и какъ мало предполагаетъ все это наблюдений и знакомства съ законами природы, то становится яснымъ, какъ нетрудно было сдѣлать эти открытія, пользуясь безчисленными нечаянными, всегда представляющимися случаями или невольными мыслями, являющимися въ головѣ сами собой; если взвѣситъ, какъ слѣдуетъ, всѣ эти соображенія, то вскорѣ, забывъ первое удивленіе, внушенное легкостью этихъ открытій, приходится только оплакивать безсиліе человѣка, при взглядѣ на эту скудость по-

лезныхъ открытій и на это безплодіе ума человѣческаго впродолженіи столькихъ вѣковъ“ (стр. 64). „Изъ всѣхъ заблужденій, наибольшее состоитъ въ уклоненіи отъ окончательной цѣли наукъ, такъ-какъ люди посвящаютъ себя наукѣ вслѣдствіе различныхъ побужденій, и только немногіе стараются обратить въ истинной цѣли тотъ разумъ, которымъ надѣлили ихъ Творецъ, ради пользы человѣческаго рода“ (I, 136). Цѣлью Вѣкона было созданіе *дѣятельной науки*, покоряющей природу человѣку, облегчающей страданія людей, устрояющей ихъ благоденствіе и счастіе. „Мы имѣемъ намѣреніе, писалъ онъ,—положить основы не какой-либо секты или системы, а счастія и величія человѣческаго“. Знаніе бываетъ пагубно, если его принимаютъ безъ противоядія. „Это противоядіе, это благовоніе, которое, будучи смѣшано съ наукой, смягчаетъ ее и дѣлаетъ въ высшей степени здоровой, состоитъ въ любви. „Хотя-бы я говорилъ, пишетъ апостоль,—на всѣхъ языкахъ человѣческихъ и ангельскихъ, но если нѣтъ у меня любви, то я не болѣе, какъ колоколъ звенящій или киваль бряцающій“. Не то, чтобы было дѣломъ особенно великимъ говорить на всѣхъ языкахъ человѣческихъ и ангельскихъ, но если эти дарованія не пронизаны любовью и не направлены къ общему благу человѣческаго рода, они породятъ скорѣе пустую суетность, чѣмъ дадутъ прочные плоды“ (стр. 71, 99). Будучи самаго скромнаго мнѣнія о собственныхъ заслугахъ, Вѣконъ призывалъ людей работать въ области знанія для собственнаго счастія, для счастія всего человѣчества. „Мы желаемъ, говорилъ онъ,—чтобы люди, увидѣвши собственную свою пользу и отказавшись отъ духа партій, устремились-бы единственно къ общему благу, чтобы, оставивъ, при нашемъ содѣйствіи, всѣ эти ложные пути и освободившись отъ всѣхъ встрѣтившихся на нихъ препятствій, сами-бы приняли участіе въ дальнѣйшемъ трудѣ... Помня слабость человѣческую и собственную нашу смертность, мы не только не тщеславимся, что подобное предпріятіе могло быть окончено впродолженіи жизни одного человѣка, но завѣщаемъ его для продолженія другимъ“ (стр. 71). Указывая на современныя ему открытія съ одной стороны, съ другой представляя древность періодовъ дѣтства и юности человѣчества, Вѣконъ развивалъ идею прогресса и для поддержанія мужества воспитывающихся поколѣній, которыхъ онъ вывелъ на новый трудный путь, онъ указы-

валъ имъ вдали грядущій золотой вѣкъ, какъ награду за предстоящю труды и усилія. „Мысль о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, говоритъ его біографъ, Ріо,—провозглашенная Бэкономъ, доказанная и очевидная, вслѣдствіе слѣдовавшихъ одно за другимъ открытій въ XVI и XVII вѣкѣ, должна была возбудить въ умахъ горячій энтузіазмъ къ наукамъ. Ничто не доказываетъ такъ вліянія, произведеннаго распространившимися идеями Бэкона, какъ близкое родство ихъ съ современными идеями. Хотя два вѣка, отдѣляющіе насъ отъ появленія Новаго Органа, измѣнили всю Европу, все-же Бэконъ былъ одушевленъ вполне новѣйшимъ духомъ. Когда читаешь его произведенія, то кажется, что бесѣдуешь съ современникомъ.—до такой степени сходны его чувства съ нашими, до такой степени у него одна цѣль съ нами, до такой степени онъ проникнутъ нашими идеями и, быть можетъ, нѣкоторыми изъ нашихъ предразсудковъ!“ Онъ былъ трубочемъ, пробудившимъ человѣчество на бой съ природой, объяснившимъ, что *знаніе есть сила*, что *цѣль знанія—польза*, что золотой вѣкъ не въ прошломъ, а въ будущемъ.

Возбуждая людей къ полезной самодѣтельности, указывая имъ будущей золотой вѣкъ, Бэконъ старался освободить ихъ отъ раболѣпнаго поклоненія древности и ея отжившимъ авторитетамъ. Схоластическія философскія школы съ ихъ абсолютизмомъ возбуждали въ немъ глубочайшее негодованіе. „Механическія искусства, говоритъ онъ,—съ каждымъ днемъ двигаются впередъ и совершенствуются, будто оживотворенныя какою-то живительною силою; выходя отъ перваго изобрѣтателя въ весьма грубомъ и почти непригодномъ, даже безобразномъ видѣ, они постепенно обогащаются новыми средствами, новыми пособіями. Философію-же и умственныя науки, напротивъ того, обожаютъ, подобно статуямъ, и поклоняются имъ, но онѣ остаются неподвижными. Мало того, если онѣ процвѣтаютъ въ эпоху своихъ основателей, то затѣмъ онѣ только приходятъ въ упадокъ, ибо какъ только люди согласятся пристать къ мнѣнію одного, то они уже ничего не прибавляютъ къ содержанію науки, но, подобно рабамъ, становятся въ хвостъ немногихъ учителей, чтобы увеличить ихъ свиту и значеніе... Все это научное раболѣпіе есть не иное что, какъ результатъ нахальства немногихъ и слабости, безпечности остальныхъ“. Истинная наука возможна только при умственной самодѣтельности всего

общества. „Для наукъ существуетъ одна только форма. Эта форма была, есть и будетъ всегда народной“. Но народъ не развить и умы ~~бы~~ порабощены „писателями, захватившими въ свои руки родъ диктатуръ въ наукахъ“ (I, 61—64). Противъ этихъ-то диктаторовъ, и въ особенности противъ главнаго между ними, Аристотеля, Бэконъ вооружался всею силою своею краснорѣчія. Онъ называлъ его „счастливымъ грабителемъ наукъ“, „послѣдователемъ Александра Македонскаго“, задавшимъ мысль подчинить себѣ всѣ мнѣнія и установить въ наукахъ родъ всемірной монархїи“ (стр. 248). „Аристотель, говоритъ онъ, — по примѣру отоманскихъ владыкъ, полагалъ, что ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ спокойно царствовать, если не перебьетъ всѣхъ своихъ братьевъ“ (стр. 267). Нападки Бэкона на Аристотеля были особенно сильны и злостны потому, что аристотелевскій авторитетъ рѣшительно сковывалъ умы и производилъ то, что Бэконъ называлъ *impotentia cogitationis*. Скованныя авторитетомъ науки не могли двигаться впередъ, не создавали ничего новаго, а только пережевывали старое. „Приходится, говоритъ онъ, — удивляться громадной массѣ книгъ всякаго рода; но, взглянувъ на эти книги поближе, разсмотрѣвъ изслѣдуемые въ нихъ предметы и способъ ихъ изложенія, словомъ, ихъ содержаніе, поражаешься удивленіемъ въ противоположномъ смыслѣ, убѣждаешься лично, что всѣ эти томы ограничиваются вѣчнымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ-же мыслей. Смотри, какъ люди вѣчно повторяютъ или дѣлаютъ одно и то-же, отъ удивленія, возбужденнаго кажущимся изобиліемъ. переходя къ еще большему изумленію предъ прикрываемой имъ бѣдностью, и чувствуешь, наконецъ, какъ жалка и несчастна эта воображаемая наука, занимавшая до сихъ поръ умы и какъ-бы овладѣвшая ими“ (II, 64). „Въ обычаяхъ, въ постановленіяхъ школъ, академій и другихъ заведеній того-же рода, предназначенныхъ для занятія науками и служащихъ мѣстопребываніемъ для ученыхъ, уроки и упражненія расположены такимъ образомъ, что можно считать за рѣдкій случай, если-бы кому-нибудь пришло въ голову поразмыслить о какомъ-нибудь новомъ предметѣ. Если у кого-нибудь и окажется мужество дать полную волю своей мысли, то принятый имъ на себя трудъ придется нести ему одному; ему нечего надѣяться на содѣйствіе окружающихъ. Если онъ и одолѣетъ отвращеніе, естественно внушаемое ему подобнымъ одиночествомъ, то да будетъ

ему также извѣстно, что дѣятельность и энергія его окажутся не малымъ препятствіемъ для его благополучія въ такого рода заведеніяхъ. Всякое изученіе ограничено сочиненіями извѣстныхъ авторовъ; всѣ умы какъ-бы скованы ими, и всѣ эти классическіе писатели поднимаются противъ всякаго, кто осмѣлится хоть немного отдѣлиться отъ ихъ мнѣній, и объявляютъ его человѣкомъ безпокойнымъ, нововводителемъ, мятежникомъ“ (стр. 73). „Лучше вѣрить, чѣмъ знать такъ, какъ мы знаемъ“, говоритъ Бэконъ. Критика авторитетовъ и свобода изслѣдованія были провозглашены имъ девизомъ новой науки, которую онъ поставилъ въ самостоятельное и независимое положеніе. Выдѣленіе науки изъ теологіи было одною изъ главныхъ заслугъ Бэкона. Онъ былъ человѣкъ очень религіозный и видѣлъ въ наукѣ орудіе противъ атеизма, но въ то-же время не затруднился освободить ее отъ авторитетовъ теологическихъ, какъ отъ авторитетовъ Аристотеля и ему подобныхъ пади-шаховъ знанія... „Философія и теорія Аристотеля, Платона, Демокрита, Гиппократы, Эвклида и Архимеда, которыя во время изобрѣтателей своихъ были здравы и сильны, впоследствии мало-по-малу выродились и не мало потеряли прежняго своего блеска; настоящая причина этого состоитъ въ томъ, что въ механическихъ искусствахъ великое множество умовъ содѣйствовало достиженію одной цѣли, тогда-какъ въ наукахъ и искусствахъ единый умъ давилъ остальные своимъ вѣсомъ и вліяніемъ. И эти высшіе умы скорѣе искажались, чѣмъ обогащались своими послѣдователями. Ибо, подобно тому, какъ вода никогда не можетъ подняться выше своего источника, такимъ-же точно образомъ и ученіе Аристотеля никогда не поднимется выше ученія того-же Аристотеля. Такимъ образомъ, хотя мы ничего не можемъ сказать противъ правила, что всякій учащійся долженъ рѣшиться вѣрить, но недурно присоединить къ нему другое правило, что человѣкъ, достаточно выучившійся, долженъ руководиться собственнымъ умомъ. Ученіи обязаны своимъ учителямъ только временной вѣрой, простой пріостановкой собственнаго сужденія, пока не проникнутся, какъ слѣдуетъ, изучаемымъ предметомъ; но они вовсе не обязаны имъ ни совершеннымъ отреченіемъ отъ своей свободы, ни вѣчнымъ рабствомъ своего ума... Отдадимъ великимъ учителямъ должную имъ честь, но не поступимся тѣмъ,

чѣмъ мы обязаны предъ учителемъ учителей, предъ отцомъ всякой истины,—предъ временемъ“ (стр. 130).

Съ цѣлью всеобщаго преобразованія науки Бэконъ задумалъ громадное сочиненіе, „Великое возрожденіе наукъ“, но изъ шести предполагаемыхъ частей успѣлъ окончить только двѣ: „О достоинствѣ и усовершенствованіи наукъ“ и „Новый Органъ“, который онъ передѣлывалъ двѣнадцать разъ. „Зажигая, по его выраженію, среди мрака, окружающаго философію, свѣточъ, который освѣтитъ путь потомству“ (I, 59), Бэконъ началъ съ критики существовавшихъ уже наукъ. „Всѣ науки должны быть пересмотрѣны и провѣрены, чтобы отличить тѣ изъ нихъ, которыя уже богаты и приняли широкое развитіе, отъ тѣхъ, которыя еще бѣдны и необработаны; ибо одна изъ главныхъ причинъ бѣдности есть увѣренность въ собственномъ изобиліи“ (стр. 175). Новая классификація наукъ, сдѣланная Бэкономъ на основаніи различныхъ способностей души и отстранившая всѣ прежнія классификаціи, конечно, потеряла уже теперь всякое значеніе, но критическій обзоръ наукъ, сдѣланный Бэкономъ, во многихъ отношеніяхъ не потерялъ своего интереса даже до настоящаго времени. Указывая недостатки и пробѣлы въ разныхъ наукахъ, Бэконъ обозначалъ цѣлыя отдѣлы, цѣлыя науки, которыя должны быть созданы въ будущемъ, которыя необходимы, *желательны*, неизбѣжны для счастья человѣчества. Составленный Бэкономъ списокъ этихъ desiderata есть программа будущаго умственнаго развитія человѣчества, которая далеко не выполнена и въ наши дни и не скоро еще будетъ выполнена. Разсуждая, напр., объ астрологіи будущаго, онъ подразумѣваетъ подъ ней науку, на основаніи которой можно будетъ предсказывать появленіе кометъ, метеоровъ, потоповъ, засухъ, великихъ жаровъ, морозовъ, землетрясеній, наводненій, эпидемій, неурожаевъ и т. д. (стр. 260). Кромѣ этой *раціональной астрологіи*, Бэконъ указывалъ на созданіе неизвѣстныхъ въ его время—науки объ уродахъ, физической астрономіи, сравнительной анатоміи, производства искусственныхъ минеральныхъ водъ, исторіи наукъ, исторіи искусствъ и ремеслъ, философской грамматики, педагогики и т. д. Но прежде, чѣмъ приниматься за разработку этихъ новыхъ отраслей знанія, необходимо было разорвать цѣпи, приковывавшія умъ къ старымъ, неподвижнымъ традиціямъ. „Тщетно оболъщать себя надеждами на

значительные успѣхи въ наукахъ, говоритъ Бэконъ,— если мы станемъ сваливать все въ кучу и прививать новое къ старому; слѣдуетъ взяться за перестройку всего зданія съ фундамента, если мы не желаемъ вѣчно вертѣться въ одномъ кругу, едва дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ“ (II, 21). Для этой перестройки Бэконъ составилъ три критики: „критику философскую, критику доказательствъ и критику естественнаго разума человѣческаго. Когда эти различные пункты будутъ разсмотрѣны, когда мы ясно увидимъ, что можетъ быть допущено природой вещей и природой человѣческаго разума, тогда мы, безъ сомнѣнія, будемъ имѣть право гордиться установленіемъ союза между человѣческимъ разумомъ и вселенною подъ благословеніемъ божественной благодати. И если позволено будетъ произнести заздравный тостъ этому союзу, то мы присоединимъ къ нему пожеланіе, чтобы союзъ этотъ породилъ цѣлую расу открытій и всякаго рода пособій, которыя облегчили и укротили-бы нужды и страданія человѣка“ (I, 81).

Метафизическая философія, оторвавъ человѣка отъ природы, извратила его умъ и положила сильныя препятствія успѣхамъ истинной науки. Болѣе всего вредитъ послѣдней самонадѣянность ума. „Умъ человѣческій не знаетъ остановки и, повидимому, ненавидитъ бездѣйствіе; онъ постоянно стремится впередъ, и нерѣдко такое стремленіе его оказывается тщетнымъ. Напримѣръ, мы можемъ сколько угодно стараться представить себѣ конецъ вселенной, но этого никогда не достигнемъ, и какія-бы границы въ ней ни предположили, все-же мы можемъ представить себѣ что-нибудь за ними... Таково-же утонченное изслѣдованіе, имѣющее предметомъ дѣлимость извѣстныхъ линій до безконечности,— изслѣдованіе, хорошо доказывающее уму его слабость“ (II, 27). Благодаря этой, дурно регулируемой наклонности, умъ постоянно стремится въ недоступныя для него области и нетерпѣливо хочетъ схватить то, что можетъ быть достигнуто только путемъ постепенныхъ и упорныхъ усилій, „велѣдствіе чего сомнѣніе становится невыносимымъ, и люди спѣшатъ разрѣшить вопросъ, вмѣсто того, чтобы отложить его на-столько, на-сколько нужно“ (стр. 135). Такая кичливость, такая самонадѣянность нерѣдко переходятъ въ безнадежное отчаяніе, являются скептики, которые, утверждая, что открытіе истиннаго различія между предметами безусловно невозможно, приговариваютъ родъ человѣческій къ вѣчнымъ потемкамъ (стр.

52). Подобный скептицизмъ, впрочемъ, проявляется гораздо рѣже и слабѣе той „самоувѣренности людей и ихъ склонности къ чудесному, благодаря которымъ они не только надѣются на невозможное, но еще и оболыщаютъ себя надеждой, что могутъ безъ труда и пота совершать наиболѣе трудныя вещи“ (I, 281). Въ этой самонадѣянности философовъ заключается одно изъ главнѣйшихъ препятствій въ развитіи наукъ. Они, „вслѣдствіе чрезмѣрной увѣренности въ своемъ умѣ или вслѣдствіе самолюбія и желанія отличиться, осмѣливались догматически разсуждать о природѣ, какъ о предметѣ достаточно изслѣдованномъ. Самая крѣпость ихъ ума и сила ихъ краснорѣчія, которыми объясняется распространеніе ихъ мнѣній, только стремились заглушать въ ученикахъ всякую любовь къ новымъ изслѣдованіямъ; и если они были полезны произведеніями собственнаго ума, то во сто разъ болѣе принесли вреда ослабленіемъ другихъ умовъ или отклоненіемъ ихъ отъ истиннаго пути“ (II, 8). Эти заблужденія, происходящія отъ подчиненія ума догматамъ различныхъ школъ, составляютъ четвертый отдѣлъ препятствій къ умственному развитію, названныхъ Бэкономъ *призраками* (*idola*) или ложными божествами, передъ которыми съ давнихъ временъ привыкъ преклоняться умъ человѣческой. Это 1) *призраки расы*, заблужденія, истекающія изъ природы человѣка вообще. „Умъ человѣческой, сходный съ зеркаломъ, ломающимъ лучи, идущіе отъ предметовъ, и примѣшивающій собственно свою природу къ природѣ вещей, искажаетъ, такъ-сказать, искривляетъ и обезображиваетъ всѣ отражаемые имъ образы“. 2) *Призраки пещеры* вытекаютъ изъ индивидуальныхъ свойствъ личности. У каждого есть своя мрачная пещера, куда съ трудомъ проникаетъ свѣтъ и гдѣ стоитъ идолъ, на алтарѣ котораго часто приносится въ жертву истина. Въ эти-то пещеры, „въ свои отдѣльные мірки, а не въ великій міръ, общій всѣмъ, люди идутъ на поискъ за истиной“. 3) *Призраки площади* порождаются общественными отношеніями и неправильнымъ способомъ выраженія, искажающимъ мысль, такъ-какъ нерѣдко не мысли управляютъ словами, а слова мыслями. 4) „Есть, наконецъ, призраки, порожденные догматами различныхъ философскихъ школъ, откуда они проникли въ умы. Эти призраки мы называемъ *призраками театра*, ибо всѣ эти философскія ученія, въ разное время придуманныя и принятія, суть какъ-бы

театральныя пьесы, представляющія передъ нашими глазами только воображаемые и созданныя по-истинѣ только для сцены міры“. Всѣ эти призраки подавляютъ людей и сбиваютъ ихъ съ прямого пути. „Умъ, разъ освоившійся съ извѣстными, приходящими ему по вкусу понятіями, потому-ли, что послѣднія всѣми приняты, или потому, что они пріятны сами по себѣ, упорно привязывается къ нимъ и сводитъ все къ своимъ любимымъ мнѣніямъ; онъ хочетъ, чтобы все согласовалось съ ними; онъ ставитъ ихъ судьями всего; факты, противорѣчащіе этимъ избраннымъ мнѣніямъ, какъ-бы они многочисленны ни были, не въ силахъ поколебать ихъ въ его умѣ; онъ или не замѣчаетъ этихъ фактовъ, или не обращаетъ на нихъ вниманія, или отдѣлывается отъ нихъ съ помощью какихъ-нибудь пустыхъ отговорокъ, ни въ какомъ случаѣ не допуская неуваженія къ этимъ основнымъ, созданнымъ имъ истинамъ... Надо разъ и навсегда торжественно отказаться отъ этихъ призраковъ и освободить, очистить отъ нихъ разумъ человѣческій; ибо единственный, открытый человѣку путь для господства надъ природой, — господства, котораго онъ можетъ достигнуть только наукой, есть тотъ-же, какой ведетъ и въ царство небесное, въ которое нельзя войти иначе, какъ въ скромной роли ребенка“ (II, 22—44).

Оплотомъ этихъ призраковъ и всѣхъ заблужденій служатъ ложныя методы изслѣдованія и доказательствъ, — методы, создавшіе „всѣ эти блистательныя умозрѣнія, всѣ эти объясненія, которыя составляютъ предметъ нашей гордости, но въ сущности представляются только искусствомъ систематически бредить“ (стр. 16). Когда умъ человѣческій, отрываясь отъ природы и оставляя въ сторонѣ опытное изученіе, хочетъ постигнуть все путемъ умозрѣнія и силлогизма, „обращается къ самому себѣ, подобно пауку, плетущему паутину, тогда нѣтъ конца его работѣ, и онъ плететъ какую-нибудь научную ткань, безспорно, удивительную по тонкости нити и работы, но совершенно пустую и ни на что не пригодную“ (I, 125). Съ помощью дедуцкіи схоластики не создали и не могли создать ничего, „кромѣ маленькихъ, воображаемыхъ мірковъ, карриатурныхъ подражаній великому, которые начерчены воображеніемъ человѣка въ философскихъ системахъ и которыя слѣдуетъ совсѣмъ вычеркнуть“ (II, 102). „Почему, спрашиваетъ Вѣконъ, — такъ неопредѣленны и такъ бесплодны всѣ фи-

зическія системы, существовавшія до сихъ поръ на свѣтѣ? Причина этому, конечно, не въ природѣ: *постоянство и точность законовъ, которыми она управляется, ясно показываютъ намъ, что эти законы должны быть для насъ предметомъ точно и несомнѣннаго знанія.* Причина этому также и не въ недостаткѣ способностей тѣхъ, которые занимались подобными изслѣдованіями, такъ-какъ многіе изъ нихъ были самыя талантливыя и самыя гениальныя люди своего времени. Единственная причина этому — *ложность и недостаточность методовъ.* Люди создавали особый міръ изъ своихъ собственныхъ понятій и черпали изъ своего собственнаго ума всѣ нужные для этого матеріалы; если-бы вмѣсто этого они обратились къ опыту и наблюденію, то предметомъ ихъ сужденія были-бы факты, а не ихъ собственные произвольныя понятія, и тогда они могли-бы достигнуть знанія законовъ, управляющихъ міромъ“. Они обращались и къ фактамъ, но при этомъ или впадали въ самый грубый эмпиризмъ, или пользовались ими такимъ образомъ, „что отъ ощущеній отдѣльных фактовъ прямо перескакивали къ самымъ общимъ принципамъ, какъ къ неподвижнымъ полюсамъ, вокругъ которыхъ могутъ вращаться споры, и изъ этихъ принциповъ выводили всѣ остальные при содѣйствіи среднихъ положеній, — методъ, несомнѣнно, весьма скорый, но и весьма поспѣшный, неспособный вести насъ по пути природы, но за то въ высшей степени пригодный и приспособленный къ спорамъ“ (I, 77). Истинный методъ заключается въ *индукціи.* Всякое знаніе, всякое изслѣдованіе должны быть основаны на опытѣ. Чувства, посредствомъ которыхъ мы наблюдаемъ міръ, могутъ ошибаться и оказываться недостаточными для изслѣдованія (стр. 78). Для нихъ необходима помощь инструментовъ и искусственныхъ опытовъ, „въ которыхъ слишкомъ тонкіе и ускользящіе отъ чувствъ предметы замѣнялись-бы такого-же рода предметами, надъ которыми-бы могли имѣть верхъ чувства. „Мы, говоритъ Бэконъ, — желаемъ, чтобы старались приготовить и доставить разуму могущественныя средства, которыя дали-бы ему возможность преодолѣть затрудненія, представляемыя науками и непонятностью природы; ибо нѣтъ чловѣка, одареннаго такой вѣрной и изощренной рукой, который-бы могъ провести отъ руки совершенно прямую линію или начертать вѣрный кругъ, а между тѣмъ нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать

это съ помощью линейки или циркуля. Къ той-же цѣли направлены и наши всѣ усилія, и мы приготовляемъ инструменты такого-же рода. Мы хотимъ такимъ способомъ привести умъ къ одному уровню съ вещами“ (стр. 343). Бэконъ подробно изложилъ теорію опытовъ и рациональнаго наблюденія, но мы не имѣемъ возможности анализировать въ коротенькой статьѣ этой теоріи, которая къ тому-же носитъ слишкомъ спеціальнѣйшій характеръ и изложена въ терминахъ, непонятныхъ безъ комментаріевъ. Уважемъ только на общій духъ введеннаго имъ метода. Въ противоположность быстрой и поспѣшной дедуцціи, рациональная индукція подвигается впередъ медленно, постепенно, шагъ за шагомъ. Изъ извѣстныхъ уже опытовъ и фактовъ индукція выводитъ причины и аксіомы, потомъ изъ нихъ, производя новыя опыты и извлекая новыя аксіомы, возвышается до болѣе общихъ положеній и т. д. (II, 93). Между самими наблюденіями и опытами индукція дѣлаетъ сортировку, отдѣляя отъ избранной массы, путемъ критики и надлежащихъ исключеній, сомнительные факты. Установивъ аксіому, индукція повѣряетъ ее посредствомъ контролирующаго анализа и только послѣ него идетъ далѣе (стр. 85). Многіе указываютъ въ трактатѣ Бэкона радикальную ошибку въ томъ, что, отвергая силлогизмъ, онъ отрицалъ одно изъ главныхъ орудій знанія. Индукція не въ состояніи вовсе замѣнить силлогизма, какъ-бы ни были многочисленны науки, въ которыхъ она играетъ главную роль. Размышленіе невозможно безъ силлогизма. Силлогизмъ и индукція, слабыя одинъ безъ другой, необходимы, какъ дополняющія другъ друга орудія знанія. Все это совершенно справедливо, но въ то-же время совершенно несправедливо упрекать Бэкона въ отрицаніи силлогизма. Онъ отвергалъ лишь силлогизмъ, отрѣшенный отъ рациональной индукціи, и только, благодаря полемическому увлеченію, его мысль получила такой видъ, какъ-будто онъ ни во что ставилъ всякій силлогизмъ. Напротивъ, онъ прямо говоритъ, что „надѣется прижизнить навсегда, и столь-же прочно, какъ и законно, эмпирическій методъ съ рациональнымъ, несчастный разрывъ между которыми и прискорбныя разногласія все возмущали въ семьѣ чловѣческой“ (I, 69). „Философы, посвятившіе себя изслѣдованію наукъ, говорятъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — дѣлятся на два класса: эмпириковъ и догматиковъ. Эмпирики, подобно муравью, доволь-

ствуются собираиѣмъ и затѣмъ потребленіемъ своихъ запасовъ. Догматикъ, подобно пауку, раскидываетъ сѣти, извлекая матеріалъ для нихъ изъ самого себя. Пчела держится средины: она получаетъ первый матеріалъ изъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ; затѣмъ, съ свойственнымъ ей искусствомъ, она перерабатываетъ и превращаетъ его. Нѣчто подобное дѣлаетъ и истинная философія: она не полагается ни вполнѣ, ни даже главнымъ образомъ на естественныя силы человѣческаго разума, и матеріалы, извлекаемые ею изъ естественной исторіи, она не сваливаетъ въ памяти въ томъ видѣ, въ какомъ она почерпнула ихъ изъ этихъ двухъ источниковъ, но складываетъ ихъ въ правильные запасы, тоже предварительно переработавъ и переваривъ ихъ. Поэтому, главнѣйшее пособіе, на которое мы должны возлагать всѣ наши надежды, это тѣсный союзъ между этими двумя способностями, опытной и отвлеченной, — союзъ, который до сихъ поръ еще не былъ заключенъ“ (II, 78).

Бэкона нельзя считать изобрѣтателемъ индуктивнаго метода, который всегда былъ присущъ уму человѣка и достоинства котораго указывалъ еще Аристотель. Маколей-же не признаетъ за Бэкономъ даже особенной заслуги относительно анализа этого метода, „съ которымъ человѣкъ не разстается и во снѣ. Вотъ примѣръ. Нѣкто почувствовалъ разстройство желудка. Онъ никогда не слыхалъ имени лорда Бэкона и не подозрѣваетъ существованія второй книги *Novum Organum*, а между тѣмъ, какъ сейчасъ увидите, съ величайшимъ успѣхомъ употребить въ дѣло всѣ правила, изложенныя Бэкономъ, и откроетъ, что кусокъ кулебяки былъ причиною его болѣзни. Онъ станетъ разсуждать, конечно, самымъ простѣйшимъ способомъ: „въ понедѣльникъ и въ среду я ѣлъ кулебяку и цѣлую ночь не спалъ отъ разстройства желудка“. „Во вторникъ и въ пятницу я не ѣлъ кулебяки и былъ совершенно здоровъ“. „Въ воскресенье я ѣлъ немного кулебяки и къ вечеру чувствовалъ легкую боль въ желудкѣ; но на слѣдующій день я слишкомъ много поѣлъ кулебяки и чувствовалъ себя такъ дурно, что опасался за жизнь“. и т. д. Такимъ образомъ, путемъ сравненій, сопоставленій и анализа можно дойти до разъясненія главной причины того или другого явленія, къ изслѣдованію котораго мы приступаемъ. И этотъ методъ мышленія вовсе не новый; напротивъ, онъ также старъ,

какъ и человекъ, и не Бэконъ создалъ его, а онъ Бэкона. Но Бэконъ нигдѣ и никогда и не приписывалъ себѣ чести быть изобрѣтателемъ этого метода. Онъ только реставрировалъ, осмыслилъ и популяризировалъ его. Въ этомъ его великая заслуга. Поэтому мы не понимаемъ, что хотѣлъ доказать Маколей своимъ остроумнымъ примѣромъ? Только то, что умъ человѣческій, дѣйствуя здраво и рационально, идетъ непремѣнно по тому пути, теорія котораго такъ превосходно разработана Бэкономъ. Умъ часто слѣдуетъ по другимъ путямъ и заблуждается; Бэконъ-же своими трудами доказалъ превосходство индукціи, популяризировалъ ее въ массѣ и составилъ блестящую теорію опытныхъ изслѣдованій, разъяснивъ до мельчайшихъ подробностей, каковы они должны быть, чтобы могли вѣрнѣе достигать цѣли. Бэконъ возвелъ индукцію на степень теоріи, на степень сознательнаго искусства. „Бэконъ, говоритъ Плайферъ, — до такой степени глубоко проникалъ въ природу истинной науки, что былъ въ состояніи преподать правила, какъ слѣдуетъ вести опытные изслѣдованія, когда подобныхъ изслѣдованій еще вовсе не было. Не можетъ не служить предметомъ удивленія для всѣхъ вѣковъ сила и громадность ума, который создалъ столь великій планъ и намѣтилъ не только общія черты, но и многія такіа мельчайшія развѣтвленія наукъ, которыя и теперь еще не существуютъ“. Не только среди ученыхъ, но и среди обыкновенной публики Бэконъ развилъ и поддержалъ оппозицію схоластикѣ и метафизикѣ и воспиталъ духъ положительнаго знанія. Онъ не только указалъ, какъ слѣдуетъ вести индуктивные изслѣдованія, но и самъ дѣлалъ ихъ и своими блестящими опытами внесъ драгоцѣнные вклады въ сокровищницу новой науки.

Отдѣливъ науку отъ праздныхъ словопреній, мистики и схоластики, отказавшись отъ тщетной погони за конечными причинами, Бэконъ указалъ истинную цѣль науки — *пользу*, истинный методъ изслѣдованія — *индукцію*, и истинные предѣлы знанія, переходя за которые оно дѣлается бредомъ. Вотъ что говоритъ онъ въ своихъ превосходныхъ „Афоризмахъ о толкованіи природы и о царствѣ человека“:

„I. Человекъ, толкователь и исполнитель природы, расширяетъ свои познанія и свою дѣятельность только по мѣрѣ раскрытія

имъ естественнаго порядка вещей то наблюденіемъ, то размышленіемъ; ничего больше онъ не знаетъ и не можетъ.

„II. Знаніе и могущество человѣка во всемъ соотвѣтствуютъ другъ другу и стремятся къ одной и той-же цѣли; незнаніе причины не позволяетъ намъ пользоваться ея результатами; ибо побѣждать природу можно только повинувая ей; и что было основаніемъ, слѣдствіемъ или причиною въ теоріи, то становится правиломъ, цѣлью или средствомъ въ практикѣ.

„III. Сближать или удалять другъ отъ друга естественныя тѣла,—вотъ къ чему сводится вся власть человѣка; все остальное производится самой природою и лежитъ внѣ нашей воли“ (II, 15—16).

Подчиненіе природы посредствомъ изученія ея было возможно только при помощи новаго индуктивнаго метода, новой науки, новой философіи. Въ основу человѣческаго знанія Бэконъ клалъ физику и естественную исторію. Онъ не только указывалъ дорогу къ тайнамъ природы, но и самъ пошелъ по ней, въ качествѣ руководителя. „Намѣреніе наше, говоритъ онъ,—состоитъ не въ одномъ только указаніи и проложеніи пути, но и во вступленіи на него. Поэтому третья часть нашего сочиненія содержитъ въ себѣ явленія природы, т. е. всякаго рода опыты,—словомъ, естественную исторію, которая могла-бы служить основой для философіи. Ибо если-бы и былъ открытъ безошибочный методъ доказательства, способъ объясненія природы на-столько совершенный, что онъ охранялъ-бы разумъ человѣка отъ всякаго заблужденія, отъ всякаго уклоненія, все-же одного метода было-бы еще недостаточно для доставленія перваго матеріала для науки. Но что касается людей, намѣреніе которыхъ состоитъ не въ томъ, чтобы строить предположенія или играть роль вѣщунвъ, а въ томъ, чтобы искать и знать; которые не довольствуются мечтами о воображаемыхъ мірахъ, но стремятся проникнуть въ самую природу дѣйствительнаго, нашего міра, чтобы, такъ-сказать, разобрать его на части, то имъ приходится все черпать изъ самихъ предметовъ. Такого рода трудъ, такое изслѣдованіе, такая прогулка по вселенной не могутъ быть замѣнены никакой силой генія, никакіе доводы не могутъ заступитъ мѣсто фактовъ; поэтому слѣдуетъ или запастись такою естественною исторіей, или совершенно отказаться отъ дѣла“ (I, 81). До сихъ поръ

„естественная исторія принимала только ничтожное участіе въ дѣятельности человѣческой. А между тѣмъ на эту пренебрегаемую науку слѣдуетъ смотрѣть, какъ на мать всѣхъ прочихъ наукъ; ибо какъ только науки и искусства отдѣлятся отъ этой первоначальной науки, служащей для нихъ корнемъ, то ихъ легко становится обрабатывать и приспособлять къ употребленію; но что-бы мы съ ними ни дѣлали, онѣ не могутъ расти дальше... Эта величавая мать всѣхъ наукъ поворно была унижена до презрѣнной должности служанки и обращена въ пособницу врачебной науки и математики. А между тѣмъ тщетно мы стали-бы обольщать себя надеждой на значительные успѣхи въ наукахъ вообще, и въ особенности въ практическомъ ихъ примѣненіи, пока естественная философія не будетъ приложена къ отдѣльнымъ наукамъ, а отдѣльныя науки, въ свою очередь, не будутъ приведены къ естественной философіи. За отсутствіемъ этой связи, этихъ сближеній, астрономія, оптика, музыка, множество механическихъ искусствъ, сама медицина, политива и логика не имѣютъ достаточной глубины и довольствуются поверхностью вещей и разнообразіемъ предметовъ; ибо, если только разъ всѣ эти науки разсѣяны и стоятъ отдѣльно одна отъ другой, то естественная философія перестаетъ питать ихъ“ (II, 56 — 58). Подробно трактуетъ о развитіи естественныхъ наукъ и физики, Вѣконъ дѣлаетъ много мѣткихъ наблюденій и даже обширныя изслѣдованія, напр., о теплѣ, сущность котораго онъ полагаетъ въ движеніи (стр. 157). Приближаясь въ этомъ случаѣ къ теоріи современныхъ физиковъ, въ другихъ случаяхъ Вѣконъ близко подходит къ идеямъ Дарвина, указывая, напр., на законъ атавизма (I, 105) и обращая серьезное вниманіе на тѣ явленія, на которыхъ Дарвинъ основалъ свое ученіе о постепенномъ, преемственномъ развитіи организмовъ. „Немногіе, пишетъ Вѣконъ, — говорили намъ, почему встрѣчаются постоянно, *какъ посредствующіе члены* между различными видами, нѣкоторые неопредѣленные существа, принадлежащія къ двумъ видамъ, какъ мохъ между разлагающейся матеріей и растеніемъ; какъ рыбы, прикованныя къ одному мѣсту и не шевелящіяся, между животнымъ и растеніемъ; какъ летучія мыши между птицами и четвероногими; какъ летучія рыбы между птицами и рыбами; какъ тюлени между четвероногими и рыбами, и какъ другія существа того-же рода“ (стр. 241). Благодаря сво-

ему методу и своимъ изслѣдованіямъ въ области естествознанія, Бэконъ произвелъ радикальный переворотъ въ наукѣ. До него философію считали наукой о *причинахъ*, понимая подъ послѣдними такія предшествующія явленія, которыя находятся въ *необходимой* связи съ изслѣдуемымъ явленіемъ и зная которыя, можно указать и предсказать самое явленіе. Смѣшивая, такимъ образомъ, предметы физики и метафизики, древніе пренебрегали опытомъ и хотѣли путемъ дедукціи вывести феномены и законы природы изъ своихъ предполагаемыхъ причинъ. Положеніе Аристотеля, что знаніе *физической причины* тождественно съ знаніемъ *дѣйствующей причины*, повело къ попыткамъ объяснять всѣ феномены движущихся тѣлъ *импульсомъ*, симпатіями и антипатіями, отвращеніемъ природы къ пустотѣ и другими аналогіями, въ силу которыхъ свойства одушевленныхъ существъ переносились на неодушевленные предметы. Бэконъ положилъ конецъ всѣмъ этимъ метафизическимъ бреднямъ.

Полагая естествознаніе въ основу новой „естественной философіи, имѣющей примѣненіе къ жизни и дѣятельно работающей ради облегченія бѣдствій человѣческаго существованія“ (стр. 185), Бэконъ имѣлъ въ виду распространить свой методъ на всѣ науки и свести всѣ ихъ къ одному источнику—естествознанію, къ одной цѣли — счастью и развитію человѣчества. *Полезность* была основнымъ принципомъ Бэкона, но подъ выгодами, доставляемыми наукой, онъ разумѣлъ не однѣ только тѣ, которыя относятся къ матеріальному благосостоянію. Наука не только окружаетъ людей довольствомъ, но и содѣйствуетъ ихъ нравственному величію. Покоряя природу, объясняя ея тайны, она даетъ человѣку самое чистое, самое святое наслажденіе, научаетъ его „презирать всякаго рода страхи, неумолимую судьбу и грохотъ ненасытнаго Ахерона“... Знаніе и умственное развитіе дѣлаютъ человѣка нравственнымъ. „Не подлежитъ сомнѣнію, что между истиной и добродѣтелью существуетъ не больше различія, чѣмъ между печатью и ея отпечаткомъ, ибо истина есть печать добродѣтели, и только изъ тучъ, обволакивающихъ заблужденіе и ложь, съ трескомъ раздаются бури пороковъ и неузмѣренныхъ страстей“ (стр. 160—162). Нравственная философія Бэкона проникнута новымъ духомъ; онъ и ее пытался поставить на фундаментъ естествознанія. „Въ каждомъ предметѣ, говоритъ онъ,—есть естественное,

врожденное стремленіе, въ силу котораго онъ влечется къ двумъ родамъ блага: вслѣдствіе одного предметъ представляетъ самъ собою нѣчто цѣлое, вслѣдствіе другого, онъ составляетъ часть другого, большаго цѣлага. Последнее благороднѣе и могущественнѣе, такъ-какъ она стремится къ сохраненію болѣе широкой формы. Назовемъ первое индивидуальнымъ, личнымъ, а второе общимъ благомъ. Желѣзо, вслѣдствіе особенной симпатіи, влечется къ магниту, но если вѣсъ его увеличится, то оно бросаетъ эту страсть, и, какъ честный гражданинъ, какъ честный патріотъ, влечется къ землѣ, къ странѣ существъ одного съ нимъ рода... Это почти неизмѣнный законъ, чтобы сохраненіе самаго общаго свойства господствовало надъ менѣе общими стремленіями. Но это преимущество общаго блага нигдѣ не проявляется такъ замѣтно, какъ въ человѣкѣ, если только послѣдній не выродился... Во все продолженіе вѣковъ нельзя встрѣтить ни философіи, ни секты, ни религіи, ни закона или воспитанія, которые-бы, подобно нашей святой религіи, не превозносили общественнаго блага передъ индивидуальнымъ... Вотъ почему мы читаемъ, что нѣкоторые изъ избранныхъ и святыхъ людей лучше желали видѣть себя исключенными изъ книги жизни, нежели знать, что братья ихъ лишены блаженства,—до такой степени возбуждалось въ нихъ это великодушное желаніе напоромъ любви и жадой всемірнаго блага. Этотъ принципъ, разъ установленный и принятый неизмѣннымъ, оканчиваетъ всѣ важнѣйшіе споры въ нравственной философіи. Онъ ведетъ къ дѣятельной жизни, въ которой люди могутъ найти величайшее счастье, даже при неудачахъ. „Чистая совѣсть есть вѣчное празднество; душа, сознающая свои добрыя намѣренія, даже въ случаѣ неудачъ испытываетъ болѣе истинное, болѣе чистое и болѣе соотвѣтствующее ея природѣ счастье, чѣмъ при всѣхъ тѣхъ ухищреніяхъ, къ какимъ только можетъ прибѣгнуть человѣкъ для удовлетворенія своихъ желаній и для огражденія своего спокойствія... Сильной и здоровой душой должна считаться только та, которая можетъ пробиваться черезъ всякія искушенія и жестокія потрясенія. Діогенъ имѣлъ полное основаніе повторять, что уважаетъ ту силу души, которая пригодна не для робкаго воздержанія, а для мужественнаго сопротивленія,—силу, которая-бы умѣла сразу остановить душу на краю пропасти и которой-бы душа была обязана качествомъ, такъ вы-

соко цѣнныхъ въ хорошо выѣзженной лошади: умѣть стать вкопанною и переимѣнить направленіе бѣга на возможно меньшемъ разстояніи“ (с. 467—471). Служеніе общему благу доставляетъ человѣку величайшее наслажденіе не только въ жизни, но и въ смерти, которая въ противномъ случаѣ становится страшилищемъ и мученіемъ. „Кто умираетъ на пути къ великой цѣли, весь преданный своему дѣлу, тотъ такъ-же незамѣтно умираетъ, какъ воинъ, смертельно раненный въ жару битвы. Отличительное свойство всякаго великаго блага, наполняющаго душу, состоитъ въ томъ, что оно заглушаетъ чувство боли и самой смерти. Но счастливъ, тысячу разъ счастливъ тотъ, кто, достигнувъ предмета, истинно достойнаго желаній и ожиданій, можетъ сказать умирая, подобно Симеону, „нынѣ отпущаеши“ и проч.“ (II, 311). Бэконъ не былъ моралистомъ, да при своихъ нравственныхъ недостаткахъ и не могъ быть искреннимъ моралистомъ, но его душѣ все-таки доступны были самыя возвышенныя чувства и онъ увлекался ими, по крайней мѣрѣ, платонически. Онъ понималъ необходимость нравственнаго развитія человѣчества, ради его собственнаго блага, но въ то-же время ясно видѣлъ, что нравственнаго развитія тутъ не ведутъ ни къ чему. Онъ смотрѣлъ на нравственную философію, какъ на практическую науку, цѣль которой состоитъ въ излеченіи недуговъ ума и которая можетъ быть усовершенствована только аналитическимъ методомъ, какъ медицина и хирургія. Она должна изслѣдовать, какое вліяніе имѣютъ на характеръ человѣка разные способы воспитанія, примѣры, книги, общественная среда и т. д., а потомъ, на основаніи такого изслѣдованія, сдѣлать выводы о рациональномъ способѣ нравственнаго развитія и исцѣленія порочныхъ недуговъ.

Замѣчательно, что Бэконъ, котораго нельзя читать безъ наслажденія, когда онъ разсуждаетъ о нравственности теоретически, становится такимъ-же банальнымъ и ничтожнымъ, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительной жизни, коль скоро онъ начинаетъ трактовать о правилахъ пракческаго поведенія въ обыденномъ быту и въ политикѣ. Разсуждая о практикѣ, онъ на каждомъ шагѣ противорѣчитъ тому, что говорилъ относительно теоріи. „Забота объ искреннемъ и возможно ясномъ изложеніи, говоритъ онъ въ началѣ *Instauratio Magna*,—составляетъ часть нашихъ стремленій, ибо нагота души была всегда и, подобно наготѣ тѣла, счи-

талась нѣкогда спутницей невинности и чистоты“ (I, 73). Въ своихъ-же „Нравственныхъ Очеркахъ“ Бэконъ разсуждаетъ такъ: „нагота души столь-же неприлична, какъ и нагота тѣла“ и рекомендуетъ скромную скрытность, сдержанность не только въ словахъ, но даже въ жестахъ и въ выраженіи лица (II, 322). Другія его практическія правила еще болѣе банальны. Напр.: „Относитесь съ уваженіемъ къ памяти вашего предшественника и отзываетесь о немъ съ почтеніемъ и любовью; если вы будете унижать его, то преемникъ оплатитъ вамъ той-же монетой“ (с. 342). Бэконъ въ политикѣ былъ макіавеллистъ въ дурномъ значеніи этого слова. Макіавелли могъ еще оправдывать свою доктрину цѣлью—объединеніемъ Италіи, а Бэконъ чѣмъ?.. И почти единственное отрадное мѣсто въ его политическихъ размышленіяхъ заключается въ его пропагандѣ терпимости. „Ни въ какомъ случаѣ, говоритъ онъ,—не слѣдуетъ распространять религію оружіемъ, ни насиловать совѣсти кровавыми преслѣдованіями; замышлять мятежи, дозволять заговоры, предоставлять оружіе въ руки народа... Поэтъ Лукрецій, возмущаясь ужаснымъ поступкомъ Агамемнона, принесшаго въ жертву свою дочь, восклицаетъ: „какое гнусное дѣло!..“ Но чтобы онъ сказалъ о варфоломеевской рѣзнѣ, о пороховомъ заговорѣ и проч., если-бы эти ужасныя преступленія совершены были въ его время?..“ (с. 316).

Вліяніе Бэкона на развитіе европейской мысли утверждалось не вдругъ. Подобно Колумбу, онъ встрѣтилъ сначала не мало враговъ и невѣрующихъ, провозгласившихъ его возмутительнымъ новаторомъ. Хотя въ то-же время Оксфордъ и Кембридж удивлялись ему, какъ чуду, а Исаакъ Ньютонъ называлъ его „великимъ секретаремъ природы и всякаго знанія“, но это были болѣе комплименты и изумленіе передъ силой таланта, чѣмъ признаніе великой заслуги, оказанной дѣлу умственного развитія человѣчества. Только между 1640 и 1650 гг. появляются ревностные и дѣятельные послѣдователи Бэкона, кладутъ начало королевскому обществу наукъ и пропагандируютъ его идеи. Съ этого времени вліяніе бэконовской философіи начинаетъ быстро возрастать. Гукъ, Байль, Гассенди, Лейбницъ, Вико, Локкъ, Вольтеръ, Кондорсе, Д’Аламберъ, Кондильякъ, Кантъ, Гершель, Ройе-Колларъ, Бентамъ, Огюстъ Контъ, Джонъ Стюартъ Миль, Бокль, Дарвинъ, Фарадей,—всѣ эти представители новѣйшаго дви-

женія точныхъ наукъ и положительной философіи носить на себѣ слѣды его вліянія и идутъ изъ того переворота, который былъ подготовленъ помимо Бэкона, но совершенъ главнымъ образомъ имъ. „Что-бы ни говорили хулители этого великаго человѣка, заѣмчатъ Ріо,—результаты, полученные его методомъ въ новѣйшей философіи, превзошли его собственныя ожиданія. Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, опытъ идетъ рука объ руку въ наукѣ и въ философіи съ разумомъ. Слава Бэкона является передъ нами подобною тѣмъ древнимъ памятникамъ, величіе и размѣры которыхъ удивляютъ насъ, между тѣмъ какъ время обратило въ прахъ окружавшія ихъ мелкія сооруженія и тѣмъ доставили намъ возможность любоваться во всѣхъ подробностяхъ ихъ гармоніей и великолѣшіемъ“. Великій трубачъ, протрубившій боевую тревогу, онъ отерялъ великую битву положительнаго разума съ призраками. Битва эта продолжается и до сихъ поръ; дѣло, начатое Бэкономъ, прочно подвигается впередъ и „великое возрожденіе наукъ“, проектированное имъ, постепенно выполняется современнымъ поколѣніемъ. Остановить это движеніе также трудно, какъ остановить теченіе Темзы или утренній восходъ солнца.

С. Ставринъ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ХАРАКТЕРА СТАРОЙ РУСИ.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпуски I—IV. Спб. 1873—1874.

Главное достоинство трудовъ г. Костомарова—художественное изложеніе тѣхъ историческихъ эпохъ и личностей, на которыхъ онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе и симпатіи. Вращаясь въ сферѣ давно отжившихъ и обезцвѣченныхъ историческихъ образовъ, онъ, благодаря своему таланту художника—разскащика, придаетъ имъ жизнь и цвѣтъ, онъ обрисовываетъ ихъ такъ ясно и рельефно, что нѣкоторыя страницы его серьезныхъ историческихъ монографій читаются нами, какъ романы Вальтеръ-Скота. Этому таланту обязанъ г. Костомаровъ той популярностью, которою онъ пользуется среди нашей публики, воспитанной произведеніями эстетической школы. Костомаровъ въ этомъ отношеніи замѣнилъ собою Карамзина и окончательно вывелъ изъ общаго употребленія исторію послѣдняго. Это не маловажная заслуга, такъ-какъ труды г. Костомарова проникнуты болѣе современными идеями, чѣмъ карамзинская исторія, и основаны на многихъ научныхъ изслѣдованіяхъ и выводахъ, о которыхъ даже и не предчувствовалъ Карамзинъ. Но Костомарову принадлежитъ еще и другая не менѣ важная заслуга, это очищеніе русской исторіи отъ множества мифическаго балласта, чисто-легендарныхъ сказаній, пользовавшихся историческимъ значеніемъ, и совершенно несправедливыхъ положеній. Въ предпоследнемъ трудѣ своемъ, о преданіяхъ русской лѣтописи, онъ съ большимъ остроуміемъ и основательностью разобралъ легенды о призваніи князей, о дѣятельности Ольги, объ основаніи Кіева и т. д. Вспомнимъ подобныя-же труды его по

поводу Сусанина, Гришки Отрепьева и т. д. Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, заглавіе котораго выписано выше, русская исторія начинается съ эпохи исполнѣ исторической и впервые является очищеною отъ легендарныхъ вымысловъ. Независимо отъ выводовъ изъ своихъ прежнихъ изслѣдованій, авторъ опровергаетъ въ ней не мало ходячихъ историческихъ мнѣній, которыхъ онъ раньше не касался, напр., о шапкѣ Мономаха, объ Ермакѣ, который принадлежалъ не къ воровскимъ, а къ служилымъ казакамъ, состоявшимъ на царской службѣ, и т. д. Многія характеристики историческихъ дѣятелей, напр., Ивана Калиты, Андрея Боголюбскаго, Александра Невскаго и др., бросаютъ новый свѣтъ на этихъ героевъ древней Руси. Книга Костомарова—не исторія народа, а хронологическій рядъ біографическихъ характеристикъ, которыми мы намѣрены воспользоваться для нѣсколькихъ замѣтокъ о развитіи нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ древнерусскаго характера.

Въ личности стараго русскаго человѣка были, конечно, свои симпатичныя стороны, но наша исторія сложилась такъ, что въ продолженіи столѣтій эти стороны не могли развиваться какъ слѣдуетъ. Продолжительная эпоха удѣльныхъ междоусобій должна была отозваться самымъ невыгоднымъ образомъ на развитіи русскаго характера. Не говоря уже о томъ, что эти постоянныя войны и набѣги ожесточали нравы, развивали въ людяхъ звѣрскіе инстинкты и пріучали ихъ къ анархіи, они искореняли общественныя чувства даже въ самой ихъ первобытной формѣ. Здѣсь дѣти возставали противъ отцовъ, отцы воевали съ дѣтьми, братья рѣзались съ братьями. Мотивомъ этой ожесточенной борьбы были власть и преобладаніе, въ жертву которымъ приносились всѣ другія побужденія. Чтобы побѣдить соперника, князь призывалъ половцевъ, завлекалъ врага въ хитро-разставленныя сѣти и т. д. Эти недостатки отразились даже на лучшихъ представителяхъ того времени, напр., на Мономахѣ. Отдавая полную справедливость его достоинствамъ, Костомаровъ замѣчаетъ, что „Мономахъ въ своихъ наставленіяхъ и въ отрывкахъ о немъ лѣтописцевъ является болѣе безупречнымъ и благодушнымъ, чѣмъ въ своихъ поступкахъ. Таковъ, напр., поступокъ съ двумя половецкими князьями, убитыми съ нарушеніемъ даннаго слова и правъ гостепріимства; завѣщая сыновьямъ умѣренность въ войнѣ и челоуѣколюбіе, самъ Мономахъ, однако, мимоходомъ сознается, что при взятіи Минска, въ которомъ онъ участвовалъ, не остав-

лено было въ живыхъ ни челядина, ни скотины. Наконецъ, онъ хотя и радѣлъ о русской землѣ, но и себя не забывалъ, и, называя людей дѣйствительно виновныхъ, отбиралъ ихъ удѣлы и отдавалъ своимъ сыновьямъ“ (стр. 80). Но Мономахъ остается все-таки свѣтлою личностью сравнительно съ позднѣйшими дѣятелями на томъ-же поприщѣ. Насилія и интриги удѣльнаго нестройства вели за собой „строительство“ единой русской земли, но строители неизбѣжно прибѣгали къ тѣмъ-же средствамъ, какъ и удѣльные анархисты, вслѣдствіе чего въ развитіи характеровъ не произошло никакой перемѣны. Ближайшею цѣлью было качественное и количественное развитіе власти, и первымъ средствомъ для этого была сила, война. Но ни у кого изъ князей не было настолько силы, чтобы ею одною можно было взять верхъ надъ всѣми другими соперниками. Силу необходимо было поддерживать хитростью, и вотъ втеченіи столѣтій выработалась цѣлая система всевозможныхъ хитростей, начиная съ самыхъ грубыхъ и кончая довольно сложными. Залучить къ себѣ врага и затѣмъ погубить— по крайней мѣрѣ, обезоружить его—сдѣлалось самымъ обычнымъ средствомъ достигнуть цѣли своего властолюбія. Такъ, напримѣръ, Иванъ Васильевичъ приглашаетъ на обѣдъ брата своего Андрея вмѣстѣ съ боярами послѣдняго. „Когда Андрей вошелъ во дворецъ, его попросили въ комнату, называемую *западню*, а бояръ андреевыхъ отвели въ столовую гридню; тамъ ихъ схватили и развели по разнымъ мѣстамъ. Андрей ничего не зналъ о судьбѣ ихъ. Великій князь, вошедши въ западню, повидался съ братомъ очень ласково, потомъ вышелъ въ другую комнату, такъ-называемую *повалушу*, а вмѣсто него вошелъ въ западню бояринъ кн. Ряполовскій и сквозъ слезы сказалъ: „государь князь Андрей Васильевичъ, пойманъ еси Богомъ и великимъ государемъ Иваномъ Васильевичемъ, твоимъ старшимъ братомъ!“ Андрея оклали цѣпями и посадили въ тюрьму“, гдѣ онъ и умеръ; дѣти его умерли тоже въ темницахъ (I, 289). Такой образъ дѣйствій превратился въ обычай, имѣвшій свои церемоніальныя формы. Вотъ, напр., псковичи сильно недовольны намѣстникомъ Василья Ивановича. Послѣдній вызываетъ къ себѣ намѣстника и всѣхъ недовольныхъ псковичей съ жалобами на него, общая всѣмъ дать судъ и управу. Псковичи толпами повалили въ Москву. Когда ихъ собралось здѣсь достаточно, ихъ позвали на судъ на владычній дворъ. „Всѣ по-

шли, какъ было приказано: посадники, бояре, купцы, вообще люди познатѣе и побогаче, вошли во владычную палату, а простые стали на владычнемъ дворѣ. Великокняжескіе бояре спросили: сполна-ли всё собрались?—Всѣ сполна, отвѣчали псковичи. Тогда имъ провозгласили: „понимани есте Богомъ и великимъ княземъ Василюемъ Иваиновичемъ всея Руси!“ (стр. 347). Такимъ образомъ, развивалась система понятій и правилъ, сходная съ тою, которую въ Италіи, при подобныхъ-же условіяхъ политической жизни, обработалъ Макиавелли. Еще Романъ галицкій, напр., завѣщалъ будущимъ дѣятелямъ правило: „не передавши пчель, меду не ѣсть“ (стр. 125). Для этихъ правилъ изобрѣтались благовидные покровы и предлоги. Уже у Василя Ивановича, „какъ показываютъ его поступки, было правиломъ прикрывать все личиною правды и законности, казаться противникомъ насильственного введенія новизны; онъ велъ дѣла свои такъ, что полезная для него новизна вызывалась не имъ самимъ, а другими“ (стр. 251). Такъ двое новгородскихъ депутатовъ назвали великаго князя и его сына *государями*. „Великій князь ухватился за это и отпраздновалъ своихъ пословъ спросить, какого государства хочетъ Новгородъ, такъ-какъ объ этомъ говорили пріѣхавшіе отъ него послы. Новгородцы на вѣчѣ отвѣчали, что не называли великаго князя государемъ и не посылали пословъ говорить о какомъ-то новомъ государствѣ; весь Новгородъ, напротивъ, хочетъ, чтобы все оставалось безъ переменъ, по старинѣ“. Тогда великій князь пошелъ на Новгородъ войной: „сами-же новгородцы послали въ Москву пословъ, которые назвали великаго князя государемъ, а теперь Новгородъ отрекается отъ этого!“ (стр. 268). Даже такіа бурныя, необузданныя натуры, какъ Грозный, были хитры въ высшей степени; что-же касается людей менѣе стремительныхъ, слабыхъ, то хитрость и неуспѣшное выслѣживаніе врага были главнымъ орудіемъ ихъ, какъ, напримѣръ, у Годунова, Василя Шуйскаго, отчасти у Алексѣя и т. д.

Когда татары утвердили свою власть надъ Русью и князья должны были преклониться передъ этою силою, то и эти князья и всѣ русскіе чувствовали весь позоръ такого униженія. „О злѣе зла честь татарская! восклицаетъ лѣтописецъ. — Данило Романовичъ, князь великій, обладавшій русскою землею, нынѣ стоитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, облагается данью, за жизнь тре-

пещеть и угрозы страшится!“ Но это униженіе, эту покорность князья эксплуатировали въ свою пользу и, раболѣпно преклоняясь предъ силою хановъ, тѣмъ самымъ поддѣрживали свою собственную силу. „Ханъ отдалъ Данилу, какъ и другимъ князьямъ, земли его въ вотчину. Прежде Данило, какъ и прочіе князья, называлъ свои земли отчинами, но это слово имѣло другое значеніе, чѣмъ впоследствии слово вотчина. Прежде оно означало не болѣе, какъ нравственное право князя править и княжить тамъ, гдѣ княжили его прародители. Но это право зависѣло отъ разныхъ условій: отъ удачи соперниковъ, въ которыхъ не было недостатка, отъ иноплеменнаго сосѣдства и отъ всякихъ случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь князь, поклонившись хану, предавалъ ему свое княженіе въ собственность, какъ завоевателю, и получалъ его обратно, какъ наследственное владѣніе; теперь онъ имѣлъ право на покровительство и защиту со стороны того, кто далъ ему владѣніе. Это положеніе сразу поняли восточные князья и потому такъ легко примирились съ новымъ порядкомъ вещей“ (стр. 143). Александръ Невскій довелъ свои отношенія къ хану до степени своеобразнаго дипломатическаго искусства и тѣмъ много выигралъ въ дѣлѣ усиленія своей власти (с. 159—168). Главнымъ средствомъ усиленія Калиты была та-же поддержка со стороны хана (с. 182). „Разъ получивши твердость, великокняжеская власть не должна была потерять ее уже и тогда, когда орда совершенно ослабнетъ, потому что въ самой Руси долженъ устроиться такой порядокъ, который получитъ значеніе обычая. Однимъ изъ способовъ усиленія такой власти было то непремѣнное условіе, что съ возвышеніемъ князей неизбѣжно должны были приливать въ ихъ землю военныя силы изъ другихъ земель, а слѣдовательно, другія земли ослабѣвали и князья ихъ неволью должны были уступать тому, кто дѣлался сильнѣе ихъ средствами. Русскіе бояре приняли обычай переходить туда, гдѣ князь былъ сильнѣе и гдѣ, слѣдовательно, предстояло имъ болѣе выгоды. Бояре приходили въ такомъ случаѣ не одни, но тянули за собой людей, составлявшихъ ихъ дружину и получившихъ въ это время названіе дѣтей боярскихъ. Съ паденіемъ орды, естественно, должно было замѣнить для Руси хана то лицо, которому прежніе ханы во время своего могущества передали свою силу, лишь-бы толь-

ко тѣ, которые получали эту силу, умѣли усвоить отъ поколѣнія къ поколѣнію искусство поддерживать свое значеніе“ (с. 174). Искусство это было усвоено и сдѣлалось системой. Подобно тому, какъ князья преклонялись передъ силой хана, передъ возраставшей силой князей преклонялись ихъ слабѣе соперники и бояре. Признаніе факта правомъ выработалось еще въ удѣльный періодъ. Вотъ, напр., Данило взялъ Галичъ и отложившіесл-было отъ него галичане начали кланяться въ ноги и просить прощенья: „согрѣшили, говорили они, — чужого князя держали!“ Данило отвѣчалъ: „вы получите милость, только впередъ такъ не дѣляйте, чтобъ вамъ не было хуже“ (стр. 136). Развитіе силы сопровождалось развитіемъ суровыхъ мѣръ, которыя приходилось употреблять противъ людей непокорныхъ и измѣнниковъ. Коварство, вѣроломство, тайныя отравы и явныя насилія угрожали князьямъ со всѣхъ сторонъ, возбуждали крайнюю подозрительность и вызывали необходимость дѣйствовать страхомъ. Это была ужасная и постоянная борьба, дошедшая до апогея при Иванѣ Грозномъ, который отличался отъ своихъ предшественниковъ только количественно, а не качественно. Андрей Боголюбскій, Калита, Иванъ Васильевичъ, Василій Ивановичъ, Грозный — все это были только постепенныя стадіи развитія одного и того-же историческаго характера. Даже въ мелкихъ подробностяхъ ихъ біографіи чрезвычайно схожи одна съ другой. Всѣ они были властолюбивы, хитры, повидимому, энергичны, но крайне нерѣшительны въ виду серьезныхъ опасностей. Когда Русь и Москву громилъ Тохтамышъ, Дмитрій Донской уѣхалъ въ Кострому съ своей семьей и сидѣлъ запершись въ ней (стр. 227). Когда на Русь пришелъ Ахматъ, Иванъ Васильевичъ тоже бросилъ Москву и совершенно согласился съ тѣми боярами, которые говорили ему: „не становись на бой, великій государь, лучше бѣги: такъ дѣлали прадѣдъ твой Дмитрій Донской и дѣдъ, Василій Дмитріевичъ“. Но народъ и часть духовенства, въ особенности краснорѣчивый архіепископъ Вассіанъ Рыло, высказались рѣшительно за войну. Иванъ уѣхалъ къ войску, въ сущности побуждаемый тѣмъ-же страхомъ, который заставилъ его покинуть войско (стр. 275). Въ 1521 г. крымскіе татары съ днѣпровскими казаками пошли на Москву. „Великій князь поклянулъ столицу и ушелъ на востокъ собирать силы. Въ этомъ случаѣ Василій Ива-

новичъ пошелъ буквально по стопамъ своихъ прародителей* (стр. 356). Вотъ и Грозный, этотъ, повидимому-богатырскій, неустрашимый характеръ. Въ 1571 г. Девлетъ Гирей со своими крымцами опустошалъ Россію. Иванъ Васильевичъ тоже бѣжалъ изъ Москвы и предалъ ее на произволъ судьбы. Ханъ потомъ писалъ ему: „Жгу и пустошу все. Будешь помнить. Я богатство сего свѣта примѣняю къ праху, надѣюсь на величество божіе, на милость для вѣры ислама. Пришелъ я въ твою землю съ войсками, все пожегъ, людей побилъ; пришла вѣсть, что ты въ Серпуховѣ, я пошелъ на Серпуховъ, а ты изъ Серпухова убѣжалъ; я думалъ, что ты въ своемъ государствѣ, въ Москвѣ, пошелъ туда, ты и оттуда убѣжалъ. Я въ Москвѣ посады сжегъ и городъ сжегъ и опустошилъ, много людей саблею побилъ, а другихъ въ полонъ взялъ, а ты не пришелъ и не сталъ противъ меня! Когда-бы у тебя былъ стыдъ и способность (дородство), ты-бы противъ меня стоялъ“ (стр. 494). Какъ-бы мы ни старались умалить вліяніе татарскаго тяготѣнія на старую Русь, но нельзя отрицать одного факта — постоянного давленія военного деспотизма на беззащитнаго русскаго человѣка и развитія въ немъ хитрости и коварства. Эти черты характера, смѣнившія прежде добродушіе и довѣрчивость патріархальнаго славянина, еще болѣе обрѣпли подъ вліяніемъ удѣльныхъ смутъ и междоусобныхъ побойщъ. Время Грознаго окончательно сформировало эти черты, такъ что жестокость и ложь бросились въ глаза всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ. „Это послѣднее качество сдѣлалось знаменательною чертою тогдашнихъ московскихъ людей. Сѣмена этого порока существовали издавна, но были въ громадномъ размѣрѣ воспитаны и развиты эпохою Грознаго, который самъ былъ олицетворенная ложь. Создавши опричнину, Иванъ вооружилъ русскихъ людей однихъ противъ другихъ, указалъ имъ путь искать милостей или спасенія въ гибели своихъ ближнихъ, казнями за явно вымысленныя преступленія пріучилъ къ ложнымъ доносамъ и, совершая для одной потѣхи безчеловѣчныя злодѣянія, воспиталъ въ обружающей его средѣ безчеловѣчіе и жестокость. Исчезло уваженіе къ правдѣ и нравственности... Въ минуты собственной опасности всякій человѣкъ, естественно, думаетъ только о себѣ; но когда такія минуты продолжались для русскихъ цѣлыя десятилѣтія. понятно, что должно было вырасти поколѣніе

своекорыстныхъ и жестокосердныхъ себялюбцевъ, у которыхъ всё помыслы, всё стремленія клонились только къ собственной охранѣ,—поколѣніе, для котораго, при наружномъ соблюденіи формъ благочестія, законности и нравственности, не оставалось никакой внутренней правды. Кто былъ умнѣе другихъ, тотъ долженъ былъ сдѣлаться образцомъ лживости; то была эпоха, когда умъ, закованный въ исключительно узкія рамки своекорыстныхъ побужденій, присущихъ всей современной жизненной средѣ, могъ проявить свою дѣятельность только въ искусствѣ посредствомъ обмана достигать своихъ личныхъ цѣлей“ (стр. 565). Правленіе Годунова и его личный характеръ были полнымъ выраженіемъ этой эпохи. Личности смутнаго времени, съ ихъ постоянными измѣнами, интригами, фабрикованіемъ самозванцевъ, принадлежали къ тому-же типу. Какъ реакція послѣднему, является рядъ немногихъ личностей, отличающихся рыцарскою смѣлостью, прямою и презрѣніемъ ко всякимъ кознямъ. Таковы были Дмитрій и Ляпуновъ, а въ удѣльный періодъ Мстиславъ Удалой. Но немного давала мірская среда такихъ личностей; большинство ихъ принадлежало къ тогдашней интеллигенціи, къ духовенству. Тутъ мы видимъ доблестные, гуманные, безкорыстные характеры Сергія, Вассіана, мягкаго, челолюбиваго Нила Сорскаго, порицавшаго недостатки духовенства и проповѣдываваго милость даже къ еретикамъ, Сильверста, правившаго Россіей черезъ Грознаго-юношу, Максима Грека, идеаломъ котораго былъ обличитель людскихъ неправдъ Саванарола, митрополита Филиппа, пострадавшаго за правду при Грозномъ, гуманныхъ, доблестныхъ патріотовъ, боровшихъ за Русь въ смутное время,—архимандрита Діонисія, и келаря Авраамія, и т. д.

Понятно, почему подобныя свѣтлыя личности являлись преимущественно въ духовной средѣ. Въ эту среду стекались лучшіе элементы изъ всѣхъ слоевъ тогдашняго общества. Кто былъ грамотенъ, кто стремился къ наученію книжному, кто обрекалъ себя на нравственный подвигъ, кто жаждалъ помогать страждущимъ—всѣ такіе люди шли въ духовные. Многіе, правда, становились чистыми аскетами, но многіе были такъ проникнуты чувствомъ жизни, что, не ограничиваясь отшельническими подвигами, считали своимъ долгомъ служить отечеству, людямъ. Но это сердечное направленіе духовной жизни неизбѣжно подпадало влиянію общественнаго скла-

да и преобладающаго типа; жесткіе, суровые характеры, въ родѣ Геннадія, Іосифа Волоцкаго, Гермогена, дѣлались обычнымъ явленіемъ. Нетерпимость и строгость входили въ этой сферѣ въ практику; католическій способъ борьбы съ ересью иногда увлекалъ даже крайнихъ ненавистниковъ латинства. „Если великій князь, писалъ, напр., митрополитъ Геннадій,—не казнить этихъ людей (еретиковъ), то какъ намъ тогда свести срамъ съ своей земли! Вонъ фряги—какую крѣпость держать по своей вѣрѣ; сказывалъ мнѣ цезарскій посолъ про шпанскаго короля, какъ онъ свою землю-то очистил!“ (стр. 325). Ереси, остатки въ народѣ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, несогласія и неудобства, проистекшія изъ церковной децентрализаціи,—все это вызывало къ жизни „строителей“ единой церкви, какъ были строители единаго царства. Послѣ смутнаго времени, при Алексѣѣ, дѣло церковнаго строительства дошло уже до своего окончанія и представителемъ его явился одинъ изъ типическихъ характеровъ древней Руси, патріархъ Никонъ...

Сынъ крестьянина, Никонъ съ самаго ранняго дѣтства переносилъ много горя, которое ожесточило его характеръ. Особенно доставалось ему отъ преслѣдованій злой махихи, которая замышляла даже извести его. Выучившись грамотѣ, любознательный мальчикъ полюбилъ ученіе и бѣжалъ въ монастырь. Здѣсь въ немъ явилось желаніе возвыситься: изъ крестьянина онъ захотѣлъ сдѣлаться священникомъ. Мысль о будущей судьбѣ очень занимала его, и однажды онъ обратился къ татарину, славившемуся своимъ искусствомъ гадать. „Ты будешь великимъ государемъ надъ царствомъ російскимъ“, сказалъ ему татаринъ. Это предсказаніе, естественное въ смутное время, когда столько простолюдиновъ возвышалось до первыхъ ступеней общественной іерархіи, глубоко запало въ душу Никона. Сдѣлавшись священникомъ, онъ своею начитанностью пріобрѣлъ большую популярность въ Москвѣ. Но потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ, Никонъ принялъ это за небесное указаніе отрѣшиться отъ міра и поступилъ монахомъ въ анзерскій скитъ. Поссорившись съ настоятелемъ, онъ перешелъ въ кожеозерскую пустынь, былъ избранъ здѣсь игуменомъ и вскорѣ, будучи по дѣламъ монастыря въ Москвѣ, Никонъ, по обычаю, представился царю Алексѣю, обворожилъ его своимъ благочестіемъ, начитанностью, и былъ оставленъ въ Мо-

сквѣ. „Тишайшій“ царь не могъ жить безъ дружбы и любилъ Никона, который пришелся ему по нраву въ особенности тѣмъ, что ходатайствовалъ постоянно за угнетенныхъ и обиженныхъ. Это было не побужденіемъ сердца, а дѣломъ разчета: Никонъ понималъ, чѣмъ преимущественно можно было возбудить симпатію къ себѣ въ доброй душѣ Алексѣя. Въ 1648 г. царь сдѣлалъ его новгородскимъ митрополитомъ, поручивъ ему наблюдать и за мірскимъ управленіемъ. Здѣсь-то впервые обнаружился властолюбивый, жесткій характеръ этого человѣка. Новгородцы жаловались, что Никонъ мучилъ всякихъ чиновъ людей и чернцовъ на правѣхъ, вымучивая у нихъ деньги, что, вмѣшиваясь въ мірскія дѣла, онъ учиняетъ великія неистовства и смуты. Въ 1650 г. вспыхнулъ новгородскій бунтъ; Никонъ, и безъ того уже нелюбимый народомъ, еще болѣе ожесточилъ его, наложивъ на всѣхъ церковное проклятiе. Мятежники чуть не убили его. Сообщая царю о своей болѣзни вслѣдствіе побоевъ, Никонъ писалъ, что не задолго передъ этимъ ему было видѣніе: *онъ видѣлъ надъ своею головою царскій золотой вѣнецъ*. Впослѣдствіи Никону не разъ бывали подобныя видѣнія... Вскорѣ послѣ этого умеръ патріархъ; стали просить Никона занять его мѣсто; но Никонъ не соглашался. Царь, окруженный боярами и многочисленнымъ народомъ, въ успенскомъ соборѣ сталъ кланяться Никону въ ноги и просилъ принять патріаршій санъ. „Будутъ-ли меня почитать, какъ архипастыря и отца верховнѣйшаго и дадутъ-ли мнѣ устроить церковь?“ спросилъ Никонъ. Царь, духовенство, бояре поклялись въ этомъ, и Никонъ сдѣлался патріархомъ. Духовенство скоро почувствовало тяжесть его сильной руки. Онъ хотѣлъ дисциплинировать духовныхъ. „Для Никона ничего не стоило священника за небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей посадить на цѣпь, мучить въ тюрьмѣ и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь. Патріархъ былъ суровъ въ обращеніи. „У него, говорили духовные,—устроено подобно ждovu подиcанію: страшно къ воротамъ приблизиться“. Нельзя было явиться передъ нимъ безъ трепета. Священники проживали въ Москвѣ по нѣскольکو мѣсяцевъ, стѣсняемые разными формальностями. давали взятки патріаршимъ дьякамъ; по нѣскольکو часовъ должны были они выставляться на морозѣ, тогда какъ прежде ихъ цускали дожидаться въ домѣ... По всѣмъ городамъ патріархъ обложилъ данью дворн

священно и церковно-служителей и, просвирень, бралъ съ каждой четверти земли, съ копны сѣна; у него даже нищіе были обложены данью“ (II, 179). Но не одно духовенство было недовольно Никономъ. Приобрѣвъ полную довѣренность Алексѣя, онъ вмѣшивался и въ мірскія дѣла; онъ сдѣлался временщикомъ, но, не довольствуясь этой ролью, стремился возвыситься до степени верховнаго властителя. Когда началась война за Малороссію и царь отправился въ походъ, Никонъ остался правителемъ царства. Еще раньше онъ сталъ называть себя „великимъ государемъ“, въ это-же время присвоилъ себѣ титулъ больше царскаго, и его грамоты начинались такъ: „указалъ *государь*, царь, великій князь всея Руси Алексѣй Михайловичъ, и мы, великій *государь*“, и т. д. Ненависть къ Никону вспыхнула съ полной яростью послѣ того, какъ во время постигшей Москву эпидеміи онъ оцѣпилъ городъ карантинными, а самъ бѣжалъ. Народъ взбунтовался, а многочисленные попы, запрещенные Никономъ, оказались главными возмутителями. Оставленный въ столицѣ кн. Пронскій съ большимъ трудомъ успокаивалъ народное волненіе, и вопросъ о запрещенныхъ попахъ былъ до того важенъ, что старосты и сотскіе московскихъ сотенъ и слободъ, чуждые мятежа, ради всеобщаго успокоенія, били челомъ патриарху, чтобъ онъ разрѣшилъ опальныхъ священниковъ, потому-что много церквей остается безъ богослуженія, некому напутствовать умирающихъ и погребать мертвыхъ.

Преслѣдуя распущенность, злоупотребленія и невѣжество духовенства, Никонъ имѣлъ въ виду реформировать церковь, объединить ее и придать ей новую силу посредствомъ этого единства. Здѣсь онъ встрѣтился съ тѣмъ фетишизмомъ буквы, который вскорѣ выразился въ формѣ старообрядческаго раскола. Никонъ, будучи самъ крайнимъ формалистомъ, сдѣлался отъявленнымъ врагомъ упомянутаго умонастроенія и круто повелъ дѣло реформы. Исправляя богослужебныя книги и обряды, Никонъ собралъ соборъ и вмѣстѣ съ нимъ изрекъ проклятіе на всѣхъ, непринимавшихъ его преобразованій. Старообрядцы открыто отдѣлились отъ церкви. Ненависть къ Никону возросла до крайности; его не любило православное духовенство, ненавидѣли архіереи, бывшіе на соборѣ, ненавидѣли бояре, ненавидѣли всѣ, имѣвшіе съ нимъ дѣло. Но чѣмъ сильнѣе была ненависть, тѣмъ болѣе ожесточался Никонъ,

поражая враговъ своею властью и своими проклятіями. На послѣднія онъ былъ очень щедръ. У одного купца, Щепоткина, взялъ онъ въ долгъ 500 пуд. мѣди. Щепоткинъ въ уплату этого долга роздалъ товары, которые патріархъ поручилъ ему продать. Никонъ нашелъ счетъ Щепоткина неправильнымъ и вмѣсто судебного иска поразилъ его проклятіемъ (стр. 194)!..

Никонъ держался однимъ царемъ, но, ослѣпленный самолюбіемъ, не понималъ, что своими дѣйствіями онъ можетъ лишиться этой послѣдней опоры. Стремясь къ преобладанію церкви надъ государствомъ, онъ рѣзко порицалъ многія дѣйствія свѣтской власти и нападалъ на послѣднюю со своимъ обычнымъ ожесточеніемъ. „Уложеніе“, напр., подчинявшее духовныхъ суду приказовъ, онъ критиковалъ съ крайнею запальчивостью, называя его „дьявольскимъ закономъ“, „проклятой книгой“, а составителей его „богоборцами“ (с. 181—182). Самолюбіе Алексѣя Михайловича было затронуто, бояре постарались открыть ему глаза на то, что другъ его считаетъ себя „великимъ государемъ“, и, пользуясь его расположеніемъ, присвоилъ себѣ долю царской власти. Царь охладѣлъ къ Никону, началъ избѣгать встрѣчъ съ нимъ и велѣлъ передать ему, что гнѣвается на него за то, что онъ сталъ называть себя „великимъ государемъ“. Никонъ окончательно ожесточился противъ царя и вообразилъ, что, заявивъ народу о своемъ желаніи отречься отъ патріаршества, онъ напугаетъ Алексѣя и заставитъ его просить себя остаться попрежнему на престолѣ. Отслуживъ обѣдню въ успенскомъ соборѣ, Никонъ обратился къ народу съ такою рѣчью: „лѣнивъ я сталъ, не гоюсь быть патріархомъ, окоростѣвѣлъ отъ лѣни и вы окоростѣвѣли отъ моего неученія. Называли меня еретикомъ, иконоборцемъ, камнями хотѣли побить; съ этихъ поръ я вамъ не патріархъ!“ Народъ зашумѣлъ. „Будь я анафема, если захочу быть патріархомъ“, произнесъ Никонъ и хотѣлъ удалиться, но взволнованный народъ объявилъ, что не выпуститъ его безъ государева указа. Доложили царю, но Никонъ ошибся въ расчетѣ: царь не пошелъ упрашивать его, но послалъ бояръ съ приказомъ не оставлять патріаршества. Никонъ упорствовалъ, удалился въ свой монастырь и отрекся отъ престола, но не выдержалъ и вскорѣ-же вмѣшался въ церковныя дѣла. У него произвели обыскъ и, подъ предлогомъ небезопасности отъ враговъ, удалили изъ Москвы въ одинъ мо-

настырь на Бѣломъ морѣ. Его хотѣли низложить, но царь не рѣшился и просилъ Никона благословить новаго патріарха. Эта просьба вновь пробудила въ немъ мысль какъ-нибудь поправить свое дѣло, и онъ отвѣчалъ царю, что готовъ дать новоизбранному патріарху свое благословеніе и удалиться въ монастырь, но только въ томъ случаѣ, если его позовутъ въ Москву. Его перевели въ воскресенскій монастырь, и если-бы у Никона былъ тактъ, то онъ могъ-бы еще поправить свои дѣла, но онъ только вредилъ себѣ на каждомъ шагу. Окольниковъ Боборыкинъ завладѣлъ монастырской землей; началось дѣло въ монастырскомъ приказѣ; возмущенный такою подсудностью, Никонъ написалъ царю чрезвычайно рѣзкое письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ, что ему являлся въ видѣніи митрополитъ Петръ и велѣлъ сказать царю, что за обиды, нанесенныя церкви, былъ дважды моръ въ странѣ и царское войско терпѣло поражение. Затѣмъ, будто-бы, представился ему царскій дворецъ и нѣкій сѣдой мужъ сказалъ: „псы будутъ въ этомъ дворцѣ ценять своихъ родитъ и радость настанетъ бѣсамъ отъ гибели многихъ людей“. Между тѣмъ приказъ рѣшилъ дѣло въ пользу Боборыкина. Никонъ отслужилъ молебень и изрекъ проклятіе: „молитва его да будетъ грѣхомъ, да будутъ дни его кратки, достоинство его да получить другой, дѣти его да будутъ сиротами, жена — вдовою“ и проч. Боборыкинъ донесъ, что проклятія относились къ государю. Набожный царь пришелъ въ ужасъ, собралъ къ себѣ архіереевъ, плакалъ и говорилъ: „пусть я грѣшнъ, но чѣмъ виноваты жена моя и любезныя дѣти и весь дворъ мой, чтобы подвергаться такой клятвѣ“? Началось слѣдствіе; Никонъ говорилъ, что онъ проклиналъ не царя, а Боборыкина, ругалъ архіереевъ, ругалъ бояръ, грозилъ, что „оточтеть“ царя отъ христіанства. Начали хлопотать о созваніи собора для низложенія Никона и пригласили восточныхъ патріарховъ. Никонъ попытался смягчить царя, и Алексѣй въ кругу бояръ выразился такъ, что изъ его словъ одинъ доброжелатель Никона вывелъ и передалъ ему, будто-бы царь желаетъ, чтобы патріархъ неожиданно явился въ Москву, не показывая, однако, вида, что пріѣхалъ по царскому приглашенію. Въ то-же время Никонъ видѣлъ во снѣ, будто-бы въ успенскомъ соборѣ встаютъ изъ гробовъ святители, и митрополитъ Іона собираетъ ихъ подписи для призванія Никона на

патріаршество. Никонъ отправляется въ Москву, входитъ въ успенскій соборъ во время богослуженія, беретъ посохъ Петра митрополита, благословляетъ народъ и посылаетъ доложить царю о своемъ прибытіи. Царь собралъ совѣтъ; большинство совѣтниковъ, состоявшее изъ враговъ Никона, рѣшило изгнать его. Три архіерея явились въ соборъ и сказали патріарху: „уѣзжай туда, откуда пріѣхалъ“. Никонъ вышелъ. „Оставь посохъ Петра митрополита“, сказали бояре. „Развѣ силою отнимете“, отвѣчалъ Никонъ. Онъ садился уже въ сани; подлѣ саней стоялъ стрѣлецкій полковникъ, которому было приказано сопровождать его. Никонъ отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, произнося извѣстный евангельскій текстъ по этому случаю. „Мы этотъ прахъ подметемъ“, сказалъ полковникъ. — „Размететъ васъ вонъ та метла, что на небѣ, — хвостастая звѣзда“, сказалъ Никонъ, указывая на видимую тогда комету. Удалившись въ монастырь, Никонъ понялъ, что проигралъ дѣло; самолюбіе его было жестоко оскорблено, и кѣмъ-же? имъ самимъ! Онъ поклялся не быть патріархомъ, потомъ, явившись въ успенскій соборъ, самовольно присвоилъ себѣ патріаршество и былъ изгнанъ. Онъ смирился, насколько могъ, написалъ царю, что отрекается отъ престола и благословляетъ новаго патріарха, но просилъ, чтобы за нимъ оставили патріаршій титулъ и построенные имъ монастыри со всѣми ихъ вотчинами, съ тѣмъ, чтобы они не подлежали ни свѣтскимъ судамъ, ни власти новаго патріарха. Эта просьба осталась безъ отвѣта. Никонъ снова вышелъ изъ терѣвнѣя и написалъ константинопольскому патріарху письмо, въ которомъ поносилъ царя и его приближенныхъ. Письмо было перехвачено. Наконецъ, пріѣхали двое восточныхъ патріарховъ и въ 1666 г. состоялся соборъ. Никонъ предсталъ предъ него, гордый и раздраженный, оскорблялъ царя, оскорблялъ патріарховъ и былъ приговоренъ къ растрижению. Патріархи и прочіе члены собора собрались въ церкви Чудова монастыря, привели Никона, прочитали ему приговоръ, сняли съ него клобукъ и панагію. „Возьмите это себѣ, сказалъ онъ восточнымъ патріархамъ, — раздѣлите жемчугъ между собою: достанется каждому золотниковъ по пяти, по шести, годится вамъ на пропитаніе на нѣкоторое время. Вы, бродяги, турецкіе невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтобы было чѣмъ дань заплатить султану“ (стр. 211). Царь хотѣлъ снаря-

дять Никона въ ссылку, но Никонъ не принялъ подарковъ, принявъ въ то-же время милостыню отъ одной вдовы. Царь нѣсколько разъ посылалъ къ нему просить прощенія и разрѣшенія, Никонъ соглашался дать ихъ, но съ тѣмъ, чтобы его возвратили изъ ссылки. Царь не рѣшался освободить его тѣмъ болѣе, что въ 1668 г. открыты были какія-то таинственныя сношенія Никона съ бунтовскими казаками. Въ концѣ 1671 г. страданія, наконецъ, сломили Никона и онъ обратился къ царю съ просьбой объ облегченіи своей участи. „Я боленъ, нагъ и босъ, писалъ Никонъ, — сижу въ кельѣ затворенъ четвертый годъ. Отъ нужды дынга напала, руки больны, ноги пухнуть, изъ зубовъ кровь идетъ, глаза болятъ отъ чада и дыму. Приставы ничего не даютъ ни продать, ни купить. Никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни не у кого просить“. Никона сильно подозрѣвали въ сношеніяхъ съ Разиньшъ, самъ Стенька показывалъ, что къ нему пріѣзжалъ старецъ отъ Никона, но царь не повѣрилъ этому, перевелъ Никона въ Ферапонтовъ монастырь и велѣлъ содержать его здѣсь безъ всякаго стѣсненія. Никонъ смирился, принималъ отъ царя подарки, роскошно обставился, но его деспотическая натура, лишившись возможности дѣйствовать въ широкой сферѣ, не могла успокоиться и въ тѣсныхъ рамкахъ монастырской жизни. Никонъ ссорился съ настоятелемъ, доносилъ царю на кирилловскаго архимандрита, что онъ напускаетъ ему въ келью чертей, билъ монаховъ, пилъ, ругалъ ворамъ вселенскихъ патріарховъ, называлъ себя патріархомъ по-прежнему и т. д.

Въ характерѣ Никона много типическихъ русскихъ чертъ, которыя мы видимъ и у Грознаго, и у многихъ его предшественниковъ, и у обыкновенныхъ смертныхъ старинной Руси. Отрицаніе всякой другой личности, кромѣ своей, вѣра въ силу, обаяніе своей силой и паденіе духа при всякой серьезной опасности, какъ при бунтѣ или татарскомъ нашествіи у Грознаго, при московской чумѣ у Никона. Нравственной стойкости, желѣзной энергіи, идея тутъ нѣтъ и слѣдовъ: тутъ одинъ только необузданный эгоизмъ, крѣпкій самообольщеніемъ. Коль скоро эгоистическія цѣли не удаются, такой человекъ падаетъ духомъ, погружается въ мелочныя дразги, не имѣетъ никакихъ силъ для спокойнаго перенесенія своего несчастія. Подобные люди принадлежали къ тому-же типу, представителей котораго такъ много въ драмахъ г. Островскаго.

НОВЫЕ МОТИВЫ НѢМЕЦКАГО РОМАНА.

Вальдфридъ, романъ Бертольда Ауэрбаха въ III томахъ, переводъ съ нѣмецкаго (въ рукописи). С.-Петербургъ, 1874 года.

I.

Ауэрбахъ писатель домашнихъ чувствъ и обыденныхъ мыслей— въ этомъ его сила и слабость. Онъ сдѣлался у насъ извѣстнымъ по своимъ „Деревенскимъ Разсказамъ“ и тутъ онъ, дѣйствительно, на своемъ мѣстѣ.

Когда Ауэрбахъ издавалъ свой народный календарь и писалъ свои народныя повѣсти, онъ не занимался политикой и не думалъ о крупныхъ вопросахъ. Онъ рисовалъ деревню, ея уютную, говорящую душѣ природу, ея простыхъ, непосредственныхъ, сердечныхъ людей—и ему было открыто сердце читателя.

Въ особенности удавались Ауэрбаху разсказы, въ которыхъ онъ рисуешь нѣмецкое благодушество, большею частію тупое и ограниченное, но въ то-же время проникнутое какой-то наивною и добродушною задумчивостью. Ауэрбахъ никогда не теряетъ мѣры. Онъ не переступаетъ границъ чувства и знаетъ, когда остановиться, чтобы не впасть въ сентиментализмъ. Хотя и нельзя сказать, чтобы въ его разсказахъ не было вовсе сахара, но у него сладость не переходитъ никогда въ слащавость и въ видѣ противовѣса онъ умѣлъ вводить кстаті простодушный, незлобивый юморъ, всегда искренній, и потому хорошо дѣйствующій на читателя. Однимъ словомъ, сила Ауэрбаха въ его задумчивости, сердечности, теплотѣ и гуманности.

Не знаемъ, родился-ли Ауэрбахъ въ деревнѣ или онъ только жилъ

долго среди деревенской обстановки, но онъ знаетъ ее, онъ носитъ ее въ своей душѣ, превосходно рисуетъ непосредственнаго деревенскаго человѣка. Вѣрная, мѣткая наблюдательность проглядываетъ въ каждомъ словѣ деревенскихъ разсказовъ. Ауэрбахъ пользуется своею наблюдательностью, какъ объективнымъ средствомъ, и, не прибѣгая ни къ какимъ авторскимъ разсужденіямъ — которые ему вообще не удаются — одними подробными описаніями, однимъ мѣткимъ вѣшнимъ даетъ прекрасный анализъ души и возводитъ въ сознаніе читателя сокровенныя, смутныя подробности психическихъ процессовъ дѣйствующихъ въ разсказахъ описываемыхъ лицъ.

Съ какой объективной подробностью и какъ вѣрно и хорошо умѣетъ говорить Ауэрбахъ о привязанности дѣтей къ родителямъ, о любви родителей къ дѣтямъ, о значеніи родительскаго благословенія! Говорить-ли Ауэрбахъ о чувствѣ привязанности или о ненависти — онъ всегда близокъ къ читателю своей гуманностью, своимъ умѣньемъ раскрыть простую душу и подъ наружной деревенской грязью, подъ угловатостью медвѣжьихъ мужицкихъ манеръ, подъ деревенскою ограниченностью показать живую, чувствующую, хорошую человѣческую душу. Конечно, у Ауэрбаха не обходится иногда и безъ идеализаціи, но въ то-же время онъ не скрываетъ отъ васъ ея источника, онъ объясняетъ, какъ въ темной душѣ простого человѣка создается стремленіе къ чему-то лучшему, необыденному, однимъ общеніемъ съ природой. „Восоножка“, паса своихъ гусей, уносила безпрестанно въ область грезъ и душа ея вольной птицей уходила въ безграничный эфиръ. Какъ жаворонки не хотятъ знать, гдѣ границы пашни того или другого крестьянина и уносятся за межевые столбы и за грани цѣлыхъ земель, такъ и душа Восоножки не знала преградъ тѣсной дѣйствительности. Когда совѣтъ одна она сидѣла съ своими гусями, для нея вся природа являлась чѣмъ-то живымъ, говорящимъ и въ то-же время чѣмъ-то мистическимъ. Вотъ кукуетъ кукушка, живое эхо лѣса разноситъ ея голосъ и въ то-же время отвѣчаетъ. „Сядь-ка на дерево да попробуй закричать, какъ она, тебя никто не услышитъ такъ далеко, какъ эту птицу, а она вся-то съ кулачекъ. Ну, а что, если это заколдованный принцъ и начнетъ говорить?..“ И фантазія Восоножки витаетъ богъ-знаетъ гдѣ и въ то-же время ея гуси тоже переступаютъ должныя гра-

ницы и расхаживаютъ по сосѣднему полю, засѣянному клеверомъ, или шиплютъ чужое просо и овесъ...

Ауэрбахъ расскажетъ вамъ не только какимъ образомъ въ простой крестьянской душѣ, всегда сосредоточенной, мечтательной и полной чудеснаго, зарождается идеализмъ, но онъ вамъ расскажетъ и исторію народнаго оптимизма, причиной котораго та-же природа, съ ея свѣтлымъ, голубымъ, безоблачнымъ небомъ, съ ея теплымъ солнцемъ, съ ея свѣжей зеленью, успокоивающей чувство. Деревенскій человѣкъ большею частію смотритъ на все съ хорошей стороны, онъ больше, чѣмъ кто-либо, извиняетъ и оправдываетъ, потому что онъ человѣкъ исключительнаго факта. Онъ мечтатель только тогда, когда его воображеніе уходитъ въ сказочный міръ; во всемъ-же, что касается дѣйствительной жизни, простой человѣкъ очень хорошо знаетъ границу между возможнымъ и невозможнымъ и вотъ почему онъ по-преимуществу консерваторъ.

Конечно, не безъ того, чтобы у Ауэрбаха и его деревенскихъ героевъ не являлась иногда и критика деревенскихъ порядковъ и деревенскаго общественнаго строя. Когда Дами воротился изъ Америки съ пустыми карманами, проѣздивъ туда понапрасну, то одинъ изъ деревенскихъ совѣтниковъ рѣшилъ, что такъ-какъ Дами разъ выписанъ изъ деревни, то ему уже нѣтъ въ ней мѣста и нельзя дозволить ему обременять собою общество. Андрея очень основательно возразила, что никого нельзя выгнать изъ мѣста, гдѣ похоронены его родители, что тамъ онъ больше, чѣмъ дома, „хотя-бы это тысячу и тысячу разъ было написано въ этихъ книгахъ,—она указала на переплетенные законы,—или еще гдѣ-нибудь; это все-таки пустяки и вы сдѣлать ничего не можете... Гдѣ-же его родина?“ — „Гдѣ его примутъ, отвѣчаютъ ей, — но только не здѣсь, а куда нигдѣ“. Конечно, подобная критика не отличается ни особенной смѣлостью, ни особенной силой аргументаціи, но мы и не думаемъ доказывать, что Ауэрбахъ великій критикъ.

Вообще Ауэрбахъ не принадлежитъ къ числу сильныхъ, страстныхъ и глубокихъ писателей. Вы не найдете у него трагическихъ положеній; онъ держитъ вѣчно читателей въ маленькомъ будничномъ мірочкѣ, съ его будничными, простыми и обыденными страданіями. Его герои не гении, не титаны, а простыя фотографическія копіи людей, населяющихъ шварцвальдскія деревни.

Онъ вамъ даетъ то сиротъ, которыхъ прокармливаетъ и держитъ крестьянскій міръ, то рисуется картина неудачъ деревенскаго каменщика, то отыскиваются страданія одинокой, покинутой матери, ожидающей двадцать лѣтъ своего сына, неизвѣстно гдѣ пропавшаго. Даже злодѣи Ауэрбаха не настоящіе злодѣи; это ограниченные и дурно воспитанные люди, дѣлающіе зло не отъ дурного сердца, а по глупости. Содержаніе разсказовъ Ауэрбаха всегда очень просто, можно даже сказать, что въ нихъ нѣтъ никакого содержанія. И достоинства ихъ заключаются не въ запутанности завязки, не въ трудныхъ неисходныхъ положеніяхъ, а въ психологическомъ объективномъ анализѣ, въ томъ, что васъ заставляютъ почувствовать, что и крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и вы.

Изъ разсказовъ Ауэрбаха вы видите, что крестьянскій нѣмецкій міръ—полный, законченный, сложившійся міръ,—міръ, сильный своимъ обычаемъ и болѣе крѣпкій укоренившейся привычкой, чѣмъ нравственностью и идеей, которой въ немъ вы и не ищите. „Счастливые времена и народы! восклицаетъ Ауэрбахъ,—гдѣ нравственность и обычай сливаются во-едино. Вся борьба нашей жизни имѣетъ одну цѣль—примирить ихъ противорѣчія и растворить нравственностью застывшую форму обычая“. Вотъ эти-то мелкія противорѣчія и служатъ обыкновеннымъ содержаніемъ разсказовъ Ауэрбаха и онъ пытается примирить ихъ своими нравственными сентенціями. Ауэрбахъ заставляетъ одинокую, заброшенную Босоножку видти замужъ за деревенскаго аристократа и показываетъ, что душа простой гусятницы не хуже, а, пожалуй,—даже лучше души деревенскихъ богачей. Не мѣсто человѣка красить, а человѣкъ мѣсто. Бирюкъ, при всей своей смѣшной угловатости, способенъ на самую безкорыстную и прочную привязанность, и никакія разстоянія, никакая счастливая внѣшняя обстановка не могутъ выкурить изъ его грубаго тѣла любви къ Марранелѣ. Ауэрбахъ клеймитъ владѣтельнаго крестьянина не за то, что онъ владѣтельный, а за то, что онъ потерялъ свою простую деревенскую душу и сталъ воображать себя чуть не барономъ среднихъ вѣговъ. Озлобленный пренебреженіемъ односельцевъ, владѣтельный крестьянинъ говоритъ: „Я такъ устрою, что у васъ не будетъ соломы даже подъ себя-то подложить. Если мнѣ придется даже идти по міру съ женой и дѣтьми и не останется у меня ни клочка земли и ни

гроша за душою, я не уступлю вамъ“. Ауэрбахъ рассказываетъ, какъ суетность и тщеславіе доводитъ простаго деревенскаго мужика до несчастія, и разрабатываетъ ту-же тему, какая у Островскаго въ его комедіи „Не въ свѣи*сани не садись“. Даже тѣ-же подробности. Баринъ обольстилъ дочь владѣтельнаго крестьянина, завладѣлъ ея деньгами и скрылся, а честный и простой крестьянинъ Вендель говоритъ несчастной дѣвушкѣ: „Не надо горевать, есть не мало порядочныхъ крестьянъ на свѣтѣ, хотя, они и не умѣютъ по-кошачьи спину гнуть... то, что я говорю, вѣрно такъ, какъ будто-бы священникъ сказалъ это въ проповѣди...“ И, зная положеніе Вэфеле, онъ предлагаетъ ей обвиняться и считать ея ребенка своимъ ребенкомъ. Его не только не пугаетъ то, что Вэфеле нищая, но онъ чувствуетъ, что его предложеніе не имѣло-бы никакой нравственной цѣны, если-бы у нея были деньги. Ауэрбахъ выражаетъ всегда самую теплую симпатію къ деревенскому міру и къ деликатности его простыхъ чувствъ.

Но вѣрный своей задачѣ, Ауэрбахъ постоянно морализируетъ, постоянно преподаетъ уроки нравственности. Его узкая мораль всегда въ старо-нѣмецкомъ духѣ и не отличается ни особенной находчивостью, ни новизной. Пользуясь случаемъ, Ауэрбахъ не пропуститъ замѣтить кстати, что жена должна слушаться своего мужа, и выставитъ въ выгодномъ свѣтѣ Монн, которая никогда не ходила впереди своего Брозн. Въ счастливомъ супружествѣ жена всегда уступаетъ мужу. Ауэрбахъ любитъ выставитъ въ выгодномъ свѣтѣ добрые старыя обычаи, когда всякое воскресенье, послѣ ужина, супруги, жившіе въ ладахъ, ходили вмѣстѣ въ трактиръ. „Тогда было не такъ, какъ теперь, замѣчаетъ онъ, — когда мужъ попиваетъ одинъ хорошее вино и оставляетъ жену дома съ горечью въ сердцѣ“. У него дѣти воспитываются всегда въ покорности къ родителямъ; несправедливость у него всегда наказана, тщеславіе и заносчивость всегда страдаютъ отъ людскаго презрѣнія; онъ умѣетъ даже оправдать и предрасудки, если ими поддерживается вѣками освященный обычай. Но за то онъ не пропуститъ случая указать на дурную привычку и расскажетъ цѣлую повѣсть въ доказательство того, что съ твердой волей и при любви отъ всего можно отвѣкнуть. Конечно, мораль Ауэрбаха очень слаба и если она не портитъ общаго тона его рассказовъ, то только потому, что самъ

Ауэрбахъ никогда не ставитъ себя выше того міра, внутреннія судьбы котораго онъ описываетъ. Задавшись своей не особенно широкой тенденціей, Ауэрбахъ не выходитъ изъ узенькихъ границъ, которыя онъ себѣ отмежевалъ, и пользуется своими небольшими умственными средствами съ осторожностью истинно-народнаго писателя, понимающаго, что съ простымъ деревенскимъ читателемъ можно говорить только просто и понятно, не растревоживая его обиденныхъ мыслей недоступными для него идеями и не пытаясь шевелить въ его душѣ чувства, которыхъ въ ней нѣтъ. Скромность—главное достоинство повѣстей и деревенскихъ разсказовъ. Ауэрбахъ силенъ въ нихъ только тѣмъ, что онъ не заявляетъ никакихъ заносчивыхъ претензій и не пытается брать дальше своихъ силъ, но за то Ауэрбахъ и не идетъ дальше деревенскаго разсказчика и не въ состояніи подмѣтить въ деревенской душѣ ничего кромѣ стараго хорошаго обычая и старыхъ хорошихъ нравовъ, при которыхъ нѣмецкому мужику жилось лучше и счастливѣе, чѣмъ нынче, когда приходится „растворять нравственностью застывшую форму обычая“. Конечно, Ауэрбаху „растворить обычай“ не удалось, и, при всей поучительности его нравственныхъ выводовъ, мы не думаемъ, чтобы онъ водворилъ въ жизни новаго нѣмецкаго крестьянина невозвратную патриархальную простоту.

II.

Пока Ауэрбахъ сидѣлъ въ своей нѣмецкой деревнѣ и рисовалъ міръ маленькихъ чувствъ, онъ имѣлъ интересъ и его можно было читать; но когда ему пришла злополучная мысль отправиться въ область идей и политическихъ событій, то его маленькая фигурка исчезла немедленно въ безграничномъ историческомъ пространствѣ.

Ауэрбахъ принадлежитъ къ числу такихъ писателей, которые могутъ идти только за другими. У него нѣтъ своихъ идей и убѣжденій, своего точно-опредѣленнаго и продуманнаго міросозерцанія; всѣмъ этимъ онъ пользуется изъ чужихъ рукъ и часто пользуется неудачно. Маленькій задушевный талантикъ Ауэрбаха дѣлаетъ изъ него писателя преимущественно для домашняго очага, писателя семейнаго, консервативнаго, пригоднаго для небольшихъ разсказовъ и повѣстей нравственнаго содержанія, которые читаются

вечеркомъ въ семейномъ патриархальномъ кружкѣ, на сонъ грядущій.

Мы не совсѣмъ понимаемъ, почему Ауэрбаху посчастливилось у насъ до того, что его романы переводятся „съ рукописи“. Такъ было съ его „Дачей на Рейнѣ“ и съ „Вальдфридомъ“. Ауэрбахъ слишкомъ второстепенный писатель, чтобы его можно было удостоивать подобной чести. Намъ-бы хотѣлось думать, что, написавъ Вальдфрида ему уже не удастся болѣе эксплуатировать нашу русскую простоватость и готовность видѣть талантъ и гонимъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ.

Время народнаго эпоса для Европы миновало безвозвратно. Въ половинѣ XIX вѣка для него уже нѣтъ матеріала ни въ народномъ настроеніи, ни въ новыхъ историческихъ событіяхъ, если они остаются въ старыхъ рамкахъ. Но если-бы Ауэрбахъ и не задавался такой широкой претензіей, — для которой, впрочемъ, у него нѣтъ и оснований, — ему все-таки было-бы невозможно создать изъ послѣднихъ германскихъ событій эпосъ даже въ смыслѣ семейной хроники. Ни въ столкновеніи Пруссіи съ Австріей, ни въ войнѣ Германіи съ Франціей не было того высшаго стихійнаго, общенароднаго момента, который такъ выдается, напримѣръ, хоть-бы въ нашей отечественной войнѣ. Моментъ этотъ могъ существовать во Франціи, онъ выразился вполне у насъ въ двѣнадцатомъ году; но какой-же матеріалъ для эпоса и для стихійности, когда Германія, выславъ во Францію свою армію, сама лично не принимала ни въ чемъ участія и, сидя мирно дома, кипятилась только издали? Конечно, бывали и военныя нашествія съ стихійнымъ элементомъ, когда народы, сдвинутые съ своихъ мѣстъ, разливались по міру воинственными полчищами, точно воды, вышедшія изъ береговъ; такъ было во времена Атилы, такъ было во времена нашествія монголовъ. Но развѣ Германія явилась такимъ-же вышедшимъ изъ береговъ океаномъ? Ея война была войной не народной, а политической, обдуманной въ кабинетѣ, подготовленной заранее, созрѣвшей втихомолку. Въ этомъ отсутствіи общечеловѣческаго момента — та причина, что „Вальдфридъ“ очень скученъ для русскаго читателя. Конечно, и въ смыслѣ семейной хроники „Вальдфридъ“ могъ-бы быть инымъ, если-бы Ауэрбахъ далъ что-нибудь по-шире, чѣмъ картину чувствъ и понятій средняго нѣмецкаго бюргерскаго кружка. Русскому читателю этотъ міръ совершенно

понятенъ. Мы не можемъ переживать вмѣстѣ съ героями Ауэрбаха ни ихъ нѣмецкихъ желаній, ни ихъ нѣмецкихъ стремленій, ни ихъ нѣмецкихъ радостей, ни ихъ нѣмецкихъ огорченій. Мы можемъ смотрѣть на Вальдфридовъ только издали, мы можемъ ихъ понимать, но не чувствовать, потому что чувства, ихъ одушевляющія, чувства, во-первыхъ, нехорошія, а во-вторыхъ — чувства исто-нѣмцевія.

У Ауэрбаха не достало таланта сдѣлать своихъ героевъ даже живыми людьми. Произошло-ли это оттого, что самъ Ауэрбахъ не проникся тѣми патриотическими чувствами, которыя онъ хотѣлъ нарисовать въ грандіозной картинѣ, или оттого, что онъ избралъ неудачную форму хроники, и именно семейной, съузивъ, такимъ образомъ, картину общегерманскихъ событій до рамокъ простого семейнаго происшествія? Конечно, и отъ того, и отъ другого. Если формой хроники Ауэрбахъ тѣснѣе связываетъ общій историческій фактъ съ семьей, за то, съ другой стороны, отнимаетъ отъ исто-рии всю ея грандіозность и зажимаетъ мысль русскаго читателя въ интересы нѣмецкой бюргерской семьи, въ которыхъ ему очень тѣсно. Можетъ быть, для нѣмцевъ форма хроники доступна, но для русскихъ эта форма слишкомъ суха и безжизненна, слишкомъ канцелярски-однообразна и монотонна. Впрочемъ, мы слышали, что и въ Германіи „Вальдфридъ“ читается вло.

Мы не станемъ вдаваться въ подробности разбора, потому что если скученъ самъ романъ, то еще скучнѣе разговоры о немъ. Но мы думаемъ, что для русскаго читателя могутъ представлять общій интересъ тѣ уѣздныя бюргерскія понятія, проводникомъ которыхъ является Ауэрбахъ.

III.

Дѣйствительный герой романа не отецъ Вальдфридъ, пишущій свою семейную хронику, а сынъ его Эрнстъ. Отецъ — представитель поваго общегерманскаго стремленія къ единству, руководящей силой котораго явилась Пруссія. Эрнстъ-же — несформировавшійся политическій дѣятель, по поводу котораго старикъ Вальдфридъ замѣчаетъ, что онъ не знаетъ, „когда наступаетъ настоящій моментъ пробуждать въ ребенкѣ участіе къ политическимъ интересамъ, но онъ знаетъ, что безусловно вредно, если это участіе

имѣть исключительно оппозиціонный характеръ—отъ этого происходитъ только безвѣріе“.

Эрнстъ отличался неустойчивостью, какими-то странными увлеченіями будущимъ, какой-то непосѣдливостью мысли и въ то-же время рѣзкимъ и презрительнымъ отношеніемъ ко всему, что составляло чистые идеалы стариковъ-отцовъ. Эрнстъ находилъ, что все нужно подвергать вопросу и анализу, и ради этого анализа не только не щадилъ общественныхъ отношеній, но даже отваживался разбирать отношенія дѣтей къ родителямъ, и сказалъ однажды своему отцу такое злое слово: „Новый міръ не признаетъ пятой заповѣди, но у меня есть разумныя основанія уважать тебя съ матерью, отецъ;—я вамъ особенно благодаренъ за то, что у меня здоровое тѣло“.

Хотя отецъ и утѣшаетъ себя мыслью, что дѣти всегда должны относиться къ жизни иначе, чѣмъ родители, а идеалы тоже подвержены измѣненію, но тѣмъ не менѣе его глубоко огорчаетъ, что желаніе воспитывать въ дѣтяхъ политическихъ дѣятелей выразилось такъ неудачно въ сынѣ Эрнствѣ. Боги, которыми молился его отецъ, для сына не имѣютъ никакого значенія. „Можетъ быть, и я стану иной, когда буду такой старый, какъ ты“, говорить Эрнстъ отцу.

Когда готовилась война Пруссіи съ Австріей, Эрнстъ говорилъ, что это война между нѣмцами и нѣмцами. „Неужели ты меня растилъ, говорить онъ отцу,—неужели ты самъ стоишь въ жизни за то, чтобы твой сынъ палъ или побѣдилъ въ братской войнѣ? То и другое одинаково постыдно. Лучше я сдѣлаю, я не знаю что...“ Говоря съ крестьянами по поводу той-же войны, Эрнстъ нигъ сказалъ: „Ахъ вы, дурачье! дурачье вы, кругомъ дурачье, что слушаетесь этихъ приказовъ; вы идете на войну, сами не зная изъ-за чего. Если вы не захотите—войны не будетъ“.

И вотъ объ этомъ-то неудачномъ сынѣ сообщаютъ разъ Вальдфриду, что онъ дезертировалъ. „О, мой сынъ, мой бѣдный сынъ! восклицаетъ огорченная мать,—бездомный странникъ, отторгнутый отъ насъ и одиноко брошенный въ міръ по собственной винѣ.... Ахъ, какъ легче погубить человѣка, чѣмъ спасти его! Кто въ состояніи оправдать передъ лицомъ Божиимъ настоящую войну, тотъ да обратитъ мечъ противъ моего сына“. Но въ этихъ словахъ не оправданіе, а обвиненіе. Въ дезертиствѣ сына мать ви-

дять не только политическій, но даже семейный вопросъ. Эрнстъ измѣнникъ, самый презрѣнный измѣнникъ; его дезертирство—измѣна родителямъ, братьямъ, сестрамъ и даже своей невѣстѣ. Если семья есть зародышъ политическихъ идей, если всѣ члены ея за одно съ Пруссіей противъ Австріи, то сынъ, поступающій иначе, конечно, измѣнникъ родительскому дому.

Въ отвлеченномъ смыслѣ, Ауэрбахъ, поставившій вопросъ такимъ образомъ, конечно, правъ. Старикъ Вальдфридъ можетъ обвинять себя въ томъ, что не сформировалъ въ сынѣ такихъ-же, какъ у него, возрѣній; но, съ другой стороны, если Эрнстъ, подъ влияніемъ новой, охватившей Германію идеи, вышелъ инымъ, то Ауэрбаху слѣдовало доказывать ошибки поведенія Эрнста нѣсколько иначе и болѣе убѣдительно. Какъ бытописатель нѣмецкой патриархальной семьи, Ауэрбахъ усматриваетъ вину Эрнста въ семейной непочтительности, не приводя затѣмъ никакихъ другихъ доказательствъ ошибочности сужденій Эрнста, ни возможности раскола въ нѣмецкой семьѣ, ни доказательствъ безошибочности Вальдфрида-отца. И въ этомъ основная ошибка Ауэрбаха, смѣшавшаго государство съ семьей.

Мы думаемъ, что Ауэрбахъ былъ-бы и гуманнѣе, и правдивѣе, если-бы былъ въ состояніи взглянуть на Эрнста болѣе объективно, а не съ узко-буржуазной точки зрѣнія. Въ своемъ прощальномъ письмѣ къ родителямъ Эрнстъ пишетъ: „Если-бы многіе, если-бы тысячи людей сдѣлали то-же, что я, нашъ поступокъ получилъ-бы названіе подвига... Я не могу убивать своихъ соотечественниковъ, равно какъ и не хочу быть ими убитъ“. И это говорится Эрнстомъ искренно и съ полнымъ убѣжденіемъ. Онъ думаетъ убѣдить въ своемъ гуманномъ чувствѣ и отца, но отецъ разсуждаетъ иначе, отецъ расходится съ сыномъ изъ-за какихъ-то высшихъ политическихъ соображеній. Но гдѣ они, эти соображенія?—Авторъ не даетъ ихъ даже чувствовать читателю. И Ауэрбахъ, дѣлая изъ Эрнста врага родины, заставляетъ его бѣжать къ французамъ, вступить во французское войско и затѣмъ, когда открылась война между Германіей и Франціей, ставить его между двухъ огней. Эрнстъ снова перебѣгаетъ къ нѣмцамъ и въ одномъ сраженіи его убиваетъ осколокъ лопнувшей бомбы. Ауэрбахъ сообщаетъ письмо Эрнста, которое тотъ писалъ къ своимъ родителямъ передъ тѣмъ, какъ убѣжалъ изъ французской службы. Пись-

мо это наполнено знаками восклицанія и какой-то странной скорбью, которую даже трудно понять. „Какъ передать словами, что я передумалъ и перечувствовалъ, пишетъ Эрнстъ.—На переходахъ, томимому жаждою, какъ мнѣ, хотѣлось хоть каплю воды изъ источника матери... Я пишу со слезами, но онѣ не смють прошедшаго, не вернуть пропавшей жизни... Я только хотѣлъ, чтобы вы знали, что вся моя душа съ вами. Теперь, въ эту самую минуту, мнѣ кажется, точно ваши руки на моей головѣ... Благодарю васъ много тысячъ разъ за всю любовь, за всю доброту ко мнѣ, недостойному...“.

Мы не отрицаемъ драматизма въ положеніи Эрнста, въ томъ видѣ, какъ ставить этотъ вопросъ Ауэрбахъ. Быть измѣнникомъ отечества, конечно, страшно, и исторія сохранила примѣры подобныхъ драматическихъ положеній. Но развѣ Эрнстъ—жертва измѣнны?—онъ только жертва нѣмецкаго разлада. Онъ—сынъ южной Германіи—чувствуетъ свое отечество нѣсколько шире, чѣмъ чувствуетъ его Ауэрбахъ, и не отождествляетъ Германіи съ Пруссіей. Если-бы Ауэрбахъ не сдѣлалъ Эрнста измѣнникомъ въ семьѣ, въ его поведеніи не оказалось-бы никакой политической измѣны. Едва-ли Ауэрбаху удалось убѣдить кого-нибудь, что не идти войной на Австрію—еще не значить измѣнить Германіи. Будь Эрнстъ даже пруссакомъ, и тутъ его несогласіе съ прусскими убѣжденіями не наложило-бы на него позорнаго клейма. Въ чемъ-же преступность южнаго нѣнца, если онъ отдаетъ предпочтеніе Германіи подъ главенствомъ Австріи, а не Пруссіи? Понятно, что Ауэрбаху пришлось отыскивать драматизмъ положенія въ несогласіи сына съ родителями, свести патриотизмъ и національное чувство къ чувству семейственности и дѣтской любви и построить оправданіе такому добродушному взгляду на политическія отношенія на притчѣ о блудномъ сынѣ, которую Ауэрбахъ и рассказываетъ цѣликомъ. Мы думаемъ, что Эрнстъ безъ особенныхъ угрызений совѣсти могъ поступить передъ австрійской войной во французскую армію и сражаться въ Алжирѣ; а потомъ, когда началась война между Германіей и Франціей, точно также спокойно оставить французскіе ряды и поступить въ нѣмецкую армію. Но Ауэрбахъ не хочетъ разрѣшать этого простого вопроса такимъ простымъ способомъ. Задавшись своей бюргерской тенденціей, онъ объявляетъ измѣнникомъ не только всякаго, кто не

хотѣлъ идти съ пруссаками на австрійцевъ, но еще превращаетъ ихъ въ неустановившихся юношей, въ непочтительныхъ дѣтей, горько раскаявающихся въ своемъ поведеніи только тогда, когда не остается ничего, кромѣ позора и смерти. И зачѣмъ Ауэрбахъ заставилъ лопнувшую бомбу убить Эрнста? Эрнстъ былъ пылкій, честный юноша и храбрый солдатъ. Если вся его вина въ несогласіи съ бюргерскими убѣжденіями отца; если онъ, наконецъ, призналъ свою ошибку и вступилъ въ нѣмецкую армію, что стоило Ауэрбаху, въ награду за это исправленіе, произвести его въ генералы германской арміи? Но нѣтъ, всегда добрый и благодушный Ауэрбахъ оказался на этотъ разъ кровожаднымъ и убилъ Эрнста, да еще какъ — бомбой изъ мортиры!.. Но доказалъ-ли Ауэрбахъ, кто смотрѣлъ на дѣло правильнѣе — отецъ или сынъ? Впрочемъ, не думайте, что Ауэрбахъ обошелъ этотъ вопросъ.

IV.

По мнѣнію Вальдфрида, Германія безъ Пруссіи не достигла бы ничего. Въ 1848 году, въ то время, какъ, по словамъ Гейне, и по ту сторону Рейна пѣнилось нѣмецкое пиво, въ Германіи царило непримиримое раздѣленіе сословій. Эта внутренняя рознь, это вѣчное осадное положеніе, какъ результатъ исторической разъединенности Германіи, разбившейся на микроскопическіе кусочки, разъединенности въ ея отдѣльныхъ частяхъ и въ каждой части въ особенности, чувствовались самими нѣмцами и связывали ихъ свободныя взаимныя отношенія. Эта рознь замѣчалась повсюду: горожанинъ не соглашался съ крестьяниномъ, богатый съ бѣднымъ, дворянинъ съ разночинцемъ. Политическіе честолюбцы стремились къ власти, а политическіе пройдохи мутили воду, чтобы ловить въ ней рыбу или играть видную и выгодную роль. По словамъ Ауэрбаха, вся эта кутерьма была ничѣмъ инымъ, какъ измѣненіемъ погоды, способствовавшей къ созрѣванію жатвы. Жатва наступила нынче. Теперь между носящими статское и военное платьѣ перегородка исчезла, и король, стоявшій тогда только во главѣ солдатъ, сталъ во главѣ народа. Тогда говорились только рѣчи и всѣ хотѣли, чтобы ихъ убѣждали рѣчами, но развѣ говорунуновъ можно убѣждать словами? „Ихъ могутъ убѣдить только жестокіе и

сильные удары“, говоритъ одинъ изъ героевъ Ауэрбаха. И вотъ Вальдфриду-отцу подумалось, что суровая исторія многое теряетъ изъ виду, о многомъ умалчиваетъ. Она свозитъ жатву подъ кровлю и записываетъ въ книгу приходъ, но считаетъ пустяками справляться, при какихъ переменахъ погоды созрѣла жатва. Люди, которыхъ можно убѣждать только сильными и жестокими ударами, не хотѣли войны 66-го года; даже пруссаки не хотѣли войны; ея не хотѣли ни консерваторы, ни либералы, а въ солдатахъ рѣшительно не было подъема духа. „Но необходимость воплотилась въ головѣ одного государственнаго человѣка и операція совершилась“, говоритъ Ауэрбахъ.

Конечно, масса была не въ состояніи понять высшихъ соображеній Пруссіи, но въ то-же время умы были возбуждены, Функъ страшно суетился и возвѣщалъ приближеніе минуты, когда Германія превратится въ свободную союзную страну, какова сосѣдняя съ нею Швейцарія. По словамъ Ауэрбаха, люди проникательные, какъ Вальдфридъ-отецъ, очень хорошо понимали, что можетъ случиться съ Германіей, въ случаѣ паденія Пруссіи. Германію ожидала участь завоеванной страны. И тѣмъ не менѣе за это боролись многіе—и сынъ Вальдфрида, и его зять, и его внукъ Мартинъ.

Поставивъ весь вопросъ единства Германіи въ зависимость отъ Пруссіи, Вальдфридъ высказываетъ горькія истины своему великому герцогу. Его рѣчь есть панегирикъ Пруссіи и проклетіе Австріи и Метерниху, неумѣвшимъ понять идеи германскаго единства. „Ваше высочество, говоритъ Вальдфридъ,—я живу на границѣ. Произволъ вѣнскаго конгресса такъ раскрошилъ насъ, что мы должны соль для нашего хлѣба доставать изъ-за границы. У меня есть за границей и поля и лѣса, и изъ-за этого происходили тысячи неприятностей и затрудненій. Даже сохраненіе лѣсовъ—жизненное условіе нашего края, не можетъ быть соблюдено, вслѣдствіе различныхъ придирокъ закона, а иногда произвола. На прошлой недѣлѣ у насъ былъ градъ и обчистилъ наши поля, не обращая вниманія на пограничные столбы...“

Исторія политическаго страданія Вальдфрида чуть-ли не лучшее и наиболѣе политическое мѣсто романа. Въ 20-хъ годахъ Вальдфрида сильно преслѣдовали за такъ-называемое демагогическое направленіе. Онъ былъ приговоренъ къ десятилѣтнему тю-

решному заключенію. Черезъ пять лѣтъ его помиловали и затѣмъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами по заключенію, избрали въ палату депутатовъ. Коронные юристы и слышать не хотѣли о возвращеніи помилованнымъ всѣхъ гражданскихъ правъ, а палата депутатовъ, утвердившая выборы, была распущена по приказанію Метерниха. Вальдфридъ, не стѣсняясь, высказываетъ герцогу даже и не симпатію, а пламенную приверженность къ Пруссіи. Пруссія, по его словамъ, основной столбъ германскаго зданія. Столбъ этотъ некрасивъ, но твердъ. Пруссія спасла Германію отъ Наполеона и теперь должна получить за это награду.

Конечно, съ Вальдфридомъ можно и не согласиться. Если Австрія и Метернихъ не понимали идеи германскаго единства, то было время, когда и Пруссія ея не понимала. Что-же касается награды Пруссіи за избавленіе отъ Наполеона I, то приверженность Вальдфрида заставляетъ его нѣсколько преувеличивать и даже искажать факты. У Ауэрбаха есть вводныя лица, которыя хотя проходятъ и незамѣтно, но тѣмъ не менѣе выдаютъ ясный свѣтъ на Вальдфрида. Онъ — не больше, какъ засохшій энтузіастъ. И, можетъ-быть, Эрнстъ былъ не совсѣмъ неправъ, когда сказалъ, что когда онъ будетъ старый, то и онъ будетъ иной. Вальдфридъ выросъ на идеѣ германскаго единства, много выстрадалъ за нее, и такъ и засохъ на ней. Относительно средствъ онъ не былъ разборчивъ. Но не всѣ изъ его товарищей юности и заключенія остановились на первомъ взводѣ. Одинъ изъ нихъ, котораго они прозвали Катонъ, пошелъ дальше и явился представителемъ социальныхъ народныхъ интересовъ. Въ то время, какъ Барибаль, единомышленникъ Вальдфрида, кричалъ громко: „Что Бисмаркъ! если-бы даже самъ чортъ взялся доставить единство, я-бы и за нимъ пошелъ!“ — такъ-же думалъ и Вальдфридъ. Но Катонъ боялся, что война усилитъ внутреннее разьединеніе, не дастъ Германіи той свободы и силы, которыя ей особенно нужны. Катонъ былъ убѣжденъ, что война кромѣ раззоренія и нищеты ничего не принесетъ народу, который и безъ того бѣдствуетъ. Онъ не вѣрилъ въ это единство, которое пріобрѣтетъ Германія черезъ Пруссію, считалъ его механическимъ и пояснялъ Вальдфриду, что органическое единство Германія пріобрѣтеть только тогда, когда его внутреннимъ содержаніемъ сдѣлается общее благоденствіе Германіи, котораго отъ Пруссіи ожидать нельзя.

Конечно, всё эти вводныя лица составляютъ на-столько ничтожное меньшинство, что не могутъ повліять ни на измѣненіе стремленій Вальдфрида, ни на характеръ его семейной хроники. Вамъ очень часто будетъ являться вопросъ: почему-же это такъ, а не иначе; въ чемъ тутъ логическая необходимость; почему Бисмаркъ, а не Бейстъ; на-сколько играетъ роль элементъ случайнаго, и если явился случай, что въ немъ рокового и неизбѣжнаго? Но ни Вальдфридъ, ни Ауэрбахъ не задаются такими головоломными вопросами. Ауэрбаху нужно показать, что для восстановления германскаго единства Пруссія призвана самою судьбой, что никто другой, кромѣ ея, не годился-бы для этого дѣла, что она явилась исполнителемъ народной воли; а что это была воля народная, что это было желаніе лучшихъ людей, — доказательствомъ этого служить семейная хроника Вальдфрида, написанная Ауэрбахомъ.

Безъ сомнѣнія, у Пруссіи были и противники, но на чемъ-же держалась ихъ непріязнь? Вотъ хотя-бы Шмальцъ, котораго называютъ швейцарцемъ, потому-что онъ часто повторялъ: „Я не вижу, чѣмъ мы хуже нашихъ сосѣдей швейцарцевъ“. Шмальцъ ненавидѣлъ пруссаковъ, во-первыхъ, и, главное, потому, что нужно ненавидѣть пруссаковъ, далѣе—потому, что они на-столько безсовѣстны, что говорятъ на верхнежъ германскомъ нарѣчій, и, наконецъ, потому, что въ высшихъ сферахъ южной Германіи любилъ слушать, какъ ругаютъ пруссаковъ. Въ другомъ мѣстѣ, о женѣ барона Арвена, Вальдфридъ замѣчаетъ, что Арвенъ никогда не воображалъ, чтобы у его жены были политическія воззрѣнія, „потому что бранить пруссаковъ—не есть еще политическое воззрѣніе“. Осмѣявъ, такимъ образомъ, неосновательность нападокъ на Пруссію, Ауэрбахъ даетъ типъ германскаго сѣверянина.

Типъ желѣзныхъ людей Пруссіи Ауэрбахъ рисуеъ въ лицѣ оставнаго солдата Виллема. Людвигъ, одинъ изъ сыновей Вальдфрида, говоритъ, что Виллемъ образецъ сѣверо-германской дисциплины и благонадежности. Когда Людвигъ узналъ Виллема, онъ бѣдствовалъ, хоть не гнушался никакой работой. Людвигъ взялъ его въ услуженіе, и все, что ему ни поручали, Виллемъ исполнялъ съ безукоризненной аккуратностью. Однажды вечеромъ Людвигъ взялъ его съ собою и сказалъ ему передъ ратушей, въ которой у него были дѣла:

„Виллемъ, подожди меня здѣсь“. Людви́гъ, заговорившись въ ратушѣ, забылъ о Виллемѣ и вышелъ черезъ другіе ворота. На слѣдующее утро Людви́гъ опять идетъ въ ратушу—у воротъ стоитъ Виллемъ.—Что ты тутъ дѣлаешь? спрашиваетъ Людви́гъ.—Жду, отвѣтилъ Виллемъ. Онъ прождалъ всю ночь и, вѣроятно, прождалъ-бы весь день, если-бы, какъ увѣряетъ Ауэрбахъ, Людви́гъ случайно не пришелъ. Съ тѣхъ поръ Виллема прозвали: „Жду“. Виллемъ былъ такъ-же скупъ на слова, какъ другой солдатъ, но изъ южныхъ германцевъ, Ротфусъ, оказывался щедръ на нихъ. И забавно было видѣть ихъ вмѣстѣ. Каждый изъ нихъ считалъ себя выше и какъ-бы оказывалъ милость другому. Ротфусъ сыпалъ милостивыми словами, *Жду*—благосклонными взглядами. Онъ смотрѣлъ на Ротфуса, какъ на стараго ребенка, а Ротфусъ на него, какъ на бѣднаго, темнаго человѣка, ненаучившагося говорить толкомъ. Ротфусъ не хотѣлъ вѣрить, что Виллемъ выселился въ Америку, откуда его привезъ Людви́гъ, только потому, что не могъ больше выносить нѣмецкаго народа. Онъ зналъ, что у Виллема не было ни малѣйшаго политическаго понятія. О государствѣ онъ зналъ только то, что нужно быть солдатомъ и платить подати. Когда онъ увидѣлъ у Вальдфрида двухъ работниковъ, небывшихъ солдатами, онъ спросилъ, какіе у нихъ тѣлесные изъяны, и никакъ не могъ понять, что у южныхъ германцевъ допущенъ выкупъ. Разъ, въ одной ссорѣ съ Карломъ, сыномъ Пряхи, когда Мартелла закричала: „не давайся въ обиду пруссаку“, и Карлъ бросился на Виллема, тотъ ухватилъ его обѣими руками и сдвинулъ такъ крѣпко, точно его руки были желѣзные клещи. Даже баронъ Арвенъ, чистокровный южный германецъ и ненавистникъ Пруссіи, пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что южные нѣмцы слишкомъ мягки и податливы и что солонный морской воздухъ, вѣющій на сѣверную Германію съ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, былъ-бы весьма для нихъ полезенъ. У Арвена сорвалась даже фраза, что самоуваженіе пруссаковъ, можетъ быть, результатъ протестантства. Въ этихъ похвалахъ Ауэрбахъ, конечно, преувеличиваетъ свой патріотизмъ, а желѣзную стойкость *Жду* доводитъ не только до комизма, но, превращая его въ одно послушное, неразсуждающее орудіе, онъ вовсе не оказываетъ и особенной чести пруссакамъ; но такъ-какъ Ауэрбаху нужно во что-бы то ни стало сдѣлать пруссаковъ единственно

способными зодчими нѣмецкаго единства, то онъ и хвалитъ ихъ, забывая нерѣдко чувство нѣры.

V.

Кромѣ апофеоза Пруссіи Ауэрбахъ хочетъ дать Германіи еще и руководящій идеалъ. Этимъ идеаломъ для него созное государство, какииъ создала его сѣверная Америка. Конечно, идеалъ этотъ придуманъ не Ауэрбахомъ, но онъ его популяризируетъ. Ауэрбахъ не скрываетъ отъ нѣмцевъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, полныхъ величія, достойнаго удивленія, и представляющихъ своимъ членамъ полный просторъ и безусловную свободу, не достааетъ только одного—нѣмецкой души. Нѣмцу Америка издали кажется гораздо лучше, чѣмъ она есть въ дѣйствительности. И только переселившись въ Новый Свѣтъ, нѣмецъ чувствуетъ, что онъ долженъ отказаться отъ множества идеальныхъ удовлетвореній, которыми наслаждался въ своей дорогой родинѣ безсознательно. Слѣдовательно, нѣмцу, сохранивъ свою нѣмецкую душу, нужно усвоить только внѣшнія политическія формы Америки. Но даже и на этомъ пути нѣмцамъ предстоитъ еще много работы, и вотъ почему Людвигъ Вальдфридъ говорить, что онъ хотѣлъ-бы остаться гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ. Людвигъ любитъ и свое нѣмецкое отечество, и любитъ также Новый Свѣтъ. Людвигъ огорчаетъ только одно, что американцы, приобретающіе столько денегъ и способные такъ много сдѣлать для человѣчества и для осуществленія его стремленій къ идеалу, въ дѣйствительности не умѣютъ воздвигать никакихъ другихъ зданій, кромѣ церквей. „Я, сказалъ Людвигъ,—за одно съ друзьями, намѣренъ въ ознаменованіе столѣтней годовщины американской республики основать въ Америкѣ нѣмецкій университетъ, который имѣлъ-бы значеніе высшей международной школы, гдѣ юноши могли-бы получать самое широкое духовное развитіе. Я считаю излишнимъ говорить вамъ о томъ, какое важное значеніе это можетъ имѣть для Стараго и для Новаго Свѣта. Наши нѣмецкіе студенты, пробывъ годъ въ американскихъ Афинахъ, приобрѣли-бы тамъ доселѣ невѣдомую имъ широту взглядовъ. Передъ ними внезапно открылся-бы новый міръ

и этикъ самымъ было-бы положено такое общеніе духа между двумя народами, которое, какъ электрической токъ, охватило-бы весь Старый и Новый Свѣтъ“. Эту рѣчь или, лучше сказать, эти мысли Людвигъ высказалъ на послѣднемъ семейномъ собраніи Вальдфридовъ, когда кончилась война съ Франціей и когда каждый, упоенный восторгомъ, нѣмецъ спѣшилъ съ своей программой нѣмецкаго преуспѣянія и мірноваго главенства. Рихардъ, протянувъ Людвигу руку, поздравилъ его съ счастливой мыслью и затѣмъ воскликнулъ: „Этого слѣдовало ожидать. Германія прежде всего предстояло сплотиться воедино, а затѣмъ она станетъ повсюду разливать свѣтъ и истину. Древніе во всѣхъ своихъ походахъ носили съ собою мраморныхъ и глиняныхъ боговъ; мы станемъ населять міръ высшими идеями божества“... и затѣмъ кончается романъ.

VI.

„Вальдфрида“ нельзя разбирать какъ художественное произведение ужь только потому, что онъ написанъ съ извѣстной тенденціей, съ исключительною цѣлью популяризировать Пруссію и тѣ планы, къ осуществленію которыхъ стремится Бисмаркъ. Тотъ Ауэрбахъ, котораго мы знали въ его повѣстяхъ и деревенскихъ разсказахъ, въ „Вальдфридѣ“ и невозможенъ. Конечно, онъ и тутъ могъ-бы быть художественнѣе, могъ-бы дать болѣе живыхъ людей, — людей, одушевленныхъ страстью и починомъ, но въ такомъ случаѣ они не были-бы Вальдфридами и Жду. Тѣ мысли, которыя жаждетъ провести Ауэрбахъ, могли быть выражены людьми второго сорта, простыми слѣпными исполнителями чужой воли, машинообразно повинующимися ихъ ведущей рукѣ. Передъ читателемъ является энергія одной исполнительности, съ полнымъ отсутствіемъ драмы и борьбы, возможной лишь въ иномъ положеніи. Если-бы Ауэрбахъ былъ въ состояніи быть болѣе художественнымъ и глубокимъ, думать больше вертикально, чѣмъ горизонтально, онъ-бы и тутъ, задавшись своей узенькой тенденціозностью, былъ-бы не въ состояніи создать что-нибудь лучшее. Но, кромѣ внутренняго безсилія, Ауэрбахъ связалъ себѣ руки самымъ замысловатымъ и планомъ псевдо-патріотическаго романа.

Художественная сторона хроники и не была главной задачей автора. Самое важное въ послѣднемъ произведеніи Ауэрбаха то, что даже онъ, деревенскій рассказчикъ, сдѣлался политикомъ, и, увлекшись общимъ нѣмецкимъ теченіемъ, сталъ писать политическій романъ. Въ этомъ мы видимъ рѣзкій поворотъ въ нѣмецкой мысли. Прежде она была по-преимуществу домашней, семейной, теперь же, вызванная къ жизни французской войной, она стала политической.

И. Радюкинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Басни и сказки дикихъ народовъ. Перев. съ англійскаго. Спб., 1874 г.

Современная антропология изучаетъ съ большимъ успѣхомъ матеріальную культуру первобытнаго человѣчества. Въ настоящее время мы легко можемъ воспроизвести, по остаткамъ различныхъ кремневыхъ издѣлій, обломкамъ копій, стрѣль и клочкамъ одежды, полную картину жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ. Съ другой стороны, превосходныя этнографическія изслѣдованія Тэйлора, Лебока, Бастіана раскрыли предъ нами, путемъ изученія современныхъ дикарей, много любопытныхъ явленій умственной жизни древнихъ. Эти изслѣдованія, между прочимъ, привели къ тому результату, что умъ человѣческой развивается по однимъ и тѣмъ-же законамъ у народовъ всѣхъ племенъ и расъ, на низшихъ и высшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Сходство новозеландскихъ мифовъ съ древне-греческими или нашихъ древнихъ обычаевъ, сохранившихся и до настоящаго времени, съ обычаями дикарей указываетъ на тѣсное духовное родство между всѣми человѣческими племенами. Въ этомъ отношеніи не лишено интереса и сравненіе произведеній поэтическаго творчества первобытныхъ народовъ съ поэтическими произведеніями цивилизованныхъ націй, и потому вышеозначенный сборникъ «Басенъ и сказокъ дикихъ народовъ», составленный по лучшимъ англійскимъ сочиненіямъ, можетъ имѣть не только чисто-литературное, но и научное значеніе. Мы, впрочемъ, сомнѣваемся, чтобы читатели этого сборника увлеклись поэзіей или плѣнились, какъ думаетъ издатель, первобытной простотой поэтическаго вымысла дикарей. Трудно сказать почему, но эти сказки со стороны литературной ни сколько не интересны. Можетъ быть, причиной тому самый характеръ этихъ сказокъ, чрезчуръ незамысловатая, какая-то топорная игра фантазій, а можетъ быть, первобытная и безыскусственная красота ихъ пострадала отъ неудовлетворительнаго перевода. По всей вѣроятности, справедливо и то, и другое, но, во всякомъ случаѣ, за этими сказками остается научное значеніе.

Сказки эти вполне достигали-бы своей цѣли, если-бъ только ихъ было больше и если-бъ переводчикъ или издатель, давая содержаніе той или другой сказки, указывалъ-бы на ея сходство съ однородными произведеніями европейской литературы. Къ сожалѣнію, переводчикъ обнаружилъ въ этомъ отношеніи лишь слабыя поползновенія и ограничился въ трехъ или четырехъ случаяхъ ничего незначащими замѣчаніями. Отъ того-то большинство сказокъ дикихъ народовъ для неспеціалиста по исторіи европейской литературы не имѣетъ никакого интереса, и только 3 или 4 сказки во всемъ сборникѣ по содержанію до такой степени общезвѣстны, что параллель между ними и нашими сказками напрашивается сама собой. При внимательномъ чтеніи нетрудно, впрочемъ, открыть и во многихъ другихъ сказкахъ существенную аналогію съ европейскимъ эпосомъ. И здѣсь, и тамъ основа фабулы, а нерѣдко и форма, одиѣ и тѣ-же.

Въ сборникѣ, который лежитъ теперь предъ нами, собраны легенды готтентотовъ и такъ-называемыя дѣтскія сказки зулусовъ, одного изъ племенъ кафрскаго народа, обитающаго къ сѣверо-востоку отъ готтентотовъ. Читая сказки готтентотовъ, мы найдемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ поразительное сходство съ баснями и сказками народовъ индо-европейскаго происхожденія. Въ особенности распространены между готтентотами сказки на тему о хитрости и ея побѣдахъ надъ грубой физической силой. Въ Европѣ идея эта выразилась въ извѣстной эпопеѣ о «Рейнекѣ-Лисѣ» или „Maitre renard's“ во Франціи, у готтентотовъ-же хитрость воплощена въ шакала, играющаго въ баснѣ дикарей роль европейской лисицы. Сходство готтентотскихъ басенъ, въ которыхъ фигурируетъ шакалъ, съ европейскими баснями о лисицѣ, простирается до такой степени, что англійскій ученый Коллеуэй, собиравшій сказки готтентотовъ, озаглавилъ свой сборникъ: «Рейнеке-Лисъ въ южной Африкѣ». Въ дѣтскихъ сказкахъ зулусовъ встрѣчается множество подробностей, напоминающихъ тѣ сказки, которыя обыкновенно рассказываются намъ въ дѣтствѣ няньками—отсюда и названіе ихъ «дѣтскія сказки», хотя правильнѣе было-бы назвать ихъ «сказками нянекъ» (Ammengeschichten, Nursery Tales). Тѣ-же великаны-людоѣды, тотъ-же мальчикъ съ пальчикъ, Иванъ царевичъ, Емеля дурачекъ. Сходство эпоса и сказокъ дикарей съ однородными индо-европейскими произведеніями, очевидно, можетъ быть объяснено двойкимъ образомъ. Есть основаніе предположить, что готтентоты заимствовали свои сказки отъ другихъ образованныхъ народовъ, напр., отъ голландцевъ, которые давно уже цивилизуютъ южную Африку. Существуетъ мнѣніе, будто готтентоты нѣкогда были сосѣдями образованныхъ народовъ сѣверной Африки, отъ которыхъ они если не заимствовали прямо содержаніе своихъ басенъ, то получили нѣкоторое образованіе и развили въ себѣ склонность къ поэтическому творчеству. Но это мнѣніе, какъ объясняетъ и переводчикъ въ предисловіи къ своему сборнику,—не выдерживаетъ критики и вовсе не

подтверждается извѣстными въ настоящее время фактами и изслѣдованіями современныхъ этнографовъ. Нельзя найти опоры и для другого мнѣнія прежнихъ этнографовъ, которые видѣли въ сказкахъ готтентотовъ слѣды вліянія бѣлыхъ. Правда, южная Африка слишкомъ уже два столѣтія, какъ находится въ сношеніяхъ съ европейцами, и нѣкоторыя басни, очевидно, новѣйшаго происхожденія и составлены подъ вліяніемъ бѣлыхъ, но за то большая половина остальныхъ сказокъ относится, по мнѣнію всѣхъ ученыхъ, къ болѣе раннему періоду, предшествовавшему появленію бѣлыхъ въ южной Африкѣ. Если, такимъ образомъ, сказки дикарей сложились самостоятельно, независимо отъ вліянія чуждой имъ цивилизаци, то для объясненія ихъ сходства съ сказками индо-европейскими остается только одинъ путь. Мы должны допустить, что это сходство есть результатъ существеннаго тождества человѣческаго ума, работающаго по однимъ и тѣмъ-же законамъ и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же психическихъ побужденій процессовъ. Къ какой-бы расѣ народъ ни принадлежалъ, но въ ранній періодъ культуры онъ *долженъ* былъ создать свой эпосъ и выразить свое творчество или свое воззрѣніе на окружающую природу въ той, а не въ другой формѣ. Различіе въ продуктахъ творчества народовъ нейдетъ дальше подробностей формы и мѣстныхъ, случайныхъ деталей, сущность-же, идея и процессъ творчества одни и тѣ-же для всѣхъ расъ безъ исключенія.

Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ. (Thirty years in the harem.) Автобіографія жены великаго визиря Кипризли-Мегеметъ-паши, Мелекъ-Ханумъ. Перев. съ англ. Спб. 1874.

Слово «гаремъ» возбуждаетъ въ воображеніи европейскаго читателя столько поэтическихъ, таинственно-заманчивыхъ приключеній и картинъ, что онъ невольно представляетъ себѣ цѣлый магометанскій рай съ его гуриями и благовонными шербетками. Поэты, въ родѣ Байрона и Пушкина, изображали гаремъ въ самомъ привлекательномъ видѣ, рисуя прелестные образы одалискъ и восточную роскошь, которою окружаетъ ихъ правовѣрный мусульманинъ. Туристы и путешественники, посѣщавшіе берега Босфора, съ особеннымъ любопытствомъ останавливаются на султанскомъ гаремѣ и считаютъ себя счастливыми, если имъ приходится заглянуть во внутренность его сквозь рѣшетки сада или, въ случаѣ особенной чести, быть представленными женамъ падишаха. Все это содѣйствовало опозитивизованію гарема; его таинственность, неизвѣстная судьба невольницы, вѣчное покрывало на ея лицѣ, деспотизмъ внука, воды Босфора, въ которыя спускаютъ невѣрную одалиску, ревность угнетенной женщины со всѣми ея драматическими приключеніями—еще болѣе увеличиваютъ поэтическую окраску гарема. Но дѣйствительно-ли онъ такъ поэтиченъ, какъ рисуетъ его

наше воображеніе? Точно-ли это тотъ магометанскій рай, который уготовалъ Аллахъ для своихъ правовѣрныхъ поклонниковъ? Читая автобіографію жены великаго визиря, Мелекъ-Ханумъ, выносите изъ ея разсказовъ такое тяжелое впечатлѣніе, что самыя яркія картины Дантова ада блѣднѣютъ передъ этой ужасной и грязной дѣйствительностію. Мелекъ-Ханумъ тридцать лѣтъ провела въ гаремѣ, находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ самымъ вліятельнымъ особамъ его, и мы не имѣемъ основанія не вѣрить ея разсказамъ. Что-же она разсказываетъ о турецкихъ гаремахъ? Описывая печальную судьбу своей дочери, Аише, насильно разлученной съ матерью и, подъ надзоромъ злой мачихи, брошенной въ гаремный казематъ, систематически отупляемой и деморализируемой, Мелекъ-Ханумъ говоритъ: «Собственно говоря, семейной жизни у турокъ нѣтъ». Ее уничтожаетъ или обезображиваетъ гаремъ, который такъ рѣзко отдѣляетъ мужчину отъ женщины, что между ними, кромѣ отношеній господина къ своей невольницѣ, мужа къ своей одалискѣ, нѣтъ другихъ, болѣе нравственныхъ взаимныхъ чувствъ. «Въ мусульманскомъ обществѣ, говоритъ Мелекъ-Ханумъ, у мужчинъ свои интересы, обычаи и мысли, между тѣмъ какъ у женщинъ свои, исключительно имъ принадлежащіе. Лица, повидимому, представляющія членовъ одной и той-же семьи, въ дѣйствительности не имѣютъ между собой ничего общаго: — ни комнатъ, ни собственности, ни одежды, ни друзей, ни даже общихъ часовъ отдыха. Саламликъ (мужская половина въ домѣ) и гаремъ представляютъ собой два совершенно отдѣльныхъ міра, находящихся рядомъ, гдѣ въ каждомъ изъ нихъ дѣлаютъ по-своему, мужчины съ одной стороны, женщины съ другой. Власть главы семейства, если онъ только въ состояніи имѣть таковую, представляетъ собой единственную связь между двумя половинами одного и того-же хозяйства» (стр. 247 — 248). При такомъ казематномъ образѣ жизни, между отцомъ и его дѣтьми нѣтъ даже тѣхъ естественныхъ отношеній, которыя мы видимъ у животныхъ высшей организаціи; отецъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ своихъ дѣтей, а дѣти привязаны къ нему на-столько, на-сколько можетъ связывать ихъ простая привычка. И чѣмъ выше всходимъ мы по лѣстницѣ общественныхъ положеній, тѣмъ эта разрозненность становится рѣзче. Дворецъ мусульманскаго аристократа представляетъ совершенную крѣпость, на одной половинѣ которой находятся въ вѣчно-осадномъ положеніи женщины, а на другой — вѣчно-осаждающій ихъ повелитель. «Саламликъ такого аристократа занимаетъ цѣлое отдѣльное зданіе, а гаремъ имѣетъ размѣры огромнаго дворца, съ желѣзными дверями, съ рѣшетчатыми окнами и съ садомъ, окруженнымъ высокою стѣной. Мужчины и женщины, запертые въ эти два отдѣльныхъ помѣщенія, совершенно изолированы другъ отъ друга и не имѣютъ между собой другихъ сношеній, какъ только при помощи евнуховъ или женской христіанской прислуги, находящейся при гаремѣ. Паша, его сыновья

и близкіе родственники, которые одни имѣютъ право свободнаго доступа въ гаремъ, могутъ туда входить, такъ-сказать, черезъ мостъ, окруженный желѣзными рѣшетками—вѣчто въ родѣ тайнаго прохода, черезъ который они идутъ въ сопровожденіи евнуха. Такое полнѣйшее отдѣленіе гарема отъ селамлика какъ нельзя больше удовлетворяетъ гордости и чванству константинопольскихъ аристократовъ. Чѣмъ выше дѣлается ихъ положеніе, тѣмъ смѣшнѣе они становятся сами, принимая совсѣмъ ненужныя предосторожности и вводя курьезныя формальности, съ цѣлю возвышенія своихъ женъ. оберегая ихъ отъ глазъ низшихъ классовъ» (стр. 250). Но достигаютъ-ли эти предосторожности, неусыпные надзоры евнуховъ и невольницъ, эти желѣзныя двери и сады съ высокими стѣнами, своей цѣли? Нисколько. Чѣмъ дальше отдѣляется гаремная одалиска отъ живого міра, который она наблюдаетъ только сквозь свое глухое покрывало или сквозь полутемный трельяжъ своего окна, тѣмъ она дѣлается распущеннѣе и вѣроломнѣе. Никакіе затворы и замки не удерживаютъ ее отъ разврата, въ который она бросается съ какимъ-то безумнымъ отчаяніемъ; ей извѣстны всѣ тонкости тайныхъ ночныхъ свиданій, условныхъ зазывающихъ знаковъ и гримировки, переодѣваній и, въ случаѣ надобности, секретныхъ убійствъ и отравленій. Лишенная всякаго умственнаго развитія, всякой разумной дѣятельности, оторванная даже отъ своихъ дѣтей, постоянно окруженная шпионами, наблюдающими за всякимъ ея шагомъ, вѣчная раба своего паши и вѣчная госпожа подвластныхъ ей невольницъ, она забывается лишь въ закулисныхъ оргіяхъ и роскоши и весь свой умъ изощряетъ въ интригахъ и козняхъ. Въ этомъ отношеніи гаремъ играетъ не маловажную роль въ лѣтописяхъ Оттоманской Порты и при слабыхъ правителяхъ, подобныхъ Абдуль-Меджиду, онъ нерѣдко управлялъ судьбами государства. Ловкая одалиска, заручившись особеннымъ расположеніемъ султана и вліяніемъ на окружающихъ его ближайшихъ лицъ, смѣняетъ министровъ, назначаетъ новыхъ, возводитъ и низводитъ великихъ визирей, мушировъ, губернаторовъ,—однимъ словомъ, милуетъ и казнитъ по своему усмотрѣнію. Но въ то-же время она никогда не можетъ поручиться за завтрашній день своей собственной жизни. Достаточно нѣсколькихъ словъ евнуха, чтобы заподозрить ее въ невѣрности, и ея существованіе поставлено на карту. Одинъ евнухъ, рассказываетъ Мелекъ-Ханумъ, подкупленный интригующей стороною, рѣшился подбросить мужской костюмъ къ двери спальни одалиски, которую долженъ былъ посетить султанъ въ эту ночь. Когда онъ подошелъ къ двери и замѣтилъ подозрительный костюмъ, то обратился съ вопросомъ къ евнуху: «что это значитъ?» Евнухъ далъ понять повелителю, что одалиска имѣетъ сношенія съ гяуромъ. Разсвирѣпѣвшій деспотъ, вбѣжавъ въ спальню, выхватилъ атаганъ изъ-за пояса и, не выслушавъ ни одного слова въ оправданіе отъ своей невольницы, снесъ ей голову съ плечъ. Восточная ревность—чисто-живот-

ная страсть, которая не знает никакихъ границъ произвола и мести, когда ее поджигаютъ религіознымъ фанатизмомъ. Гаремное уединеніе, полная подчиненность женщины капризамъ мужа и вѣчное соперничество женъ, гдѣ ихъ имѣется по-нѣскольку у одного обладателя, доводятъ эту ревность до изступленія и помѣшательства. Этимъ, между прочимъ, объясняется необыкновенная хитрость и стойкость характера восточной женщины, когда она преслѣдуетъ свою жертву и во что-бы то ни стало хочетъ погубить ее. Мелекъ-Ханумъ испытала на собственномъ опытѣ всю силу мусульманской кровожадности, неоставившей ее дѣтей и ея въ покоѣ даже за-границей.

Чтобы познакомиться съ тѣмъ, чѣмъ занимаются восточныя женщины въ своемъ домашнемъ быту, мы приведемъ здѣсь разсказъ Мелекъ-Ханумъ о визитѣ, который она сдѣлала дочери египетскаго вице-короля Мегемета-Али. Когда Мелекъ-Ханумъ вошла въ роскошный дворецъ египетской принцессы Низли-Ханумъ, „въ комнатѣ ея находились разныя старухи, которыя развлекали принцессу, разсказывая ей сказки... Въ это-же время нѣкоторыя невольницы танцовали подъ тактъ мѣдныхъ кастаньетъ, а другія пѣли. Тѣ-же, обязанность которыхъ была неотлучно присутствовать въ комнатѣ стоя, падали отъ усталости; лица ихъ ясно говорили, что они проводили ночи безъ сна. Онѣ не смѣли выказывать утомленія или нетерпѣнія, иначе госпожа ихъ, замѣтя это, велѣла-бы немилосердно ихъ бить; многія не выдерживали такого наказанія и умирали отъ него“.

«Возмущенная подобнымъ зрѣлищемъ оргіи и тиранства, я, около полуночи, попросила у принцессы позволенія удалиться къ себѣ».

Далѣе, одна изъ старыхъ невольницъ, приставленная къ Мелекъ-Ханумъ, дорисовываетъ ей характеръ своей великолѣпной принцессы: „Вы видѣли нашу госпожу, говоритъ она;— вотъ такимъ образомъ она всегда проводитъ ночи. Встаетъ она въ девять часовъ и весь день проходитъ у нея въ визитахъ, на охотѣ, въ питьѣ и всякаго рода удовольствіяхъ. Такъ-какъ египетскія женщины менѣе свободны, чѣмъ турецкія, то она пользовалась тѣмъ страхомъ, который внушаетъ намъ, и частыми отлучками своего мужа, и съ свойственнымъ ей безстыдствомъ, вводила въ гаремъ своихъ любовниковъ. Нерѣдко, во избѣжаніе огласки, она умерщвляла ихъ; но теперь, когда сталъ носиться слухъ объ этихъ убійствахъ, она отдалась новому роду страсти, образчики которой вы видѣли сегодня»...

«Мы при ней всѣ очень несчастны. Она чрезвычайно причудлива и жестока. Когда былъ живъ ея мужъ, то ему случилось разъ сказать одной невольницѣ, принесшей для него воды: «Довольно, ягненокъ!» Слова эти были переданы принцессѣ; она разсвирѣпѣла и приказала убить несчастную дѣвушку, а голову отрѣзать, начинить рисомъ, изжарить и положить на блюдо. Когда мужъ пришелъ обѣдать, принце са велѣла подать блюдо,

сказавъ при этомъ: «покушай твоего ягнечка». Дефтердаръ выскочилъ изъ-за стола, бросилъ салфетку и болѣе не возвращался къ женѣ, которая послѣ этого потеряла окончательно его расположеніе“ (стр. 103, 107 и 108). И эта развратная, жестокая и грязная личность жила не въ древнемъ Египтѣ, не во времена Псамметиховъ, а въ наше время, въ концѣ сороковыхъ годовъ; она была не простая невольница, купленная на рынкѣ, а дочь вице-короля, имѣвшая возможность получить самое высокое образованіе.

До какой степени низокъ уровень умственнаго и нравственнаго развитія восточной женщины — это мы видимъ на самомъ авторѣ разбираемой нами автобіографіи. Мелекъ-Ханумъ была сравнительно очень умна, образована, энергична, посѣтила Европу, долго жила въ ней, говорила на многихъ языкахъ, а между тѣмъ она пренаивно рассказываетъ о такихъ вещахъ, отъ которыхъ съ отвращеніемъ отвернется мало-мальски цивилизованный человѣкъ. Такъ, когда мужъ ея назначенъ былъ губернаторомъ въ Іерусалимъ, она совершенно спокойно брала за него взятки, вымогая ихъ чрезъ ловкаго своего невольника-еврея. «Втеченіи двухъ лѣтъ, говоритъ она, — я замѣстила такимъ образомъ (т.-е. получая подарки) пятнадцать важныхъ должностей людьми, которыхъ я никогда не видала въ глаза». Какъ обильны были источники ея взяточничества. объ этомъ можно судить потому, что за два года она собрала около 400,000 франковъ. Желая оправдать себя въ глазахъ самихъ читателей, она замѣчаетъ: „Въ странѣ, гдѣ нельзя разсчитывать ни на справедливость, ни на безопасность, необходимо быть предусмотрительнымъ на случай превратности судьбы“ (стр. 69). Но Мелекъ-Ханумъ, кажется, ужь очень была предусмотрительна и съ одной бѣдной арабской области въ два года обчистила до 400,000 франковъ, на что совершенно резонно могъ, въ свою очередь, замѣтить обчищаемый правотѣрный: какой-же вы хотите справедливости и безопасности въ той странѣ, гдѣ жены губернаторовъ берутъ безсовѣстнѣйшія взятки!

Мы не будемъ останавливаться на личныхъ приключеніяхъ Мелекъ-Ханумъ, которая сынъ ея, Османъ-Бей, столь извѣстный нашей читающей публикѣ, называетъ цѣлою „Одиссею“. Можетъ быть, это и дѣйствительно Одиссея, но Мелекъ-Ханумъ вовсе не походитъ на Улисса, и потому ея скитанія изъ страны въ страну, ея разводы съ мужьями, изгнанія и т. п. могутъ быть интересны только для нея самой. И хотя русскій издатель находитъ „весьма характеристичной и интересной автобіографію турецкой дамы высшаго общества“, но, во-первыхъ, издатель иначе и не станетъ говорить о своемъ изданіи, желая сбыть его публикѣ, а во-вторыхъ, онъ нисколько не убавилъ-бы интереса въ своемъ изданіи, если-бы вмѣсто 34-хъ главъ напечаталъ-бы въ болѣе опрятномъ переводѣ только

главъ 10-ть. Тогда и Мелекъ-Ханумъ была-бы гораздо интереснѣе, и самъ издатель гораздо благоразумнѣе.

Жизнь знаменитыхъ грековъ, изложенная (?) по Плутарху Альфонсомъ Фелье. Перев. съ франц. Съ 52 рис. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1874.

Передѣлка замѣчательныхъ произведеній литературы рѣдко была удачною, потому что передѣлывать гениальное произведение—значить поддѣлывать и искажать его, т. е. лишать его тѣхъ достоинствъ, которыми оно отличалось, и навязывать ему тѣ недостатки, которыхъ оно не имѣло. Если поддѣлыватель обладаетъ такимъ-же талантомъ, какъ и авторъ передѣлымаго сочиненія, то онъ, конечно, предпочтетъ создать что-нибудь новое и не наложить своей руки на чужое произведение; если-же онъ не имѣетъ ни таланта, ни добросовѣстности передѣлымаго имъ автора,—что обыкновенно и бываетъ,—то кромѣ фальши и искаженія онъ и не внесетъ ничего новаго въ передѣланное имъ сочиненіе. Исторія литературы вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе. Всѣ попытки передѣлать Гомера, Овидія, Сервантеса, Шекспира и Байрона оканчивались плачевной неудачей, такъ что гениальные авторы выходили изъ-подъ пера ихъ жалкихъ передѣлывателей такими-же жалкими и часто глупыми, какъ и ихъ фальсификаторы. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ Альфонсъ Фелье и его храбрый русскій издатель г. Вольфъ. Альфонсу Фелье пришла счастливая мысль *сжать* и сократить извѣстное «Жизнеописаніе» Плутарха, одно изъ лучшихъ произведеній древности. Излишне было-бы распространяться о достоинствахъ этого сочиненія, заслужившаго высокую репутацію въ классическихъ литературахъ. Альфонсъ Фелье, правда, задался очень скромной цѣлью; ему непремѣнно нужно было вогнать Плутарха въ узенькія рамки школьной программы и извлечь оттуда для юношества нѣсколько назидательныхъ образцовъ гражданской доблести и добродѣтели. Также намѣреніе, конечно, достойно всякой похвалы, но мы совершенно не понимаемъ, какимъ образомъ подвиги героевъ Плутарха, отдѣленныхъ отъ насъ чуть не цѣлою геологической формаціей, могутъ намъ, современникамъ, «внушать желаніе подражать имъ»; еще менѣе понятно, какимъ образомъ всѣ эти доблести Перикловъ, Фемистокловъ, Аристидовъ, Гракловъ и т. п. могутъ быть предметомъ подражанія для юношества, неимѣющаго ничего общаго съ тѣми обстоятельствами и условіями жизни, которыя создали этихъ дѣятелей. Но Альфонсъ Фелье принадлежитъ, очевидно, къ тѣмъ жалкимъ и узкимъ фанатикамъ педагогической рутины, которые воображаютъ, что обучать юношество можно даже гражданскимъ доблестямъ съ учительской указкой въ рукѣ. Они полагаютъ, что перестанутъ быть педагогами, если не повторять разъ сто за урокомъ, что

«добродѣтель достойна подражанія». Въ этого сакриментальнаго *stredo* педагога, въ родѣ Фелье, не умѣютъ ни мыслить, ни дѣйствовать; слѣпое подражаніе и только подражаніе составляетъ альфу и омегу ихъ воспитательной теоріи. Самъ Плутархъ представляется Альфонсу Фелье не болѣе, какъ такимъ-же школьнымъ педагогомъ, какъ онъ самъ, ибо, по его мнѣнію, Плутархъ описалъ дѣянія великихъ людей Греціи и Рима какъ-разъ въ пору упадка и усыпленія своихъ соотечественниковъ и думалъ «увлечь ихъ къ подражанію». Мы не знаемъ, чего въ точности хотѣлъ достигнуть Плутархъ своими «жизнеописаніями», но, читая біографію Плутарха, каждый чувствуетъ, что этотъ умный грекъ задался несравненно болѣе высокой цѣлью. Какъ извѣстно, чрезъ все сочиненіе Плутарха проводится параллель между цивилизаціей Греціи и цивилизаціей Рима, и соотвѣтственно этой задачѣ, всѣ біографическіе очерки Плутарха расположены такимъ образомъ, что грекъ сопоставляется съ римляниномъ. Сравненіе Греціи съ Римомъ—съ цѣлью открытія истинныхъ причинъ упадка современнаго Плутарху строя общественной жизни—такова идея, которая съ перваго-же раза приходитъ на умъ при чтеніи Плутарховыхъ жизнеописаній. Та живая патріотическая драма, которая видится Альфонсу Фелье въ каждой біографіи Плутарха, есть только отголосокъ чуткаго отношенія Плутарха къ переживаемой дѣйствительности, безъ всякаго намѣренія со стороны его внушить своимъ соотечественникамъ невозможное желаніе подражать подвигамъ описываемыхъ героевъ. Коротче сказать, Плутархъ въ своихъ жизнеописаніяхъ является предъ нами не столько патріотомъ и еще менѣе педагогомъ, сколько историкомъ-мыслителемъ, описывающимъ съ поразительной объективностью, картину политическихъ отношеній древняго міра. Объективность Плутарха мѣшала суживаться его мировоззрѣнію и, благодаря ей, онъ совершенно неудобенъ для педагогическихъ цѣлей Фелье. Описывая каждого дѣятеля, какъ живое лицо, Плутархъ столь-же рельефно выставлялъ на видъ какъ достоинства, такъ и недостатки своихъ героевъ. Стоитъ прочесть любую изъ біографій Плутарха, чтобы убѣдиться, что онъ не могъ успокоиться на той узенькой задачѣ, которую навязываетъ ему Фелье. Да и было-бы странно требовать отъ древняго грека-язычника той нравственной мѣрки, которую современный христіанскій историкъ прилагаетъ къ оцѣнѣ историческихъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи наше міросозерцаніе далеко расходится съ классическимъ взглядомъ. Плутархъ не скрываетъ намѣренно темныхъ пятенъ въ характерѣ своихъ героевъ, онъ не скорбитъ надъ ихъ нравственными несовершенствами, напротивъ, говоритъ о нихъ съ какой-то особенной обстоятельностью, какъ-бы сознавая, что въ этихъ-то несовершенствахъ яснѣе отражается величіе души и геніальность изображаемыхъ имъ людей. Мы боимся, что только недостатокъ критическаго анализа не оттолкнулъ моралистовъ, подобныхъ Фелье, отъ жизнеописаній Плутарха. За исключеніемъ двухъ или трехъ дѣятелей, свѣденія о которыхъ теряются въ смут-

ныхъ преданіяхъ первоначальной исторіи Греціи, ни одинъ изъ остальныхъ героевъ Плутарха не представляетъ изъ себя образца высокой добродѣтели. Можно сказать, что слава ихъ основана на ихъ необыкновенномъ умѣ, а, главнымъ образомъ, на тѣхъ сильныхъ страстяхъ, которыя были источникомъ великихъ подвиговъ, но въ то-же время нерѣдко возбуждали ихъ и на позорныя дѣйствія. Только Тезей и Ликургъ изображены, какъ люди вполне безупречной нравственности, но за то біографія ихъ походитъ скорѣе на блѣдную надгробную эпитафію, чѣмъ на портреты живыхъ лицъ. Что-же касается жизнеописанія другихъ дѣятелей, о которыхъ существуютъ болѣе достовѣрныя историческія данныя, то герои Плутарха, съ точки зрѣнія Фелье, должны были-бы, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ въ жизни побывать на скамьѣ подсудимыхъ. Вотъ, напр., біографія Фемистокла съ одной стороны и біографія Аристиды съ другой. Пусть попробуетъ любой школьникъ, согласно совѣту Фелье, взять за образецъ дѣтство Фемистокла и добросовѣстно подражать ему. Можно навѣрное сказать, что этотъ юноша съ перваго-же шага будетъ признанъ любымъ педагогомъ за безнадежно-погибшее существо. И въ зрѣломъ возрастѣ характеръ Фемистокла почти цѣликомъ состоялъ изъ однихъ недостатковъ и весьма непохвальныхъ наклонностей. Сатанинское честолюбіе лежало въ основѣ всей его политической дѣятельности; оно увлекало его на самыя несправедливыя и жестокія поступки. Оно побуждало его взводить гнусныя клеветы на такую воплощенную непорочность, какъ Аристидъ; оно-же заставило его измѣнить родинѣ, и, нѣтъ сомнѣнія, что при удобномъ случаѣ онъ предалъ-бы ее въ руки персовъ и, быть можетъ, на вѣкъ погубилъ-бы едва зарождавшуюся цивилизацію древней Греціи. Деспотическія наклонности Фемистокла постоянно страшили его соотечественниковъ. Алчность Фемистокла приводила въ трепетъ всѣхъ побѣжденных и союзниковъ, которыхъ онъ грабилъ безъ зазрѣнія совѣсти. Обѣзжая острова для сбора денегъ на военныя издержки, Фемистоклъ нигдѣ обыкновеніе предупреждать жителей, что „его сопровождаютъ два божества: Убѣжденіе и Насиліе“, на что жители острова Андросса однажды отвѣтили ему, что и у нихъ есть два великія божества: Вѣдность и Нищета, которыя мѣшаютъ имъ дать ему хоть что-нибудь. Но, несмотря на эти непривлекательныя стороны Фемистокла, такъ живо и отчетливо обрисованныя Плутархомъ, на cadaго читателя личность этого героя произведетъ сильное обаяніе и вызоветъ даже болѣе живое чувство симпатіи, чѣмъ личность Аристиды, этой честной и правдивой посредственности. Таково свойство Плутарховыхъ жизнеописаній. Весь секретъ ихъ заключается въ удивительно гармоничномъ сочетаніи разнообразныхъ жизненныхъ чертъ характера. Дурное и хорошее слито въ цѣльную, живую фигуру и нельзя опредѣлить, гдѣ начинается одно и оканчивается другое. Честолюбіе Фемистокла разъ толкаетъ его на измѣну, а другой разъ оно является двигательной пружиной всѣхъ его великихъ начинаній и

подвиговъ. Такими и бываютъ въ дѣйствительности настоящіе, а не вымышленные, идеализированные люди. Безпокойная, подвижная натура Фемистокла не даетъ ему удовлетвориться, подобно Аристанду, однимъ какимъ-либо принципомъ и спокойнымъ проведеніемъ его въ жизнь; его снѣдаетъ жажда всесторонней дѣятельности, стремленіе открывать новые пути, примѣнять къ дѣлу новыя идеи. Въ такихъ людяхъ, какъ въ зеркальномъ фокусѣ, отражаются всѣ недостатки и достоинства современной имъ эпохи. Какъ характеры сильные, полные жизни и энергіи, какъ высокоодаренныя натуры, они доводятъ въ себѣ до колоссальныхъ размѣровъ какъ слабости, такъ и доблести своего поколѣнія. Аристандамъ не поддѣ силу ни ошибки, ни увлеченія, ни подвиги Фемистокловъ. Еще большимъ искусствомъ отличается біографія Алкивіада, характера болѣе сложнаго. По самому свойству этого характера, правдивое изображеніе его требуетъ огромнаго таланта. Подойдите съ одной стороны къ этому человѣку, и васъ поразитъ его нравственное ничтожество, мелочныя побужденія, дряблость инстинктовъ. Это опять личность, которой, полагаемъ, весьма неудобно подражать. Читая жизнеописаніе этого человѣка, можно удивляться только, какимъ образомъ этотъ нравственный уродъ могъ быть вскормленъ свободными Афинами. Рабъ въ душѣ, безсовѣстный льстецъ и лгунъ, грубый эгоистъ, этотъ человѣкъ, казалось, опровергалъ всю свою жизнь тѣ высокіе идеалы политическихъ и гражданскихъ доблестей, которыми отличалась афинская республика въ самую цвѣтущую пору своего развитія. Нѣтъ ничего легче, какъ изобразить Алкивіада въ отталкивающемъ свѣтѣ; такъ и поступилъ-бы, конечно, всякій менѣе талантливый біографъ, чѣмъ Плутархъ. А между тѣмъ поддѣ перомъ его Алкивіадъ является въ высшей степени симпатичной личностію; двѣ-три черты, вѣрно схваченныя историкомъ, оживляютъ всю фигуру Алкивіада и превращаютъ мертвое полотно въ живого человѣка. Дѣятельный и находчивый умъ — вотъ эти черты, которыя такъ гармонически проникаютъ все существо Алкивіада и примиряютъ насъ съ его личностію. Несмотря на глубоко-порочныя наклонности, человѣкъ умный можетъ поступать нерѣдко, какъ образецъ высокой честности. Въ то время, когда Фемистоклъ старался укрѣпить свое вліяніе на народъ, къ нему обратился поэтъ Римонидъ Кефскій съ просьбою о совершеніи какой-то несправедливости. Фемистоклъ, не отличавшійся особенной честностію, отвергъ, однако, эту просьбу. «Какъ ты, отвѣчалъ Фемистоклъ, — не былъ-бы хорошимъ поэтомъ, если-бъ въ своихъ пѣсняхъ погрѣшилъ противъ размѣра, такъ и я не былъ-бы хорошимъ слугою родинѣ, если-бъ оказалъ милость, противную закону». Заслуга Фемистокла состоитъ въ этомъ случаѣ только въ томъ, что онъ очень хорошо понималъ, что ничѣмъ нельзя обмануть здравый смыслъ народа. И Алкивіадъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при своемъ чудовищномъ эгоизмѣ, влагалъ весь свой умъ въ такія дѣйствія, которыя приносили несомнѣнную пользу его родинѣ. Вообще от-

личительной характеристикой всѣхъ героевъ древней Греціи и Рима, описанныхъ Плутархомъ, было то, что для достиженія личныхъ цѣлей они дѣйствовали во имя народнаго блага и старались оказать своей странѣ возможно больше услугъ. Они поступали, какъ герои, для того, чтобы обезпечить удовлетвореніе своимъ темнымъ желаніямъ и своекорыстнымъ цѣлямъ. Лучшее изъ жизнеописаній Плутарха—біографія Перикла, такъ безжалостно обезцвѣчена сокращеніями Фелье, что читатель, быть можетъ, не обратитъ на нее никакого вниманія. Описывая жизнь даже этого, повидному, безупречнаго человѣка, Плутархъ не останавливается предъ нимъ въ нѣмомъ удивленіи, но ясно даетъ понять, что и ему не чужды были честолюбивые замыслы и не совсѣмъ безкорыстныя побужденія. Портретъ спартамца Лизандра нарисованъ особенно живыми красками. И этотъ знаменитый человѣкъ, игравшій столь важную роль въ исторіи Спарты,—человѣкъ, предъ которымъ народъ благоговѣлъ, какъ предъ божествомъ, представлялъ собою какъ-разъ прихѣтъ того, чему не слѣдуетъ подражать. Возвышеніе Лизандра было длиннымъ рядомъ позорныхъ поступковъ. Лесть, низкопоклонство и угодливость высокопоставленнымъ лицамъ помогли Лизандру достигнуть власти, а затѣмъ онъ показалъ себя лишь кровожаднымъ тираномъ, который не останавливался ни предъ какимъ звѣрствомъ и жестокостью. Когда Лизандра упрекали въ коварствѣ, онъ, обыкновенно, смѣялся и говорилъ, что „вездѣ, гдѣ не хватаетъ кожи льва, нужно извертываться кожей лисицы“. Какъ легко смотрѣлъ онъ на нарушеніе даннаго слова, видно изъ его изрѣченія, которымъ онъ отвѣчалъ на упреки въ невѣрности... „Дѣтей, говорилъ онъ,—можно обманывать на игрушкахъ, а взрослыхъ—клятвами“. Однако, Лизандръ занимаетъ весьма почетное мѣсто въ ряду героевъ древней Греціи, хотя нельзя не согласиться съ Альфонсомъ Фелье, который, между прочимъ, восклицаетъ: „Еще одинъ знаменитый человѣкъ, принесшій родинѣ и человѣчеству болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что онъ, прежде всего, не держался прямого и благороднаго образа дѣйствій!“ Но гдѣ же, послѣ этого, образцы для подражанія, которые желаетъ внушить юношеству Фелье? Всѣ педагоги, подобные Фелье, могутъ извлечь для себя изъ жизнеописаній Плутарха только тотъ выводъ, что есть люди, которые, несмотря на свои коренные недостатки и пороки, тѣмъ не менѣе производятъ сильное обаяніе на другихъ и вызываютъ даже сочувствіе и удивленіе къ своей личности, не внушая, однако, никакого желанія подражать имъ. Для людей-же, которые не считаютъ себя присяжными педагогами, жизнеописанія Плутарха, прежде всего, представляютъ широкую картину общественной и политической жизни древняго міра. Исторія Греціи и Рима заключена Плутархомъ въ форму біографій ея главнѣйшихъ представителей потому, что эта форма вытекаетъ отчасти изъ сущности древней цивилизаціи. Несмотря на существованіе республики, въ Греціи элементъ

личной власти былъ цивилизирующимъ началомъ, какъ и у всѣхъ народовъ въ началѣ ихъ исторіи...

О русскомъ переводѣ плутарховыхъ жизнеописаній мы ничего не можемъ сказать утѣшительнаго. Крупныхъ ошибокъ мы не замѣтили, но, вообще, языкъ перевода крайне тяжелъ и неудобочитаемъ.

Эксъ. На поль-пути. Очерки и замѣтки. Спб. 1874.

При той исхудалости мысли, которая даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ въ нашей литературѣ, въ послѣднее время вошло въ обыкновеніе перепечатывать отдѣльными изданіями все, что въ первый разъ помещается въ журналѣ или газетѣ, такъ что авторъ съ своимъ произведеніемъ, какъ-бы оно мелко ни плавало, является передъ публикой безъ лицъ въ двухъ лицахъ—сперва на журнальныхъ страницахъ и вслѣдъ за тѣмъ отдѣльно. Едва мы успѣваемъ дочитать, напримѣръ, романъ г. Боборыкина въ „Вѣстникѣ Европы“ или „Отечественныхъ Запискахъ“, какъ тотъ-же романъ уже появляется за витринами книжныхъ магазиновъ отдѣльнымъ изданіемъ. Это похвальное соревнованіе нашихъ авторовъ дошло до того, что всякій фельетонный вздоръ началъ издаваться также отдѣльными книжками и брошюрами, рекомендуя себя публикѣ подъ разными зманчивыми заглавіями и красивыми обертками. Мы не имѣемъ ничего противъ столь похвальнаго нововведенія, тѣмъ болѣе, что каждый вправѣ считать себя какимъ угодно свѣтиломъ ума и претендовать на безсмертіе своего произведенія, но мы не можемъ не замѣтить, что многіе авторы положительно выиграли-бы въ своей репутаціи, если-бы ограничивались скромной ролью журнальныхъ и газетныхъ сочинителей, не выставляясь передъ публикой во второй разъ, въ отдѣльныхъ изданіяхъ,—выиграли-бы потому, что *неизвѣстность* очень часто гораздо лучше рекомендуетъ автора, чѣмъ *извѣстность*, и тѣ недостатки, которые скрадываются въ обществѣ составѣ журнальной книжки или газетнаго номера, не выступали-бы такъ ярко, какъ они выступаютъ въ отдѣльномъ изданіи. Когда незабвенный Камбекъ издавалъ свою „Ерунду“, которую г. Шрейеръ превратилъ въ „Новости“, то никому не было никакого дѣла, что тамъ, въ этой „Ерундѣ“, творится г. Камбекомъ и его сотоварищами. Но если-бы каждый изъ этихъ сочинителей вздумалъ собрать массу своей ерунды въ отдѣльную книжку и угостить ею публику особо, то каждый призадумался-бы надъ такимъ приношеніемъ и, вѣроятно, долго боялся-бы взять въ руки какую-бы то ни было книгу.

Не знаемъ, какими соображеніями руководствовался г. Эксъ, издавая свою книжку, составивъ ее, по всей вѣроятности, уже изъ напечатанныхъ имъ статей. Она носитъ ясный характеръ фельетонныхъ замѣтокъ, написанныхъ въ

разное время и подъ влияніемъ мимолетныхъ впечатлѣній дня, но теперь соединенныхъ въ одно цѣлое и изданныхъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ. Хотя г. Эксъ и претендуетъ на какое-то единство идеи, проводимой изъ въ его очеркахъ, но мы съ удовольствіемъ назначили-бы премію тому, кто отыщетъ это единство въ разбираемой нами брошюркѣ. Разнохарактерность статей, составляющихъ ее, тѣмъ болѣе изумительна, что онѣ написаны одной рукой. Такъ, г. Эксъ пишетъ разсказецъ изъ московской жизни (Пьеръ Веселковскій), въ которомъ, при всемъ нашемъ желаніи, намъ не удалось уловить не только *единой*, но и какой-бы то ни было мысли. Затѣмъ онъ дебютируетъ въ разборѣ нѣсколькихъ публицистическихъ и ученыхъ произведеній, гдѣ защищаетъ реальное направленіе въ наукѣ, и вслѣдъ затѣмъ пишетъ самостоятельное разсужденіе въ защиту фантастическаго элемента въ поэзіи по поводу „Снѣгурочки“ Островскаго. Защищая реализмъ въ наукѣ, г. Эксъ нападаетъ на объективность университетскаго преподаванія, разсыпаясь въ похвалахъ предъ г. Чичеринимъ, авторомъ извѣстной книги „О народномъ представительствѣ“, а черезъ нѣсколько страницъ г. Эксъ затѣваетъ горячую музыкальную переписку съ г. Н. Соловьевымъ, развивая до утомительныхъ подробностей свои соображенія о речитативахъ, хорахъ, аріяхъ и т. п. Какое-же тутъ единство, о которомъ заявляетъ авторъ?

„Сцены изъ московской жизни“ (Пьеръ Веселковскій) представляютъ невинное упражненіе въ сочинительствѣ и, не заключая никакой идеи, ни крупной, ни мелкой, ни единой, ни разнокалиберной, не подлежатъ собственно литературной критикѣ. Мы говоримъ о нихъ только потому, чтобы сваять съ себя упрекъ въ голословности нашего мнѣнія объ отсутствіи между статьями г. Экса какой-бы то ни было связи, и, тѣмъ болѣе, той стройной связи, которую онъ приписываетъ имъ своимъ многозначительнымъ эпиграфомъ. Въ своемъ разсказѣ онъ описываетъ похождения нѣкаго молодого человека, Пьера Веселковскаго, алкавшаго супружескаго счастья. Вся соль разсказа состоитъ въ томъ, что Пьеръ Веселковскій, при своей необыкновенной влюбчивости, отличался и необыкновенной застѣнчивостью, которая впрочемъ, изображена авторомъ такими неопредѣленными штрихами, что ее нетрудно принять за природную придурковатость. Пьеръ Веселковскій, при первой встрѣчѣ съ какой-то дѣвицей, по-уши влюбляется въ нее, но не находитъ съ ея стороны взаимности, такъ-какъ дѣвица на его-же глазахъ увлекается въ свои сѣти ражаго усача-улана, Павла Павловича, плѣнившись остротой его ума. Все это, конечно, огорчаетъ Пьера и вызываетъ въ немъ мучительныя соображенія о своей низерабельности, которыя кажутся тѣмъ болѣе наивными, что онъ не умѣетъ даже выразить ихъ толково. „Зачѣмъ меня заводитъ (?), зачѣмъ не сказать прямо?“ жалуется Пьеръ. Дѣвица, однако, не вполне отталкиваетъ Пьера, но подаетъ ему еще нѣкоторую надежду, которая въ его глазахъ получаетъ такую важность, что онъ считаетъ долгомъ приступить

къ рѣшительному шагу. Онъ пишетъ ей преуморительное, но торжественное письмо, которое намѣренъ лично преподнести коварной дѣвицѣ. Въ этомъ письмѣ Пьеръ, между прочимъ, говоритъ: „я васъ люблю за то, что вы сохранили благородство мыслей, человѣчность чувствъ, что вы, подобно другимъ, не измѣнили высокому назначенію женщины и изъ вѣнца творенія *не обратились въ странное, двусмысленное (!) существо*». За всякъмъ авторомъ признается право распоряжаться умомъ своего героя, но злоупотреблять этимъ правомъ и безтактно, и невыгодно въ интересахъ самого автора... Написавъ это торжественное письмо, Пьеръ отвозитъ его къ коварной дѣвицѣ, но тутъ его одолеваетъ проклятая застѣнчивость и онъ не въ состояніи произнести ни одного звука. Послѣ тысячи неудачныхъ приступовъ, Пьеръ, наконецъ, дѣлаетъ отчаянное усиліе и, *не говоря ни слова*, отдаетъ письмо дѣвицѣ. Дѣвица хохочетъ, у Пьера брызжутъ слезы и онъ постыдно ретируется во-свояси. Этимъ и оканчивается разсказъ г. Экса. Мы спрашиваемъ, что нашель авторъ въ этомъ разсказѣ интереснаго и достойнаго печати? Правда, онъ имѣетъ несомнѣнныя чисто-внѣшнія литературныя достоинства, которыми отличаются всѣ статьи г. Экса и за которыя мы отдаемъ ему полную справедливость, тѣмъ болѣе, что ими пренебрегаютъ въ наше время, но все-же этихъ однихъ достоинствъ мало; они не даютъ еще права на вниманіе публики и критики.

Перейдемъ къ учено-литературнымъ замѣткамъ г-на Экса. Въ статьѣ «Дѣтища русскаго реализма» г. Эксъ разбираетъ Богъ-знаетъ когда написанную брошюру г. Кавелина «О современныхъ научныхъ направленіяхъ». Г. Эксъ порицаетъ г. Кавелина за сбивчивость его понятій о реализмѣ и идеализмѣ въ наукѣ. Мы не видимъ необходимости посвящать читателя въ эту нѣсколько запоздавшую полемику, неимѣющую никакого современнаго интереса, но мы не можемъ не замѣтить, что г. Эксъ слишкомъ строго относится къ бывшему профессору, за которымъ все-таки есть кой-какія литературныя или научныя заслуги. Г. Эксъ не ограничивается нападеніемъ на дѣйствительно слабыя мѣста упомянутой брошюры; онъ ходитъ лично для себя оскорбительными нѣсколько не особенно лестныхъ словъ г. Кавелина о нашихъ университетахъ и ихъ прошломъ. «Я съ душевной болью прочелъ эти слова г. Кавелина, замѣчаетъ г. Эксъ.—Отъ него меньше, чѣмъ отъ кого-нибудь, можно было ожидать, чтобы онъ бросилъ камень въ наши университеты. Наши университеты, несмотря на всѣ свои недостатки, — выставили цѣлый непрерывный рядъ личностей, которыхъ никто не заподозритъ въ обскурантизмѣ. Укажу Грановскаго, Мейера и мн. др. Но, во-первыхъ, г. Кавелинъ и не утверждаетъ, чтобы наши университеты впродолженіи цѣлаго столѣтія не дали намъ людей достойныхъ всякаго уваженія; во-вторыхъ, изъ того, что наши университеты дали нѣсколько замѣчательныхъ личностей, еще нельзя выво-

дѣть заключенія, чтобы они были идеаломъ совершенства и не подлежали суду критики.

Въ той-же статейкѣ г. Эксъ мимоходомъ касается г. Спасовича и открываетъ въ его «Учебникѣ уголовного права» нѣсколько научныхъ погрѣшностей, которыя, впрочемъ, такъ и остаются погрѣшностями, несмотря на желаніе критика исправить ихъ. Въ сущности онъ не опровергаетъ г. Спасовича, но подтверждаетъ его и притомъ его-же мысли почти его-же выраженіями. Г. Спасовичъ, между прочимъ, говоритъ: «Я никогда не могъ примириться съ теоріями безусловной справедливости, пришлѣсь покончить и съ эклектическими попытками согласованія абсолютныхъ теорій съ относительными; пришлось отказаться и отъ всякаго вообще абсолюта, отвергнуть всѣ отвлеченности и, ставъ на почву реализма, *цѣль и задачу науки поставить въ неусыпномъ наблюденіи явленій живой дѣйствительности*». На это г. Эксъ возражаетъ слѣдующимъ образомъ: «Сущность реализма, говоритъ онъ, — заключается въ убѣжденіи, *что здравая уголовная теорія можетъ быть выведена только изъ наблюденія живой дѣйствительности, что лучшимъ уголовнымъ кодексомъ долженъ быть признанъ тотъ, который наиболѣе соответствуетъ потребностямъ даннаго народа въ данный моментъ времени, а слѣдовательно, и масштабъ для ея оцѣнки долженъ быть отыскиваемъ въ характеръ того народа, для котораго этотъ кодексъ предназначенъ, и въ тѣхъ условіяхъ народнаго быта, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ*». Первая часть этой выписки есть дословное повтореніе выраженій г. Спасовича, а съ послѣдующей трудно согласиться, потому въ послѣднемъ выводѣ этого мнѣнія была-бы такая идея: все то разумно, что существуетъ. Извѣстно, что несмотря на отиѣну тѣлеснаго наказанія, нашъ народъ въ своемъ самосудѣ весьма часто прибѣгаетъ къ розгамъ, и можно сказать вообще, что, тѣлесныя наказанія въ характерѣ и нравахъ большинства нашего малоразвитаго населенія. Поэтому, по мнѣнію г. Экса, нашъ уголовный кодексъ, отвергающій тѣлесное наказаніе, не «соотвѣтствуетъ характеру народа и тѣмъ условіямъ народнаго быта, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ». Таковъ выводъ г. Экса и его уголовной теоріи. Мы не принадлежимъ къ поклонникамъ г. Спасовича, но, безъ сомнѣнія, г. Спасовичъ не могъ договориться до такого абсурда. Г. Эксъ, очевидно, и не предчувствуетъ истиннаго значенія реализма въ наукѣ уголовного права. По его мнѣнію, всякое наблюденіе дѣйствительности можетъ лечь въ основу реальнаго направленія и всякій можетъ быть реалистомъ, у кого есть глаза и уши. Нечего и говорить, что такое воззрѣніе неуравильно; оно основано на смѣшеніи двухъ совершенно разнородныхъ понятій — эмпиризма и реализма. Крестьянина, который руководится всегда личными наблюденіями, можно назвать эмпирикомъ, но его нельзя назвать реалистомъ; напротивъ, онъ скорѣе идеалистъ, чѣмъ реалистъ, какъ всякій несвѣдующій и неразвитый человѣкъ, слѣпо отдающійся непосредственнымъ

личнымъ наблюдѣніямъ, напримѣръ, приѣтимъ. вліянію колдуновъ и знахарей, если они дѣйствуютъ искусно и убѣждаютъ въ своемъ авторитетѣ невѣжественнаго пациента. Безотчетный эмпиризмъ, неосмысленное наблюдѣніе дѣйствительности отпадаютъ, но не приближаютъ къ реализму. Мало наблюдать явленія жизни, нужно умѣть еще понимать ихъ истинную причину и ихъ зависимость въ цѣли другихъ явленій. Г. Спасовичъ, кажется, это и имѣлъ въ виду, когда онъ призналъ необходимымъ искать отвѣта на основные вопросы уголовной науки въ философіи уголовного права. Но г. Эксъ услышалъ слово *философія* и вообразилъ, что г. Спасовичъ измѣняетъ реальному направленію, за которое онъ предъ тѣмъ ратовалъ. На самоѣ же дѣлѣ оказывается, что г. Спасовичъ, ищущій помощи въ философіи, гораздо болѣе реаленъ, чѣмъ думаетъ г. Эксъ, ограничивающійся только наблюдѣніемъ «явленій живой дѣйствительности», т. е. грубымъ воспроизведеніемъ окружающей среды. Какъ намъ кажется, г. Спасовичъ того-то и боится. Онъ очень хорошо понимаетъ, что законодатель, слѣпо подчиняющійся мировоззрѣнію народа и его предрассудкамъ, впадетъ въ страшныя ошибки и, вмѣсто гуманнаго правосудія, создастъ бы варварскій кодексъ. Г. Спасовичъ, напротивъ, желаетъ оградить уголовную науку отъ деспотизма невѣжества и потому-то онъ учреждаетъ для нея тотъ высшій, безстрастный трибуналъ, который онъ называлъ философіей уголовного права. Разумѣется, все дѣло въ томъ, чтобы этотъ трибуналъ былъ правдивъ, чтобы философія уголовного права могла объяснить всѣ явленія жизни, а для этого философія уголовного права должна быть фокусомъ, въ которомъ-бы соединялись лучи всѣхъ наукъ о человѣкѣ. Мы не знаемъ, что понимаетъ г. Спасовичъ подъ философіей уголовного права, но уже одно сознаніе недостаточности наблюдѣній живой дѣйствительности, созданной неумѣлымъ и неразвитымъ умомъ общества, — одно это сознаніе ставитъ г. Спасовича на болѣе реальную почву, чѣмъ та, которую избралъ для себя г. Эксъ. Это желаніе реализовать уголовный кодексъ слѣпымъ повиновеніемъ жизни заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе. Если общество не выработало себѣ истинныхъ, реальныхъ понятій о человѣческихъ поступкахъ, то, разумѣется, и кодексъ его не можетъ быть проникнутъ реальнымъ направленіемъ, какъ-бы близко онъ ни стоялъ къ характеру и нравамъ народа. Напротивъ, чѣмъ ближе онъ будетъ стоять къ невѣжественному и неразвитому обществу, тѣмъ менѣе онъ реаленъ. Крестьянинъ требуетъ тѣлеснаго наказанія для своего собрата, конечно, потому, что онъ не имѣетъ болѣе гуманнаго понятія о человѣческой природѣ и человѣческихъ поступкахъ. Онъ знаетъ изъ непосредственнаго наблюдѣнія, что послѣ физической боли мы, обыкновенно, страшимся своего проступка, вреднаго для общества, и это-то голый, эмпирическій фактъ привилъ крестьянину - его рутинное воззрѣніе на природу преступленія и цѣль наказанія. Крестьянинъ начинаетъ вѣрить въ силу розогъ, какъ онъ вѣритъ въ заговоръ зубовъ или

въ цѣлебное свойство ладонки. Но современная наука раскрыла до нѣкоторой степени какъ причины преступленій, такъ и характеръ человѣческой природы, и теперь никто уже не вѣритъ, что тяжкое наказаніе предотвращаетъ преступленія. Въ настоящее время уголовный кодексъ не столько стремится покарать физически личность преступника, сколько отградить общество отъ его вредныхъ поступковъ. Однако, этотъ серьезный переворотъ въ современной наукѣ уголовного права и въ законодательствѣ еще не совершился въ умахъ большинства; общество, „живая дѣятельность“, не содержитъ еще въ себѣ элементовъ трезвой и разумной юрисдикціи, и потому, если законодатель слѣпо будетъ повиноваться господствующимъ убѣжденіямъ этого общества, онъ, конечно, будетъ такъ-же мало реаленъ, какъ и само общество или какъ крестьянинъ, свято вѣрующій въ силу розогъ. Наука всегда идетъ впереди и не дѣятельная жизнь указываетъ ей на лучшія ея стремленія, а наука освѣщаетъ и руководитъ стремленіями дѣятельной жизни.

Уголовно-юридическія соображенія г. Экса, какъ мы видѣли, вытекаютъ изъ его ошибочнаго пониманія слова реализмъ, другая-же его научная статья „Объективизмъ въ наукѣ и въ преподаваніи“, основана на одностороннемъ пониманіи слова—объективизмъ. Реализмъ г. Экса смѣшивалъ съ эмпиризмомъ, объективность-же онъ, какъ мы убѣждаемся, смѣшиваетъ съ понятіемъ прямо противоположнымъ,—съ субъективностью. Иначе невозможно было-бы объяснить тѣ любезности, въ которыхъ онъ разсыпается предъ г. Чичеринымъ. Г. Чичеринъ, говоритъ онъ, — сколько мы думаемъ, неспособенъ къ сухимъ, ученымъ, (?) *строго-объективнымъ* (?) работамъ, въ родѣ «Описанія румянцевскаго музея» и т. п. Онъ популяризаторъ науки и, при этомъ, во всемъ, что написано имъ, онъ *субъективенъ* и тенденціозенъ». Г. Эксъ, видимо, хотѣлъ сказать совершенно обратное тому, что у него вышло. Обыкновенно ученыхъ упрекаютъ за субъективность, т. е. за тѣ личныя и произвольныя воззрѣнія, которыя ведутъ ко всевозможнымъ заблужденіямъ; объективность считается достоинствомъ очень рѣдкихъ умовъ. «Безпристрастное изложеніе, говоритъ Эксъ — непременно должно быть *субъективнымъ* и, болѣе или менѣе, *тенденціознымъ*, если только на кафедрѣ сидитъ сколько-нибудь живой ученый, а не ученый мертвецъ». Сколько мы можемъ понять, г. Эксъ не только смѣшиваетъ субъективность съ объективностью, но онъ отождествляетъ послѣднюю съ отвлеченностью, тогда какъ всѣмъ извѣстно что объективное изложеніе опирается на фактахъ дѣятельности, разработанныхъ наукой, и потому оно по-преимуществу должно отличаться живостью и откликаться на всѣ вѣянія времени и вопросы современности. Наоборотъ, въ субъективномъ изложеніи жизненная правда замѣняется личными и произвольными умствованіями, для провѣрки которыхъ нѣтъ опредѣленныхъ критеріевъ. Впрочемъ, все это давно извѣстно, и едва-ли г. Эксъ нуждается въ нашей поправкѣ; онъ, очевидно, не имѣлъ

времени проверить своего мнения или основать его на простом недоразумении.

Кроме ученых и публицистических статей, г. Экс поместил в своей книжке музыкальные письма, рецензии на «Снѣгурочку» Островскаго, три биографии (Садовскаго, Кельсиева и Вѣльева) и нѣсколько писемъ изъ Парижа, общій характеръ которыхъ весьма трудно опредѣлить однимъ словомъ. Рядомъ съ обще-извѣстными данными о французской печати вы читаете цѣлыя страницы горькихъ укоровъ нашей цивилизаціи вообще и нашихъ омнибусамъ въ частности, «какъ послѣднему, но не лучшему слову этой цивилизаціи». Авторъ глубокомысленно замѣчаетъ, что «плохой извозчикъ лучше хорошаго омнибуса», воображая, что эта истина неизвѣстна тѣмъ, кто принужденъ ѣздить въ омнибусахъ. Омнибусъ наводитъ г. Экса на цѣлый рядъ политико-экономическихъ соображеній... «Положимъ, говоритъ г. Эксъ,—что цивилизація даетъ средства ѣздить въ омнибусахъ цѣлой массѣ людей, которые прежде принуждены были ходить пѣшкомъ. Это хорошо. Но за то порядочная доля людей имѣвшая прежде своихъ лошадей или ѣздившая на извозчикахъ принуждена ѣздить въ омнибусѣ. Это дурно. Цивилизація сакаетъ *сотню* бѣдняковъ въ омнибусъ на счетъ тѣхъ *десяти* людей, которыхъ она принудила разстаться съ собственнымъ экипажемъ, и на счетъ *двухъ-трехъ* десятковъ людей, которыхъ она лишила возможности ѣздить въ фіакахъ. Наша цивилизація никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы одолжить однихъ, не обидѣвъ другихъ. Спрашиваю васъ: развѣ за такой образъ дѣйствій со стороны цивилизаціи, можно ей сказать спасибо?» Конечно, нельзя; но у цивилизаціи, какъ и у солнца, есть двѣ стороны—свѣтлая и тeneвая и ни по одной изъ нихъ нельзя судить вообще о цивилизаціи.

Впрочемъ, разставаясь съ книжкой г. Экса, мы не думаемъ, чтобы нашъ отзывъ о ней былъ принятъ авторомъ ея дурно. Если мы обратили на нее вниманіе, то это значитъ, что она заслуживаетъ нашего вниманія. Въ ней есть недостатки, много противорѣчій и недомолвокъ, но въ ней есть много и достоинствъ, къ которымъ мы относимся вполне сочувственно. Какъ мы замѣтили выше, г. Эксъ обладаетъ прекрасной литературной формой, что въ наше время дѣлается рѣдкостью; онъ мыслитъ въ прогрессивномъ направленіи, нерѣдко стоитъ на уровнѣ вполне современныхъ воззрѣній, а это дѣлается еще большей рѣдкостью. Во всякомъ случаѣ, мы желаемъ его книжкѣ наилучшаго гостеприимства въ нашей публикѣ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Частная жизнь парижского общества.—Брачныя агентства.—Изобрѣтательница новой расы.—Двѣсти невѣсть.—Печальные результаты непропорціональности въ лѣтахъ супруговъ.—Спеціальное агентство для наблюденія за женами.—Комическій исходъ трагическаго замысла.—Дѣла и дѣловые люди.—Очистка парижской биржи.—Предусмотрительный кулисъ.—Трансконтинентальная компанія.—Надуваніе въ грандіозныхъ размѣрахъ.—Подогрѣваніе предпріятія.—Легкій способъ зажимать ротъ противникамъ.—Журналистъ клерикальнаго закала.—Мошенническая продѣлка Буало.—Успѣхъ подписки на акціи трансконтинентальной компаніи.—Въ чьихъ карманахъ очутились 22 милліона, полученные этой подпиской.—Промышленное общество.—Участіе бонапартистовъ.—Лопецъ - и - Лопецъ, совмѣщающій въ одномъ себѣ дѣлую компанію.—Дювернуа.—Банки-газеты.—Противорѣчія между закономъ и практикою.—Подридъ барона Сельера.—Швейцарь, изучающій банковое дѣло.—Компанія лакеевъ.—Финалъ этого предпріятія.—Господствующій порокъ парижскаго общества.

Исторія человѣческихъ обществъ слагается не изъ однихъ фактовъ такъ называемой высшей политики. Исторію дѣлаютъ не одни великіе люди, не одни сановники, въ руки которыхъ ввѣряются судьбы страны. Надъ ея созданиємъ работаютъ всѣ слои общества; каждый изъ жителей страны вноситъ свою лепту въ общее дѣло. Политическія событія составляютъ только послѣдствіе внутренней, едва видимой работы, которая идетъ непрерывно въ человѣческомъ муравейникѣ. Для уясненія событій, т. е. результатовъ, необходимо обращаться къ причинамъ, т. е. къ складу и ходу общественной жизни. Вся Европа съ изумленіемъ смотритъ теперъ на версальское національное собраніе, управляющее Франціей; многимъ могутъ показаться почти неправдоподобными многочисленные факты изъ дѣятельности этого собранія, отличающагося

странностями, какихъ не замѣчается въ другихъ конституціонныхъ собраніяхъ западной Европы. Между тѣмъ эти причуды собранія не трудно объяснить, если мы обратимся къ изученію выдающихся фактовъ изъ жизни той среды, которая дала своихъ представителей въ версальское національное собраніе. Собрать такіе факты не трудно. Во французской прессѣ есть нѣсколько органовъ, посвященныхъ именно констатированію фактовъ общественной и домашней жизни (въ тѣсномъ значеніи этихъ словъ) французскаго общества. Но лучшимъ матеріаломъ въ данномъ случаѣ можетъ служить парижская газета „La Vie Parisienne“, имѣющая претензію знать все, что дѣлается въ томъ слоѣ общества, который называетъ себя „весь Парижъ“ (le tout Paris). „La Vie Parisienne“ считаетъ себя органомъ „фэшенебельнаго общества“ и потому не упускаетъ случая сообщать массу разнообразнѣйшихъ фактовъ изъ жизни собственно „свѣта“. Почти ни одно крупное событіе, почти ни одинъ скандалъ, поднимающіе толки во „всемъ Парижѣ“, не проходятъ незамѣченными для почтенной редакціи газеты, любимой членами фэшенебельныхъ клубовъ, и она немедленно сообщаетъ ихъ какъ сырой матеріалъ, предоставляя дѣлать комментаріи самимъ читателямъ.

Другимъ хорошимъ источникомъ для изученія французскаго общества служитъ „Gazette des Tribunaux“, печатающая судебные процессы. Въ уголовномъ процессѣ выступаютъ наружу факты, до которыхъ не всегда можетъ касаться литература, такъ-какъ они сохраняются въ глубокой тайнѣ въ нѣдрахъ семьи.

Вообще надо отдать справедливость французскимъ органамъ печати, что всѣ они безъ исключенія, какого-бы оттѣнка они ни были — и бѣлые, и черные, и красные, и синіе и желтые, — охотно занимаются изслѣдованіемъ частной жизни французскаго общества.

Настоящую хронику мы посвящаемъ обзорѣю фактовъ изъ внутренней жизни французскаго, лучше сказать, парижскаго общества, которое, конечно, чаще, чѣмъ провинціальное, останавливаетъ на себѣ вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей и даетъ тонъ всей Франціи.

I.

Начнемъ съ семейной жизни, о чистотѣ которой въ болѣе вышнихъ классахъ французскаго общества много толковали въ версальскомъ національномъ собраніи, что выводило изъ себя прусскихъ національ-либераловъ, повѣдавшихъ всему міру, что Франція насквозь проточена развратомъ.

Нисколько не сочувствуя воззрѣніямъ прусскихъ національ-либераловъ, мы не можемъ не согласиться, что нѣкоторыя изъ ихъ выходовъ до извѣстной степени основательны, если имѣть въ виду не весь народъ, не всю Францію, а только тѣ слои общества, гдѣ браки заключаются не по склонности, а по разнымъ побочнымъ соображеніямъ. Въ такихъ сферахъ парижскаго общества семейные скандалы не рѣдкость. Но можно-ли избѣжать ихъ тамъ, гдѣ бракъ заключается ради однихъ матеріальныхъ расчетовъ; гдѣ допускается существованіе специальныхъ брачныхъ агентуръ, устраивающихъ браки, какъ какое-нибудь комерческое дѣло.

Для образца приведемъ объявленіе брачнаго агентства, имѣющаго цѣлю „посредствомъ браковъ между дворянствомъ и буржуазіей создать *новую расу*, въ которой общество ощущаетъ настоятельную необходимость“. Это объявленіе въ первый разъ выпущено въ то время, когда въ версальскомъ собраніи съ энтузіазмомъ твердили, что отнынѣ нѣтъ уже мѣста соперничеству между Бурбонами и Орлеанами; что прекратилась вражда между старшей и младшей линіями. Вотъ это объявленіе во всей его неприкосновенности:

„Богатые браки.

„Брачное учрежденіе для всей Франціи,

„основанное г-жею де-Сен-Жюсть

„съ цѣлю облегчить почетнымъ и богатымъ семействамъ заключеніе брачныхъ союзовъ, вполне соответственныхъ какъ въ фізіологическомъ, такъ и соціальномъ отношеніяхъ.

„Приданое отъ ста тысячъ до нѣсколькихъ милліоновъ.

„Улица Мобезъ, 42, въ Парижѣ.

„Имѣя въ виду эту благу цѣль, я открыла новое учрежденіе и позволяю себѣ предложить въ важномъ брачномъ вопросѣ мое вполне искреннее материнское содѣйствіе. Я смотрю на это

дѣло, какъ на полезное и социальное-необходимое. Становясь посредницей въ заключеніи брачныхъ союзовъ между почетными семействами, я исполняю обязанность и долгъ, налагаемый на меня настоящими обстоятельствами, когда наше общество, потрясенное въ своихъ основахъ, имѣетъ нужду снова окрѣпнуть и ищетъ преданныхъ и мужественныхъ людей, которые-бы помогали осуществленію совершающагося теперь перерожденія общества. Аристократія и буржуазія дѣлаютъ постоянно попытки къ сближенію посредствомъ брачныхъ союзовъ. Одни приносятъ славное имя, другіе богатство, честно приобретенное способностями и трудомъ. Отъ такихъ союзовъ должна произойти *новая раса*, сильная и здоровая, въ которой вмѣстѣ соединенныя семейныя добродѣтели съ рыцарскими, трудъ съ честью, способности съ богатствомъ, дадутъ элементы, необходимые для возрожденія общества. Воспитанная въ монастырѣ „*Sacré Coeur*“ я могу смѣло сказать, что мое образованіе, мои принципы, мои религіозныя чувства служатъ достаточной гарантіей пользы, которую принесетъ мое учрежденіе. Я отдаю свое дѣло подъ покровительство духовенства. Цѣль, которую я преслѣдую, свята и возвышенна. Я убѣждена, что люди честные поймутъ ее и пойдутъ однимъ путемъ со мной, принявъ своимъ девизомъ:

„Франція, Религія, Семья“.

Это объявленіе быстро облетѣло всю Францію. Іезуиты явно взяли новое учрежденіе подъ свое покровительство. Со всѣхъ сторонъ посыпались письма къ воспитанницѣ „*Sacré Coeur*“ и она въ нѣсколько мѣсяцевъ получила 30,000 франковъ, присланныхъ ей за комиссію и, будто-бы, на крайне-необходимые первоначальные расходы по брачному дѣлу. Но добродѣтельная женщина вскорѣ должна была вынести большія непріятности. Ее притянули къ суду за то, что она подъ своими объявленіями подписывалась г-жа *де-Сен-Жюсть*, желая тѣмъ показать, что она аристократка, между тѣмъ ея настоящая фамилія была чисто-лабочная: „*Жюберъ*“. На судѣ выяснились обстоятельства, которыя она, конечно, тщательно скрывала отъ своихъ кліентовъ. Разойдясь съ мужемъ, — мы не сомнѣваемся, что по самымъ уважительнымъ причинамъ, — она попала на содержаніе къ богатому человѣку, отъ котораго требовала такъ много, что онъ совершенно раззорился, а она успѣла припрятать хорошій кушъ, давшій ей возможность вести рос-

кошную, разбѣянную жизнь. Но подошелъ критическій для женщины возрастъ и почтенная дама ударилась въ ханжество. Она стала ѣздить на богомолья подъ именемъ графини Сен-Обвѣ. Ложный титулъ и дружба съ патерами открыли ей двери Сен-Жерменскаго предмѣстья. Когда-же она порастратила деньжонки, легко ею пріобрѣтенныя, она принялась за ремесло свахи. Благодаря протекціи, духовенства, изобрѣтательница новой аристократически-буржуазной расы была присуждена всего къ 500 франкамъ штрафа и къ публичному выговору.

А вотъ и другое, подобное-же объявленіе:

„Г-жа Сен-Фаръ.

„(Скромность—Вѣрность)

„Двѣсти невѣсть.

„Уполномоченная ими, я не требую ничего съ лицъ, которыя пожелаютъ познакомиться съ этими двѣицами, находящимися у меня ежедневно съ 10 часовъ утра до 4-хъ по-полудни. Осматривая ихъ, женихи или главы семействъ, которымъ предстоитъ необходимость устроить молодыхъ людей ихъ фамилій, будутъ испытывать только одно затрудненіе: сдѣлать

„выборъ

„счастія, имъ вполнѣ гарантированнаго“.

И это нескладное объявленіе было также замѣчено; сваха получала хорошіе доходы, пока полиція не виѣшалась въ дѣло. Въ этомъ предпріятіи подозрительная администрація усмотрѣла нѣчто похожее на проституцію и уговорила сѣрдобольную сваху болѣе не печатать заманчивыхъ рекламъ.

Такихъ посредницъ для заключенія брачныхъ союзовъ много развелось во Франціи, и явныхъ, и тайныхъ, и число браковъ при посредствѣ брачныхъ агентствъ, съ каждымъ годомъ поразительно увеличивается. Нечего и говорить, насколько *гарантируется счастіе* брачнаго союза при такомъ способѣ его заключенія. Безпрестанные процессы о разводѣ служатъ лучшимъ отвѣтомъ на рекламы свахъ, въ родѣ г-жи Сен-Фаръ. Сообщимъ здѣсь нѣсколько фактовъ, послужившихъ въ послѣднее время предметомъ толковъ во „всемъ Парижѣ“. Начнемъ съ сказанія о герцогѣ Х., дѣло котораго должно было производиться въ судѣ, но окончилось примиреніемъ.

Герцогъ Х., 50 лѣтъ, носить одно изъ знатнѣйшихъ именъ

Франціи. Игрокъ и мотъ, онъ почти совершенно раззорился. Мы говоримъ „почти“, потому-что у него оставалось еще 150,000 франковъ дохода, но при его привычкахъ къ роскошной жизни, такая сумма была слишкомъ недостаточна для его потребностей. Онъ рѣшилъ, что для поправленія обстоятельствъ, ему слѣдуетъ жениться на золотомъ мѣшеѣ. Агентство отыскало ему некрасивую, но богатую дочь банкира. Свадебнымъ контрактѣмъ, на его личные потребности былъ переданъ изъ женинаго приданого ежегодный доходъ въ 75,000 франковъ. Вечеромъ, въ день брака. Х. исчезъ. На другое утро его жена получила отъ него слѣдующее письмо:

„Вы желали быть герцогиней. Вы вышли за меня замужъ изъ-за титула, я женился на васъ изъ-за состоянія, которое предоставлено мнѣ брачнымъ контрактомъ и которымъ я могу распоряжаться по своему произволу. Мы не любимъ и, конечно, никогда не полюбимъ другъ друга. Носите титулъ герцогини, а мнѣ предоставьте наслаждаться состояніемъ, и будемъ жить спокойно, не стѣняя одинъ другого. Я вамъ предоставляю полную свободу, и прошу васъ не тревожить меня; затѣмъ примите увѣреніе въ уваженіи вѣрнаго вамъ супруга—только по имени—герцога Х“.

Другой фактъ. Одна дама, перерывая бумаги, сохранявшіяся въ старомъ фамиліномъ бюро, нашла пакетъ съ письмами, въ которыхъ она открыла, что ея мужъ, приобретенный ею черезъ агентство, — оказывается ея незаконнымъ братомъ. Прибѣгнуть къ разводу было неудобно, потому-что супруги имѣли дѣтей. Они представили это дѣло на разрѣшеніе св. отца-папы. Отвѣта изъ Рима еще не получено.

Подобные браки въ большинствѣ случаевъ отличаются крайней непропорціональнію въ лѣтахъ супруговъ. Десятилѣтняя разница считается самой приличной* и удобной пропорціональнію, но и она встрѣчается въ рѣдкихъ случаяхъ. Чаше-же всего одряхлѣвшій старикъ вступаетъ въ бракъ съ юной, только-что начинающей жить дѣвушкой. Теперь уже стало аксіомой, что въ средѣ состоятельныхъ классовъ французскаго населенія женщина выходитъ замужъ въ то время, какъ ей слѣдуетъ вступить въ жизнь, мужчина-же женится тогда, когда ему пора думать объ окончаніи счетовъ съ жизнью. Не проходитъ трехъ, четырехъ лѣтъ послѣ замужества, а уже женщина начинаетъ сознавать, что бракъ со-

всѣмъ не такъ отраденъ, какъ она думала. Мужчинѣ такія думы, конечно, не могутъ придти въ голову; онъ хорошо знаетъ, что онъ дѣлаетъ; онъ могъ предвидѣть послѣдствія своего неразумнаго брака, и въ очень рѣдкихъ случаяхъ не оправдывается его предвидѣнiе. Жѣнщина, выходя замужъ, ждетъ отъ брака всего; мужчина ничего, кромѣ развѣ небольшого увеличенiя комфорта. Жѣнщина ждетъ любви отъ мужа, ждетъ его инициативы. Но можетъ-ли ей дать любовь, можетъ-ли проявить инициативу отжившiй старикъ, которому нужна не жена, не подруга, а сидѣлка, умѣющая ухаживать за больнымъ? Къ какимъ-же результатамъ можетъ привести союзъ, если мужъ и жена не понимаютъ другъ друга, если для каждаго изъ нихъ извѣстныя слова, извѣстные предметы имѣютъ различное значенiе. И надо еще удивляться, что не всѣ такiе браки приводятъ къ обманамъ, къ супружеской невѣрности, реальной или мысленной. Къ такимъ-же результатамъ ведетъ бракъ развратника, хотя и молодого, съ дѣвушкой чистой и нравственной. Подобный бракъ изображенъ въ романѣ Арсена Гуссе: „Tragique aventure de bal masqué“. Арсенъ Гуссе — любимецъ высшаго парижскаго общества и знаетъ его хорошо; всѣ его герои взяты съ натуры и вполнѣ вѣрны дѣйствительности. Въ кружкахъ высшаго парижскаго общества Арсенъ Гуссе считается своимъ, на него смотрятъ, какъ на выразителя мнѣнiй этого общества. Такъ, и въ названномъ романѣ, всѣ лица списаны съ натуры; самое событiе взято изъ дѣйствительной жизни. Виконтъ, герой романа, развратникъ, своими скандальными похождениями вывелъ, наконецъ, изъ себя свою юную супругу.

— „Вы принимаете меня за пансионерку, сказала она ему. — Но пора намъ, наконецъ, снять свои маски! Знайте, милостивый государь, что я возвратилась съ бала, гдѣ были и вы; что я ужинала за однимъ столомъ съ вами и сидѣла противъ васъ и вашей любовницы. Вы указали мнѣ дорогу; я послѣдую по ней до самаго конца!

— „Я, кажется, понимаю вашъ намекъ, сударыня. Вы хотите мнѣ сказать: у тебя есть любовница, а, въ свою очередь, заведу себѣ любовника!

— „Да, милостивый государь, вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ я твержу эту фразу.

— „Вы забываете, съ кѣмъ вы говорите! Передъ вами виконтъ де-Марсиньи!

— „А, вамъ угодно разыгрывать передо мною комедію, гдѣ дѣйствующими лицами предки! Вы намѣрены потревожить въ гробахъ старыхъ Марсиньи, начиная съ тѣхъ, которые умерли во время Крестовыхъ походовъ? Ну, и прекрасно! Знаете-ли вы, что я скажу имъ, когда они явятся сюда съ своими знаменами и щитами?..

„Бланшъ, на лицѣ которой выражалась твердая рѣшимость, пріостановилась на послѣднемъ словѣ.

— „Перестаньте! закричалъ ей мужъ.

— „Я скажу имъ, продолжала невозмутимо виконтеса:—монсенъеры, вашъ потомокъ, виконтъ де-Марсиньи... рогоносецъ!“

Было время во Франціи—во времена регентства—когда слово „рогоносецъ“ произносилось очень хладнокровно и не особенно огорчало мужей. Но со времени іюльской монархіи, когда буржуазія стала тѣснѣе соединяться съ дворянствомъ, взглядъ на семейныя отношенія нѣсколько измѣнился и на слово „рогоносецъ“ снова стали смотрѣть, какъ на имѣющее фатальное значеніе, а мужъ, украшенный длинными рогами, сталъ предметомъ насмѣшекъ. Конечно, отъ этого сущность дѣла нисколько не измѣнилась; люди стали только лицемернѣе, начали болѣе всего заботиться о соблюденіи вѣнскихъ приличій; казаться, но не быть—въ этомъ заключался вопросъ общезитія, въ этомъ выражалось умѣнье жить. Всякій мужъ ревниво оберегалъ свою репутацію; особенными ревнивцами всегда оказывались мужья, считавшіе излишней вѣрность своей женѣ; позволяя себѣ и тайный, и явный развратъ, они требовали, чтобы жены оставались имъ вполне вѣрны. Конечно, мужья поступали такимъ образомъ и прежде, но никогда во Франціи не было такъ сильно развито шпіонство за женами, какъ въ настоящее время. Въ Парижѣ образовалось особое учрежденіе, съ спеціальной задачей слѣдить за женами по порученію мужей. Приводимъ циркуляръ, разосланный однимъ изъ такихъ агентствъ. Конечно, это образцовое произведеніе удостоились получить только люди богатые.

„Г. Х., отставной полицейскій чиновникъ, наслѣдникъ г. Z, улица..., домъ №..., имѣетъ честь сообщить, что онъ продолжаетъ заниматься спеціальностію, благіе результаты которой достойно

оцѣнены обществомъ. X. беретъ на себя интимныя частныя дѣла... преимущественно постоянное, ежедневное наблюденіе, необходимое для того, чтобы убѣдиться не только въ томъ, что возбуждаетъ болѣе или менѣе основательныя сомнѣнія, но также и въ томъ, на что существуютъ вѣрныя подозрѣнія, но въ чемъ самому увѣриться невозможно“.

Французскія газеты утверждаютъ, что нѣкоторые мужья, которыхъ дѣла задерживаютъ въ Парижѣ, въ то время, какъ жены ихъ отправляются на морскія купанья, обращаются къ содѣйствію подобныхъ агентовъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться невѣроятнымъ; газетной уткой, но вспомните фарсъ Мельяка и Галэви „Tricoche et Cocholet“, съ болышимъ успѣхомъ игравшійся на пале-рояльскомъ театрѣ, — въ этомъ фарсѣ разоблачены плутни чудовищнаго шпіонскаго учрежденія, — вспомните объ этомъ успѣхѣ — и кажущаяся утка превратится въ фактъ горькой дѣйствительности. Агенты этого учрежденія, сущіе мазурики, ведутъ жизнь роскошную, имъ покровительствуютъ люди богатые, располагающіе болышимъ вліяніемъ, и ихъ темныя дѣлишки всплываютъ на свѣтъ только послѣ того, какъ грандіозная мерзость, ими совершенная, заставитъ судебную власть назначить слѣдствіе и за тѣмъ привлечь виновныхъ къ суду.

Въ „Gasette des Tribunaux“ безпрестанно печатаются процессы о нарушеніи супружеской вѣрности. Всѣ они, конечно, оставляли на себѣ вниманіе публики, жадной до скандаловъ. Болѣе другихъ процессовъ общественное мнѣніе занималось процессами принца и принцессы Вофрэмонъ, графа и графини Тюрель, маркиза и маркизы Габріэль-Делапортъ-о-Лу. Подробности, раскрытыя этими процессами, нанесли-бы безчестіе послѣднему невѣжественному пьяницѣ, не только людямъ, которые сами зовутъ себя образованными и развитыми.

Много было также и уголовныхъ процессовъ; судили убійцъ, совершившихъ преступленіе вслѣдствіе семейныхъ несогласій. На примѣръ, одинъ маркизъ въ Оверни приревновалъ свою жену. Онъ отпустилъ всѣхъ слугъ, убилъ въ глазахъ жены двухъ ея дѣтей (онъ не считалъ ихъ своими, но не имѣлъ для того никакихъ доказательствъ), раздробилъ ей голову и затѣмъ убилъ себя... Другихъ примѣровъ приводить не будемъ — довольно одного...

Послѣ описанія такой поражающей драмы встаетъ будетъ разсказать смѣхотворное происшествіе о томъ, какъ два супруга вознамѣрились избавиться одинъ отъ другого. Эта брачная парочка принадлежать къ мелкой буржуазіи.

Мужъ ревновалъ жену и имѣлъ на то основательныя причины. Жена, въ свою очередь, имѣла право упрекать супруга въ невѣрности. Къ тому-же мужъ любилъ выпить, да и жена не отказывала себѣ въ удовольствіи иногда хватить рюмочку. Между супругами нерѣдко происходили бурныя сцены; сосѣди слышали шумъ отъ ломки мебели, отъ битья посуды, крики ненависти и самую отборную ругань. Наконецъ, сами супруги нашли, что такая жизнь нестерпима. Извѣстно, что въ Парижѣ самоубійство стало эпидемической болѣзью; ни въ одномъ городѣ въ мірѣ нѣтъ такого большого отношенія числа самоубійствъ къ общей численности населенія. И наши супруги рѣшили, что лучшимъ исходомъ для нихъ будетъ самоубійство. Однакожь, супругъ тотчасъ-же объявилъ, что для него невозможно видѣть агонію любезной жены; супруга также нашла, что при ея слишкомъ слабыхъ нервахъ ей будетъ мучительно смотрѣть на предсмертныя страданія своего милаго мужа. Для избѣжанія такой взаимной непріятности, послѣ долгихъ преній, супруги пришли къ слѣдующему рѣшенію: съ жизнью покончить въ 9 часовъ этого-же вечера; мужъ убьетъ себя выстрѣломъ изъ пистолета въ столовой; въ то-же время жена бросится изъ окна кухни (въ 5-мъ этажѣ) на улицу. Цѣлый день прошелъ спокойно; супруги написали завѣщаніе, съ которымъ пришлось возиться очень не долго: дѣтей у нихъ не было, долговъ тоже. Весь день они оба ходили задумчивые, изрѣдка перебрасываясь словами. „Мужайся, моя милая!“ говорилъ мужъ. „О! какъ я дивлюсь твоему изумительному мужеству!“ отвѣчала жена. Когда начало темнѣть, они снова дали слово непремѣнно покончить съ жизнью. Въ 8^{1/2} часовъ они простились другъ съ другомъ, горячо поцѣловавшись. Мужъ ушелъ въ столовую, а жена въ кухню. Прошло полчаса, долгихъ, мучительныхъ, ужасныхъ. Мужъ зарядилъ пистолетъ. Часы пробили девять; ихъ бой показался погребальнымъ обоимъ супругамъ. Вдругъ до слуха мужа долетѣлъ раздирающій душу крикъ и паденіе тяжелаго тѣла на тротуаръ. Онъ схватился за пистолетъ; руки его дрожали, однакожь онъ спустилъ курокъ, но понятно,

что второпяхъ онъ направилъ выстрѣлъ не въ голову самому себѣ, какъ было имъ условлено съ женою, а въ потолокъ. На шумъ выстрѣла прибѣжали сосѣди (дверь забыли заперѣть) и потребовали объясненій отъ мужа, котораго била лихорадка.

— О, Боже мой, вскричалъ онъ, — если-бъ вы знали, какъ я несчастливъ...

— Въ чемъ дѣло?

— Моя жена бросилась въ окно... Чувствуя себя не въ силахъ перенести эту ужасную потерю... я намѣревался покончить съ жизнью... но сильное волненіе, мучительная тревога... я выстрѣлилъ и промахнулся!..

Сосѣди въ ужасѣ бросились въ кухню, куда лихорадочнымъ жестомъ указывалъ имъ мужъ, и нашли тамъ жену, почти въ истерикѣ отъ душивнаго ея смѣха; не желая прыгать съ пятого этажа, она бросила за окно мѣшокъ съ углемъ.

Супруги свидѣлись; нѣсколько мгновеній они не могли поднять глазъ одинъ на другого, потомъ страстно поцѣловались и дали слово ссориться какъ можно рѣже.

Могутъ сказать, что приведенные примѣры составляютъ исключеніе, но что вообще большинство браковъ въ средѣ состоятельныхъ классовъ французскаго общества принадлежитъ къ числу счастливыхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, твердило большинство версальскаго національнаго собранія, когда поднять былъ вопросъ о разводѣ, въ которомъ партія реформы видѣла облегченіе отъ существующей неурядицы при заключеніи браковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ средѣ состоятельныхъ классовъ встрѣчаются счастливые браки; но также несомнѣнно, что много браковъ и несчастныхъ. Пропорціонально ихъ, можетъ быть, больше, чѣмъ, на примѣръ, въ деревняхъ, между крестьянами. Понятно также, что несчастливыхъ браковъ не мало и между крестьянами. Людскими слабостями и недостатками страдают всѣ классы общества. Преступленія, являющіяся результатомъ нераціональных брачныхъ отношеній, совершаются и маркизомъ, и извощикомъ; измѣняютъ и жены аристократовъ, и жены мелочныхъ лавочниковъ. Но, конечно, кому больше дается, съ того больше и спрашивается. Поэтому, преступленія лицъ, занимающихъ высшее общественное положеніе, возбуждаютъ больше говора и дольше удерживаются въ памяти, чѣмъ преступленія мало извѣстныхъ личностей. Во вся-

вомъ случаѣ, несомнѣненъ тотъ фактъ, что брачныя несогласія въ высшихъ классахъ французскаго общества встрѣчаются чаще, чѣмъ въ массѣ всего остального населенія Франціи. Существуетъ общераспространенное убѣжденіе, что французскій народъ легкомысленъ и вѣтренъ и что во Франціи супружеская невѣрность стала самымъ обыденнымъ явленіемъ. Такое мнѣніе, конечно, невѣрно. Во Франціи процентъ супружескихъ невѣрностей, если-бъ его можно было опредѣлить, оказался-бы никакъ не выше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но Парижъ, какъ всемірная толкучка, удобнѣе для наблюденій болѣе, чѣмъ другіе города. Поэтому подвиги такихъ шалопутовъ, какъ члены Жюкей-клуба, въ Мабилѣ, въ Шато-де-Флеръ и въ другихъ увеселительныхъ мѣстахъ, рѣзко бросаются въ глаза и остаются въ памяти наблюдателей. Шалопуты, конечно, есть и вездѣ, но, къ сожалѣнію, во Франціи многіе изъ нихъ попали въ версальское національное собраніе, засѣли на скамьи законодателей и твердятъ о необходимости водворить во Франціи „нравственный порядокъ“.

II.

Поговоримъ о *дѣлахъ*. Теперь дѣловые люди въ модѣ во Франціи; „дѣла“ составляютъ гордость французской буржуазіи. „Страница дѣлъ, говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей генеральный прокуроръ французскаго суда,—представляетъ собой самую любопытную, самую блистательную, но вмѣстѣ и самую печальную изъ страницъ исторіи нашего вѣка. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе интересное и болѣе поучительное для хладнокровнаго наблюдателя, который не даетъ себя умчать бушующему вокругъ него вихрю. Теорія дѣлъ изумительно упрощена людьми геніальными, удивительно расширена людьми инициативы. Масса способностей, дѣятельности, энергіи и, въ то-же время, безнравственности, расходуемая въ мірѣ дѣлъ, превосходитъ самое пылкое воображеніе маленькихъ людей мелкой буржуазіи. Въ каждой столицѣ биржа представляетъ собою жизненный нервъ страны; агломерация биржъ обоихъ полушарій—очагъ человѣческой дѣятельности, центръ современной цивилизаціи. Борьба между арміями, между дипломатами, между различными религіями, между

различными научными системами, вмѣстѣ взятая, не приводятъ въ движеніе столько головъ, сколько требуетъ борьба между тѣми, кто продаетъ, и тѣми, кто покупаетъ, между тѣми, кто играетъ на повышеніе, и тѣми, кто играетъ на пониженіе. Такимъ образомъ, страсть къ биржевымъ дѣламъ принадлежитъ къ числу самыхъ ужасныхъ и наиболѣе поглощающихъ человѣка страстей; она, обыкновенно, бываетъ послѣдствіемъ другихъ страстей и легко замѣняетъ ихъ всѣ. Истинный биржевой игрокъ доходитъ до того, что вся жизнь сосредоточивается для него въ игрѣ на биржѣ; дебютируя, онъ игралъ для выигрыша, теперь же играетъ для самой игры; онъ теряетъ — и все-таки продолжаетъ играть. Онъ погибаетъ отъ игры такъ-же, какъ курильщикъ опиума гибнетъ отъ опиума, любитель абсента — отъ поглощаемого имъ яда. Мы знаемъ, что многіе земледѣльцы, промышленники, поэты, артисты, теологи стали биржевыми игроками. Но очень рѣдки примѣры обращенія биржевыхъ игроковъ въ земледѣльцевъ, комерсантовъ, поэтовъ, литераторовъ и теологовъ. На биржѣ обогатиться очень легко и въ то-же время очень трудно: для обогащенія требуется и минимумъ, и максимумъ способностей. Нѣкогда, въ средніе вѣка, небогатый рыцарь находилъ самымъ удобнымъ для себя отыскивать средства для существованія на большихъ дорогахъ; онъ грабилъ караваны съ товарами на сухомъ пути, бралъ въ плѣнъ нагруженные суда, если рѣка проходила по его владѣніямъ; однакожъ, рыцарь не всегда успѣвалъ въ своемъ предпріятіи; случалось и ему поплачиваться своими боками, случалось и такъ, что караванъ, для котораго рыцарь цѣлую ночь сидѣлъ въ засадѣ, оказывался безъ товаровъ: шли возчики, а купецъ съ деньгами уѣхалъ по другой дорогѣ. Нынче не то; нынче сами деньги идутъ къ спекулятору, который, сидя въ покойномъ креслѣ, изрекаетъ магическія слова, чертитъ на бумагѣ какіе-то значки и въ тотъ-же моментъ въ его кассу сыпятся золотыя монеты, тысячныя, десяти-тысячныя и сто-тысячныя банковые билеты. Повидимому, не требуется никакихъ усилій, чтобы сдѣлаться крупнымъ собственникомъ. Вскорѣ золотыя монеты и банковые билеты преобразовываются въ замки и дворцы, въ бароніи, въ мѣста представителей въ версальскомъ національномъ собраніи; счастливый биржевой игрокъ получаетъ вліяніе, значеніе, вѣсь въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Еже-

годно много молодых людей въ порванныхъ башмакахъ, съ двумя су въ карманѣ и съ здоровымъ деревенскимъ аппетитомъ являются въ Парижъ. Проходя мимо греческаго храма въ Вивьенской улицѣ, они останавливаются здѣсь и говорятъ: „клянусь твоими колоннами, клянусь твоими широкими лѣстницами, я добьюсь того, что буду ѣздить въ коляскѣ, буду имѣть лакеевъ, залю брилліантами своихъ любовницъ и вдѣну въ петлицу своего фрака орденъ Почетнаго Легіона...“ Изъ этихъ честолюбцевъ нѣкоторые, дѣйствительно, добились богатства и считаются въ числѣ королей биржи. Но многіе изъ тѣхъ, кому не удалось, попали теперь на галеры или сидятъ въ рабочихъ домахъ. Но какая нужда заботиться о тѣхъ, кто палъ? Послѣ штурма богатства, такъ-же точно, какъ и послѣ штурма крѣпости, общее вниманіе бываетъ занато только счастливыми, уцѣлѣвшими послѣ боя, только тѣми, кто успѣлъ на стѣнахъ водрузить свое знамя“.

Дѣло статистика и экономиста оцѣнить, выгодны-ли для государства эти денежные спекуляціи и на-сколько онѣ способствуютъ увеличенію производительныхъ силъ страны, или-же не служатъ-ли онѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторые ученые, причиной обѣдненія страны? Мы-же не станемъ разрѣшать этихъ вопросовъ, но займемся опредѣленіемъ моральной фізіономіи дѣлового міра.

Въ настоящее время французское судебное вѣдомство, побуждаемое общественнымъ мнѣніемъ, занялось очисткой биржи, банковыхъ и другихъ финансовыхъ учреждений. До сихъ поръ это вѣдомство старалось не трогать всемогущихъ банковыхъ воротилъ, оно не вмѣшивалось въ ходъ дѣлъ на биржѣ, но обстоятельства сложились такъ, что не вмѣшаться оно рѣшительно не могло. Этимъ дѣломъ оно занимается восемнадцать мѣсяцевъ, но мужество уже начинаетъ покидать его. Едва только министерство юстиціи объявило о своемъ желаніи начать очистку, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались къ нему жалобы и сообщенія, преимущественно изъ Лондона. Въ этихъ жалобахъ сообщалось, что Парижъ въ послѣднее время сталъ притономъ шулеровъ, что на парижской биржѣ самымъ наглымъ образомъ мошенничаютъ и что, поэтому, вмѣшательство правительства въ биржевыя дѣла никуда не поведетъ.

Мошенничество на парижской биржѣ, дѣйствительно, поразительное; французы обыкновенно объясняютъ его тѣмъ, что на

ходъ финансовыхъ дѣлъ французской буржуазіи оказали сильное вліяніе политическіе перевороты, ареной которыхъ была Франція въ послѣднія 90 лѣтъ, а главное—продолжительное господство второй бонапартистской имперіи. Французскіе банкиры и комерсанты всегда любили заручаться покровительствомъ и поддержкой существующаго правительства и вели свои дѣла, рассчитывая на его помощь. Поэтому, вмѣстѣ съ паденіемъ поддерживавшаго ихъ правительства, дѣла многихъ изъ нихъ разстроивались и они объявляли себя банкротами. Нѣмецкая война и паденіе второй имперіи вызвали особенно много банкротствъ. И прежде парижская биржа не всегда отличалась строгой честностью, но во время второй имперіи, когда спекулятивная горячка достигла своего апогея, о честности на биржѣ перестали даже думать, такъ что одинъ острякъ совершенно справедливо замѣтилъ: „Какая странная надпись на греческомъ храмѣ въ улицѣ Вивьенъ! Вмѣсто „Биржа и Коммерческій Судъ“, гораздо правильнѣе написать: „Биржевыя дѣла—деньги, вынутыя изъ кармановъ доверчивыхъ людей“. И это не иронія: это самое жѣткое и самое научное опредѣленіе парижской биржи. Кто близко знакомъ съ ходомъ дѣлъ на парижской биржѣ, кому извѣстны закулисныя интриги этого учрежденія, кто приходилъ въ столкновеніе съ могущественными воротилами биржи, тотъ согласится, что лучшаго опредѣленія парижской биржи сдѣлать невозможно. Фейдо въ „Запискахъ маклера“ рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Миресомъ.

— Вамъ не удастся никакое дѣло на биржѣ, сказалъ ему Миресь, которому онъ сообщилъ о своемъ желаніи попробовать счастья:—вы придаете слишкомъ большое значеніе совѣсти и лишены необходимаго для этихъ дѣлъ мужества.

— Какъ такъ? спросилъ удивленный Фейдо.

— Да, у васъ нѣтъ мужества, необходимаго для насъ, биржевыхъ дѣятелей. Мы безпрестанно должны занимать деньги, зная отлично, что въ данный моментъ мы не можемъ рѣшить, въ состояніи-ли будемъ отдать ихъ или нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ приходилось-бы давать отвѣтъ отрицательный. Такого-то мужества у васъ навѣрное не хватитъ.

Этотъ разговоръ напомнилъ намъ извѣстную исторію, очень популярную въ Парижѣ, о кулисе (торгующій акціями виѣ

биржи), имя котораго газетами передавалось разное, а потому мы назовемъ его X. Эта исторія характеризуетъ вообще профессію кулисы, противъ которой уже давно возстаетъ французское общественное мнѣніе; оно требуетъ, чтобы правительство запретило эту профессію.

Въ одинъ день, за нѣсколько недѣль до того, какъ X. притянули къ суду, онъ угощалъ у себя обѣдомъ нѣсколькихъ пріятелей. Обѣдъ и вина были превосходны. Во время тоста за здоровье хозяина кто-то сильно позвонилъ у дверей подъѣзда.

— Жозефъ! закричалъ X., удивленный и взбѣшенный, — посмотрите, кто это осмѣливается звонить такимъ образомъ.

Слуга поспѣшилъ къ окну.

— У подъѣзда стоятъ двое полицейскихъ, сказалъ онъ.

— Гм! пробормоталъ X., поблѣднѣвъ: — двое пол....

И не окончивъ слова, онъ быстро вошелъ въ кухню, спустился по черной лѣстницѣ и куда-то скрылся, оставивъ въ недоумѣніи своихъ гостей.

Въ самомъ дѣлѣ, это были двое полицейскихъ, слѣдившихъ сообщить хозяину дома, что у него выкинуло огонь изъ кухонной трубы.

X. убѣжалъ изъ Парижа и только черезъ 20 дней открыли его убѣжище въ Брюге, но въ эти 20 дней дошли и до другаго открытія: узнали о множествѣ подлоговъ разнаго рода, совершенныхъ X.

Между всѣми „дѣлами“, которыхъ коснулось судебное разбирательство, пальму первенства, несомнѣнно, слѣдуетъ отдать *Трансконтинентальной компаніи*. Это международное дѣло велось знаменитыми творцами пуфовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, совместно съ замѣтными дѣятелями второй французской имперіи. На судѣ открылись такія подробности, что невольно приходится задать вопросъ: чему болѣе удивляться — размѣрамъ ли плутовства или наглости инициаторовъ предпріятія? Участники въ этомъ предпріятіи принадлежали къ кружкамъ общества, игравшаго замѣтную роль въ Парижѣ и Нью-Йоркѣ. Нѣкоторые изъ обвиняемыхъ въ свое время занимали видныя административныя должности.

Организаторомъ предпріятія былъ извѣстный генералъ Фремонъ, котораго часть либеральной партіи въ Соединенныхъ Шта-

тахъ выставляла даже кандидатомъ въ президенты республики. Его ближайшимъ помощникомъ и, главное, примѣнителемъ его идей на практикѣ былъ Гольдре Буало, сенаторъ, французскій консулъ въ Нью-Йоркѣ, а затѣмъ генеральный консулъ въ Перу, зять, какъ и Фремонъ, сенатора Бентона. Затѣмъ между главными агентами предпріятія особенно выдаются: Лисиньоль, способный инженеръ, племянникъ генерала; Крампонъ и Паради, журналисты, издатели газетъ; Пробстъ, нѣмецкій еврей, интендантъ французской арміи во время мексиканской экспедиціи; Пупина, банкиръ; Роланъ Госсэлинь, синдикъ парижской корпораціи продавцевъ государственныхъ бумагъ, акцій и пр. Кромя этихъ главныхъ дѣятелей, отчасти прикосновенными къ этому дѣлу оказались: бывшій министръ второй имперіи Руланъ и даже самъ знаменитый Руэръ.

Во время мексиканской экспедиціи, Пробстъ, въ качествѣ французскаго агента, получилъ порученіе сдѣлать въ Луизианѣ и въ обоихъ Каролинахъ необходимыя закупки для экспедиціонной арміи. Выполняя это порученіе, Пробстъ близко познакомился съ генераломъ Фремонемъ, который въ то время дѣятельно хлопоталъ о составленіи компаніи мемфиской желѣзной дороги. Успѣшныя дѣйствія компаніи, соединившей желѣзной дорогой Нью-Йоркъ съ Сан-Франциско, — слѣдовательно, океаны Атлантическій и Тихій, — возбуждалъ зависть въ спекуляторахъ. Фремонъ и Пробстъ рѣшили, что мемфиская желѣзная дорога должна составить конкуренцію нью-іорко-сан-францискской, для чего слѣдуетъ вести ее отъ порта Норфолька на Атлантическомъ океанѣ до порта Сан-Діего на Тихомъ, на протяженіи около 5,000 верстъ, а для того, чтобы достигнуть успѣшной подписки на акціи, ей слѣдуетъ дать имя: „Трансконтинентальная желѣзная дорога“. Въ то время, какъ Фремонъ соединился съ Пробстомъ, дѣла компаніи шли плохо и ей грозило совершенное фіаско. Штатъ Техасъ, давшій обѣщаніе уступить компаніи земли, теперь рѣшительно отказывался выполнить свое обѣщаніе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не вѣритъ въ серьезность дѣла и въ прочность компаніи. Подписка на акціи не удалась и въ кассѣ компаніи не было ни гроша. Познакомившись съ положеніемъ дѣла, Пробстъ замѣтилъ, что если американцы не желаютъ разставаться съ своими долларами, то французы навѣрное будутъ уступчивѣе и охотно внесутъ

свои сбереженія въ кассу компаніи. Фремонъ повѣрилъ своему товарищу и, принявъ въ дѣло своего зятя Буало, вмѣстѣ съ нимъ вручили Пробсту значительную сумму денегъ—приданое ихъ женѣ—для расходовъ на пріобрѣтеніе газетныхъ статей, которыми слѣдовало „подогрѣть дѣло“, какъ выражаются предприниматели на своемъ промышленномъ жаргонѣ. Пробстъ тотчасъ же отправился въ Парижъ. Сдѣлавъ необходимыя развѣдки, онъ остановилъ свое вниманіе на извѣстныхъ пройдохахъ въ журнальномъ мірѣ: Паради и Крампонъ и на молодомъ Лисинболѣ, которому предложилъ именоваться главнымъ инженеромъ компаніи.

Въ маѣ 1869 г. стѣны Парижа покрылись громадными афишами, иллюстрированными раскрашенными географическими картами. Два синіе океана на картѣ соединялись толстой красной чертой, долженствующей изображать собою „трансконтинентальную, мемфискую, тихоокеанскую желѣзную дорогу“. Объявленіе гласило, что эта дорога въ нѣсколько лѣтъ должна чрезмѣрно обогатить акціонеровъ, которые будутъ получать баснословные дивиденды, благодаря уже тому обстоятельству, что вашингтонскій конгрессъ уступилъ безвозмездно компаніи значительное количество земли; эту землю со временемъ можно будетъ продать по хорошей цѣнѣ, а до тѣхъ поръ она будетъ служить весьма удовлетворительнымъ залогомъ на деньги, внесенныя акціонерами за акціи. Были пущены въ ходъ разные благопріятные для компаніи слухи, на примѣръ, что мемфиская компанія соединяется съ нѣкоторыми другими, уже дѣйствующими компаніями желѣзныхъ дорогъ, что союзное правительство гарантируетъ ей доходъ въ 6 процентовъ, и т. под.

Но, несмотря на всѣ эти рекламы, дѣло плохо двигалось впередъ. Акціи трансконтинентальной желѣзной дороги не были внесены офиціально въ реестръ бумагъ, обращающихся на парижской биржѣ, и, слѣдовательно, ими нельзя было играть на повышеніе и пониженіе. Для внесенія ихъ въ этотъ реестръ существовало непреодолимое препятствіе. Парижская биржа, согласно своему уставу, можетъ вносить въ реестръ иностранныя бумаги только въ такомъ случаѣ, если онѣ внесены въ реестры и потомъ не были сняты съ нихъ на биржахъ той страны, гдѣ дѣйствуетъ компанія. Трансконтинентальныя акціи не были внесены въ реестръ нью-іоркской биржи, самая компанія уже почти прекратила свое

существованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. По этимъ соображеніямъ банкирская палата при парижской биржѣ отказала въ просьбѣ вписать въ реестръ акціи этой компаніи.

Этого мало. Генераль Кюзере, лично знакомый съ Фремономъ, напечаталъ въ газетѣ „Reforme“ рядъ статей, въ которыхъ доказывалъ, что трансконтинентальная компанія просто плутня. Подобное-же предостереженіе явилось въ газетѣ „Eclairteur financier“, издатель которой получилъ отъ живущихъ въ Парижѣ американцевъ положительныя свѣденія объ этомъ дѣлѣ; если-бъ оно представляло какіе-нибудь шансы на успѣхъ, американцы не выпустили-бы его отъ себя.

Положеніе становилось критическимъ; оставалось прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ, энергическимъ мѣрамъ. Лисиньоль, катавшійся въ это время не разъ изъ Нью-Йорка въ Парижъ и обратно, сдѣлалъ значительныя заказы у крупныхъ заводчиковъ, о чемъ постарался довести до свѣденія французскаго министра публичныхъ работъ и былъ ему представленъ. Паради и Пупинэ начали противъ издателя „Eclairteur financier“ искъ въ диффамациі, требуя вознагражденія милліонъ франковъ. Обвиненія въ диффамациі въ то время разбиралъ полицейскій судъ. Никакія доказательства не принимались отъ обвиняемаго и издатель „Eclairteur“ былъ-бы непременно обвиненъ, если-бъ онъ не вымолилъ покровительства Руэра; при вмѣшательствѣ государственнаго министра дѣло было прекращено. Отъ Кюзере отдѣлаться было еще легче. Его обвинили, какъ клеветника и авантюриста; полиція уже на-мѣревалась схватить его, но онъ прибѣгъ къ защитѣ американскаго посольства, какъ американскій гражданинъ, и успѣшилъ уѣхать изъ Франціи.

На Кюзере натравилъ полицію Крампонъ. Этотъ маленькій человекъ, самаго слабаго тѣлосложенія, одаренъ былъ замѣчательно-сильнымъ характеромъ; онъ былъ хитеръ и къ тому-же ханжа; онъ всегда твердо шелъ къ своей цѣли, считая пригодными всякія средства. Это былъ Вельо финансоваго міра. Онъ сдѣлалъ себѣ карьеру при помощи іезуитовъ и на биржѣ служилъ провозвѣстникомъ ихъ идей и желаній. Онъ началъ яростными нападеніями на финансовыхъ тузовъ еврейскаго происхожденія. Онъ издѣвался надъ Ротшильдомъ; онъ обвистывалъ Миреса; онъ запугалъ обоихъ Мильо, какъ Моисея, такъ и Мардохея; онъ би-

чеваль Эмиля Перейру; онъ хлесталь Исаака. Своимъ чуткимъ носомъ онъ всегда выслѣживаль между биржевыми игроками еврея по происхожденію и тотчасъ-же старался заплевать и загрязнить его. На литературномъ поприщѣ Крампонъ дебютировалъ въ легитимистской „Gazette de France“, которая въ то время была еще непримиримымъ врагомъ бонапартизма и клеймила всѣхъ, кто дѣлалъ малѣйшую уступку второй имперіи. Здѣсь Крампонъ работаль недолго; вскорѣ онъ перешель въ „Monde“ и „Univers“, болѣе ему сроднимъ, и сдѣлался закадычнымъ другимъ Вельо. Работая въ этихъ клерикальныхъ органахъ, онъ приобрѣль извѣстность и тогда основаль свою собственную газету—„Finance“, съ цѣлью поддерживать нѣкоторыя финансовыя предпріятія въ Парижѣ и въ особенности въ Брюсселѣ клерикальное предпріятіе извѣстнаго Ланграна Дюмонсо, плутни котораго года два тому назадъ обнаружены судомъ. Но издавая свою газету, Крампонъ добивался чести сотрудничать въ „Revue des Deux Mondes“ и нѣкоторое время въ каждомъ номерѣ этого журнала помѣщаль финансовое обозрѣніе. Крампонъ уже пользовался и вліяніемъ, и значеніемъ въ то время, какъ Пробстъ подыскиваль подходящаго журналиста. Понятно, что два такіе молодца должны были тѣсно сблизиться. Крампонъ, ознакомившись съ дѣломъ, какъ ловкій человекъ, поручилъ „подогрѣвать“ его Паради, чѣмъ снималь съ себя прямую отвѣтственность, конечно, удержавъ за собой право полученія двухъ процентовъ съ подписной суммы на акціи.

Условившись досконально съ Пробстомъ, Крампонъ съ энергіей, достойной лучшей участи, принялся за дѣло „подогрѣванія“, начавъ сильнѣйшими нападками на „биржевыхъ монополистовъ“. На свой счетъ онъ издалъ брошюру Лисиньоля; писалъ статьи подъ его именемъ, подъ именемъ Паради и подъ разными другими фантастическими именами. Когда-же на трансконтинентальную компанію напали газеты „Reforme“ и „Eclaircur“, Крампонъ обозваль своихъ противниковъ „шулерами“; предсказываль, что „очень скоро они будутъ гнуть свои ростовщическія спины передъ генераломъ Фремономъ“, и, наконецъ, разразился такой рѣшительной рѣчью:

„Мы утверждаемъ, что слова нашихъ противниковъ, писалъ онъ,—будто-бы акціи трансконтинентальной компаніи не имѣють солиднаго обезначенія, составляютъ безчестную ложь. Мы утверж-

даемъ, что вашингтонскій конгрессъ уже вотировалъ гарантію процентовъ чистаго дохода. Мы утверждаемъ, что ни одинъ сантимъ, затраченный на акціи, не выйдетъ изъ Франціи. Мы утверждаемъ, что вся французская подписка пойдетъ въ уплату французамъ, строителямъ дороги. Мы утверждаемъ, наконецъ, что акціи этой дороги внесены въ реестръ нью-іорской биржи. Мы утверждаемъ, наконецъ, что съ мемфисо-тихо-океанійской компаніей слились компаніи желѣзныхъ дорогъ, идущихъ отъ портовъ Атлантическаго океана къ Мемфису, и что эксплуатируемая ими сѣтъ желѣзной дороги простирается слишкомъ на шестьсотъ миль и представляетъ собой цѣнность въ нѣсколько сотъ миллионовъ. Мы утверждаемъ все это, имѣя въ рукахъ доказательства, которыхъ, мы убѣждены, ничѣмъ нельзя опровергнуть.“

Но даже энергическія статьи Крампона не привели къ желательному результату: биржа по-прежнему оставалась непреклонной. Товарищи вызвали къ себѣ на помощь изъ Нью-Йорка дипломата Буало. Ловкій человекъ побывалъ у Руэра, побывалъ у синдика Ролана Госселина и дѣло было слажено. Обоихъ онъ увѣрилъ, что акціи трансконтинентальной компаніи внесены въ реестръ нью-іорской биржи, а для неопровержимаго доказательства своихъ словъ представилъ не официальный бюллетень нью-іорской биржи, не коллекцію американскихъ газетъ, но фальшивое свидѣтельство. Этотъ документъ былъ подписанъ какимъ-то несуществующимъ Спенсеромъ, явленъ у нотариуса Каппа, дѣйствительно существовавшего, но, въ моментъ явки документа, давно уже лежавшаго на кладбищѣ. Засвидѣтельствованъ-же документъ во французскомъ консульствѣ, т. е. самимъ Буало. Этотъ трижды фальшивый документъ вездѣ, гдѣ слѣдовало, былъ признанъ во Франціи вполнѣ законнымъ. Во время судебного разбирательства свидѣтельскими показаніями выяснено, что Буало пустилъ въ ходъ очень много другихъ документовъ, имѣвшихъ дѣйствительную денежную цѣнность, но въ чьи именно руки попали эти документы, судебнымъ слѣдствіемъ не обнаружено.

Въ то самое время, какъ парижская биржа помѣстила въ свой реестръ трансконтинентальныя акціи, „Официальная Газета“, органъ правительства, куда не могла проникнуть ни одна статья безъ согласія Руэра, напечатала благопріятный отзывъ о новой компаніи. Нѣсколько другихъ газетъ взяли подъ свою защиту

трансконтинентальную компанію и стали непрерывно твердить о ней своимъ читателямъ: одинъ день помѣщали объявленіе на четвертой страницѣ; на другой день рекламу на третьей; въ слѣдующій день въ отдѣлѣ „разныхъ извѣстій“ появлялись анекдоты изъ жизни краснокожихъ, при чемъ естатѣ и нестатѣ прилегалось сказаніе о мемфисо-тихо-океанійской желѣзной дорогѣ. Затѣмъ появлялась передовая статья о выгодахъ подписки на акціи новой компаніи или о постройкѣ дороги. Такъ что изъ всѣхъ этихъ статей, замѣтокъ и рекламъ могла-бы составить огромная книга съ приличествующимъ для нея заглавіемъ: „Чудеса трансконтинентальной компаніи“. Всѣ шлюзы были открыты и вода полилась широкой струей. Подписка на акціи, которою завѣдывали непосредственно Паради и Пушина, пошла успѣшно, и чѣмъ успѣшнѣе она шла, тѣмъ выше подымался тонъ дифирамбовъ, расточаемыхъ предпріятію въ газетахъ. На журнальныя рекламы предприниматели издержали 637,000 франковъ, о чемъ, конечно, успѣшили сообщить на ушко своимъ пріятелямъ, въ томъ расчетѣ, что тайна немедленно разнесется по всему городу. Послѣ того, какъ такая громадная сумма была издержана на однѣ рекламы, даже многіе изъ скептиковъ повѣрили въ прочность предпріятія. Подписка постоянно увеличивалась и дошла до 22 милліоновъ.

Она, можетъ быть, пошла-бы еще успѣшнѣе, но наступилъ іюнь 1870 года и началась франко-германская война. Въ это время нѣсколько честныхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ рѣшились заявить конгрессу о скандальной подпискѣ, идущей во Франціи, на американское предпріятіе. Жакобъ Говардъ съ трибуны вашигтонскаго конгресса протестовалъ противъ дѣйствій Фремона, „организовавшаго колоссальное мошенничество, наносящее безчестіе Америкѣ, возмутительный заговоръ съ цѣлью обмануть дружественную націю“. Конгрессъ согласился съ доводами Говарда и объявилъ, что трансконтинентальная компанія признается несостоятельной въ Соединенныхъ Штатахъ, а дѣйствія Фремона и его агентовъ — неправильными и недостойными довѣрія. Извѣстіе объ этомъ, полученное во Франціи, было заглушено громомъ пушекъ подъ Форбахомъ и Виссамбургомъ.

Посмотримъ теперь, какое назначеніе дано 22-мъ милліонамъ, полученнымъ по подпискѣ. Когда началось судебное дѣло, въ

парижской кассѣ общества оказалось на-лицо два милліона двѣсти тысячъ франковъ. Въ числѣ расходовъ показаны: 6,200,000 франковъ отправлены Фремону и исчезли въ его огромныхъ карманахъ; 1,200,000 франковъ даны Оферману и Мейеру, друзьямъ Фремона, при содѣйствіи которыхъ Буало получилъ знаменитое свидѣтельство, представленное имъ Руэру и Ролану Госсэлину; 600,000 ушли на разбѣнъ; 1,000,000 употреблень на публікаціи и на какіе-то чрезвычайные расходы; 750,000 врученъ Буало; 658,000 Пробсту; 330,000 Лисиньолью; Паради и Пупинэ на свой пай захватили 2,500,000, Крампонъ около 1,000,000 франковъ. Куда дѣвались остальные—покрыто мракомъ неизвѣстности. Впрочемъ, относительно цифры, переданной Крампону, существуютъ разногласія въ показаніяхъ свидѣтелей; самъ-же Крампонъ рѣшительно отказался дать какія-бы то ни было разъясненія. Онъ держалъ себя на судѣ мрачно, постоянно ссылался на свое, всѣмъ извѣстное, благочестіе и твердилъ о томъ, что онъ мученикъ, страдающій за грѣхи другихъ. Человѣкъ наглый и рѣзкій, въ судѣ онъ старался казаться кроткимъ и незлобивымъ, говорилъ мягкимъ голосомъ, опутивъ глаза въ землю. Свою небольшую защитительную рѣчь онъ окончилъ слѣдующими словами:

„Я всегда смотрѣлъ на это дѣло, какъ на вполне правильное и истинно нравственное; вознагражденіе, полученное мною за труды по устройству этого предпріятія, я употребилъ на покупку недвижимаго имущества. Я никогда не скрывалъ, откуда я получилъ это вознагражденіе и на что его употребилъ. Я говорю теперь для защиты моей репутаціи, а не собственности. Что касается до нея, то я скажу вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ: „Богъ мнѣ далъ ее, Богъ и возьметъ ее отъ меня; да будетъ благословенно имя Господне!“

Найденные въ кассѣ 2,200,000 франковъ пошли, однакожь, не акціонерамъ. Имъ не привелось испытать нѣкотораго утѣшенія, получая 10% за 100; они потеряли все, до послѣдняго сантима. Когда въ Америкѣ трансконтинентальная компанія была объявлена несостоятельной, оттуда прибылъ агентъ, который потребовалъ передачи ему оставшейся въ парижской кассѣ суммы, которую, по его словамъ, ему слѣдовало присовокупить къ ликвидационному капиталу компаніи. При содѣйствіи Лисиньоля, по-

лучившаго за труды 25,000 франковъ, дѣльце было обдѣлано на чистоту и послѣдніе два милліона были опущены въ всепоглощающіе карманы генерала Фремона.

Получили-ли, по крайней мѣрѣ, плуты достойное воздаяніе за свои дѣянія? Конечно, безъ возмездія не обошлось: судъ опредѣлилъ имъ наказаніе отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія. 22.000,000 франковъ, вытнутые у французскаго народа, такъ и остались въ карманахъ ловкихъ дѣльцевъ. Судъ опредѣлилъ этимъ господамъ очень легкое наказаніе, руководствуясь существующими законами. Главнымъ виновникомъ всего дѣла признанъ генералъ Фремонъ, т. е. лицо, неподсудное французскому суду. Для прочихъ виновныхъ найдены облегчающія обстоятельства въ томъ, что они, будто-бы, были введены въ обманъ Фремономъ. Ну, а фальшивое свидѣтельство?.. Но тутъ судъ рѣшительно потерялся. Не обвинять-же ему былъ Руэра, который призналъ законность свидѣтельства. По этимъ-же соображеніямъ обойдена молчаніемъ статья „Официальной газеты“.

Кстати, скажемъ нѣсколько словъ о Паради. По Парижу ходилъ слухъ, что Паради, получивъ извѣстіе о признаніи транс-континентальной компаніи несостоятельной въ Соединенныхъ Штатахъ, лишилъ себя жизни. Но Пуинэ поспѣшилъ, по его словамъ, „очистить память своего честнѣйшаго друга и возстановить истину“. Изъ его пышнаго панегирика оказалось, что Паради вовсе не прибѣгалъ къ самоубійству, а умеръ обыкновенной смертью отъ болѣзни.

III.

Послѣ двадцати-двухъ-милліоннаго левиафана двѣнадцати-милліонное дѣло можетъ показаться не особенно громаднымъ, но все-таки оно остается очень большимъ и очень интереснымъ дѣломъ. Такимъ именно и должно считаться дѣло „Промышленнаго общества“, президентомъ котораго былъ Дюрюфле, кавалеръ Почетнаго Легіона, бывшій во время второй имперіи сенаторомъ и имѣвшій два министерскіе портфеля: публичныхъ работъ и торговли. Вице-президентомъ общества былъ Рандуанъ, кавалеръ Почетнаго Легіона, во время второй имперіи депутатъ законодательнаго корпуса и президентъ генеральнаго совѣта въ департаментѣ Соммы.

Членами совѣта общества были: Оливанъ, кавалеръ Почетнаго Легиона; маркизь Радепонъ; Паттэ, кавалеръ Почетнаго Легиона и генералъ; Гальбрунъ, кавалеръ Почетнаго Легиона, одинъ изъ редакторовъ газеты „Presse“; Велеслей, кавалеръ Почетнаго Легиона, банкиръ. Всѣ эти господа были преданы суду по обвиненію въ мошенничествѣ.

Достоинно замѣчанія, что во всѣхъ акціонерныхъ компаніяхъ и обществахъ, въ послѣднее время объявленныхъ несостоятельными или принужденныхъ ликвидировать свои дѣла по опредѣленію судебной власти, главными дѣятелями оказываются бонапартисты, и этихъ господъ безпрестанно приходится видѣть сидящими на скамьѣ подсудимыхъ. Однакожь, изъ этого никакъ не слѣдуетъ выводить заключеніе, что этотъ фактъ торжественно доказываетъ, будто-бы министерство герцога Брولى не желало потакать бонапартистамъ, а, напротивъ, оно хотѣло во что-бы то ни стало уничтожить эту партію. Ничуть не бывало; Брولى очень желалъ мирволить своимъ союзникамъ, но скандалы, совершаемые нѣкоторыми изъ представителей бонапартизма, были такъ велики, что, не компрометируя себя совершенно, немислимо было защищать ихъ.

Директоромъ-распорядителемъ „Промышленной компаніи“ былъ Бюро, экс-секретарь графа Кератри, префекта парижской полиціи, а потомъ марсельскаго префекта. Противъ Бюро явилось множество уликъ и его предали суду, во-первыхъ, за нарушеніе законовъ, касающихся торговыхъ обществъ; во-вторыхъ, за злоупотребленіе довѣріемъ, и, въ-третьихъ, за воровство и мошенничество. Судебный слѣдователь, вопреки закону, не нашелъ нужнымъ подвергнуть его предварительному аресту. Во время суда надъ нимъ, Бюро безпрестанно посматривалъ на часы и, не дождавшись произнесенія приговора, улизнулъ изъ суда, сѣлъ въ свою великолѣпную карету, ждавшую его у подъѣзда, и укатилъ къ вокзалу восточной желѣзной дороги. Взявъ билетъ, онъ преспокойно отправился путешествовать; побывалъ на вѣнской выставкѣ, прожилъ зиму въ Римѣ и Флоренціи, а теперь, можетъ быть, разгуливаетъ въ Карлсбадѣ или Теплицѣ. Между тѣмъ онъ былъ осужденъ.

Эта „Промышленная компанія“ служила центральной конторой для многихъ другихъ, менѣе значительныхъ компаній, которыя, однакожь, компрометировали себя никакъ не меньше, если даже

еще не больше своей руководительницы. Къ нимъ принадлежать: „Лѣсная компанія“; „Швейцарскій движимый кредитъ“, находившійся во Франціи; „Французскій общественный кредитъ“, имѣвшій свое правленіе въ Швейцаріи; „Испанскій территориальный банкъ“, выбравшій своимъ директоромъ безукоризненнаго Дювернуа, бывшаго министра публичныхъ работъ при второй имперіи, экс-редактора большой газеты, послѣдняго интимнаго совѣтника Наполеона III. Дювернуа дѣйствовалъ еще рѣшительнѣе своихъ товарищей, заправлявшихъ „Промышленнымъ обществомъ“; онъ опирался не только на три далеко не твердыя коммерческія компаніи: наваро-арагонскую, канала пяти городовъ и берлинскаго рынка, но главныя свои дѣла велъ съ „Испанскимъ обществомъ поземельнаго кредита“, которое (въ этомъ-то и заключается геніальность) существовало въ одномъ лицѣ; этимъ лицомъ былъ знаменитый Лопецъ-и-Лопецъ, совмѣщавшій въ своей особѣ въ одно время директора-распорядителя, административный совѣтъ, ревизіонную комиссію, общее собраніе акціонеровъ. Остроумный Лопецъ-и-Лопецъ однажды былъ присужденъ къ пяти-лѣтнему тюремному заключенію за мошенничество. Вполнѣ достойный раздѣлить легендарную славу Фра-Дьяволо и Ринальдо Ринальдини, знаменитѣйшихъ разбойниковъ XVIII вѣка, Лопецъ-и-Лопецъ за одинъ разъ ограбилъ испанское правительство на 14 милліоновъ франковъ, предъявивъ фальшивыя траты на Лондонъ. Когда дѣло идетъ о такой огромной суммѣ, невольно приходится повторить знаменитое изрѣченіе барона Ансельма Ротшильда; изумленный ловкостью своихъ кассировъ, Карпантье и Грэле, укравшихъ у него пять милліоновъ, баронъ сказалъ: „это ловкое дѣло, а не воровство!“

Лопецъ-и-Лопецъ извлекъ изъ своего поземельнаго кредита все, что было возможно извлечь изъ него. Когда этотъ ловкій мошенникъ увидѣлъ, что его плутни могутъ быть открыты, онъ и тутъ не потерялся. Онъ выпустилъ массу тратъ въ 500 франковъ каждая и продавалъ ихъ по 2 и 2¹/₂ франковъ, что, несмотря на ничтожную цѣну, конечно, дало ему большой доходъ, такъ-какъ листочекъ печатной бумаги стоилъ ему никакъ не болѣе 2, 3 сантимовъ. Несмотря на видимое мошенничество, его траты раскупались, по очень простой причинѣ: кто-бы и что-бы ни вздумалъ продавать въ Парижѣ, онъ навѣрное найдетъ покупателей,

и чѣмъ дешевле цѣна на предлагаемый товаръ. тѣмъ скорѣе явится покупатель. Страсть къ наживѣ такъ велика, что каждый, покупая дешево, надѣется, что эти бумаги поднимутся въ цѣнѣ и онъ получить большіе барыши.

Раскрывъ всѣ эти факты, правосудіе, однакожь, не тронуло Клемана Дювернуа, который былъ руководителемъ всего предпріятія, хотя арестовало его главныхъ пособниковъ — Пелетье, Макса и Дестреца. Четвертый, Каперонъ, былъ арестованъ въ ту самую минуту, какъ онъ на выборахъ явился кандидатомъ въ національное собраніе, но сейчасъ-же былъ выпущенъ, какъ только представилъ залогъ — миллионъ франковъ, полученныхъ имъ мошенническимъ образомъ. Дювернуа, пользуясь снисходительностію къ себѣ правосудія, отправился въ Голландію искать фондовъ для новаго предпріятія; благодаря рекомендаціи экс-императрицы Евгениі, онъ заручился покровительствомъ вліятельныхъ людей, что помогло ему собрать капиталъ, съ которымъ онъ отправился въ Италію, чтобы тамъ начать новые подвиги на спекулятивномъ полѣ; онъ уже выпустилъ объявленіе о самой заманчивой денежной лоттерей, но былъ арестованъ и теперь имѣетъ дѣло съ судебнымъ слѣдователемъ.

Перейдемъ теперь къ банкамъ, въ числѣ оборотовъ которыхъ находится издательство газеты. Въ подобныхъ газетахъ обыкновенно печатаются раздирательные романы Понсона дю-Терайля и Ксавье де-Монтепена, чѣмъ, конечно, привлекается мало развитая публика, жадная до раздирательныхъ сценъ, и въ то-же время преподаются финансовые совѣты, которые можно резюмировать слѣдующими словами: „несите къ намъ ваши деньги, ввѣряйте намъ ваши экономіи и вы увидите, какія чудеса мы съ ними продѣлаемъ!“ Самымъ выдающимся предпріятіемъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ считать „Petit Journal“, продававшийся по одному су за нумеръ. Онъ имѣлъ массу читателей, нежелавшихъ заплатить трехъ су за болѣе серьезную газету. Благодаря своей собственной газетѣ, Моисей и Мардохей Мильо наполняли свою кассу миллионами франковъ, такъ-какъ, рекламируя о себѣ, они возбуждали довѣріе къ бумагамъ своихъ финансовыхъ учреждений. Имъ такъ вѣрили, что, несмотря даже на нападки, появлявшіеся въ другихъ газетахъ, гдѣ доказывалась шаткость того или другого изъ предпріятій Мильо, добродушные провинціалы слали къ нимъ свои

кровныя денежки, считая, что онѣ будутъ сохранѣе въ рукахъ банкировъ, чѣмъ въ ихъ комодахъ и сундукахъ. Быстрое и легкое помѣщеніе бумагъ побуждало банкировъ выпускать новыя они наводняли денежный рынокъ безмѣрнымъ числомъ акцій, облигацій и тратъ, но спекуляціи отъ этого было не тяжелѣе,—напротивъ, чѣмъ большее число денежныхъ бумажныхъ знаковъ обращалось на биржѣ и въ публикѣ, тѣмъ удобнѣе было спекулировать ими. У обоихъ Мильо въ распоряженіи находилась масса евреевъ, спекулировавшихъ ихъ бумагами. У другихъ банкировъ-евреевъ было по столько-же пособниковъ, такъ что на парижской биржѣ рѣшительно господствовали евреи и всѣ дѣла совершались между ними семейнымъ образомъ. Какъ велики были обороты, дѣлаемые Мильо, можно судить изъ того, что отъ 1868 до 1870 года онъ заплатилъ одного промѣна 1,400,000 франковъ. По мѣрѣ накопленія долговъ, Мильо усиливали свои спекуляціи, рассчитывая выигрышемъ на нихъ закрыть прорѣхи, образовавшіяся отъ неудачнаго исхода прежнихъ дѣлъ.

Рядомъ съ такими пожирающими оборотами балансъ банковъ-газетъ, объявленныхъ несостоятельными, можетъ показаться довольно скромнымъ: „l'Eragne“ имѣла пассиву 1,500,000 франковъ, активу 150,000; „l'Obsevation“ пассивъ 650,000 франковъ, активъ 813;—но и на эти несчастные 813 франковъ заявила претензію жена издателя, утверждая, что они взяты изъ ея приданаго.

Можно было-бы исписать цѣлыя томы, рассказывая похождения французскихъ банковъ и обществъ, объявленныхъ несостоятельными по судебному приговору или привлеченныхъ къ суду по обвиненію въ уголовномъ преступленіи. Изъ нихъ отмѣтимъ болѣе извѣстныя: „Банкъ государственныхъ фондовъ“, управляемый Канитцемъ и Мейеромъ, имѣвшій отдѣленіе въ Вѣнѣ и Брюсселѣ; „Марсельская булочная“, протезируемая клерикальной партіей въ департаментѣ „Устье въ Роны“; „Марсельскій рафинадный заводъ“, имѣвшій своимъ директоромъ Гамбэ, экс-судебнаго слѣдователя въ Троа, экс-секретаря парижскаго полицейскаго префекта Мопэ; „Компанія рѣчныхъ и морскихъ пароходовъ“, которая выпустила акцій на 500,000 франковъ, получила-же всего 12,875, однакожь, объявила правительству, что въ кассу ея поступило 112,500 фр.; истратила номинально 110,950 фр. на разныя

потребности, выпустила большее число облигацій, чѣмъ имѣла право по уставу и чѣмъ было показано по ея отчетамъ... Но остановимся на этихъ примѣрахъ, довольно и ихъ. Перечислять подробности всѣхъ плутней, которыя выступили на свѣтъ благодаря внимательству суда, и скучно и утомительно. Если-же кто интересуется подобными пикантными исторіями, тотъ можетъ перечитать „Gazette des Tribunaux“ за послѣдніе три года. Тамъ онъ найдетъ ихъ, навѣрное. больше, чѣмъ даже пожелаетъ. И съ какими крупными именами онъ тамъ встрѣтится!

Перечитывая внимательно судебные процессы, невольно приходится воскликнуть: „Ай, какъ далеко ушли мы отъ нашихъ добродушныхъ предковъ во всемъ, даже въ плутовствѣ!“ Дѣйствительно, надо изумляться, до какой тонкости доведено нынче искусство вытягивать деньги изъ кармана ближняго, до какой виртуозности доведено умѣнье толковать законы въ свою пользу, находить въ нихъ всевозможныя лазейки, которыми оправдываются самые неблаговидные поступки. Трудно бываетъ слѣдователю, когда ему поручаютъ произвести разслѣдованіе по дѣламъ коммерческихъ компаній: приходится ему держать ухо востро, иначе оплетутъ его со всѣхъ сторонъ. И если-бъ онъ имѣлъ дѣло съ адвокатами, искусившимися во всѣхъ тонкостяхъ юриспруденціи, тогда, пожалуй, нечего было-бы и удивляться. Но нѣтъ; онъ ведетъ борьбу съ людьми, передъ которыми сами адвокаты спасуютъ. И то правда: адвокатъ защищаетъ чужую шкуру, а этимъ господамъ приходится защищать свою собственную. Къ тому-же искренній слѣдователь или судья часто невольно становится втупикъ: считать-ли ему извѣстное дѣяніе преступнымъ или нѣтъ? Уставы парижской биржи страдаютъ крайней неопредѣленностью, они слишкомъ тягучи, въ нихъ такъ много лазеекъ для недобросовѣстности, что многіе, явно неблаговидные поступки легко бываетъ отнести въ разрядъ дѣяній, незапрещенныхъ закономъ. Что-же такое, наконецъ, сама биржевая игра? Азартнѣйшая изъ всѣхъ азартныхъ игръ. Публичная азартная карточная игра не допускается во Франціи, между тѣмъ биржевая процвѣтаетъ подъ охраною закона. Другое противорѣчіе: законъ во Франціи запрещаетъ лихвенные проценты; религіозными постановленіями католицизма даже самыя умѣренныя проценты признаются грѣхомъ. Между тѣмъ при современномъ состояніи общества торговля не можетъ существовать

безъ кредита, а кредитъ безъ роста немислимъ. Наконецъ, само государство въ наше время часто прибѣгаетъ къ займу; если ему удастся заключить пятипроцентный заемъ, дѣло считается вполне выгоднымъ. Французское правительство, для пользы „французскаго банка“, вынуждено было сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ законѣ о лихвенныхъ процентахъ,—лучше сказать, оно стало смотрѣть съвозъ пальцы на всѣ нарушенія этого закона. Французскій банкъ иногда беретъ по 10⁰/о при закладѣ бумагъ, имѣющихъ весьма солидную цѣнность. Такое послабленіе нельзя даже объяснить „общей пользой“, „государственной необходимостью“, потому что французскій банкъ, вопреки своему имени, чисто-частное учрежденіе; барыши его идутъ не государству, а его хозяевамъ. Бюро, въ своей защитительной рѣчи на судѣ, замѣтилъ, что онъ приносилъ пользу торговлѣ и промышленности. Бюро, конечно, мошенникъ, но только потому, что онъ хватилъ черезъ край; не переходитъ онъ границу, всѣ его дѣйствія были-бы незапрещенными закономъ, между тѣмъ уже само предпріятіе, имъ руководимое, было положительно вредно для общества. Законъ допускаетъ существованіе банковыхъ агентовъ, кулисы и тому подобныхъ комиссіонеровъ при размѣнѣ бумагъ, при покупкѣ, продажѣ и залогѣ ихъ. Часто такой агентъ пользуется 25⁰/о въ недѣлю и его не считаютъ ростовщикомъ. Пойдемъ далѣе. Какъ разграничить степень отвѣтственности Роланда Госселина, синдика, вліятельнѣйшаго лица на парижской биржѣ, и Пробста, воротилы въ „Трансконтинентальной компаніи“? Говорятъ, одинъ былъ обманутъ, а другой обманулъ. Но развѣ не случается часто, что обманутый и есть настоящій виновникъ, что онъ только выказываетъ себя обманутымъ, а въ дѣйствительности онъ отлично знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Пробстъ и Буало кричали, что они были обмануты Фремономъ; Крампонъ утверждалъ, что его обманулъ Пробстъ, между тѣмъ для всякаго было понятно, что Крампона, излюбленнаго воспитанника іезуитовъ, обмануть рѣшительно невозможно; съ своей стороны, Лисиньоль, Паради и Пупинэ настаивали, что были проведены Крапмономъ. Самъ Руэръ промолвился словами Госселина, вызвавшими улыбку у слушателей, что всему дѣлу виною проклятый нью-іоркскій мошенникъ Оферманъ. „Боже мой, кому-же можно послѣ этого вѣрить“? невольно вскричалъ судья Шевилоть.

Возьмемъ процессъ барона Сельера. Этотъ процессъ тянулся нѣсколько мѣсяцевъ; его окончили послѣ смерти обвиняемаго. Барона объявили виновнымъ въ мошенничествѣ. Баронъ Сельеръ принадлежалъ къ числу самыхъ видныхъ и вліятельнѣйшихъ коммерческихъ дѣятелей. Имѣя высокій ростъ и атлетическое тѣлосложение, Сельеръ любилъ хорошо поѣсть и выпить; онъ одинаково уважалъ и качество, и количество. Онъ захотѣлъ достигнуть огромнаго богатства и достигъ его. Уже въ царствованіе Луи-Филиппа онъ былъ извѣстенъ, какъ ловкій биржевой дѣлецъ. Округливъ свое состояніе, онъ захотѣлъ получить дворянство. Когда-же король отказалъ въ его просьбѣ, онъ самъ сдѣлалъ себя дворяниномъ. Онъ любилъ, чтобы его звали „арденскимъ барономъ“, такъ-какъ это имя звучало феодально; въ Арденнахъ у него были копи и онъ игралъ роль владѣтельнаго князька въ своемъ округѣ. Во время второй имперіи Сельеръ блаженствовалъ; дѣла его шибко ношли въ гору. Онъ заручился покровительствомъ Морни, самъ принималъ у себя всемогущаго министра и получалъ приглашенія на его обѣды и балы. Неизвѣстно почему баронъ Сельеръ не былъ назначенъ сенаторомъ, хотя представленіе о немъ было сдѣлано. Главными союзниками его въ финансовомъ мірѣ были Перейра, Віеста и Гальера, которые во время второй имперіи захватили въ свои руки разныя монополіи и получили нѣсколько концессій на желѣзныя дороги. Дѣйствуя съ ними въ союзѣ, Сельеръ сталъ мастодонтомъ финансового міра и сталъ пользоваться огромнымъ вліяніемъ на биржѣ. Передъ началомъ нѣмецко-французской войны маршалъ Лебефъ отдалъ подрядъ на обмундированіе арміи барону Сельеру, который, заинтересовавъ въ своемъ предпріятіи Пъетри и Мутона, секретаря полицейскаго префекта, получилъ увѣренность, что онъ можетъ дѣлать, что ему заблагоразсудится. Подрядъ былъ выполненъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Баронъ вздумалъ защищать себя разными свидѣтельствами, выданными ему въ приемѣ подряда, но ни эти свидѣтельства, ни увѣренія, что онъ принесъ громадную пользу французской промышленности, не спасли барона и онъ признанъ виновнымъ, хотя, правда, онъ не дожился до произнесенія надъ нимъ приговора.

Мы совершимъ несправедливость, если забудемъ Мюссо, знаменитаго не менѣе барона Сельера. Мюссо также былъ обвиненъ

въ мошенничествѣ. Человѣкъ съ недюжинными способностями, Мюссо, не имѣя при началѣ своей карьеры наслѣдственнаго состоянія, подобно Сельеру, до всего долженъ былъ достигать самъ, собственными усилиями. Мюссо служилъ въ кирасирскомъ полку, потомъ, въ качествѣ лакея, отправился въ Россію. Проживъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ, онъ занимался тѣмъ и другимъ, сколотилъ нѣсколько сотъ франковъ и возвратился въ отечество умудренный опытомъ. Въ маленькомъ городкѣ Шатильонѣ-на-Луанѣ онъ открылъ парикмахерскую и вскорѣ женился, взявъ за женой въ приданое нѣсколько тысячъ франковъ. Продавъ свое заведеніе, онъ отправился въ Парижъ—обѣтованную страну спекуляторовъ. Но, какъ человѣкъ осторожный, онъ захотѣлъ прежде разузнать, какъ ведутся дѣла, и вообще примѣниться къ обстоятельствамъ. Онъ явился къ барону Ротшильду; могущественный банкиръ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и, видя передъ собой красиваго мужчину, неизмѣющаго никакихъ рекомендательныхъ писемъ и, повидимому, не особенно развитого, предложилъ ему мѣсто швейцара въ своемъ собственномъ домѣ. Мюссо согласился принять это мѣсто, рассчитывая, что, служа у Ротшильда, онъ скорѣе всего постигнетъ заманчивыя тайны коммерческой практики. Много политическихъ, биржевыхъ и всякихъ дѣятелей толпилось въ пріемныхъ Ротшильда. Мало-по-малу смѣтливый швейцаръ узналъ ихъ исторію и проникъ въ тайны ихъ спекуляцій и быстрой наживы. „Почему-жь бы мнѣ не достигнуть того-же положенія, котораго достигли они? твердилъ Мюссо.—Чѣмъ они лучше меня? У нихъ кареты, а я хожу пѣшкомъ, но, чтобы имѣть карету, надо только обладать деньгами, для этого болѣе ничего не требуется. Денегъ у меня еще нѣтъ, это правда, но они непременно будутъ. Эти господа пріобрѣли деньги, „дѣлая дѣла“. Буду и я работать. Я могу тоже принять участіе въ учрежденіи какого-нибудь банка; могу основать, ну, хоть, замбезскую или алжирскую компанію, могу заняться подрядами“.

Хорошо обдумавъ, что ему дѣлать, Мюссо въ 1859 году открылъ контору покупки и продажи бумажныхъ цѣнностей на улицѣ Вивьенъ, какъ разъ напротивъ биржи. Въ биржевые часы онъ снималъ свое обшитое галунами платье швейцара, облакался въ черный сюртукъ и садился за своей конторкой торговать бумажными цѣнностями. Дѣла его пошли успѣшно.

Вскорѣ баронъ Ротшильдъ замѣтилъ, что его честолюбивый швейцаръ вздумалъ конкурировать съ нимъ, биржевымъ тузомъ; натурально, онъ отказалъ ему отъ мѣста. Мюссо предвидѣлъ это обстоятельство и заранѣе принялъ необходимыя мѣры. Служа швейцаромъ, онъ велъ знакомство съ лакеями и швейцарами министровъ, банкировъ, вообще состоятельныхъ людей, проживающихъ въ предмѣстьяхъ: Сеп-жэрменскомъ и Сент-Оноре. Въ этомъ кругу людей, обладавшихъ кругленькими капиталцами наличныхъ денегъ, Мюссо слылъ за финанснаго генія. Онъ уговорилъ ихъ составить общество, которому сначала хотѣлъ дать названіе „банка соединенныхъ лакеевъ“, но потомъ остановился на прозвищѣ: „Домъ Мюссо и ком.“. Главная контора новаго общества помѣстилась въ улицѣ Бакъ, № 19. По мѣрѣ увеличенія дѣлъ общества, оно открывало побочныя конторы въ различныхъ мѣстностяхъ Парижа и такихъ конторъ открылось нѣсколько десятковъ. Въ этихъ конторахъ производилась покупка и продажа бумажныхъ цѣнностей и размѣнъ денегъ. Мюссо умѣлъ придать красивую внѣшность своимъ конторамъ: на виду всегда лежали кучи золота, серебра и банковыхъ билетовъ, что возбуждало сильное довѣріе къ предпріятію въ той средѣ, откуда Мюссо набиралъ своихъ кліентовъ. Онъ принималъ вклады даже на одинъ день, плата $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}\%$. Такихъ вкладовъ было множество. Ихъ вносила преимущественно прислуга, которой приходилось разсчитываться съ хозяевами по-недѣльно и которая также забирала въ лавкахъ провізію на внижку, съ платой разъ въ недѣлю или каждые три дня. Пріемъ денегъ не разсчитывался съ операциями общества: каждый взносъ принимался охотно. вмѣстѣ съ тѣмъ принималась на комиссію масса бумагъ, и общество не разъ бывало вынуждено само закладывать эти бумаги въ крупныхъ банковыхъ учрежденіяхъ. Давшіе на комиссію не претендовали, вѣря, что Мюссо знаетъ, когда лучше продать. Банкъ часто становился въ критическое положеніе, но, благодаря ловкости и находчивости Мюссо, онъ успѣвалъ выкручиваться изъ опаснаго положенія. Дѣла шли такимъ образомъ втеченіи двѣнадцати лѣтъ. Наконецъ, пузырь, чрезмѣрно натянутый, лопнулъ. Виновникомъ кризиса пришлось быть самому Мюссо. Ловкаго пройдоху опутали еще болѣе ловкіе плуты. Спекулянты, — впрочемъ, люди извѣстные на биржѣ, — всучили Мюссо огромную партію акцій „англійскаго

общественнаго кредита“. Онъ заплатилъ за каждую 600 франковъ, между тѣмъ онѣ падали такъ быстро, что не успѣлъ Мюссо оглянуться, какъ онѣ уже спустились до 5 франковъ и, наконецъ, даже до трехъ. Компанія грозило полное разореніе. Разсчитавъ, что, такъ или иначе, компанія должна объявить себя несостоятельной, Мюссо въ одинъ день обратилъ всѣ оставшіеся въ главной и побочныхъ конторахъ фонды въ англійскія бумаги и въ тотъ-же вечеръ укатилъ по желѣзной дорогѣ въ Булонь, а оттуда переправился въ Англію. Мюссо всегда питалъ особенную слабость къ Великобританіи; его товарищи по предпріятію, конечно, теперь уже не раздѣляютъ его пристрастія, хотя прежде вѣрили каждому его слову и шли за нимъ вездѣ безпрекословно.

На другой день послѣ исчезновенія Мюссо въ полицейское управленіе поступило 250 жалобъ. Просители заявляли о своихъ потеряхъ; самыми крупными истцами явились: офицеръ, заявившій о потерѣ 80,000 франковъ, и водочный мастеръ 70,000. Большинство вкладчиковъ состояло изъ горничныхъ, лакеевъ, швейцаровъ, кучеровъ, дворниковъ, жокеевъ и кухарокъ; всѣ они кричали, что проклятый Мюссо безсовѣстно надулъ ихъ и укралъ всѣ ихъ сбереженія. Въ ливрейномъ мірѣ имя Мюссо, когда-то возбуждавшее искреннія уваженіе и удивленіе, произносится теперь съ негодованіемъ и считается синонимомъ всего злого и порочнаго.

Настоящую хронику мы принуждены заключить банальнымъ выводомъ. Намъ приходится повторить то, что уже не разъ было сказано изслѣдователями занимающихъ насъ явленій, послужившихъ матеріаломъ для настоящей статьи: главнѣйшій порокъ, которымъ заражены состоятельные слои парижскаго общества, заключается въ слѣдованіи прищипу, что въ жизни *казаться* значить все, а *быть* почти ничего. Всякій желаетъ казаться богатымъ, а есть-ли у него на самомъ дѣлѣ богатство, это — вопросъ второстепенный. Всѣ дѣла основываются на томъ, что носить названіе *кредитъ*, т. е. не на реальной собственности, а на фиктивной, на томъ, что можно получить отъ другихъ во временное пользованіе. Во главѣ финансовой системы Франціи стоитъ фран-

пузскій банкъ, пускающій въ обращеніе сотни милліоновъ, но не собственныхъ денегъ, а ввѣренныхъ ему на храненіе. Онъ обращается съ ними такъ, какъ-бы они были его реальной собственностью. Точно такъ-же ведутъ дѣла и всѣ другіе банки, съ громадными или ограниченными капиталами—это все равно. Всѣ они смотрятъ на ввѣренные имъ капиталы, какъ на свою собственность. Весьма естественное желаніе получить какъ можно болѣе барышей побуждаетъ ихъ пускаться въ рискованныя предпріятія; они играютъ на биржѣ на повышеніе и пониженіе. Если-бы они пускали въ оборотъ лично имъ принадлежащіе капиталы, тогда не могло-бы быть и разговора. Но нѣтъ, всѣ деньги, лежащія у нихъ въ кассѣ, они считаютъ своими,—они вѣдь заплатили проценты на взятые капиталы, болѣе отъ нихъ нічего не требуется,—они спокойно употребляютъ непринадлежащіе имъ деньги на азартную биржевую игру. Удастся игра,—они становятся богачами; въ случаѣ неудачи—разоряются тѣ, кто довѣрилъ имъ капиталы.

Мы знаемъ хорошо, что намъ могутъ возразить, что система эта представляетъ изумительное открытіе новѣйшей науки, что она составляетъ торжество цивилизаціи, что масса выпущенныхъ бумажныхъ знаковъ способствуетъ только увеличенію національнаго богатства и даетъ поразительный толчокъ торговлѣ и промышленности. Но несмотря на это, мы все-таки останемся при томъ убѣжденіи, что въ этой мудрой организаціи не все такъ красиво, какъ кажется, и что основанія ея все-таки ложны. Уже способствуя развитію и процвѣтанію вреднаго принципа: „надо казаться, а не быть“, она уничтожаетъ всю ту пользу, которая косвеннымъ образомъ получается отъ примѣненія ея въ сферахъ промышленной и торговой.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обвиненіе пермскаго земства.—Логика этого обвиненія.—*Счаqu'un pour soi, Dieu pour tous*—общее наше правило, когда поднимается вопросъ объ общественныхъ налогахъ.—Образованіе купцовъ на-счетъ народа.—Пермская ветеринарная школа.—Естественныя богатства страны и неумѣнье съ ними справиться.—Но виновато-ли въ этомъ земство?—Съѣздъ земскихъ врачей пермской губерніи.—Значеніе народнаго здоровья.—Роль фельдшера въ земской медицинскои практикѣ.—Необходимость гигиены въ крестьянскомъ быту и полное непониманіе ея.—Больницы и школы, игнорирующія элементарныя условія гигиены.—Полезная дѣятельность общества врачей.

Недавно намъ случилось читать обвиненіе пермскаго земства. Земству ставится въ вину, что, при своемъ недавнемъ существованіи, оно недостаточно воспользовалось опытомъ другихъ земствъ, ранѣе его существующихъ. Съ этой мыслью можно и согласиться и не согласиться. Что значитъ чужой опытъ, на-сколько онъ передаваемъ по наслѣдству, какими причинами и обстоятельствами обусловливается его поучительность? Вопросъ этотъ составляетъ уже давно неразрѣшимую задачу педагогики; непередаваемость опытности по наслѣдству искони раздѣляетъ у насъ „отцовъ“ и „дѣтей“, и мы не думаемъ, чтобы въ томъ видѣ, какъ ставится вопросъ по отношенію къ земству, въ немъ-бы не заключалось общаго педагогическаго вопроса. Наша критика земскаго поведенія—въ какой мѣрѣ занимаютъ ею газетныя корреспонденты—имѣетъ всегда частный, фактическій характеръ. Отъ этого она грѣшитъ частью односторонностью, частью впадаетъ въ противорѣчіе. Мы вовсе не думаемъ являться адвокатами пермскаго земства; мы хотимъ сказать только, что его вины—общія вины, и что оно не хуже и не лучше другихъ земствъ.

Въ вину пермскому земству ставится сибирскій трактъ. Даже самъ предсѣдатель губернской земской управы говорить, что сибирскій трактъ, въ предѣлахъ екатеринбургскаго уѣзда, находится въ состояніи, буквально невозможномъ для проѣзда. Экипажи, слѣдующіе по немъ, передкомъ и ступицами колесъ пашутъ полотно дороги, разворачивая массы грязи во всѣ стороны, и ѣзда возможна по двѣ, по три версты въ часъ, не болѣе.

Въ томъ, что сибирскій трактъ находится въ такомъ состояніи, обвиняютъ теперь земстро по весьма понятной причинѣ: оно, какъ земскій хозяинъ, должно держать въ порядкѣ дорогу. Въ послѣднее засѣданіе губернскаго земскаго собранія злополучному тракту были посвящены первые дебаты. Сущность борьбы мнѣній заключалась въ томъ, что каждый уѣздъ силился освободить себя отъ расходовъ на поправку дороги. Гласные отъ четырехъ уѣздовъ, черезъ которые проходитъ сибирскій трактъ, доказывали, что поправка его есть не уѣздная, а губернская повинность, и потому въ ней должны участвовать всѣ уѣзды пермской губерніи. Гласные-же тѣхъ уѣздовъ, черезъ которые трактъ не проходитъ, говорили, что если содержаніе его было прежде уѣздною повинностью, то оно должно остаться такою-же и теперь. За что отдаленные уѣзды, какъ соликамскій и чердынскій, будутъ заботиться о ремонтировавѣ дороги, выгодами отъ которой они не пользуются? Впрочемъ, всѣ сошлись въ одномъ,—что сибирская дорога есть трактъ общегосударственный, а потому и поправка его должна составлять повинность всего государства. Одинъ изъ гласныхъ, развивая эту мысль, сталъ, наконецъ, доказывать, что сибирскій трактъ есть трактъ общеевропейскій. А кто-то замѣтилъ, что, слѣдовательно, къ поправкѣ его можно привлечь и всѣ государства западной Европы!..

Въ такомъ видѣ мнѣніе это, конечно, абсурдъ, но если оно могло явиться, то ужъ, конечно, только потому, что у него было основаніе. И вопросъ о причинахъ такой логики мы считаемъ болѣе важнымъ, чѣмъ на него, обыкновенно, привыкли смотрѣть у насъ.

Мѣстные противники нераспорядительности земства, ссылаясь на статистическія данныя, указываютъ на тѣ несмѣтныя богатства, которыя сибирскій трактъ оставляетъ въ карманахъ жителей. По приблизительному разсчѣту, дорога даетъ доходу больше

трехъ милліоновъ шестисотъ тысячъ. По вычисленіямъ изслѣдователя, на каждое рабочее семейство въ селеніяхъ на большой дорогѣ приходится приблизительно дохода сто пятьдесятъ рублей серебромъ. По сравненію съ Сибирью, дорога эта, дѣйствительно, имѣетъ цвѣтущій видъ. Число двухъ-этажныхъ домовъ въ селеніяхъ несравненно значительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. А внѣшній видъ жителей, ихъ костюмы, ихъ лошади и повозки обнаруживаютъ большое благосостояніе. Мы не отрицаемъ вѣрности этого замѣчанія, не отрицаемъ того, что по своимъ постройкамъ селенія сибирскаго тракта отличаются рѣзко отъ всѣхъ остальныхъ селеній Россіи, особенно ея средней полосы, юга и запада; но, во-первыхъ, чтобы вѣрно оцѣнить замѣчаніе о благосостояніи по внѣшнему виду построекъ, нужно опредѣлить, на-сколько въ нихъ участвуетъ мода и установившійся обычай, на-сколько велико или мало лѣсное богатство края, наконецъ, на-сколько участвуетъ и та порядочность, какою раскольничье населеніе отличается вообще отъ населенія великорусскаго.

Пускай вѣрно замѣчаніе о томъ, что населеніе сибирскаго тракта оставляетъ у себя въ карманѣ 3,600,000 рублей, и что поэтому Пермскому земству стыдно отрещиваться отъ ремонта дороги, когда она доставляетъ ему такія выгоды, какихъ другія губерніи и во снѣ не видятъ. Но развѣ эти 3,600,000 лежатъ въ карманѣ губернскаго земства, если ихъ собираютъ только содержатели постоянныхъ дворовъ и трактировъ? Что выпгрываютъ въ дѣйствительности отъ обозовъ не только отдаленные уѣзды пермской губерніи, но и тѣ крестьяне сибирскаго тракта, которые не держатъ постоянныхъ дворовъ? Если-бы вы поставили вопросъ такимъ образомъ, что къ участию въ поправленіи дороги должны быть призваны тѣ, кто пользуется отъ нея выгодами, постановка вопроса была-бы вполне правильной и въ то-же время вопросъ оказывался-бы еще болѣе неразрѣшимымъ на практикѣ. Земству пришлось-бы опредѣлить всѣхъ тѣхъ изъ жителей тракта, которые, пользуясь отъ него выгодами, должны нести на себѣ и болѣе усиленную земскую повинность. Конечно, подобное обложеніе не выходитъ ни изъ компетентности, ни изъ предѣловъ правъ земства, но въ то-же время оно вызвало-бы такія практическія трудности и могло-бы повести къ такимъ неудовольствіямъ со стороны плательщиковъ, что мы совершенно сомнѣваемся въ возможности со

стороны земства отважиться на подобную крупную, рѣзкую и небывалую мѣру. Мы не защищаемъ существующаго теперь неравенства въ обложеніи и совершенно понимаемъ неудовольствіе чердынцевъ и соликамцевъ, когда съ нихъ взсысываютъ деньги на ремонтъ дороги, по которой они никогда не ѣздятъ; но точно также мы не понимаемъ и обвиненія губернскаго земства въ томъ, что, желая освободить отъ платежа отдаленные уѣзды и не вида возможности собрать съ населенія деньги, оно проситъ субсидіи у правительства. Если-бы населеніе пермской губерніи было такъ богато, что вычисленные на усиленную ремонтровку дороги 239,000 не значили-бы для него ничего, — конечно, губернское земство не затруднилось-бы ихъ сборомъ.

Вопросъ о земскихъ платежахъ, объ уравнильномъ распредѣленіи ихъ между платящими составляетъ насущный и самый главный вопросъ земства. Никогда земскія пренія не бываютъ такъ горячи, никогда не высказываются болѣе странныя мнѣнія и даже абсурды, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждается новый значительный расходъ. И самая неравномѣрность раскладки становится важной только потому, что размѣръ платежей большею частью далеко не соотвѣтствуетъ средствамъ земскихъ платящихъ. На-сколько мы непослѣдовательны въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ неразрѣшимый вопросъ предлагается земскому обсужденію, мы можемъ подтвердить слѣдующимъ фактомъ. Извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ воинская повинность сдѣлалась всеобщою, допуская въ то-же время извѣстныя исключенія людямъ, окончившимъ курсъ въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, всѣ городскія общества и земства обнаружили особенное влеченіе къ реальнымъ училищамъ. Реальныя училища вызвали предпочтеніе вовсе не потому, чтобы сознавалась особенная польза реального образованія передъ классическимъ, а просто потому, что большинство боится строгостей классическихъ гимназій. Только поэтому городскія общества и земства, стоявшія прежде, повидимому, за классицизмъ, начали въ послѣднее время предпочитать ему реализмъ. Въ сущности для земцевъ и для городскихъ обществъ это вопросъ экономической, вопросъ пользы и удобства. Реальное училище даетъ возможность заручиться аттестатомъ дешевле и легче, чѣмъ классическая гимназія, и приводитъ почти къ тому-же выгодному результату. Но не въ этомъ нашъ вопросъ. Если вы обвиняете

пермское губернское земство за то, что оно уклоняется тратить свои губернскія суммы на поправку сибирскаго тракта, зачѣмъ же вы обвиняете городскія общества за то, что они основываютъ реальныя училища на средства не тѣхъ сословій, которыя будутъ ими пользоваться, а на средства людей, дѣтямъ которыхъ никогда не бывать въ реальныхъ училищахъ?

Напримѣръ, пермское городское общество пожертвовало для училища домъ и денегъ двѣ тысячи рублей. Такъ-какъ пожертвованный домъ не отличается достоинствами прочности и для его ремонтровки двухъ тысячъ мало, то городская управа просила у уѣздныхъ земствъ субсидіи, и отъ многихъ изъ нихъ получила. Кромѣ того, городское общество выпросило у губернскаго земскаго собранія 5,000. Но кто будетъ пользоваться выгодами реального училища, основаннаго въ губернскомъ городѣ городскимъ обществомъ? Конечно, только городскіе жители. Едва-ли чердынскій или соликамскій крестьянинъ отдастъ своего сына въ пермское училище; а между тѣмъ крестьянинъ этотъ, вслѣдствіе субсидіи училищу, будетъ платить въ его пользу двойной налогъ—одинъ по уѣздному, а другой по губернскому сборамъ. Этого мало. Чтобы учиться въ пермскомъ реальномъ училищѣ, нужно заплатить за право ученія 50 р. въ годъ. Что-же выйдетъ? Крестьяне отдаленныхъ уѣздовъ будутъ нести въ пользу училища двойной налогъ, но своихъ дѣтей въ него они, конечно, никогда не отдадутъ, если-же они и вздумали-бы отдать, то, кромѣ общаго налога, который уже платятъ, должны были-бы заплатить еще и третій налогъ, за право ученія, по 50 руб. въ годъ. И такіе-же 50 руб. въ годъ заплатятъ за своихъ дѣтей и первостатейные купцы и зажиточные граждане! Налогъ этотъ порицатели дѣйствій пермскаго губернскаго земства находятъ несправедливымъ, и онъ, дѣйствительно, несправедливъ. Но если вы находите несправедливымъ налогъ на чердынскаго крестьянина въ пользу реального пермскаго училища, зачѣмъ же вы заставляете того-же самаго чердынскаго крестьянина вносить деньги въ губернское земство для ремонта сибирскаго тракта, выгодами отъ котораго пользуются только держатели постоянныхъ дворовъ?

Конечно, въ томъ видѣ, какъ теперешнія городскія общества устраиваютъ реальныя училища, выгода отъ нихъ достанется только городскимъ купцамъ и зажиточнымъ мѣщанамъ. Для

крестьянъ двери этихъ училищъ закрыты, не только потому, что деревенскому жителю слишкомъ неудобно воспитывать своего сына въ городѣ, но еще и потому, что земская народная школа находится далеко въ неудовлетворительномъ видѣ. Обучающіеся въ народныхъ школахъ крестьянскіе мальчики рѣшительно не въ состояніи выдержать вступительный экзаменъ въ городскія реальныя училища. Такимъ образомъ, такія земства, какъ пермское, въ которыхъ землевладѣльческой элементъ отсутствуетъ и которыми руководить преимущественно купеческое сословіе, превратили земское хозяйство какъ-бы въ одностороннее хозяйство. Впрочемъ, не одно только пермское земство говоритъ красиво о народномъ образованіи. Доклады управъ объ этомъ предметѣ писались всегда красиво и хорошо. Теоретически вопросъ о народномъ образованіи разрабатывался безукоризненно. Въ уставахъ предусматривалось все, до самыхъ ничтожныхъ мелочей, но когда, наконецъ, открывались школы, оказывался всегда одинъ и тотъ-же повсюдный недостатокъ—недостатокъ въ учителяхъ. Въ пермской губерніи, напримѣръ, болѣе 250 народныхъ школъ, а между тѣмъ образованіе въ нихъ находится въ самомъ жалкомъ видѣ, только отъ недостатка порядочныхъ учителей и учительницъ.

Мѣстные изобличители сообщаютъ перѣдко очень курьезныя свѣденія о мѣрахъ земства. Такъ о томъ-же пермскомъ земствѣ мы узнаемъ, что оно учредило у себя земскую ветеринарную школу, но что въ школѣ этой нѣтъ почти никакихъ ветеринарныхъ пособій, нѣтъ у школы ни кузницы, ни клиники, ни помѣщенія, приспособленнаго для занятія анатоміей и фізіологіей. Предметы эти читаются ученикамъ по атласу, а не по препаратамъ, и управа, ради экономіи, велитъ читать анатомію по „падали“. А между тѣмъ воспитанники уже выслушали два курса и черезъ годъ должны выйти готовыми ветеринарами. Чтеніе въ земскомъ собраніи доклада ветеринарной школѣ закончилось любопытнымъ предложеніемъ, характеризующимъ взглядъ нѣкоторыхъ земцевъ. Предсѣдатель заявилъ, что, разговаривая въ Петербургѣ съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ о земскихъ дѣлахъ пермской губерніи, онъ узналъ отъ него о *знахарѣ*, истребляющемъ секретнымъ средствомъ чуму рогатаго скота. Знахарь, какъ говорятъ, совершенно уничтожилъ чуму въ трехъ уѣздахъ смоленской губерніи. Поэтому предсѣдатель предложилъ собранію

выбрать трехъ болѣе смысленныхъ и бойкихъ изъ учениковъ ветеринарной школы и, по окончаніи ими курса, отправить ихъ къ знахарю. Нашлись гласные, которые поддерживали предложеніе предсѣдателя, и одинъ изъ нихъ даже пожелалъ, чтобы пермская губернская земская управа сошлась съ смоленскою и узнала бы отъ нея, дѣйствительно-ли въ смоленской губерніи есть такой знахарь и каковы результаты его леченія. И относительно земской медицины трудно сказать что-нибудь утѣшительное, хотя въ то-же время нельзя не констатировать того отраднаго факта, что лучшихъ и наиболѣе просвѣщенныхъ помщниковъ земство находило постоянно во врачахъ. Съ прибытіемъ въ пермское земство новыхъ врачей, отъ земской больницы повѣяло чѣмъ-то новымъ. При больницѣ открытъ родильный покой, оспенный институтъ, приходящимъ больнымъ стали даваться бесплатныя совѣты и даровое лекарство. Прежняя грубая и пьяная прислуга была замѣнена сидѣлками и на содержаніе больныхъ обращено особенное вниманіе. Наконецъ, по примѣру „общества врачей“ города Казани, сформировалось подобное-же общество, сочувственно отнесшееся не къ одному больничному дѣлу, но желавшее организовать земскую медицину какъ нѣчто цѣльное, на болѣе широкихъ началахъ народной гигиены. Но земство на эти попытки и широкія стремленія своихъ врачей взглянуло нѣсколько косо и въ дѣйствіяхъ врачей усмотрѣло какія-то цивилизаторскія притязанія и оскорбительную для самолюбія земцевъ попытку учить ихъ. Вышли личныя непріятности, нанесены были оскорбленія, врачеваторы разошлись и теперь больница приняла свой прежній казенный видъ. Послѣдняя ревизіонная комиссія, осматривавшая больницу нашла ее въ неудовлетворительномъ видѣ и осталась недовольна содержаніемъ больныхъ. Говорятъ, что когда одинъ изъ вновь поступившихъ врачей указалъ ея членамъ на женскія рубашки, до того короткія и такой странной формы, что гласные пришли въ недоумѣніе, что молодой врачъ, изблотившій нераспорядительность управы, былъ немедленно уволенъ ею отъ службы. И несмотря на то, что ревизіонная комиссія нашла содержаніе больныхъ не совсѣмъ удовлетворительнымъ, губернское собраніе все-таки уменьшило больничную смѣту на нынѣшній годъ на 10,000. Въ то-же время она увеличила содержаніе предсѣдателя управы на 2,000 и членовъ управы на 500 руб. Конечно, да-

вая поводъ къ сопоставленіямъ подобныхъ фактовъ, земство дѣлаетъ болѣе чѣмъ неосмотрительность.

Мы не станемъ доказывать, что земство хорошо, что земство устроило дороги, облегчило народу платежи, уравнило раскладку налоговъ и податей, сдѣлало что-нибудь выдающееся для образованія народа, подняло уровень его санитарнаго состоянія. Наше земское хозяйство плохо, на засѣданіяхъ земскихъ собраній мы говоримъ вяло, являемся въ нихъ неподготовленными къ вопросамъ, которые приходится обсуждать, а подчасъ и совсѣмъ не являемся; мы относимся апатично къ своему собственному интересу и охотнѣе сидимъ по своимъ усадьбамъ и избамъ, чѣмъ служимъ обществу. Все это справедливо.

Рядомъ съ этой картиной нашей неумѣлости и апатичности мы могли-бы представить другую картину русскихъ естественныхъ богатствъ и тѣхъ источниковъ дохода, которые — умѣй мы распорядиться ими подбросовѣстнѣе и поблагоразумнѣе — могли-бы составить громадное народное богатство. Кромѣ давно забытыхъ изслѣдованій Тенгоборскаго, открывшаго намъ впервые глаза на наши производительныя силы, мы могли-бы указать еще на недавно вышедшую книгу англичанина Барри. Онъ провелъ много лѣтъ въ Россіи, говорить по-русски, знаетъ хорошо Россію и также, какъ Тенгоборскій, указываетъ на тѣ громадныя сырыя средства, которыми обладаетъ Россія. „Куда-бы мы ни взглянули, говоритъ Барри, — на восьмидесяти-милліонное населеніе Россіи или на ея горное богатство, на необъятное-ли пространство ея плодородныхъ пашень и луговъ или на ея избытокъ въ лѣсѣ, на ея-ли нетронутыя залежи каменнаго угля, или, наконецъ, на ея географическое положеніе, какъ владыки Востока, — всюду видимъ залогомъ того исполинскаго значенія, которое медленно, но вѣрно пріобрѣтаетъ Россія“.

И объ этой-то силѣ, которой мы у себя никогда не подозрѣвали и на которую намъ указываютъ и о которой мы узнаемъ только отъ иностранцевъ, они-же и напоминаютъ намъ на каждомъ шагѣ.

Значеніе земства, по отношенію къ производительнымъ источникамъ страны, вы можете опредѣлить изъ слѣдующаго факта. Въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“ помѣщено письмо г. Вельдвмара, который пишетъ, что близъ Бауу уже три мѣсяца какъ образо-

валятся значительныя озера, наполненныя лучшею нефтью, которая могла-бы продаваться въ Москвѣ даже до 1 р. 50 к. за пудъ; но въ нынѣшнемъ году удастся вывезти едва-ли 500,000 пудовъ, а отъ 50 до 100 разъ больше этого количества улетучивается и просачивается въ песокъ. Знаменитый вернишевскій нефтяной источникъ, обнаружившійся 13 іюня прошлаго года и который могъ-бы дать десятки милліоновъ рублей, начинаетъ изсякать. Владѣльцы этого единственнаго источника въ свѣтѣ едва-ли выручили 50,000 р. дохода, а между тѣмъ они могли-бы имѣть милліоны, и тѣмъ, кто-бы добывалъ керосинъ, и тѣмъ, кто-бы его продавалъ, и тѣмъ, кто-бы его перевозилъ, и тѣмъ, кто-бы имъ освѣщаль, могли-бы достаться милліоны барыша. И почти въ каждой губерніи есть подобныя-же источники богатства. Но какое отношеніе къ нимъ земства? Что можетъ сдѣлать оно для разработки? Что можетъ сдѣлать оно, чтобы милліоны барыша разошлись по рукамъ техниковъ, производителей, рабочихъ, народа? Изъ фактовъ американской жизни мы, на примѣръ, знаемъ, что на учрежденіе школы одно лицо жертвуетъ, на примѣръ, цѣлый островъ съ громадными постройками и плантаціями. Въ Англии въ пользу голодающихъ одно лицо подписываетъ, на примѣръ, 250,000 р. И мы съумѣли-бы быть щедрыми, если-бы были богаты, если-бы владѣли тѣми-же экономическими способностями, какими владѣютъ англичане и американцы. Мы не отрицаемъ того, что во многихъ случаяхъ земство поступаетъ и недостаточно предусмотрительно, и даже дѣлаетъ ошибки, вовсе непростительныя для представителя народнаго хозяйства. Но развѣ общество, развѣ порицатель земскаго поведенія не дѣлаетъ еще большей ошибки, заставляя земство быть возломъ отпущенія даже въ томъ, что оно не изобрѣло никакихъ хозяйственныхъ и экономическихъ чудесъ?

Можно было-бы вполне согласиться съ порицателями земства, если-бы они могли вполне доказать, что наши частныя акціонерныя общества, наши компаніи желѣзныхъ дорогъ и наши частныя заводчики, фабриканты, купцы ведутъ свои дѣла и разчетливѣе и дальновиднѣе.

Въ сущности мы переживаемъ теперь моментъ теоретическаго развитія, моментъ популяризаціи такихъ знаній, о какихъ прежде не имѣли понятія, и если старая рутинная практика является на

каждомъ шагѣ парализующей силой, то это происходитъ частью отъ отсутствія экономическихъ средствъ необходимыхъ для осуществленія и примѣненія въ дѣлу новыхъ знаній, а частью отъ недостатка свѣдущихъ людей. Въ этомъ вся причина диссонанса и въ этомъ-же причина, что наши земскіе проекты, безукоризненные съ теоретической точки зрѣнія, на практикѣ являются всегда только извѣстнымъ компромиссомъ.

Выше мы говорили, что земство имѣетъ въ новыхъ врачахъ лучшихъ своихъ помощниковъ, и теперь мы хотимъ представить читателю доказательство, на-сколько земская медицина можетъ способствовать теоретическому воспитанію нашихъ земцевъ. Для этого мы укажемъ на съѣздъ земскихъ врачей пермской губерніи и на „Общество врачей города Казани“. Здѣсь-же читатель увидитъ и причины, которыя заставляютъ земство прибѣгать къ компромиссамъ.

На первомъ съѣздѣ земскихъ врачей пермской губерніи вопросъ о народномъ здоровіи былъ поставленъ самымъ широкимъ и послѣдовательнымъ образомъ. Счастье человѣка въ здоровьѣ, сказалъ предсѣдатель съѣзда И. И. Молессонъ. Всѣ остальные условія, изъ которыхъ слагается счастье, — образованіе, богатство, — легко приобретаются даже послѣ утраты, или, развѣ приобретенныя, навсегда остаются при насъ, тогда-какъ здоровье нельзя возобновить и всякая болѣзнь уноситъ безвозвратно большую или меньшую сумму силъ организма. Здоровье для человѣка — все.

Если здоровье такъ важно для отдѣльнаго человѣка, то оно столь-же важно и для общества, состоящаго изъ отдѣльныхъ людей. Если здоровъ и силенъ каждый отдѣльный человѣкъ — будетъ здорово и сильно общество. Здоровье есть наилучшее мѣрило матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія общества. Двѣсти лѣтъ назадъ средняя продолжительность человѣческой жизни въ Швейцаріи была въ половину короче нынѣшней, и матеріальное благосостояніе Швейцаріи было тоже въ половину хуже нынѣшняго. Нынче средняя жизнь достаточныхъ классовъ равняется 50 годамъ, а бѣдныхъ только 32. Земству, какъ справедливо сказалъ предсѣдатель, больше чѣмъ кому-либо нужно знать законы, управляющіе жизнью и здоровьемъ людей, чтобы безошибочно рѣшать свои вопросы. Поэтому, среди множества другихъ вопросовъ, вопросъ о народномъ здоровіи долженъ лечь въ

основаніи всей земско́й дѣятельности, служить исходнымъ пунктомъ всѣхъ рѣшеній.

Къ сожалѣнію, у насъ и до сихъ поръ не установился еще окончательно опредѣленный взглядъ на земскую медицину. Одни хотять, чтобы лечить только въ больницахъ, другіе требуютъ, чтобы врачи дѣлали разъѣзды, третьи, наконецъ, предпочитаютъ фельдшерское леченіе.

Русскій народъ не имѣетъ понятія о гигиенѣ и смотритъ на медицину, какъ на помощь исключительно терапевтическую. Но можетъ-ли врачъ быть именно такимъ терапевтомъ, какого хотять въ немъ видѣть? На земскаго врача приходится отъ 30 до 50 т. сельскаго населенія, разбросаннаго обыкновенно на обширномъ пространствѣ. Если-бы врачъ ѣздилъ безустанно и день, и ночь, то едва-ли и тутъ онъ былъ-бы въ состояніи принести дѣйствительную пользу. Вотъ почему многія земства пришли къ несчастной мысли передать леченіе въ руки фельдшеровъ. Они разсуждали весьма справедливо, что фельдшера можно приготовить скорѣе и на жалованье одного врача можно держать отъ четырехъ до пяти фельдшеровъ. Пользу фельдшеровъ очень вѣрно охарактеризовалъ предсѣдатель сѣзда, который сказалъ, что пройдя втеченіи восьми лѣтъ всей своей службы земству всѣ фазисы земской медицины въ губерніяхъ самарской, казанской, вятской и пермской, онъ до сихъ поръ не встрѣчалъ ни одного фельдшера, о которомъ могъ-бы сказать, что онъ приноситъ ощутительную пользу обществу или народу. „Я не могу, разумеется, отрицать того, сказалъ г. Моллесонъ, что во многихъ случаяхъ, давая хининъ фельдшеръ вылечиваетъ лихорадку, складывая удачно переломъ, онъ избавляетъ подчасъ крестьянина отъ смерти, подозрѣвая сифилисъ въ матери и доводя объ этомъ до свѣденія врача, онъ избавляетъ семейство и даже цѣлое поколѣніе отъ зараженія. Но это только одна сторона медали“. За самыми рѣдкими исключеніями, фельдшера, по словамъ г. Моллесона, эмпирики-шарлатаны, неотличающіеся ничѣмъ отъ деревенскихъ знахарей. Знахарь — неразвитый мужикъ въ армякѣ, фельдшеръ — такой-же въ сущности ограниченный недоросль, но завѣдомо безнравственный плутъ, прикрывающійся не армякомъ, а дипломомъ. Знахарь большею частью осторожнѣе, челоуѣколюбивѣе и гуманнѣе. Фельдшеръ-же, чѣмъ онъ практикуетъ само-

стоятельнѣе, тѣмъ болѣе онъ дѣлается безнравственъ въ леченіи, тѣмъ болѣе онъ ожесточается, тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ наглѣе дѣлается онъ зло. Г. Моллесонъ указывалъ на случаи ампутаціи рукъ и ногъ, произведенныя фельдшерами простой столярной пилой и деревенскимъ косаремъ безъ хлороформа. Въ одномъ изъ упомянутыхъ случаевъ во время рѣзни сломалась пила, другой въ деревнѣ не нашлось и нужно было съѣздить за пилой въ сосѣднюю деревню, а полушьяный фельдшеръ хладнокровно дожидался инструмента. Бывали случаи, когда фельдшеръ переламывалъ серебряный катетеръ, вводя его въ пузырь; когда сифились смѣшивалъ съ скарлатиной. Одинъ изъ докторовъ показалъ, что втеченіи трехъ лѣтъ всѣхъ больныхъ въ шести пріемныхъ покояхъ яринскаго уѣзда было до двухсотъ человекъ. Изъ нихъ, судя по книгамъ, треть вышла не вылечившись, — слѣдовательно, даромъ пролежала въ больницѣ; затѣмъ одна четверть была больна лихорадкой. На долю-же остальныхъ 70—80 человекъ достались — падучая болѣзнь, воспаленіе глазъ, ревматизмъ, сифились, костоѣда. Больные ревматизмомъ проводили въ больницѣ отъ 4 до 5 дней и затѣмъ слѣдовала отмѣтка: „sanus est“; больные воспаленіемъ глазъ отъ 2 до 4 дней и — „sanus est“; костоѣда—6 дней и опять „sanus est“. И такой короткій срокъ излеченія болѣзней, требующихъ, напротивъ, долгаго времени для возстановленія больного!..

Ясно, что терапевтическое леченіе не можетъ быть передано въ руки фельдшеровъ. Но въ то-же время и невозможность имѣть столько врачей, сколько нужно, отнимаетъ вѣру въ исключительно терапевтическое направленіе земской медицины. Тогда-то обратились къ другой сторонѣ медицины, которая не лечитъ, но предупреждаетъ болѣзни. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда различнаго рода эпидеміи постоянно поражаютъ населеніе цѣлыми массами, намъ были совершенно неизвѣстны ни причины этихъ эпидемій, ни условія ихъ повальности, ни обстоятельства русской жизни, благопріятствующія распространенію ихъ и развитію. Врачамъ-гигиенистамъ открывалось дѣйствительно широкое поприще, никѣмъ еще нетронутое и неразработанное, — поприще, на которомъ врачи могли оказать дѣйствительно громадную услугу обществу.

Но какъ-бы гигиеническія изслѣдованія и гигиеническая помощь

ни были дѣйствительны, гигиена, какъ наука, далеко еще не въ состояніи предупредить всѣхъ страданій, какъ, напримѣръ, болѣзни, происходящія отъ случайныхъ причинъ, болѣзни, неразлучныя съ извѣстными занятіями и профессіями. Очевидно, что гигиена не можетъ исключить совершенно терапію и потому приходится остановиться на мысли, что гигиеническое направленіе должно идти рядомъ съ терапевтическимъ, помогая одно другому и разъясняя условія жизненности и болѣзненности извѣстныхъ мѣстностей, извѣстныхъ состояній и положеній жителей селеній и городовъ.

Медицина, какъ и многія другія науки, развилась въ большихъ городахъ, этихъ основныхъ центрахъ умственной дѣятельности, а потому и практическая сторона медицины приспособлена только къ городской жизни. Въ городѣ каждый докторъ — отличный терапевтъ; но какъ только ему приходится давать совѣты деревенскимъ жителямъ, онъ тотчасъ-же надѣлаетъ цѣлую кучу несообразностей. И въ самомъ дѣлѣ, что вы присовѣтуете крестьянину, одержимому сифилисомъ? Есть-ли какая-нибудь возможность не только въ суровыхъ сѣверныхъ, но даже и въ южныхъ губерніяхъ, при той обстановкѣ, при какой находится крестьянинъ, лечить его общепринятыми методами и меркуріальными средствами съ различнаго рода decoctami, ваннами и т. д.? Въ большинствѣ болѣзней, гдѣ діететика и гигиена гораздо важнѣе всякихъ лекарствъ, врачу остается одно средство — дать крестьянину совѣтъ лечь въ больницу. Врачъ-гигиенистъ совершенно безсиленъ противъ анти-гигиеническихъ условій жизни нашего сельскаго населенія, и въ то-же время практическая медицина не выработала никакихъ методовъ леченія, подходящихъ къ крестьянскому образу жизни и къ условіямъ нашего деревенскаго быта. Значить, остается одно средство — лечить народъ въ больницахъ. Но тутъ новая бѣда.

Послѣ крымской войны Н. И. Пироговъ объявилъ себя непримиримымъ врагомъ громаднхъ больничныхъ зданій. Въ своемъ имѣніи, находящемся въ каменецъ-подольской губерніи, г. Пироговъ послѣ трудныхъ операцій помѣщалъ больныхъ по крестьянскимъ хатамъ и получалъ блестящіе результаты. Но г. Пироговъ, отдающій предпочтеніе баракамъ передъ госпитальными зданіями, высказываетъ, однако, сомнѣніе, чтобы у насъ въ Рос-

сіи, въ особенности на сѣверѣ, могла-бы удержаться система баракъ.

Да и бараки будетъ очень трудно поставить въ возможность согласованія всѣхъ условій успѣшности леченія, несмотря на то, что медицина уже прочно установила опредѣленные правила, какъ для выбора мѣстности, такъ и для самой постройки больничныхъ зданій.

Самая удобная больница, конечно, та, которая находится на постоянно свѣжемъ воздухѣ. Изъ сдѣланныхъ въ Англіи изслѣдованій видно, что въ городахъ умираетъ изъ тысячи: отъ чохотки 43,6, отъ тифа 14,6. Въ деревняхъ-же—35 и 9,4. Нѣкоторые изъ русскихъ врачей возражаютъ, что цифры подобной несоразимѣрной смертности городовъ и деревень могутъ относиться только къ такимъ густонаселеннымъ центрамъ, какъ Лондонъ, Парижъ, Петербургъ; но изъ немногихъ наблюденій, сдѣланныхъ и у насъ, оказывается, что наши небольшіе города, повидимому, пользующіеся возможностью чистоты воздуха, въ дѣйствительности такъ-же нездоровы, какъ и скученные большіе города. Причину этого пужно искать, конечно, въ томъ, что чѣмъ нашъ городъ меньше и глуше, тѣмъ онъ грязнѣе и вонючѣе, тѣмъ патриархальнѣе онъ относится ко всякимъ нечистотамъ и не отличается въ этомъ отношеніи ничѣмъ отъ деревни. Изъ наблюденій доктора Снигирева надъ тифозной горячкой въ тульской губерніи оказывается, что смертность отъ нея въ больницахъ равняется 1 изъ 4—6. Такъ:

въ 1863 году изъ 149 тифозныхъ умерло	31
— 1864 — — 272 — —	38
— 1865 — — 447 — —	71

Одна изъ относительно лучше устроенныхъ больницъ, какова тульская, говоритъ г. Снигиревъ,—нисколько въ этомъ отношеніи не отличается отъ остальныхъ и также точно тифозные больные умираютъ въ ней 1 изъ 5. Между тѣмъ, какъ въ то-же самое время въ селеніяхъ смертность болѣе чѣмъ вполнину меньше,—1 изъ 9—11. Такъ:

въ 1863 году изъ 65 общаго числа умерло	7
— 1864 — — 278 — —	31
— 1865 — — 573 — —	53

Н. И. Пироговъ многолѣтними наблюденіями пришелъ тоже къ

тому выводу, что лучшее мѣсто для благопріятныхъ исходовъ болѣзней—деревня.

Но однимъ выборомъ мѣста вопросъ еще не исчерпывается. Нужно, чтобы здоровый воздухъ обуславливался самой почвой и растительностью. Почва должна быть суха, не должна содержать въ себѣ никакихъ животныхъ и растительныхъ остатковъ и представлять условія свободнаго стока всасывающейся воды, т.-е. лежать на подпочвѣ изъ твердыхъ, непромокаемыхъ породъ. Песокъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества наибольшей пригодности, глина-же удерживаетъ воду въ 10 разъ болѣе, а черноземъ—въ 40 разъ. Но песокъ только въ такомъ случаѣ будетъ самой здоровой почвой, если подъ нимъ нѣтъ глины или, по крайней мѣрѣ, она лежитъ глубоко. Долгое застаиваніе воды въ почвѣ и медленный ея стокъ производятъ сырость и способствуютъ разложенію органическихъ веществъ. Но мало и того, чтобы почва была здорова сама по себѣ. Рано или поздно почва подъ госпитальнымъ мѣстомъ пріобрѣтаетъ вредоносныя начала и становится источникомъ зараженія, если не будетъ устроена настоящая канализація, если не будутъ устроены стоки для кухонныхъ, прачечныхъ и другихъ нечистотъ. Растительность при этомъ играетъ очень слабую роль, хотя до сихъ поръ думали, что растенія, поглощеніемъ угольной кислоты и выдѣленіемъ кислорода, способствуютъ освѣженію воздуха. Изъ вычисленій Жаннеля оказывается, что нужна почти цѣлая десятина лѣса, чтобы сколько-нибудь уравновѣсить порчу атмосферы, производимую дыханіемъ двухъ человѣкъ. Количество углекислоты, выдѣляемое сто-девяносто-четырьмя тысячами жителей города Бордо, по вычисленію того-же Жаннеля, можетъ быть разлагаемо только 50,000 гектаровъ лѣса. Шеврель замѣчаетъ, что если-бы деревья и давали значительное количество кислорода, то онъ никакъ не спускался-бы внизъ, но, по своей относительной легкости, поднимался-бы вверхъ, и населеніе, живущее въ нижнихъ слояхъ атмосферы, выиграло-бы мало отъ обилія кислорода въ верхнихъ слояхъ. Наконецъ, опыты Бусенго показали, что многія растенія подъ вліяніемъ солнца выдѣляютъ окись углерода. Вообще въ новое время сильно поколебалась вѣра въ санитарную роль зелени. Обильный источникъ влаги въ почвѣ обуславливается всегда находящеюся на ней растительностью. Не только густая тѣнь деревьевъ способствуетъ скопленію

влаги, но даже и трава. Такимъ образомъ, изобиліе растительности дѣйствуетъ скорѣе вредно на составъ воздуха, чѣмъ полезно.

Съ какою-бы тщательностью ни было избрано мѣсто для больницы, но условія гигиены будутъ соблюдены только тогда, когда имъ будутъ удовлетворять и самыя зданія.

Соотвѣтственная санитарнымъ условіямъ постройка больницы—вопросъ не только трудный, но и дѣло очень дорого стоящее. Ни штукатурка, ни бѣленіе, ни лакированные обои, ни даже изразцы не представляютъ гарантіи противъ больничныхъ миазмовъ. Весъ этотъ строительный матеріалъ имѣетъ способность поглощать органическія вещества и, кромѣ того, даетъ трещины, которыя вбираютъ въ себя пыль, насѣкомыхъ и другія нечистоты, образующіяся въ больницахъ. Напримѣръ, въ одной нью-іорской больницѣ, въ сѣверной Америкѣ, появился госпитальный антоновъ огонь. Ни удаленіе мебели, ни удаленіе больныхъ не предохраняло вновь поступавшихъ отъ этой болѣзни. Тогда закрыли на время палату и выбѣлили вновь стѣны—болѣзнь все продолжалась. Сбили штукатурку, оштукатурили стѣны вновь—и все-таки явились новые случаи заболѣванія. Наконецъ, стѣны были разобраны совершенно, вмѣсто нихъ возведены другія и только тогда болѣзнь прекратилась. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что штукатурки, передѣлывающіе больничныя палаты, очень часто заболѣваютъ тифомъ и другими болѣзнями. Извѣстны случаи новыхъ заболѣваній холерой въ тѣхъ палатахъ и частныхъ домахъ, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ, за полгода, даже за годъ, помѣщались холерные больные. Пыль, собранная на стѣнахъ залы св. Августина въ госпиталѣ St.-Louis, въ хирургическомъ отдѣленіи, дала 46% органическихъ веществъ. При ея сжиганіи ясно слышался запахъ жженого рога, а смоченная она быстро загнивала.

Относительно больничнаго пола, первое условіе—непромокаемость. По мнѣнію французскихъ гигиенистовъ, лучшій полъ для палатъ—деревянный, вощеный. Паркетъ для госпиталя считается во Франціи не роскошью, а необходимостью. Уже въ 1865 году врачи парижскаго Hôtel Dieu горько жаловались на обычай мыть полы въ больничной палатѣ. И это вполне понятно, если вспомнить, что мытье половъ, смачивая громадную поверхность, не только увеличиваетъ сырость воздуха до 20% и понижаетъ тем-

пературу градуса на 3, но и вмѣстѣ съ паромъ воды поднимаются вещества, пропитывавшія полъ. Кому неизвѣстенъ запахъ, развивающійся непосредственно вслѣдъ за мытьемъ половъ? Упомянутый паркетный полъ устраняетъ всѣ эти неудобства.

Теплота и чистота воздуха,—это самыя необходимыя и основныя условія больничнаго режима. Морэнъ, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ въ Парижѣ и по собственнымъ опытамъ, требуетъ слѣдующаго количества воздуха на одного человѣка въ часъ: въ больницѣ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ днемъ и ночью 2,825 кубическихъ футовъ, во время перевязочныхъ часовъ 4,236 и во время эпидемій 5,650. Въ госпиталѣ Вожонъ, въ Парижѣ, было вычислено, что запахъ въ хирургическихъ палатахъ послѣ перевязокъ не устраняется 2,118 к. ф. на человѣка въ часъ. Грасси говоритъ, что въ одной палатѣ госпиталя Неккеръ въ Парижѣ, несмотря на то, что вентиляція давала 3,600 к. ф. на человѣка въ часъ, распространялся замѣтный запахъ отъ одной раковой язвы. Теперь считается наилучшимъ леченіемъ для больныхъ съ гнойнымъ зараженіемъ держать ихъ почти на свободномъ воздухѣ. Въ сыпномъ и брюшномъ тифѣ, въ оспѣ и чумѣ важнѣе діеты и лекарствъ выставлять больныхъ на свободный воздухъ. На-сколько чистый воздухъ и совершенная вентиляція вліяютъ на успѣшность леченія, указываютъ, между прочимъ, слѣдующіе факты. Напримѣръ, съ 1864 года въ родильной больницѣ въ Вѣнѣ, когда, при старой системѣ вентиляціи, приходилось на каждую больную только 360 к. ф. воздуха, изъ тысячи родильницъ умирало тридцать. Съ введеніемъ лучшей вентиляціи, доставляющей 2,150 к. ф. воздуха, изъ тысячи больныхъ стало умирать только пять. Интересный случай сообщаетъ г. Соболящиковъ. Пятая петербургская гимназія для приходящихъ учениковъ помѣщалась въ купленномъ домѣ, построенномъ не съ учебными цѣлями, а для отдачи въ наймы. Комнаты не отличались ни высотой, ни глубиной, ни вообще размѣромъ. При перестройкѣ дома для гимназій въ немъ выломали только деревянныя переборки, и хотя классныя комнаты вышли довольно просторными, но потолки остались по-прежнему низки и воздуху въ комнатахъ много быть не могло. Въ такомъ видѣ гимназія существовала много лѣтъ, и, по заявленію директора, не проходило зимою ни одной недѣли, чтобы кто-нибудь изъ учащихся не за-

болѣвалъ въ самой гимназіи во время классовъ и не былъ-бы отправленъ домой въ сопровожденіи служителя. Чаще всего заболѣвали ученики низшихъ классовъ. Высшее начальство, обративъ вниманіе на этотъ недостатокъ дома, распорядилось устроить вентиляцію, и съ тѣхъ поръ случаи заболѣванія прекратились. Но на-сколько хорошая вентиляція и хорошее отопленіе, при всей ихъ гигиенической неизбѣжности, трудно достижимы при нашихъ земскихъ средствахъ, покажетъ слѣдующій расчетъ. Всѣ способы отопленія сводятся къ тремъ главнымъ типамъ: отопленіе горячею водою, отопленіе паромъ и отопленіе посредствомъ печей, колориферовъ или каминовъ. Приспособленіе для отопленія водою или паромъ, въ связи съ вентиляціей, обходится на каждую кровать отъ 120 до 200 руб. А ежегодная ремонтровка, съ отопленіемъ, отъ 12 до 25 руб. Слѣдовательно, дѣлая расчетъ на больницу въ 300 кроватей, первоначальное обзаведеніе потребуетъ расхода въ 36 до 60,000 руб., а ежегодный ремонтъ отъ 3,600 до 7,500 руб. Мы думаемъ, что при нашихъ расходахъ на земскую медицину, составляющихъ въ годъ около 80,000 руб. на губернію, и то какъ исключеніе, едва-ли возможно разсчитывать на расходъ въ 60,000 руб. только на передѣлку печей!

„Если нашъ взглядъ на госпиталь, сказалъ предсѣдатель, — проникнетъ, наконецъ, вездѣ въ убѣжденіе общества, то временные лазареты предпочтутся постояннымъ, и бараки, приноровленные къ различнымъ климатамъ и мѣстностямъ, восторжествуютъ надъ хоромами“. Но сколько нужно времени, спросимъ мы читателя, чтобы общее земское убѣжденіе стало въ уровень съ убѣжденіемъ предсѣдателя и членовъ съѣзда казанскихъ, пермскихъ, петербургскихъ, московскихъ и другихъ земскихъ врачей? А когда это убѣжденіе сдѣлается общимъ, будутъ-ли соотвѣтствовать ему высота денежныхъ средствъ общества, наконецъ сколько пройдетъ времени прежде, чѣмъ выстроится повсюду бараки лазареты? Отчетъ, которымъ мы пользуемся, говоритъ, что въ Россіи по барачной системѣ выстроена только одна Рождественская больница въ Петербургѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ хотя и готовы уже два дома для нѣсколькихъ кроватей, но они не типичны и имѣютъ много неудобствъ. Въ послѣднюю сессію, говоритъ отчетъ, — самарское земство ассигновало значительную сумму на постройку, вѣсто стараго зданія, больницы по системѣ бараконъ. Въ пермской

губерніи, кажется, только въ одномъ Асинскомъ уѣздѣ проектируются настоящіе бараки. Что-же касается другихъ мѣстъ Россіи, то земства—вслѣдствіе-ли особыхъ взглядовъ на экономію или въ силу иныхъ какихъ соображеній—ограничиваются одной поправкой престарѣлыхъ своихъ зданій, забывая изрѣченіе, что въ старые мѣха новое вино не вливаютъ.

Теперь мы укажемъ на другую, болѣе практическую и непосредственную услугу земскихъ врачей, и именно „Общества врачей города Казани“.

Казанское общество образовалось въ 1863 году и въ началѣ имѣло чисто-ученое, университетское направленіе. Засѣданія отличались безжизненностью и въ нихъ чувствовалась какая-то робость и неравенство отношеній. Общество оживилось, когда въ него вошли новые, свѣжіе люди, и когда, оставивъ отвлеченную науку, оно задалось вопросами общественной гигиены.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій обновившагося общества была его попытка къ изслѣдованію болѣзненности края и изданіе „Дневника“. Съ самаго начала изъ 55 практикующихъ врачей изъявили желаніе доставлять свѣденія 42, и въ первый-же годъ, благодаря „Дневнику“, не только опредѣлились господствующія болѣзненные формы города Казани, но и нѣкоторая зависимость ихъ отъ мѣстности, занятій, возраста и т. п. Такъ, сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что самый болѣе процентъ заболѣва-ній (36) падаетъ на перемежающуюся лихорадку и что она гнѣздится въ особенности въ нѣкоторыхъ казармахъ, на заводахъ, помѣщающихся въ мѣстахъ болѣе низменныхъ, и поражаетъ чаще всего солдатъ, затѣмъ занимающихся домашнимъ хозяйствомъ, наконецъ, фабричныхъ и чернорабочихъ. Любопытно, что прежняя, офиціальная мѣстная медицинская статистика не могла въ нѣсколько лѣтъ овладѣть матеріаломъ болѣзненности, а „Дневникъ“ достигъ этого въ первый годъ.

Вмѣстѣ съ изданіемъ „Дневника“ „общество“ предприняло санитарное изслѣдованіе въ особенности общественныхъ заведеній. Первый санитарный осмотръ былъ сдѣланъ въ 1870 году, во временной больницѣ для холерныхъ, устроенной земствомъ при устьѣ рѣки Казанки. Устроенная на 13 больныхъ, больница могла вмѣщать въ себѣ только 5. Кромѣ того, было усмотрѣно неправильное употребленіе дезинфицирующихъ средствъ. „Общество“

сообщило результаты своихъ изслѣдованій казанской уѣздной управлѣ, и указанныя членами санитарной комиссіи мѣры были приведены въ исполненіе. Въ томъ-же году были осмотрѣны по случаю холеры нѣкоторыя гостиницы, трактиры, постоянныя дома и жилища рабочихъ артелей, которыхъ оказалось въ Казани 163. Самымъ ужаснымъ было помѣщеніе для проституттокъ на Пескахъ, въ домѣ Карпова. Домъ этотъ какъ-бы служилъ разсадникомъ холеры; онъ доставилъ разомъ въ больницу нѣсколько холерныхъ и въ гигиеническомъ отношеніи представлялъ, дѣйствительно, нѣчто чудовищное.

Вмѣстѣ съ осмотромъ помѣщеній обратилъ на себя вниманіе вопросъ объ очищеніи городскихъ нечистотъ. Конечно, изслѣдованіе показало, что для дезинфекціи и ассенизаціи Казань не дѣлаетъ ничего, что городскія нечистоты вывозятся прямо въ поле подъ городомъ и остаются на поверхности до тѣхъ поръ, пока весенній разливъ не покроетъ ихъ собою. Затѣмъ Казань пьетъ весною эту воду; отравленная Казанью вода, уносимая Волгою внизъ, продовольствуетъ собою еще цѣлый приволжскій край.

Изъ санитарныхъ изслѣдованій, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ народному здоровью, мы укажемъ на оспопрививаніе. Извѣстно, что оспопрививаніе въ томъ видѣ, какъ оно у насъ организовано, было подсказано чрезвычайно гуманной мыслью—правильно вакцинировать 80,000,000 населеніе. Къ сожалѣнію, въ томъ видѣ, какъ сложилась вся оспопрививательная система, ее справедливо называютъ не больше, какъ гуманною мечтою. Деревенскіе оспопрививатели представляютъ ежегодно врачамъ отчеты, наполненные весьма почтенными цифрами вакцинированныхъ дѣтей, и если-бы оспопрививаніе въ дѣйствительности было тѣмъ, что читается о немъ въ отчетахъ оспопрививателей, то Россія, конечно, давно-бы уже не знала оспенной эпидеміи. Къ сожалѣнію, оспенная эпидемія, какъ оказывается, свирѣпствуетъ какъ разъ именно въ центрахъ оспопрививанія. Находясь втеченіи 100 лѣтъ въ рукахъ невѣжественныхъ оспопрививателей, оспопрививаніе дало результаты, доказывающіе самымъ блистательнымъ образомъ несостоятельность цѣлой системы. Оспопрививатель есть лицо выборное, и крестьяне, непридающіе особеннаго значенія оспопрививанію, выбираютъ обыкновенно въ оспопрививатели людей негодныхъ, лѣнивыхъ, недобросовѣстныхъ, замѣченныхъ въ чемъ-ни-

будь. Въ оспопрививатели идетъ большею частью народъ, которому нравится разгульная жизнь, вѣчные переѣзды и перемѣна мѣста, и рассчитывающій въ то-же время на доходъ, потому что крестьяне и до сихъ поръ, а въ особенности старовѣры, готовы откупаться отъ оспопрививанія. Оспопрививатели къ тому еще большею частью малограмотны и не имѣютъ самыхъ элементарныхъ понятій въ своемъ дѣлѣ. Правда, законъ говоритъ, что оспенникъ долженъ прививать оспу подъ наблюдениемъ врача, но какой-же врачъ имѣетъ возможность услѣдить за дѣйствіями оспопрививателя? Конечно, многія изъ причинъ неудовлетворительности оспопрививанія не могутъ быть уничтожены въ короткое время, потому что единственное средство для ихъ устраненія заключается въ улучшеніи и умственного, и экономического состоянія народа, но есть причины, устранимыя и легче. До сихъ поръ оспопрививаніе было дѣломъ мужчинъ, и пермскіе врачи для успѣшности этого дѣла — полагали передать его въ руки женщинъ. Во-первыхъ, женщина ласковѣе и мягче обходится съ дѣтьми, чѣмъ мужчина, а во-вторыхъ, тщательнѣе и добросовѣстнѣе ведетъ всякое дѣло, за которое возьмется. Наконецъ, и по своему вліянію, и по своему значенію въ семьѣ она болѣе способна для пропаганды, ибо оспопрививаніе и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ считается грѣховной затѣей.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ окончить своей лѣтописи о санитарной дѣятельности врачей такъ, какъ-бы мы хотѣли ее заключить. Отношеніе земства къ врачамъ и врачей къ земству привело, наконецъ, къ такимъ недоразумѣніямъ, которыя современнымъ, конечно, должны разъясниться, но которыя тѣмъ не менѣе въ настоящее время парализуютъ такъ хорошо начатое дѣло. Недоразумѣніе возбудило вопросъ о власти и о вторженіи врачей въ права земства, вызвавъ обвиненіе ихъ въ покушеніи на цивилизацію земскихъ дѣятелей. Любопытно, что и профессоръ гигиены А. И. Якобій, бывшій въ то-же время и членомъ общества врачей, и гласнымъ губернскаго земства, усмотрѣлъ тоже въ дѣятельности общества казанскихъ врачей желаніе власти. „Принципъ выбора, говоритъ г. Якобій, составляетъ ореолъ земства, а потому его права не могутъ быть передаваемы иначе, какъ на основаніи того-же принципа. Санитарныя учрежденія процвѣтаютъ тамъ, продолжаетъ онъ, гдѣ они находятся въ рукахъ избранныхъ

лицъ, а не врачей. Но мы думаемъ, да такъ думаютъ и всѣ, соприкосновенные къ обвиненію, врачи, что на земскую власть никто никогда и не покушался, никто никогда не хотѣлъ огрѣчить земскій ореолъ. Врачамъ не хотѣлось только одного—ставить себя въ полную зависимость отъ лицъ некомпетентныхъ въ санитарныхъ и гигиеническихъ вопросахъ.

Несмотря на то, что и въ пермской, и въ казанской губерніяхъ первоначальныя усилія врачей не привели къ тѣмъ, вполне полезнымъ результатамъ, которыхъ можно было-бы ожидать, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что санитарный вопросъ замолкъ только на-время, что земская медицина получитъ, наконецъ, въ сознаніи земства ту руководящую роль, какая ей принадлежитъ, и что если земцамъ иногда и казалось обиднымъ, что ихъ учатъ врачи, то имъ все-таки не миновать ихъ науки.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

ДѢЛО

(Въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 39.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Автобіографія Джона Стюарта Мила. Переводъ съ англійскаго. Подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Происхожденіе человѣка, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печатн. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно 2 р.

Вопросы общественной гигіены, В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Комедія Всемирной исторіи, Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Въ двухъ томахъ. Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна обоимъ томамъ 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к. Каждому тому отдѣльно цѣна 2 р.

Популярная гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Ренлама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской шіены* д-ра М. С. Зеленскаго, и вступительной ст. В. О. Португалова: «Безпредѣльность гигіены». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины, Дж. Ст. Мила. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: *Историческе женскіе типы*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи, Д-ра В. Циммермана. Составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печатн. листовъ. Цѣна тремъ томамъ 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Юля Сара. Перев. съ французск. подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи Дж. Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ
А. БОРТНЕВСКАГО,

Въ С.-Петербургѣ, на углу Троицкаго и Графскаго переулка,
ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Ожерелье королевы Маріи-Антуанеты. Историческій романъ А. Дюма, переводъ съ франц. Н. А. Лачинова.

Вторая жена. Новый романъ Эд. Стивенса, перев. съ англійскаго А. В. Солодовниковой.

Оба романа составляютъ одинъ большой томъ, 650 страницъ убористой, четкой печати и напечатаны безъ предварительной цензуры; цѣна 2 руб., вѣсов. за 2 фунта.

Экономическія Палліативы. Соч. А. Михайлова; цѣна 75 коп., вѣс. за 1 фунтъ.

Сочиненія А. Михайлова, 5 томовъ, цѣна 10 руб., вѣсов. за 10 фунт.

Ассоціаціи въ Германіи, Франціи и Англии, сочиненіе А. Михайлова, цѣна 2 руб. 50 к., вѣсов. за 2 фун.

Пролетаріатъ во Франціи, сочиненіе А. Михайлова, цѣна 1 р. 50 к., вѣсов. за 2 фун.

Физиологія размноженія человѣка и животныхъ. Происхожденіе живыхъ существъ, дѣтородные органы мужчины и женщины, безсиліе и бесплодность, менструація и зрѣлость, искусственное оплодотвореніе, беременность, роды, гермафродитизмъ, самопроизвольное зарожденіе. Соч. доктора Густава Лебона, иллюстрированное изданіе, цѣна 1 р. 50 к., вѣсов. за 1 фун.

Тайны Палермскихъ монастырей, соч. Оскара Пю, перев. съ итальянскаго А. Петрова, цѣна 2 р., вѣс. за 2 фунта.

Пережитое. Очерки, рассказы, сцены и стихотворенія Н. И. Куркина, цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 2 фун.

Птичка вылетѣла изъ клѣтки. Новый романъ Джуліи Кавена, перев. съ англійскаго А. В. Солодовниковой, цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 2 фун.

Свадебный визитъ, ком. А. Дюма-сына, пер. А. В. Солодовниковой, цѣна 50 коп., вѣс. за 1 фун.

Памятная книжка для инженеровъ, съ рисунками, сост. Инженеръ-Архитекторъ Графъ Де-Росисфоръ, цѣна 50 к., вѣс. за 1 фун.

Г.г. иностранцы, выписывающіе по вышеозначенному адресу, за пересылку не платятъ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 39)

ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ТОМЫ

НОВАГО РОМАНА В. ГЮГО:

ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Переводъ съ французскаго. Цѣна за оба тома 2 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за половинную цѣну, т. е. 1 руб. безъ пересылки, съ пересылкою 1 р. 30 к.

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ біографическими очерками и портретами автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала «Дѣло» въ 1874 году; 2) объявленіе о выходѣ «Правилъ и программъ для поступленія въ учебныя заведенія» на 1874—1875 годъ; 3) объ изданіяхъ редакціи журнала «Дѣло»; 4) объявленіе отъ книжнаго магазина Бортневскаго.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1874 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (во Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, по Гостиному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; а также въ книжномъ магазинѣ М. М. Черевина, на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С. Петербургъ	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскіе княжества — 20 р.; Франція и Давія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италия — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочна, но не иначе какъ за поручительствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

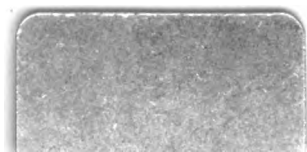

←

Widener Library

3 2044 079 302 097